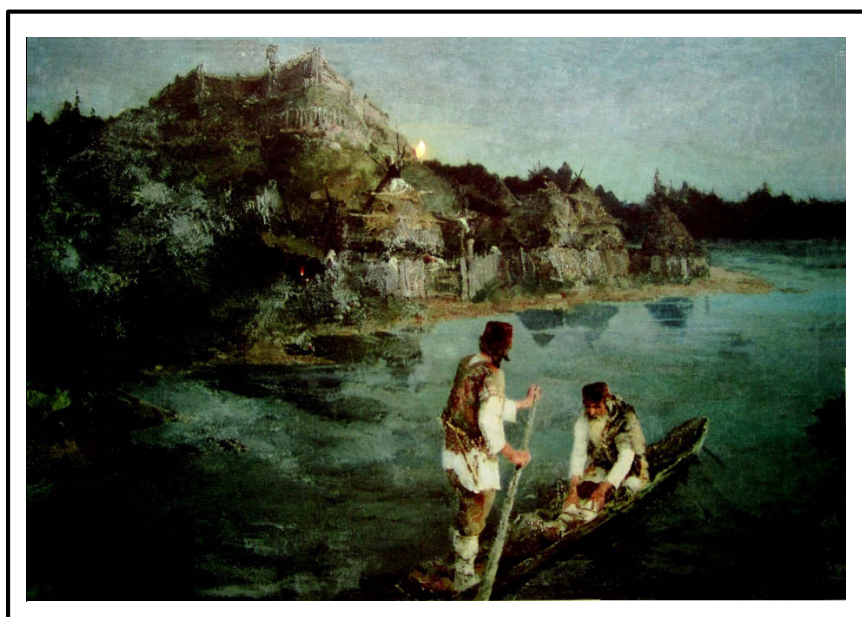

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ

АКАДЕМИЯ

Книга 2

МОСКВА
2018

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ 2014 г

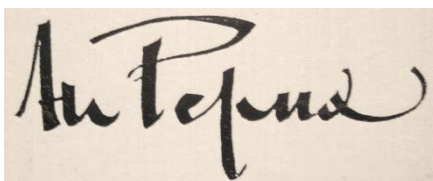
Серия «Литературно-художественное наследие»
Н.К. Рерих «**Великая симфония жизни**»
(Автобиография)
Книга 2. АКАДЕМИЯ

Составитель
Ларкина Тамара Васильевна
Исследователь жизни и творчества Н.К. Рериха
Москва
rerich9.sitecity.ru
tv-larkia@yandex.ru

Редакционная коллегия:
Ларкина Т.В.
Водолажская Т.Ю.
Болдырев О.Г. (подготовка электронной публикации)
Болдырева И.В.

На лицевой стороне обложки:
Н.К. Рерих. Гонец. «Восстал род на род» 1897.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ
(1893 – 1897 гг.)

КНИГА 2
АКАДЕМИЯ

Часть 1.
ВЫБОР ПУТИ ЖИЗНИ

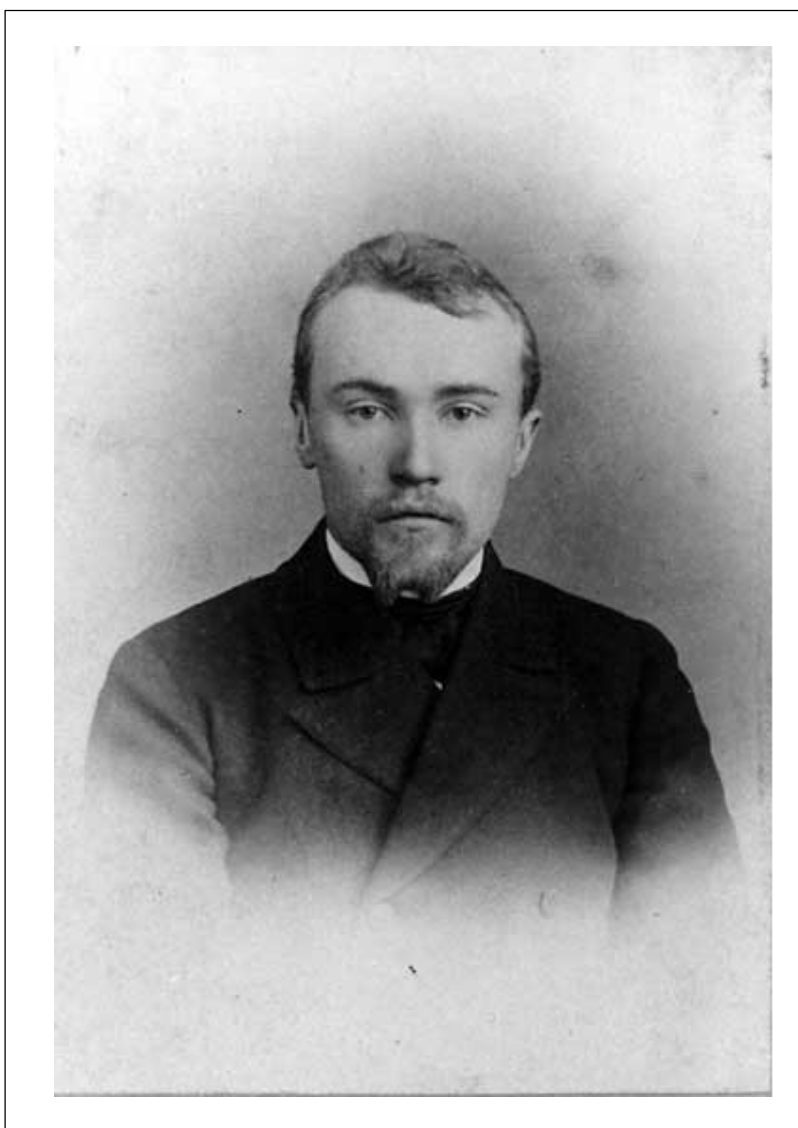
Часть 2.
МАСТЕРСКАЯ КУИНДЖИ

МОСКВА
2018

«Вы знаете, насколько Великий Владыка ценил картины Николая Константиновича, как называл его лучшим современным художником, как хотел утвердить его искусство по всему Миру. И конечно, Великий Владыка имеет план, как собрать картины, как создать Памятник такому исключительному Художнику, Мыслителю и представителю великой человечности в эпоху наибольшей бесчеловечности.

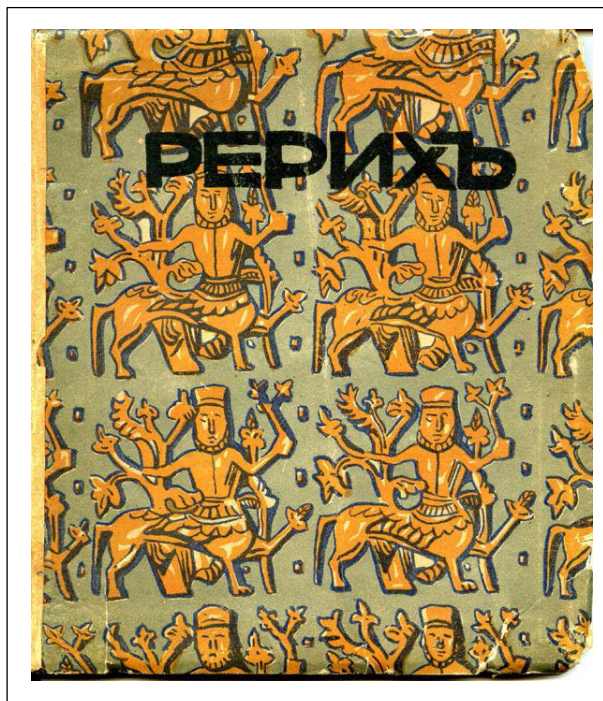
Для этого должен подойти Космический Срок».

Е.И. Перих

Н.К. Рерих

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*Из монографии А.А. Ростиславова «РЕРИХ»,
гл. II. Петроград. Изд. Н.И. Бутковской, 1918 г.:*

Случайно или нет, гимназия Мая оказалась рассадником некоторых наиболее крупных деятелей «Мира Искусства». Здесь ранее воспитывались Александр Бенуа, Сомов, Д.В. Философов. Ко времени окончания гимназического курса в 1893 г. у их более молодого товарища склонности сложились определённно. Он решил поступить на филологический факультет Петербургского университета, но по настоянию отца, желавшего в будущем передать ему свою контору, должен был поступить на юридический. Зато уступка была взаимной и одновременно Рерих становится учеником Академии Художеств, куда благополучно сдаёт экзамен по рисованию. Это было время только что произведённой академической реформы, когда были основаны профессорские мастерские и в профессора были привлечены известнейшие художники того времени, с Репиным и Куинджи во главе.

Реформа не оказалась благодетельной, но, как всегда в подобных случаях, первое время повеяло свежестью, известной энергией и напряжённостью в общей работе, свободной хотя бы в выборе профессоров. В этом отношении Рерих был счастливей своих предшественников, товарищей по гимназии, которые после кратковременного пребывания, вынесли только отвращение к дореформенной Академии. К художественным успехам молодого студента двух высших учебных заведений в семье относились равнодушно, может быть,

даже с тревожным недоброжелательством. А между тем уже самые первые успехи были крупны. Поступив в головной класс, в октябре того же года. Рерих был переведён в фигурный, а к весне в натурный, сократив, таким образом, до возможного *minimum*'а пребывание в двух первых классах.

Надо удивляться работоспособности и энергии художника в эти совсем ещё юношеские годы. Одновременно с университетским курсом приходилось проходить не только специальные художественные классы, а и научные академические курсы, сдавать одновременно с университетскими довольно сложные академические экзамены, писать зачётное университетское сочинение. Естественно, что следуют прошения об отложении экзаменов по научным академическим курсам до получения университетского диплома в 1897 г., а потом до 1899 г., благодаря чему академический диплом подписан только 20 апреля 1900 г. ¹ [20 марта 1898 г. – ред.]

Но помимо сложных обязательных занятий, находилось ещё время работать над летописями в Публичной Библиотеке, где состоялось знакомство с В.В. Стасовым. Любопытно, что столь яркая художественно-публицистическая деятельность Стасова как-то не интересовала и даже мало была известна Рериху, он был тогда далёк от литературной и художественной партийности и однажды поверг в ужас Стасова, сообщив, что показал одну из своих былин Буренину. Но, может быть, именно благодаря такому безразличию, особенно бросалась в глаза искренность и глубина увлечения стариной. Стасов, так радушно и любовно относившийся к тем, кто его интересовал, очевидно, заинтересовался молодым археологом, студентом и художником, звал его “приходить” и это знакомство, но исключительно в пределах Публичной Библиотеки, продолжалось довольно долго.

Углубление в изучение искусства шло в связи с общим высшим образованием, с духовной и научной университетской дисциплиной, что так благотворно сказалось и на других университетски образованных художниках “Мира Искусства”. Столь редкие прежде и нередкие сейчас университетски образованные художники вносят в своё искусство ту широту и тонкость общей культурности, которые так роднят искусство с другими областями духовной деятельности и так популяризируют его в лучшем смысле. Слияние дисциплин научной и художественной даёт богатую почву для широкого общего развития и миропонимания. Юристом-художником искусство прошлого, столь ярко выражавшее известные исторические эпохи, воспринималось под углом зрения общественных и социальных наук. И в зачётном сочинении “Художники древней Руси” юридически-бытовая тема слилась с художественно-исторической.

Помимо благотворного влияния Спицына, Стасова, выдававшихся тогда профессоров юридического факультета Сергеевича, Фойницкого, Рерих в свои учебные годы подвергся ещё одному важному художественно-этическому влиянию. Подобно многим ученикам Академии, попав в натурный класс, он начал несколько “путаться”, благодаря отсутствию серьёзного руководства. Так обычно именно талантливых художников преодолевают первое время после гипсов сложные задачи рисования и живописи с живой природы. Мастерская Куинджи, как и сам профессор, уже пользовались тогда большой попу-

---

¹ В монографии А.А. Ростиславова ошибка. В дипломе стоит дата: 20 марта 1898 г. (см. Диплом на стр. 359 – ред.)

лярностью. По совету одного из товарищей, там работавших, Рерих направляется туда. Лёгкость приёма оказалась удивительной. Популярный профессор, рассмотрев работы нового ученика и расспросив его, сказал сторожу при мастерской: “Это вот они сюда будут ходить”. Впрочем, было взято слово, что новый ученик получит по общему рисовальному классу “первый разряд”, без чего не было формального права на переход в мастерскую. Руководительство Куинджи было чрезвычайно оригинально в соответствии со всей его крупной самобытной личностью. Известно, что из его тогдашней мастерской вышел целый ряд выдающихся сейчас художников, совершенно не похожих друг друга.

В пейзажной мастерской работали с одетой живой натуры, делали эскизы далеко не одного пейзажного характера. Руководительство ограничивалось более или менее меткими замечаниями при бережном и внимательном отношении к индивидуальностям. Поощрялись, например, Рериховские сказочные эскизы, вроде “Иван Царевич наезжает на убогую избушку”, одновременно и литературные опыты, вроде былины, изображавшей тогдашних академических деятелей и их отношения. Если не всем ученикам было близко искусство Куинджи, не строго выработанное, но самобытно импрессионистское, то на всех должна была влиять его личность. Характерной чертой и её и его самого искусства было дерзание, качество, присущее самобытным дарованиям, необходимое для них, но нередко подавляемое личной робостью и неуверенностью. Энергия и смелость, какими отличался Куинджи, вливались им в учеников наряду с проникавшим всю натуру его энтузиазмом к искусству. Боязнь презиралась, как недостаток этого энтузиазма, но бодрый совет, бодряя поддержка всегда были наготове: “если вы художник, хоть в тюрьму вас посадить, сумеете сделаться художником” – звучало не фразой в устах того, кто в юности целые дни сидел за ретушёрской работой, чтобы заработать хлеб, и вставал в 4 часа утра, чтобы учиться и писать с натуры. Заветы Куинджи настолько были запечатлены обаянием живого примера в его личности, что не могли не вспоминаться в трудные минуты его учениками. Не столько руководство, сколько художественная атмосфера, внесённая руководителем в мастерскую, была благодетельна для начинающих художников. Заботливость Куинджи о художественном образовании своих учеников была так велика, что в 1898 г. он организует на свои средства поездку их за границу. Любопытно, что Рерих уклонился от участия в этой поездке, ничуть не обидев, а скорее наоборот, организатора поездки таким проявлением самостоятельности. Индивидуальности профессора и одного из наиболее даровитых его учеников были различны, но в памяти ученика навсегда остались беседы, оригинальные поступки, примеры трогательной заботливости, не прекращавшиеся до смерти учителя.

Неудивительно, что после нашумевшей в своё время истории в Академии Художеств, когда результатом оказался уход Куинджи из профессоров, почти все его ученики решили уйти вместе с ним. Это был общий порыв, которым неожиданно для Рериха определилось окончание им академического курса и вместе с тем уже несомненное и яркое выступление на художественное поприще.

Н.К. Рерих - студент Императорского СПб. Университета.

Часть I.

ВЫБОР ПУТИ ЖИЗНИ.

Человек, вступивший на путь Учения, должен отдавать себе отчёт во всех своих поступках и должен знать, что нарушение им нравственных основ повлечёт за собою усугублённые для него последствия, ибо он не может уже сказать, что он поступал в неведении»

(Из записей Е.И. Рерих. 1939 г.)

КРЕДО

Я думаю, что если бы люди не были ограничены в средствах, а главное – во времени (*vita brevis est*²), то в работе не ограничивались бы узкими специальностями, а захватывали как можно шире всё, как и даже мы стремимся. Тогда не были бы художники-специалисты, а были бы идеальные художники вообще...

Если на дороге лежат 2 камня, один большой, а другой маленький, то, по моему, лучше убрать с дороги несколько маленьких камней и спасти общественный экипаж от маленьких толчков, чем тщетно стараться над большим, и всю жизнь провести всё-таки без пользы.

Всегда, по-моему, лучше двигаться по определённой дороге, раз уже намеченной, и даже если бы в середине и был виден сворот на более удобную дорогу, то уж не сворачивать, пока не дойдёшь до цели. Конечно, можно простить, если усталый путник свернёт в сторону, чтобы напиться или чтобы сорвать душистый цветок. Но если он забудет о том, что он шёл успокоить больного друга, и останется собирать цветы, как цель своего пути, то уже такой поступок непростителен – он потерял путеводную звезду.

Если учёный, изобретая что-либо, напр.. воздушный шар, по дороге остановится и отвлечётся изображением подходящей шёлковой ткани, то это ничего, если даже он и увлечётся немного. Но вот коли он бросится всецело на изображение тканей и забудет о шаре, да потом ещё перескочит на другую специальность, то он перестанет быть учёным и делается дилетантом.

В первом случае он отдаёт долг своей любознательности, не упуская цели; а во втором – любознательность, страсть берёт верх; а ещё Платон говорил, что рассудок в голове должен быть, мужество – в груди и страсти – в нижних частях тела.

Также и художник: отвлекаясь от своей специальности только минутами, не упуская главной цели из виду, - он отдаёт долг своей художественной натуре. И коль скоро основная цель ускользнула от взора, он перестаёт быть художником и делается всецело художественной натурой, и это мы даже сплошь и рядом видим на выставках.

Конечно, кто будет стоять за узкую специальность, если бы отстранить ограниченность в средствах и времени? *Но при данности положения дела только специальностью и можно оказать пользу обществу, не оказавшись пустоцветом.*

(Из письма Н.К. Рериха к Антокольскому Л.М. 29.05.1894 г.)

---

² Жизнь коротка (*лат.*) - Ред.

Из воспоминаний...

УНИВЕРСИТЕТ

Семейный гордиев узел был разрешён тем, что вместо исторического факультета я поступлю на юридический, но зато буду держать экзамен и в Академию художеств. В конце концов, получилось, что на юридическом факультете сдавались экзамены, а на историческом слушались лекции.

Слушал Платонова, Веселовского, Кареева, иногда Брауна. Из юристов – Сергеевича, Фойницкого. На государственном экзамене Ефимов, уже знавший моего «Гонца», спрашивает: «На что вам римское право, ведь, наверно, к нему больше не вернётесь?» Был прав, но всё же история русского права и римское право остались любимыми. Жаль, что философию права читал Бершадский – как горох из мешка сыпал. Коркунов иногда бывал увлекателен.

Зачётное сочинение - «Правовое положение художников Древней Руси». Пригодилась и «Русская Правда», и летописи, и «Стоглав», и акты Археографической комиссии. В Древней, в самой Древней Руси много знаков культуры; наша древнейшая литература вовсе не так бедна, как её хотели представить западники. Но надо подойти к ней без предубеждения – научно.

С историками сложились особые отношения. Спицын и Платонов уже провели меня в члены Русского археологического общества. В летнее время уже шли раскопки, исполнялись поручения Археологической комиссии. Во время одной такой раскопки, в Бологом, в имении князя П.А. Путятина я встретил Ладу – спутницу и вдохновительницу. Радость!

Университету сравнительно с Академией уделялось всё же меньше времени. Из студентов-юристов помню Серебrenицкого, Мулюкина, Захарова, но встречаться с ними в дальнейшем не пришлось. Были приглашения бывать на семинарах и в юридическом обществе, но времени не находилось.

Университет остался полезным эпизодом. Дома у нас бывали Менделеев, Советов, восточники Голстунский и Позднеев. Закладывался интерес к Востоку. А с другой стороны, через дядю Коркунова, шли вести из медицинского мира. Звал меня в Сибирь, на Алтай. Слышались зовы к далям и вершинам – Белуха, Хан-Тенгри!

Куинджи очень заботился, чтобы университетские занятия не слишком страдали. Затем Кормон в Париже тоже всегда отмечал университет. Исторический, а не юридический факультет считал меня своим...

1937 г.

Н.К. Рерих. «Зажигайте сердца». Москва. 1975 г.

*****

Его превосходительству
Господину Ректору Императорского
С.-Петербургского Университета.

Прошение
от сына С.-Петербургского Нотариуса
Н.К. Рериха,

Желая поступить в число студентов Императорского С.-Петербургского
Университета по юридическому факультету и представляя при сём:

1. метрическое свидетельство
2. свидетельство о приписке к призывному участку
3. аттестат зрелости, выданный из классической гимназии
4. формулярный список о службе отца моего
5. копии с вышеуказанных документов и три фотокарточки,
имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство принять меня в
число студентов Императорского С. Петербургского Университета по юри-
дическому факультету.

С.-Петербург, 1893 июля (...) дня. Н. Рерих
Местожительство имею: 1-го участка Университетская набережная, д. 25.

*****

Публикуется по изданию: Л.В. Шапошникова «Великое путешествие», Кн. 1. М. 1998 г.

Из воспоминаний...

АКАДЕМИЯ

Сколько чувств будило здание академии! Музей, скульптуры, тёмные коридоры, а там где-то внутри и школа, связанная со многими любимыми именами... Удастся ли попасть туда?

Лето 1893 года работа с И.И. Кудриным в музее академии. Перерисованы все головы, которые ставятся на экзамен. «Не увлекайтесь тушевкой, - учит Кудрин, - главное покажите, как строите».

На экзамене голова Антиноя. Сделал что мог. Прихожу узнать. В вестибюле встречает Новаренко и начинает утешать: «Не в этом – так в будущем году». - «Неужели провал?» - «В списке нет вас». Но тут же стоит швейцар академии Лукаш (мы его очень любили) и укоризненно усовещивает Новаренко: «Чего смущаете? Раньше, чем говорить, прочли бы списочек». Принят и даже хорошо!!

Головной класс – профессора Лаверецкий и Пожалостин. На ближайшем экзамене перевод в фигурный. Там Чистяков и Залеман. Чистяков за Аполлона перевел на следующем экзамене в натурный. А сам во время работы как закричит: «У вас Аполлон-то француз – ноги больно перетонили!»

В натурном – Виллевалде, всегда в форменном фраке, всех хвалящий. Помню, как один расхваленный им академист получил на экзамене четвёртый разряд. Пошёл жаловаться: «Как же так, профессор, - вы так хвалили?» - «Ну что ж, у других еще лучше было». За эскиз «Плач Ярославны» я получил первый разряд. Тогда же эскизы «Святополк Окаянный», «Пскович», «Избушка пустынная», «На границе дикий человек», «Пушкари», «Вече»...

Старая академия кончилась. Пришли новые профессора. Встала задача: к кому попасть – к Репину или к Куинджи?

Репин расхвалил этюды, но он вообще не скупился на похвалы. Воропанов предложил: «Пойдём лучше к Куинджи». Пошли. Посмотрел сурово: «Принесите работы». Жили мы близко – против Николаевского моста, - сейчас и притащили всё, что было. Смотрел, молчал... Что-то будет? Потом обернулся к служителю Некрасову, показал на меня и отрезал коротко: «Это вот они в мастерскую ходить будут». Только и всего. Один из самых важных шагов совершился проще простого. Стал Архип Иванович учителем не только живописи, но и всей жизни. Поддержал в стремлении к композиции. Иногда ругал – например, за «Поход», - а потом говорил: «Впрочем, не огорчайтесь, ведь пути искусства широки – и так можно!»

1937 г.

Николай Рерих. Зажигайте сердца. Изд. Молодая гвардия. 1975 г. (Лист дневника № 8.)

Тициановский зал Императорской Академии художеств. 1890-е гг.

Библиотека Императорской Академии художеств. 1910 г.

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ

"Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкия песни. Под песни рубятся из сосновых брёвен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек. Всё дорожное летит под песни ямщиков", - говорит Гоголь о русской песне. Теми же словами можно сказать и о всех областях русского искусства.

Ещё недавно любовались мы "Словом о Полку Игореве", украшенным превосходными миниатюрами палеховских и мастерских мастеров. А ведь было время и ещё на нашем веку, когда этих мастеров не считали чем-то серьёзным. Так себе, иконописцы! Но стоило открыть дверь этому народному сокровищу, и получились отличные вещи. Кто приближался к русским самобытным кустарям, тот знает, какой неисчерпаемый кладёзь рукоделия и воображения заключён в народных глубинах. За время школьной деятельности мне пришлось встретиться со многими самоучками всегда радуюсь, что на собственном опыте пришлось удостовериться, как даровит народ. Стоит лишь открыть доступ к истинному художеству, и дарования вспыхивают в прекрасных образах.

В будущем году Академия Художеств празднует 175-летие своего существования. Каждый из нас, прошедших академическую учёбу, добром помянет свои школьные годы. Как таинственно зовуще было само здание Академии, предшествуемое на Неве сфинксами и окружённое по всей набережной Васильевского острова такими историческими зданиями, как Горный Институт - с одной стороны, Меншиковские Палаты, Университет, Биржа - с другой стороны.

От самого своего основания - от времён Екатерининских, От Дашковых, от Шуваловых, от наследий гениального Ломоносова стены Академии вместили и Боровиковского, Левитского, Кипренского, Венецианова, Брюллова и всю

знаменательную группу передвижников. Нельзя сказать, чтобы Академия отворачивала от себя, ибо имена Репина, Куинджи, Маковских, Матэ, Шишкина, Дубовского и всех, имена которых остались в истории русского искусства - все эти мастера, так или иначе, прошли через Академию или около Академии. Среди рисунков в Академии на стенах классов можно было видеть целое собрание наших лучших художников - даже такие новаторы, как Врубель, оставили свои памятки на стенах натурального класса.

Нашему поколению пришлось ознакомиться с двумя эпохами Академии. Мы начали работу при старых профессорах вроде Вилливальде, Шамшина, Подозерова, Лаврецового, Пожалостина и при нас на наших глазах совершилась реформа. Пришли передвижники. Можно было свободно избрать себе руководителя, и традиционный академизм, о котором так много говорилось, сменился свободой работы.

Из всех старых профессоров удержался лишь один П.П. Чистяков. В нём было много от природного учителя. Своеобразие суждений и выражений привлекало и запоминалось. Но все мы спешили скорее перейти из натурального класса в мастерскую. Труден был выбор между Репиным и Куинджи не только потому, что один был жанристом, а другой пейзажистом, но по самому характеру этих мастеров. Создалась легенда о розни между репинцами и куинджистами. Но в сущности этого не было. У Репина были Кустодиев, Грабарь, Щербиновский, Стабровский. Почему нам, бывшим у Куинджи, ссориться с ними? У нас Пурвит, Руциц, Рылов, Химона, Богаевский, Вроблевский - каждый был занят своей областью.

В составе профессоров Академии происходили обновления. Пришли Ционглинский, Кардовский и Самокиш. Пришли затем Е. Лансере, Щусев, Щуко. Среди членов любителей были такие доброжелательные собиратели, как гр. Голенищев-Кутузов, Тевяшов, Дашков...

Старо-академическое крыло держалось М. Боткиным. О нём можно бы написать целую книгу. У него были и неприятные черты, но зато он был страстный собиратель. Знал Александра Иванова, Брюллова, Бруни - был свидетелем той "римской" группы, о которой всегда занимательно слышать. Конечно, наша группа, а особенно "Мир Искусства" был ненавистен Боткину. Но такая борьба неизбежна.

Бывали и такие диалоги. Встречаю Боткина, выходящего с выставки "Мира Искусства". Он бросает мне: "Всё сжечь". - "Неужели всё?" - "Всё". "И Серова?" - "И Серова". - "И Врубеля?" - "И Врубеля". - "И Александра Бенуа?" - "И Бенуа". - "И мои?" - "И ваши". - "И ваши нужно сжечь?" Боткин вскидывает руками и спешит дальше. Уж эти аутодафэ! До чего они полюбились от самых древних времён! Но эта сожигательская группа в Академии Художеств была в значительном меньшинстве.

Московская группа была представлена внушительно - Суриков, братья Васнецовы, Виноградов. Таким образом, соревнование Москвы и Питера уравновешивалось. Кондаков, Айналов и Жебелев представляли, так сказать, профессорскую группу по истории искусства. Представители семьи Бенуа вносили культурное веяние. Конечно, такие революционеры, как Дягилев, в Академию не могли попасть, и это было жаль - ведь именно такие пламенные деятели могли вносить особенное оживление в деятельность Академии.

Такая работа могла бы иметь огромное культурное значение. Кроме самой Академии, в её ведении находился ряд художественных школ. Из них

Киевская (Мурашко), Одесская, Харьковская и другие представляли из себя крупные художественные центры. По всем необъятным просторам могли быть раскинуты целые множества очагов искусства. Сколько утончения вкуса, сколько истинного отечествоведения могло бы быть легко посеяно даже в самых удалённых областях! Конечно, жаль, что так называемые художественно-промышленные школы находились в ведении Министерства Торговли и Промышленности - вне касания художественных центров. С давних времён мы пытались бороться против этого бюрократического разделения. Наш постоянный девиз - "искусство едино" не получал чиновных признаний. Между тем, какое замечательное художественно-культурное единение могло бы состояться! Где же можно провести черту между искусством и художественною промышленностью? Почему пуговица, вышедшая из мастерской Бенвенуто Челлини, должна быть нехудожественным произведением, а отвратительная олеографическая картина будет претендовать на высокое искусство? Деление может быть лишь по качеству, безразлично, из какого материала создано произведение. О таких предметах трудно было спорить и в Академии Художеств, и в Министерстве Торговли и Промышленности. А со временем с любовью вносятся в музеи как картины и скульптура, так и художественные иконы и превосходные, вполне художественные изделия кустарей.

В далёких Гималаях, конечно, весьма трудно было следить за всеми русскими художественными изданиями последних лет. Но всё же, кроме превосходно изданного "Слова о Полку Игореве", мы получили хорошие книги о переписке знаменитых мастеров, о лессировке, а также прекрасные монографии Юона, Петрова-Водкина, два тома, посвящённые Репину, и в последнее время автобиографию Грабаря. Все книги имеют много цветных воспроизведений, и многие из них отличного качества. Самый текст обработан чрезвычайно серьёзно, а библиографический материал собран весьма тщательно. Кроме этих больших изданий, нам пришлось видеть и целую серию общедоступных школьных книг вроде прекрасно написанной биографии Бородина. Таким образом, и школьный возраст может знакомиться с выдающимися Деятелями своей родины.

В Школе Общества Поощрения Художеств, кроме разнообразных мастерских, мы вводили также, и хоровое пение, и очень хотелось обогатить программу введением и музыки. Ведь художественные дарования развиваются так своеобразно. Не забудем, что Верещагин не был принят на экзамене в Академию Художеств, а Куинджи трижды держал экзамен неудачно, и на третий раз из тридцати экзаменовавшихся только он один не был принят. Вот каковы неожиданности жизни. Впрочем, именно тогда был наиболее глухой период академической деятельности. Если же взять списки академических заграничных пансионеров, то можно лишь удивляться, сколько из них не оставили следа в истории русского искусства.

Теперешний юбилей Академии Художеств должен быть не только памятным днём прошлому, но и праздником для будущего русского искусства. Среди всего великого и необычайного пусть Академия Художеств не будет похожа на всякие Академии - но пусть явится деятельным и живым рассадником для всех народных дарований.

.....

28 Сентября 1938 г. Гималаи

"Октябрь", 1958, № 10

**Извлечение из временных правил для поступления
в Императорскую Академию Художеств, напечатанных по распоряжению
Вице-Президента Императорской Академии Художеств от 16 Апреля 1890 года.**

§ 2

В число учеников Академии принимаются молодые люди, окончившие курс наук во всех средне-учебных заведениях, а также в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, в Одесской рисовальной школе и в Варшавском рисовальном классе.

Примечание. Желаящие поступить в число учеников Академии по архитектуре, подвергаются поверочному экзамену по математике и физике.

§ 3

Желаящие поступить в число учеников подают о том в Правление Академии, не позже 1 Августа, прошения на простой бумаге, с обозначением отрасли искусства, которую намерены изучать и представляют нижеследующие документы: 1) метрическое свидетельство о рождении; 2) свидетельство о приписке к призывному участку по отбыванию воинской повинности или об отбытии этой повинности; 3) свидетельство учебного заведения, в котором воспитывались; 4) документ о звании или состоянии или / для лиц принадлежащих к податному сословию / , увольнительное свидетельство; 5) свидетельство от полиции о благонадежности; 6) засвидетельствования установленным порядком копии со всех вышеозначенных документов и три фотографические карточки.

§ 4

Приёмный художественный экзамен производится только один раз в год, в Августе месяце. Правлению Академии предоставляется ограничивать приём учеников, в случае неимения достаточного числа свободных мест в классах.

§ 10

Неимеющие аттестатов, необходимых для поступления в число учеников Академии могут просить о поступлении в число вольнослушающих. Правлению Академии предоставляется ограничивать приём вольнослушающих, в случае недостатка свободных мест в классах.

§ 11

Приём в число вольнослушающих производится один раз в году, в Августе месяце, и потому желаящие поступить обязаны подать о том в Правление Академии, не позже 1-го Августа, прошения, на простой бумаге, с обозначением отрасли искусства, которую намерены изучать. К прошению должны быть приложены: а) паспорт, с приложением увольнительного свидетельства лиц податных сословий, б) свидетельство о приписке к призывному участку, в) метрическое свидетельство о рождении, г) свидетельство от полиции о благонадежности, д) засвидетельствованные установленным порядком копии со всех вышепоименованных документов. Затем желаящие поступить в вольнослушающие обязаны, в назначенный день и час, явиться для выполнения в классах Академии рисунка с гипсовой головы.

Печатано по распоряжению Императорской Академии Художеств
Марта 17-го дня 1892 г. Типо-Литографии Бр. Шумахер В. О. Тучков пер. 1

Отдел рукописей ГТГ. Ф. 44/544, 2 л.

*****

В Императорскую Академию Художеств.
Сына С. Петербургского Нотариуса Николая
Константиновича Рериха

ПРОШЕНИЕ

Желая поступить вольнослушателем Императорской Академии Художеств по отделу живописи, имею честь покорнейше просить принять меня вольнослушателем по отделу живописи. При сём прилагаю копии:

- 1) с метрического свидетельства моего за № 376;
- 2) с свидетельства о приписке к призывному участку, выданного 20 января 1893 за № 5;
- 3) с аттестата зрелости об окончании мною курса наук в гимназии, выданного 1 июня 1893 г. № 56 и
- 4) с формулярного списка о службе отца моего, засвидетельствованную 12 февраля 1885 зам 652.

С.Петербург, 1893 июня (...) дня Н, Рерих.

*****

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/5, 1 л.

***

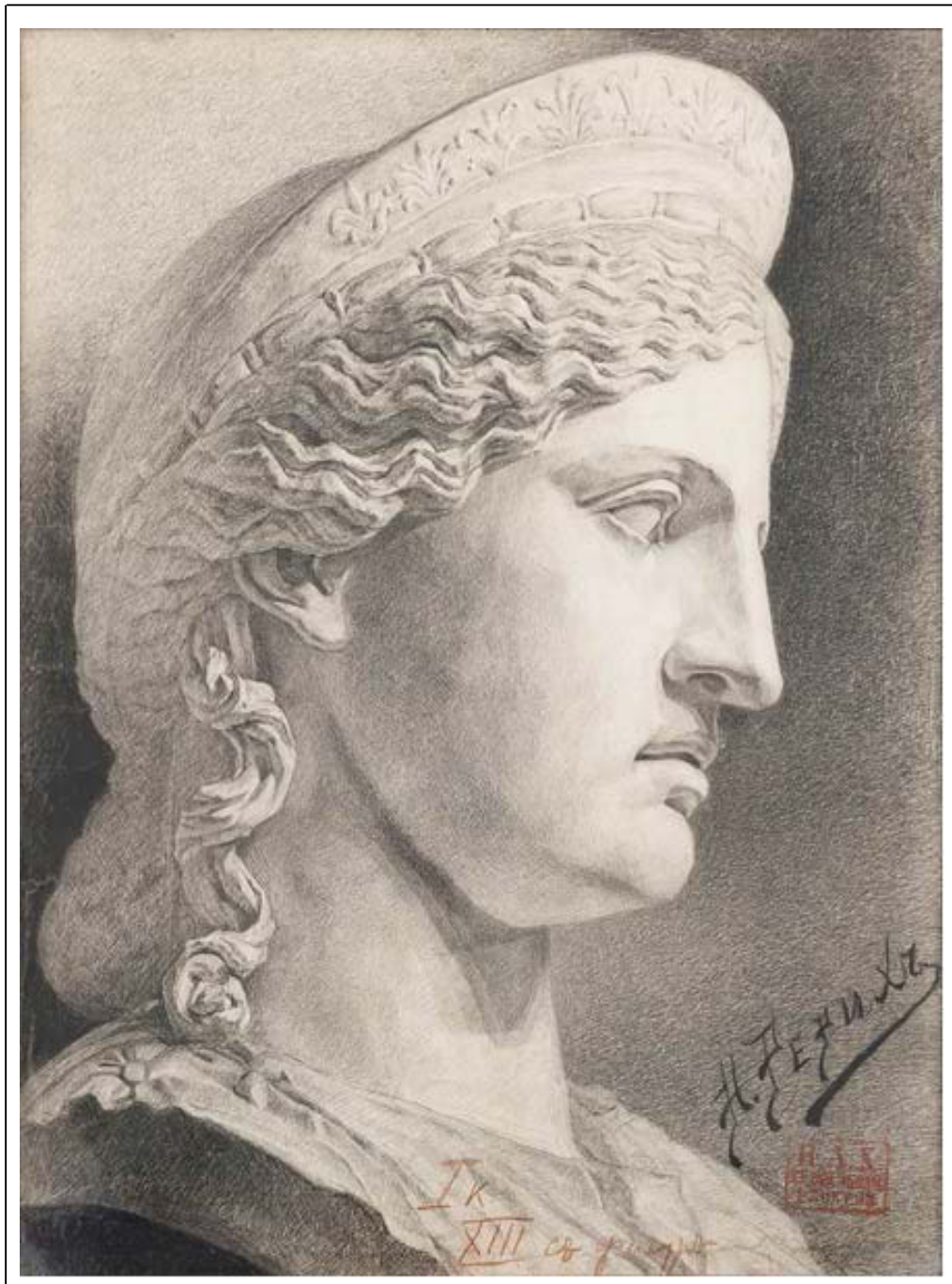
«Вспоминаю 1893 год - экзамен для поступления в Академию. На экзамене была поставлена голова Антиноя. Рисовали три часа и с трепетом подали. С трудом могли дожидаться результатов экзамена. Прихожу в большой вестибюль Академии - там меня встречает один ученик и начинает утешать: "Не в этом, так в будущем году". - "Неужели провал?" - "В списке вас нет". Но тут же стоит швейцар Академии Лукаш - мы его очень любили - он укоризненно усовещивает шептателя: "Чего смущаете, раньше, чем говорить - прочли бы список толком". Принят, и даже хорошо! На радостях пошли посидеть в Академический сад - там хорошо бывало в осеннее время, среди золота лип и клёна».

(Н.К. Рерих «Академия художеств», 1938 г.)

***

...В 1894 г. Куинджи становится преподавателем в реформированной — отчасти под его влиянием — Академии художеств и за какие-нибудь три года воспитывает в своей мастерской целую плеяду выдающихся пейзажистов (Рерих, Борисов, Рылов, Руциц, Пурвит, Богаевский и др.)....

Нива. 1914. 11 января. №2. С. 32-35. (А. И. Куинджи (Очерк М. Неведомского)

Н.К. Рерих. **Голова Юноны**. Академический рисунок с гипса. 1893.
Бумага, карандаш. 58 x 40 см. Справа внизу чёрной тушью: **Н.Рерихъ**

2 ноября 1893 г. Экзаменационная работа.

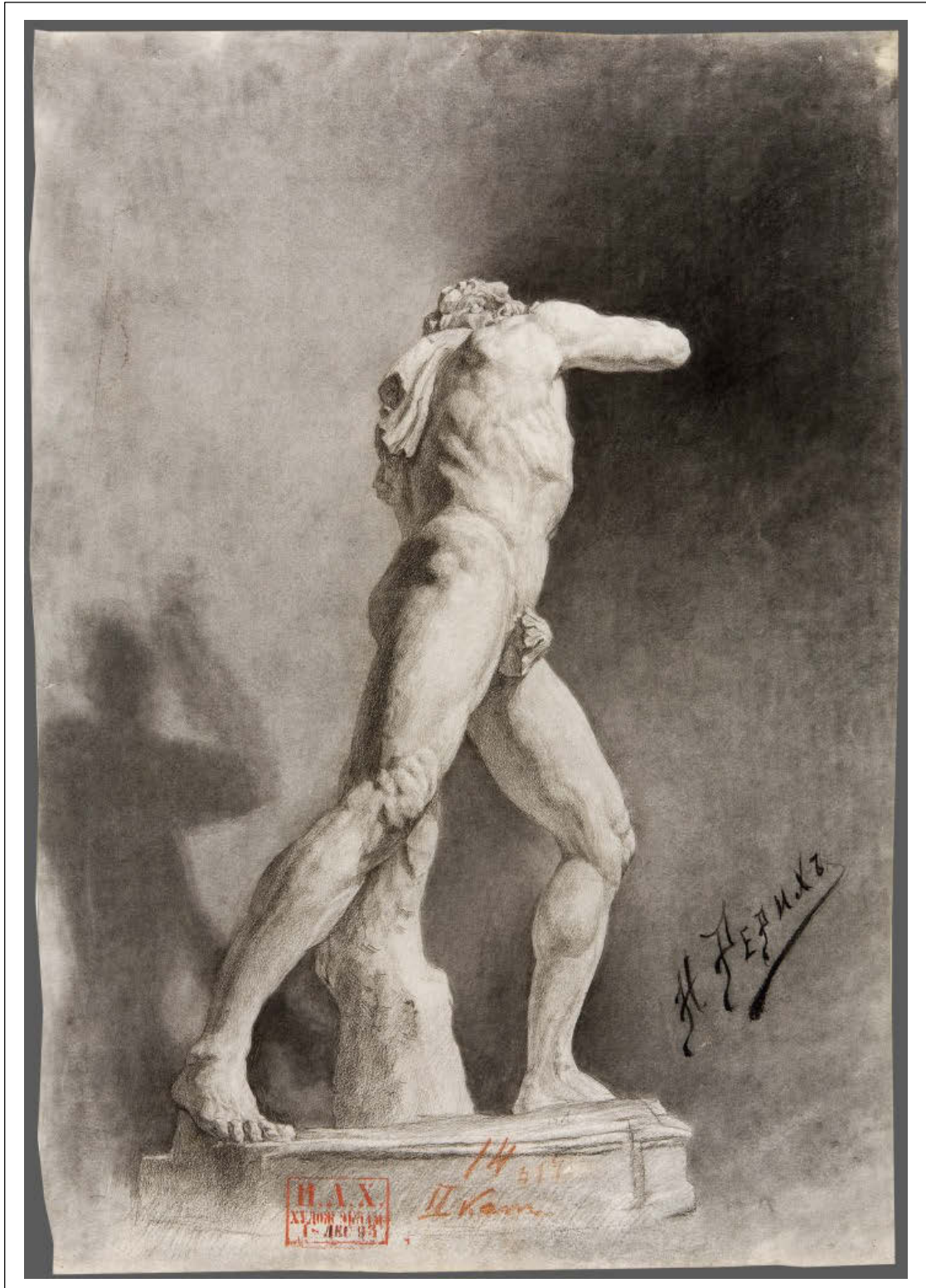

Отречение Петра. 1893 г.

Бумага зелёная, акварель, белла. 35 x 27,2 см.

Справа внизу в углу подпись: **Н. Рерихъ.**

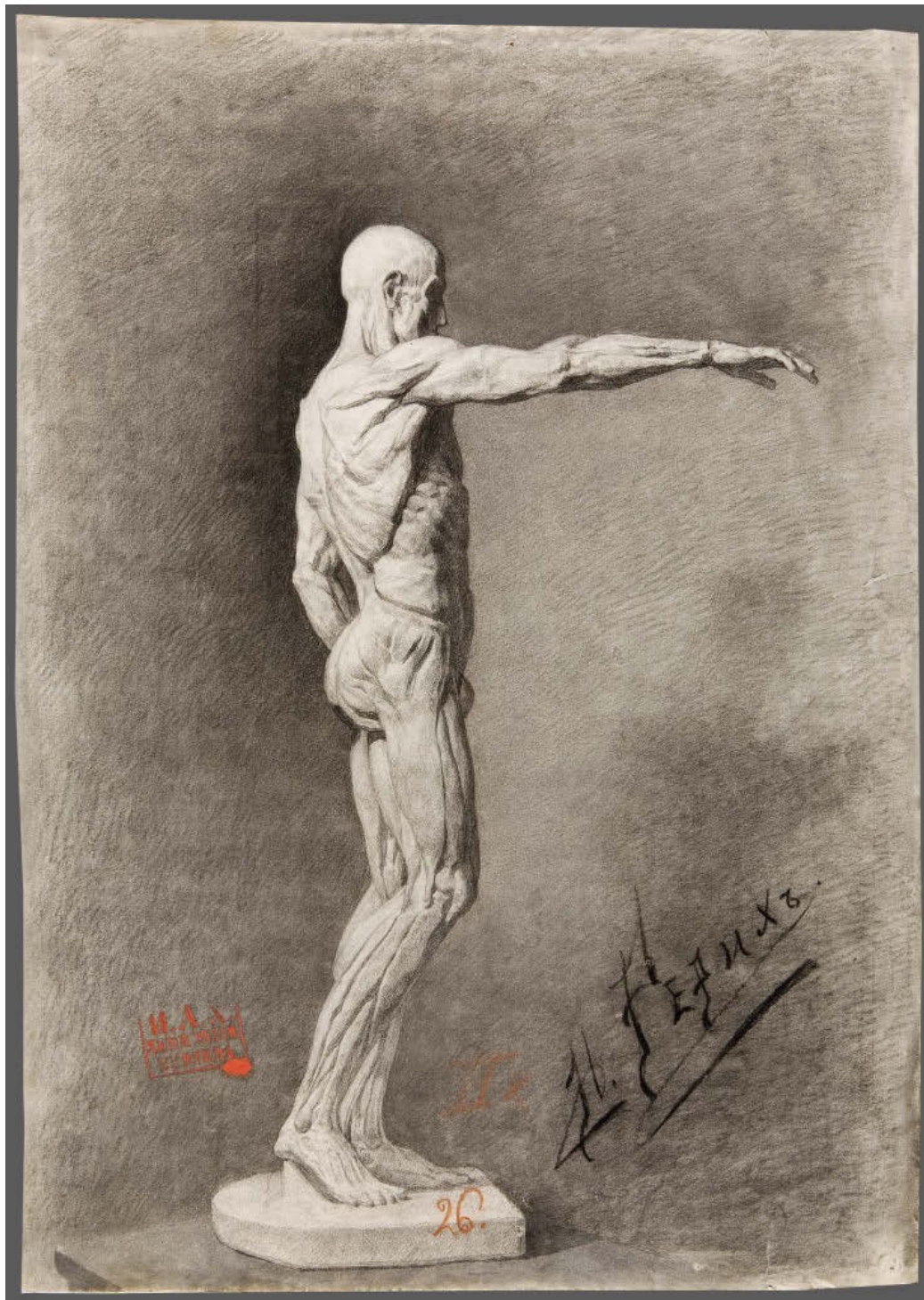
Справа внизу на паспарту печать: **ИАХ. Худ. экз. 2 ноябр. 93.**

Н.К. Рерих. Академический рисунок с гипса. 1893.
Внизу печать: И.А.Х. / Худож. экзам. / 1 дек. 93. Оценка: II кат.

1894 год.

22 января 1894 г.

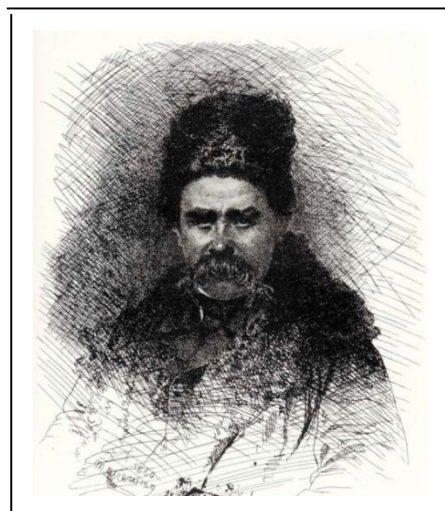

Н.К. Рерих. «Экорше». Анатомический рисунок. 1894.
Бумага, итальянский карандаш, уголь. 68,5 x 48,6 см.
Слева на. штампе дата: 22 янв. 1894 г. Справа подпись: Н. Рерихъ.

МАРТ

К 33-ЕЙ ГОДОВЩИНЕ ПАМЯТИ О ТАРАСЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ ШЕВЧЕНКО [1894 Г.]

Автопортрет Т.Г. Шевченко. 1860.

Записка М. Микешина об устройстве поминок и празднеств в память о Т.Г. Шевченко.

С разрешения высшей власти. Организатор и распорядитель устройства поминок и празднеств в память поэта-художника «Т.Г. Шевченко»

Художник *М. Микешинъ*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1007, 1 л. [1894 г.]

[1 марта 1894 г.]

Письмо М.О. Микешина к Константину Фёдоровичу Рериху

Мы слышали, что в зале Павловой, (по Троицкому пер., 19) вечером в Воскресенье, 6 Марта, Художнику М.О. Микешину, разрешено устроить грандиозное торжество, в память Т.Г. Шевченко в 33-ю годовщину памяти по этому симпатичном поэте-художнике.

Нам передают, что поминки будут необыкновенно интересные: малорусский хор чуть ли не в 70 голосов, и соло многих артистов и артисток с отличным ужином, тостами, речами и пр.

Кстати говорят и об основывающемся здесь обществе имени этого поэта-художника – с благотворительно-образовательными целями; что устав уже выработан и начаты хлопоты о его утверждении.

Билеты для посещения поминок 6-го Марта, можно получить в конторе г. Нотариуса К.Ф. Рерих, что на В.О., на Набережной, против Николаевского Моста. Число билетов ограничено.

Коли одобрите, друже К.Ф., то я, по возвращении мне сего, напечатаю в новостях.
Дружески жму Вашу руку

М.М.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1006, 1 л.

АПРЕЛЬ

14 апреля 1894 г. Петербург.

Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

Пб. 14/IV 94 г.

Опоздал я немного, дорогой мой, с письмом относительно экзамена. На экзамене рисунки были довольно паршивые (разве исключая большого рисунка натурщика Малявина), вероятно, из-за отсутствия моего и Вашего рисунка. Мне тоже не пришлось подать его – начал очень хорошо, все очень хвалили, наверно, в первую бы категорию нажарил – да заболел, и доктор засадил на 2 недели в комнату.

Кучеренко, бывший 1 №, получил № 22 II кат, а 1 № как-то совсем незнакомый – не помню. Многие из наших дам опять впереди оказались – повезло им!

Вчера вернулся с охоты – на 3 дня в деревню ездил: ну, убил порядочно и наслаждался картинами ночи весенней. По дороге набросал 2 любопытных этюда в вагоне (и пассажиров).

Н.К. Рерих. **В вагоне.** 1894. Этюд.

Экзамены университетские на носу, а занимаюсь не ахти как! У меня почему-то сложилось убеждение, что непременно провалюсь; впрочем, поживём – увидим. Теперь больше писать не буду – всё-таки позубриваю. Надеюсь, черкнёте Вы мне как-нибудь, что Вы поделяваете, как время проходит, как доехали. Да, в Академии теперь совсем пусто – народу мало, рисунков совсем ничтожное количество представляют.

Эх, много бы ещё хотелось написать, да нету времени – уж лучше, когда порешу с экзаменами. Жду Вашего письма. Желаю от души всего лучшего. У Мих[аила] Осипов[ича] был и передал Ваше поручение, всё хорошо обошлось. Преданный товарищ

Н.Рерих

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга,
ф. 698. Оп. 1, № 19.

20 апреля 1894 г.

Письмо Л. Антокольского к Рериху Н.К.

Вильна 20/IV 94

Любезнейший друже и товарищ!

Весьма и весьма я благодарен вам за ваши реляции об экзамене. Вы единственный, который оправдал свои обещания и, конечно, такие вещи не скоро забываются. Будьте уверены, дорогой Николай, что за всё время нашей будущей жизни сторицей воздам вам за это одолжение. Знаете, сидя здесь почти на лоне природы (а природы у нас здесь очень много, когда-ниб. я вам подробнее опишу её), я поневоле временами переносюсь в далёкое будущее, когда мы, быть может, совместно с вами, как с братом по художественному отцу, будем творить действительно художественные произведения.

Жалко, однако, что вы на первый раз немного поскупились, меня чрезвычайно заинтересовало то обстоятельство, как я узнал от одного академика-конкурента, прописавшего сюда позднее меня, что Новый Совет приступил к более активной деятельности, обошёл мастерские конкурентов и наметил целый ряд коренных реформ в деле устройства этих мастерских. При существовании французской поговорки *Qui vivra verra*, [*Поживём – увидим (фр.) - ред.*] я, однако, пламенно желал бы от вас именно узнать, в чём собственно заключаются коренные реформы и поскольку они действительно отвечают потребности.

Что касается меня, то я пока ещё ничего не сделал, вы скажете, может б[ыть], - Бог лениться не велит, или не следует откладывать на завтра и пр. И это, с одной стороны, будет и справедливо, а с другой – как будто и не совсем справедливо. Дело в том, что приехал я сюда как раз к началу нашей ветхозаветной Пасхи, когда по законам запрещено заниматься каким-нибудь ручным делом (пожалуйста не улыбайтесь), а в особенности запрещено «делать изображения» (!). Конечно оставалось только делать визиты и ухаживать за прекрасным полом, который, кстати, здесь соперничает с самой природой, такие соблазны не могли не затянуться и до сей поры. Итак, я не далее как завтра, приступаю к работе, благослови друг!..

Не знаете ли, что с нашим славным запорожцем Стефаном Чуприненко, в Петербурге ли он или поехал на степь, ко Чёрному морю, на турку ходить или кралю-казаченку годуеть? Когда вы кончаете с вашими треклятыми экзаменами и что тогда предпримете?

Меня очень огорчает, что вы были больны и особенно в такую страдную для вас пору, а о том, чтобы выдержали ваши экзамены, я буду горячо молить «виленскую» луну, котор. так благосклонна ко мне. Надеюсь, вы не будете шокированы. Кончайте поскорее и тогда черкните мне по тому же адресу о ваших предположениях относит. лета.

Ну-с будьте здоровы, поздравляю вас со Светлым Праздником и целую вас троекратно по русскому обычаю: Христос Воскрес! Михосинчу [*Михаил Осипович Микешин – ред.*] не откажите при случае отвесить от меня нижайший поклон.

Искренно преданный и любящий вас

Леон Антокольский

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/567, 2 л.

29 апреля 1894 г.

Н. Рерих

* * *

... «Нешто вы, барин, хотите кости покою лишать!
Только что́ нам за дело. Сопки заутро копать
Хочет, вишь, барин. Слышь, Нюшка, ты поскорей побежишь
Завтра кто с ломом, с лопатой или что́б
Весь сход повестить».

Утром гурьбою весёлой к реке потянулся народ.
Всё веселится. Щебечут птицы. Высо́ко плывёт
Ястреб в лазури. Турлычет в мшаге журавль молодой.
За рекою все мхи лишь покрытые тощей сосёнкой кривой

Или березкой карельскою... Дальше – там лес вековой,
Словно прозрачную дымкой закрылся он синевой.
Сумрачен, грозен бормочет. Прочь! Стороной проходи
Знаю! Ты враг мой – погубишь... Лишь тебя в чашу пусти.

Вот и курган. Горделиво он над рекой возвышается.
Время щадило его... ну так люди стереть собираются.
Всё, чем веками природа холмик печальный убрала.
Всё беспощадно лопата по сторонам раскидала.

Мох, что́ могильные камни зеленью свежей покрыл,
Землянику и кашку; годами всё что́ росло истребил,
Погубил... И к чему? Но не время об этом теперь говорить.
Уж глубоко разрыли... Тут будем скоро кости теперь находить.

«Барин! ось глянь-ка! Медяшка! Парень весёлый сказал.
Это серьга была, взял я, холод в груди пробежал.
Чьею была ты? Веками мирно лежала в земле,
Да судьба не судила в покое лежать и попала ко мне.

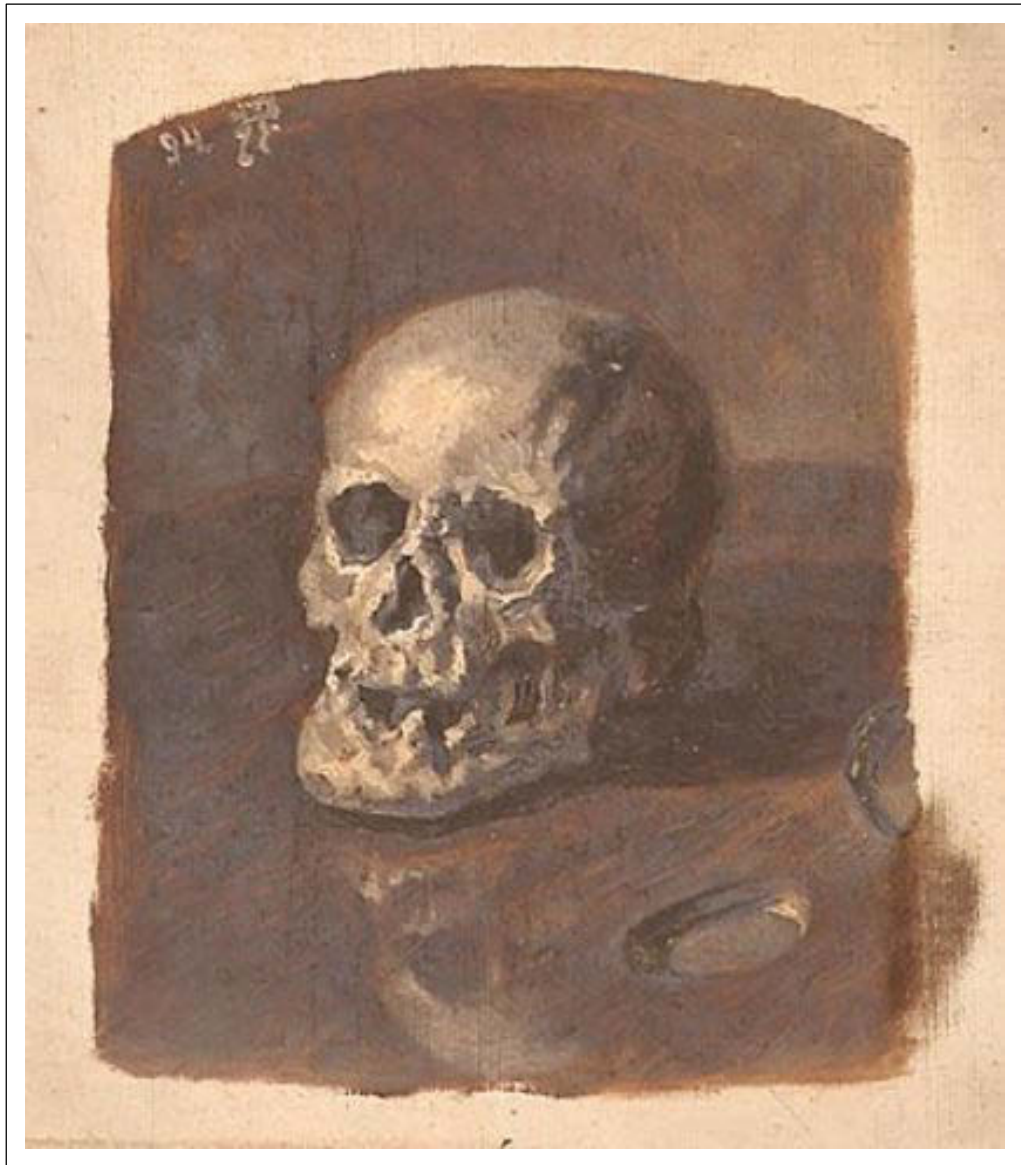
Вынули череп. Осклабясь, он на меня посмотрел.
Может быть тайну какую? Может поведать хотел.
Что ходили в минувшее время любоваться его красотой
Иль просил, что́б рукою жестокой не тревожил его я покой

Может быть... Эх, я не понял, что́ он пытался сказать
Вспомнилось только, что скоро буду и я так лежать.
Лишь когда и какая лопата на меня накидает земли
Кто ж разроет ее и кто вынет пожелтевшие кости мои.

29 / IV СПб.

Черными чернилами записаны годы: 93 – 94.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/53, л. 11.

Н.К. Рерих. Этюд черепа. 1894.

*«Вынули череп.
Ослабься, он на меня посмотрел.
Может быть тайну какую?
Может поведать хотел...»*

[Апрель 1894 г. Петербург.]

Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

«Воистину воскрес!»

Достойнейший друже, дорогой мой!

Спасибо, вечное спасибо за память.

Так будем же мы художественными братьями – обнимемся заочно и навсегда заменим Вы – Ты. Я, может быть, и поколебался бы раньше сделать этот шаг – но Твоё последнее письмо окончательно убедило меня в том, что Ты действительно друг, что Ты – брат, с которым можно поделиться невзгодой в трудную минуту и встретить сочувствие, которому можно передать радость и надеяться найти искренний отголосок. Ещё раз за всё говорю нерушимое спасибо и крепко жму руку Твою. Прочитав Твои вопросы относительно моих летних начинаний, я не мог усидеть за книгой и под предлогом ответить Тебе поскорее позволил себе хоть на время отвлечься и заглянуть вперёд. За лето, если всё будет благополучно, думаю нарисовать портрет Мих[аила]. Осип[овича] Микешина (нашего почитаемого батька) и затем написать большой исторический этюд (одна фигура), но какой – это моя тайна, которую никто не знает (кроме опять же Мих. Осип. Микешина, да и никогда, может быть, и не узнает, если этюд не удастся).

Для успеха этих двух работ мне бы весьма хотелось провести это лето в жизни в деревне, но мои враги-доктора – гонят меня к морю (из-за катара и сердца, только не подумай, что тут начинаются дела сердечные). Не хотелось бы мне следовать совету врача. Экзамены университетские, вероятно, до конца не доведу – ей-Богу – надоело! Всё-таки скука порядочная. Должно быть, отложу на 2-й курс. Мих. Осип. Микешин хотел мне выхлопотать бумагу от Труворова о позволении производить изыскания и раскопки археологические. О реформах Академии умышленно ничего не пишу – там сам чёрт ногу сломит – да к тому слухи совершенно волшебные – должно быть, враньё. Когда узнаю положительное – напишу.

Наш щирный украинец Чуприненко куда-то пропал – уж давно не имею о нём ни слуха, ни духа. Може він уже сидит на высокой могиле на Украине, а может, кохается с какой дивчиной – не <...> не могу казати. Не могу понять твоего выражения, что и прекрасный пол соперничает в Вильне с самой природой – очень уж неясно, - поясни в следующем письме, которое, надеюсь, не замедлишь написать.

Всею душою предан Тебе и люблю Тебя – брата художественного. Пиши о Твоих работах.

Н. Рерих

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих «Письма к Л.М. Антокольскому и Л.М. Антокольского к Н.К. Рериху». СПб. 1993.

МАЙ

Н.К. Рерих. Путники. [1894-1897].

«Так будем же мы художественными братьями – обнимемся заочно и навсегда заменим Вы – Ты. Я, может быть, и поколебался бы раньше сделать этот шаг – но Твоё последнее письмо окончательно убедило меня в том, что Ты действительно друг, что Ты – брат, с которым можно поделиться невзгодой в трудную минуту и встретить сочувствие, которому можно передать радость и надеяться найти искренний отголосок...»

(Из письма Н. Рериха к Антокольскому Л. 1894 г.)

5 мая 1894 г. Вильна.

Письмо Л. Антокольского к Рериху Н.К.

Вильна 5 Мая 94 г.

Дорогой мой, любезнейший друг!

Не знаю, удастся ли мне с достойной полнотой выразить в этом письме, как сильно тронули меня твои дружеские заверения. Я думаю – тебе без сомнения покажется понятным, что, живя здесь, на лоне природы и питаюсь од-

ной только созерцательной пищей, так как и здесь, как и во всяком провинциальном захолустье, нет никого кроме Колупаевых и Разуваевых – то поймёшь, что в моём положении едва ли не самое незаменимое – это переписка с другом, деятельный обмен мыслей и впечатлений.

Я настолько верую в прочность установившихся между нами отношений, что заранее с наслаждением предчувствую, сколько приятных минут доставит мне эта желанная переписка с тобой. Я бы даже хотел, чтобы это стало известным нашему «щирому батьке» (как ты называешь нашего художественного отца). Читаешь ли, друг мой, отчёт о заседании художественного съезда.

Признаюсь, в самом деле, весь наличный состав наших худож. сил состоит исключит. из Каразина, Егорнова или Ге. Какой же это художеств. съезд! и какой тут праздник русского искусства!? Если, как пишут, отсутствие художников на съезде объясняется демонстрацией, то положительно становится стыдно за наших учителей. Мне приходит на память покойный Крамской – уж он, во всяком случае, не допустил бы до этого. Он скорее пожертвовал бы мелочной рознью художников ради идеи духовного единения их (художеств. артель, созданная им, лучшее доказательство этого, да и первая мысль о съезде тоже принадлежит ему). Если эта рознь – отчасти следствие статьи Стасова – «нужна ли рознь между художниками», то ему и обязаны устроители крайне неудачными результатами съезда.

Из вопросов, разбиравшихся там, мне наиболее симпатична мысль об устройстве коллективных мастерских для начинающих худож. Если я не ошибаюсь, то эта мысль принадлежит Ге.

О непрочности масляной живописи профессора Петрушевского – не ново, он уже много писал об этом (я читал его обстоятельную лекцию об этом) – удивляюсь, отчего он не указал каких-нибудь радикальных средств к устранению порчи живописи; зато он привёл сравнительную статистику употребляемых красок на палитрах различных художников и установил норму в количестве 10-12 красок – это, кажется, не ведёт к цели! - Но всего более меня возмутил доклад Каразина, основная мысль которого та, что не следует писать картин с натуры, и в этом случае черпать материал нужно только из колодца фантазии. Насколько это не поучительно – настолько же и не остроумно.

Погода здесь стоит великолепная. Небо почти южное, а солнце с утра до вечера не перестаёт обильными лучами заливать прелестные уголки здешних палестин. Город окружает со всех сторон целый ряд невысоких гор, заросших густым сосновым лесом, с одной стороны лес называется «зверинцем»; у подножья этого леса, расположенного также на горе, протекает Вилия, не особенно глубокая и широкая река с чрезвычайно живописными берегами. Хороша эта река при закате, когда на поверхности её отражается с одной стороны - густой тёмный лес, а с другой - небо, обложенное пламенем заката – тишина, прерываемая всплескиванием воды под лодкой. Я по природе своей не пейзажист, но, поверишь ли, дорогой мой друг, мне завидно становится, что пейзажист, изображая природу по большей части переживает сладкие минуты объективного созерцания. Нам, жанристам, или историкам приходится ещё ведаться с тем или другим анализом, который, конечно, исключает непосредственное чувство. Нам предстоит двойная работа, работа сердца и ума, тогда как пейзажисту остаётся только чувствовать.

Не могу сказать, чтобы я много успевал здесь, мне не достаёт в моём характере большой дозы спокойствия, для того чтобы не разбрасываться и не делать непосильных попыток взять сразу несколько редутов.

Я написал 2 этюда здешних церковных зданий (1 – собор св. Бернардина и 2 – Новодевичий монастырь). Ты спросишь, какое это имеет отношение к моему жанру? К сожалению, я не потрудился отдать себе в этом отчёт, помню только, что в одном этюде мне понравились строгие готические формы собора, и в другом – небо красиво гармонировало с монастырской оградой и кустами за оградой.

Кроме этого я пишу поколенный портрет моего отца в натуральную величину (40 x 18 в) – первая работа по величине, которую я когда-либо рисовал, или писал.

У меня здесь в доме отца есть большая комната, которую я приспособил для мастерской и в которой, вероятно, буду в течение всего лета писать и рисовать натурщиков в костюме Адама. Я надеюсь работать в комнате – 20 минут ходьбы и я уже в парке, ещё дальше, река, лес – всё это под рукой.

Здоровье моё в полном цвету, ем, пью обильно, дышу свежим здоровым воздухом. По вечерам при электрическом освещении лонирую без бинокля виленский прекрасный пол, приходящий, как и я, на музыку в «ботанический» сад.

На представительницах слабого пола остановлюсь подробнее. На мой взгляд, как я уже писал, некоторые из них настолько хороши, что гармонируют вполне с красивой природой, и как эта природа лишена грандиозности и строгой красоты, так и её обитательницы отличаются далеко не классической красотой, Венеры тут также редки, как и на Сенной в Петербурге, но зато их наружность привлекательна необыкновенно и они волнуют душу осмысленностью и содержанием своего лица, пышащего здоровьем. Виленская девушка при значительной доле женственности и кокетства, отличается, однако, чуткостью и отзывчивостью. Не думай, впрочем, что я пошёл дальше одних только беглых взглядов, и знакомых дам у меня не особенно много, а коротко знакомых и совсем нет.

Тороплюсь кончить, чтобы поспеть с отсылкой. Пожалуйста, дорогой мой Николай, побалуй меня более подробным письмом обо всех твоих делах и, в особенности, об экзаменах, которые от всей души желаю тебе довести до конца.

Пиши также о своём здоровье, советую тебе поменьше враждовать с пользующими тебя врагами, ибо если они тебя в Крым посылают, то и исполать им за это. Я, например, совсем не прочь посмотреть на Алупку, Судак и проч. Был в Одессе и не побывал в Крыму – как ты это назовёшь? Зато я успел побывать в Кишинёве и Херсоне и проехаться вверх по Днепру.

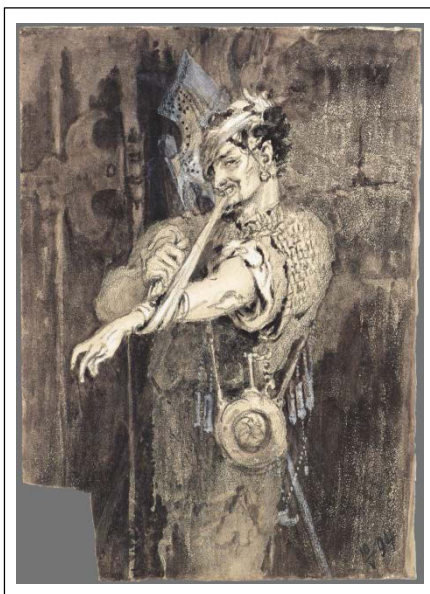
Ну, до свидания Коля, жму крепко твою руку и с удовольствием расцелуемся. Всё-таки был бы очень счастлив, если б получил от тебя реляции о происходящем в Академии. Чуприненко с Федоровичем 1-го Апреля уехали из Петрограда, и до сих пор не имею никаких сведений о них.

Преданный тебе друг

Леон Антокольский

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/568, 4 л.

10 мая 1894 г. СПб.

Воин, перевязывающий руку. 1894. Картон, гр.карандаш, акварель, 20 x 24 см.
Справа внизу дата: 10/V 94.

14 мая 1894 г. СПб. Университет

14/V 94.

Работая по отделу русского историческ. жанра я поставил себе первым делом задачей изучение родной археологии.

В прошлом году, собирая сведения, изучая древние памятники нашей С.-Петербургской губернии, меня заинтересовали, между прочим, 2, по-видимому, археологические памятника. Оба они находятся в Царскосельском уезде на земле Изварской казённой дачи Царскосельского лесничества.

1. Курган, называемый крестьянами «Плитной горкой», приблизительно в 1 сажень высоты, весь накидан из мелкой плиты (~~с многими~~ ~~окам~~ с остатками раковин, моллюсков и др. окаменелостей) находится версты 4 от жилья, стоит на болотистой местности на берегу ручья. Принимая во внимание его глухое местоположение и ~~странную~~ плиту (с окаменел.), мне кажется, что это древний погреб. курган или же это одно из искусственных возвышений, пользующихся названием места жертвоприношений (в нашем уезде я знаю ещё одно искусственное возвышение, пользующееся такой же репутацией).

2. Крестьяне в прошлом или позапрошлом году на берегу речки Хмеленки «Серебряный ручей» нашли «сопку», которую сообщая и начали раскапывать. Под слоем верхнего дёрна оказался слой камней (мелких, какие бывают на речном дне), а потом шла накидная земля. В этой земле они нашли кусок дерева с ещё видными на нём как «зарубками» и, не поняв их, бросили ~~этот~~ ~~дере~~ кусок в реку, где его унесло течением. Далее они будто бы докопались до четырёхугольной плиты, но тут вода начала заливать яму, и они принуждены были бросить работу.

В виду всего вышеприведенного я имею честь просить....

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/44 л. 23.

Н.К. Рерих. Старинное русское оружие. Вверху надпись и дата: *Секира 14/4 94*.
Под одним из рисунков надпись: *Змеявик из Переяславля*. Внизу дата: *16/5 94*.

АРХЕОЛОГИЯ

«Серьёзные археологические занятия Рериха начались очень рано, ещё на университетской скамье. Уже с 1894 г. он производит ряд археологических исследований, в 1897 г. напечатан в "Новом Времени" его первый фельетон "О раскопках" и статьи в "Записках Императорского русского археологического общества"».

А.А. Ростиславов.

16 мая 1894 г.

Заявление в Императорскую Археологическую комиссию

Работая по отделу русского исторического жанра, я поставил задачей изучение родной археологии. В прошлом году, собирая сведения и изучая древние памятники древности в нашей С. Петербургской губернии, я был заинтересован между прочим двумя, по-видимому, археологическими памятниками. Оба они находятся в Царскосельском уезде, на земле Изварской казённой дачи Царскосельского лесничества.

1. Курган, называемый «Плитной горкой», приблизительно в 1 сажень высотой, если не больше; весь накидан из мелкой плиты (с отпечатками раковин, моллюсков и других окаменелостей); находится версты 4 в лесу от жилья, стоит на болотистом месте на берегу ручья. Принимая во внимание его глухое местоположение и плиту (с окаменелостями), мне кажется, что это древний

погребальный курган, или же это одно из искусственных возвышений, пользующихся известностью места жертвоприношений (в нашем уезде я знаю ещё более обширное плитное возвышение, пользующееся подобной репутацией).

2. В прошлом или позапрошлом году крестьяне на берегу речки Хмеленки нашли «сопку» «Серебряный ручей», которую сообща и начали раскапывать. Под слоем верхнего дёрна оказался слой камней (мелких, какие бывают на речном дне), а потом шла накидная земля. В этой земле они нашли кусок дерева с ещё видными на нём как «зарубками», и не поняв их, бросили кусок в реку, где его унесло течением. Далее они будто бы докопались до четырёхугольной плиты, но тут вода начала заливать яму, и они принуждены были бросить работу.

Ввиду всего вышеприведенного я имею честь просить Императорскую Археологическую комиссию разрешить мне произвести исследование этих 2 мест; причём обязуюсь представить полный отчёт о моих действиях, с приложением предметов, если что будет найдено, а также произвести все работы на собственный счёт.

Жительство имею:

Васильевский Остров, Университетская набережная. Дом № 25.

Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН, СПб.,

ф. 1. № 74/1894, лл. 1, 2. (Заявление датировано 16 мая 1894 г.)

(Публикуется по изд.: Петербургский Рериховский сборник, II-III. Самара. 1999.)

(См. черновик: ОР ГТГ, ф. 44/44, л. 23. Датировано: 14/V 94.)

16 мая 1894 г.

Н.К. Рерих. Растение. 1894. 16.V. 94.

21 мая 1894 г. Петербург.

Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

Пб. 21/V <18>94.

Переезжаю в деревню, дорогой друг, - экзамены кончились. Пиши по адресу: Балтийская жел. дор. Станция Волосово. Мыза Извара. Н.К. Рериху.

Письмо напишу недельки через полторы – теперь отдыхаю.

Всего хорошего

Друг Твой

Н. Рерих.

Н.К. Рерих «Письма к Л.М. Антокольскому и Л.М. Антокольского к Н.К. Рериху». СПб. 1993.

29 мая 1894 г. Петербург.

Письмо А.В. Скалона к Рериху Н.К.

СПб. 29 Мая 1894 год

Душа мой!

Наконец, получил я эту бумажку, ту, за которую бился 8 лет. Ощущение прекрасное, но сразу не чувствуется всей сладости этого события!

Дам тебе некоторый очерк тех обстоятельств, которыми было обставлено получение аттестата. 27-го был экзамен история, на котором у меня произошла такая же сцена, как у тебя у профессора: ставьте три! Затем, в 6 часов я уже был у нашей <Алкивиаде>. Там уже все были в сборе, кроме С.В. Мирошникова и нашей балаболки – Липовск. Наконец она явилась. Не стану описывать сцену ухаживания, скажу только, что дело кончилось полным опьянением всех участников.

Ещё теперь вижу, как Умнов, сидя посреди сада и склонившись на руки одного из близ находившихся приятелей, изрыгал потоки. Мы же с Ламановым, мирно прикорнув на песке, клялись друг другу в вечной любви.

Но на другой день <з...> - товарища передавали эту благородную сцену так: Ламанов пал костями; на нём, уткнувшись в почву, лежал твой покорнейший слуга, и оба, будто бы, громко воют! Не верю! В этом прибавляют, что подлая Шафере, притаившись у окна и видя эту сцену, от смеха, заболела коликами! Подозреваю, что это сущая неправда! К чести наших героев надо сказать, что всё кончилось очень мило: разошлись по домам в час, не позже. А вчера мы были у Ламанова: его родит[ели] - это простые и до крайности милые люди, радушные до крайности. Действительно: «не красна изба углами, а красна пирогами» вполне к ним подходит.

Вообще, я провёл это время очень мило и товарищи утешили меня тем, что никто (за исключением увы! <Калика>) даже не упоминают о грязных забавах известного сорта.

Твой А. Скалон.

Поклон Вашим АС

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1295. 2 л.

Н.К. Рерих. Прибылая лисица. 1894.

29 мая [18]94 г. Мыза Извара.

Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

Мыза Извара. 29/V 94.

По Балтийской жел. дор. Станция Волосово

Наконец-то, дорогой мой, чувствую себя способным написать пару строчек. И я теперь тоже на лоне природы. Приехал с целью недельки 2 совсем отдохнуть – а вышло иначе. Сразу, как приехал, засел за работу. Написал 1 рассказ, нарисовал 3 этюдика и начал мазать мой большой этюд – только не знаю, будет ли из него толк.

Мои экзамены сошли вполне благополучно, я к одному успел подготовиться в 2 дня (500 стр.). Ты вот писал мне, что я, вероятно, удивлён, услышав о Твоих, не относящихся к жанру, этюдах, об этом я хочу высказаться. Я думаю, что если бы люди не были ограничены в средствах, а главное – во времени (*vita brevis est*¹), то в работе не ограничивались бы узкими специальностями, а захватывали как можно шире всё, как и даже мы стремимся. Тогда не были бы художники-специалисты, а были бы идеальные художники вообще. Но мы во всём ограничены, и потому, помня это, ввиду большой пользы для общества, *volens-volens*² должны заключать себя в более или менее узкие рамки. Если на дороге лежат 2 камня, один большой, а другой маленький, то, по-моему, лучше убрать с дороги несколько маленьких камней и спасти общественный экипаж от маленьких толчков, чем тщетно стараться над большим, и всю жизнь провести всё-таки без пользы. Всегда, по-моему, лучше двигаться по определённой дороге, раз уже намеченной, и даже если бы в середине и был виден сворот на более удобную дорогу, то уж не сворачивать, пока не дойдёшь до цели. Конечно, можно простить, если усталый путник свернёт в сторону, чтобы

---

¹ Жизнь коротка (*лат.*)

² Волей-неволей (*лат.*)

напиться или чтобы сорвать душистый цветок. Но если он забудет о том, что он шёл успокоить больного друга, и останется собирать цветы, как цель своего пути, то уже такой поступок непростителен – он потерял путеводную звезду. Если учёный, изобретая что-либо, воздушный шар, по дороге остановится и отвлечётся изображением подходящей шёлковой ткани, то это ничего, если даже он и увлечётся немного, но вот коли он бросится всецело на изображение тканей и забудет о шаре, да потом ещё перескочит на другую специальность, то он перестанет быть учёным и делается дилетантом. В первом случае он отдаёт долг своей любознательности, не упуская цели; а во втором – любознательность, страсть берёт верх; а ещё Платон говорил, что рассудок в голове должен быть, мужество – в груди и страсти – в нижних частях тела. Также и художник: отвлекаясь от своей специальности только минутами, не упуская главной цели из виду, - от отдаёт долг своей художественной натуре, и коль скоро основная цель ускользнула от взора, он перестаёт быть художником и делается всецело художественной натурой, и это мы даже сплошь и рядом видим на выставках. Конечно, кто будет стоять за узкую специальность, если бы отстранить ограниченность в средствах и времени? Но при данности положения дела только специальностью и можно оказать пользу обществу, не оказаться пустоцветом. Всё это, я сказал, не относится к Твоим этюдам! Ты писал, что на одном этюде стена монастырская, а ведь это для жанриста вещь необходимая, так что тут, мне кажется, Ты действовал для достижения цели, которая как неясное облако причудливой формы смутно подымается из-за дремучего леса, через который нам предстоит пройти. В этом лесу и тигры, и змеи ядовитые, и вредные растения ; одному по этому лесу трудно пройти – ведь тропинок нет, как раз заблудиться и уж тогда трудно выбраться на верный путь (но что трудно одному, то легко многим), и потому сформируем, брат, дружину и, запасшись щитом знания и копьем опытности, тесной македонской фалангой пойдём смело в лес, и тогда, быть может, по звёздам да по ветру, под охраной Бога и выберемся на дорогу торную, яснее увидим цель и так, рука об руку. и пройдем до конца дороги, а в конце вижу – какая-то чёрная яма виднеется, - все туда придём...

В Академии какая-то ерунда происходит – ничего не поймёшь. Сперва все мастерские были запружены конкурентами, а теперь многие, говорят, разъехались. На днях Археологическая комиссия высылает мне открытый лист для раскопок. Просто беда – из редакции заседают, требуют обещанных статей, а они ещё не переписаны, а иллюстрации ещё даже не сочинены. Надо, очевидно, работать, настроение у меня грустное, но об этом в следующем письме. Прости, голубчик, что пишу неясно и безграмотно, кажется, письма всегда пишу с налёту, быстро. Отвечай скорей. Я Твои письма сохраняю, и Ты мои – тоже. Осенью всё надеюсь собрать человек 5 и собраться толковать. Да, боюсь, Ты очень расписываешь виленских красавиц, скажу Тебе словами Медеи Фигнер, как она ответила одному знакомому художнику, когда он писал портрет её: «Meuseu, не соблазняйте мной и не увлекайтесь». Я Тебе то же скажу. Передавай Твой поклон щирому батьке М.О. Микешину. Какой он памятник Жанне д'Арк сочинил – чудо. Да его всё что-то обходят. Всего лучшего. Пиши и пиши. Люблю Тебя братски

Н. Рерих

Н.К. Рерих «Письма к Л.М. Антокольскому и Л.М. Антокольского к Н.К. Рериху». СПб. 1993.

ИЮНЬ

10 июня 1894 г. Петербург

Письмо А. В. Скалона к Рериху Н. К.

10 Июня (Пятница) 94.

«Ну не свинья ли Ты !? Ну не подлец ли Ты?!» (Женитьба, Гоголя) «Ну кому удастся Тебя не бранить?» У «кого хватит духу Тебя не бранить?» (там же). Прочитывал, кажется, верно, и, кажется, кстати? Что за гнусное местечко в Твоём письме: “...Ясный намёк на то, что я стал Тебе в тягость...” Меня это не только удивило, но даже и огорчило несколько. Невольно хочется ещё раз повторить вышеприведенную цитату. Хочу думать, что это Ты написал так, зря, и потому – довольно по этому предмету.

Видишь ли, я сам не знаю, как это вышло с винным-то запахом! Я только констатировал Тебе приятный факт, не вникая в причины. Теперь брошу краткий взгляд на это почтенное увеселение. Вероятно, будь это не в столь приличной обстановке, как у <...Шафере>; не будь при этом Сергея Вас. и Александра Лаврент., мы бы не дошли до столь сладостного состояния. Напишу Тебе <тут> и ещё один факт, весьма глупый и имевший результат, диаметрально противоположный тому, на который рассчитывали. Итак, сначала: выпили столько тостов, в которых нельзя было не принимать участия, что всё сразу незаметно немного намокли. А потом подлая Шафере дала нам кофе, переполненного коньяком. Я и не подозревал, что переступил границу, но об этом напомнил мне Попов следующим образом: он подошёл ко мне, ласково посмотрел мне в глаза и, назвал Сашей, что с ним бывает только в нетрезвые минуты. Затем он стал открываться мне в дружбе, и я подумал: “Э, брат, да Ты изрядно дернул, но сейчас же заметил, что и сам от постоянных тостов чувствую себя грузным. И вот я умилился духом, сказал, что ужасно люблю всю их компанию и особенно (!) Ваничку Петрашенья. Лёвушка трезвый (он, как хозяин, не пил), кажется, открыто запротестовал против моего признания. Я что-то вяло возражал и, должно быть, говорил вздор, не помню что. Но, в конце концов, Попов, этот истинный друг, сказал мне конфиденциально буквально следующее: “Саша! я тебя люблю, прямо скажу, потому что Ты человек способный (а?! на что бьёт); брось, брат, Рериха, он умеренный и аккуратный малый и нам (?) не по вкусу. Будь нашим другом”. Это меня так приятно поразило, что я сразу протрезвился, засмеялся, сказал ему, что мы слишком выпили, чтобы говорить о деле.

3.

Набросились на “Курицу!” “От охотника всего ожидают”. Неправда, таких глупостей никто не ожидал. - ...стаканчик, к счастью, дальнейшего успеха не имевший, ведь не все поймут эту фразу.

Не всякий знает, что Тебя тошнит от вида вина и не всякий питает такое отвращение к стаканчику перед началом охоты. Напротив, это издавна считалось почти необходимым. Вспомни старого графа в “Войне и мире”, который ел запеканочку и заливал любимым бордо. И так думает большинство. Не следует <...истновать> на охоте, это другое дело! Предлагаю эту твою фразу непреренно выпустить. – Что задумал этот коварный художник в углу? Мы с Тобой знаем, что он задумал остроумную картинку на друзей, а <...--то> хвата-

ется за карман, где у него лежит бумажник! Множество лишних и не совсем удачных звукоподражаний и неслыханных возгласов: “благослови Владыко!” Никогда не слышал, “Ух! резнуло!” Некстати. “Гирр – Гирр, баут – баут!” Не эстетично! Далее странные выражения, которых никто не слышал и не знает: “восстанавливает трепет..” - схват. за пуговицу и допытает“(!) - не хочет <“до-видать”> (?) на весь вагон “глаголил”. Это уж верх совершенства. На каждом шагу встречается “други”, так что это даже надоедает.

Действия нет, связи, последовательности никакой. Вставлены неуместные рассказы про арендатора, про <польскую> актрису, про пісню гайдамацку (?), а это неинтересно ни для кого, кроме Тебя. В общем, скверно; советую продумать и переделать.

Надеюсь, что Ты не будешь в претензии, что я так беспощадно раскритиковал твоё произведение. Ты требовал совета, а не лести. А как же я могу похвалить следующие неестественные, выдуманные, вымученные звуки: “Сúдарыня барыня – “Сúдарыня барыня.. Эх! – ма – а! – Твоё “Ух широко!” портит картинку и сбивает с толку читателя. Непременно хочу повидать Тебя и ещё поговорить об этой вещице. Мне очень будет жаль, если в печати появятся Твои подобные отпрыски. *А всё вредное влияние батька.* Он не учит Тебя лгать и быть неестественным! В Твоих первых сочинениях был Талант, а в этом его не видно, благодаря глупой манерности.

Прощай, дорогой друг, очень буду рад, если и впредь обратишься ко мне, не обидевшись за критику. От меня всегда можешь ждать искреннего, хотя и резкого, порой, отзыва

Весь Твой АС.

Кланяйся от меня Твоим родителям и скажи, что я никогда не забуду радушия, с которым был принят в Изваре.

Кланяйся Вашим. <Маковскому> посоветуй прочесть почтенный труд Макиавелли. Это ему принесёт пользу и даст некоторую гимнастику ума.

<...> АС.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1296, 4 л.

Н.К. Рерих. Девушки на берегу. [1894].

СТАРАЯ ШЛЯПОЧКА Старый берет

Скорее приспособлена к пониманию наиболее невинного возраста, т.е. по новейшим исследованиям, до отнятия не позже как во время кормления грудью (до произнесения первого звука).

В гардеробе театра большое движение: огромные шкафы настежь открыты, целые вороха самых разнообразных костюмов набросаны на широчайших столах, то и дело шныряют сторожа, говор и стук — завтра назначена продажа бракованных костюмов, отслуживших свою службу.

Но вы думаете, в запертых шкафах спокойно? Ничуть не бывало... там ещё суетливей, спор чуть до драки не доходит...

Там спорят костюмы между собою. Конечно, вам не услышать этого спора, на то не хватит человеческого уха, - (да и слава Богу, что не на все), и то оно подчас слишком много слышит. Ведь слишком хорошо известно, что всё имеет свой язык; пуговица кричит "чего вы щиплетесь?" - а вам только слышится шуршанье её о материю, панталоны, когда вы их натягиваете; солидным баском замечают: "этак и оборвать можно", а всем кажется, что они слегка затрепали. Особенности же говоруны, это сапоги, мне даже кажется, не исправляют ли они место адвокатов (присяжных поверенных) в этой области. Царь небесный, чего только они не наговорят, другой так-таки и успокоиться не может все приговаривает, будто пискливым дискантом пищит "и я тут, и я тут"; а положительный сапог, этак в чине не менее статского советника, отчеканивает басом "потише, потише" "дорогу, дорогу" и такие иной раз разговоры затеяют, что... Да вы не верите? Так обратитесь к Мурлыке - коту, он неверно подтвердит это, а уж кому иному знать об этом

[Вот хотя бы послушаем один разговор]

Особенно жаркий спор происходит в шкафу, где костюмы солистов. Нарядный фронт итальянец толкнул нарядную даму француженку мрачного бандита и шепнул: "а ведь нашему старичку, не сдобровать!", но шепот был не рассчитан и дошёл до [почтенного Гамлета], также до какой-то старушки (кажется, немки, впрочем, боюсь ошибиться, старушечьи костюмы слишком схожи между собою), а что становилось известным этой почтенной особе, то узнавали почти моментально все. Как она ухитрилась это делать, не знаю, но, кажется, она сообщала каждому порознь в виде секрета. Таким путём слух этот, как всегда бывает, достиг до лица, о котором снёсся итальянец с бандитом и весьма раздражил эту заслуженную особу, поседевшего на службе Гамлета (т.е., выражаясь проще, порядком выцветшего полинялого). Маститый старец не воздержался: "кой чёрт сказал эту глупость! Мне не сдобровать? Мне? Да знаете ли кто меня одевал?" Берет даже закачался на вешалке: "У кого я был на голове? Бог мой! Из театра на руках несли мою голову (тут немного слишком специальное выражение костюмов). Смотрите, с каким почтением глядят на меня. О, я ещё покажу себя! Я, я, я... бедный старик задохся кашлем, так что соседи сочувственно поддержали его, а чёрный доктор, крикнул: "воды генералу!"

Произошло маленькое смятение, все затолпились, чтобы помочь, но выходило, будто хотели друг за друга спрятаться. В то время, пользуясь общим смятением, какой-то придворный чмокнул субретку, а паяц, как и следовало ожидать, отпустил такое словечко насчет генералов, что более солидные только молча пожали плечами, [*2 строки зачеркнуты*] да не подумал бы кто о сочувствии к этой глупой шутке.

Генерала привели в чувство, и какой-то нарядный гвардеец с белым страусиным пером постарался рассеять дурное настроение старца, навеянное выше описанным инцидентом. Кругом опять зашумел оживлённый разговор; дамы мило сплетничали, военные говорили о политике, доктор, взявши нотариуса за пуговицу, доказывал о их взаимной пользе, поэт с меланхолическим видом уставился в самый потолок и наблюдал надзвездный мир... как вдруг дверцы шкафа отворились, "Выкинь костюм Гамлета за № 738", - раздался громкий голос костюмера.

Наш почтенный старец едва успел залепетать: "Милостивый Государь, Милостивый Государь, да знаете ли? вы... вы... вы", - как рука сторожа ловко сорвала его с вешалки и, при общем соболезновании, по воздуху перекинула на стол и, о ужас! - рядом с костюмом ~~факельщика~~ могильщика, могильщика, мужика могильщика, бывшего на плечах у выходного. Даже ярые ненавистники генерала и те зашуршали от негодования, а один муж, годами почти ровесник нашему старцу, [~~весьма заслуженная личность~~] только и мог, заикаясь, воскликнуть: "это, это я не знаю что такое".

Но тут дверцы шкапа закрылись, и все решили, что генерал был совсем недурной человек, только... и изложение этого только заняло добрых 2 часа времени, впрочем, все остальные о нём почтенного мнения.

Необходимо упомянуть, что во время происшедшего шума один пылкий молодой человек, как говорят, злоупотребил общим доверием в отношении своей соседки, к сожалению особы интеллигентного круга.

~~[С большим разбором следует вешать костюмы. Не доверяйте костюмам! Среди мужских костюмов]~~ большая разница в годах должна быть между соседями. (Не менее 50 лет, для некоторых же более ярких случаев и того мало).

Мой стальной кончик, называемый пером оказывается совершенно беспомощный для изображения душевных терзаний генерала, подлежащего одной участи с мужиком могильщиком...

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/43. Л. 17, 18. (Черновой вариант)

15 Июня 1894 г. Пельгора
Письмо А. Скалона к Н.К. Рериху

Пельгора 15 Июня 94.

«Обращай внимание не на дощечку, на которой написано письмо и не на почерк, а на смысл написанного!» (кажется Цицерон?).

Из Твоего письма я заключаю, что Ты мой враг! Как же!

Сейчас плотно поел, лежу, отдыхаю, читаю Обломова, вдруг приносят письмо. Ну – узнаю по почерку. Ага, думаю, приятель, откликнулся! И с первых, почти,

строчек начинаю хохотать и так до конца. Я чуть не умер от колик и всё по Твоей милости. У Тебя в пере бес сидит. Но «всего в меру», как говорил негр, после того как ему засыпали сотню палок.

В меру и шутку. <Не> передав к телу.

Насчёт приезда «уж я сказал – буду стараться. Так буду стараться, что как только возможно». Папа денег мне, по всей вероятности, отвалит, тем более, что немного и надо. Сижу тут и жду высылки охотничьего билета, на который деньги уже выслал. Если приеду, то привезу: 5 ф. № 10-го, 5 ф. № 11-го ; фунта полтора пороху, 250 пистонов и по 200 пыжей тех и друг. Это всё готово. Кроме того, конечно, ружья и машинки. Далее: пары три штанов (одни приличные), сапоги (малые), сапоги (большие) и портки; Белья; Мелкие деньги. Всё кажется? А приехать к Тебе мне будет полезно даже и в геморроидальном отношении, как говаривал чудак Чичиков.

А потом, может быть, вместе поедем прямо ко мне, потому что:

Мне и брату моему на днях Тучков выдаст форменное разрешение исключительного права охотиться на его землях. Понимаешь? Из соседей, никто не будет иметь право сунуть нос. Кобель, не скажу, превосходен, но ходит. Сука – хорошая, пока у меня, но не ручаюсь за будущее. Земли масса - и болота и лесу за болотами. Но нам с Тобой надо будет поспеть к 15-му, чтобы похлопать <тетеревей>.

Болотной дичи не архи, как много, но об этом, правда, ещё немного рано судить. Рябчиков много. Не знаю, как тетеревей; видел только холостых. Уток, вероятно много будет. <...> масса. Я испытываю скуку, томление, злобу, ничего не делаю. Погода такая, что хоть из окна выброситься: никуда нельзя выйти. Ничего не делаю, только читаю. Попробовал Политическую экономию <рыжего> пса (чёрта точно), но такая скучища! Говорить ни с кем нельзя. С братом дела не идут – груб и деспотичен до свинства. Мы уже не раз крупно бранились. С Николаем Максимовичем жить можно. Но, к сожалению, у Них с братом исключительно разговоры о питиях (Ром уже привезли) и о (увы!) болезни половых органов. С радостью передают известие, что некто Лебедев заполучил какую-то пакость. И действительно – Слава Богу, по крайней мере, не приедет к нам на охоту. Миша <Камен..> настолько умён и понятлив, что не приехал, да, надеюсь, что и не приедет. Ох, Николай Максимович с душком – Ой! Он сидит рядом, пишет и ...ой! ой! Бросаю писать. Скажу просто: <Он и бр.. ... чёрного хлеба гр... или он ...> страшно портит воздух. Невыносимо!

Твой А.Скалон

А уступишь!

Мир праху. <Постеясь в царствии ... Небесное>. Хороший <был> человек. Меня спас на экзамене геометрии в 4 классе!

По крайней мере, остались ли хоть какие-нибудь средства?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1297, 1 л.

21 июня 1894 г.

Письмо - приглашение священника А. Румянцева для Рерих Константина Фёдоровича и Марии Васильевны на закладку нового Храма в Грызове.

Н.К. Рерих. Грызовская церковь. 1893-95.

**ПРИХОДСКАГО
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА
при православной
ГРЫЗОВСКОЙ ЦЕРКВИ.**

Июня 21 дня 1894 года.

Ст. Волосово, Балтийской жел. дор.

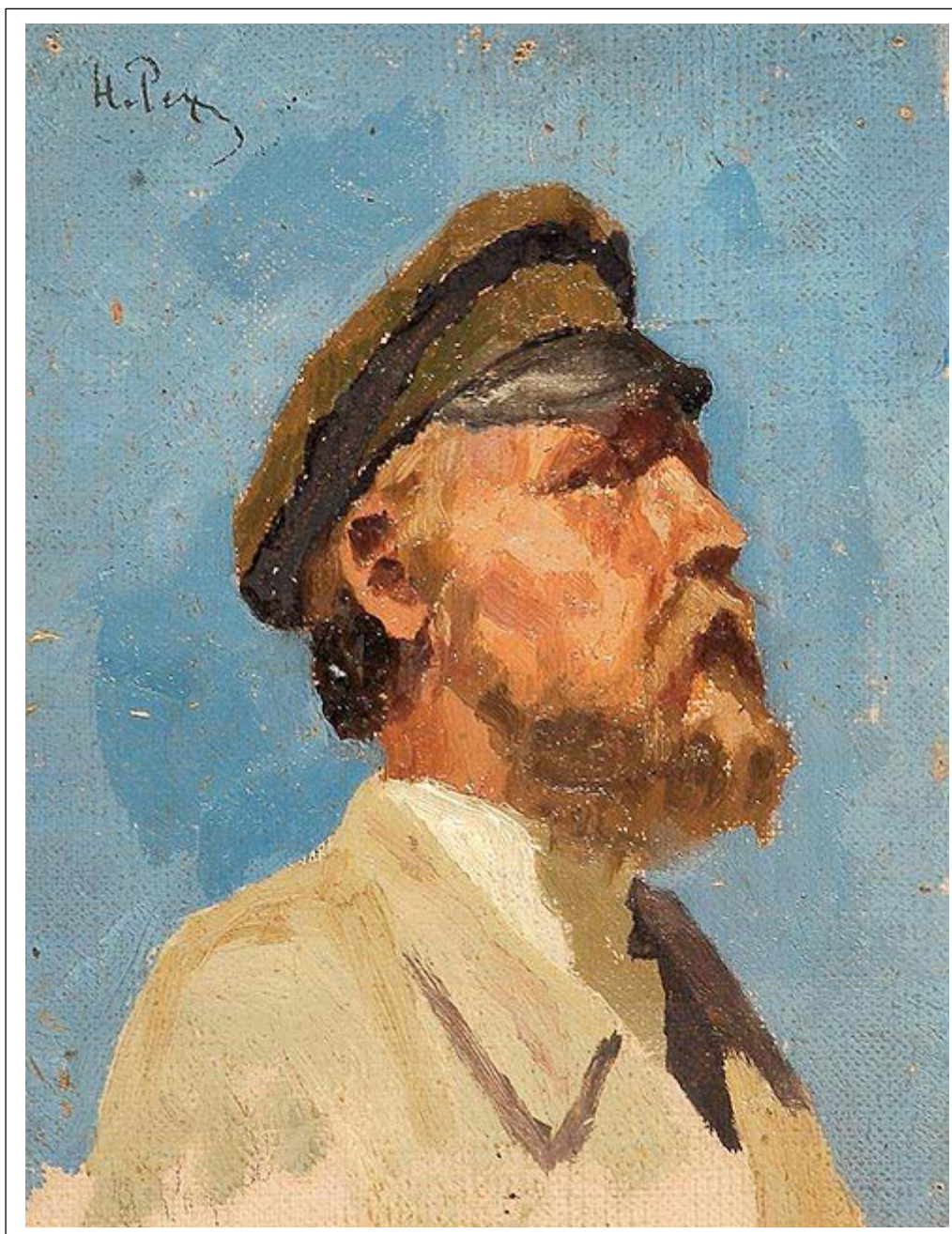
Милостивый Государь,
Многоуважаемый Константин Федорович и
Многоуважаемая Марья Васильевна!

Вы так много делали для нашего Храма Божия, надеюсь, что не откажетесь принять участие и в торжестве закладки нового Храма, имеющего совершиться 3-го Июля. Долгом считаю известить Вас о сём торжестве и сердечно прошу пожаловать.

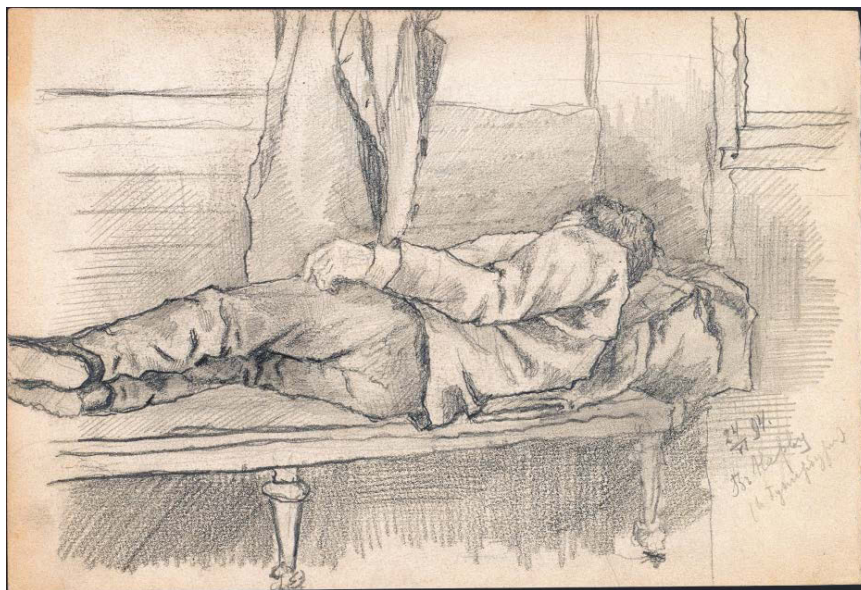
Всегда уважающий Вас

Священник Александр Румянцев.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1259. 1 л.

И.К. Рерих. Портрет мужчины. 1890-е.

В вагоне. 1894.

Справа внизу дата и надпись: 24/VI / В Нарву (из Петербурга)

24 Июня 1894 г.

Письмо А. Скалона к Н.К. Рериху

Пельгора 24 Июня 94.

Изложу Тебе дела по порядку: сейчас получил письмо Твое и над ним думал, и вот что надумал. – Ты говоришь мне выезжать 27-го. Рассмотрим насколько это исполнимо.

1) Сегодня 24; значит, должен писать, когда выеду, а между тем, папы всё нет и это даже меня начинает немного беспокоить. Мама пишет, что известий от него нет. Нам он писал, что 19-го выезжает на Самару, затем должен будет представить отчёт в Совет Крест. Банка. Тут он будет не ранее 30-го или 1-го. 3-его же день моего рожденья, и я не могу оставить его здесь в этот день. Это будет обида: мне ведь 20 лет стукнет, и потом он захочет праздновать окончание гимназии. Он меня не видал с начала Мая. Раньше его приезда я не могу получить денег. Мои 8 руб. у него, а брат, у которого хозяйство на руках, не даст мне, и совершенно прав, так как деньги не его. – Я думаю дожждаться папы и выслать Тебе 10 руб. – половину <...> чтобы быть спокойнее и ... чтобы, истратив деньги, попросить ещё на проезд к Тебе попозже.

А вот что: Когда приедет папа, я Тебя хоть телеграммой извещу. Теперь, на первых днях Ты сорви цвет наслаждений на озёрах и на болотах, а потом до 15-го махни-тко ко мне. 15-го мне придётся подать прошение, так что буду в <Питере>. Вместе бы поехали, а потом проехали бы к Вам. Если Тебе не нравится этот план, то предложи мне другой, а я пока связан по рукам и ногам. Зачем пишешь Тучков<ье>?! А? Скоро буду писать ещё.

Твой А.Скалон

Спешил писать, потому что брат сейчас едет в Питер...

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1298. 1 л.

27 Июня 1894 г.

Письмо Л. Антокольского к Рериху Н.К.

Вильна 27 Июня 94.

Дорогой мой друг!

Ума не приложу, никак не могу понять почему это ты не получил моего письма, я там столько написал, что вряд ли сумею снова то же самое изложить, что в том письме. Неужели оно пропало? Если ты мне сообщил тогда верно свой адрес, то я, кажется, не ошибся – я написал так: Студенту Рериху. Ст. Волосово Балтийск. ж.д. Мыза Извара. Может быть, я неверно прочитал, теперь посмотрев твои 2 письма в котор. есть адрес, читаю не то «мыза Извара, не то «Увара».

Если письмо где-ниб. затерялось, то ты, вероятно, его получишь, а то может быть уже и получил, а это было бы лучше всего.

Слышал здесь про картину Ползунова, котор. он написал для осеннего конкурса - «История падшей женщины»; фон – Невский проспект. Пишут мне, что Репин видел и пришёл в восторг – вероятно, что-ниб. особенное, мож. б. шедевр, котор. послужит началом его известности. Bravo, Ползунов!

Я никак не ожидал такого быстрого успеха его. Когда он был в Фигурном классе, я тогда только что перешёл и за 2-ю фигуру получил № 1; он получил № 2-ой. Вообще мне казалось, что я лучше его пойду, но судьба решила иначе - *sic transit gloria mundi*³, - а мож. б., я сам виноват в этом более, чем судьба, во всяком случае, я ужасно рад его успеху, дай Бог ему справляться с такими трудными темами как эта.

Мне уже и то нравится в нём, что он не остановился перед такой трудностью, это доказывает, что это большой корабль, которому предстоит большое плавание.

На днях читал в Новостях – состав нов. профессоров в Академии. Ты, вероятно, уже раньше меня знал. Меня, однако, очень удивляет, что ты так мало сообщаемь мне реляций о происходящем в Академии. Мне приходится ограничиваться сомнительными слухами. Пожалуйста, дорогой, будь настоящим другом, когда будешь в Питере, узнай у товарищей, какого рода экзамен мне предстоит. Если мне предстоит теперь и в сам. деле экзамен для поступления в Академию, то представь себе, что это, конечно, - вопрос жизни или смерти для меня; и при всем том, я ещё не знаю, что мне предстоит.

Как же подвигаются твои работы, напрасно ты так скоро отчаялся в успехе твоего исторического эскиза, работай, работай, голубчик мой, не покладая рук, дело твоё правое, а при твоём таланте всё зависит только от энергии и желания. Что же с портретом щирого батьки? Когда примешься за эту работу? Желая тебе от всей души успеха, старайся быть на высоте своего призвания, не падай духом от маленьких неудач, всякий то же самое переживает, от гениального художника – до последнего картинных дел мастера.

Что до меня, то по-прежнему звёзд с неба не хватаю, а если удастся написать хоть как-нибудь удовлетворительно этюд, то и этого с меня довольно. Впрочем, увидишь скоро, я уже 15-го августа выезжаю в Питер, и теперь не прочь был бы повидаться с тобою, если б это было возможно.

---

³ Так проходит мирская слава (*лат.*)

III

Ради Бога, Николай, выполни мою просьбу, тебе всё-таки ближе, когда узнаешь и напишешь мне, тогда в письме раза 2- 3 ½ поцелую тебя.

В том письме я ответил тебе по всем статьям: и о художественной специальности, и в особенности я распинался за твою мысль собрать кружок товарищей для собеседований. Скажу теперь опять, что эта мысль встретила с моей стороны самое горячее участие; если тебе принадлежала инициатива, то я наравне с тобою буду исполнителем. Ну-с, а теперь, addio mio carissime [Прощай, мой дорогой (ит.) – ред.].

Может быть, повидеешься с Мих. Ос. Пожалуйста, поклонись.

Пишу мало, потому что некогда, отправляюсь сейчас за город.

Жду с нетерпением известий.

Твой преданный тебе

Леон Антокольский

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/569, 2 л.

29 июня 1894 г.

Письмо А. Скалона к Рериху Н.К.

29 Июн. 94.

Дорогой, приятный, сладостный, свинья <гнусная>, ну чего же ты опять вскип, рассердился и не пишешь? Если я Тебя и обманул немного, то мне это ещё неприятнее, чем Тебе. С собакой-то такое дело, что придётся покупать. Вот те будущих 25 руб. Ась!!.. Теперь шлю Тебе 10 руб., а попозже ещё пришлю 10. Вот уже и полсотни. Если пошлю Тебе собаку, то Михаилу Иван. Нужно иль денег, иль дар?

Я теперь чрезвычайно экономен и все сбережения намерен посадить в этот кружок. Я уверен, что Ты меня одобряешь. А, кроме того, папа приехал только вчера и сказал, что ему было бы невыразимо горько, если бы я от него убежал. <Ведь> я Тебе говорил, какие мы с ним друзья. Но Ты человек умный, или, по крайней мере, неглупый, и всё это способен взвесить; поэтому не стоит Тебе больше доказывать, что не могу прибыть.

Военные действия я начал 28 в 9 час. вечера. Мы с братом сходили на ближайшиe прудки в лесу и взяли целый выводок <чирков>. Он убил трёх, я двух молодых и я ещё селезня старого. Сегодня с утра заигрались в лесу, и каюсь Тебе, взял трёх глухарей и, для очистки совести, - бекаса. Завтра иду на дупелей и на бекасей.

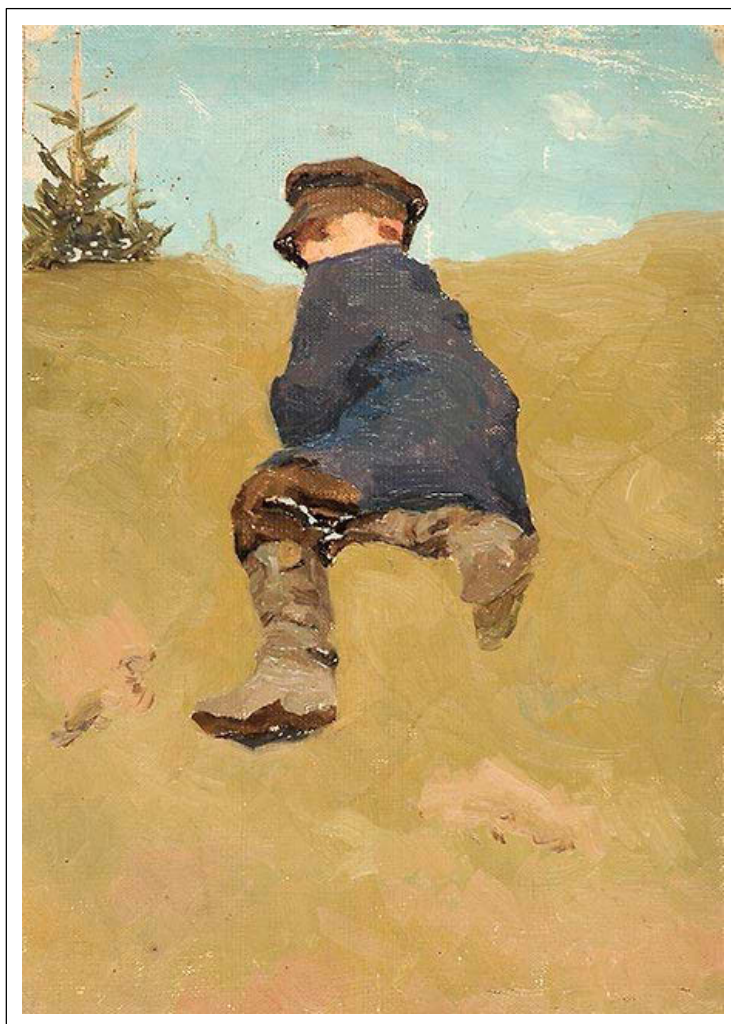
Прощай <душа>, ни шерсти Тебе, ни пера!

Твой и Твой А Скалон

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1299, 2 л.

Н.К. Рерих. Иван Лесник. 1894.

Н.К. Рерих. Этюд лежащего мальчика. 1894.

ИЮЛЬ

Извара 1 июля 1894 г.

Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

Извара, 1/VII 94

Друже мой! Наконец-то получил Твоё письмо! Как я обрадовался! Вообрази, несмотря на наше сравнительно короткое знакомство, я так привык к Тебе, что чувствую потребность говорить с Тобой, тем более что знаю, с какой задумчивостью будут встречены мои слова. Твоё прежнее я не получил, к сожалению, оно пропало, придётся при встрече тронуть эти темы. С какою радостью читал я Твои пожелания Ползунову – эта радость за товарища одна, сама по себе, есть уже залог, что ты художник серьёзный, ставящий задачу лишь в пользу общества, глядящий вдаль, а не под носом. Спасибо, успокоил и обрадовал меня. Сегодня же пишу в Академию и ответ оттуда препровожу к Тебе. Если приедешь в Питер 14 Августа, то надеюсь, на денёк-другой приедешь ко мне – всего на 2 1/2 часа по железной дор. Тут бы мы окончательно выяснили наши взгляды и вообще серьёзно потолковали - вообще отвели душу. Предупреждаю, что каждый человек должен сам по себе, на основании своих взглядов, выводить известное суждение, а уж потом, для проверки и поправки его, обращаться к авторитетам. В незнакомом городе я лучше пойду без проводника, поплутаю немного, но зато остановлюсь везде, где хоть что-нибудь меня интересует, зато по дороге затрону много интересных видов и вопросов, нежели бы я шёл с проводником и путеводителем и смотрел только выдающееся, не останавливаясь на дороге. Мой путь сложнее и длиннее, но пройдя его, в результате получаешь что-то большое. Не так ли? Впрочем, на словах всё нужно подробно и ясно, а то тут не разъедешься, на бумаге-то.

Спасибо за строки о моём эскизе. Тема (кстати, рекомендованная и одобренная Мих[аилом] Осип[овичем]), хороша, по мне. Но можно бы взять немного иначе.

Теперь я кончил чёрную работу и, вероятно, до половины августа не трону дальше – ведь время ещё будет. Если бы Ты приехал в августе, мы бы побалакали насчёт эскиза. Беда в том, что я чересчур много вижу и сочувствую в сравнении с силами. Вот хочется, чтобы сквозь страдания от ран проглядывала радость, что родной город спасён, а выходит одно страдание.

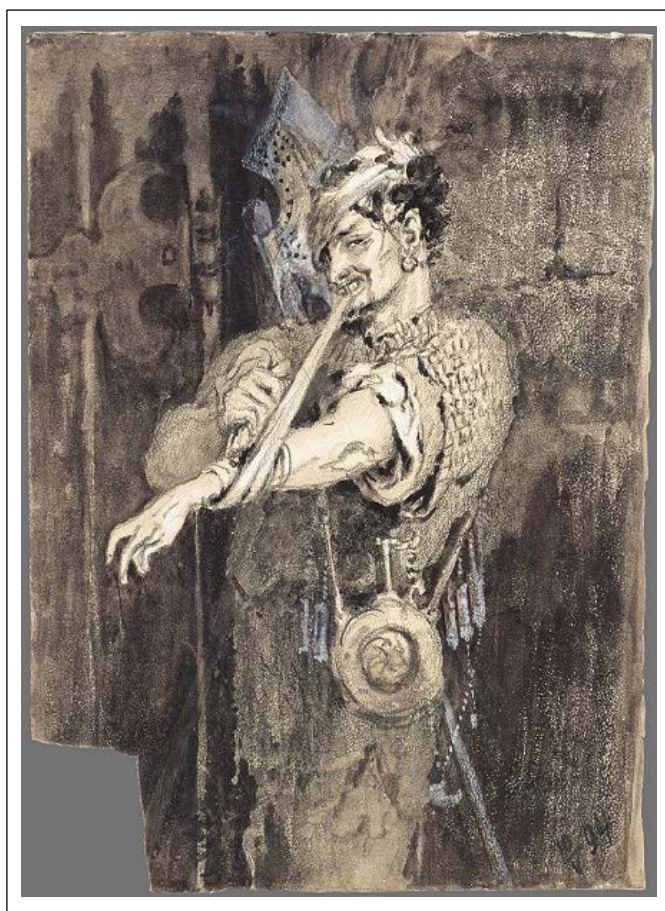
Названо будет «Псковской рыцарь. 1581». Общую мысль скажу на словах. Чёрную работу пришлось делать без натуры – надеюсь за сентябрь закончить по Академ. натурщику. Сделал тут несколько иллюстраций. В оригиналах некоторые весьма приличны, не знаю, как-то выйдут в репродукции. Жалко, если пропадёт воздушность. Пиши и пиши, каждое Твоё письмо перечитывается по нескольку раз. Когда из Академии получу сведения, сообщу, надеюсь, за это время уже буду иметь Твоё письмо.

Твой преданный *Н. Рерих*

Н.К. Рерих «Письма к Л.М. Антокольскому и Л.М. Антокольского к Н.К. Рериху». СПб. 1993.

Н.К. Рерих. Раненый шляхтич. 1894.

Н.К. Рерих. Пскович (эскиз). 1894. Бумага, карандаш. 30 X 24 см.

«Теперь я кончил чёрную работу и, вероятно, до половины августа не трону дальше – ведь время ещё будет. Если бы Ты приехал в августе, мы бы побалакали насчёт эскиза. Беда в том, что я чересчур много вижу и сочувствую в сравнении с силами. Вот хочется, чтобы сквозь страдания от ран проглядывала радость, что родной город спасён, а выходит одно страдание.

Названо будет «Псковской рыцарь. 1581...»

3 июля 1894 г. Пельгора
Письмо А. Скалона к Н.К. Рериху

Поверх основного текста поперёк, крупными буквами:

НА ПОЗДРАВЛЕНИЕ СПАСИБО

Воскресенье, 3 Июля 1894. Пельгора

<Почтенный>, я было уже начал не шутя сердиться на Твоё молчание, но сейчас получил письмо, успокоен и утешен. По-видимому, Ты понял, что мне следовало поступить так, как я поступил. Ну, я очень рад! План Твой я представил на обсуждение ареопагу семейному: отцу, брату и Ник. Максим. Они в один голос советуют Твой план исполнить, только ехать 15-го, а не теперь. Да теперь я и сам не могу отлучиться. Уток масса, а с хорошим ружьём ты знаешь, какое удовольствие их побивать! Бекасы меня мало тешат, хотя начинают появляться. Мы ходим вместе с братом, с одним кобелем и бьём и записываем сообща. До сих пор перевес решительно на моей стороне, вот наши записки в общ. итоге:

	Бекас – 4	
	Гаршнеп – 3	
	Чирок ст. – 11	} 16
	“- мол. – 5	
	Коростель – 3	
	Крехков. селез. – 2	
Увы! Грех попутал до времени.	{	Глухарь – 4
		Рябчик – 1

Итого - 36 штук, а сколько ещё будем бить, только начинают появляться!

Промахов мы не обозначаем. Их немного. Только сегодня был позор: три раза стреляли по бекасам и по дупели, и всего три раза промазали оба. Кажется, я только убил дупеля, но в густых зарослях не нашли. Такая мазня у нас представляет лишь <детскую> случайность. У меня тут не без хороших дуплетов: дуплетом убил пару глухарей, сделал два хороших дубл. по чиркам и, наконец, дуплетом вышиб сразу 2-х серых и чирка. Братец мой, у которого не было больше зарядов, неистово рукоплексал.

Относительно кружка я Тебя <вполноличиваю>, значит. Если Тебе всё равно, то остальную десятку внесу в первых числах сентября, когда получу жалованье. Если надо раньше, то пиши не стесняясь. Понатужусь. А после 15-го, надеюсь, мы добудем тетеревей и ... и проч. Позаботься относительно избы для остановок. Интересно бы сразу с перв. случая там остановиться, а то боюсь стеснить Ваших: я все поприносил и приеду исключительно в военных доспехах, не совсем пригодных для созерцания. А, впрочем, это дело уж Твоё.

Я со своей стороны всё сделал.

Твой А.Скалон

Передай поклон всем Вашим, Маковскому.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1300, 2 л.

8 июля 1894 г. Извара.

Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

Извара, 8/VII 94.

Друже! Не дождался ещё ответа из Академии, а уж не могу отказать себе в удовольствии ещё раз перекинуться с Тобою 2-мя словцами. Вообрази, голубчик, мне тут скучно! Да! Скучно в родном гнезде! Это я испытываю ещё впервые. Не знаю, что за причина. Должно быть, кругозор расширился и нужна жизнь! Дела масса, а ни за что приняться не могу. Написал этюдик головешки – погано! Понимаешь, хочется и того повидать, и с этим поговорить, и у того посоветоваться, душу отвести. А вместо их – лес и лес! Мне скучно, может быть, потому, что тут *polens-volens* моё самолюбие спит, некому здесь разбудить его. Оно-то ведь, каюсь чистосердечно, и разжигает всегда меня, подмывает, заставляет делать всё, что угодно.

Я самолюбив, и хоть моё самолюбие и доставляет мне много тяжёлых минут, но, в конце концов, я доволен на его обилие. Это такой кнут, такой источник энергии, что без него много чего нельзя было бы сделать. Впрочем, мне нечего говорить о самолюбии – ведь и ты самолюбив и всё сам чувствуешь. А только правда, самолюбие, вещь великая, известным образом направленное, может охранять и нравственность, и всё хорошее в человеке.

Теперь о кружке. Спасибо, что разделяешь мои мысли. Помоги мне выполнять, давай выполним эту задачу. Только тут необходим строжайший выбор. Люди все должны быть честные, хорошие, добрые. Должны быть далеки от зависти, этого разлагающего элемента. Чтобы в этом кружке было поменьше грязи, ведь и без того чересчур много подлости и грязи кругом. Числом не более 10, и десяток-то дай Бог набрать подходящих людей. Будем помогать друг другу развиваться, образовываться, расширять кругозор – что невозможно одному, то возможно многим. Художнику должны быть просто все специальности известны, должны быть известны стремления общественные.

Трудную, брат, дорогу мы выбрали, но всё же я предпочту быть средним художником, нежели специалистом по другим многим областям. Всё же его занятия чище, лучше, всё же искусство порождено лучшими, высшими стремлениями людей, тогда как многое другое порождено низшими, а то и животными стремлениями. Ведь лучше служить тяжёлым трудом, но делу хорошему, нежели несимпатичному. А кружок чем важен? Художнику больше, нежели всякому другому, приходится испытывать разочарования и также увлекаться. Кружок же добрых честных товарищей может наставить увлекающегося на пути истинные, может поддержать упавшего духом...

Если при отправке этого письма получу известие из Академии, то впишу в этот же конверт. Во всяком случае, перешлю при первой возможности. Теперь же дай обниму Тебя, пожелаю Тебе всего, всего лучшего. До свиданья. В августе, надеюсь, навестишь.

Твой, Твой Н. Рерих.

Н.К. Рерих «Письма к Л.М. Антокольскому и Л.М. Антокольского к Н.К. Рериху». СПб. 1993.

12 июля 1894 г. Стрельня.
Письмо М.О. Микешина к Рериху Н.К.

Кажется, 12 Июля 1894 г. Стрельня, своя дача

Милый Коленька,

Я достал маленький заказец: иллюстрировать хорошенькую шутку «Царевич Май» (сказка любви) – и с увлечением её иллюстрирую.

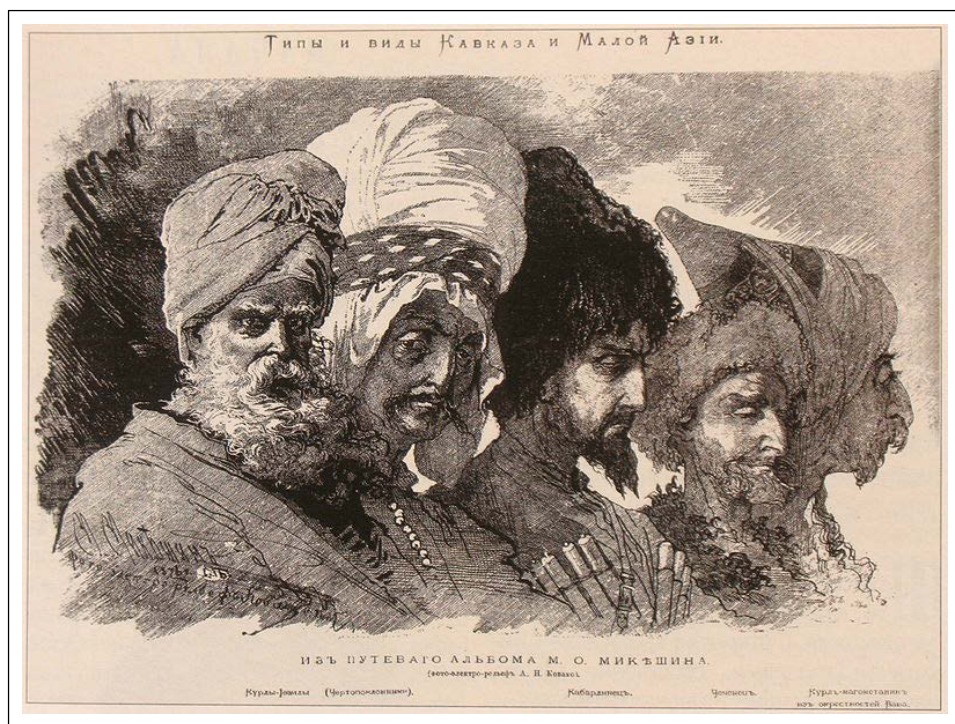
Чёрт меня дернул подать заявление Ген. Ад. Шереметьеву – начальнику всего Кавказа, о перенесении запорожских знамён, хранящ[ихся] в здеш[нем] Спасо-Приображ[енском] Соборе (всей гвардии), что на Литейном, близ дома <Марудия> - (знаете?), в Екатеринодарский войсковой Собор ...

Загорелось дело: по всему югу летают справки и разведки – где, что и как имеется из Запорожья?! И всю эту обузу, всю переписку Кубани с Одессой, Херсоном, Николаевым и пр. и пр., прислали ко мне, чтобы я хлопотал здесь, о возвращении всего Запорожского на Кубань, а денег на эти все хлопоты – не прислали, ещё это огромное дело для Кубани... Сообщу о последнем, что почём и на когда...

Целую Вас

М. Микешин

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/997, 1 л.

Типы и виды Кавказа и Малой Азии. Из путевого альбома М.О. Микешина.

Письмо Александра Скалона к Николаю Рериху (б/д.) [Июль 1994 г.]

Дорогой мой, я уже слышу Твои возгласы исполненные негодования. Прости, но я не мог – буквально не мог писать Тебе всё это время. Теперь – слушай: Всё по порядку. Сначала рисование. Ты был почти прав, говоря, что я палец о палец не ударил за это время, однако:

I. 19 Июня я нарисовал наш дом и по дружной оценке «современников» (не беспристрастных к художнику, как это, впрочем, всегда бывает) – назначил 30 коп. Каково?

За мельницу ветряную 19 Июн – 15 к.

За другую “ 19 же И. – 15 к.

За жасмин 20 Июн. 10

(но, право, он стоит больше)

II. 7-го Июля за церковь ----- 15 коп.

Шиповник 8 Июля ----- 15 к.

Пейзаж 19 Июля ----- 15 к.

Этюд овечьего пастуха 20 Июля -- 10 к.

Итого ----- 1 р. 25 к.

Вот Тебе подробный отчёт моей деятельности за это время.

2) охота стоит слабо без собаки что-то 5-6 бекасов, пара дупелей Кроншнеп, 2 старых утки да пара Куликов. Вот и всё! Надеюсь на рябчиков: нашёл 2 выводка. В чаще промазал по <...> в лесу... Сегодня мне привезут пищики.

3) Теперь последнее и самое важное – это литература. Я всё это время думал об наших с Тобою начинаниях и пришёл к заключению, которое Тебя удивит. Вот моё мнение: не гонись за 2-мя зайцами, один из которых – литература, гроша медного не стоит. Плюнь на неё и отдайся всецело живописи.

Но Ты уже опять, я слышу, бунтуешь и кричишь. Всё это от того, что Ты не понял, что я хотел сказать. Дело в том, что в литературе Ты ничего нового не создашь. Ведь все твои произведения, хотя и очень хорошие для начинающего, но я уверен, что после одной-2-х действительно порядочных вещей, если и они-то ещё будут, у Тебя будет регресс – очень <...> что бы Ты не написал, у Тебя все будет повторяться либо один из известных писателей, произведениями которых Ты напитан, как-то – Гоголь, Тургенев, или будут повторяться собственные произведения.

Тогда как в живописи совсем другое дело. Ты можешь внести в неё совершенно «свой» элемент, избрать что-нибудь такое, чего другие не избирали: вот Шишкин, например, избрал лес (даже не весь, а хвою) и у него природа перешла на холст. Об нём будут помнить потомки. Избери в себе что-нибудь и направь на избранную часть все силы. Да не трать свежих сил на какие-нибудь шаблонные рассказы. Затем вот что, мой друг, если ты меня любишь, то приезжай хоть на 2 денька. Не с кем слово молвить. Берсенев - ничего человек, но такая тряпка, что из рук вон!

До скорого свидания. Ведь Ты для меня пожертвуешь 2 деньками охоты? Порисуем.

Твой А. Скалон

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1306, 2 л.

17 Июля 1894 г.

(ДОГОВОР А.СКАЛОНА И Н. РЕРИХА С КРЕСТЬЯНАМИ ДЕРЕВНИ «ЗАПОЛЬЕ»)

1894-го года Июля 17-го дня. Мы, нижеподписавшиеся, сельское общество крестьян деревни Заполье, Сосницкой Волости, Царскосельского уезда, предоставили исключительное право охоты на всей земле нашего надела, от 17-го сего Июля до 17-го Июля 1895 года, т.е. на один год, Студентам Императорского С. Петербургского Университета Г-ну Николаю Константиновичу Рериху и Г-ну Александру Васильевичу Скалону и лицам, имеющим от них *письменное разрешение* за собственную их подписью за ежегодную плату: *20 (двадцать) рублей или же 5 (пять) рублей деньгами и право драть ивовую кору в 1894-м году на, так называемом, Запольском Обрезе, земле, принадлежащей к мызе "Извара", находящейся между надельною землёю деревни Заполье, землёю, отданной поселенцам Запольского Обреза, землёю Государственных Имуществ Калитинского Обреза, и землёю надела деревни Леможа.*

Мы же, сельское общество крестьян деревни Заполье, обязуемся исполнять следующие пункты: 1). На землях нашего надела не производить охоты самим и следить, чтобы охоты не производили посторонние лица. Буде же кто-либо из нас крестьян деревни Заполье, встретит на земле нашего надела самовольного охотника, то обязуемся мы препятствовать производству им охоты на землях нашего надела и доносить об этом полевому сторожу при мызе "Извара", имеющему установленную бляху от Г-на Земского Начальника.

2). При требовании по истечении года возобновления аренды на следующий год Г-ом Рерихом и Г-ом Скалоном под охоту земельного надела у нас, крестьян деревни Заполье, обязуемся мы, крестьяне деревни Заполье, согласиться на аренду земли *на условиях аренды на 1894-й год.* Буде же мы, крестьяне деревни Заполье, не пожелаем согласиться на возобновление аренды, то обязуемся уплатить Г-ну Рериху и Г-ну Скалону 50 (пятьдесят) рублей неустойки.

3.) Возобновлять эту бумагу мы, крестьяне Запольской Земли, обязуемся в продолжение 11-ти (одиннадцати) лет, ["на следующий год" считать действительными], считая от настоящего года.

Подписи:

*Федор Федоров
Тимофей Васильев
Иван Васильев*

[печать запольского
сельского старосты]

*Всю арендную плату 1894 год сполна получил
сельский староста. Павел Федоров*

Подписи: *Александр Васильевич Скалон
Николай Константинович Рерих*

Отдел рукописей ГТГ. ф.44. д.7. 2 л

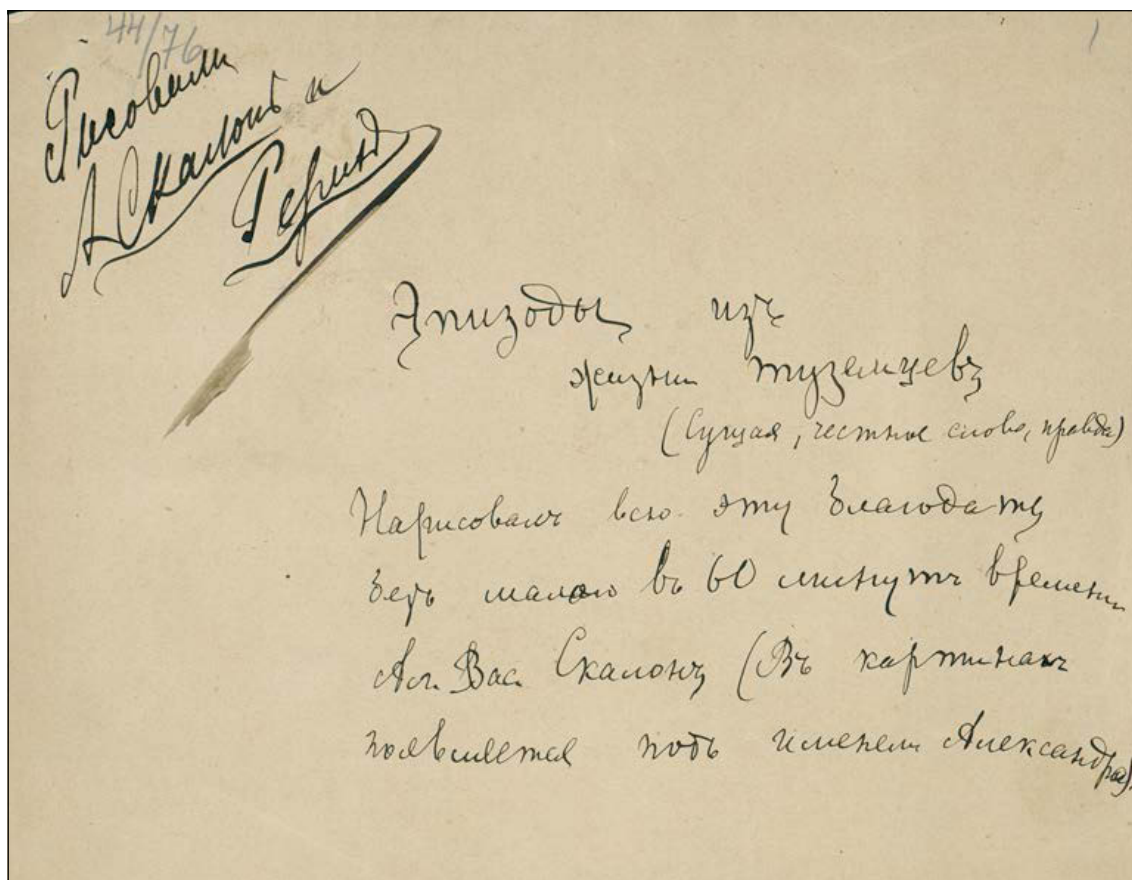
[Лето 1894 г.]

ОХОТА

АЛЬБОМ (Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/76, 16 л.)

ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ ТУЗЕМЦЕВ.

(Рисовали А. Скалон и Н. Рерих)

Рисовали А. Скалон и Рерих

«Эпизоды из жизни туземцев
(Суцая, честное слово, правда)

Нарисовал всю эту благодать без малого в 60 минут времени
Ал. Вас. Скалон (В картинах он появляется под именем Александр).

№ 1.

Туземные охотники. Впереди проводники, Густав, Михайло, и Николай, и Александр. Собаки впереди и сзади. Идёт дождь.

№ 2.

Типы 4-х вышеуказанных охотников. 1. Александр
Стрельба по бутылке. / Зарядка утиного ружья
(ростом выше охотника).

Стреляет по уткам / Выстрел удачен. / Выстрел неудачен.

№ 3.

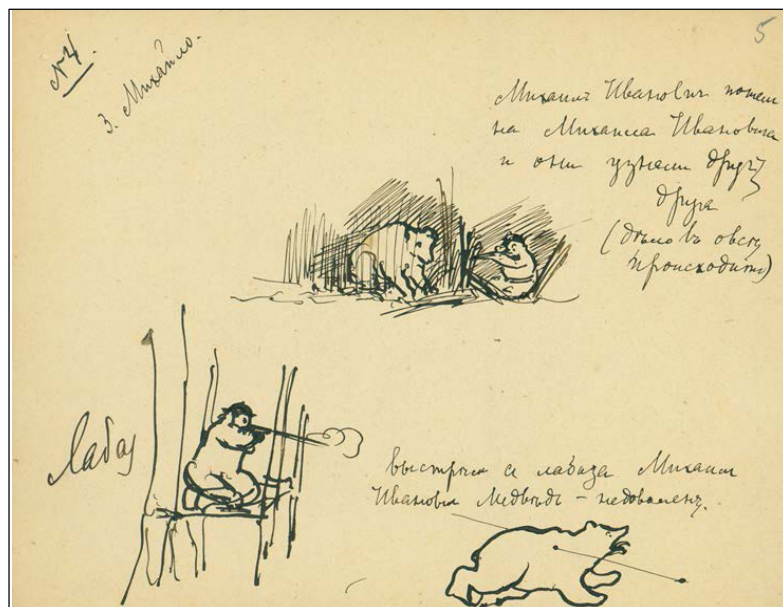
2. Николай.

По утке.

Утиные толки об невиданном предмете.
(Охотники в засаде).

№ 4.

3. Михайло.

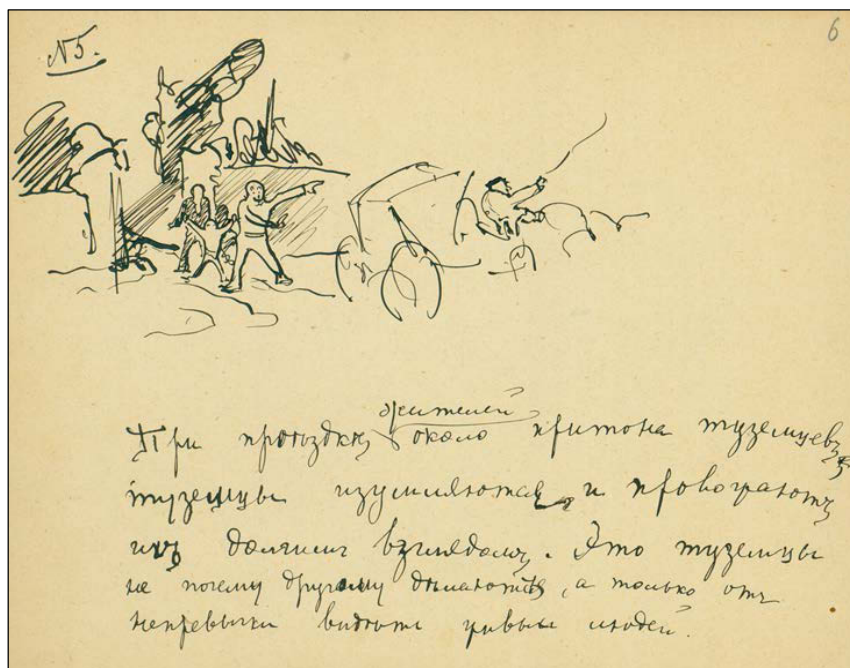

Михаил Иванович пошёл на Михаила Ивановича и они узнали друг друга. (Дело в овсе происходит).

Лабаз

Выстрел с лабаза Михаила
Ивановича. Медведь – недоволен.

№ 5.

При проезде жителей около притона туземцев, туземцы изумляются и провожают их долгим взглядом. Это туземцы не почему другому делают, и только от непривычки видеть живых людей.

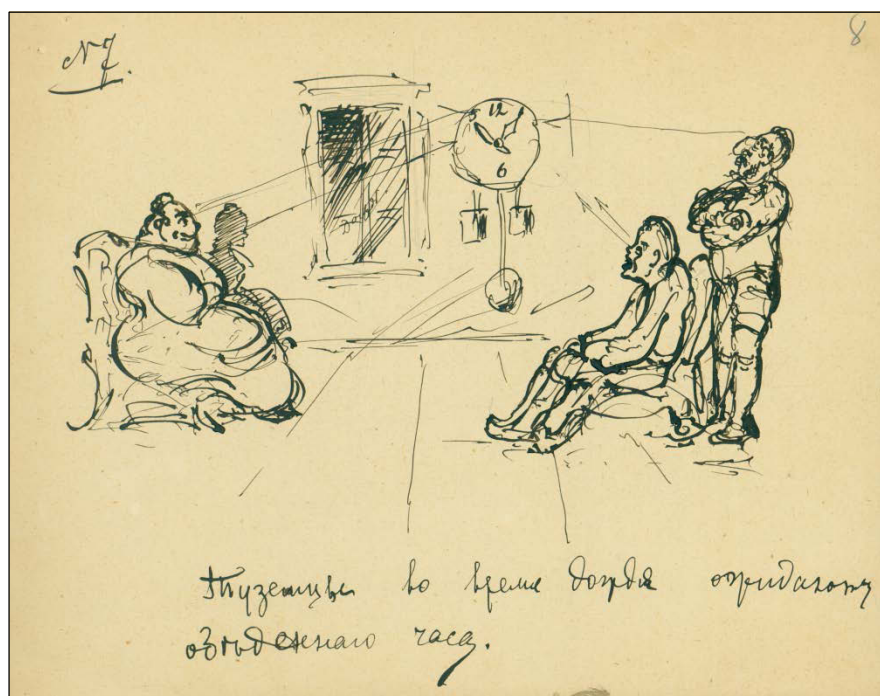
№ 6.

Быко «Борей»

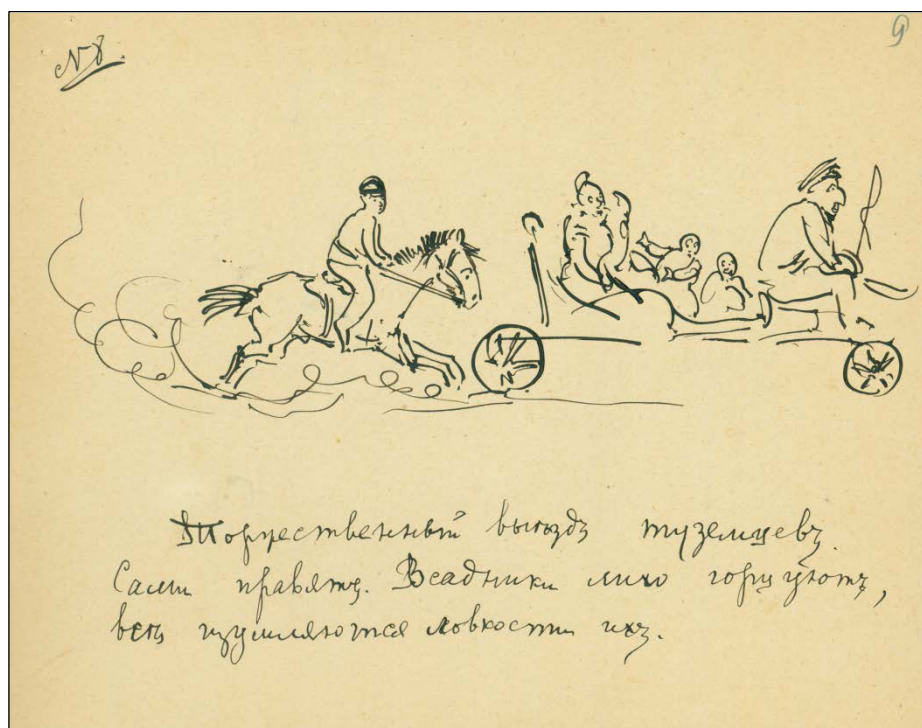
Поход туземцев по озеру. Лодка на камнях. На берегу изумились. Туземцы с непривычки все на корму насели.

№ 7.

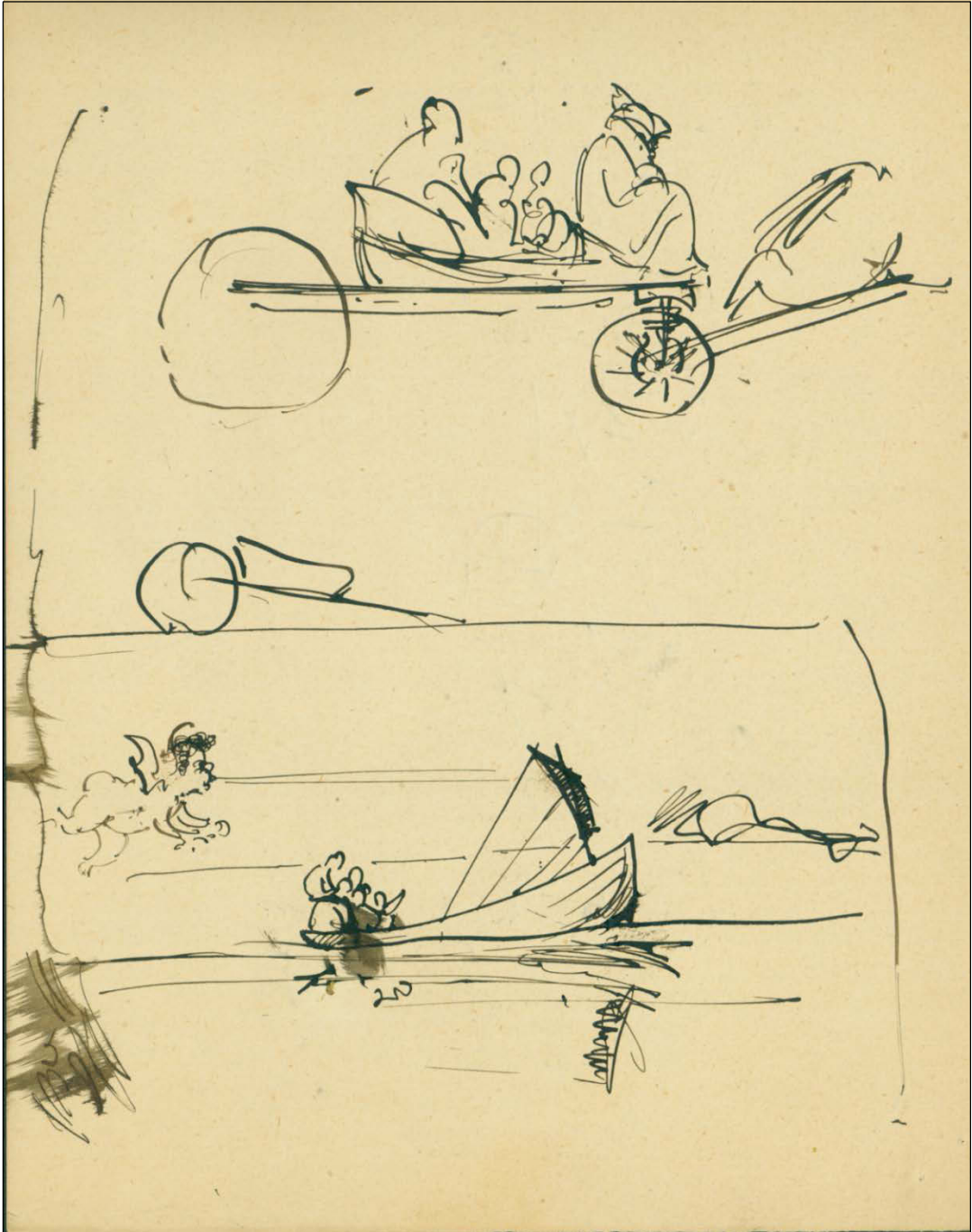

Туземцы во время дождя ожидают обеденного часа.

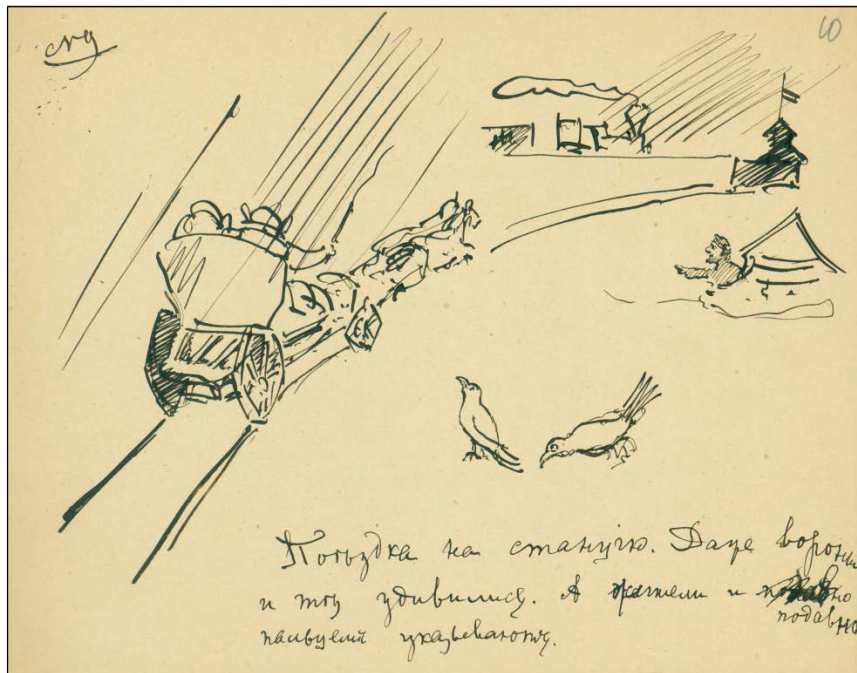
№ 8.

Торжественный выезд туземцев. Сами правят.
Всадники лихо гарцуют, все изумляются ловкости их.

№ 9.

Поездка на станцию. Даже вороны и те удивились.
А жители и подавно пальцем указывают.

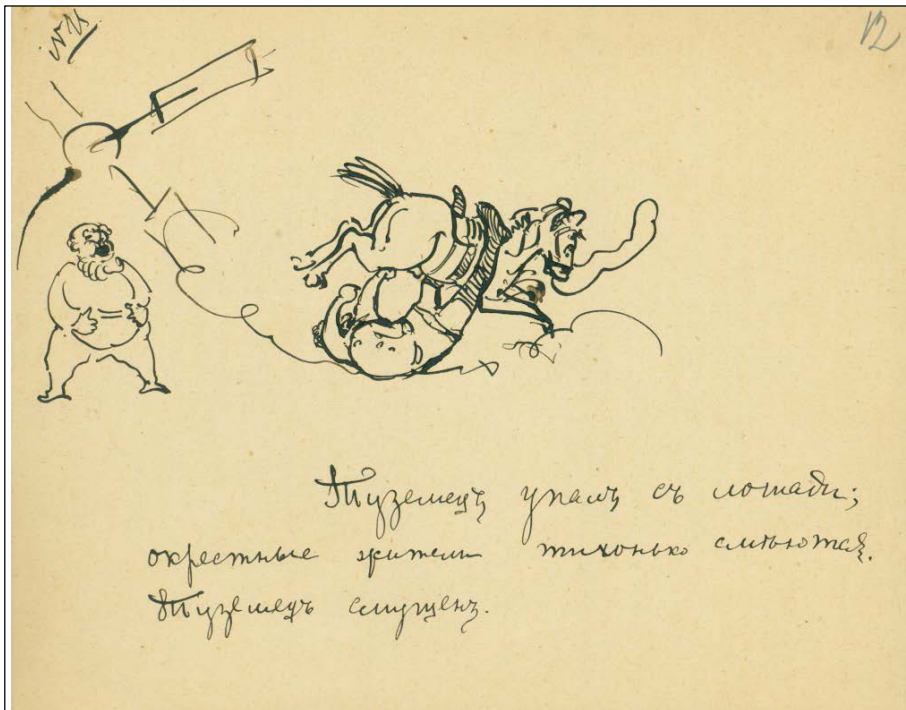
№ 10.

Туземцы катаются. Передок оторвался. Кучер летит.
Прохожий удивился.

№ 11.

Туземец упал с лошади; окрестные жители тихонько смеются.
Туземец смущён.

№ 12.

Промахнулся туземец мимо лодки попал.

Вариант (по разн. источникам (...))

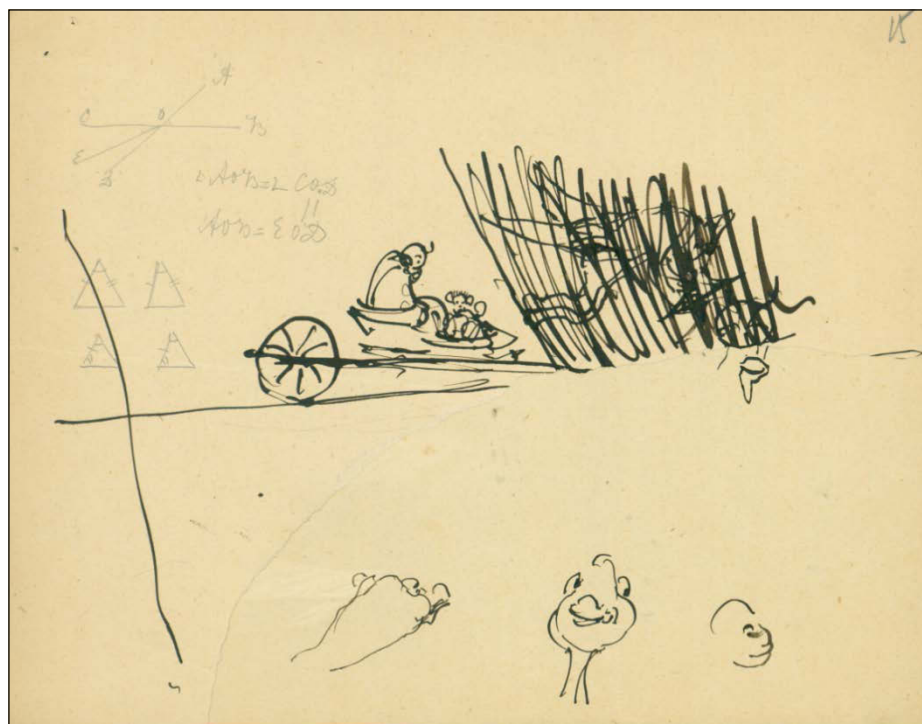
№ 13.

Туземец «жрёт»

Туземец после обеда: «У-ух» (кряхтит).

№ 14.

№ 15.

Наблюдения досужего лентяя
А. Скалон

№ 16.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/76. Альбом 16 л.

Лето 1894 г.

Н.К. Рерих. **Скоморох**. 1894. Б., тушь, перо. 9,6 x 19 см.; размер листа: 21 x 31,6 см.
Справа внизу надпись: **Н. Рерихъ // Извара. 1894.**

20 июля 1894 г.

ДОГОВОР РЕРИХА Н.К. И СКАЛОНА А.В. С КРЕСТЬЯНАМИ ДЕРЕВНИ «ЛЕМОЖА».

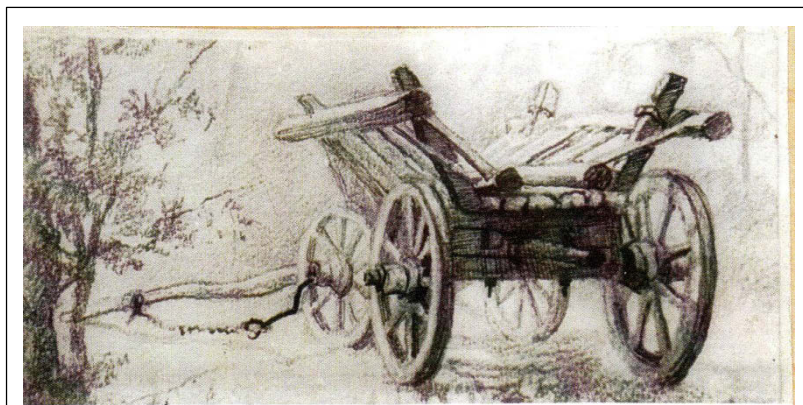
Мы, нижеподписавшиеся студенты Императорского С. Петербургского Университета Николай Константинович Рерих и Александр Васильевич Скалон и Крестьяне деревни «Леможа» Сосницкой волости Царскосельского уезда, заключили сие условие в 1894-м году 20-го (двадцатого) Июля: в том, что за шесть (6) рублей годовой платы обязуемся мы, Крестьяне деревни Леможа предоставить Г-ну Рериху и Г-ну Скалону исключительное право охоты на всех наших землях на один год, т. е. от 20 Июля 1894-го года – по 20 Июля 1895-го года. Далее мы, Крестьяне деревни Леможа, обязуемся препятствовать всеми способами производству охоты на наших землях посторонним лицам и позволять охотиться лицам, указанным Г-ном Рерихом или Г-ном Скалоном.

Обязуемся возобновлять сие условие по желанию Г-на Рериха и Г-на Скалона на тех же условиях, что и в 1894-м году в течение 11 лет, считая от 1895-го года. Буде же мы, Крестьяне деревни Леможа, не желаем возобновить это условие до истечения положенного срока, (т.е. 12-ти лет), то обязуемся уплатить Г-ну Рериху и Г-ну Скалону 25 (двадцать пять) рублей неустойки. Обязуемся спрашивать у лиц, указанных Г-ном Рерихом или Г-ном Скалоном, письменного распоряжения от этих последних, а при встрече с вольным охотником, (производящим охоту без письменного разрешения от Господ Рериха и Скалона), доносить о том Леснику мыза Извара.

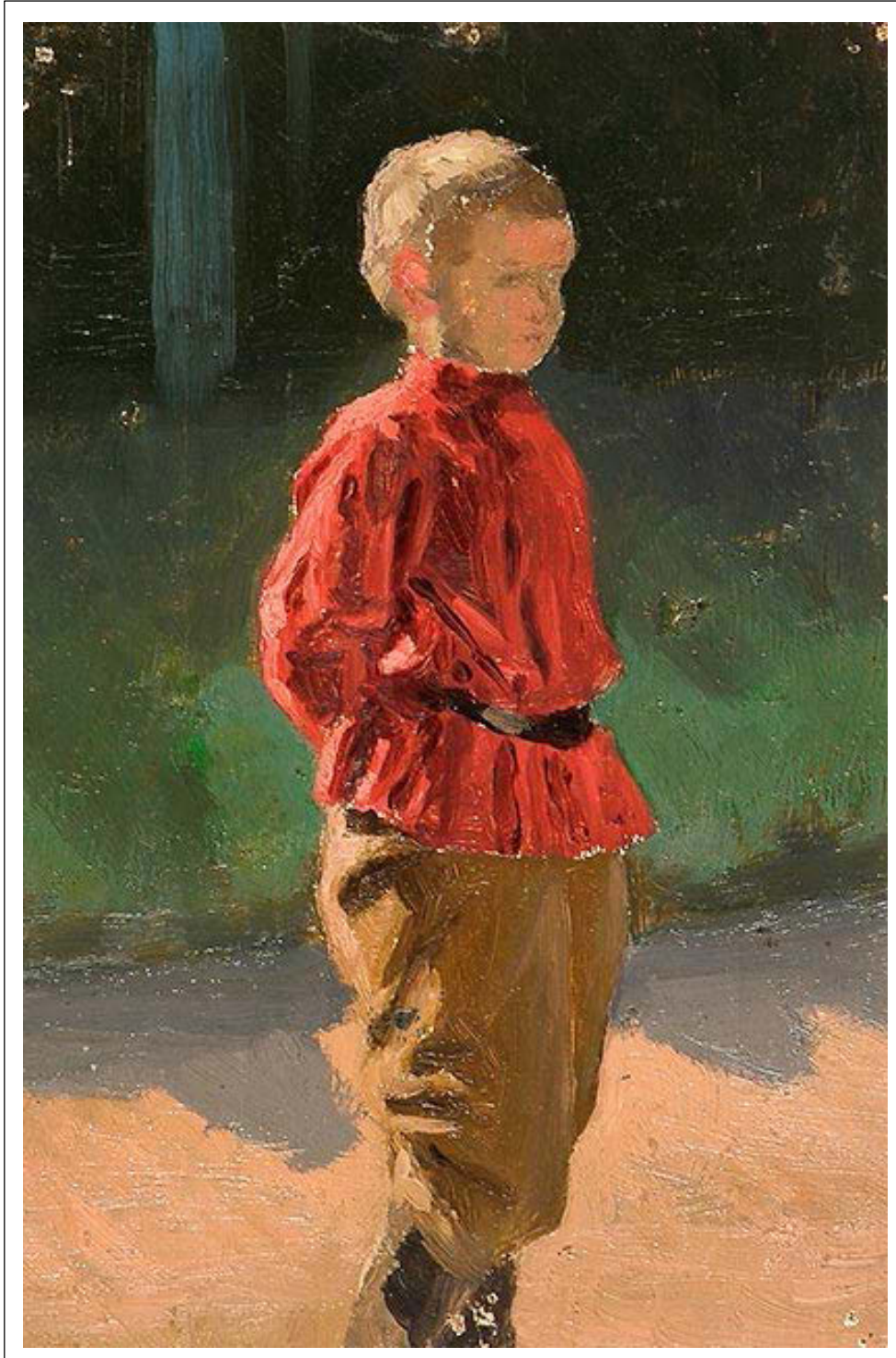
подписи:

*Александр Васильевич Скалон
Николай Константинович Рерих*

Отдел рукописей ГТГ, Ф. 44/8, 1 л.

Н.К. Рерих. Телега. 1894.

Н.К. Рерих. Этюд мальчика. 1890-е.

27 июля 1894 г.

Письмо из редакции журнала «Природа и люди» Рериху Н.К.

27/VII 94.

РЕДАКЦИЯ
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ПРИРОДА И ЛЮДИ»

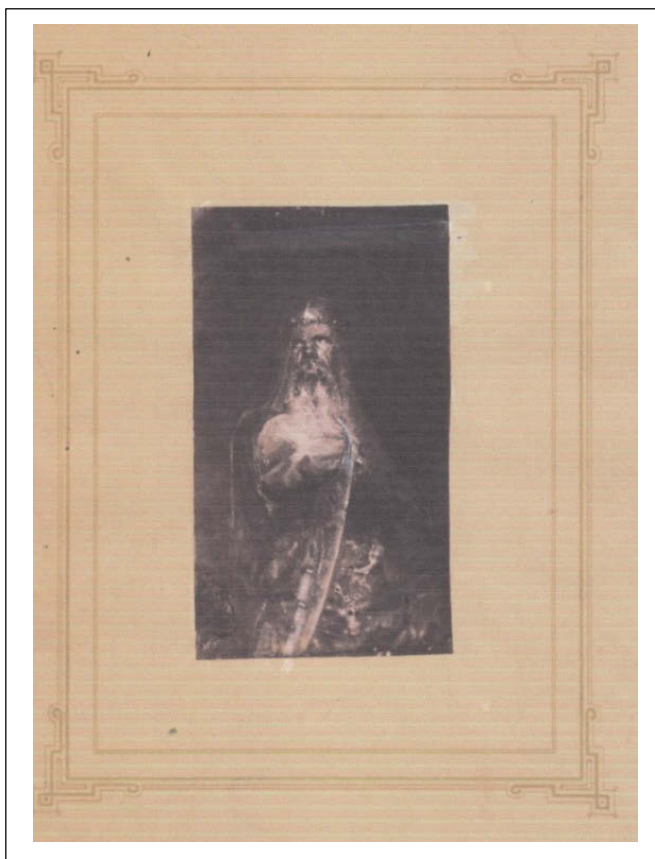
С.-ПЕТЕРБУРГ
12, Стремянная. собств. д. № 12
Телефонъ № 1264.

Многоуважаемый Николай Константинович.

К сожалению, издатель не находит <возможным> принять Ваши условия, хотя сам по себе Ваш «Варяг» и очень понравился ему.

Готовый к услугам
(подпись) [неразборчиво]

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1151, 1л.

Фотография с картины Н.К. Рериха «Варяг». 1894.
(См. Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1724, 1 л.)

28 июля 1894 г. Извара
Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

Извара, 28/VII 94.

Дорогой друже, спасибо за письмо. Твои письма в нашей деревне источником художественной энергии. Немного обидело меня место, где Ты сетуешь на себя, зачем посвятил меня в своё горе, ведь если Ты не будешь делиться со мной Твоими радостями и печальями, то значит, Ты считаешь меня за человека неотзывчивого или же просто неоткровенен со мною, а и первое, и второе для меня довольно обидно, поэтому надеюсь, что при последующих извещениях о Твоих радостях (молю Бога, чтобы не пришлось Тебе извещать меня о горе) уже больше не придёт в голову мысль, что лишнее – посвящать меня в тайники твоей души. Теперь об искусстве.

Видел недавно один компетентный человек моего «Псковского рыцаря» и сказал, что отчаиваться нечего, что всё, за исключением первоплановой руки (которая без рисунка, и делана без натуры), весьма недурно, и что он надеется в октябре видеть эти недостатки исправленными. Затем деятельно занят я историческими маленькими эскизиками (жарю второй), а в перспективе предвидятся мне многие. Теперь фигура более удовлетворительная. Редакция журнала «Звезда» приобрела у меня эскизец «Ушкуйник» и просила ещё доставить. Пополнил альбом двумя-тремя этюдиками. Надеюсь, Ты не забудешь навестить меня, коли приедешь в город. Если бы Ты знал, как меня тянет работать, видеть товарищей, кабы Ты знал, как хочется услышать Твоё мнение о моих работах. А в голове всё планы и планы, - пиши по всем отраслям моих занятий. Недавно бывший директор гимназии сказал мне комплименты; когда я сказал, что не трудно вообще совместить все мои занятия, он ответил: «Совсем неправда. Вы на свою мерку мерите, а что не трудно Вам – то чересчур трудно многим другим». Каково мнение? А? В начале этого месяца получил поручение соорудить осенью большой портрет почётного попечителя для актов залы гимназии. На днях попал на след интересной рукописи по части археологии – теперь разыскиваю её по деревням.

В августе приступлю к раскопкам.

Пиши, пиши, пиши и приезжай скорее, и дай же Бог Тебе всякого успеха в Твоих истых начинаниях.

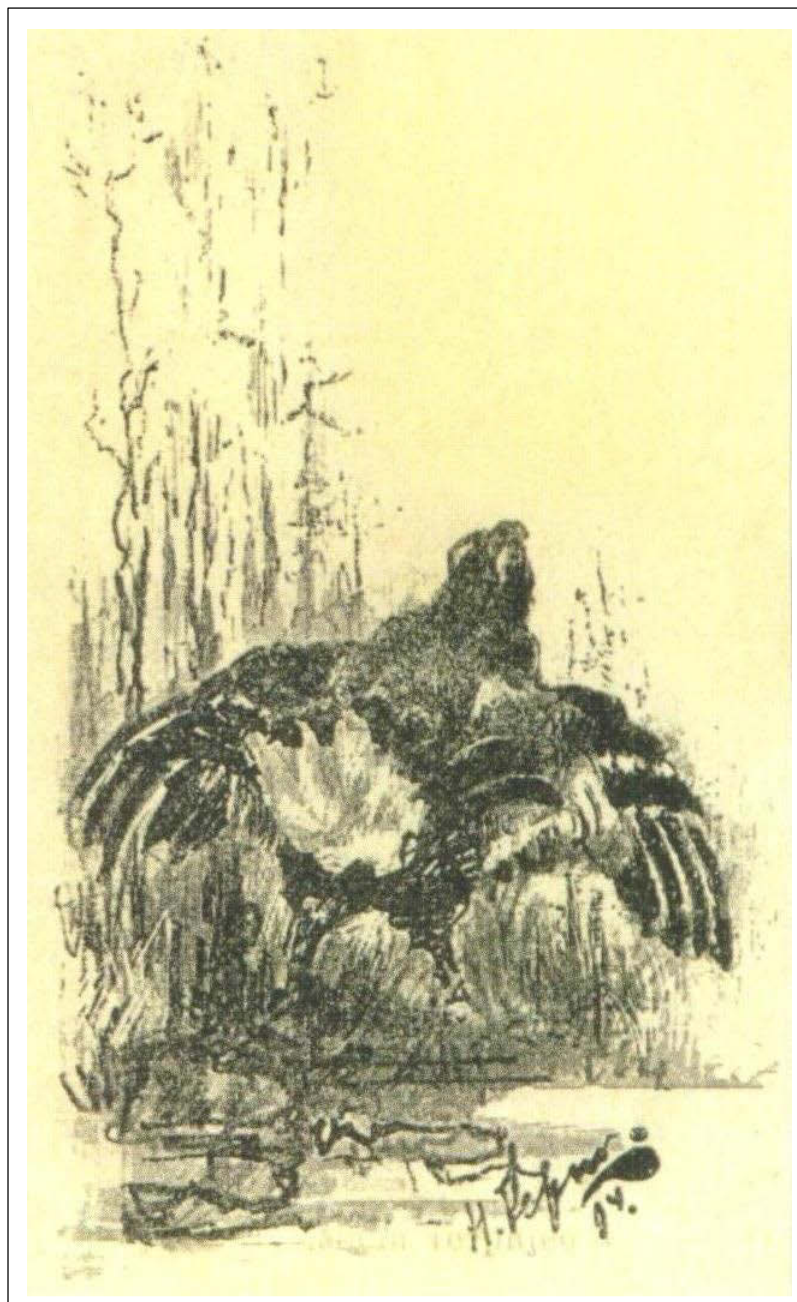
Твой, Твой *Н. Рерих*

Заходил в Академию, но кроме старых котов и не менее старого Кузьмы никого не нашёл. Старые профессора уже очищают квартиры.

Н.К. Рерих «Письма к Л.М. Антокольскому и Л.М. Антокольского к Н.К. Рериху». СПб. 1993.

«Пополнил альбом двумя-тремя этюдиками...»

Н. Рерих. Этюд, 1894.

(Иллюстрация в Боснийском журнале «Нада». 1896, № 4, 3(15) февраля)

Н. Рерих. Этюд. 1894.
(Иллюстрация в Боснийском журнале «Нада». 1896, № 4, 3(15) февраля)

Н.К. Рерих. Ушкуйник «Гей сарыч на кичку». 1894.

**«Редакция журнала “Звезда” приобрела у меня эскизец «Уш-
куйник» и просила ещё доставить...»**

(Из письма Н.К. Рериха к Антокольскому Л.М.)

АВГУСТ

Письмо Г.М. Бобровского к Рериху Н.К.

1894 г. Августа 17-го.

Дорогой коллега Николай Константинович!

Благодарю за письмо и за память, и извиняюсь, что по стечению некоторых неблагоприятных случайностей, не смог написать Вам раньше. Не буду входить в объяснения этих случайностей, потому что полагаю, это не прибавит делу ничего. Скажу только в своё объяснение, что я человек не особенно подвижной в смысле начинаний, и своё обещание, в скобках сказать, уже считал до некоторой степени невыполнимым; Ваше же письмо, как грозное *momento mori*, напомнило мне всё.

Хотелось бы написать Вам что-либо поинтересней, но желание моё напрасно – здесь в глуши мало чего найдётся интересного.

Если Вы пишете, что сделали слишком мало за каникулы, то я про себя не хотел бы и говорить, потому что, к стыду своему, должен сознаться, что не сделал ещё ровно ничего.

Начало каникул провёл в разъездах, отчасти нужных, отчасти и не нужных; средину - в занятиях (у меня был заказ на несколько икон), а в настоящее время не делаю ничего, т.е. ничего не рисую; кое-что почитываю, да погуливаю и, вообще, стараюсь поправиться здоровьем, если это выражение окажется точным. Впрочем, оно и правильно, потому что первое расстройство, над которым я так недавно ещё смеялся, в эти каникулы заставило меня даже обратиться к доктору.

Как видите коллега, положение моё печально, и я даже завидую отчасти перечню Ваших работ. Не скажу, чтобы Вы сделали очень много, но мы в руках обстоятельств – я не сделал ничего.

Ваше известие о картине Пояркова заинтересовало и меня. Говоря вообще, на Репина мы привыкли смотреть всё-таки как на что-то большое, если не восхищаться, то нужно ожидать чего-либо порядочного.

Не знаю, может быть, случится что-нибудь похожее на мышь или крысу, потому что от Академистов я слышал о Пояркове совсем будничное мнение и Репин его на своём восхищении не слишком вынесет, хотя, с другой стороны, и по Академии трудно судить.

На днях написал письмо в Академию: не знаю, когда начнутся в гипсо-фигурном классе занятия – может быть, ещё скоро увидимся, - сентябрь уже на носу.

Жму Вашу руку и остаюсь готовым к Вашим услугам

Г. Бобровский

Поречье

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/629, 2 л.

СЕНТЯБРЬ

О РЕФОРМЕ В АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ 1894 г.

Из воспоминаний И.Э. Грабаря:

В сентябре 1894 года я съездил на короткое время к своим, в Измаил, откуда в последних числах месяца поехал в Петербург поступать в реформированную заново Академию художеств. Приёмные экзамены были назначены на октябрь. Не скрою, что я ехал не без тайного трепета. Ходили слухи, что экзамены предстоят суровые, и у меня не было уверенности, что мне удастся поступить <...>

Как была произведена реформа Академии, кто участвовал в разработке нового устава и что он представлял собой в обновлённом виде, этого никто из нас не знал. Говорили только, что главными действующими лицами были Репин и Куинджи. Подробности обо всём этом я узнал только значительно позднее, пополнив их особенно во время моих архивных работ над монографией Репина.

Устраивая в ноябре 1891 года свою персональную - вместе с И.И. Шишкиным - выставку в залах Академии художеств, Репин очень сблизился с тогдашним конференц-секретарём графом И.И. Толстым. Сближению этому способствовал их общий друг, византист, академик Н.П. Кондаков. Толстой носился в то время с планом реформы Академии, которого не разделял её вице-президент граф А.А. Бобринский, почему весь проект реформы был разработан им в полуконспиративной обстановке, совместно с Кондаковым, Репиным и Куинджи.

Реформа заключалась в коренной переработке устава Академии и полном обновлении состава профессоров. Главный удар был направлен на систему академических программ, против которых в 1863 году вспыхнул известный бунт тринадцати конкурентов. Первоначально предполагали вовсе отказаться от программ на заграничные поездки, но, в конце концов, их удержали, предоставив лишь свободу выбора тем. Академия превращалась в высшее художественное установление, ведающее всей государственной политикой в области изобразительного искусства. Её роль в искусстве должна была быть аналогичной роли Академии наук в научной области.

При этой Академии учреждалось Высшее художественное училище. Звание академика сохранялось, звание профессора упразднялось в своём прежнем значении титула за заслуги и сохранялось только для преподавателей училища. Был составлен список новых академиков, в который вошли все видные передвижники, не имевшие ещё этого звания. Старые профессора подлежали увольнению "с пенсией и мундиром", кроме П.П. Чистякова, и предполагалось пригласить новых лиц, также из числа передвижников. Были намечены: Репин, Суриков, В. Васнецов, Поленов, Прянишников, Владимир Маковский, Куинджи, Шишкин, Киселёв, лошадиник и баталист Ковалевский; кроме того скульпторы Беклемишев и Залеманн, гравёр Матэ.

Суриков, Васнецов, Поленов и Прянишников категорически отказались переехать из Москвы в Петербург, почему их кандидатуры отпали, все же остальные были назначены профессорами и получили в Академии казённые квартиры и личные мастерские.

Преподавание делилось на низшее и высшее. Первое сводилось к двум академическим классам - головному и натурному, второе - к специальным мастерским, успешное окончание которых завершалось писанием программной картины на собственную тему и, в случае удачи, поездкой за границу на три года. Гипсовые классы - головной и фигурный - были уничтожены; рисовали и писали только с живых натурщиков. Весь день писали, вечером рисовали.

Система медалей была упразднена; ставились только категории за рисунки и этюды; получившие лучшие из них переводились из головного в натурный, из натурального в мастерские профессор-руководителей. Никакими сроками эти переводы связаны не были, и можно было окончить Академию в шесть-семь лет и в два года.

Кроме работ с натуры подавались и эскизы на собственные темы, за которые также ставились категории. Удачные эскизы имели немаловажное значение при переводах. Наряду с этими занятиями по практике рисунка и живописи в программу были включены и курсы по истории искусства, по перспективе, анатомии и т. п.»

И. Э. Грабарь «Моя жизнь»

*****

О СОЗДАНИИ КРУЖКА НАЧИНАЮЩИХ ХУДОЖНИКОВ ДЛЯ ВЗАИМНОГО САМООБРАЗОВАНИЯ

«Теперь о кружке. Спасибо, что разделяешь мои мысли. Помоги мне выполнять, давай выполним эту задачу. Только тут необходим строжайший выбор. Люди все должны быть честные, хорошие, добрые. Должны быть далеки от зависти, этого разлагающего элемента. Чтобы в этом кружке было поменьше грязи, ведь и без того чересчур много подлости и грязи кругом. Числом не более 10, и десяток-то дай Бог набрать подходящих людей. Будем помогать друг другу развиваться, образовываться, расширять кругозор – что невозможно одному, то возможно многим. Художнику должны быть просто все специальности известны, должны быть известны стремления общественные.

Трудную, брат, дорогу мы выбрали, но всё же я предпочту быть средним художником, нежели специалистом по другим многим областям. Всё же его занятия чище, лучше, всё же искусство порождено лучшими, высшими стремлениями людей, тогда как многое другое порождено низшими, а то и животными стремлениями. Ведь лучше служить тяжёлым трудом, но делу хорошему, нежели несимпатичному. А кружок чем важен? Художнику больше, нежели всякому другому, приходится испытывать разочарования и также увлекаться. Кружок же добрых честных товарищей может наставить увлекающегося на пути истинные, может поддержать упавшего духом...»

(Из письма Н.К. Рериха к Антокольскому Л.М. от 8 июля 1894 г.)

8 Сентября 1894 г.

УСТАВ КРУЖКА НАЧИНАЮЩИХ ХУДОЖНИКОВ ДЛЯ ВЗАИМНОГО САМООБРАЗОВАНИЯ.

И... Вперёд... Вперёд без оглядки!!!

(Крамской)

I. "Один в поле не воин"

§ 1 Цель кружка - пополнять образование общее и поднять уровень общ-го и худ-го.

§ 2 художественное. § 2. Общее образование пополняется чтением книг по 1) философии; 2) истории; 3) естествознанию; 4) психологии 5) остальн.; 6) беллетристики; 7) Литература.

Чтение происходит совместное или же, для успешности занятий, между членами распределяются книги для составления рефератов, которые и читаются в собрании.

§ 3 Художественное образование пополняется сочинением эскизов на всевозможные темы. Эскизы представляются на собрании, где и обсуждаются.

§ 4 Число членов кружка неограниченно. Члены – начинающие академи-сты по различным избр. специальностям искусства.

§ 5. Из числа членов выбирается закрыт. баллотировкою старшина и секретарь кружка на академический год.

§ 6. Председательство предлагается для каждого отдела ~~не~~ одному лицу кому-нибудь известному на данном поприще.

§ 7. На обязанности председателя по отделу общего образования лежит наметить членам список книг и руководить занятиями и рефератами.

§ 8. На обязанности председателя специального (художественного) отдела лежит обсуждение композиций и общие замечания по композиции.

§ 9. В случае отсутствия [или по болезни] председателя по общему отделу с его разрешения (по его указаниям) старшина кружка, занятия собрания происходят под руководством старшины, в случае отсутствия председателя специального отдела место его заменяет общее постановление собрания.

§ 10. [Старшины сносятся - с председателями, доставая для чтения собрания (если нужно) книг из библиотек... На старшине лежит ответственность занятия кружка и ему же предоставляется право от имени всего кружка сно-ситься с лицами и учреждениями, интересующимися кружком, о чём он обязан докладывать на ближайшем собрании.]

§ (10) 11. На секретаре лежит ведение книги кружка, вношение отчётов каждого собрания и помощь старшине кружка, буде такая понадобится.

§ 12. Собрание считается состоявшимся при присутствии председателя или старшины, секретаря и не менее третьей части членов.

§ 13. На случай ~~своего~~ отсутствия секретарь и старшина может передать свои обязанности [2-му из членов кружка].

[§ 14. До приискания специального помещения собрания происходят на квартире членов по соглашению].

§ 15. Если на расходы (плата за помещение, в библиотеку, за кружковые книги и др.) может быть установлен членский взнос не свыше 10 рублей еже-годно. Член явно не подчинившийся постановлению собрания должен быть

исключён из числа членов кружка. [Лицо трижды избиравшееся в старшины не подлежит удалению].

§18. Новый член принимается не иначе как за поручительством не менее 2-х действительных членов.

[Далее текст написан рукой Антокольского:]

§ 19. Результаты каждого собрания вносятся в виде протокола (отчёта) в особую книгу, (секретаря), в которую вносятся, в виде набросков (или фотограф.) копии с представленных на собрании эскизов, исполненных их авторами, или по их поручению.

§ 20. Всем без исключения членам кружка вменяется в неприменную обязанность представление к каждому собранию по настроению одного эскиза по своей отрасли, исполненного каким-угодно способом в возможно более законченном виде. При этом желательно было бы, чтобы авторы эскизов не совещались о них между собою до собрания кружка, на котором эти эскизы имеют быть представлены.

§ 21. Члены кружка собираются в первые воскресные дни после 15 числа ежемесячно. Один же раз в течение академического учебного года (Октябрь - Апрель)

22 § №№... Г-дам членам кружка самообразования предлагается иметь в виду, что занятия собраний должны иметь своим предметом только то, что непосредственно ведёт к цели художественного самообразования, и никакое обсуждение каких бы то ни было других вопросов безусловно не допускается.

21 § №№ По соглашению всех членов и председат[еля] некотор. пункты этого устава могут б. изменены.

Фрагмент рукописи. Рисунок пером с надписью: "Ура! Наша взяла!"

[Добавлено карандашом]:

[§ 13] Собрание открывается председателем, или, по его отсутствию, старшиною. ____ " ____ ____ года происходит чрезвычайное годовое собрание в день годовщины первого собрания кружка. На нём читается старшиной составленный им отчёт о занятиях кружка в истекшем году и рассматривается альбом набросков или фотографий представленных эскизов. - Затем собрание приступает к выбору старшины и секретаря, к обсуждению общих дел кружка, и намечает программу занятий кружка на предстоящий год.

На чрезвычайном годичном собрании допускается присутствие лиц, не принадлежащих к кружку, само собою разумеется, по приглашению членов.

[19] § 22. Годичный отчёт о занятиях кружка вместе с альбомом набросков или фотографий представляется господину Вице-Президенту Императорской Академии Художеств [графа Ив. Ив. Толстого, на его рассмотрение]

[§ 23. Занятия кружка продолжаются с 1-го октября до 15 апреля, то есть все время занятий в Императ. Академии Худ. (В Высшем Худож. Училище).]

За время же летних и зимних каникул предоставляется членам переписываться между собою по интересующим их предметам, а также со старшиною и даже председателем, таковая переписка приобщается к сборнику разовых отчётов каждого собрания.

Инициаторы *[По почину]*

Ученик Высшего Художественного Училища
(подпись) Лев Антокольский

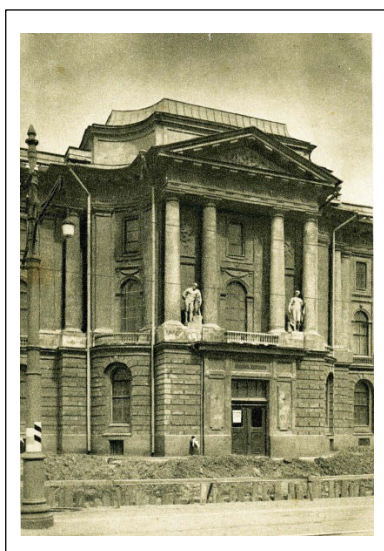
Вольнослуш. Высш. Художеств. Училища.

Студ. СПб-ск. Унив.

(подпись) Николай Рерих

СПетербург. Сентября 8 дня 1894 года.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/57, 2 л.

С. Петербург. Императорская Академия художеств. Главный вход
(Фотография начала 20 в.)

СПИСОК ЧЛЕНОВ КРУЖКА САМООБРАЗОВАНИЯ И САМОУСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
[1894 г.]

**Подписи лиц, выразивших своё желание вступить в число членов
Кружка Самообразования и Самоусовершенствования**

Старшина: 1. Николай Константинович *Рерих*. Студент Универ[ситета]. Вольнослушающий Имп. Академии Художеств. (Историческая живопись). Адрес Васильевский Остров, Университетская набережная, Дом № 25 кв. 8.

Секретарь: 2. Леон Моисевич *Антокольский*. Ученик высшего Художественного Училища (Историческая живопись). Адрес: Васильевск. остр. Средн. пр. д. 49. кв. 24.

Члены: 3. Степан Федорович *Чуприненко*, ученик высшего Художественного Училища (Жанр). Адрес: В.О. 11-я линия д. № 48 кв. 2.

4. Артемий Иванович *Горохов*, ученик Рисовальной Школы Одесского Общества Изящных Искусств (держит экзамен в С. Петербургскую Императорскую Академию Художеств. (архитектура).
Адрес: В.О. 9 линия, дом № 16, кв. № 21.

5. Владимир Николаевич *Федорович*, ученик Школы Общества Поощрения Художеств (держит экзамен в Академ.). Адрес: Вас. Остр. 11 лин. д. 48, кв. 2. (пейзаж)

6. Владимир Александрович *Фролов*, вольнослушающий Императорской Академии Художеств (пейзаж) В.О. 5 лин. д. 22 кв. 3.

7. Александр Васильевич *Скалон*. Студент И.СПб. Университета (Жанр) Адрес Коллегия И. Александра III в Филологическом переулке (близ Университета)

8. Самуил Исаакович *Данишевский*, ученик Рисовальной Школы Имп. Общ[ества] Поощр. Худож[еств] (жанр) Адрес: Вас. Остр. 14 лин. д. 57 кв. 8.

9. Григорий Михайлович *Бобровский*, академист Имперской Академии Художеств (исторический жанр). Вас. Остр. 10 л. д. 39 кв. 35.

10. Николай Михайлович *Фокин*, академист императорской Академии Художеств (жанр). Гавань, Угол Среднего просп. и <Карташихиной..> ул. Д. № 5; кв. 2.

Подписи:

[Тихомиров]

[Гейне]

[Фёдоров]

[Шмарович]

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1276, 1 л.

[10 сентября 1894 г.]

Н.К. Рерих. Около Собачьей горы в Сосницах.
9 июня в 3 часа дня. 1894 г.

Заявление Н.К. Рериха в Императорскую Археологическую комиссию

Возвращая при сём открытый лист и прочие бумаги, имею честь заявить, что исследовал 3 кургана около **деревни Сосницы**, в которых под слоем земли и камней в $\frac{3}{4}$ арш. оказался слой золы и угли (предметы не сохранились). Затем исследовал место, описанное в моей просьбе о выдаче листа под именем "Серебряный ручей". Около речки Хмеленки был курган в 1 саж. высоты; крестьяне соседних деревень занялись раскопкой его, но ключи, открывшиеся при раскопке, прекратили их работу. Когда меня привели к этому месту, я нашёл яму глубиною в 2 человеческих роста и диаметром около 3 саж., наполненную водою. Откачав насколько можно воду, я принялся исследовать дно и, опуская железный стержень в довольно мягкую землю, между прочим среди камне ощупал какое-то дерево. Вода из ключей постоянно прибывала, и рабочим приходилось работать почти по пояс в воде. Откачивая воду и заглушая ключи, наконец добыли ощупанное мной дерево, которое оказалось доской длиною 2 арш., шириною в $\frac{1}{2}$ арш., а толщиною около 2 дюймов. Доска была не пиленая, а отколотая, с одного конца толще, чем с другого. Между тем открыли новые ключи, и вода с такой быстротою начала прибывать, что работу пришлось оставить, тем более, что на дне кроме камня ничего нельзя было ощупать. Но как попала туда доска, притом такая широкая, — я объяснить никак не мог.

Заняться исследованием других намеченных интересных мест мне помешало весьма дождливое лето и половодье.

*Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН, СПб.,
ф. 1. № 74/1894, лл. 6,7. (Заявление заслушано в ИАК 10 сентября 1894 г.)
(Публикуется по изд.: Петербургский Рериховский сборник, II-III. Самара. 1999.)*

13 сентября 1894 г. Сосницкая волость, С.-Петербургская губерния
Письмо лесника Ильи Агафонова к Рериху Н.К.

Николай Константинович,
имею честь уведомить вас, что на нашей Сосницкой земле охоту производить можно только с дозволения общества. Общество наверное дозволит, но только придётся поставить ½ ведра водки на угощение общества. На общественной земле зайцев среднее число, вальдшнепов много и частью белых куропаток, тетерева тоже есть, но только на чучела летят плохо, потому что не видно, много ещё листа на деревьях. Если вам будет угодно приехать на охоту, тогда приезжайте, только что в хорошую погоду, до свидания. Всегда готов услугам вашим Казённый Лесник Илья Агафонов.

Николай Константинович, вы мне просили написать Адрес нашего мужика. у которого книжка, про которую я вам говорил.

То Адрес его: Литейный проспект, дом № 40, квартира № 56. Сергею Яковлеву.

Автограф. МСССМ. ф. Н.К. Рериха.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник, II – III. Самара. 1999.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ДНЕВНИК Н. РЕРИХА.

Тетрадь в синей обложке с надписью:

27/IX 94 – 27/VIII 95. СПб.

[27 сентября 1894]*[Первые страницы отсутствуют]*

...поступил (при этом насколько умеет, успокаивает меня). Я бегу и сообщаю эту новость товарищам – они не верят и говорят, что если я провалился, то они подавно, а сами в душе должно быть радуются. Мимо нас проходят профессора, мы входим в скульптурный музей, где выставлены рисунки. Господи, с каким трепетом иду по ряду, зная, что не принят. Вдруг недалеко от начала вижу «Рерих Николай» - «принято», и каракули заменяющие подпись Петра Мих. Там же – принят...

[далее оторвана половина листа]

...занять место. Дежурит Пожалостин (сущий сапожник). Как человек не развращённый, я думаю, что профессора следует бесприкословно слушаться, и вопреки моим глазам, затираю подробности и порчу рисунок, выходит № 69. За Плач Ярославны I кат. -Удача в эскизе Кучеренко и моя подзадоривает товарищей, но многие терпят фиаско.

Следующая голова Геры (я сажу в плафоне). Перехожу в фигурный класс. В Феврале...

...рисунок № 28

... Псковича

[далее оторвана половина листа]

... на много укоротит мою жизнь. Шпергазе говорит: как упала Академия если такие пошлецы и бездарности, как Рерих, получают туда доступ. И всё это говорится, не зная ни одного моего рисунка. Василий Александрович сух и лишь этим летом сознаётся, что никак не ожидал от меня таких успехов, что весьма

боялся за меня, когда я поступил в два заведения, а в конце концов сказал (на мои слова, что и Скалон также, когда кончит гимназию, поступит как я); что из того, что я успеваю всё делать и распределять время ещё не значит, что Скалон может предпринять такую же программу, как я. Потом, когда у него на вечере мои бывшие коллеги опять стали поминать меня добром, он сказал, что помимо остального, у меня уже есть большое преимущество перед многими художниками, это образованность и знание многого такого, что другие не знают. Господи, помоги оправдать его слова. В глубине души сознаю, что не заслужил такого отзыва, кроме разве по Русской истории. Но может быть наш кружок поможет мне оправдать его слова.

Третьего дня вернулся с охоты. Погода была хорошая, но охота плохая. Впрочем, ходили, стреляли, а больше мне ничего и не надо. Не в добыче дело. Из-за этого всегда спорим со Скалоном. Вчера видал Бруни, он говорит, что теперь масса дела, что советы бывают даже по 2 раза в день, и что с кружком надо повременить. Сегодня иду к нему, за рисунками. Бруни принял довольно холодно, дал указания относительно рисунков. Жене его рисунки понравились. Псковича опять буду переделывать, надо нарисовать ухо и отдалить стену. Насчёт живописи Бруни сказал, что тоны грязноваты и робки. Неужели мне краски не дадутся? Аж, холодно стало от этой мысли. Ну, тогда налягу на композицию: благо она налаживается. Что-то готовит 12-е Октября т.е. начало занятий.

28 сентября 1894 г.

28/IX. 26 были товарищи. Что за славный, задушевный народ. Дай-то Бог чтобы нам привелось соединиться в предполагаемом кружке. С Чуприненко перешёл на Ты. Один Горохов производит неприятное впечатление, может быть это только сначала.

Завтра кончу Псковича (окончательно, а то я его уже 3 раза кончал, да опять принимался) и вставлю в раму. Какое разоренье эти рамы, а с другой стороны, без рамы тоже не выставить. Сегодня был Антокольский и взял слово, что завтра я пойду с ним к его двоюродной сестре Елене Павловне, причём добавил, что она особа весьма оригинальная. Теперь я представляю её следующим образом: довольно пожилая, встрёпанная (как художнице подобает), с большой шпилькой в причёске. Движения порывистые. Вся нервная. Интересно будет проверить на деле мои предположения. Она познакомит со Стасовым и др., а это для моего детища-кружка больше чем нужно. Теперь каждый день на улице встречаю академистов, воротившихся к занятиям. Все относятся дружелюбно и радуются встрече. О кружке все говорят с восторгом. Один сравнил меня с Крамским (в отношении кружка) но, ох! далеко! С <> будем заниматься с завтра. Надо с начала года не запускать, а то будет трудно при замене, как прошлую весну.

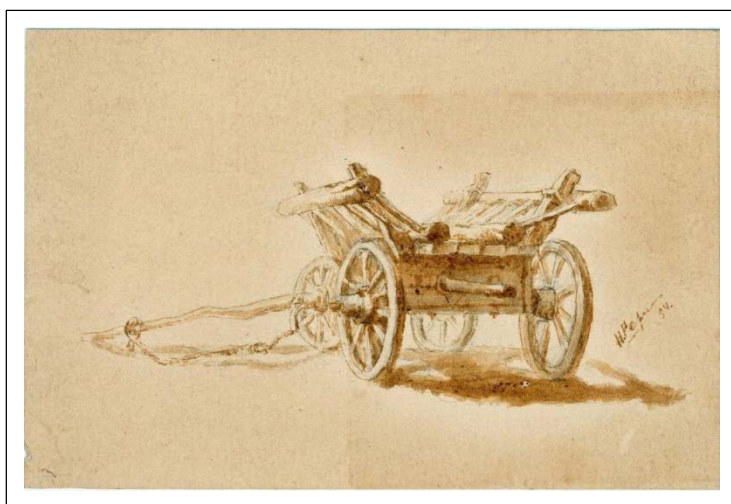
Теперь о профессорах. О них я буду говорить, как истый очевидец, т.е. заглядывая в суть дела, упомяну чисто внешние факты.

Чистяков Павел Петрович. Первое знакомство наше было таково: Ник. Александрович привёл меня к нему со словами: «вот, Рерих, хочет посоветоваться с Вами насчёт композиции. Павел Петр. посмотрел эскиз и сказал: «Вы

оригинальничать хотите, а сделайте лучше и порутиннее, оно лучше будет». Этим советом он сделал то, что эскиз был брошен. Потом за «Служилого варяга» он, смотря вместе с Иваном Ивановичем сказал: «Очень талантливо, только манера мужицкая – это вы хотите Крамскому и компании подражать, только не советую». Больше он ничего не сказал и Ивану Ивановичу стоило много труда убедить меня продолжать этюды после такого замечания.

Причём Крамской?! Причём мужицкая манера? Бывали отзывы Павла Павловича и такого рода: «хорошо, очень хорошо, мягко как вата»; или: «хорошо, только чемоданисто больно». Более ясных указаний он давать не любил. Помню, на переходном экзамене из фигурного кл. в натурный стоял Аполлон. Пав. Пет. за 22 урока всего подошёл 2 раза в самом начале, а после всё стоял у Щербиновского. На нашу просьбу (учеников, сидевших в плафоне) он сказал, что знает, что делает. На предпоследнем уроке приходит к нам – поправляет. Подходит ко мне и на весь класс приветствует: «да это француз, а не Аполлон, ноги тонки». Это когда всё уже готово. Вот тебе, думаю, и перешёл на натуру! Однако кое-как поправил, да и ошибка была пустая и перешёл. Ещё про Пав. Пет. скажу, что он предлагает себя в безвозмездные преподаватели в новой Академии и рассказывает, что в Академии только 2 учителя и было он да Васильев Михайло. (Кстати, я слышал, будто Михаил Николаевич умер, если так – от души Царство ему небесное). Одно время я, было, думал брать у Пав. Пет. уроки, но он так расхвалил меня и столько раз повторил талант, что мне стало приторно, и я стушевался. Хотя и люблю, чтобы меня хвалили (каюсь, страшно люблю), но всего в меру (сказал негр, когда ему дали 100 ударов). Насколько я люблю похвалу, и насколько она меня подымает, и насколько удручает и огорчает резкое порицание, раз даже аппетит потерял. А всё самолюбие, ох какой кнут, это самолюбие, так и стегает, ни минуты покоя. А всё же лучше иметь его больше меры, чем меньше. При нём можно сделать много такого, чего без него не сделаешь. А Павла Петровича не люблю, больно от него жеребятиной пахнет. Надо обедать, нехай же будет <...>, как говорит Мих. Осипович.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/14. 28 л.

Н.К. Рерих. Телега. 1894.

ОКТАБРЬ

*Из дневника Н. Рериха
2 октября 1894 г.*

2 Октября. То Мулюкин, то Вас. Ал., то Михайло натурщик, то чёрт в ступе мешали набросить хоть одну строчку. Вчера был у Мулюкина настоящий зверинец – его двоюродные братья, идиоты сущие. Продержал до 12 час., заставил плясать. Это меня-то! Умора! Один субъект Сереб. просил позволения зайти посмотреть Псковича.

Вчера просил руководить мной Зрелякова. По дороге просил его не хвалить меня слишком, а он пришёл и, первым делом, указывая на Псковича сказал: «Очень приятно познакомиться с автором этого произведения, я его видел у Бруни; ваш Пскович весьма ему понравился». А мне Бруни и вида не показал, что ему Пскович очень понравился. Также, оказывается, Николай Александрович помнит моего Святополка, и весьма хвалил Зрелякову. (Всё сие приятно зело). Потом Зреляков в продолжение битого часа напропалую хвалил меня, несмотря на моё предостережение не хвалить. Он говорит «я вижу, у вас нет ни одного простого этюда, вы всякому этюду сообщаете мысль, чтобы этюд, кроме техники, и ещё чем-нибудь, производил впечатление, это уж такое направление таланта, и его надо развивать». *Завтра начну писать этюд с натурщика со Зреляковым.*

Теперь самое главное. Антокольский познакомил меня со своей кухней. У меня представление о ней было совсем ложное – она весьма ... [две строки зачёркнуто] ... собеседников, так что говорит с большой опаской, и то раз я промахнулся и пришлось покраснеть. Весь вечер мы говорили о художниках. Для меня пролилось много света на Залемана, и я каюсь в моём прежнем худом мнении о нём. Репин, Стасов, Беклемишев - полубоги не сходят с языка. Она хотела знать моё мнение – я лавировал иной раз, и даже искусно, довольно искусно. Несколько раз приходилось говорить о таких вещах, в которых я не сведущ – это такое неприятное положение. А главное в данном случае, надо поступать так, чтобы волки были сыты, и овцы целы. Нет, опять-таки необходим кружок самообразования, уповаю, он выведет из таких подчас скверных положений.

Звала Елена Павловна бывать у ней, но до тех пор, пока я от Леона Моисеевича не узнаю её мнение о мне – *не пойду*. Но хотелось бы, чтобы мнение было благоприятное, потому что бывать у ней мне хочется. (В случае дурного мнения поставлю крест).

Был сегодня у Василия Алекс., он был нездоров, теперь поправляется. Там видел Доброписцева. Расспрашивали об Академии. Василий Алекс. звал на вечера свои по Средам, но я ходить не думаю. Да и странно, зачем я туда пойду – там бывает Петрашень, Шпергазе, вся сволочь, и я прекрасно знаю, что чуть не каждый раз мне там промывают косточки; если я пойду – я лишу их возможности говорить вслух и буду сидеть всё время среди разных улыбок и подмигиваний. Так что не стоит тратить время на это, когда его можно провести гораздо приятнее. Кружок и Академия для меня гораздо приятнее. Если я рыба, то и Академия для меня вода, а товарищи по школе - степь раскалённая.

А что будет, если к Рождеству из Академии выгонят. Я даже не смогу представить, что такое будет; должно быть, я с ума сойду. Нет уж, «с ним или на нём» - поставлю девизом.

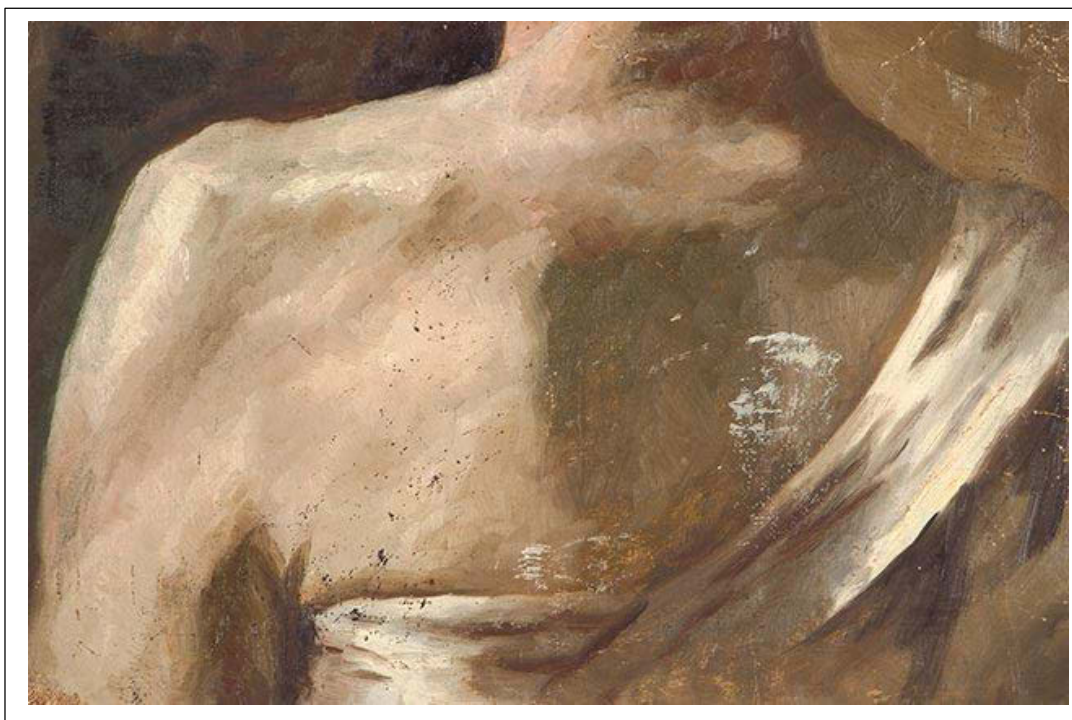
Будущее Воскресенье непременно надо повидать О. Иоанна, иначе я буду неспокоен, принимаясь за академическую работу. Недавно спорил об о. Иоанне со Скалоном, он говорит, что это суеверие, ан, нет, для меня о. Иоанн просто весьма уважаемый, симпатичный человек, слово которого я ценю.

Сочинил смерть Юлиане Вяземской, Елена Павловна на будущей неделе обещала ответ Стасова о кружке. Сейчас начну сочинять *гетмана Ивана Самойловича в ссылке*. Михаил Осипович пропал, отцу денег не возвращает, и этим меня до некоторой степени ставит в неприятное положение. Пожалуй, мнение Скалона о нём и верно.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/14

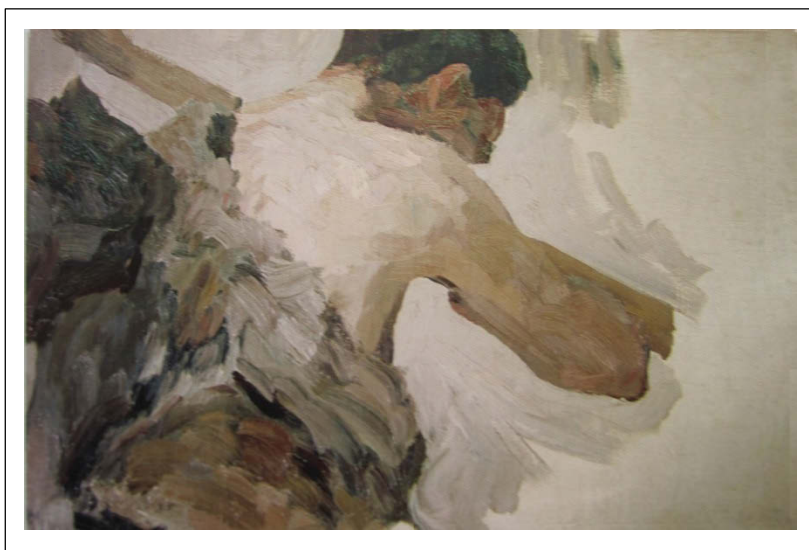
«Завтра начну писать этюд с натурщика со Зреляковым...»

(Из дневника от 2 октября 1894 г.)

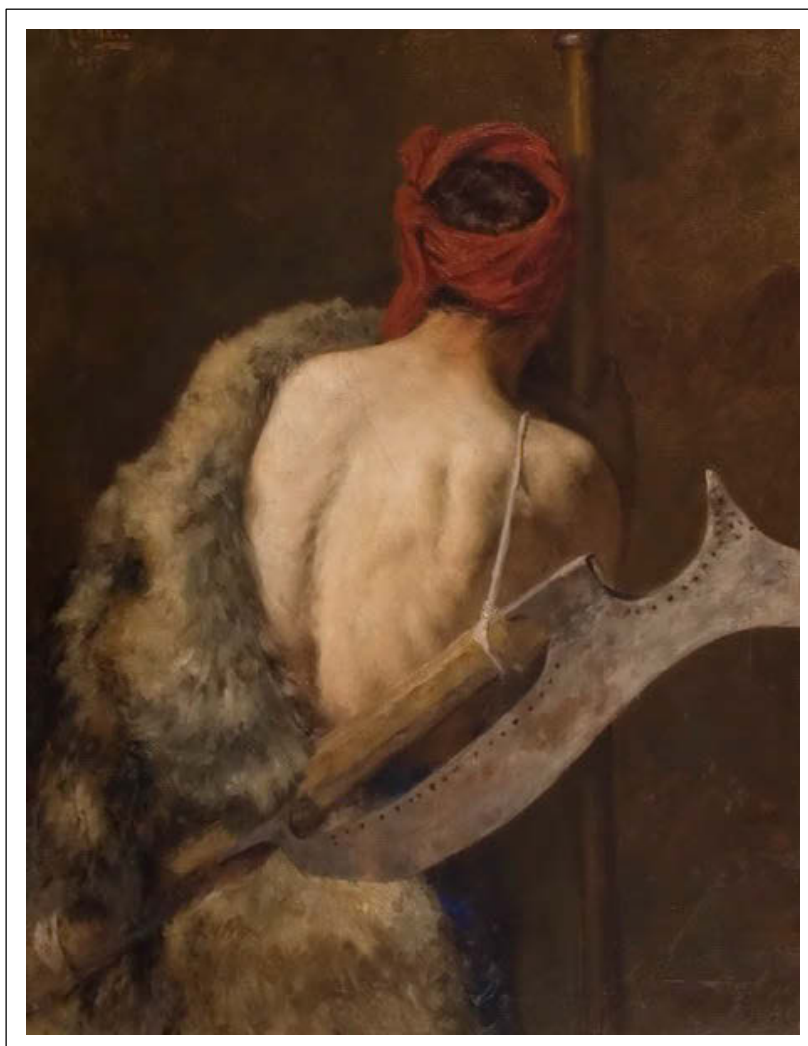

Н.К. Рерих. Этюд торса. 1890-е г.

Н.К. Рерих. Натурщик. Б/д. Этюд.

Н.К. Рерих. Воин (натурщик в меховой шкуре). 1894.

5 октября 1894 г.

5.X. [94 г.]. Начался экзамен в Академии, экзаменующихся набралось (живописцев) более сотни. Масса академисток. Во вторник хотел пройти в экзаменационный зал, подхожу к двери - стоит Бруни с одной академисткой, она просит позволения посмотреть экзаменующихся, Бруни позволяет ей войти. Тогда я хочу войти за ней, а почтенный Ник. Алек. берёт меня за плечо и останавливает: «нельзя». Я хотел заговорить с ним, а он весьма прозрачно отвернулся и заговорил с другим. Это чёрт знает что такое, чего ему от меня надо? Чего он злится? Аж, говорить не хочет. Товарищи серьёзно предостерегают меня от него, и говорят, как бы он мне к Рождеству свиньи не подпустил.

На экзаменах бывают Репин и другие проф. Говорят, у Репина есть уже знакомые, к которым он нарочито подходит и поправляет, это даже не верится, чтобы Репин и вдруг!..

Вчера был Скалон и Антокольский и мы поклялись выдвинуться или, по меньшей мере, постараться выдвинуться. Скалон сказал, теперь 3 гвоздя вбиты крепко и близко один от другого, что-то из этого выйдет? Вот будут хороши 3 гвоздя, когда меня из Академии выгонят к Рождеству, впрочем, все убеждают меня, что этого не случится, да к тому же и сам принимаю уже меры, чтобы этого не случилось – а именно: начал писать этюд «Варвара» - может ещё и подтянусь.

Теперь у меня всё время занято, а в скором времени предчувствую придётся просить о продолжении суток на 28 часов. Программа дня будет приблизительно такова. Встаю в 9. С 10 до 1 часу этюдный класс.

В 1 ча[с.] до 3 час. Университет.

С 3 до 5 сочинение эскизов.

С 5 до 7 вечерний рисовальный класс.

С 7 до 9 практические занятия в Академии.

С 9 до 12 работа для кружка или Университета.

Вот весь день ушёл, а время для гулянья нету, а доктор велел гулять не менее 3 час. ежедневно. Ну, на гулянье буду отводить Воскресенье, буду на лыжах бегать. Пожалуй, даже на чтение газет времени не останется. Ну что же, чем больше работы, тем лучше ведь мои пословицы *nulla dies sine linea*¹ и *aut bene, aut nihil*², и эти пословицы буду выполнять так чтобы вполне можно бы было бы сказать *feci quod potui faciant meliora potentes*³. Завтра идёт Леон к Елене Павловне. Звал непременно меня, но я, по причине вышеизложенной, (выражаясь канцелярским языком), не пойду, хоть и очень подмывает меня. Там, знаете, наверно, услышишь столько новостей и других любопытных рассказов, как нигде. Любопытно, как она убеждала меня принимать и академисток в члены кружка. Я протестовал. Она убеждала меня, что мой взгляд от-

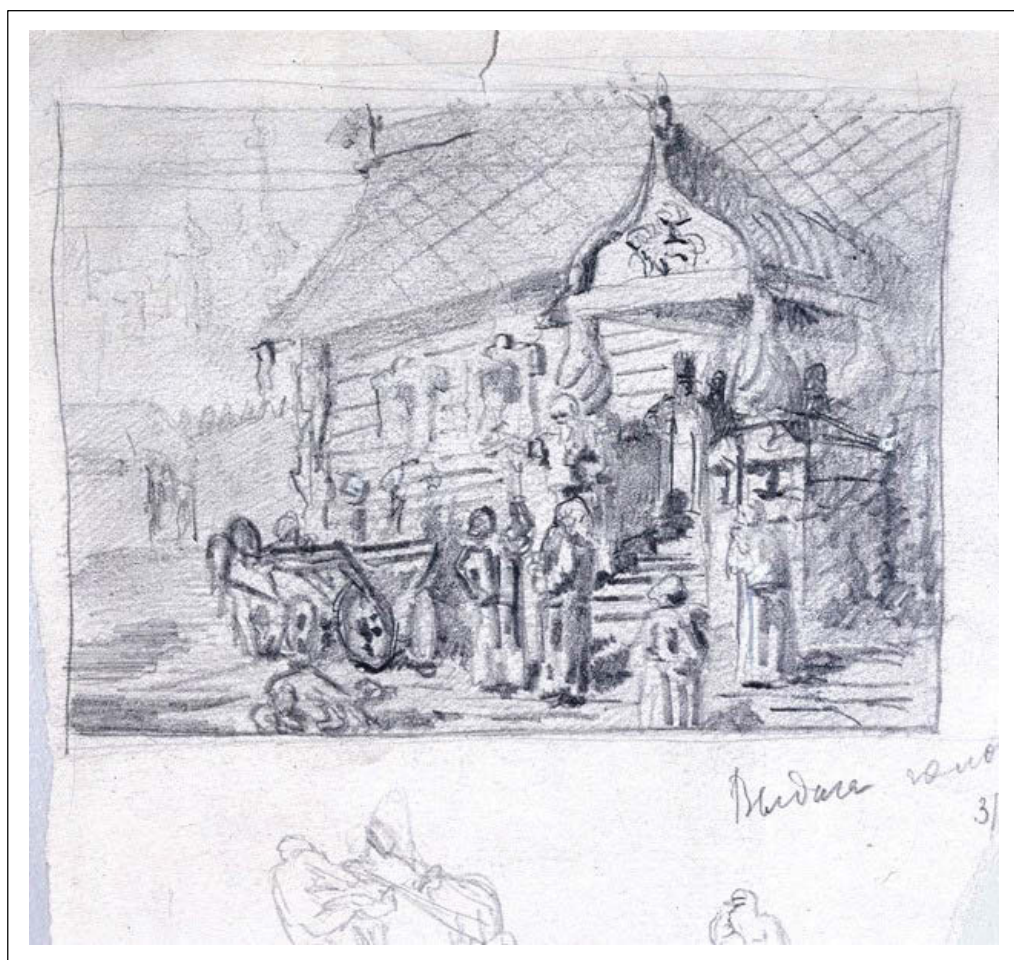
¹ *nulla dies sine linea* (лат.) - ни одного дня без чёрточки. (ред.)

² *aut bene, aut nihil* (лат.) - или хорошо, или ничего. (ред.)

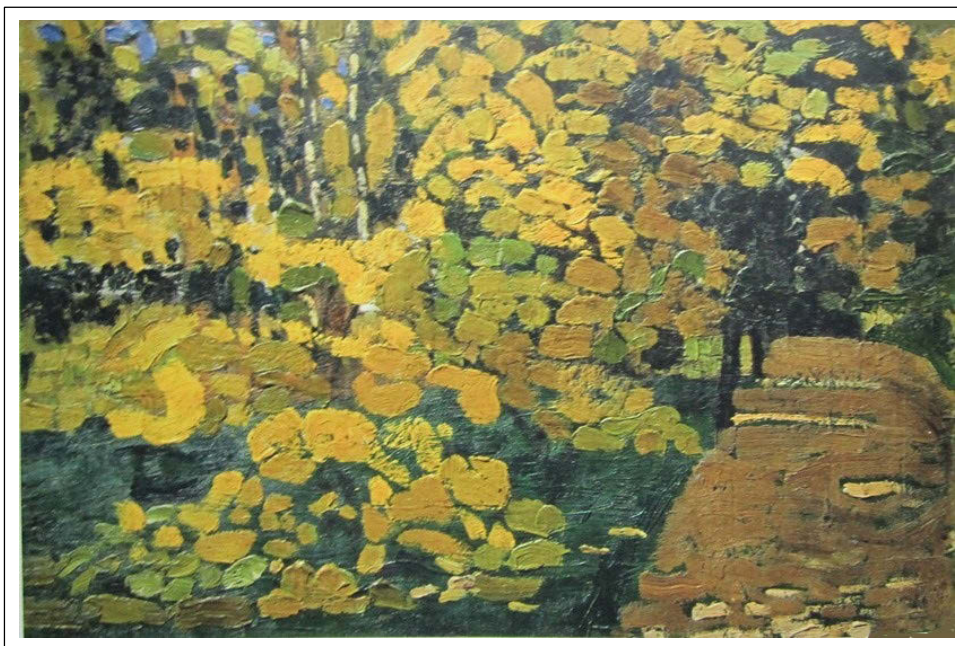
³ *feci quod potui faciant meliora potentes* (лат.) - я сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше. (ред.)

сталый, что присутствие женщин облагородит некоторым образом наш кружок. Пришлось ей уступить. Вообще, должен сознаться, что её слова, что она приручила Залемана, верны, она действительно может приручить. Кстати, в натурном классе устроено особое женское отделение, где академистки пишут с голой натурщицы. Эта мера мне ужасно нравится, а то совместное рисование часто стесняло и тех и других или же ставило в разные неприятные положения. Припоминается мне, как в прошлом году Филькович уговаривал меня поступить в их мастерскую и, как особенно веский аргумент выставлял, что они пишут натурщицу красивую, и если я захочу можно, и голую. Невольно улыбаюсь, вспоминая его удивление, когда я наотрез отказался от его предложений. Теперь я как-то меньше краснею. Чего мне стоило научиться не краснеть при каждом скоромном слове – ведь глупо, а не мог сдержаться, и краснел, недаром Мирошников называл красной девицей, а другие и теперь ещё бело-снежкой.

Сегодня сочиняю *«Выдача головой»*.

Н.К. Рерих. Выдача головой. 1894.

Н.К. Рерих. Парк осенью. 1890-е.

6 октября 1894 г.

6. Х. Сегодня долго работал, промазал всего варвара, опять по привычке - не при ком не работать - при Алексее Ивановиче дело пошло хуже. Он начал укорять меня, я, было, струсил, и еле-еле оправился от испуга. Но наградой за всё мне было, когда в конце Алексей Иванович сказал: "а ведь не отличить тех мест, где я работал, точно всё один человек писал. Очень, очень хорошо усвоили".

Домашние, увидя мою картину <...>сказали: "уж ты вечно что-нибудь такое возьмёшь, чего на стену повесить нельзя. Точно я для стены делаю! До того привык к товарищам, что один всего вечер сегодня у меня никого нет, а уже скучно. А всё-таки надо завоевать Академию. *Ceterum censeo delendam esse Carthaginem*⁴

Сегодня думал поговорить по-французски, и вдруг, о, ужас, оказался слаб - забыл много. <... ..miserium!> Скалон каждый раз говорит: "ох, с удовольствием попросил бы я на несколько сеансов, то ту то другую особу". То там продавщицу какую-то, то академистку, то ещё там кого-то. А когда я ему говорю что тут нет ничего трудного, что к особам, которые ему нравятся стоит подойди да... и делай что хочешь - он обижается и говорит: «ты за тех их принимаешь! Это неверно. Нет, милостивый государь, верно, к сожалению, верно. И должно быть, я прав, несмотря на то, что моложе Скалона и неопытней в этих делах.

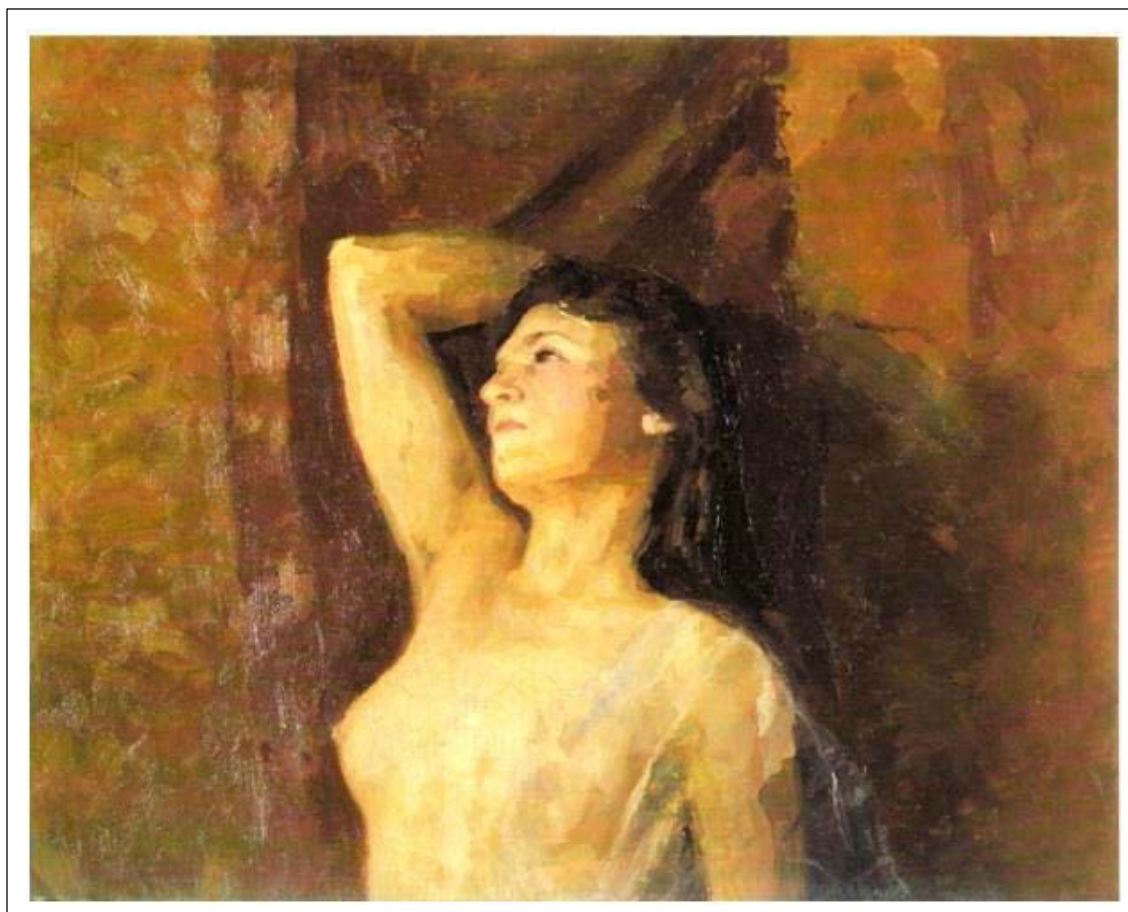
Недавно мне говорили товарищи: «надо бы тебе хоть влюбиться, что ли, а то ты делаешься жёстким. Что же, может быть, правда, это для меня было бы полезно, только в кого?»

---

⁴ *Ceterum censeo delendam esse Carthaginem (лат.)* - «Кроме того я утверждаю, что Карфаген должен быть разрушен». (Слова Катона Старшего, цензора 184 г. до н.э. «Говорят, что Катон, - о чём бы ему ни приходилось высказывать свое мнение в сенате, прибавлял: «А кроме того, я полагаю, что Карфаген не должен существовать». *Плутарх, (Марк катон, XXVII.) (Ред.)*

Могу предложить большую награду, т.е. предложить потребовать от меня всё, что угодно тому, кто укажет в кого бы я мог влюбиться, или т. сказать, влюбит меня в себя.

Гоголь недаром сказал “скучно на этом свете господа!” (Я прибавлю [*далее зачёркнуто*]).

Н.К. Рерих. Нагурщица. 1894 г.

10 октября 1894 г.

10.X. Вчера Бруни сказал Антокольскому, что граф разрешил наш кружок. Потом я его видал, со мной он по-прежнему ласков, говорил, что ему Алексей Иванович передавал о моём первом успехе в красках. Словом, всё благополучно по-прежнему, т.е., вернее, всё неблагополучие создало не более как моё воображение, должно быть. Хотел сегодня за обедней спросить у графа, когда он позволит побывать у него, но духу, не хватило.

Сегодня с Антокольс[ким] были у В.А. Беклемишева. Вышло невероятно глупо. Я изображал какого-то молчаливого сфинкса и в душе не соглашался, когда он нападал на редакцию устава. Мне кажется, если сделать по его мнению, то не будет совсем никакого стимула и мы, пользуясь полной свободой, или совсем перестанем работать для кружка, или будем относиться страшно

небрежно. Но как бы то ни было - граф разрешил. У меня появилось первое дитя – надо воспитать.

11 октября 1894 г.

11. Х. вчера был у Ивана Ивановича; Господи, как он изменился. Ко мне вышли какие-то останки прежнего Ивана Ивановича. Голос вял и тих. Но надо было видеть перемену, которая произошла при моём рассказе о моих работах. Даже присел на диване – глаза загорелись, и опять повторил мне всю порцию советов. Потом был у Советова, не застал дома и пошёл к Верещагину. Этот идиот Венич завёл спор с Плотниковым о школах в искусстве. И оба принялись доказывать, что идти направо почему-то лучше, чем налево, и наоборот. Плотников чувствовал себя неловко – ещё бы, в доме художника старой школы он порицал её, и превозносил новую. Чтобы не попасть в такое же неприятное положение, как Плотников, я всё время молчал и только изредка мимикой казнил Венича, и лишь когда ко мне обратились настойчиво с вопросом о моём мнении, я ограничился лаконическими *suum cuique*⁵, предоставляя слушателям переводить или, верно, каждому своё или, как перевёл один гимназист: “каждому свинья”, по-видимому, никто не подумал о втором значении. Я полагал, что весьма удивлю хозяев своим неожиданным приходом; однако, они, кажется, были весьма рады.

Сегодня начинаю Карла Ивановича и перерабатываю устав. В Университет не пошёл, ведь <пед...> достаточно удовлетворил.

12 октября 1894 г.

12. Х. Относительно кружка пойдём к Репину, дадим ему бразды правления со словами «земля наша велика и обильна»... Не знаю, насколько верно, но мне кажется мои коллеги соинициаторы стараются сузить дело, которое мне хочется поставить как можно шире. Сегодня придут А. В. и Л.М., должно быть, будут меня уговаривать относительно кружка. Чем ближе к началу занятий, тем более ощущаю какую-то непозволительную робость – первые работы будут наверно плохи. Даже, говорят, я похудел за эти дни.

Теперь всё обдумываю «Поволжские орлы (Сигнал)». Может выйти хорошо, но нужны натурщики, для этого нужны деньги, а их-то нету.

---

13. Х. [12]. Скалон взял слово, что я буду у них в Пятницу, и он меня кому-то представит. При этом просил меня не ударить лицом в грязь. Не знаю, пойдут ли. Не ударить лицом в грязь, значит держаться всё время начеку. А это я не люблю больше всего. Антокольский говорит: «знаешь, ты совсем не похож на нас, академистов. Они вон теперь, до начала занятий, сидят себе по домам, распивают чаёк, да болтают друг с другом; а ты что-то работаешь, обдумыва-

---

⁵ *suum cuique* (лат.) - каждому своё - (ред).

ешь». Эх, это верно он сказал, что я не похож на других академистов, многим не похож; да и на университетских студентов не похож. Ни то, ни сё.

Помнится:

На що мени худибонька
Буде з мене трошки;
Дадут мени сажень земли
Да чотыри дошки.

И с чего такая песня вспомнилась? Ведь до чотырёх дошек ещё кое-что сделать надо. Ещё далеко до самого дела, теперь только надо начинать подготовку для него – для пролития света, иллюстрацию родной истории.

Почему это, обыкновенно, трактуют нашу историю со стороны грубости и насилия? Разве не скрывалось под этой грубой личиной хотя бы, например, какого-нибудь и «худого мужика вечника» черт весьма симпатичных. Почему нигде в живописи не видно слёз печали или радости на глазах что ли ушкуйника. Впрочем, а и глупое же у меня тогда настроение было, я не то говорю. Пригорюнился, и понёс чепуху. Поневоле вспомнишь из Украины – плачу, а на що бачу.

Это всё равно, как пойдём мы к Илье Ефимовичу и скажем: хочется нам чего-то, да толком не знаем чего. Пожалуйста, узнайте чего нам хочется.

Меня неоднократно уже предупреждали относительно Скалона, что он друг только до поры до времени. Не хочу этому верить! А мне всё доказывают – указывают на то, как смеётся он за глаза над человеком, с которым потом опять весьма ласков и др. Говорят мне, будь с ним осторожен, но ведь *aut bene, aut nihil* [*или хорошо, или ничего*] (лат.) – ред.]

*****

12 октября 1894 г.

Письмо М.О. Микешина к Рериху Н.К.

Сынок мой – об Аполлоне Колинька? Что-то Ваша работа милый – отзовитесь! Переделали ли Вашего «Псковича» и удалось ли его кончить так, как я Вам советовал?

Возлюбленному мною Папе Вашему – скажите, что не являюсь к нему с деньгами – потому что ещё не получил их с Гл[авного] Каз[анского] Управления и, лишь получу, то немедленно явлюсь.

Целую Вас, а Вы поцелуйте руки Маме, сестре, а губы – проч. мелюзге.

А. Микешин

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/998. 1 л.

*****

13 октября 1894 г.

13. X. Вчера, оказывается, было не 13, а 12 – уже несколько дней не знал какое число (точно записки сумасшедшего). Сейчас получил письмо Мих. Осиповича. Хотел было сам к нему идти, но раздумал и ответил письмом. Думаю собрать письма за это лето и приложить их к этой тетрадке. Они тоже до некоторой степени будут иллюстрациями прошлого лета.

Вечером: Ничего делать не хочется. Просто будь хоть возможность, немедля бы уехал на охоту. Тихо, спокойно в лесу. Ни перед кем он не рисуется, не рассчитывает какой веткой шевельнуть. Птиц нет никаких. Разве зачиликает снегирь туземец. Теперь вечером там и холодно, и жутко, и просторно, и задумчиво. А поля? А перелески, ольшняка по полям? А какой тревоге в душе наделает чёрная точка среди поля – дальний путник... Куда он пробирается? Откуда?.. Ну, словом, просто вспомнилась одна из тех картинок, описания которых наводняют недра моего стола. Если бы тут был Скалон, он наверно бы сказал: опять раскис, дружище, и притом вспомнил бы, как мы сидели вечером на развалинах мельницы и в то время, когда он занялся самым прозаичным делом, я так увлёкся прекрасным вечером, что из задумчивости вывел меня только громкий хохот друга: раскис, раскис повторял он, тыча в меня пальцем. Совершенно верно, должно быть, я был смешон в эту минуту, но, между тем, потом долго вспоминаешь о таких минутах и вспоминаешь с удовольствием.

Ещё не так давно, (года 2), я с завистью смотрел на каждого лесника, егеря – тогда лес для меня заменял всё. Теперь *mutatis mutandis*⁶, я стал немного другой. Это даже можно видеть из моего охотничьего дневника. Прежде, при худой стрельбе, я убивал более 200 птиц в год, а теперь, при несравненно лучшей, всего 80, а то и меньше. Конечно, это можно объяснить и другим, а именно, словами Мих. Осип., что: «Колинька бросьте охоту. Художник, а душегубствуйте».

Уж трудно сказать, что теперь удерживает меня в городе от охоты, его ли слова, университет, Академия, или кружок. Лучше сказать, всё держит, всё приковывает меня к городу, всё это заглушает, забывает лучшие порывы, а взамен этого чистого удовольствия предлагает радости и довольства нервные, болезненные. Вот пример, чем наградили меня первые шаги в жизни после гимназии – первым делом, нервным сердцебиением – часто теперь мне досаждающим, а разве можно променять несколько лестных, хороших отзывов на массу неприятных минут при сердцебиении. Впрочем, покаюсь, иногда и могу променять, но всё же только иногда, а подобное иногда редко. Эх, чёрт, голова болит.

Из студенческого дневника Н.К. Рериха (13 октября 1898 г.):

«Вечером: Ничего делать не хочется. Просто будь хоть возможность, немедля бы уехал на охоту. Тихо, спокойно в лесу. Ни перед кем он не рисуется, не рассчитывает какой веткой шевельнуть. Птиц нет никаких. Разве зачиликает снегирь туземец. Теперь вечером там и холодно, и жутко, и просторно, и

---

⁶ *mutatis mutandis* (лат.) - изменив то, что следует изменить. – (Ред.)

задушевно. А поля? А перелески, ольшнякаи по полям? А какой тревоге в душе наделает чёрная точка средь поля – дальний путник... Куда он пробирается? Откуда?.. Ну, словом, просто вспомнилась одна из тех картинок, описания которых наводняют недра моего стола...»

Н.К. Рерих. Ночь, околица села. [1894].

Листок из архива Н.К. Рериха:

«...просто вспомнилась одна из тех картинок, описания которых наводняют недра моего стола...»

1. Снежная равнина охватила вас, чем-то маленьким, ничтожным чувствуете себя среди этой белой поверхности.

2. Хорош кровавый закат, но ещё лучше нежный мягкий, когда только одна резкая полоска над горизонтом, а остальные всё слабей и слабей тушуются с общим серым цветом неба.

3. Зимний воздух, это не то, что опьяняющий весенний; он свеж замечательно чист даже без всякого аромата сам пробирается в грудь, подкрепляет силы.

4. В городе отворачиваешься от ветра, кутаешься в воротник, ~~не то в а в~~ деревне, напротив, подставляешь щеки навстречу этой свежей струе, будто дотрагивающейся до лица.

5. Равнина с ясными контурами ~~вблизи~~, но дальше краски не тушуются, смягчаются и, наконец, у горизонта превращаются в чисто белую поверхность.

6. ~~Дорога~~ серой чертой вьётся, извивается по полю, белую равнину иногда пересекает серая черта лыжника.

7. Пригорок, дорога вниз, всё поле окаймлено лесом. В стороне деревня, буграми высятся поросшие орешником курганы.

8. На ухабе встряхнутся, закряхтят санки, иногда к этому, безусловно чистому зимнему воздуху, примешивается запах сена, положенного в ногах.

10. Как могучий богатырь с тёмно-бронзовым загорелым лицом, надменно глядит (на вас), покручивая седой ус, так лес зимой величаво высится перед нами среди поля слегка, (лениво) пошевеливая длинными ветвями ~~ележ~~ елей, покрытых снегом.

11. Как-то завидно становится, ~~перед~~ на всякого пешехода (*мужика*), что остался за вами (*позади вас*) среди поля. Перед вами уже ~~старые~~ серые стенки жёсткого вагона. Вы уже дышите (*и грудь забирает*) спёртым, наполненным табачным дымом воздухом, ~~на стене~~ над вами нависает ~~древе~~ фонарь, ~~дрез~~ безжакетный на стене, а перед нами всё ещё широкая чистая равнина, всё ещё его ласкает, в грудь пробирается чистый воздух, где-нибудь в стороне звенит, весело заливается колокольчик

12. Как приятно слышать в деревне... звон колокольчика или бубенцов, (над (*под*) дугою) совсем не так как в городе.

13. Птиц никаких нет, песен не слышно. Только воробьи и лесные канарейки.

14. Вечером всё сине, только небо ещё розовеет после заката.

15. Иней на кустах все <...> толще, иней – та же листва, <...> совсем не однообразнее, чем летом.

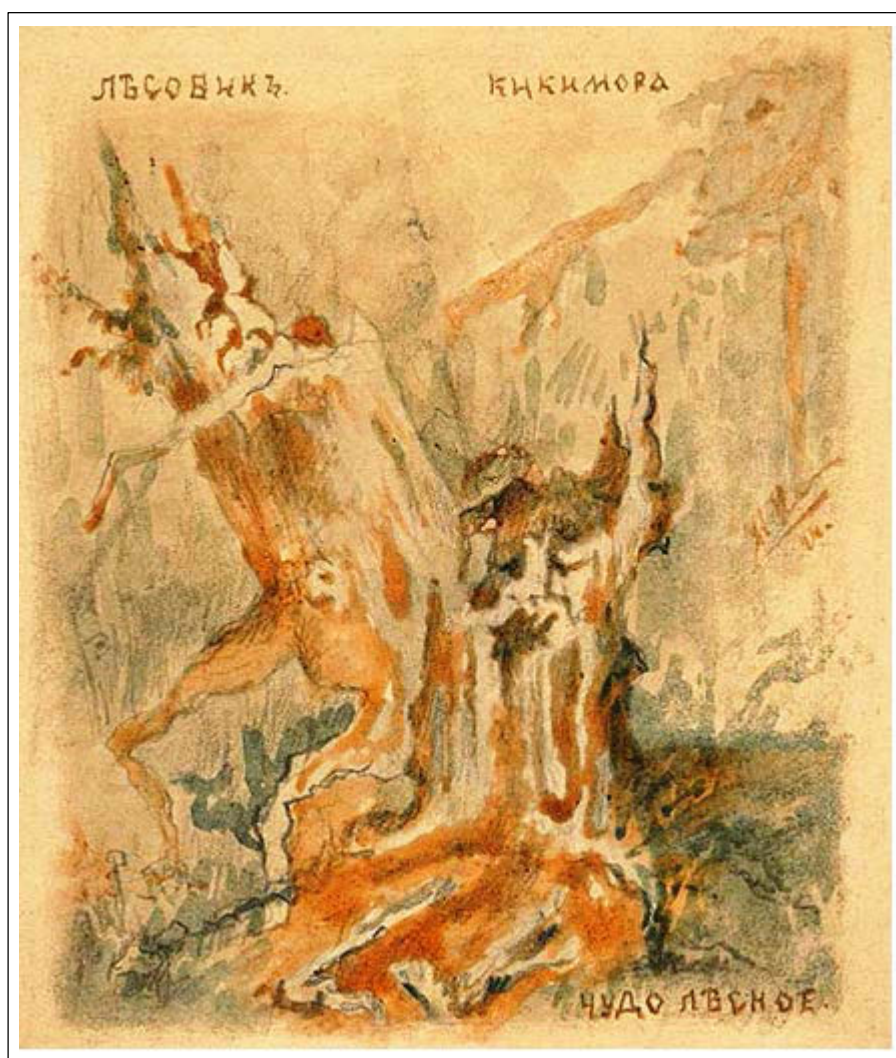
16. Солнце – за лес и бросает ~~от~~ красноватый отблеск на бугорках.

17. Чувствуется какое-то почтение – когда, ну вот, волчий след пересекает дорогу.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/38, лл. 5, 6 об.

15 октября 1894 г.

15. X. Ура! Скалон принят в Академию. Сегодня в залах Акад. был точно целый клуб. Гауш пропёр. Во вторник идём к графу. Сегодня говорил с Бершадским, и в обеих библиотеках о Леонардо да Винчи. Начал набрасывать слово для первого нашего собрания. Со смехом, хотя тут смех и неуместен (юже меру мерите, возмерится вам), вспоминаю сегодняшние экзаменационные этюды. Это чёрт знает что, не понимаю, как это хватает у людей смелости с такими способностями и умением проситься в натурный класс. Вместо натурщика были изображены и выкидыш, и американские жители, и кикиморы, и нечисть, водная и лесная. Вот уже именно и больно и смешно.

Н.К. Рерих. Чудо лесное. 1894.

18 октября 1894 г.

18. X. Канун начала занятий в Академии. Кружок к чёрту! Всё пропало – разбилось. Меня и моих соинициаторов эти свиньи обозвали аристократами. (Что, де, тут аристократы затевают, мы не им чета, мы демократы).

Устав им показался (их разуму) непонятен и страшен. Например, просто боятся слова баллотировка. Сегодня никто со мной к графу не пошёл – испугались. Вчера, оказывается, Леон говорил Скал[ону], что мне с ним (т.е. со мной) делать, как его удержать. От чего, спрашивается, удерживать от доброго начинания с целью научного образования?

Саккетти, в наше посещение его, сказал: «Хотя я и профессор консерватории, но должен признаться, что уровень развития консерваторов стоит так низко, что ничего подобного там немыслимо! А вот весьма приятно слышать, что в среде академистов явилась подобная инициатива». Не радуйтесь, почтенный Ливерий Антонович, и в Академии ничего подобного не мыслимо. Не народ тут, а грубые свиньи и больше ничего! Видите, демократы! Нас заподозрили в каком-то триумвиратстве.

Теперь остались я, Леон, Скалон, Рейнеке, Фролов, Федорович и Донишевский. Будем частным образом достигать нашу цель. Леон во всём этом оказался большим трусом, Скалон, кажется, хочет проводить какую-то свою мысль – и только это колебание моих ближайших сотрудников и заставило меня окончательно плюнуть на всё.

Сегодня с Платоном Васильевичем были у М.О. Микешина. Кружок Шевченки что-то заглох. Попов, сучий сын, страшно подвёл М.О. М[ихаилу] О[сиповичу] заказали памятник в 150 000 руб. и на модель ассигновали <8000> рублей, а Попов предложил сделать модель даром, а памятник в 60 000 р. Экая скотина. Точно последний жид.

Я слышал, что Репин недавно говорил в одном доме, что он будет особенно деятельно искать таланты из низших классов общества, а нарочито из мужичков. Коли с этого начнётся, тогда, пожалуй, и прав будет Буренин, называя его Ефемелей - Лукавым – Мужичонком.

Ещё несколько отзывов слышал о моей какой-то образованности, просто неловко становится, аж краснею по старой привычке, как подумаешь о своём невежестве. После каждого такого отзыва думаешь, как бы это постараться и оправдать его на деле.

А теперь, значит, надо показать этим господам демократам, что и нарицаемые ими аристократы тоже кое-что могут. Благослови, Владыко! Чувствую первые работы будут плохи.

У о. Иоанна так и не был. Совсем нехорошо.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/14, лл. 15, 15 об., 16, 16 об.

18 Октября 1894 г.

Из дневника Н. Рериха от 11/X 1894 г.:

*'...перерабатываю устав. В Университет не пошёл...'³⁶ (ф. 44/14)

**Проект правил кружка академистов Императорской Академии Художеств,
посвящающих себя самоусовершенствованию.⁷**

§ 1. Члены кружка имеют целью изыскивать возможно большего усовершенствования: общеобразовательного и художествен.

§ 2. С целью общеобразовательною происходят учения книг по: философии, естествознанию, истории (священной и всеобщей) искусств, культуры и друг.) психологии, эстетики, археологии, мифологии и др. ~~судопр. законов~~

§ 3. С художествен, же целью в собраниях будут обсуждаться темы для эскизов и рассматриваться самые эскизы с критическим их разбором (при указании источников)

Справа на полях написан другой вариант § 3:

§ 3. Художественная цель кружка состоит в усовершенствовании в деле художественных сочинений.

§ 4. Чтение на собраниях происходит совместное, или же, для успешности занятий, между членами распределяются книги и эти члены составляют о прочитанном – ~~рецензии~~, рефераты, которые потом и прочитываются на собраниях кружка.

§ 5. Председательство на собраниях кружка ~~по каждому отделу принадлежит~~ лицам, выбранном членами кружка и притом, известном на данном поприще

Справа на полях написан другой вариант § 5:

§ 5. Председатель кружка избирается членами.

§ 6. ~~Председатели, по отделу общего образования, указывают членам книги, которые найдёт полезными и руководят собраниями.~~

§ 7. ~~Председат. по отделу художественному обсуждают представленные эскизы, делают общие замечания о композициях (теория и практика) и руководят [прениями собраниями.~~

§ 7. Делопроизводство в случае, если... будет возлагаться на членов, выбранных товарищами.

§-8 §6. Число членов кружка — неограниченно. Члены — гг. Академисты, и академистки и вольнослушающие Академии.

---

⁷ Текст проекта написан не рукой Н.К. Рериха (поправки рукой Рериха.)

Примечание: В члены кружка кроме академистов и вольнослушающих И.А.Х. допускаются и частные лица, посвятившие себя художественной деятельности.

~~§ 9. Из числа членов выбираются по закрытой баллотировке старшина, секретарь и библиотекарь кружка на один год (академический) **~~

Слева на полях примечание:

** Примечание Секретарю, в виду трудности его занятий, предоставляется указать и просить выбрать ему помощника.

~~§ 10. В случае отсутствия на собрании председателя по общему отделу с его разрешения занятия на собраниях происходят под руководством старшины.~~

~~§ 11. За отсутствием же председателя по специальному отделу, его мнение замещается постановлением собрания.~~

~~§ 12. Ближайшее делопроизводство возлагается на старшину, кот. во всех случаях является представит, кружка в пределах постановлений собрания.~~

~~§ 13. Секретарь ведёт протоколы собрания, кот. прочитыв. в начале следующ. собрания и подписываются председательствовавшим и секретарём. Кроме того в его ведении находится всё письмоводство как и ведение книги списка с показанием выдан, и обратно получен, книг.~~

~~§ 14. Собрание считается состоявшимся при присутствии председателя, старшины (или одного из них) секретаря и не менее 1/3 всех членов.~~

~~§ 15. На случай отсутствия старшины и секретаря могут временно передать обязанности свои кому-либо из членов.~~

~~§ 16~~ § 8. Взнос с г.г. членов 6 руб. в год (или по 1 руб. в месяц)

~~§ 17. Член, отнюдь не желающий повиноваться постанов, собрания, исключается из среды кружка с правом поступления вновь не ранее, как через год и притом с согласия всех членов.~~

~~§ 9~~ § 18 Новый член принимается в кружок по большинству голосов, за поручительством двух действующих членов.

~~§ 19. Само собою разумеется, что члены кружка почтут за честь присутствие на их собраниях г.г. проф-в (2) и начальствующих особ Академии (1).~~

~~§ 20. Результаты каждого собрания вносятся в виды протокола в особую книгу секретарём, он же ведёт особый альбом, в который по согласию г. членов могут вноситься фотографии с представленных эскизов.~~

~~§ 21. Всем без исключения членам кружка вменяется в неприменную обязанность] предлагается представить в месяц, по крайней мере по одному эскизу в собрание.~~

~~§ 10. § 22 Члены кружка собираются по воскрес, в назначенный час [между] после 1-15 числа каждого месяца. Один раз в течение всего академ. года (с 10 Окт. по 15 Апр.) происходит чрезвычайное собрание, на котором старшина представляет учёт о занятиях кружка в истекшем году; при этом рассматривается альбом копий с представленных эскизов, затем собрание избирает новых старшину и секретаря и намечает программу кружка на предстоящий год. На этих собраниях допускаются гости, приглашённые членами кружка.~~

~~§ 23. Годи́чный учёт кружка вместе с альбомом копий (эскизов) представляется Вице-Презид. Академии на его рассмотрение.~~

~~§ 24. На первом собрании кружка после каникул, члены кружка представляют труды свои за истекшее каникул, время.~~

~~§ 11. § 25 На собраниях кружка обсуждаются предметы, исключительно связанные с целью кружка. Обсуждение каких-либо других посторон. предм. безусловно не допускается.~~

§ 26. Какие бы то ни было изменения данных правил кружка могут последовать не иначе, как с согласия 3/4 числа членов. " _____

Подписи

СПбург 94.

Приписка рукой Н. Рериха:

Устав моего злополучного кружка, который гг. членам показался слишком трудным для понимания и восприятия.

Они не могут понять, что устав - это не больше, как мех, в который можно налить как худое, так и хорошее вино. Один даже сказал: «подадим графу на утверждение этот устав, а потом для себя составим другой устав, а этот похерим». Конечно, это путь верный, но только куда?

18/ X. Меня так приятно поразило открытие, что мои коллеги свиньи, что вероятно целую ночь от головной боли спать не буду.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1275.

18 октября 1894 г.

ПРОЕКТ УСТАВА КРУЖКА САМООБРАЗОВАНИЯ И САМОУСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

(сокращённый вариант)

§ 1. Члены кружка имеют целью, изыскивать возможно большего самосовершенствования: общеобразовательного и художественного.

2. С целью общеобразовательною происходят чтения книг по: философии, естествознанию, истории, археологии, психологии, эстетике, этике, мифологии и др.

3. Художественная цель состоит в усовершенствовании в деле художественных сочинений.

4. Чтения на собраниях происходят совместные или же, для успешности занятий, между членами распределяются книги, и эти члены составляют о прочитанном рефераты, которые потом и прочитываются на собраниях.

5. Члены избирают председателя кружка.

6. Число членов кружка – неограниченно.

Члены – гг. Академисты, и академистки и вольнослушающие Академии.

7. Делопроизводство, если таковое будет, возлагается на членов выбранных товарищами.

8. Взнос с членов 6 руб. в год. (или по 1 рублю в месяц.)

9. Новый член принимается в кружок по большинству голосов.

10. Члены кружка собираются по воскресеньям в назначенный час после 1 и 15 чисел каждого месяца. (В течение академического учебного года. Октябрь – Апрель. 15-е).

11. На собраниях кружка обсуждаются предметы, исключительно связанные с целью кружка. Обсуждение каких-либо других посторонних предметов безусловно не допускается.

Сокращённая форма устава. Когда и это уже показалось страшным, то я наплевал на всех гг. членов. Ну их ко всем чертям в болото, а не только в болото, а хоть бы, и в озеро Генисаретское. И эти гг. цеховые воображают себя художниками!

Мне кажется, они могут быть протоколистами, копиистами в искусстве, но настоящими художниками – художниками композиторами им не быть.

18/X

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1440, 2 л.

18 октября 1894 г.

СЛОВО ДЛЯ ПЕРВОГО СОБРАНИЯ КРУЖКА

«Сегодня говорил с Берштадским, и в обеих библиотеках о Леонардо да Винчи. Начал набрасывать слово для первого нашего собрания...»

(См. дневник от 15 окт. 1894 г.)

Исполнилось, дорогие коллеги, наше общее заветное желание.

Не со вчерашнего дня, вероятно, каждый из нас мечтал и думал: найти товарищей, соединиться, связать себя с нами общим делом и, устроив подобную дружину, – кружок, – помогать друг другу, облегчать всевозможные трудности так, чтобы невозможное, или, во всяком случае, почти невыполнимое для одного, стало легко достижимым многими, т.е. этому тесно сплотившемуся кружку.

Теперь в чём же, главным образом, ощущается необходимость этой нашей взаимопомощи. Мне кажется, первое место, в данном случае, должно занимать пополнение нашего научного образования, художественного, но ху-

дожественного только отчасти, так как для этого Академия теперь предоставляет своим ученикам всё, что только возможно. Хотя бы взять: инженер может работать по своей специальности, руководствуясь почти одними специальными по этой отрасли сведениями; доктор, хотя ещё менее инженера, но, всё же, обладая знаниями по одной медицине и, связанным с его науками, может вести своё дело; почти невозможно юристу сделать так на своём поприще, не обладая серьёзным всесторонним образованием, но художнику под этими рубриками, я полагаю, совсем нету места.

Что значит художник, обладающий знаниями одних специальных предметов? Разве может художник взяться хоть за одну свою работу, не запасшись капитальным всесторонним образованием? Художнику приходится быть отчасти то инженером, то юристом, то психиатром, то химиком, то философом, то физиком, ему приходится бывать Буддистом, последователем доктрины Конфуция - да Бог знает чем, не приходится бывать художнику ...

Всё, что хоть отчасти связано, имеет место в жизни, - всё это специальность художника; всякий кто и не думает уличать, напр. доктора, в незнании механики, нисколько не затруднится уличить художника в незнании, там что ли, философии, психологии и всего др.

Художнику отводится без сомнения одно из видных мест в обществе, так что он является до некоторой степени большим кораблём, которому, по половице, принадлежит и большое плаванье.

Теперь нам предстоит оснастка, и притом самая тщательная, нам предстоит вооружение. Чтобы [*несколько слов зачёркнуто*] всякий желающий узнать нас, нашёл бы нас, хотя до некоторой степени, уже вооружёнными, чтобы шторм не разбил бортов. А то результаты бывают плачевные, например, хоть бы последнее крушение на Финском заливе, как говорят, во время шторма, должно быть, пострадали заплаты пластыря. Так что нельзя цельного дерева заменять заплатами! Заплаты выдают и изменяют.

Всякий специалист может сказать на специальность другого, - какое мне дело до неё, - но для художника нет этой отговорки, ему до всего должно быть дело - всё должно найти в нём хотя бы маленькое местечко. И музыкант, и поэт, и архитектор, и скульптор, и медик, и инженер, и защитник Родины был, например, Леонардо да Винчи. Он своею музыкою и стихами очаровывал родной город. Он оказывался чудным морским инженером, он по словам - *la vie et choix de Moeners de L. d. V. pubere par C. P. London* проводит в Милане канал, наконец, перед стенами Милана появляются полки Людовика XII, кто иной, как не Леонардо, первый встречает их с оружием на городских стенах. Кто, как не он, возводит новые укрепления, ставит сложные снаряды, воодушевляет сограждан, жертвует всем для Милана. Но горсть защитников гибнет - в город проникает измена, стены падают под ударами неприятелей. Город пал.

Людовик разгневан ... долгим сопротивлением - горожан ожидает страшное наказание. ~~Победитель вступает в Милан.~~ Король вступает в Миланский дворец... и вдруг навстречу ему выступает лев; проходит несколько шагов, как бы приветствуя победителя, останавливается... Грудь его раскрывается и оттуда сыпятся розы и фиалки, цветы с герба Франции. Правда ли? Король восхищён талантом великого механика, гроза прошла для Милана стороной. Кто же этими гениальными изобретениями отвратил гнев короля от сограждан? Леонардо да Винчи. <G.I. Wagen> в *das Leben und Werke L.d.Vinci* говорит... таким образом, он был таким великолепным строителем морских и крепостных сооружений. Разные князья Италии обращались к нему с просьбами... .. и что он изобрёл весьма сложные машины и художественные автоматы. Таким образом, Л. да Винчи настолько был сведущ в этих разъединён-

ных областях, что даже не затруднялся, и таким блестящим успехом применять свои познания на практике.

То же и Микель Анжело..

Но мне могут возразить: что возможное в то время невозможно теперь. Тогда для права называться учёным стоило усвоить каких-нибудь 15 000 - 20 000 страниц, а теперь этого количества едва ли достаточно, чтобы называться средне образованным человеком.

Совершенно верно, но все, чем шире будем расширять наш кругозор, тем, до некоторой степени, мы будем ближе достигать нашу цель. Теперь же, повторяю, это наше желание исполняется, благодаря согласию, сочувствию и содействию наших высокочтимых, почётного председателя и председателя, представляется нам возможность собираться в стенах нашей alma mater и попытаться разрешить заданную себе задачу.

Нам остаётся, принеся им глубочайшую нашу за всё благодарность, протянуть друг другу руку помощи, соединиться мыслями и поработать для достижения начертанной себе цели так, чтобы всякий из нас, положи руку на сердце, мог бы сказать *feci quod potui faciant meliora potentes*⁸

Слово, приготовленное для первого собрания кружка, но про которое сказано, что оно слишком высоко — г.г. члены не поймут его. Что же ещё проще? Уж не знаю, что у г.г. членов на плечах, если и это им не понятно.

18/X⁹

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/15, лл.5, 5 об., 6, 6 об.

Н.К. Рерих. Варяги. Крушение варяжского судна. 1894.

19 октября 1894 г.

19. X. Начало занятий. № 17. Сегодня сижу и зарисовываю в альбомчик этюды и слышу за собой: «Ишь, заядлый художник, аж руки дрожат!» А меня действительно, какая-то дрожь пробирала. Придя домой, невольно пришло на

⁸ *Feci, quod potui, faciant meliora potentes* (лат.) - я сделал все, что мог; пусть, кто может, сделает лучше. – ред.

⁹ См. Дневник ОР ГТГ, ф. 44/ 14. 18 / X 1894 г. "Сегодня говорил с Берштадским и в обеих библиотеках о Леонардо да Винчи. Начал набрасывать слово для первого нашего собрания." - ред.

ум, что Академия, до некоторой степени, даже вредна. Вот хоть бы теперь, до того увлекаешься сочным тоном, каким красивым, сильным рисунком, что всё остальное и самое главное в искусстве не только отодвигается на второй план, но даже совсем исчезает. Следствием же этого является, что художник может пропасть, или с должности художника (в искусстве) перейти на место протоколита, т.е. заносить только то, что он видит. А ведь корреспондентом может быть и не литератор. С другой же стороны, если во время письма этюда памятовать, что есть и ещё кое-что кроме интересного тона, то пострадает сам тон в отношении техники. Другое дело, работа дома или наедине. Тут никто не мешает, не смотрит. Я, например, не могу работать, когда знаю, что мне под руку смотрят. Этюдных классов 3, но в классе, кажется, больше 30 номеров, а по уставу полагается не более 30. Странно, что профессора не приняли во внимание, что с некоторых мест совсем нельзя писать. Бедному Леону попалось такое место, натурщик почти на фоне окна – ну ничего не разобрать – вероятно, переменит место.

Сегодня человек 20 спрашивало меня насчёт кружка, и почти сочувственно, а не сочувствуют и мутят друзья Скалона, так что я начинаю подозревать, не подаёт ли он им первый пример в этом деле, а может быть, из-за того – зачем инициатива принадлежит не ему. Что-то уж слишком горячо он теперь восстал против кружка – должно быть, и Леона с толку сбил он же. Ещё они собираются чуть не каждый вечер, а мне, конечно, времени нет. *Ceterum censeo* [Я утверждаю (лат.) - (Ред.)], что там Скалон ни говорил, а Мих. Осип. относится ко мне очень хорошо. Примером может служить его память о моём Псковиче. “Если бы по прежнему уставу, наверно за него медальку схватили бы”, - сказал он вчера. Последние дни нет-нет, да и заболит голова, да так тупо, зловеще, хотя и не очень сильно, и шум в ушах бывает. Не знаю, что сей <...> значит. Только бы ничего серьёзного – мне болеть нельзя, времени нет.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/14.

20 октября 1894 г.

20. X. Вечерний рисунок начат хорошо, все ходят и смотрят. Этюд начат прямо-таки худо и обращает внимание только красным мелом.

Леон, по обыкновению, набрасывает легко и изящно. – Скалон, тоже по обыкновению, грубо режет правду матку (но иной раз и привирает). В класс заходили В. Маковский и Куинджи. Куинджи по виду суцья свинья в ярмолке, ближе его не знаю.

Маковский своей энергичной физиономией с виду мне весьма понравился, но его замечания, (на которые, кстати, промолчал сосед Петрусевиц «темна вода во облацех»), по своей общности и ничего несказанности, не понравились, а одно так просто-напросто грешило против природы.

После этюдного я со Скалоном пошёл в Университет, где ходили около часу по коридору, за что и получили крестики у педеля. Кабы было время, с удовольствием занялся бы я одним историко-юридическим исследованием «О быте и положении первых русских художников, как приезжих, так и местных». Впрочем, совсем не исследованный. Но...

Сегодня после этюда вернулся до того разбитый и усталый, что ни за что не мог приняться. Вероятно, вместо 3 часов буду писать 2 часа, а то устаю и на

третий час порчу то, что сделал в начале. Теперь приходится серьёзно заниматься более 12 часов в сутки, а я замечал, что более 9 часов серьёзной работы мне не под силу – надо сократить что-нибудь, не то...

Фёдоров подходит и спрашивает, отчего я так волнуюсь во время работы, даже, мол, со стороны заметно. Вот, кабы он мог мне объяснить, отчего я так волнуюсь, так я бы ему весьма благодарен даже был бы.

*****

Записка Ливерия Антоновича Саккетти к Рериху Н.К.

22 октября 1894.

Многоуважаемый Николай Константинович!

Очень хотелось бы с Вами повидаться. Не зайдёте ли завтра (23 окт. воскресенье) ко мне: я с 4 до 6 пополудни буду дома.

Ваш Л. Саккетти.

Отдел рукописей ГТГ ф.44/1273 1л.

*****

23 октября 1894 г.

23. Х. Кружок воскресает. Сегодня был у Саккетти. Впрочем, поздно, лучше завтра. Сейчас ушёл Леон, кажется, мы вполне узнали друг друга и будем всегда друзьями.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/14.

*****

24 октября 1894 г.

Письмо Л. Саккетти к Рериху Н.К.
(относительно Кружка самообразования)

24-ое октября 1894 г.

Многоуважаемый Николай Константинович!

Я был сегодня в Публичной библиотеке и пересмотрел “Артист”. Вот статьи, которые, может быть, были бы интересны для проектируемого Вами Общества:

1. Письма по вопросам искусства, Киселёв, 1893 г. март, апрель, октябрь, ноябрь, декабрь.
2. Французская живопись, Киселёв, 1891, ноябрь, декабрь.
3. Антокольский. 1893, апрель.
4. Репин. 1893. Январь, февраль.
5. Современное русское искусство живописи <Реста>, 1890. Сентябрь.
6. Об искусстве Гольцева. 1891. Январь, апрель.
7. Мимики, физиономики, Пидерита, 1891, февраль.
8. Галерея русских художников. Киселёв, 1892, февраль.

9. Галерея иностранных художников, 1892, март.

10. Гагарин, Чешигин. 1892. Октябрь, ноябрь, декабрь.

О Гагарине есть интересная книга Лихтенберга.

Жду Вас в воскресенье

Ваш Л. Саккетти

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1272, 1 л.

*****

Из дневника Н.К. Рериха:

24 октября 1894 г.

24. X. Я обещал Лив[ерию] Ант[оновичу], что дела с кружком не брошу, но что, в виду общего мнения (аристократ! затесался студент в Академию и пошёл крутить!), не могу являться инициатором. Так что, если найдётся инициатор, то я первый буду работать под его стягом. Лив. Ант. обещал познакомить с неким Симанским. Будущее Воскресенье я, Леон, Рейнеке и Симанский будем у него. Лив. Ант. тут же набросал список книг; для начала занятий.

Сегодня Скалон предупреждал меня относительно Леона, что он больше талантливый аферист, нежели художник, и советовал близко не сходить с ним, чтобы не подпасть его влиянию, «а то, - убеждал он, - мне будет весьма больно, если ты из художника сделаешься аферистом». Я теперь, до некоторой степени, меж двух огней. И Леон, и Алекс. – оба, отчасти, предупреждают меня один против другого. Но всё же эти две дружбы настолько различны, что я их и сравнивать не могу. С Леоном дружба в мирное время, а с Алекс. началась наша дружба во время классной передряги, и, когда все от него отступились и решили не подавать руки, я первый перешёл на его сторону и протянул руку.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/14.

Н.К. Рерих. Извара, 1890-е гг.

НОЯБРЬ

*Из дневников Н.К. Рериха:
16 ноября 1894 г.*

16. XI. Надо в конце ноября сдавать Богословие, а ещё не прочитал ни страницы. Верно, придётся отложить. Всё ещё находимся немного под впечатлением 4 и 3 разряда. Вот высекли-то нас! И Леон <...> и Скалон, и Чуприн, и Федорович, и Мазепа все пострадали. Мазепа сердится за мои насмешки по поводу его знакомства с академистками. Недавно в этюдном в кружке академисток (они пишут как раз рядом с нами) слышу: «ничего, я ведь не стесняюсь!» - говорит одна. Скалон громко меня предостерегает: «Ну, брат, беда здесь не стесняются».

Я прозвал со Скалоном наш кружок передвижниками за то, что нас передвинули писать, вместо всей фигуры, головки. Бруни придётся всё-таки уйти после всей этой истории. Как, однако, возмутилась Академия за то, что не участвовали в погребальной процессии!

Профессора обошлись с нами весьма сердечно и выслушивали обиды в почти официальном заседании. В Университете ничего подобного было бы невысказано. Арсений Арсеньев вчера приглашал меня примкнуть к их компании и ехать этим летом в Египет. Григорий <Три...> недавно рассказал мне роман, приключившийся с ним 2 года тому назад, в котором они держали [...]

(вставка на отд. листке)

Весьма хорош граф Ив. Ив., когда он, принимая депутацию, приглашавшую его явиться пред лице всей Академии, сказал: «у меня сегодня, господа, горло болит. Не могу пред 300 академистов говорить. Лучше с вами поговорим».

Потом и он на Бруни осерчал, и как мне сдаётся, только потому, что все на Бруни рассердились, ну и он за компанию.

« Надо в конце ноября сдавать Богословие, а ещё не прочитал ни страницы...»

Из архива Н.К. Рериха (ОР ГТГ, ф. 44/632):

ПРОГРАММА

ЛЕКЦИЙ ПО ОСНОВНОМУ БОГОСЛОВИЮ

[с пометками Н. Рериха]

Введение.

Бил. 1-й. § 1. Предмет и задача христианской апологетики. Предмет и задача апологетики – научная защита христианства. Различие между *апологиею* и *апологетикою* со стороны содержания, формы, метода и значения. Апологетика, как наука, не защищающая только божественный характер религии христианской, но и *научающая, как нужно защищать её*.

§ 2. Руководящие начала христианской апологетики. Важность установки *метода и плана* во всякой защите, а в особенности – в христианской апологетике. *В какой мере возможны научная защита и доказательства божественных истин христианства?* Основное руководящее начало религиозного знания: *credo, ut intellegam*; смысл

противоположного ему: *intelligo, ut credam*. Цель апологетики – не одна лишь полемика, но и положительное разъяснение истины.

§ 3. **Состав и разделение апологетики.** Различие взглядов на содержание и состав апологетики. Причины этого. Существенные предметы апологетики и отсюда – деление её на четыре отдела.

§ 4. **Указание пособий по апологетике в русской Богословской литературе.**

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

О религии вообще.

Бил. – 2-й. § 1. **Значение слова: “религия”.** Неодинаковость производства и объяснения латинского слова: *religio*. Производство *Лактанция* и *Августина* – от *religare* (связывать), по *Цицерону* – от *relegere*. Основания в пользу последнего производства и объяснения. Замечание относительно объяснения блаженного Августина. Возражения некоторых против правильности обоих объяснений и догадка относительно глагола *ligere*, как корня слова *religio*. Общие замечания относительно сущности религии, на основании значения самого слова *религия*.

§ 2. **Всеобщность религии.** Признание факта всеобщности религии ещё древними учёными (Платон, Аристотель, Цицерон и др.). Слова Плутарха. Подтверждение факта всеобщности новейшими исследованиями. Отрицание его. Трудность исследования религии диких племён. Существование *атеистов* – не доказательство против факта всеобщности религии. *Безумие атеизма*.

Бил. 3-й. § 3. **Происхождение и сущность религии.** Всеобщность и непрерывность существования религии в человечестве, как *исходные основания* для суждения о происхождении и сущности религии. Божественное Откровение или учение Библии, как единственное руководство для решения вопроса. 1. Что говорит Библия о *сотворении* человека, о его *духовной природе* и его первоначальной судьбе? Выводы отсюда относительно происхождения и сущности религии в её первоначальном виде. *Нарушение союза с Богом* и признание человека к *новому союзу* чрез обетование в *Семена жены*.

Отличительный характер нового религиозного союза. Ближайшая *цель его*. Существенное условие его со стороны а) Бога и б) человека. Общий вывод из указаний Откровения о происхождении и сущности религии: религия, как *первобытный союз* человека с Богом, и религия, как *союз особенный*, получивший начало после грехопадения человека. Определение сущности религии *с человеческой или субъективной стороны*: религия – необходимая принадлежность богоподобной природы человека. Определение сущности религии *с объективной и божественной ее стороны*: религия есть *не просто союз, но воссоединение* падшего человека с Богом.

Бил. 4-й. II. Что может сказать за и *против* Библейского объяснения происхождения и сущности религии *наука, - философская и историческая*? Отсутствие в науке *твёрдых данных* для решения вопроса о начале религии. Невозможность решения этого вопроса на основании изучения *верований и религиозных культов дикарей*, а также – наблюдений над *духовным развитием детей*. Сравнительно более лёгкое для науки решение вопроса о *сущности религии*. основания для решения: а) *сравнительно-историческое исследование религий*, и б) *психологическое наблюдение и анализ* религиозных явлений. Специфические особенности религии: а) религиозные явления составляют *особую категорию* явлений в духовной жизни человека; б) религия есть выражение сознания *зависимости человека от Бога и необходимости живого, личного общения с Ним*; и в) всевозможность *вывода* религиозных явлений из деятельности *какой—либо одной способностей или духовных сил человека*.

Выводы относительно сущности религии, необходимо вытекающие из специфических свойств её: 1) религия есть нечто, органически-связанное с духовною природою человека, 2) основатель религии в человеке сам *Бог*; 3) ложность теорий и суждений о религии, как о деле чисто человеческом. Краткий обзор такого рода теорий.

Справа на полях пометка Н. Рериха: **Мнил разрешить бы... Фейербах воображение фантазии.**

Бил. 5-й. § 4. Разбор односторонних воззрений на сущность религии, встречаемых в религиозно-философских системах новейшего времени. Религиозные стремления – совершенно особые явления в жизни человека, обнимающие всю его духовную жизнь. Неправильность учений, отождествляющих религиозные явления то с деятельностью ума, то с нравственною деятельностью, то с деятельностью сердца.

Справа на полях пометка Н. Рериха: **Кант Шлейфмахер**

Разбор этих учений:

I. Сущность религий не есть только знание, хотя бы и философское (Гегель, позитивисты и др.). [*На место человека – наука – пометка Рериха*]

Различие между знанием религиозным и научным – философским: а) в предмете или содержании; б) в характере и целях; в) мера знания не есть мера благочестия и религиозности; резонерство, рационализм, как плоды одного теоретического знания в религии, и г) при отождествлении религии с философией выходило бы, что *самый процесс мышления* о религиозных предметах должен быть *высшим моментом религиозной жизни*, что неверно. Религиозные *размышления* и *молитва*. Опровержения в истории религий и личного опыта каждого.

II. Религия не состоит в одной лишь *нравственно-практической деятельности*. Кант и его определение сущности религии. Взгляд Канта на Церковь и положительные религии. Ложность Кантовского учения: а) оно идёт против коренных потребностей человеческого духа, всегда стремившегося не просто быть только *добрым, нравственным, но и угодным Богу*; б) оно лишает самую нравственность *всякой опоры, основания*, мотивов; в) открываемая в истории религий *тесная связь* идей нравственных с идеей о Боге; последняя - *источник* для первых; г) *религиозное благочестие и житейская мораль* – явления, по самому существу своему различающиеся между собой. Общее заключение.

Бил. 6-й. III. Сущность религии не состоит также исключительно и в религиозном чувстве, в святых восторгах и порывах нашего сердца к миру идеальному. Представитель такого учения о религии – Шлейермахер († 1834 г.). Что такое религия по Шлейермахеру?

Чувство *всецелой зависимости от абсолютной причины бытия*. Односторонность такого взгляда на религию: а) такое понимание религии *недостойно Бога* и противоречит потребностям нашей души. *Разумно-сознательный союз*, как единственно-достойный и желательный союз с Богом; б) по суду общего религиозного сознания, главное в религии – *ясное, истинное понятие о Боге; мера для достойных религий*; в) оценка рассматриваемого взгляда на религию с точки зрения *нравственного чувства*. Мера чувства не есть *мера истинной религиозности*; г) религия, сводимая к одним лишь неопределённым чувствованиям, не может дать утешения и *отрады в жизни*. Слова Гизо, общее замечание об эстетическом взгляде на жизнь. Религиозные стрем-

ления – не то же, что *эстетические*. Эстетическая сторона в религии – лишь как *форма* и *оболочка* её. Неправильность ссылки на греческую религию. Общее заключение.

Бил. 7-й. § 5. Основные истины, предполагаемые существом религии: бытие Бога и бессмертие души.

1. *Истина бытия Божия*. Специфический характер этой истины. Чистота сердца и благочестивая жизнь, как лучшие пути к уверенности в этой истине. Нужны ли особые доказательства бытия Божия? Главнейшие доказательства – четыре: а) *Онтологическое доказательство* – из самой идеи божества, присущей человеческой душе; начало его у *Анзельма Кентербюрйского, Декарта* и *Лейбница*. Критика этого доказательства у *Гонины* и *Канта*: 1) бытие – не есть совершенство или качество; 2) не всё мыслимое или представляемое существует на деле. Ответ на эти возражения. Действительное значение этого доказательства. б) *Космологическое доказательство*. Начало его – у *Аристотеля*, сущность его.

Заключение от условного бытия мира явлений к причине *безусловной, абсолютной*. Возможность двоякого предположения относительно бытия этой безусловной причины: или она – в самом же мире, или вне его. Несостоятельность первого предположения.

Атомическое воззрение на сущность материи; в) *Физико-телеологическое доказательство*. Начало его – у *Анаксагора*. Сущность его: *видимый мир* – не мёртвая масса, но *беспорядочный хаос*; присутствие в его жизни – *плана и мыслей*; всё устроено мерой, числом и весом. Отсюда – заключение о бытии Бога. Возражения натуралистов против существования конечных целей в мире. Неосновательность этих возражений: – причины действующие не исключают причин конечных. Животные организмы, как индивидуальное целое: всякий организм есть цель, для которой существуют отдельные органы. Теория *Дарвина*, как необходимо предполагающая *телеологическое движение* природы; г) *Этико-телеологическое доказательство*. Начало его – у святых отцов Церкви; особенная популярность его со времени *Канта*. Сущность его – наблюдение законов и целей мира нравственного. Тройная форма его: 1) присутствие в нас закона нравственного, совести. Откуда закон и совесть? Они – не из мира внешней природы, не от самого человека, но от верховного законодателя – Бога; 2) гармоническая связь между призванием человека к нравственному совершенству и видимым миром, как средством для достижения этой цели. Случайная ли эта связь и порядок? 3) Торжество истины, добра и правды в истории человечества. Кто же ведёт человечество к нравственным целям? Форма нравственного доказательства у *Канта*. Общее заключение.

Нераздельность религии с верою в *Личного Бога* (теизм). Невозможность религии при *пантеистическом* и *диестическом* воззрении на сущность Божества и Его отношение к миру. В христианстве вера в *Личного Бога* тесно связан с *Лицом Христа*.

Бил. 9-й. II. Истина бессмертия души. Всеобщность веры в бессмертие, как выражение потребности нашего духа. Отсутствие учения о бессмертии души в религиях Китая и Индии – в *Браманизме* и *Буддизме*. Необходимость отличать в этих религиях народные верования и *религиозно-философскую сторону*. Положение идеи бессмертия у *народа Греческого* и *народа Еврейского*; важность учения о ней у этих народов.

А) Положение идеи бессмертия души в греческом религиозно – философском мировоззрении.

Вера в бессмертие в *Илиаде* и *Одессее* Гомера. Аид. Представление об *Элизиуме*. Общий характер верования древних греков в бессмертие души, по Гомеру и *Гезиоду*. культурное движение в Греции с VII века до Р.Х. начало философии и распространение тайных религиозных культов или мистерий. Мистерий – *Элевзинские* и *Орфические*. Религиозно-мистический характер почитания богов и богинь в мистериях. Почитание *Деметры* (богиня земледелия, жатвы), как *богини бессмертия*; *Дио-*

ниса (праздник собирания винограда), как бога, освобождающего человеческие души от скорбей земной жизни; *Персефоны* (дочь Деметры), как образ души, ниспадавшей в этот мир и снова возвращающийся (при помощи Диониса) к своему чистому, небесному началу. Распространение этих религиозно-мистических идей чрез *Орфическую литературу* и их влияние на религиозно-нравственное сознание Греческого народа. *Учение Платона о бессмертии души*. Перенесение вопроса о бессмертии на философскую почву. Научно-диалектические доказательства бессмертия души, развиваемые в «Федоне»: а) доказательство от вечного круговорота жизни; б) психологическое доказательство от воспоминания; в) доказательство из простоты или неделимости существа души, и г) доказательство из участия души в идее жизни. Учение Платона о бессмертии, как последнее заключительное слово греческой древности. Слабые стороны в учении Платона.

7 ~~Бил. 10-й.~~ Б) Учение о бессмертии души в Ветхозаветной еврейской религии. Библейский взгляд на смерть, как на явление *нормальное и случайное*; смерть – *следствие греха*. Вера в бессмертие принадлежит всем периодам истории еврейского народа. Первоначальный вид этой веры в *период патриархальный*: понятие о смерти, как о *приложении к народу своему; шеол*.

Развитие понятия о будущей загробной жизни вместе с понятием о Боге, как *Спасителе*. Свидетельство о вере патриархов в бессмертие у апостола Павла. Сказание об *Энохе*. *Моисеево законодательство* знает о вере евреев в загробную жизнь. Положение веры в бессмертие, *после времён Моисея* – по книгам *учительным и пророческим*. Учение о бессмертии в книгах неканонических (2-й Маккавейской).

В) Истина бессмертия души в христианстве. Вера христианская, как учение, всецело обращающее человека к миру духовному. Истина бессмертия души в христианстве – как *факт* осязательный, не допускающий сомнений. *Воскресение Богочеловека*, – как залог всеобщего воскресения. *Содержание* идеи бессмертия в христианстве – как вполне *законченное*, удовлетворяющее и *разум, и сердце* человека. Усвоение бессмертия в христианстве *живому, конкретному лицу*, его душе и телу. Учение христианское о *будущей вечной жизни* после воскресения.

8 ~~Бил. 11-й.~~ Г) Свод доказательств истины бессмертия души. И вера и разум имеют для убеждения в истине бессмертия следующие доказательства:

а) Вера в бессмертие есть требование человеческого самосознания, внутреннего чувства; отсюда – живучесть этой веры во все времена у всех народов; б) доказ. бессмертия из *существа человеческой души*, из её *свойств, сил и стремлений*; в) бессмертие во внешней природе, – *родовое*, необходимость для человека *личного бессмертия*; г) *благости и правосудия Божие*, как новое основание для веры в бессмертие человека: *идеалы* человека и их недостижимость в здешней жизни; *окончательная судьба* различных людей *не может быть одинакова*; д) слова Христа Спасителя, направленная против саддукеев, отрицавших воскресение (“*несть Бог мертвых, но живых*”); бессмертие человека как *образа и подобия* Бога – вечно живого существа; е) значение веры в бессмертие для *нравственной жизни* человека.

Бил. 12-й. § 6. Монотеизм, первобытная религия, первоначально общая всему человечеству. Тройное решение учеными вопроса, каков был первоначальный вид религии. Сущность вопроса: *монотеизм* ли был первобытной религией, или политеизм? Два главнейших основания, приводимые в защиту *первоначальности политеизма*: 1) древние исторические памятники и религиозные воспоминания человечества, и 2) невозможность или трудность монотеистического верования для первобытного, неразвитого человека. В подкрепление первого доказательства – ссылки на закон *постепенного, прогрессивного развития* человека во всех других сторонах жизни. Разбор каждого из этих доказательств: древние исторические памятники, как и воспоминания, далеко не достигают первых времен человечества; мнимая трудность монотеиз-

ма для первобытного человека основывается на *ложном понятии о религии и о первоначальном монотеизме*, а также на ложном взгляде на умственное и нравственное состояние первых людей. Замечание об *аналогических* доказательствах и закон *прогрессивного развития*.

Положительные доказательства в пользу монотеизма: а) присутствие в религиях диких племен высоких представлений о Боге; б) согласие преданий о первых временах мира и человечества; в) близость к монотеизму всех религий язычества в начальный, древнейший период их состояния: примеры из религии греческой, заростровской, особенно же индийской. Взгляды многих новейших учёных на рассматриваемый вопрос.

9 ~~Бил. 13-й.~~ § 7. **Происхождение и развитие политеизма.** Причина уклонения человека от монотеизма в политеизм. Падение человека и происшедший отсюда нравственный переворот в его духовной жизни. Трудность определения *посредствующих* ступеней от первоначального монотеизма к позднему политеизму. Вероятные соображения: 1) монотеизм первобытного человека был лишь *относительно-совершенный*, подлежащий дальнейшему развитию; представление Бога падшим человеком в чувственно-наглядных образах; следствие этого; 2) *разнообразие* видимых предметов природы и *различная сила их впечатления* на людей; явившееся отсюда распадение первоначально-общего Богосознания на отдельные формы. Доказательство этого в Библейском рассказе о *строении Вавилонской башни и разделении человечества* на отдельные народы; 3) неодинаковость условий жизни разных народов; появление *мифологии*, как новый повод к развитию и осложнению политеизма; 4) влияние *философского учения* о богах.

Об откровении.

10 ~~Бил. 14-й.~~ § 1. **Понятие об откровении и его виды.** Значение слова: *откровение - общее и частное*; естественное и сверхъестественное откровение. Предмет и способы сверхъестественного откровения.

§ 2. **Цель и предметы откровения, естественного и сверхъестественного.** Истинное и совершенное богопознание, как общая и высшая цель откровения. Грехопадение человека и открывшиеся чрез это особенные цели и предметы откровения, касающиеся нашего *спасения чрез Иисуса Христа*. Можно ли ожидать ещё новых откровений Божиих?

§ 3. **Возможность сверхъестественного откровения.** Три вопроса, подлежащие при этом рассмотрению: 1) возможность откровения *со стороны Бога*; 2) возможность со стороны мира внешней природы. Несостоятельность ссылки на *неизменность* законов природы. Понятие о чудесах; чудеса – не *противоестественные* явления, а *сверхъестественные*, имеющие свой источник в воле Божьей, относительные *чудеса, творимые человеком*. Чудеса – как явления, принадлежащие к *миру нравственному*. Взгляд на чудеса В. и Н. Завета; 3) возможность *сверхъестественного откровения со стороны человека*: правда ли, что (а) откровение – чудо выше разумения человека, что (б) оно – бесцельно, и что (в) оно будто бы несогласно с законами духовного развития человека?

~~Бил. 15-й.~~ § 4. **Необходимость сверхъестественного откровения**, вытекающая из *ограниченности* и *повреждённости* человеческой природы. Жалкое состояние религий у народов языческих и тщетность усилий человеческой мудрости выйти из этого состояния.

11 бил. § 5. **Признание истинно-божественного откровения.** Важность установления этих признаков и их разделение. Признаки *внутренние* и *внешние, естественные* и *сверхъестественные*.

I. Внутренние признаки: а) откровение должно содержать истины и правила нравственности, *вполне достойные* Бога, как Существа Святого: б) должно содержать существенно *новые и глубоко-плодотворные* начала для религиозной жизни; в) в откровении неизбежны *тайны*, усвояемые только верою. *Важность* этих тайн и их согласие с человеческим разумом и вообще законами знания; г) *приспособительность* к пониманию человека и характер способов откровения.

II. Внешние признаки: характер *лиц*, выдающих себя за посланников Божиих, способы распространения откровений. Необходимость *сверхъестественных* признаков откровения.

Бил. 16-й. § 6. **О сверхъестественном просвещении Божественном: его сущность и виды.** Понятие о сверхъестественном *просвещении*, как такой стороне откровения, которая касается *самого духа человеческого*. Необходимость духовного просвещения *для уразумения тайн* Божественного откровения. Отношение к *I. Христу* неверовавших в Него Иудеев, - и объяснение, как этого неверия, так и веры Апостолов. *Виды и формы* духовных дарований в Церкви апостольской. *Дар пророчества*.

§ 7. **Признаки истинно-божественных пророчеств.** Отличие пророчества от человеческих предчувствий и гаданий. Признаки пророчеств *внутренние* и *внешние*.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Религии естественные.

§ 1. **Понятие о религиях естественных.** Религии естественные. *Магометанство* и *Новоиудейство*, как сюда же относящиеся; их отличие от язычества.

§ 2. **Разделение религий естественных.** *Начало* для деления – *идея о Боге*. Деление религий на *восточные* и *западные*. *)

---

*) восточные – объективный натурализм; западные – субъективный (*зам. Периха*)

12. **Бил. 17-й.** § 3. **Общий характер язычества и его виды.** Язычество – как религия натурализма. *Субъективный* и *объективный* натурализм в язычестве. Различные *ступени* или *виды* объективного натурализма – *фетишизм, шаманство, пантеизм* (религия Браминская и Буддизм). Религия *Зороастра*. *Персидская* – как переходная ступень от объективного религиозного натурализма к *субъективному*. Политеизм греко-римский, как выражение последнего.

Бил. 18-й. А) **Религия Китая.**

Общий взгляд на Китай и китайский народ в его прошлом и настоящем. Основатель китайской религии – *Конфуций*; время его жизни и его религиозная деятельность. Продолжатели дела Конфуция – *Менцзы* или *Менций* (в 360 г. до Р.Х.) и *Чжуси* или *Чжуси* (II в. по Р.Х.). Сущность учения китайской религии: основа всякого бытия – мировая сила в двух формах: неба (ян) и земли (ин). Вся природа, как божество. Китайская космогония. Китайская антропология: отсутствие всяких идеалов разумной жизни вне порядка видимой природы. Молчание религии Китая о рае, аде и вообще – о бессмертии человека. Отсутствие иерархии. Нравоучение китайцев. Общий

взгляд на религию Китая. Секты в нынешнем Китае: секты Дао или Тао (основатель Лао-дзы), Буддизм (Фо). Религия Японии.

Бил. 19-й.

Б) Буддизм.

Основатель Буддийской религии – Шакья-Муни или Будда. Время жизни Будды и сказания о его жизни. Малоизвестность истории Буддизма. Южный и Северный Буддизм.

Основная черта религиозного учения Буддизма и его сущность: четыре истины: мучение, сцепление, отвержение и путь. Теоретическая сторона учения Будды. Практическая сторона Буддизма. Учение о ничтожестве жизни. Откуда эта жизнь, почему она – зло, где путь спасения от этого зла? Нирвана. Религия Будды – атеизм. Последующее преобразование Буддизма; учение о самом Будде, как божестве, и о множестве Будд. Космология Буддийская и новое учение о разных классах живых существ; превращение Нирваны в рай. Первоначальная община буддийская (общество нищих – Бикшу) и позднейшее её переустройство. Нынешний культ буддистов. Общий взгляд на характер Буддизма и его сравнение с христианством.

13 Бил. 20-й.

В) Религия Магометанская.

Основатель Магометанской религии. Воспитание его в детстве и юности; путешествия его в юности по Аравии, Сирии, Месопотамии, - и их значение в образовании его. Знакомство его с еврейской и христианской религией. Быт Арабов и их религия; гор. Мекка с храмом Каабы. Женитьба Магомета. Выступление в качестве пророка Божия. Воинственный характер проповеди Магомета; смерть его (в 632 г.). Основные пункты вероучения Магометанства; смешанный характер учения. Аллах и его отношение к человеку и миру. Учение о загробной жизни: ад и рай по учению Корана. Страх пред Богом – как главнейшая добродетель в мусульманстве. Священные обязанности в мусульманина. Положение женщины в Магометанстве.

[Пометка Рериха: *Галаха¹ и Агада Гемара*]

Бил. 21-й.

Г) Религия Новоиудейская.

Понятие о религии Новоиудейской. Искажение Ветхозаветной, откровенной религии со времени плена Вавилонского. Понятие о Талмуде: Талмуд иерусалимский и Вавилонский. Понятие о Каббале, как дополнение Талмуда; учение Каббалы; Сефер-сцира (книга творения) и Зогар (сияние). Вероучение Талмуда; учение о Шехине; учение о сотворении мира и человека, о воскресении и царстве Мессии и пр. Нравоучение Толмуда: его мелочность и формализм. Положение женщины; отношение еврея к не-евреям. Отношение к христианам. Реформаторское движение среди евреев на Западе Европы. Характеристика современного еврейства.

---

¹ Галаха́ или Алахá (ивр. הלכה) — традиционное иудейское право, совокупность законов и установлений иудаизма, регламентирующих религиозную, семейную и общественную жизнь верующих евреев – ред.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

О христианстве, как единой – истинной, богооткровенной религии.

Бил. 1-й. § 1. Сущность христианства, как религии. Определение некоторыми сущности христианства с исторической сравнительной точки зрения, как религии *а) монотеистической. б) универсальной и в) высоконравственной (этической)*. Недостаточность этого определения. Определение сущности христианства на основании некоторых пунктов его учения, как *религии любви, как религии спасения*: односторонность обоих этих определений. Суждение Гегеля о сущности христианства, как религии, которая впервые провозгласила *единство или тождество божественного и человеческого*; произвольное и превратное толкование Гегелем основных христианских догматов, - в особенности догмата о лице Иисуса Христа. Истинная сущность христианства. Христианство как *Евангелие спасения верою во Христа, как Сына Божия*. Вытекающий отсюда отличительный характер христианства: 1) религия христианская есть не просто союз с Богом, но союз восстановленный, 2) христианство есть религия *богооткровения* в самом тесном смысле этого слова; признание такого значения за другими религиями только *в условном, общем смысле*.

14 Бил. 2-й. § 2. Начало христианской веры и её два вида. Обетование, данное нашим праотцам в раю, как начало *нового завета* Бога с человеком. Подразделение веры христианской на два вида: на веру в *грядущего* Мессию и веру в Мессию *пришедшего*; первая - сущность религии *Ветхого Завета*; вторая - *Нового Завета*. Единство обоих заветов по их основному предмету.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕЛИГИЯ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

§ 3. Священные книги Ветхого Завета, как памятники ветхозаветного божественного откровения; их важность. Указание апостола Павла на одно из величайших преимуществ Иудеев: *им вверено было Слово Божие*. Указание Иисуса Христа на писания Ветхого Завета, как на свидетельствующие о Нем. Вытекающая отсюда важность их не *историческая* только, но и *догматическая*. Неразрывная связь их с Писаниями Нового Завета.

§ 4. Краткие сведения о книгах Ветхого Завета: их число, разделение, канон, общие наименования. Книги *канонические и неканонические*.

[22 канонич. и 9 неканонич. – пометка Н.К. Рериха]

Перечисление тех и других; различие первых от последних по их значению и важности. Разделение книг Ветхого Завета по их содержанию: *законоположительные, исторические, учительные и пророческие*. Разделение их у самих евреев на три части: 1) закон; 2) пророки и 3) писания (ариографы). Причина, почему такое деление не получило санкции в христианской Церкви.

Время происхождения канонических книг Ветхого Завета – от Моисея (за 1500 л. до Р.Х.) до пророка Малахии (пророчествовавшего при Артаксерксе I Лонгимоне, 465 – 424 до Р.Х.). Окончательное утверждение канона Ветхого Завета при Ездере и Не-

емии и при участии последних пророков (Аггея, Захария и Малахии). Общие наименования книг Ветхого Завета у древних евреев и в христианской Церкви (Ветхий завет и Библия).

Бил. 3-й. § 5. Подлинность священных книг Ветхого Завета. Сложность вопроса о подлинности книг священного Писания, вследствие возбуждённых критикою сомнений. Ограничение его в "Апологетике". Доказательство подлинности по крайней мере 22-х канонических книг:

- 1) свидетельствами ~~внешними~~: предание церкви Иудейской;
- 2) свидетельствами ~~внутренними~~: полное соответствие или подобность их содержания и изложения с обстоятельствами их происхождения; 3) авторитетом Иисуса Христа и св. Апостолов.

15 § 6. **Учение Ветхого Завета о Боге и Его свойствах.** Вера в единого Бога, как основной догмат Ветхого Завета. Отсутствие всяких следов мифологии в Ветхом Завете. Попытки рационалистов доказать, что у евреев первоначальную религиею был политеизм. Основания для такого мнения: 1) различные наименования Бога, в особенности Elohim, и 2) некоторые частные места, встречаемые в Ветхом Завете. Несостоятельность этих оснований: Elohim - значит не боги, а Божество (латинское – Deitas, греческое <θεός<τῆς >, немецкое – Gottheit). Постепенное откровение Богом избранному народу тайны своего существа. Отношение имени Elohim к имени Иегова: первое выражало понятие о Боге, как Творце и Зиждителе видимой природы; второе – есть слово о внутренней, личной жизни Бога. Иегова – как Бог обетований и откровения, и в этом смысле по преимуществу Бог еврейского народа. Разбор некоторых частных мест Ветхого Завета, приводимых в пользу первоначальности политеизма у евреев (Быт. III, 5; XXXI, 19 и др.).

Несостоятельность попыток некоторых из новейших рационалистов (Фейербаха, Ренана и др.) отнять у библейского учения богооткровенный характер и значение, и объяснить его из психологических особенностей Семитов вообще и в частности – евреев, а также из условий быта и характера занимаемой ими территории.

Рассмотрение еврейского монотеизма с его внутренней стороны; исключительное учение Ветхого Завета о существе Божиим и Его свойствах. Бог – как Личный Дух, по своей природе и свойствам не имеющий ничего общего с вещественною природою. Воззрение на природу Божества в языческих религиях. Нравственные свойства, усвояемые Богу библейским учением. Нравственные следствия таких понятий о Божестве.

16 **Бил. 4-й. § 7. Учение Ветхого Завета о происхождении видимого мира.** Двойной интерес этого учения.

I. Рассмотрение его с религиозной богословской точки зрения; отличие его от всех других религиозных учений древности; два главнейших типа этих учений: мир – как проявление природы Божества (космогонии пантеистические), и Бог – лишь как Образователь вечной материи (космогонии дуалистические). Отсутствие понятия творения в Библейском смысле.

Сходные черты в языческих космогониях с Библейским сказанием о миротворении. Объяснение этого сходства.

Рассмотрение Моисеева сказания о сотворении мира. Различение между творением первоначальным или общим (creato prima) и творением образовательным и частным (creato sekunda). Оправдание такого различения из анализа Моисеева сказания. Замечание о творении живых существ из земли и воды.

Замечание о шести днях творения и последовательном образовании мира. Как понимать дни творения?

Учение ветхого Завета о цели или назначении мира. Превосходство Библейского учения и в этом отношении пред учением религий языческих, в особенности Буддизма. Положение и назначение человека в окружающем мире.

Бил. 5-й.

II. Отношение библейского сказания о творении мира к исследованиям ~~наук естественных~~. Основные *принципы*, которыми определяется правильное взаимное отношение между наукою веры и наукою знания по рассматриваемому предмету: во-1-х, необходимость иметь в виду, что составляет существенный предмет Библии? В задачу Откровения не входит – обогащать наш ум *внешними познаниями* о мире. Приложение этого принципа к Библейскому сказанию о творении мира и выводы отсюда. Согласие Библейского сказания не только в *общем* ходе творения, но и в частностях с естественно-научными исследованиями. Замечание о создании света прежде *создания солнца*; во-2-х, существуют свои неизменные *границы исследования* для естествознания в решении вопроса о происхождении мира. Неразрешимость для естествознания вопроса о происхождении *первовещества* или *материи*. Несостоятельность *материалистического* положения о *вечности* материи (*Канто-Лапласовской гипотезы*).

Успехи Геологии по исследованию образования *земли*: установление последовательного порядка главных формаций или слоёв земной коры, а также характера *ископаемых останков растений и животных* в них. Ничтожность исследованного по сравнению с неисследованным. Разногласие между геологами в *группировке и распределении* формаций по эпохам или *периодам* развития земли, а также в *определении времени* различных эпох землеобразования.

Вопрос о *возникновении жизни* на земле и о *ходе развития* этой жизни: противоречивые решения его в естествознании (Агассиц и Дарвин).

Общий взгляд на отношение науки естественной к вопросу о происхождении мира. Источник разных недоразумений между Библиею и естествознанием – не в *фактах* или *данных науки* самих по себе, а в поспешном и *тенденциозном* объяснении этих фактов. Отзыв французского геолога Marcel de Serres'a об отношении выводов естественных наук новейшего времени к Моисееву повествованию.

17 Бил. 6-й. § 8. Учение о сотворении человека. Четыре истины, открываемые в богооткровенном учении о создании человека.

I. Отличие человека от окружающих его тварей: *Совет Божий* о создании человека; *способ* создания его, сотворение по образу и подобию Божию.

II. Состав человека из души и тела: два действия Божия, различаемые при создании человека. *Человек* – единство души и тела, существо, *двойное* по естеству, но *единое* по сознанию. Замечание о двойственности духовного начала в человеке: *духа и души*.

III. Совершенство первозданного человека: *по телу и по душе*, как созданного по образу Бога. В чём состоит или проявляется в человеке образ Божий? Самосознательное, *личное* бытие человека; его *бессмертие*; особенные духовные силы и способности человека; царственное положение первозданного человека среди прочих созданий; богатые задатки в душе его к развитию и совершенствованию. Мнение некоторых Отцов и Учителей Церкви о различии между *образом и подобием* Божиим.

VI. Единство человеческого рода по происхождению. Данные Библейского учения об этом предмете. Творение *человека*, как именно человека, но не отдельных многих людей. Человечество, как единый организм и *один род*.

18 Бил. 7-й

Учение о человеке в религиях языческих. Начало заблуждений человека относительно себя в истории грехопадения. Надпись на Дельфийском храме. Взгляд религии и философии языческой на происхождение человека и его отношение к Божеству

и к природе. Человек, как *личность*, как *разумно-свободное существо* не находит опоры для себя в язычестве. Взгляд язычника на жизнь.

Ошибки новейшего времени относительно происхождения и природы человека. Замечание о гипнозе Дарвина и о попытках материалистов – вывести психические явления из деятельности мозга и всей нервной системы.

Обозрения данных науки в пользу единства человеческого рода: а) тождественность анатомического строения тела и законов животной экономии у всех племён и рас; б) духовная организация; в) неверность показаний некоторых языческих народов о своей древности. Разногласие новейших антропологов: школа *моногонистов* и *полигенистов*; гипотеза, признающая всё человечество принадлежащим к *одному виду*, но полагающая, однако, происхождение человека *на различных пунктах земли* (школа Агассица). Важность этой последней гипотезы, как большой уступки в пользу Библейского учения. Суждение Катрфажа.

~~Бил. 8-й. § 9. Ветхозаветное учение об Ангелах; существование и свойство духов злых и тёмных.~~ Когда созданы были Ангелы? Ответ на это на основании одного места в *книге Иова*, и на основании истории грехопадения человека. Как нужно представлять себе сотворение духовного мира? ~~Как и когда произошло отпадение от Бога некоторых Ангелов? Что можно сказать о неверии многих в бытие злых духов и вообще мира евангельского? Ложность мнения, будто бы учение об Ангелах заимствовано евреями у Персов.~~

19 § 10. Библейское учение о происхождении греха и зла.

Трудность решения вопроса о происхождении и сущности греха и зла в мире без указаний Божественного откровения. *Три решения его* в древних религиозных и философских учениях. Библейское учение, доказательства истинности этого учения. Определение сущности греха, как *беззакония*. Грех не есть нечто *естественное, необходимое*. Связь греха со *злом и страданием*. Библейский рассказ о грехопадении. Почему грех первых людей был *так ужасен по своим последствиям*? Почему происшедшее от него зло распространилось не на них только и их потомство, но простёрлось и на самую *внешнюю природу*?

§ 11. ~~Нравственное учение Ветхого Завета.~~ Возвышенность ~~нравственного~~ учения Ветхого Завета. Отсутствие в нём крайностей: как ~~аскетизма, пессимизма, так и повторства чувственности.~~ ~~Святость Иеговы-Господа~~, как идеал нравственного совершенства. ~~Заповеди~~ и их сущность. Заповедь о любви к ближнему в её различных приложениях в жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЕЛИГИЯ НОВОГО ЗАВЕТА

20 ~~Бил. 9-й.~~ **Обозрение вопросов, входящих в состав второй части.**

Личность божественного Основателя Христианства, как центр, около которого вращается всемирная история человечества. Определяющийся отсюда порядок доказательств божественного происхождения христианства. Четыре отдела, из которых слагается вторая часть, рассматривающая религию христианскую.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

§ 1. Обозрение древней, дохристианской истории человечества, как приготовления к явлению Иисуса Христа.

Начало спасения падшего человечества в раю: *первое благовестие* о пришествии в мир Спасителя. Почему исполнение этого благовестия не могло совершиться в скором времени? Постепенность исторического осуществления спасения человеческого рода и его *два пути*: *путь общий* для всего человечества и особенный путь приготовления избранного *Еврейского народа*.

§ 2. **Приготовление рода человеческого к принятию Спасителя от Адама до Авраама.** Одушевившая первых людей *надежда спасения*. Отголоски перво-евангелия в преданиях язычников. Происхождение жертвоприношений и их значение у всех народов древности. Строгое воспрещение употребления *крови* в пищу в законе Моисея.

Борьба между семенем жены и семенем змия: Каин убивает Авеля. Усиление борьбы. Нечестие с размножением рода человеческого. *Всемирный потоп*. Действительность этого события и его значение для последующей религиозной истории человечества. *Смещение языков и рассеяние* человечества по лицу земли. Действительность этого события и цели *Промысла Божия*, выразившиеся в нём.

Бил. 10-й. § 3. **Особенное приготовление народа еврейского к принятию Спасителя.** Вавилонское смешение языков и рассеяние человеческой семьи, как начало второго периода Промыслительного действия Божия в истории человечества. Избрание семейства Авраама. Священная миссия еврейского народа; слова призвания Божия к Аврааму.

Наиболее замечательные факты в истории Еврейского народа. Период великих патриархов – *Авраама, Исаака, Иакова*: характеристика этого периода. Период образования из потомков Патриархов целого народа. Устройство его жизни при *Синае*. *Общий дух и цель законов*, данных при Синае. Особенное положение обетованной земли, как вполне приспособленной к выполнению великой духовной миссии Еврейского народа.

Дальнейшая судьба Еврейского народа. *Эпоха Судей*. Первый царь *Саул* и преемники его – *Давид и Соломон*. Период упадка Еврейского народа: разделение на два царства: *Иудейское и Израильское*. Плен Ассирийско-Вавилонский. Больше и больше раскрытие *Мессианской идеи*. Раскрытие ко времени Ассирийско-Вавилонского плена всех существенных черт *Личности и служения* обетованного Спасителя. Влияние плена на дальнейшую духовную жизнь и развитие евреев.

Бил. 11-й. § 4. **Приготовление язычников к принятию Спасителя.** Речь апостола Павла в Афинах, как указание особенных путей и средств, через которые Бог вёл также и народы языческие к свету христианского откровения. Предоставление народов языческих собственным силам и средствам в устройении своей *религиозной и политической жизни*. *Искажение Бога* язычниками, - и их бессилие в этом отношении. *Разочарование* язычества в своих умственных и нравственных силах. Надежды на лучшее будущее. Важность развития этого рода чувства для будущей проповеди христианства. Общий взгляд на судьбы язычества в отношении к явлению Спасителя: в мире языческом приготовилось само человечество к принятию спасения.

§ 5. **Общий вывод их рассмотрения истории дохристианского мира в отношении к божественному достоинству христианской веры.** *Начало и подготовка* христианства в мире восходит к самым первым временам человечества. сравне-

ние христианства с солнцем в физической природе. История Еврейского народа и история мира языческого, как *два свидетельства (Божие и человеческое)* о божественном значении христианства.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бил. 12-й. Богочеловеческая Личность Христа Спасителя, как основное доказательство христианской религии.

Предмет второй главы.

§ 6. Иисус Христос истинный обетованный Мессия.

Исполнение на Иисусе Христе всех пророчеств и обетований Ветхого Завета о *Спасителе*.

§ 7. Иисус Христос – истинный Богочеловек, воплотившийся Единородный Сын Божий.

Путь *догматического* Богословия и *Апологетики* для доказательства Божества Иисуса Христа.

А.) Рождение, детство и отрочество Иисуса Христа.

Знаменательное соединение *унижения и славы, человеческой немощи и божественного величия*, в начале земной жизни Христа.

Явление Иисуса Христа в миреб наложение обстоятельств, сопровождавших *рождество* Иисуса Христа. *Детство и отрочество*. Обстоятельства его *воспитания*. Замечание Евангелиста Луки о его преуспевании в премудрости и возрасте *в любви у Бога и человеков* (Лук. II, 52). Посещение Иерусалима и удивление его речам Иудейских книжников (Лук. II, 47). Необъяснимость из естественных средств духовного величия Иисуса Христа. *Божественная Личность Иисуса Христа*, как единственный путь для объяснения Его таинственного существа.

Б.) Общественная жизнь и служение Иисуса Христа.

Бил. 13-й. Краткость времени общественной жизни Иисуса Христа и последствия Его служения. Цель и план деятельности Иисуса Христа, во время Его общественного служения; *средства*, с помощью которых Он стремился к их достижению. Беспримерный *нравственный характер* Иисуса Христа – *невинность и безгрешность*. Иисус Христос заповедует другим *молиться о прощении грехов своих*, - и *Сам прощает* грехи другим. *Пилат и Иуда предатель* свидетели Его праведности и святости.

Жизнь Иисуса Христа, преподанная им чистая система нравственного учения. Полное согласие Его слова с Его жизнью и делом. Всеобъемлющая нравственная полнота Его жизни. Иисус Христос, как совершеннейший человек в его первообразной правде и чистоте. Сравнение Его с героическими и гениальными людьми.

Бил. 14-й. § 8. Иисус Христос как Учитель. Величие Иисуса Христа, как Учителя и Просветителя мира. *Отзывы врагов* Его – современников о Его учении. Слова *Эдмонда Пресансе* о глубине Евангельского учения.

1) *Предмет учения Иисуса Христа*. Тесная связь Его учения о Боге и человеке, о мире и судьбе его с Его Лицом; учение Его – не теория, но *живой факт*, действитель-

ное осуществление проповедуемого. Отсюда Его победоносная сила и влияние на умы.

II. *Форма и метод учения Иисуса Христа.* Как учили и действовали современные Ему учителя – книжники *Иудейские*? Положение дела в греко-римском обществе. *Книги и предания* еврейские, школы раввинские, как способ образования, чуждые Иисусу Христу. Отношение Его к своим слушателям. *Красота и сила* Его учения в могуществе истины *Божественной*, в *искренности и святости* Его слова. *Популярность* учения Иисуса Христа. Основания её в глубоком понимании сердца человеческого, в *приноровленности* Его слова к разнообразным положениям и состояниям слушателей. Язык учения Иисуса Христа.

22 § 9. **Иисус Христос, как Чудотворец.** Чудеса Иисуса Христа, как существенная часть Его жизни и деятельности. Достоверность чудес Иисуса Христа. ложные объяснения чудес Иисуса Христа со стороны рационалистов: объяснения *Павлюса* и *Шлейермахера*. Нравственный смысл чудес Христа.

С) Воскресение Иисуса Христа.

Бил. 15-й. § 10. **Значение воскресения Иисуса Христа,** по отношению к христианской Церкви вообще (слова ап. Павла), и в частности – по отношению к Лицу Христа и Его делу (слова Иисуса Христа). Всемирное значение его; замечание Штрауса. Усилия неверующей критики поколебать достоверность этого события.

I. *Обстоятельства воскресения Иисуса Христа.* Мнимое противоречие Евангельских повествований относительно обстоятельств воскресения Иисуса Христа. Существование лишь *некоторых разногласий в частностях* и их примирение.

Евангелист Иоанн, как очевидец описываемого события. Повествование его об этом событии. Сравнение с ним повествований *Матфея, Марка и Луки.* Разногласия. Вывод из этих разногласий отрицательной критики. Ответ *Лессинга* на этот вывод. Черты, свидетельствующие в пользу полной достоверности передаваемого события.

II. *Свидетельства о воскресении Иисуса Христа, содержащиеся в других книгах Нового Завета.* Событие воскресения Христа как краеугольный камень проповеди в период апостольский. *Речи ап. Петра,* приводимые в Деяниях апостольских. Условие для нового избранника на место Иуды предателя. Важность свидетельств о воскресении Иисуса Христа у *ап. Павла.*

Два исторических факта: решительный переворот в душе Апостолов и образование многочисленного христианского общества в Иерусалиме. Суждение о воскресении Спасителя – Фалькмара.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Доказательства богооткровенного характера христианской религии из основных начал догматического и нравственного учения.

23 ~~Бил. 16-й.~~ § 11. **Полнота и глубина христианского учения о Боге.** Что представляют нам в этом отношении мифологические учения языческой древности? Понятие о фатум как о чём-то роковом, подчиняющем и богов своей власти. Невозможность вследствие этого возвыситься до понятия *о любви, как существенном начале жизни Божества.* Безотрадность языческих представлений о Боге для человека. Примеры этого в религиях *Китая, Индии, в Буддизме* и в религиях *Персов, Греков и Римлян.* Взгляд софистов на религии и богов.

Учение Платона о *Боге*. Сравнение этого учения с христианским. Несостоятельность учения Платона, выразившаяся наглядно в философских учениях *киренаиков, эпикурейцев и стоиков*.

Христианское учение о Боге, как бесконечно-любящем Отце. Оправдание этой истины в Лице Христа. Значение её в жизни человечества.

Замечание о двух частных догматах христианства: *о троичности Лиц в Боге и о воплощении Сына Божия*. Таинственный смысл и значение первого догмата и отсутствие в нём противоречий и несообразностей для здравого ума. Необходимость удовлетворения за оскорбление правды Божией, и потребность помилования, как два инстинкта души человеческой, наблюдаемые во всех религиях у всех народов. Вочеловечивание Сына Божия, как отклик со стороны Бога на вопль человечества о помиловании.

Слева пометки карандашом Н. Рериха:
отчество, рождение и нахождение

24 Бил. 17-й. § 12. Основные начала нравственного учения христианского. Превосходство нравственного учения христианского над всеми другими известными учениями. Основания превосходства: *любовь и свобода* человеческой личности. Влияние этих начал на строй жизни. Духовный идеальный характер христианского нравственного учения. Взгляд христианства на земные условия человеческого бытия, на тело и телесные потребности, на труд телесный, на *радости и удовольствия* жизни, на *скорби и страдания, на смерть*.

Признаки, отличающие христианство как в догматической, так и в нравственной стороне его учения.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

25 Бил. 18-й. § 13. Обзор знамений божественного Духа в истории распространения христианства. Влияние его на жизнь человечества.

Речь Гамалиила в Синагогии во время суда над Апостолами. Чем было в самом начале христианское общество? Крещение Апостолов Духом Св. и огнём; речь апостола Петра. Замечание о распространении других религиозных учений.

Две враждебные христианству силы: *иудейство и язычество*. Борьба христианства с Иудейством. Трудность борьбы с ним. *Видение апостола Петра в Эфиопии и обращение апостола Павла*, как факты видимого божественного содействия св. Апостолам. Последние дни иудейства и разрушение Иерусалима. Двойкая борьба христианства с язычеством: внешние гонения и нравственная борьба с суеверием и развратом. Восстание против христианства представителей философии и науки (Лукиан, Порфирий, Ямвлих и другие). Ответы христианских писателей.

Последнее гонение на христиан и торжество христианства над язычеством.

Просветительное влияние христианства в жизни человечества: в жизни *общественной и семейной*, в сфере *политической, международной* и в области *науки и искусства*.

Печатано с разрешения Совета императорского СПб. университета.

Типография Е. Евдокимова. Троицкая улица, д. № 18.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/632, 11 л. (Программа по Богословию с пометками Н. Рериха)

Фотография с этюда Н.К. Рериха «Саломея с головой Иоанна».
(ОР ГТГ, ф. 44/1729. На обороте авт. надпись: Саломея с головой Иоанна.)

**Из дневника Н.К. Рериха:
17 ноября 1894 г.**

17. XI. Этюд окончательно испортил. Ничего путного из него не выйдет. Наложил столько краски, что не знаю, что и делать. Этот будет ещё хуже первого. Что-то профессора скажут – дали нам более лёгкую задачу, а мы лёгкую ещё хуже трудной разрешили. Пожалуй, погонят меня, Скалона, да Леона к Рождеству из Академии. Ох, страшно при этой мысли. Что тогда будет? Хоть в петлю...

Не могу, конечно, судить о новых профессорах, но старые, хоть худо, худо, а всё же хоть что-нибудь говорили, а новые совсем не ходят, а если придут, то ничего ровно не скажут. Например, мне в данную минуту совет необходим, а у кого его спросить!

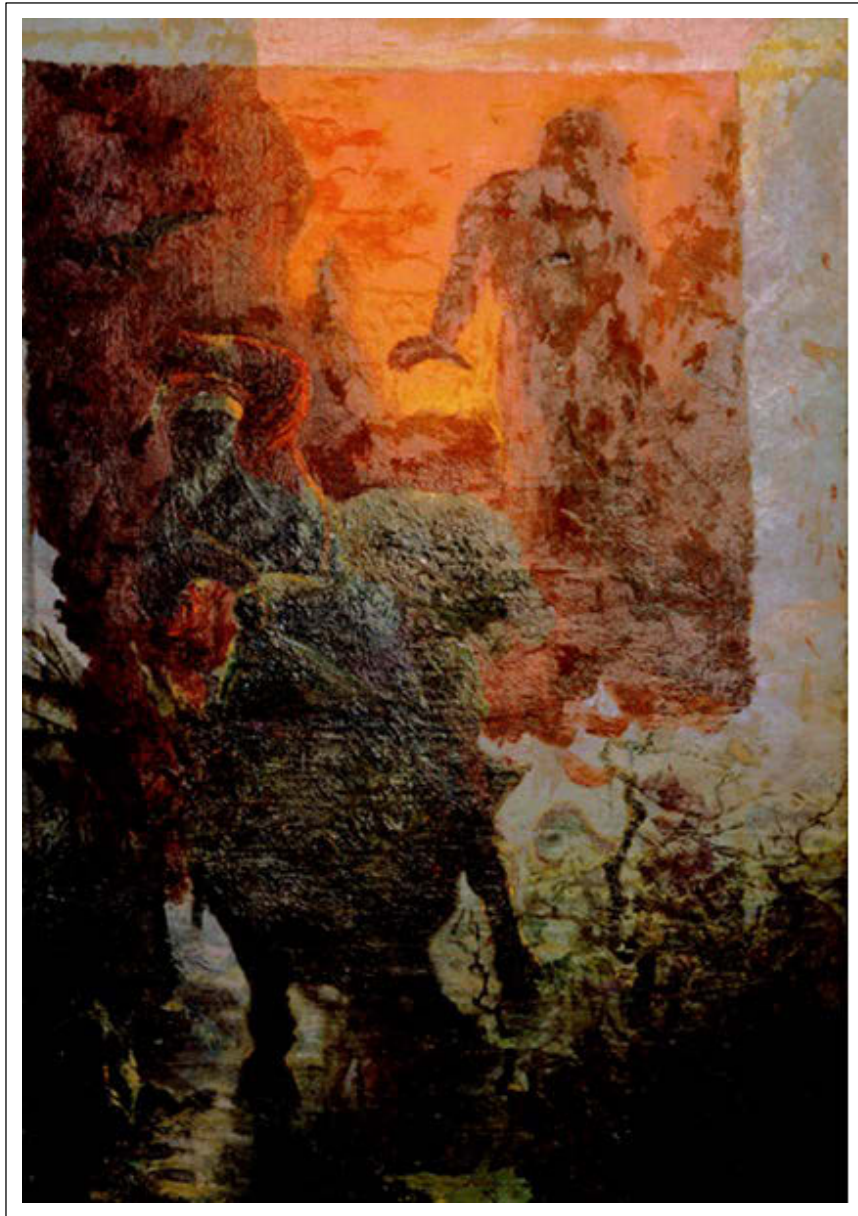
Теперь с удовольствием удрал бы хоть к чёрту на кулички, лишь бы [не] видеть своего позорного этюда. Только одно слабое утешение и осталось – это то, что у многих в этюдном хуже меня. Но разве можно утешать себя тем, что много лучше моего, хотя есть и хуже. Вот было бы утешение, если бы можно было сказать, что мало этюдов лучше моего. Но этого, (сознаюсь), сказать нельзя, ничего делать не хочется.

Вот на столе 4 книги не прочтённых – надо читать, а не хочу. Кажется, мы были правы, называя себя передвижниками. Только передвижники вышли из Академии по своему желанию, а нас, по-видимому, удалят за ненужность.

Сегодня вечером, должно быть, буду работать худо. Чёрт дёрнул нас поместиться в плафоне. Этак и на рисунке не выедешь, - тогда совсем труба. Ох, удалят, чую удалят. Ошельмуют на весь свет. Хоть из Питера тогда уезжай. Ка-

кими глазами на меня все знакомые посмотрят, скажут «при старом-то уставе шло дело, а при новом-то, ни взад, ни вперёд».

Да ведь тут по самолюбию, прежде всего, ударяет, - это самое больное место. Господи, не допусти до этого позора! Скалон тоже упал духом, и твердит «стоило в Академию принимать, коли шельмовать собираются».

Н.К. Рерих. Воин. 1894. Этюд.

29 ноября 1894 г.

29. XI. Начат второй этюд. Скалон пишет меня вместо натурщика. Сенсация полная, даже из мастерских приходят смотреть. Профессора всё-таки ходят редко, а если и придут, то ничего путного не скажут. Рисунок идёт довольно вяло, должно быть опять III раз. будет.

Бершадский советует вместо “Иностранцы художники в России”, взять “Права художественной собственности”, но это мне слишком не знакомо. Подожду Рождества? Посмотрю темы на золотую медаль, ведь <.....> 8-го хочу держать Богословие, не хочется страшно за него приниматься. Да, кроме того, и устаю теперь каждый день изрядно, так что, то Скалон мне, то я ему говорила – ох голова болит! Это худо - ещё и Рождества нет, а мы уже расклеиваемся – а впереди самая работа. Сегодня Скалон опоздал в этюдный класс, а Мазепа меня спрашивает «где ваш двойник?» Теперь мы все вместе. Эту мысль и будем проводить.

30 ноября 1894 г.

30. XI. Сегодня Репин зело высек нас обоих. Его подлинные слова: «разве можно на этом ограничиваться, по этому началу только и работать, а вы уже и оставили. То и странно, что люди не делают, а между тем, могут делать. Ведь я вижу, что вы чувствуете форму, и вообще много *симпатичного*. Ведь это не художество, а дилетантизм. Может быть, это пригодится только для выражения каких-либо идей, - (это он намекал на свою статью в Ниве, наши претензии к искусству), - да и то вряд ли. Как же вы так, быка прямо за рога? Над каждой частью, где вы день работали, настоящий художник год, целый год прорабатывает. Нет, вы пишите остальные», а в коридоре, где мы его поймали и опять спрашивали, в заключение ободрил нас: «а то ведь к Рождеству могут сказать вам – вы ещё мало подготовлены, и вам надо будет выйти из Академии».

После этого мы поблагодарили его за утешение и, пожав трогательно руки, разошлись. И он вполне признаёт нашу полную солидарность. Всё говорил, оборачиваясь то к одному, то к другому. Нечего сказать, успокоил он нас сегодня. Конечно, начатые этюды мы бросили, а нового ещё ничего не начали, да и не начнём ничего, вероятно, – потому совсем мест не достать порядочных.

Сегодня должен Залеман придти в рисовальном вечернем классе – интересно, что-то он скажет. А ну, как и в самом деле, к Рождеству из Академии выгонят. Се дело треба разжуваты. Ведь это словами Лескова: такой политический компот выйдет, что я сразу в трёх волнениях окажусь.

Залеман был, долго давал советы и, видимо, остался доволен рисунком. В Академии все уже говорят про то, как Репин разнёс [*нижняя часть листа оторвана*]

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/14.

ДЕКАБРЬ

Из дневника Н.К. Рериха.

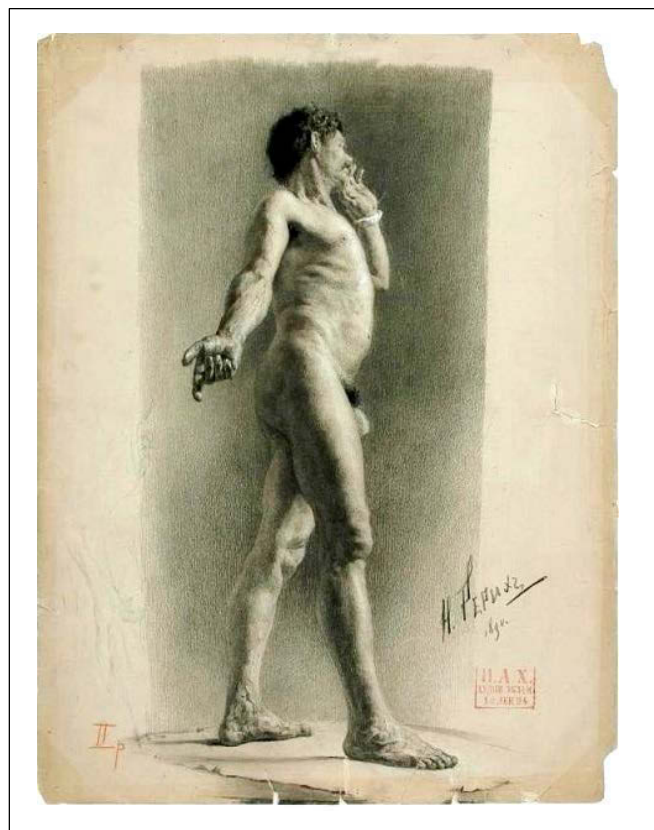
7 декабря 1894 г.

7. XII. Вчера гарно спивали пісни Украински, и вообще, было довольно весело. Опять Вар. Мих. и Вера Вячесл. шпыняли бедного моего Грицяя. Сегодня, как слышно, совет в Академии, кого и за что именно изгонять. 19-го решится моя судьба. Репин вчера будто бы сказал, что если профильтровать Академию, то из 400 учащихся останется всего 100. Он всё напирает на то, что гнать и не пущать бездарность. А между тем, Куинджи в мастерской недавно громко взывал о том, как трудно отличить талант от бездарности, и что, если ему покажут два этюда: один превосходный и другой скверный, то он затруднится сказать, что хороший написан талантливым человеком, а худой бездарным, и что нужны многие годы, чтобы отличить... как теперь согласиться [нижняя часть листа оторвана]

11 декабря 1894 г.

11.XII. Вчера была первая худож. <...> с Репиным. Он поставил вопрос живописи – искусство для искусства, или идейная. – Решили, искусство для искусства.

На днях получили два заказа от Валерия Павл. Сретенье и Перенесение мощей Св. Николая. Одно к 15 Января, другое к Марту.

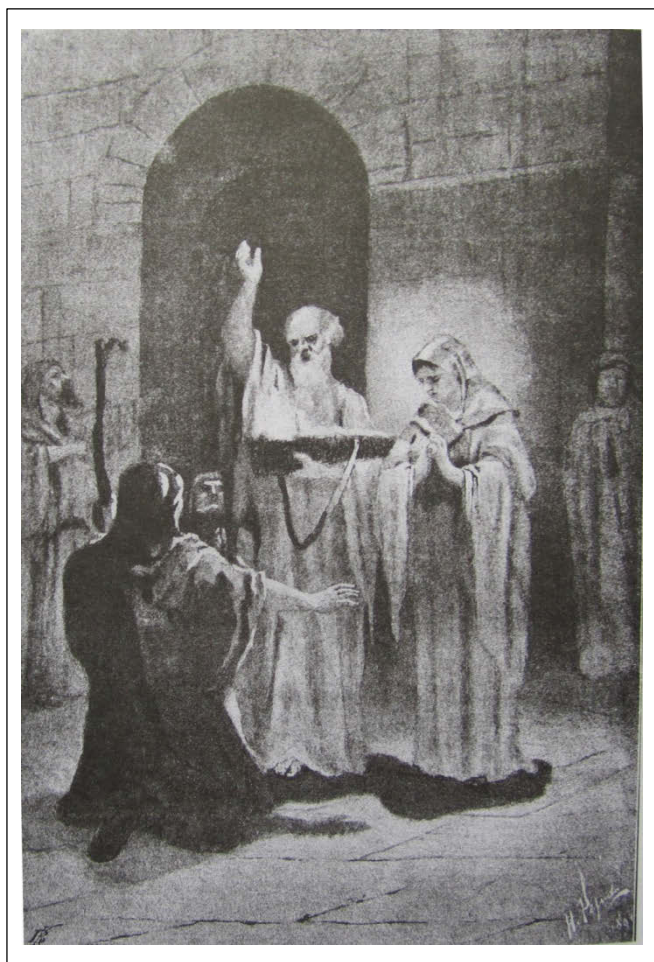
Н.К. Рерих. Натурщик. 12 Дек.1894. Рисунок. II разряд.

20 декабря 1894 г.

20. XII. На днях был Репин. Смотрел этюд; его слова: Какой прогресс! Да уж теперь и совсем хорошо. Как это утешительно! Я даже и не ожидал так много. "Однако, как вы шагаете". (А ведь такой отзыв недурён, и это при третьем в жизни этюде).

Скалону Реп[ин] сказал: «вы тоже вперёд продвинулись, но всё же ваш приятель (я) больше сделал». Теперь идёт экзамен в Академ. 22-го узнаем результат. Я прочу и рисунок, и этюд в III разряд. Мой Пскович там выглядит худо-прехудо. Вчера со Скалоном обсуждали эскизы: он своё <Refinirung>, а я «У большого заряда» (Пушкари). Я сперва думал эскиз в одну фигуру, а теперь уже в 6. Бруни обещал мастерскую. Сегодня несу Сретенье к Вал. Павл. Скалон говорит, меньше 200 не уступать только нет, придётся уступить.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/14.

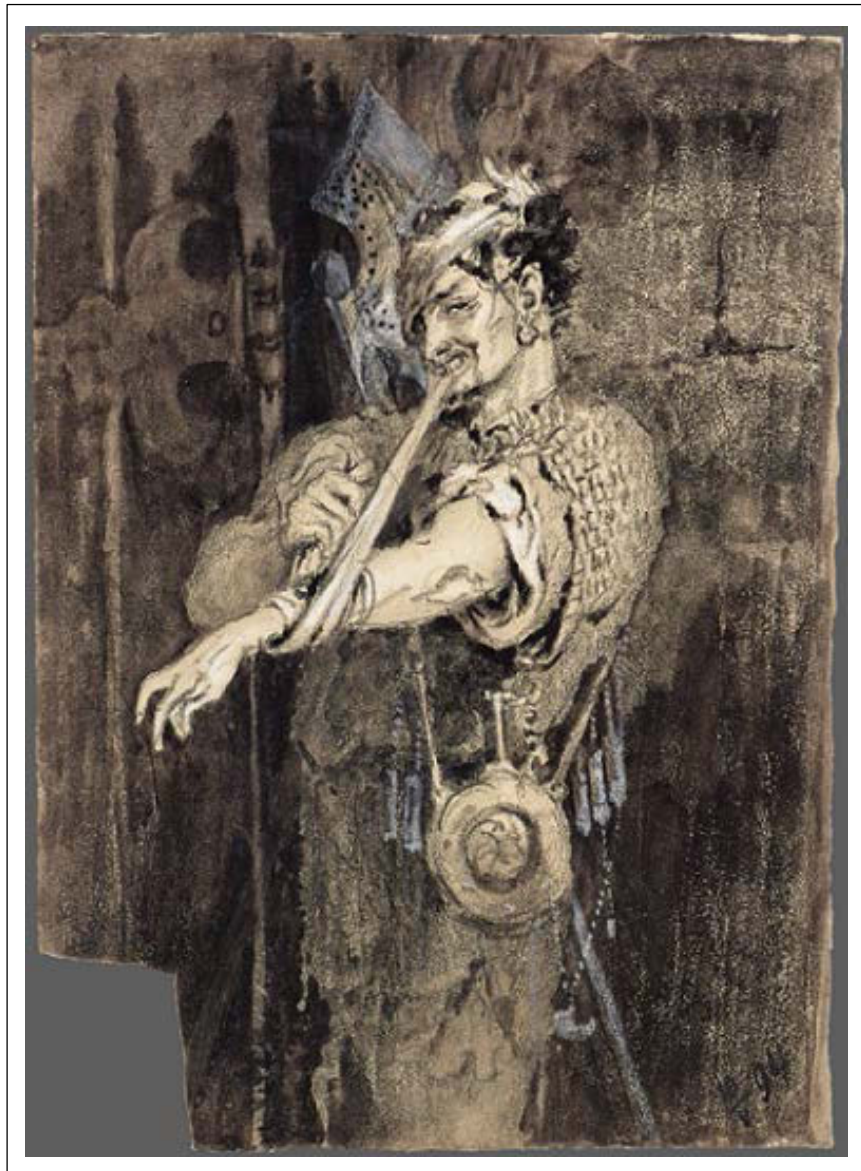
Н.К. Рерих. Сретенье. 1894. Рисунок.

«Сегодня несу "Сретенье" к Вал. Павл. Скалон говорит, меньше 200 не уступать, только нет, придётся уступить». (20 декабря 1894 г.)

21 декабря 1894 г.

21. XII. «Пскович» по I разряду. Второй этюд и рисунок по II и первый этюд по III, так что всё благополучно, а между тем, я недоволен, какое-то мрачное предчувствие, а главное, сам не знаю чего.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/14.

Н.К. Рерих. Пскович. 1894. Эскиз.

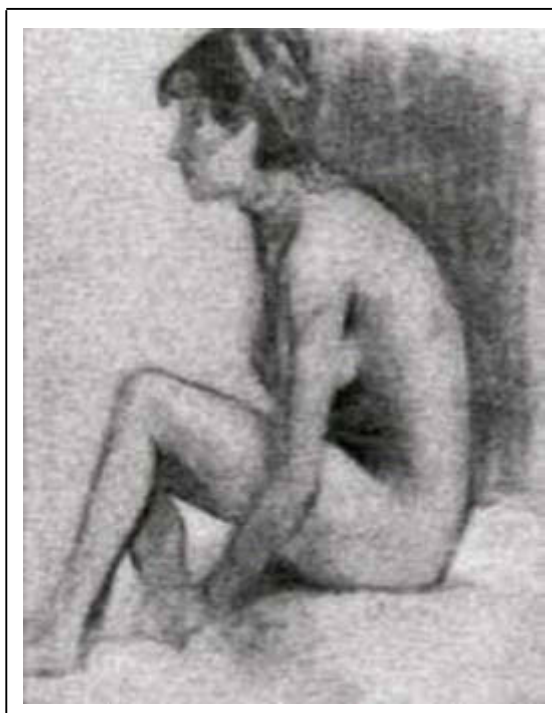

Н.К. Рерих. Пскович. 1894.

23 декабря 1894 г.

23. XII. Сегодня набросал картон для «Пушкарей». Удобства и место неслыханное - ещё бы, ведь хоры в нашем распоряжении. Размер $1\frac{3}{4}$ ширина и 2 арш. длина.

В этюдных, несмотря на праздники, (этого в старой Академии не было – совершенно новое нечто) работает человек 50. Пишут 4 голых натурщиц. Не-хорошо как-то большинство пишущих на них смотрит. Есть нечто грязное. На свой хор мы никого не пускаем.

Н.К. Рерих. Натурщица. 1894.

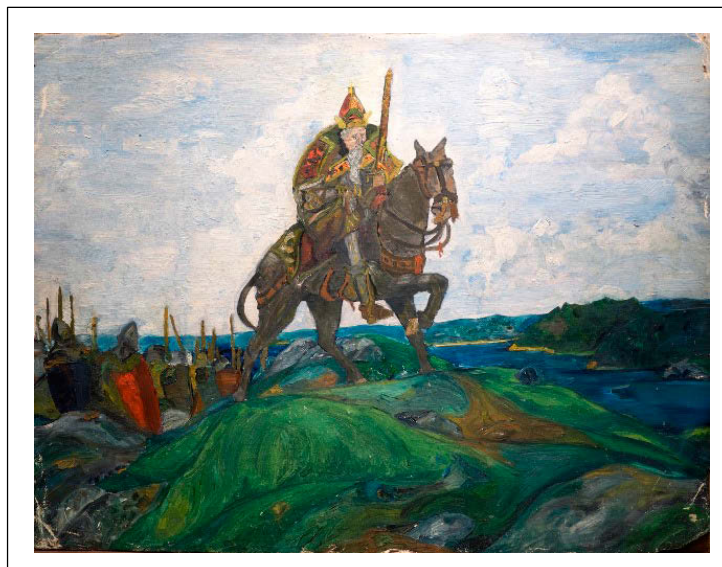
Аксессуаров куча... но и денег выходит куча. На эскиз этот рублей 40 ухлопаю. Завтра будут фотографировать Псковича. Для этого его вынули из рамы и он оказался лучше, чем в раме. На последнем экзамене дали многим звания Учителя рисования неклассного художника и классного художника III степени за этюды 4 разряд. Это тоже ново. До сих пор звание III, не было всё-таки позорным, а теперь это синоним исключения из Академии. Сегодня Скалон провозжает своих Новгородских и, видимо, и ему хочется удрать с ними – да, министр финансов, и ещё кое-что удерживают.

У меня одна дума – как бы на охоту съездить, но пороши нет, а хотелось бы на рысей или что-нибудь такое солидное. Ко всему остальному и времени нет и денег свободных мало – всё Академия съедает.

На праздниках придётся танцевать – а меж тем, я совсем забыл танцы – а 8 Янв. даже в костюме выплясывать придётся.

25 декабря 1894 г.

25. XII. Сегодня слышал в церкви: если таких учеников, как вас (т.е. меня) выгонят, так кто же в Академии останется. Это на моё предположение, как бы не выгнали. Сегодня ёлка. Новый сюжет: «молодой воевода» стоит задумавшись, опершись на зубец стены на фоне неба. Глядит вдаль. Фас. Тяжело его молодой голове, под гнётом воеводства. Город, может быть, обложен врагами, или просто они прибыли на место назначения и думает, что ему предстоит.

Н.К. Рерих. Поле битвы. (Святополк окаянный). 1894.

30 декабря 1894 г.

30. XII. Пушкари подвигаются. Сегодня был в ударе, и написал второй план сильнее первого, – придётся первый усилить по второму. У Скалона его дуэль всё что-то не ладится. *Сегодня Вал. Павл. очень хвалил Святополка – как-то он выйдет в репродукции.*

Скалон вчера сам признался, что на днях в пьяном виде заглазно поносил меня и называл бездарностью, неспособным, тяжёлым и т.д., и просил у меня прощенья <...> Всё это было сказано почти в беспамятстве. Мне было это чрезвычайно тяжело слышать, потому что он этим до некоторой степени оправдывает предостережение многих: не доверяйте Скалону, он на стороне про вас не то говорит, что в глаза. Вообще партия моих противников растёт, но зато партия приверженцев ежедневно увеличивается. Селиванович старик ужасно хвалил меня (как мне передавали). <Овсяников...> тоже.

Получил коллективное письмо от бывших учителей, где они просят сделать художественные украшения на адрес, подносимый Михаилу Евграфовичу. Мой проект очень понравился. Он в чисто археологическом вкусе. Там Нестор и Вологда, и Лезвие сабли Мономаха, и <...> Алексея Михайл., и знамёна Пожарского и Новгородские, и всё такое...

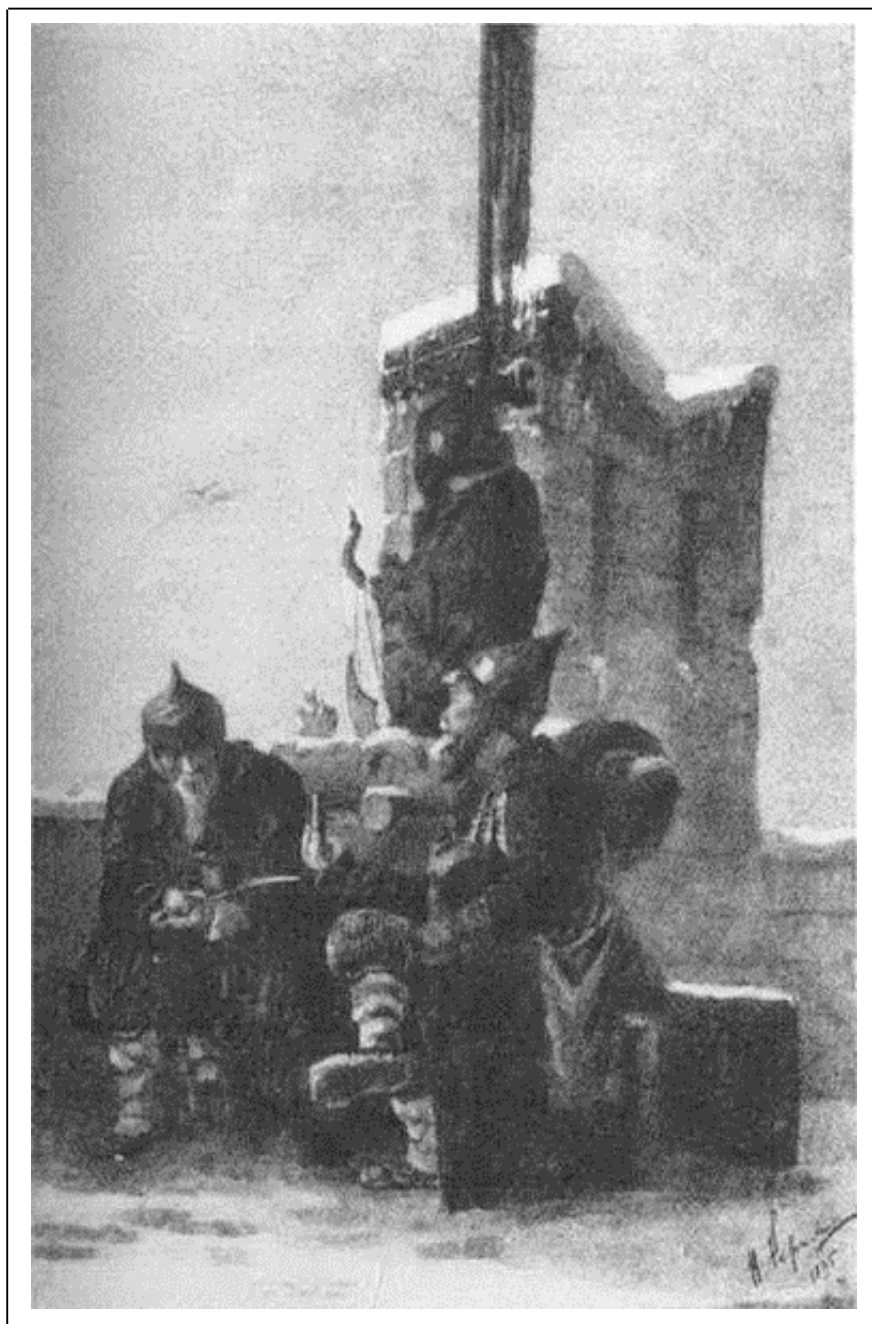
На охоту хочется съездить, а ни времени, ни денег.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/11.

Н.К. Рерих. Пушкарь. Этюд. 1894.

Оригинальный рисунок Н.Рериха
(1895 г.)

Н.К. Рерих. Древние русские пушки на крепостной стене. 1895.

Звезда. 1895. 30 июля. № 3.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Выпуск 1. СПб. 2004.

1895 г.

ЯНВАРЬ

Из дневника Н.К. Рериха.

8 января 1895 г.

8. I. 1895. Завтра начало занятий. Теперь буду писать молодое женское лицо – надоели эти старики. Адрес Доброписцеву по малости подвигается и скоро готов. Вчера был у Скалона. Танцевали - это я-то! Там меня просили в Воскресенье за обедом сказать слово – но сомневаюсь, чтобы я стал говорить в присутствии <...> князя и папы и др. - хотя меня и предупреждают, что в случае сопротивления говорить, будет оказано насилие. Это кажется последствия прочтения мною одного из моих рассказов в Пятницу <...>, который по-видимому понравился.

11 января 1895 г.

11. I. 95. Я слышал от Зинаиды Мих. Мир., что Сергей Васильевич показывал адрес графу Ивану Ивановичу и он ему понравился, а особенно по композиции.

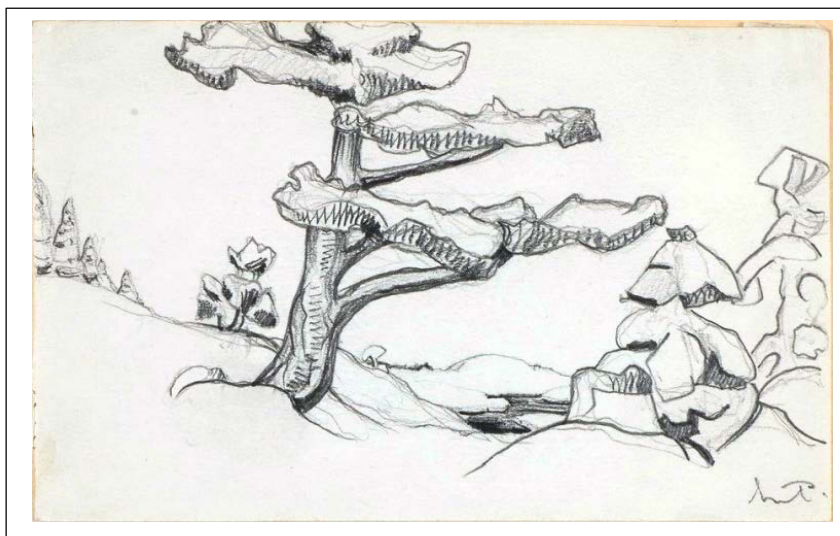
В этюдном труднейшее женское лицо - краски чисты до невозможности. В общем недурно. Рисунок вечерний довольно хорош. Говорят, Репин пишет сам вместе с учениками. Что же если верно это – то весьма утешительно.

Пскович всё меня утешает. Вчера Елена Павловна Антокольская думала, что это фотография с природы, а не с картины. Сегодня отправил в редакцию и «Декадентское уединение» - только сомневаюсь, чтобы оно подошло. Ответ в субботу.

26 января 1895 г.

26/I. Сейчас еду на охоту. Сегодня были отзывы в газетах о поставленных мной живых картинах в Грузинском вечере - слава Богу. В общем, все довольны. Признаться, я с некоторым страхом ожидал этого...

Мороз 18°, но всё-таки еду.

Н.К. Рерих. Деревья в снегу. [1894-1895].

ФЕВРАЛЬ

Из дневника Н.К. Рериха.

7 февраля 1895 г.

7. II. На экзамене 28 января за эскиз I разряд, за рисунок II, за этюд III. Все этюды съехали на разряд ниже, а, между тем, Илья Ефимович на лекции Саккетти говорил, что я иду быстро вперед, что весьма утешительно видеть, как люди на каждой работе прогрессируют, (тем более, что в Академии много таких, которые года по 4 с места не двигаются), что он мною доволен. Странно! Прогресс, а меж тем на разряд ниже.

Леон собирается не на шутку переходить в мастерскую в Апреле. и чу-дак! Надеется, что и я перейду – напрасная надежда – на большом этюде при моей технике больше III не получить, а надо minimum II. Скалон нездоров – последнее время он и работает что-то хуже, и выглядит хуже – это всё последствия его новой компании. Слышал я стороной, что у него что-то вольные отношения с горничной – если верно, то это скверно.

Пришлось мне на днях об искусстве говорить. Я говорю: нет техники – т.е. техника должна сводиться на нет. Вся эта живопись гладкая и мазками – всё это условность, всё это языческая пора в искусстве – техника одна, и притом такая, которая на первый взгляд не заметна, – одна натура. Искусство одно – нет ни идейного, ни тенденциозного, ни искусства для искусства. Всё это ограничения – условность. Есть одно искусство – где всегда есть идея, но не навязанная, не притянутая <...> не выставленная напоказ, а идея, являющаяся <...> в художественном произведении. Время споров об различии идейной живописи от других видов её – это время язычества в искусстве. Ведь сперва явилась вообще идея о Боге, потом разбилась на много богов (много видов живописи) и, наконец, во время Платона в Афинах появился жертвенник Невидимому Богу – т.е. начала пробиваться идея о едином Божестве. Тоже должно быть и в искусстве, – рано или поздно все споры должны прекратиться, – или искусства нет, или есть, а если есть – то оно одно - великое божественное. Только тогда может начаться действительное служение ему.

Мне кажется, Илья Ефимович хочет сказать то же самое, не неправильное называет настоящее искусство – искусством для искусства, без идеи.

Ведь сам же, написав портрет восклицает: «Однако, экспрессия есть!» И забывает, что экспрессия та же идея – что настроение, выражение, чувство; потом во всём проявляется идея картины. Но об этом спорить со мной не надо. Пожалуй, начнёт спорить – рассуждать – мало делать, стонать.

Наш художественный кружок ещё не умер - я твёрдо верю, что он ещё возродится. Скалон более всех виноват в его временной летаргии – ему досадно, почему не его мысль, впрочем, может быть, мне так кажется!

«Разлука» очень понравилась профессорам. Ещё хорошая тема Садко у морского царя - этот проект вырос в симфоническую картину Римского-Корсакова.

Потом 3 сюжета из Славянской жизни. 1. Вайделотка на молитве (Ночь. Луна. Костровое освещение. Вершина скалы. Идолы). 2. Выбор вождя. 3. Осиротелые (Старик со старухой у кургана. Вечер. Вся природа радуется). Мысль, основные чувства людей, несмотря на много веков, всё те же.

«Выбор и невеста французского короля». Был обычай посылать для осмотра физического 2-х первых вельмож государства. Невестам этот обычай не нравился. Только это штука трудная. Тут не водевиль, а трагедия.

Моё Университетское сочинение «О художниках» подошло по полицейскому праву – вот не ожидал.

Алекс. Иванович передавал, что Савинский мной доволен.

*****

8 февраля 1895 г.

Письмо Микешина М.О. к Рериху Н.К.

8 фев. 1895 г.!

Милый мой Колинъка,

Что это Вы не несёте показать, вечерню, как хотели, новый эскиз?

Сегодня я имел первую, небольшую пока, получку казённых денег и, кое-как мог выделить из них 200 р., в счёт моего долга Вашему Батюшке.

Когда приедете ко мне, то их захватите. А я уж теперь <....> занял.

Мой привет всем Вашим. Целую Вас

М. Микешин

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1001, 1 л.

*****

Из студенческого дневника Н. Рериха.

12 февраля 1895 г.

12. II. Чёрт меня дернул отказаться от Перенесения Мощей Николая. Теперь хотелось бы заказать <...> для овологической коллекции, а денег на это нет. Попробую опять сочинить, может ещё не поздно.

Со Скалоном, вероятно, разойдёмся. На днях, когда он выхвалял Федоровича и Андреолетти, я так выразительно щёлкнул себя по воротничку рубашки, что он со злобой пробурчал: «Чёрт! вот попал на язычок тебе!» Да я ведь не виноват, нельзя же им так часто напиваться. Для их же пользы ругаешься, а они не понимают. Авань, Скалон хоть когда-нибудь поймёт, что я для его же пользы о нём заботился, и заботился только из дружбы.

Сегодня Леон писал мой портрет и передавал, что Марк Матвеевич Антокольский очень мной заинтересовался и обещал познакомить с ним.

15 февраля 1895 г.

15. II. Сегодня держал пари с Шинкаренко. Он говорит, что за мой рисунок будет II разряд, а я его прочу в III. Эюд многим нравится. <Бе...> сегодня просил опять поднять дело о кружке – я ему сказал, что один в поле не воин. Говорят, что завтра будет Государь в классах Академии. Скалон всё ходит на университетские сходки, по поводу безобразий 8 Февраля. Когда лекции так до лясу, а так – погалдеть, так сейчас тут. Студенты обижены, что их полиция побила, а я, между тем, почти что сочувствую этому. Ведь надо быть дикими людьми, чтобы собираться топить извозчика, высечь даму на улице, певицу на

сцене поставить вверх ногами, броситься на несчастных <...> и etc. Теперь они требуют наказания полиции, а небось никто не заикнется о наказании бунтов студентов и возмещении с них убытков пострадавших, ни в чём не повинных лиц. Что за такой день 8 Февраля, когда можно нарушать все права. И они, скоты, ещё мнят себя людьми образованными! Жаль только, что в числе побитых студентов были люди совсем невинные.

17 февраля 1895 г.

[17.П] ... Вчера Алекс. Лаврент. обещал достать мне иллюстрацию для сербского журнала «Нада» (Надежда). Часа 3 обсуждали тему для сочинения. Мне весьма любопытно. Было ли на русское искусство 2 влияния: византийское и западное, или ещё было и непосредственное восточное. Кое-где нахожу смутные указания на это.

18 февраля 1895 г.

18.П. Сейчас с экзамена. За рисунок П (6-ой с начала) и за этюд П. Хотя за этюд следовало бы и больше, но он страшно пожелтел – это, верно, от лаку. В общем, как-то недоволен – а между тем, эти отметки сравнительно очень хороши – множество поставлено III или IV разряд. М. Федорович совсем иззавидовался – кажется, из него толку не будет, зависть всё съест. У Скалона III за рисунок, и II за этюд. Он не ожидал, что рисунок далеко упекут. За этот год, таким образом, у меня Рисунки. - Этюды. - Эскизы.

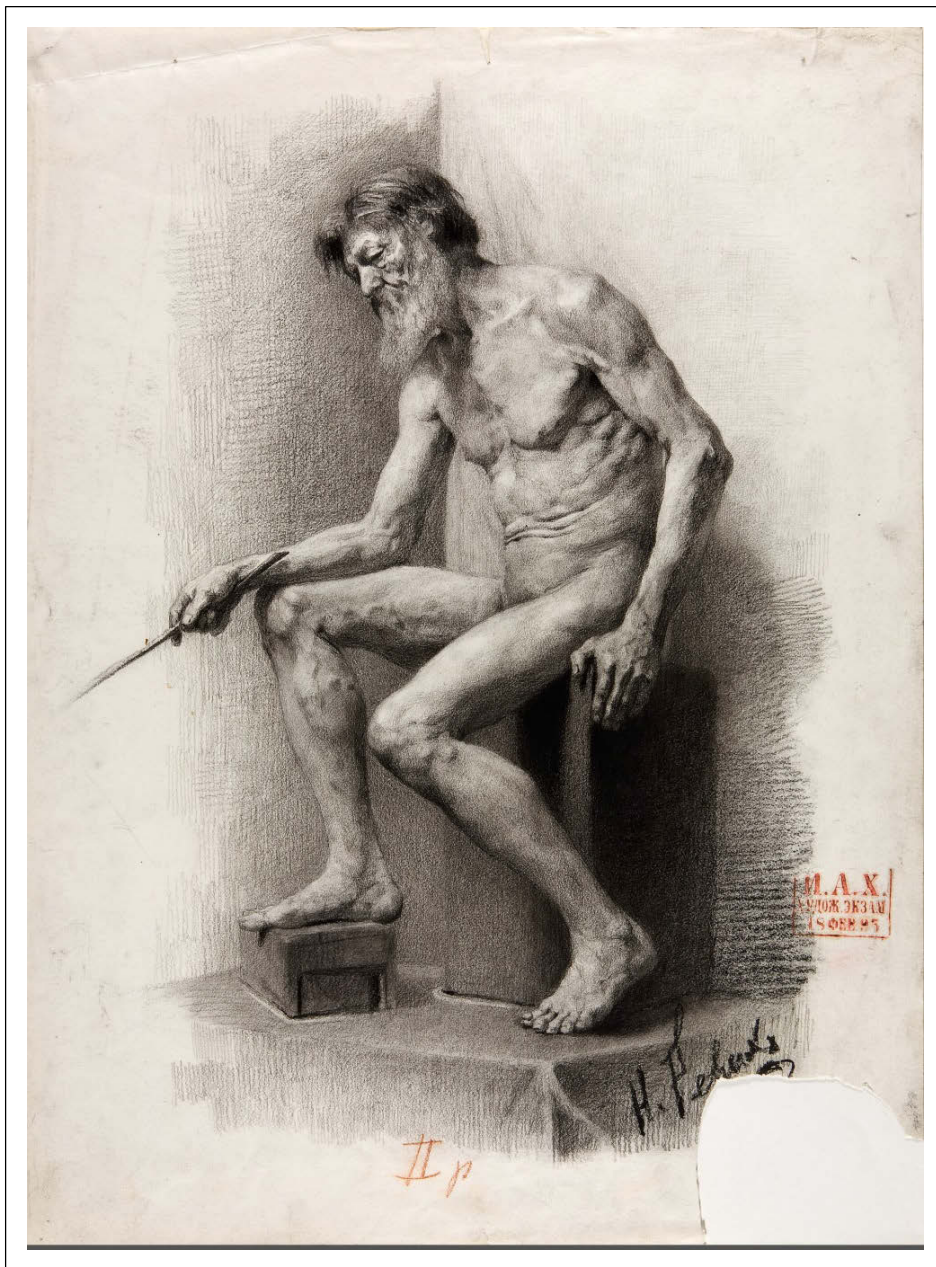
Ш раз. .... IV р.

А при старой Академии у меня был...(далее часть листа оторвана)
Рисунки. - Этюды. - Эскизы.

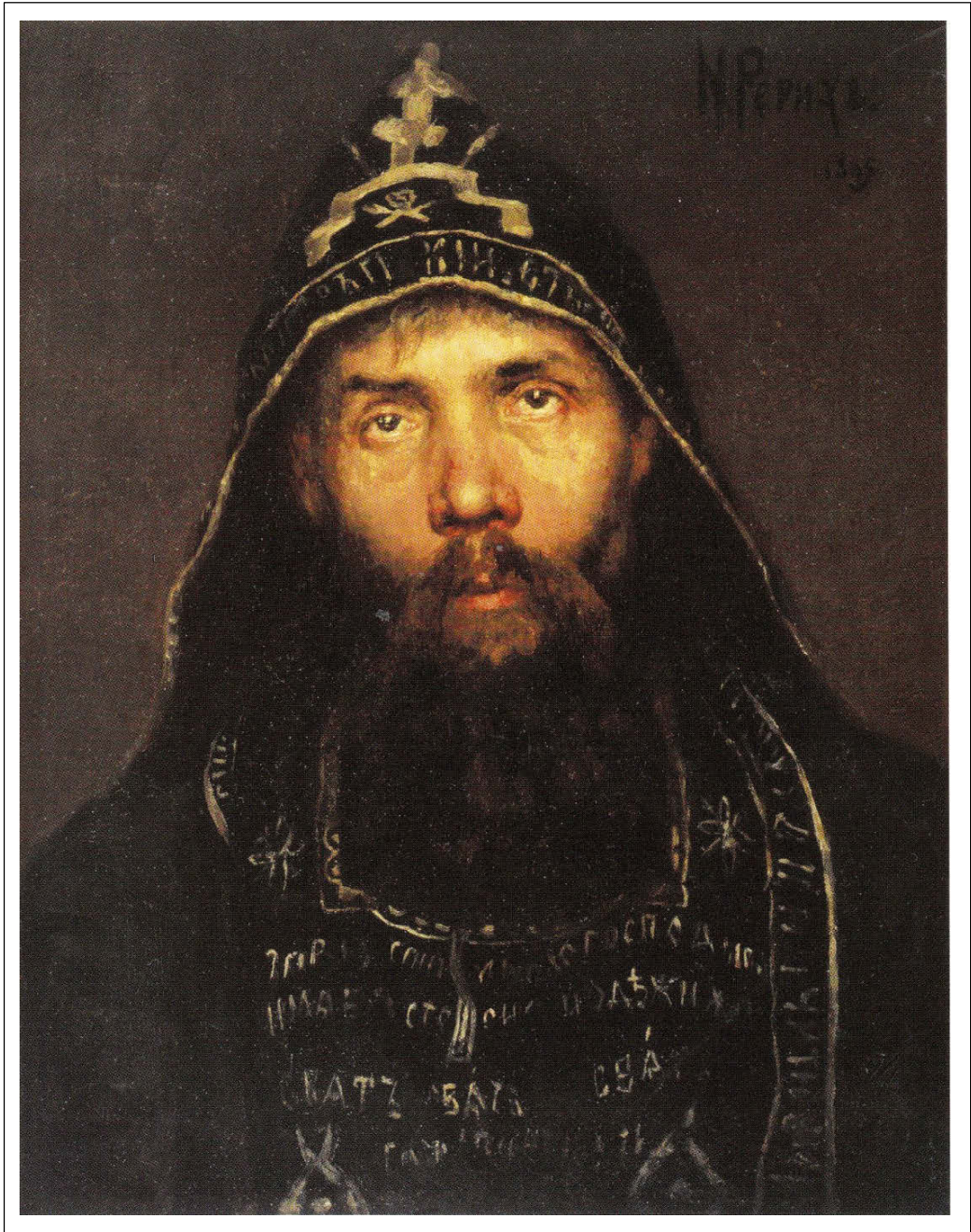
II р. ....Ш и II р..... I р.

Н.К. Рерих. Лес в инее. [1890-е.] Этюд.

Н.К. Рерих. **Сидящий обнажённый натурщик**. 1895. Академический.
Внизу печать: *И.А.Х. / Худож. экзам. / 18 ф. 95 . II разряд*

Н.К. Рерих. Схимник. Этюд. 1895.
На обороте авт. надпись: 18.II. 1895.

*Из студенческого дневника Н. Рериха.
21 февраля 1895 г.*

21.И. Занял почти самые лучшие места в рисов. и этюд. классах. Но чувствую себя скверно, пожалуй, не заболеть бы. Благословился и начал целую фигуру – должно быть, дальше IV разряда не уеду. На рисунке хотелось бы лучше получить. Собственно говоря, на этом экзамене можно и в мастерскую перейти, - об этом не стыдно и думать. Сегодня отправил фотогр. с Псковича, которую я переименовал в Стрельца в Боснию для журнала «Нада».

Теперь просматриваю свои старые заметки – мне обещали, что их будут переводить по-сербски. Нового нет времени писать. Репин своими портретами просто с ума меня сводит. А всё-таки почему-то я чувствую, что эти мои работы будут слабы и мои тайные помыслы, которые даже для самого себя боюсь...
[далее часть листа оторвана]

Н.К. Рерих. **Обнажённый натурщик.** 1895.

Наброски плана для вечера, посвящённого памяти Т.Г. Шевченко 26 Февраля 1895 г

~~[Вечер публичный литературно-музыкальный с танцами общими). Билетные посетители ужинают по собственному усмотрению, а участвующие в подписке устроители и участвующие в вечере – общий ужин из малороссийских блюд. Билеты продаются устроителями и в зале Кононова.~~

~~По возможности привлечь более из высших учебных заведений обоих полов. С принимающих участие активное взноса не требовать (кроме хорового пения), а с учащих желающих участвовать в ужине не менее 3 рублей].~~

26 Февр. Панихида в ~~Казанском соборе~~ Академии Художеств в 12 час. а вечер в 8 часов (так как затем пост великий).

Весь излишек сбора поступает в Фонд на цели учреждаемого общества, а часть уделить бедным, нуждающимся родственникам Шевченки. Предложить участвовать лицам подписавшимся под проектом устава.

~~Организация и испрошение разрешений правительства, наем зала, заказ программ и билетов, а также меню ужина берёт на себя М.О. Микешин, который обсудит предварительно подробную программу с некоторыми приглашёнными им компетентными лицами; на тех же лиц. Подыскать лиц могущих пригласить артистов (оперы и балета), литераторов. Оркестр струнный.~~

~~Учащиеся не желающие принять участие в ужине, но участвующие в хоре, либо в танцах имеют вход бесплатный.~~

Мордовцевы вдова Костомарова,

Литературная и вокальная часть исключительно из сочинений Шевченки.

Музыкальная - исключительно из малороссийских вещей.

В Программу должны войти выполнение малороссийских танцев и плясок.

Заблаговременно тиснуть несколько заметок в газетах, авось, может кто из Украины навернётся или отнесётся сочувственно, (с просьбою перепечатать в местных органах).

(Для программы сцены из произведений по возможности исполняемых и меню).

Обсудить рисунки для афиш, программ (портрет, дом, где жил Шевченко, памятник его).

Просить некоторых подготовиться сказать речь. Вина Украинские и Донские Горилки какие?

Подписи лиц, желающих почтить память Тараса Григорьевича Шевченко (Императорская Академия Художеств)

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/15, лл.7об., 7,13.

Из дневника Н. Рериха от 1.IY. 95.:

"Для виньетки на программу Шевченковского вечера я предложил 3 редакции: 1. портрет Т.Г. 2. Малороссийский пейзаж. 3. Запорожец пьёт тост за Славу и всех Христиан что живут на Белом свете из Тараса Бульбы Гоголя..."

Н.К. Рерих. Малороссийский пейзаж. 1895.

26 февраля 1895 г.

Письмо Микешина М.О. к Рериху Н.К.

26.02.1895 г. Воскресенье.

Голубчик мой, Коля Константинович,

Вчера был у меня Леон Антокольский и дал слово прислать мне натурщика Андрея Посохова, (из свободных вообще, а по Воскресеньям – (как сегодня) – в особенности). Но вот и день оканчивается, а натурщика – нет! И, значит, с тем же, т.е. с тою же просьбой прислать мне, на натуру Андрея Посохова – обращаюсь к Вам, когда Вы по своим делам будете в Академии.

Милый Коля! Я настолько ещё слаб от жестокой инфлюэнции, что впервые за 34 года, со смерти Тараса, я не был сегодня на панихиде по нём!

Хороши Малороссы! Этого, т.е. моего необычайного отсутствия на панихиде, никто из них и не заметил! Ведь я же мог быть на одре смерти, да при-

знаться, и был к ней близко, и никто-то из них, изо всего малорусского молодого поколения, знавшего о том, сколько я потрудился для памяти их поэта – а своего друга Тараса Шевченка, и не подумал навестить меня!

Меня трижды, за болезнь, навестил мой престарелый друг (77 лет). Орёл и герой Севастополя – Ген. Лейт. Прокофий Григорьевич Короленко, но тут узы дружбы со мной личные, а не через Шевченку. Вот почему, я и останусь ныне – хладным зрителем того, что будет, предоставляя (честь) устроить на сей раз тризну по Тарасу – малороссам.

Коли я, бедняк, Беларус, лично из моей дружбы к Тарасу, по собственному импульсу и собственной энергиею, да ещё с такими помощниками как Вы – Коля, да Ваши академические друзья... , показал в прошлом году, что ничто можно сделать, то, кольми паче всем столичным малорусам, кот. я умел сплотивить на прошлой тризне, казалось бы легко сделать было и что-либо более грандиозное – чем я, по опыту, избежал кое-каких промахов и недосмотров в тризне прошлого года. «ПОСМОТРИМ! - произнёс слепой».

Целую Вас, мой милый Колинька, а Вы мои приветы передайте Маме, Сестрице, Папе и мелюзге. По здоровью, приеду навестить Ваш милый дом.

М.М.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1004, 1 л.

*****

Из студенческого дневника Н. Рериха.

27 февраля 1895 г.

27.ІІ. 95. Сегодня получил интересное письмо от Михаила Осиповича. Есть большая доля правды в его жалобах на здешних малороссов – они его изрядно обошли, и в прошлом году, и в этом собираются.

Уже 4 дня сижу дома. Мои друзья все меня точно совсем позабыли, т.е. не точно, а и в самом деле. Наконец послал за Скалоном с извещением, что я захворал и прошу его придти – надо поговорить. Он, хоть бы, что – даже и по просьбе не хотел. Молодец, право молодец! Я, кажется, с ним так не поступал... У Антокольского больше причин не быть у меня – он знает, что я не здоров – хотя, всё же бы мог понаведаться.

Теперь скучища, просто беда! Черти, дьяволы – никто нейдёт. Ещё друзья! Хоть бы Шарварок завернул, ответ Короленко сказать. Только и утешает меня эскиз «Как перевелись богатыри на Руси». Кажется, недурно выходит.

Александр Лаврентьевич хочет послать в Боснию некоторые из моих рассказов для перевода. На первый раз я ему дал Грустную историю - хотел сам прочитать ему, да кашель не позволил.

Сейчас послал в Природу и буду требовать возвращения моих очерков – не хочу давать им сокращать. Теперь весна на дворе, их везде напечатают. А тут всевозможные права на меня ополчаются – ведь один предмет 1500 стран., и ещё ничего не сделано. Нет, если и в году успею приготовиться к экзаменам, то буду положительно молодец.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/9, 5 л.

МАРТ

1 марта 1895 г.

Письмо Микешина М.О. к Рериху Н.К.

1.03.1895 г. СПб.

Возлюбленный Коля Константинович,

Ответьте мне – как Ваша болезнь? Дай, Господи, чтобы она не доходила до той интенсивности, как у меня. Я ведь чуть не сошёл с ума!!! Постарайтесь подольше побыть дома, не торопитесь выезжать до полного оздоровления.

Ну, ко мне, наконец, видя, что меня не было на панихиде, явились студенты Малороссы: Сидоренко и другой с ним... А уж и пробрал я их! И направил лбом бить стену – хлопотать об уставе!

«Да – дáааа» - как произносит ваш почтеннейший фатер, кто это – Пушкин, что ли сказал: «Избавь меня, Господи, от друзей, а от врагов я сам избавлюсь!» Как хотим, а это замечательное изречение... Чуть ли не хуже поляков, у последних, как бы осталась тень какого-то рыцарства...

Что же Вас, Коля, наконец, навестили друзья?

Пиши мне, голубчик, люблю вас всей душой! Папе, маме, сестре и мальчишкам милым, мой привет.

М. Микешин

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1002, 1 л.

Из студенческого дневника Н. Рериха:

2 марта 1895 г.

2.Ш. 95. Я рад, по крайней мере, что Скалон положил начало нашему разрыву. Сегодня был Леон Ант[окольский], по-видимому мой эскиз ему очень нравится, хотя (дай Бог ему за это всего лучшего) ругает он его изрядно. Сперва у меня небесная сила сыпалась из разверзнутых небес, потом она шла по земле, а на небе играла зарница; и теперь зарница исчезла, а на её месте жёлтый закат. Хочется мне ужасно сделать его поблагоприличнее. Сегодня написал Склярону, чтобы он пришёл, по пейзажной части в эскизе посоветовал.

В Пятницу приедет Леон писать меня в моей мастерской – кабинет тоже. Уже неделю сию дома, а кашель не уменьшается – этак академических работ не успею сделать. Завтра приедет Краснов, буду писать с него окаменелого Илью Муромца для «Как перевелись богатыри на Руси». Обидно ужасно на кашель и Ливерий Ант. Саккетти ждёт, и Леон с Марком Матвеевичем Антокольским познакомиться хочет, а тут - сиди дома. Этот эскиз хочу свезти показать Илье Ефимовичу – интересно, что-то скажет.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/9, 5 л.

3 марта 1895 г. Кишинёв.

Письмо Владимира Николаевича Федоровича к Рериху Н.К.

Хрис. Воскр.

Дорогой Collega!

Прости, что раньше не поздравил тебя, и только получивши твоё письмо собрался это сделать.

Относительно этюда моего ничего не понимаю, кто его принёс и зачем, для меня тайна. Этюд этот я решил подать на экзамен и никому не поручал брать его из Академии. Ты, голубчик, пожалуйста, подай его к экзамену. Я думаю, что это возможно теперь, да и сторожа все тебя знают, так что даже, в случае, если и будет уже поздно подавать, я думаю, ты их сможешь уломать.

Как поживает Скалон, поздравь его от меня с праздником. Пью за ваше здоровье, твой

Вл. Федорович.

Жду теперь от тебя письма, о результате экзамена. Пиши подробнее, всё... как твой эскиз примут, и вообще, о товарищах. Больше ничего не выкину теперь из головы.

clo/ clio

Кишинёв II/3 95г.

Очень, очень благодарен за письмо. Сегодня я тебе телеграфировал, что надёжнее, так как за последнее время почта очень неисправна. Ещё раз благодарю. Пожалуйста, объясни мне, кто распорядился принести к тебе этюд. Я кое-что тут подозреваю, но не выскажу, потому что не знаю ещё, насколько мои подозрения основательны.

Пока до свидания. Желаю всего лучшего.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/667, 2 л.

Н.К. Рерих. Пейзаж (Рассвет). 1890-е.

Из студенческого дневника Н. Рериха:

4 марта 1895 г.

4.Ш. И с Антокольским Скалон поступает нехорошо. А по мне, так просто подлец. Сегодня Леон был, говорил, что, во всяком случае, он оказался в его глазах человеком более порядочным, чем на самом деле оказывается. Попросту, мы оба ему больше не нужны – с Академией он через нас познакомился, я ему тысячу раз оказывался весьма полезен – а теперь он и плюет на нас. Да ещё, кажется, и слухи весьма некрасивые распускает. Это подло и низко! Всё от зависти, а мне чересчур обидно.

5 марта 1895 г.

5.Ш. Страшно болит голова от испуга. Закончил эскиз и поставил перед печкой, но чересчур близко. И вдруг, слышу запах горячей краски. Гляжу – эскиз расплывается. Во время услышал – спас от гибели, так что можно ещё поправить. Не думаю, чтобы это на меня так сильно подействовало – совсем усталый теперь и голова заболела.

Вечер опять не пришлось заниматься. Пришли Стреблов и Рейнеке.

6 марта 1895 г.

6.Ш. Удивительно судьба обо мне заботится. Сегодня после болезни прихожу в классы и, глядя на ушедших вперёд товарищей, с горестью начинаю писать этюд. Натурщик заболевает, после долгих прений на его место ставят другого, и теперь мы всё опять сначала начнём.

7 марта 1895 г.

7.Ш. Какой-то просто подъём духа. И этюд, и рисунок пошли вдруг очень хорошо. Сегодня ни с того ни с сего показалось, что перейду к Пасхе в мастерскую – ведь придёт же в голову такая несбыточная вещь. Я, чуть не ребёнок в сравнении с почти всеми академистами, и вдруг - в мастерскую. Да, кроме того, для этого необходимо чудо - т.е. написать этюд хорошо, а в этом отношении я в себя не верю – вот рисунок - это дело другое, его можно подогнать.

Теперь постановил себе прочитывать ежедневно по 50 стран. по Университету. Удивительно, почему это из Боснии ответа не шлют – для меня это интересно, пристроиться в таком, можно сказать, европейском журнале.

Сейчас на меня ужасно удручающее впечатление произвёл рассказ отца о какой-[то] семье, оставшейся без средств.

Господи! Ещё я позволяю себе иной раз жаловаться, когда не хватает рубля на удовольствия, а тут... Нет, как послушаешь о таком несчастье, то более доволен бываешь своею жизнью. Сидишь себе в кабинете, который своею уютностью Антокольского даже вдохновляет к эскизу, всё тихо, никто не мешает работать, средства к работе все на лицо. И какое право я имею иногда думать и жаловаться на свою жизнь?..

Грех, грех суший... И забота-то вся сводится к искусству, а тут жизнь без надежды, забота о еде завтра. Нехорошо!

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/9, 5 л.

*****

«Теперь постановил себе прочитывать ежедневно по 50 страниц по Университету...»

КРАТКИЙ КОНСПЕКТ ПО РУССКИМ ЮР. ДРЕВНОСТЯМ

В. Сергеевым

I. Государственная территория.

1. Древность не знает единого государства: много волостей отдельных, земель, княжений, уделов, отчин, уездов.

2. Волость (власть) земля под одной властью. (И прия власть его Ярополк)

3. Волостное устройство: Новгородцы бо изначала и смоляне, и <квеяне>, и полочане, и вся власти (волости) на думу на вечя сходятся; на что же старейшии сдумают на том же пригороды станут.

4. Земля, находящаяся в пределах волости составляет собственность её жителей и, прежде всего, жителей её главного города (половцы рассыпались по земле, говорят Киевляне.)

5. Количество земельной собственности служило мерилом политического значения.

6. Города воздвигаются в видах защиты.

7. Границы волости не совпадали с границами племени. (В Новгородской земле: чудь, словены и кривичи).

8. Племена враждовали меж собой (жили зверинским образом, система укрепленных городов.)

9. Волости возникали не мирно.

10. Пригород может сравниться по <силам> с <...> городов (Новгород напр. образовался очевидно после старого города).

11. Князь составляет необходимый элемент каждой волости. Мы князя себе <налезем>, - говорили даже Новгородцы.

12. Князь носит титул волостеля. Князь – в главном городе.

13. От разделения отцом своих владений детям произошло наименование удела. Первые удельные князья - сыновья Святослава Игоревича.

14. Вследствие войн пригороды отходили от своей первоначальной волости.

15. Старшие города протестовали против отделения пригорода, но пригороды охотно становились самостоятельными.

16. Волости назывались отчинами князей.

17. Отчина и вотчина. Вотчина собственность. Отчина стол отца. Полоцкие княжение отчина Рогнеды).

18. Новгород тоже княжеская отчина.

19. Пригороды могли и не иметь постоянных жителей.

20. Волости составляли самостоятельные государства.

21. В общих делах судьи назначались со стороны каждого князя.

22. Принимались меры, чтобы подданные одного княжения не делались поземельными собственниками в пределах другого. (А тоби, брату моему, в моем уделе сем не купити, ни твоим бояром).

23. Волостной порядок государственного устройства продолжается у нас до возникновения Московского государства.

24. Первая мысль об образовании из нескольких волостей неделимого целого появляется только у Московских князей. Дмитрий Донской.

25. Образование особого Московского удела относится ко времени Ярослава Всеволодовича.

26. При Данииле Александровиче Московский удел значительно расширился. Даниил Александрович.

27. Юрий Данилович. Из Переяславля в Москву. Братья от него отъехали. Юрий и во Владимире. Борьба с Михаилом Тверским. Без детей.

28. Иван Калита. Первая каменная церковь в Москве. Собиратель земли русской. Но, в общем, он не был новатором. Он чересчур угождал татарам. (Белоозеро Углич-поле). После Калиты Московский удел на 4 части. Это мера постоянная по мнению Калиты. Калита есть основатель противогосударственного порядка а не могущества и славы Москвы. Иван добрый семьянин.

29. Сыновья Калиты поддерживали порядок, установленный отцом. В Московском государстве исчезла всякая государственная идея. Второй сын захватил удел старшего после смерти (Мария Александровна Тверская). При Иване - весьма сильные соседи (Суздаль, Тверь).

30. Дмитрий Донской. Когда Михаил Тверской хотел занять Владимир – жители его не пустили. Дмитрию 12 лет. Бояре учили Дмитрия, от них к нему перешло начало неделимости.

31. Князья московские сохраняли политическую особенность приобретаемых княжений. (Так поступил Василий Дмитриевич с великим князем Суздальским).

32. Новое государство долго не имело своего имени, а обозначалось перечислением частей его.

33. Иван Грозный первый даёт имя государству (Царство Руское...)

34. Для летописца бесспорно, что поляне, а не другие племена назывались Русью.

35. Центр Русской земли Киев. (А се поны добыв Руской земли на мне честь положил и посади мя в Киев.) Русская земля есть земля полян.

36. Название Русская земля переносилось и на другие территории по мере присоединения их к Киеву.

37. Летописец, перечисляя русских князей, начинает с Олега, а не с Рюрика – Рюрик княжил в Новгороде – не в русской земле.

Из Радзвиловского списка.

38. От тех (от варягов) прозвалась русская земля.

39. Поляне звались до призвания вар. славянами, а после призвания русью.

40. А <словеняск> язык и русский язык один, от варяг бо прызватася рускыя...

41. Призвание варягов.

42. Новгородцы от рода варяжска, а прежде были славяне. Поляне не были в таких близких отношениях с варягами, как Новгородцы.

43. В Полоцке варяги водворились раньше, чем в Киеве.

44. Но при всём варяги-русь сообщили своё имя только Киевской Руси, а не Новгороду и не Полоцку. К этому факту нельзя относиться с полным доверием.

---

45. Из этих мест летописи след. 1) что Русью называлась Киевская волость в XII веке, но могла называться и в XI и в X., и даже раньше. 2). Происхождение этого наименования от имени варягов-руси есть догадка грамотеев XII века, справедливость которой ничем не подтверждалась.

46. Причина распространения названия Русь заключается в единстве языка и веры.

47. Имя Руси распространяется как народное наименование, значения термина государственного оно ещё не имеет.

48. Во главе русской церкви с первых дней принятия христианской веры стоял митрополит Киевский. Он назывался Русским митрополитом.

49. Митрополиты всея Руси, или Киевские и всея Руси.

50. Чтобы не казаться ниже митрополитов великие князья тоже усваивают сеть титулов князя всея Руси. (Иван Калита).

51. В устах князей Московских титул всея Руси был лишь титул идейный, указывал лишь на стремление их расширить свои владения, тогда как титул этот у митрополитов соответствовал действительности.

52. Наконец, стали думать, что Москва, Коломна, Серпухов в самом деле Русь. Царь Иван Васильевич, отказывая сыну город Москву и Коломну пишет, что благословляет его «царством Русским».

53. В той же духовной и «государство». Старшему сыну «государство», младшему – удел.

54. В царствование Грозного термин государство уже в употреблении.

55. Государство не столько обозначение территории московского князя, сколько характера его власти.

56. В памятниках XVI и XVII в. встречается термин “Московское государство”, в смысле российского царства.

57. Но царство Русское и государство Московское всё ещё продолжают состоять из разных государств. (Соборные грамоты о <избр> Михаила Федоровича.)

58. Волостная старина потеряла всякий смысл, но в языке живёт.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/48, лл. 1, 1об., 2, 2об.

*****

Из студенческого дневника Н. Рериха.

10 марта 1895 г.

10. Ш. Любопытный разговор с Ильёй Ефимовичем. «Вы, говорит он мне, очень утешительное являете в Академии. У Вас, наверно, дело пойдёт. Вы работаете художественно и со вкусом. Про эскиз: очень хорошо, цельность впечатления, сильное настроение, а всё-таки вы, знаете что, напишите новый эскиз на эту же тему». Даёт несколько указаний. (Полосу заката шире, землю темнее, войско чернее, курган ниже). «Только не вздумайте на этом же переправлять. Может быть, оно гораздо хуже выйдет. Если хотите, новый напишите, хоть маленький, чтобы посмотреть, как оно будет; лучше ли? А то эта вещь у вас работана, продумана, вы видно, руководствовались одной фантазией, когда писали её; а теперь, если одно место тронете – пройдёт цельность впечатления.

С Университетом поскорее разделяйтесь ----.

На 6-й неделе буду держать догму, а ещё и книги нет, ну, в полторы недели подготовлюсь. Не придётся второго эскиза писать, раз времени нет, есть только одно Воскресенье и в один день не напишешь.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/9.

12 марта 1895 г.

12.Ш. 95. Вот те и этюд! вот те и рисунок! – Ничего не могу сделать. Полная апатия. Просто странно мне, видите, всё равно, положить ли тон темнее, или серее – всё равно. Лебедев сегодня говорит, а вы уже портить начали. Должно быть, всё придётся бросить и засесть дома наглухо, пока проклятая инфлюэнца не оставит меня совсем в покое. А жаль! мастерская на этот раз мимо носа проехала. Теперь до Рождества забыть о ней. Удивительно жаль. Оказалось – у меня плеврит.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/10, 4 л.

15 марта 1895 г.

15.Ш. Позорнейшая сцена происходила у меня в комнате. Приходит Леон и начинает напропалую жалеть, что я должен бросить этюды, особенно при хорошем начале и возможности перевода в мастерскую. Входит мама и, слыша слова Леона, начинает довольно прозрачно ему подмигивать, чтобы он замолчал. Потом я стал жаловаться, что мне обидно, точно я немощный, а мама говорит, так зачем же огонь маслом заливать. А удивительная эта мама, если бы вы посмотрели, с каким терпением она растирает мне грудь и, несмотря на мои капризы, ещё уговаривает меня. В общем, чувствую себя скверно, - главное, не могу ничем заниматься, хотя вчера и сочинил «Христовы ратники», послал в Звезду.

17 марта 1895 г.

17. Ш. Просто забываешь, что болею, как на улицу поглядишь. Этакая прелесть – снег тает, солнышко припекает. – А тут, сиди дома. Сегодня сочинил «Наезжает Иван-Царевич на избушку убогую». Должно быть, хорошо выйдет, вот, кабы за лето написать.

Для Университета всё-таки ничего не делаю. Кажется, славный человек Воропанов Глеб. Вчера отвели мы с ним душу. Наш разговор можно назвать «Древняя Русь».

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/10, 4 л.

Листок из архива Н.К. Рериха (ОР ГТГ, ф. 44/38, л. 20):

1. В самой глуши наезжает Иван-Царевич на избушку убогую
2. А сам как вор крадучись, во дворец пробрался, в самую горенку где на пуховой постеле раскинувшись, косы русые разметавши, лежала Царевна Ненаглядная красота и спала непробудным богатырским сном. Вытащил Царевич изпод её изголовья < сулею.> с живой водою и хотел бы бежать поскорей, да мо-

лодечное сердце не вытерпело – склонился он к царевне и трижды поцеловал в уста сахарные.

3. Колдун на костр. Шикалу лукалу шагадам, бду, бду.

*****

Н.К. Рерих. 2 наброска к эскизу к сказке «Василиса Прекрасная».

Н.К. Рерих. Эскиз к сказке «Василиса Прекрасная». 1890-е.

18 марта 1895 г.

18. Ш. Нечего тут думать! До лета откладываю искусство и литературу, и даю себе честное слово завтра же вплотную засесть за право. Иначе выйдет ерунда. “Христовых ратников” приобрёл Петр Петрович.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/10, 4 л

*****

18 марта 1895 г.

Письмо из редакции «Звезда» К. Овсянникова к Н.К. Рериху

РЕДАКЦИЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО
ЕЖЕНЕДЕЛЬНОГО ЖУРНАЛА
«ЗВЕЗДА»
С.-Петербург. Стремянная ул., соб. д. № 12.
Телефон № 1264
18 М..... 1895 г.

Дорогой Николай Константинович!
Спасибо Вам за рисунок, очень удачен. Деньги Вам вышлют на дом. Спасибо за Ваш любезный подарочек, поменяемся чем-нибудь. Выздоровливайте скорее. Раму со стеклом посылаю с посланным.

Преданный
К. Овсянников

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1082, 1 л.

*****

Н. Рерих

[ДУХ ПЛАТОНА.]
(Мистический рассказ)

Тёмные и светлые пятнышки прыгают, извиваются, тонут во мраке. С новой силой вынырнут они оттуда - и опять носятся по воздуху, толкнутся, разбегаются и, снова соединившись, образуют какой-то мутный, таинственный букет, занимая собою весь мрачный угол, куда не проникает свет от лампы... Да там не одни пятнышки - словно чёрточки, точки переплетаются между собою; будто подгоняемые вихрем, носятся эти пылинки по воздуху и, лишь достигнут конца тени, то, или поспешно, точно чёрные тёмные духи, мчатся назад в глубокие недра угла, или бросаются вперёд и тонут, гибнут навсегда поглощённые лучом света.

Весь воздух живёт; сотканые из него образы носятся вокруг бедного Михаила Захаровича, заставляя его невольно оборачиваться и из-под локтя бросать на них беспокойные взгляды. Лампа освещает лишь небольшой круг в занимаемой им комнате - всё остальное ушло в глубокий мрак. Зловеще высунулся из темноты угол шкафа - ни конца, ни начала его не разобрать, только какая-то мутная полоса тянется откуда-то сверху; освещённая лампой словно дрожит и, как под слоем бесчисленного количества флёра, мягко тушуясь, опять исчезает в пространстве...

Что́ это за светлая дорога протянулась?... Что́ по ней спускается в бездонную мрачную пропасть? Что́ не возвратно уносит в темноту эта бесовская лента?...

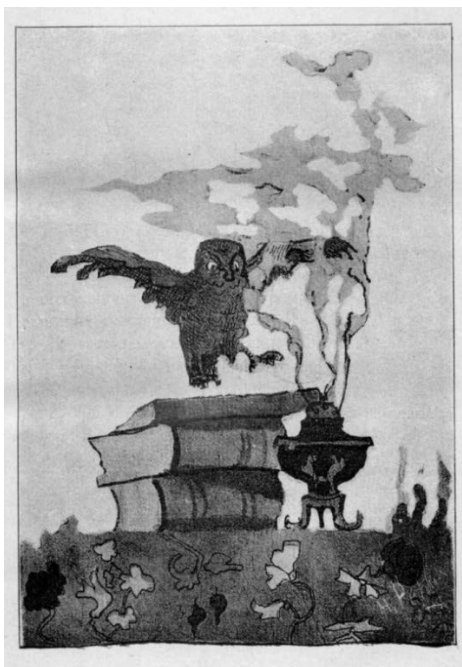
Около шкафа всё черно; и вдруг по этой темноте что-то искрится - мигающими точками скользит и, наконец, блестит ярким бликом... это лампа отразилась в стёклах портрета. Но не глаза ли его блеснули?... Может быть, ожил

он там под стеклом? Распадётся сейчас рама, с дребезгом разлетятся осколки стёкол и, как жемчужный ореол, окружат движущуюся среди них фигуру.

В круглой железной печурке по временам точно сыплется что-то, будто кто, сидя вверху, бросает по стенке песчинки. Это обсыпается зола... а кто знает, что это зола... и там, верно, какие-то образы шевелятся, и своими лёгкими одеждами задевают за железо... Ведь всё живёт – кругом всё движется! Каждый атом наделён миллионами таинственных существ, которые не связаны ни временем, ни пространством, беспокойно толкуются вокруг человека. Как ничтожен между них человек! Давят они его своей свободой, шныряют перед его растерянными глазами...

Словно тяжёлая ладонь опускается на темя Михаила Захаровича; он сразу почувствовал за собою присутствие какого-то существа... Кто оно? Да оно без лица! Не видит его Михаил Захарович, но знает, твёрдо знает, что оно без лица и без глаз; - а глядит, и взгляд этот прожигает его затылок.

Лёгкая волна воздуха коснулась накожных волос уха Михаила Захаровича – невидимое существо пошевелинулось, должно быть сейчас дотронется до открытой шеи. Как бы уже чувствуя приближение прикосновение чего-то ледянисто-холодного Михаил Захарович скорчил шею и старается, чтобы отложной воротник сорочки зашёл бы на волосы. Гусиная кожа выступила на голове... Вот, вот прикоснётся... Трах! - треснул паркет под стулом. Михаил Захарович, стараясь одеждой прикрыть все обнажённые места своего тела, скорчился... замер на месте: Кто-то с боку силится заглянуть ему в лицо, но Михаил Захарович упёрся взглядом в исписанную бумагу и не глядит в сторону; что за охота ему встретиться со взглядом этого безокого существа.

Н.К. Рерих. Сова на стопке книг. 1895.

Человек побеждён. Ещё быстрее зашевелились, заиграли невидимые существа. Портьера всколыхнулась... в замочную скважину сыплются новые миллионы существ и светлыми пылинками мелькают на световом столбе, что поднялся из лампы и упёрся в самый потолок, разбежавшись на нём массой

концентрических кругов. А существо без лица упорно стоит за своим узником и хищно следит за его малейшим движением.

Беспомощно навалился Михаил Захарович грудью на стол и в сотый раз перечитывает одно и то же из своей рукописи... [Зачёркнуто 1½ строки – ред.] ... Возглас крови, сердца, бой... Между тем, существо, слегка переминаясь на полу, чуть слышно потрескивает отклеившимися дощечками паркета. Пенсне упало с носа Михаила Захаровича и звуком падения заставило его содрогнуться. Нос страшно чешется, а потереть нельзя; - как же высвободить руку из-за пазухи? Непреодолимое чувство злобы наполнило всю душу Мих. Зах.: «а вот погоди же!» - быстрым движением он перевернулся вместе со стулом спиной к столу. Безличное существо мгновенно исчезло, оставив лишь каких-то два чуть заметных пятнышка в пространстве, потом перешедшие в серые подушки, лежавшие на диване, а само поместилось за спиной Михаила Захаровича на этот раз на его столе и даже, как он тотчас же почувствовал, на самой его рукописи. Бессмысленно уперев глаза в противоположную тёмную стену, скорчившись, поджав под себя ноги, недвижно сидел Михаил Захарович.

Было тихо; только в верхнем этаже раздавались чьи-то одинокие шаги, глухо отдававшиеся в комнате... – вдруг, среди сгущавшейся тишины, медленно раздались восемь звучащих ударов. Неужели, это пробил часы? Неужели теперь только вечер? Ведь значит за стенами комнаты кипит жизнь – люди не спят... «Так скорее вон отсюда...», - мелькнуло в голове Михаила Захаровича. Но лишь он сделал движение от стола, как одно, на этот раз уже вполне очевидное обстоятельство, заставило его волосы беспокойно задвигаться на голове, - ручка двери стукнула, поднялась и бессильно упала в прежнее положение – а дверь не открылась. Всё оставило Михаила Захаровича. Казалось, один труп его сидел у стола и только капли пота, тяжело катившиеся по щекам и по носу, свидетельствовали, что в этом теле не угас ещё остаток жизненной энергии. Ручка же продолжала, время от времени, подниматься и с шумом сотрясалась чьей-то невидимой рукой. Снаружи двери раздались два лёгких удара в пол... Через минуту они повторились.

Как скоро сознание покинуло несчастного Михаила Захаровича, так же скоро оно к нему и возвратилось, хотя уже в несколько изменённом виде. Ему вдруг стала понятна, почти очевидна прежде невидимая жизнь вокруг него. Он сразу понял, что окружён духами, и даже почему-то вдруг узнал, что дух, желавший общения с ним и уведомлявший его об этом через стуки и сотрясения дверной ручки, есть дух ни кого другого, как философа Платона, сочинения которого он ещё вчера тревожил.

Сознавая, что надо действовать, быстро поднялся Михаил Захарович со стула... комната и всё окружающее исчезли для него – он сам стал почти духом... и со словами: «Дух Платона великий...» - сильно распахнул дверь в коридор. Грохот раздался, что-то шумно прокатилось по полу... послышалось: «Сумасшедший вы человек! Нешто я Платон, я Пётра. Чем ручку дочищу? – Порошок рассыпали».

Н.К. Рерих.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/48. лл. 5 -8. [1895]

*****

Из студенческого дневника Н.К. Рериха

25 марта 1895 г.

25. Ш. Григорий Триф. настоятельно просил выполнить мою мысль относительно малорос. вечера, т.е. сочинить и нарисовать программу в 3½ аршина.

Во вторник, т.е. через 2 дня думаю держать систему римского права; не знаю, поспею ли? Слухи относительно академического экзамена ходят самые волшебные, будто бы опять попрут многих вон, будто уже теперь 27 человек предназначены к выставке heraus. Илья Ефимович словно бы не ладит со всем советом. Маковский до безобразия протезирует одним Москвичам, а остальных чуть что, пугает фразой: “вы можете испортить свою карьеру, если только я и т. д.” Вот видите, какой карьерист выискался.

Антокольский Марк Матвеич, между прочим, говорит, что должно быть новая Академия распадётся, или если и останется кто, то это Куинджи. Любопытно говорят натурщики про него.

- “На экзаменах-то А. И., конечно, кричит больше всех, ну да известно, его мало слушают. Граф говорит, а уже этот опять шумит”.

27 марта 1895 г.

27. Ш. Сдал Догму. Устал страшно. Головная боль.

*****

27 марта 1895 г.

Письмо Секретаря редакции газеты «Новости» к Рериху Н.К.

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «Н О В О С Т И»

С-ПЕТЕРБУРГ,

Екатерининский кан., д. №113

Милостивый Государь, Николай Константинович!

По поручению редакции, имею честь возвратить Вам рукопись в виду того, что в <отделах> редакции много оплаченных уже произведений.

Секретарь (*подпись*)

27/III 95

Отдел рукописей ГТГ ф.44/1078, 1 л.

*****

29 марта 1895 г.

29. Ш. Сейчас получил из Боснии. Страшно хвалят снимок и благодарят за рассказ, по-ихнему новеллу. Вот чудачки!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/10, 4 л.

АПРЕЛЬ 1895 г.

Из студенческого дневника Н. Рериха:

1 апреля 1895 г.

95. 1.IY. Сегодня к заутрене. Сегодня все хлопочут, торопятся, а я целый день сижу за журналами. Благодаря первому числу их нанесли такую массу, что еле-еле справился пересмотреть. Царь Небесный, какая масса пасхальных рассказов, и как все они однообразны и не оригинальны, а, в общем, большинство читаются, некоторые, даже довольно легко. Во всяком случае, они достигают свою цель, т. е. за ними можно провести время до заутрени, но не больше... а после разговляться.

По меньшей мере, в 6 рассказах встречалось мне место подобное “она родилась не среди такой нужды, в какой жила теперь. Её родители были богаты и любили её”., но появился он, и она очутилась в нищете. А ведь это уже писалось тысячи раз на миллионы ладов. По-видимому, теперь при таких задачах уже трудно отыскать (конечно, торопят) что-либо оригинальное, не избитое.

На днях издатель мне говорит, вы все господа художники вечно даёте такой материал, который никому кроме вас не интересен (это намекал на истор. жанр мой). Видите, сладкий какой! Сам платит по 2 двугривенных за рисунок, да ещё хочет темы навязывать, т. е. отнять у художника последнюю искру – работы на свою тему.

Заполье требует извещения, хочу ли я возобновить охотничий контракт – конечно хочу. Только смотри, если пойдёшь на, скажем, на Волосово станцию давать телеграмму, и вдруг останешься на поле собирать и изучать цветы. Конечно, занятия ботаникой полезны, но от этого разве не пострадает своевременная отправка телеграммы. Если хочешь, изучай цветы по дороге, идучи по главному делу, но не забывай первоначальной цели. Иначе все труды твои будут непроизводительны. А знаешь, какую телеграмму мы все идём подавать? Какую? - - “А о высылке лошадей, чтобы везти нас на кладбище”. - “Правда, все только и спешат дойти скорей подать эту телеграмму”. - И уже каких только мер для ускорения этого не предпринимают”.

Как бы только он не увлётся разработкой своего вопроса, в сущности, дело симпатичное (хотя я других взглядов), только выйдет ли толк, надо с другого начинать борьбу. Он говорит, будем бороться против этого зла. Я и сам об этом думал уже давно. Только как бы нам не начать сражения с мельницами.

Интересный анекдот настоящей минуты. Два студента вслух говорят: “а царь-то дурак”. Городовой хватает и тащит их. Они оправдываются, “да что ты – мы не про нашего”. - “Нет, шалишь, коли дурак – так наш”.

Раз Матэ стал спорить с Репиным о рисунке. Илья Ефимович обиделся, растянулся на столе, и говорит: «не хочу больше экзаменовать, устал...»

Для виньетки на программу Шевченковского вечера я предложил 3 редакции: 1. портрет Т.Г. 2. Малорос. пейзаж, а 3. Запорожец пьёт тост за Славу и всех Христиан, что живут на Божьем свете из Тараса Бульбы Гоголя. Мысль последней виньетки гораздо шире 2-х первых и должна быть по вкусу малорос-сам.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/10.

9 апреля 1895 г.

9.IY. Хочется на охоту, а бисова весна нейде, да и только.

11 апреля 1895 г.

11.IY. Прибежал Андрей и сообщил что мне I разряд № 1 за эскиз. За эскизы собственно номеров не ставят, но тут Маковский выдумал номера, чтобы отметить мой эскиз от других. Чёрт возьми! А?

14 апреля 1895 г.

14.IY. Познакомился с Эммануилом Владимировичем Соломирским*), удивительный субъект – психопатичный, но и талантливый. Многие из его стихотворений мне понравились ~~ужасно~~. В духе А. Толстого. Сразу перешли на «ты».

Ездил в Извару – ещё снегу много, охоты нет. Тетерева поют плохо, - вальдшнепы не тянут. К русскому праву отношусь флегматично, словно бы и не мне держать. Скалон отложил экзамены (8 штук).

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/10.

*****

*)Из воспоминаний Н.К. Рериха: «Вот уцелевшая памятка – послание Соломирского, писанное в Изваре в 1895 г. – назад тому полвека:

Художник юный славен будешь,
Тебе пророчу я успех.
Своею кистью ты пробудишь
Любовь и мужество у всех.

Ты нам представь же, как, бывало,
Сражалась рать – богатыри,
И как молитвой и казною
Спасали Русь монастыри.

И как смирением народным
Мы иго вынесли татар,
И, как душою потрясённый,
Узрел наш враг Москвы пожар.

Ты нам представь героев славных,
Оборонивших жизнью Русь.
Подвижника заветы помни.
Судить я дальше не берусь.

Меня, художник, ты забудешь,
Пылая в творческих трудах.
Но сохрани ты прорицанье –
в Изварских писано лесах.

Соломирский (Извара, 1895.)

Н.К. Рерих. «Давно». 29.01.1946.

*****

Н.К. Рерих. Иллюстрация в журнале «Нада».
(1896, № 4, 3(15) фев.)

24 апреля 1895 г.

Из студенческого дневника Н. Рериха:

24. IV. Был на охоте. Славно провёл 3 ночи в лесу. Тетер[евиный] ток хороший. Тяга ещё начинается. Чуть не убил медведя – немного далеко был. Не ожидал я от себя такой прыти. Иван кричит: «Барин, постойте». А я бегу за медведем, но он всё же удрал.

Приехал в город и опять погружаюсь в сферу экзаменов. Всё о картине думаю, очень трудно так раздваиваться, жить на 2 хозяйства (Универ. и Академ.). Право, (Унив.) слабо. Мне кажется, этот экзамен я пропру, первый [раз] в жизни пропру. Это сглазил кто-нибудь, недаром тут говорили про меня, что: удивительный человек, ему всё впрок идёт...

МАЙ

Из студенческого дневника Н. Рериха:

3 мая 1895 г.

З.У. Пропёр Латкин.

4 мая 1895 г.

4.У. Сперва был огорчён провалом – теперь опять бодр. По точном исследовании оказалось, что и провал к лучшему. Коркунова отложу. Сергей Александр. “непременно”, - говорит, “сходите к Стасову от моего имени”, - и я непременно пойду. Сегодня был Алексей Иванов[ич], очень хвалил мои эскизы, говорит, что за эту зиму я в красках больше успел чем в рисунке, и это его очень радует, хвалил мои проекты относительно Ивана Царевича.

8-го пойду передерживать Латкина, авось не съест меня эта дохлая кикимора.

(Сердцебиение эти дни сильное).

Приходил Скалон и говорит, что он теперь на досуге занимается исследованием своего любимого вопроса. Так что уже познакомился с одной «падшим созданием» и будто наставил её на путь истины». Только надолго ли? Думает познакомиться с целым заведением и там продолжать свою плодотворную деятельность. Я ему говорю, что будет ли это полезно для главного дела нашего – искусства». Он говорит, будет. Ну, говорю я, только смотри, если пойдёшь на, скажем, на Бологово станцию давать телеграмму, и вдруг останешься на поле собирать и изучать цветы. Конечно, занятия ботаникой полезны, но от этого разве не пострадает своевременная отправка телеграммы. Если хочешь, изучай цветы по дороге, ждут по главному делу, но не забывай первоначальной цели. Иначе все труды твои будут непроизводительны. А знаешь, какую телеграмму мы все идём подавать? Какую? - «А о высылке лошадей, чтобы везти нас на кладбище». – Правда, все только и спешат дойти скорей подать эту телеграмму, - и уже каких только мер для ускорения этого не предпринимают». Как бы только он не увлётся разработкой своего вопроса, в сущности, дело симпатичное (хотя я других взглядов) только выйдет ли толк, надо и другую начинать борьбу. Только как бы нам не начать сражаться с мельницами.

Интересный анекдот наставшей минуты. Два студента вслух говорят: «А царь-то дурак». Городовой хватает и тащит их. Они оправдываются: «Да что ты – мы не про нашего».- «Нет, шалишь – коли дурак – так наш».

6 мая 1895 г.

6.У. Получил письмо из Нады – очень всем довольны. Гонорарные условия довольно подходящи.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/10.

*****

7 мая 1895 г. СПб.

Письмо Н.К. Рериха в Боснийское издание «Нада».

Милостивый Государь!

Получив Ваше любезное письмо, спешу Вам ответить на него.

Гонорарные условия мне, в общем, подходят, и мне приятно будет, если, как Вы пишете, примете на себя и почтовые расходы, которые возникают особенно при посылках оригинальных рисунков, требующих тщательной упаковки.

Снимок с моей последней картины Вам не высылаю, потому что недоволен фотографией, многие детали не передалась.

Теперь я пришлю Вам какой-нибудь оригинальный рисунок. Я его сделаю специально для «Нады» и позволю себе посвятить Вам, в память нашего, хотя и заочного, знакомства.

За это время не обещаю многих посылок, так как занят разработкой одной довольно большой картины.

И во всех посылках я думаю проводить одну цель, а именно: знакомить Ваших многоуважаемых читателей, с русской жизнью в разных её видах и периодах.

Оттиск «Стрельца» я нахожу удовлетворительным, да вообще от чистого сердца могу сказать Вам комплименты относительно высокого уровня репродукций рисунков, которые я видал в «Наде» у А. Липовского.

Надеюсь, вы будете высылать мне Наду, чтобы следить за художественной стороной, так как, за незнанием языка, я лишён возможности читать текст.

Ещё раз благодарю Вас за письмо. И отвечаю согласием на Ваши предложения.

Преданный и к услугам готовый

Николай Рерих

СПб. 7/V 95.

С. Петербург. Вас. Остр. Университ. Наб. 25.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/110. 2 л.

*****

Из студенческого дневника Н.К. Рериха:

7 мая 1895 г.

7.У. Господи! Завтра наверно провалюсь. Ничего в голову нейдёт. Совсем мысли другие. А надо бы выдержать, не то многие планы рушатся. Господи помилуй!

9 мая 1895 г.

9.У. От Латкина блистательно отделался. Теперь в Изваре, как хорошо! – Чудо! Соловьи поют! Воздух!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/10.

*****

18 мая 1895 г.

Прошение Рериха Н.К. на имя Ректора Императорского С.Пб. Университета.

Его Превосходительству Господину Ректору
Императорского С.Петербургского Университета.

Студента Юридического Факультета IV семестра Николая Константиновича Рериха.

ПРОШЕНИЕ.

Вследствие болезни, в чём и прилагаю при сём свидетельство доктора Вяжлинского, имею честь просить Ваше Превосходительство отсрочить мне экзамен по Государственному праву. (Все другие экзамены мною уже сданы).

Николай Рерих

1895 года Мая 18 дня.

Жительство имею: Васильевский Остров, Университетская набережная, № 25.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/126, 1 л.

*****

Из студенческого дневника Н. Рериха:

20 мая 1895 г.

20. У. За книги опять братья. Проклятый Коркунов не откладывает ни за что экзамена. До чего мне хочется для себя писать пером и кистью! Господи помоги! Знай я это, не стал бы статистику сдавать – лучше бы Коркун. сдать – и Иван Царевич не может подвигаться – и Воропанов на Урал уедет, не с кого писать будет. Всё пропадает. Ой, как хочется этюд хоть какой-нибудь написать. А готовиться всего можно до 27-го, всё кроме Коркунова забыть надо.

21 мая 1895 г.

21. У. Второе письмо из “Нады” – как там мною довольны. Накануне отъезда встречается Кившенко – и вдруг останавливается – «как хороша ваша последняя вещь, очень приятно, что вы работаете по этому жанру, Успех!» Слава Богу, меня заметили, и заметили именно в том отношении, в каком мне особенно приятно. Таким образом, Академия моя высоко, а Университет не того.

28 мая 1895 г.

28. У. Коркунова сбыл – слава Создателю. Окончательно доказал, что можно совмещать Университет с Академией. Теперь одна забота, как-то Иван Царевич удастся? Эх, кабы на холсте он вышел также хорошо, как в голове.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/10.

*****

28 мая 1895 г.

Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

Извара 28 /V 95.

Дорогой друг! Поздравь меня – понатужился и сдал все экзамены. Теперь свободен и могу работать. Пока писать нечего. Пиши о себе – жду.

Пиши в Извару. Балтийской жел. дор. Станция Волосово.

Твой *Николай Рерих*

*****

Н.К. Рерих. **Богатырь**. 1895. Оригинальный рисунок.
Звезда. 1895. 28 мая. № 22.

ИЮНЬ

2 июня 1895 г.

Письмо А. Скалона к Рериху Н.К.

Московско-Курская жд. Пахомово. Железня
2-е Июня 1895 года.

Дорогой друг, хотя я сейчас и нахожусь в положении того сыра, который, (неизвестно для чего), катается в масле, а всё-таки я <один и о...>. Ужас как мне без Тебя скучно стало, наконец. Я это объясняю тем, что мы последний месяц мало виделись. А ведь моё охлаждение, как ты знаешь, было с моей стороны насильственное.

Недавно мне крайне прискорбно было узнать точнее, из-за чего вся штука вышла: из-за того, что я стал жить на отдельной квартире. Мать Твоя, которую я так любил и уважал, что родные мои просто изумлялись, когда я говорил об ней (а ты знаешь, что я мало хвалю), подумала обо мне, что я совершил какую-нибудь гнусность и потому живу отдельно. Подобное недоверие очень меня огорчает. Не она ли сама говорила Тебе, что я, по её мнению, являюсь Тебе настоящим другом? И вдруг, совершенно незаслуженно, такое подозрение. Очень, очень горько. Надеюсь, что Твой «папа», по выражению Микешина, не разделяет её взглядов. А то ведь тут просто какое-то противоречие. Ты видел, как меня принимали в Изваре – как в родном доме.

Неужели Твои родители могли принимать так человека, которому не доверяли. Конечно, раз отношения испортились, их не поправишь, но, во всяком случае, мне крайне грустно, что из-за чего-то непонятного происходит разрыв с людьми, которых я искренне любил и уважал.

Сказанное Тебя не касается. Мы оба люди взрослые, и я вполне имею право питать к Тебе те же чувства, которые между нами произвели такое сближение, и которые теперь уже поздно заглушать. ----- Оправдываться в подозрениях, о которых я говорю, я не стану. А была ли тому причина, пусть узнают у моих родителей и людей, которые меня знают давно и привыкли считать за порядочного человека.

Твой Александр Скалон

Страшно подумать, что через месяц ровнёхонько мне стукнет двадцать один год! Я, значит, делаюсь совершеннолетним. Интересно, какие изменения это внесёт в мою жизнь. Я знаю только, что уже теперь, <> и много о чём пере-думал, и в моём «Дон Кихоте», вероятно, будет менее донкихотства, чем было бы две недели тому назад.

АС.

Пиши почаще, и если Тебе всё равно, пиши Тиличеево; я Тебе, кажется, неверно написал Те.

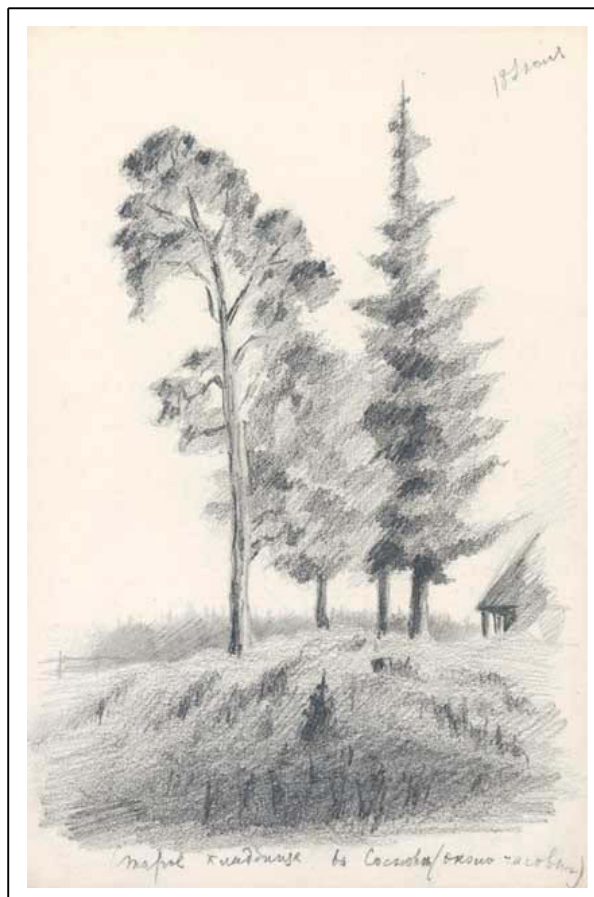
Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1301, 2 л.

1895 г. Н.К. Рерих в своей мастерской в Изваре.

**«БЫЛЬЁМ ПОРОСЛО»
Этюд Рериха**

«Не рассказ, а фабула для рассказа. Дворовый – убийца своей барыни - не исповедь. Автор не создал ни обстановку того времени, ни историчности...» (ОР ГТГ, ф. 44/39, л. 52).

Н.К. Рерих. **Старое кладбище в Сосново (около часовни)**. 1895. 18 июня.

3 июня 1895 г.

**ИЗ БЫЛОГО
[ПОМЕЩИЦА]**

Несколько лет тому назад довелось мне быть на N-ском сельском кладбище. Пожалуй, редко найдётся человек, кто бы не любил бродить промеж обросших мхом крестов и зелёных от времени плит. Чем старее кладбище, тем с большим удовольствием вглядываешься в этих молчаливых свидетелей минувшего, даже не нашедшего места среди местных летописей. Невольно останавливаешься перед вросшим в землю грубо вытесанным из камня крестом с какими[-то] полу-истёртыми заметками; что там хотели начертать? Чью это память хотела запечатлеть близкая рука? А крест угрюмо похилился над могилой, сосредоточенно уставился в землю - бережёт, сторожит кого ему поручи-

ли. Или из-под корня высунется словно обглоданный угол плиты - ни подписи, ни метки на ней - медленно засасывает земля её в свои недра, а плита, словно утопающий, судорожно рвётся наверх - напомнить о своём присутствии.

Н-ское кладбище очень старое; по словам предания, оно ведёт своё начало со времени Петра I, после одной из битв со Шведами, поставившего тут собственноручно крест; так что с невольным трепетом ходил я по месту, приютившему столько поколений. Иногда между могильными холмиками попадают и кости.

- «Что, никак скоро переполнится ваше кладбище?» - спросил я моего путника, церковного старосту Н-ской церкви, очень, даже можно сказать, слишком, благообразного, седовласого мужика.

- «Не скоро, а уж давно оно у нас переполнилось. Теперя, почитай, при каждой новой могиле всё на кости натыкаемся. Да ведь и то сказать, это, значит, уже, куда за сотню годов те...», - и почтенный старожил углублялся в археологию этой местности.

- «Так чего же нового места не отведут?»

- «Да известно, давно бы пора хлопотать-то, да вить каждому охота с своими лежать, с отцами значит.

Не так далеко от маленькой деревянной церкви, с облупившейся краской и покосившимся крестом на кургузой убогой колоколенке, я остановился на небольшом плохо поросшим травую бугорке.

- «А ведь это тоже, пожалуй, могила?»

- «Как же-с; даже очень известная у нас могила. Ещё не так давно помер старик, что в фолейторах у этой барыни был. Здеся наша Изжаровская бывшая барыня положена-с», - пояснил староста.

- «Что же это так? Кажется, Изжарово поместье большое, а над помещицей даже и креста нет?»

- «Как не большое поместье Изжарово, наше поместье первейшее по окрестности. Да такое, вишь, с ней обстоятельство вышло».

Я большой охотник послушать отголоски нашей помещицей старины и староста, увидя моё желание узнать обстоятельство с Изжаровской помещицей, поделился со мной следующим:

- «Теперь вот её никто не помнит, а не то было десятков шесть лет назад. Все знали Софью Ивановну Райскую. Только мало кто с добра знал её - жестокая, можно сказать, была госпожа. Этак утром примерно: выходит на работы смотреть, а за ней Фомка камердин, палочек ивовых пучок тащит. Чуть где не так что - сейчас за палочку, да порцию и отпустит своею рукою, это пока палочка не сломится. Ну, другой раз уж знают, где не крепко, так уж к Фомке на поклон с гостинцем, чтобы палочка скорее сломалась. А коли доглядит Софья Ивановна, что это подстроено, значит, то и Фому Яковлевича окрестит по-своему барской рукою, а ручка-то тяжёленькая, правду сказать, была. Я-то ещё совсем малышом чуточку её помню, а и мне раз вихор выдрала - к крестной во двор пришёл, ну а она и углядела, откуда мальчонок; да-а!

...В замужестве Софья Ивановна не состояли; уж не могу сказать почему; в молодости-то из себя они совсем ничего были, такие рослые, добрые. Так говорят», - продолжал староста, по старой привычке понизив голос, - «что за кого хотели по папенькиной, значит, воле идти не могли, а за другого сами не пожелали.

Вот сами-то в замужестве они не были, а других женить куда охочи были. Первое их, значит, удовольствие - в Мае крестьян своих женить, в Мае зато, что пословица говорит: кто в Мае женится, всю жизнь ему маяться. Самое это занятие их можно сказать и в гроб свело. Мне это не один раз старик говаривал, что у них мальчонкой ещё в фалеторах был - он любил рассказать. А не то расскажет, как его, бывало, к седлу привяжут, чтобы не свалился коли умается, да и скачи впереди и кричи, пока все духи вон, а не то кнутиком кучер.

Так вот, это, в Мае Софья Ивановна и собирает к барскому дому сперва парней и шапки у них отбирает, кто получше и повиднее - так по правую руку шапку, кто похуже, неказистее - по левую. Потом, значит, девок погонят к хоромам. Вот она отберёт опять-таки покрасивей и складнее и даёт им шапки, что по левую сторону выбирать; а кто похуже, значит, той по правую. Чья кому шапка вынется, тот той и жених. Потом соберёт их парами; ну, известно, и выходит, что с красивой самой худенькой парнюга стоит; а видный [рослый] рыжий детина такой дурнюче придётся, что смотреть жалость. А Софья Ивановна стоит и за бока держится, вот так пара, ха, ха, ха. Перед домом стон стоном стоит. Не то что девки - парни ревмя ревут. А ну, поцелуйтесь, кричит Софья Ивановна - и целуются наречённые - не смеют послушаться. И вот так, почитай, каждый год промышляла, то из одной вотчины, то из другой. Бывало, что не снести горя какой девке, али парню, и начнёт она барыню при всех пенять и корить её.

Но и на это у Софьи Ивановны уже своё положенное было. Сейчас: «Ты, голубушка, не довольна, да где ж тебе красавице за таким охломом быть, небось и поцеловаться-то твои уста сахарные брезгуют, ну да я вас помирю - растопите-ка воску». Ну, дворня уже знала и тащит ей тазик распущенного воску. «А ну милая, подойди сюда, Фомка, Семён, держите её» - и на голову и выльет кипячёный воск. И на парней острастка была - усы и бороду смолить велит. То-то горе, то-то печаль. И что с того народу погибло; другой поглядит, поглядит как его суженую с другим с корявым к венцу ведут - да и хлоп в воду, али на дерево. И точно приятность ей, коли самой не пришлось счастья испытать, так другие жизни губит. Из того кончательно-то только общество соромилось.

Был у этой самой Софьи Ивановны барыни повар Иван Прокофьевич - любимый человек, да и не мудрено - всю поварскую науку он, во как произошёл, а барыня покушать любила, ну, Иван всегда и в милости. Вечером завсегда к барыне является - и с ним по боле часу об кушанье говорят. Был Иван человек уже не молодой - пятый десяток пошёл. В бороде и седина прикинулась. Этак, как сказать, молитвенный был человек, особливо последнее время всё о божественном думал - чуть с кухни долой - сейчас за чтение душеспасительное, а и в кухне тоже больше молитвы напевает. Как-то раз горничная любимая, что барыню всегда убирала, назвала его пустословом, кажись, а он её тварью растлевающей окрестил, и правду, от нея, от этой девки, много зла на дворе шло. Как вечером госпожу убирает, и ну, болтать, на всякого набрешет, а те потом спины приготавливай.

С той поры невзлюбила она Ивана, всё досадить ему хотелось. Только раз за обедом открывает барыня миску - а там слепень в супе плавает. Вскипела барыня - подать Ивана, да за свою палочку - Иван говорит: «виноват - не доглядел, должно быть, по дороге из кухни подбросил кто», - а она его пуще, «да все тебя обижают, святого, кому какая охота подбрасывать». Только эта девка горничная, стоит за стулом и, ну, спрашивает: «отпустите, матушка барыня,

Ивана, не тревожьте себя перед кушаньем – потом ему какое наказание положите, чтобы лучше смотрел». Барыня отпустила Ивана, и вечером с ним не стала о кушанье говорить. Только девка-то когда раздевала барыню и говорит: «что наказывать Ивана - он человек смирный, а лучше, госпожа милостивая, жените его, он не так о церковном заботиться будет и вам лучше, послужит».

Попала, значит, в любимый предмет барский. Барыня и схватилась: «да, да, вот молодец придумала - непременно женю», - очень уж обрадовалась любимому случаю. Да кого же бы выдать за него? А девка всё нашёптывает: «чтобы уж истинно доброе дело сделать, знаете, может девку Настаську - известно, блудящая девка, да Иван Яковлевич [Прокофьич ?] человек Божественный, он её на путь наставит - душу её спасет, да ему наказание будет, за чем вашу милость обеспокоил».

Уговорила, умея, барыню. На другое утро позвала барыня Ивана и говорит: «чтобы ты лучше смотрел да делал и о церкви не думал, хочу я тебя женить. А чтобы и душе твоей было спасенье, дам за тебя девку Настаську, направь её на путь».

Иван побледнел, что твой холст и - бух в ноги: «простите матушка - какое угодно наказание положьте, а от этого избавьте. Я завет положил в браке не жить». - Валяется в ногах, головой об пол стучит. Барыня осердилась: «ещё какой указчик явился, какое наказание хочу, то и положу. С глаз моих долой, что сказала, то и будет – послезавтра к венцу».

Иван встал и ушёл. Целый день барыня была не по себе - уж не простить ли его? Спрашивает она горничную. Но та сумела настоять на своём. «Что вы сударыня! Да он такую волю возьмёт тогда - подумает его слушаются» - так уговорила Софью Ивановну.

Вечеру пришли доложить, что Иван - Христом Богом просит пустить его до барыни. Барыня допустила его. Вошёл он бледный, даже сгорбил как-то, и как взглянет на барыню - так уже на что Софья Ивановна не робкого десятка была, а и той жутко стало. Стукнул он в пол: «Пощади, говорит, госпожа милостивая, Христа ради. Не губи души моей», - и опять в ноги. Барыня молчит, слова промолвить не может, - отвечает за неё горничная девка: «что ты Иван? Нешто, думаешь, изменит госпожа своему слову - видано ли это?» И барыня поддакнула: «да, да», - только тихо и боязно сказала, чудно ей и страшно смотреть на Ивана. И сердце знать не доброе чует. Иван ещё раз стукнул лбом в пол: «в последний раз Богом заклинаю, прости». - Молчит барыня. - «Не вводи в грех».

Ни слова барыня, да и девка примолкла, - жутко всем. Ну, не хочет, как хочет – видно, на то воля Господня. Поднялся Иван с полу, подошёл к двери, да так глянул на барыню, что та чуть с кресла не скатилась и ушёл.

На послезавтра к вечеру назначили свадьбу. Иван опять на деле - тихой такой, знать, смирился. Другой день спокойно прошёл - все словно забыли об этом деле, да и напомнить всякий боится. Со второго на третий день Иван не ложился спать, - в молитве провёл всю ночь, а утром раненько ушёл из дома - и сказал прикащику: «пойду в село, платочек невесте куплю. И ушёл. Сам даже просветлел как-то. Барыне сейчас доложили, что Иван успокоился и к венцу готовится. Всё шло спокойно, поднялась с постели Софья Ивановна и пошла, как всегда, на утренний обход свой; и камердинер за ней с палочками. Зашла она в огород - расправилась, а потом на гумно отправилась.

В Изжарове, может изволите знать, гумно в отдельности стоит за рощицей этакой, небольшоенькой. Дорога туда канавная по краям брединой заросла. Денёк выдался - красный такой. Воздух промеж рощ - смолистый такой, ядрёный - идёт Софья Ивановна - пташек слушает, палочкой помахивает - улыбается, знать, весело ей. Вдруг: «плюх!» - из кустов. Как стояла Софья Ивановна, так и рухнула на земь. Выходит из кустов Иван - и ружьишко с ним одноствольное - дым из ствола. Подошёл к барыне, перекрестил её и пошёл по дороге, из лица светлый, сам стройный, высокий идёт - и псалмы поёт.

А камердин стоит тут же и дохнуть не смеет на Ивана глядеть. Иван прямо пошёл к прикащику, велел народ послать за барыней и за становым скакать - сам всё и рассказал.

Принесли Софью Ивановну домой - ожила она немного - да только на мученье. Стрелял-то Иван, вишь, рублеными гвоздями, и попал прямо в живот: всю внутренность, значит, и разворотило. Господи, прости покойницу, так до смерти она и не смирилась - даже настоятеля здешнего до себя не допустила - перевязали её кое-как. Лежит и проклинает Ивана, всё грозит: «вот выздоровлю, засеку, сгною». Так о смерти и не подумала.

Приехал становой - ключница спрашивает барыню по заведённой привычке, можно ли ему поесть дать. «Дай ему снятой простокваши, пусть лакает», - кричит Софья Ивановна. Всего с полсуток промучилась, всё стонала, кричала - так с проклятием во рту и Богу душу отдала. - Да только не примет он её, пожалуй. Нераскаянная она грешница. «Отпусти ей, Создатель Благий», - закрестился староста.

Похоронили её. На похороны, почитай, никто и не пришёл. Ну, наследники приехали, думали, мраморный монумент кто поставит покойнице, только думали, думали, да продали Изжарово и сами уехали. Все отвернулись от покойницы - сильно Господа прогневила.

Недавно я опять был на N-ском кладбище. Деревянная церковь года 3 как сгорела. Строили большую каменную. Несмотря на совершенное переполнение кладбища. О новом месте ещё не думали. С постройкой церкви кладбище страшно загадили. Много деревьев понадобилось вырубить, - свежие кусты и жирная трава далеко около будущего храма погибли под кирпичом, известью и песком. Могилы, мешавшие работе, были уничтожены.

Я высказал мое удивление по поводу уничтожения могил отцу настоятелю, маленькому попику.

- «Что же будете делать. Не расширить города, не стеснив посада», - затараторил иерей. - Зато храм-то какой будет, там и за покойничков помолимся».

Сколько не искал я бугорка, где покоилась жестокая помещица - не мог найти, он исчез навсегда под осколками кирпича и песка.

Даже и могила Софьи Ивановны Райской отошла в область предания.

3/VI 95 Извара

Помещица. Послана 11 Июня 95.

(Набросок карандашом: Кладбище)

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/87, л. 23, 24, 17, 18, 25 об., 25.

ИЗБАВЛЕНИЕ

(Этюд)

- Что тебе ещё?

- Да вот, я в рассуждении, что кривел не стоит метать в стаи-то – работа одна, потому он, почитай, весь сгнил – прокиснул-с, значит, - доложил староста Тимофей, или как он подписывался, Етимофей Ильин, своему барину Павлу Степановичу Уральцеву.

- А, чтоб тебе и с клевером прокиснуть!

- Оно конечно, воля ваша, а всячески... - но старосте не пришлось пояснить, в чём воля помещика его патрона, Павел Степанович перебил его.

Не удивляйтесь, что помещик советовал своему старосте прокиснуть – то же самое, в данное время, он пожелал бы и всему своему большому поместью Изжарово. Вот уже 4 месяца, как третьим словом Уральцева стало: «Господи, избавь от имения! И внукам и правнукам закажу эту петлю на шею одевать. Кабы вместо 2000 десятин лежало бы у меня 200.000 рублей! Смилуйся Владыко!».

Со стороны можно подумать, что Павел Степанович гуляка и кутила – потому так стремится обратить землю в наличные деньги, но если бы вы знали этого помещика поближе, то подобное предположение уж никак не могло бы появиться.

Павел Степанович Уральцев, тишайший и серьёзнейший из смертных, вечно погружённый в книги и рукописи, нежданно-негаданно был посещён Божьей милостью: не то дядюшка, не то тетушка, толком не знаю, завещали ему поместье, в ту пору отданное в аренду и приносившее 5000 дохода.

Я только что сказал, что Павел Степанович был посещён Божьей милостью, но должен оговориться, вернее, это было бесовское наваждение.

Наряду с его научными фолиантами стали на столе появляться "мукомольные мельницы", "искусственные удобрения", "руководство к разведению свиней" и другие сельскохозяйственные книги. Товарищи сперва подтрунили над ним, наконец, когда на все расспросы он ограничивался молчанием, прибавили к его эпитетам ещё "дикого помещика".

Спустя год появление указанных книг на столе Уральцева вполне объяснилось – в этом году истек срок контракта по аренде Изжарова, и Павел Стапанович, найдя случай избавления от арендатора, покончил свои городские дела, сложил в ящик свою библиотеку и принял схиму – уехал в именье.

На первых же порах ему пришлось убедиться, что без управляющего он не может обойтись. Исходя из положения, что если работники русские, то надо управляющего немца или чухонца, и наоборот, он неукоснительно выписывал остзейских немцев, которых у него в течение 2-х лет и переменялось более 10 человек. Сам он, собственно говоря, мало занимался управлением и ограничивался только высшею властью. С трудом познакомившись с 2-мя, тремя соседями, любил говорить: "мы – помещики" и "труженики земли" и подобное. Но его работа состояла, большею частью только в консервировании краж его управляющих и в приискивании новых.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/53, л. 7. [1890-е гг.]

6 июня 18[95] г.

Письмо Л. Антокольского к Н.К. Рериху

Вильна 6 Июня.

Дорогой друг мой Николай Константин!

Спасибо тебе, голубчик за письмо, которым ты меня известил о благополучном окончании твоих экзаменов - поздравляю тебя от всей души и желаю теперь исполнения твоего заветного желания - выполнить Ивана Царевича. Советую тебе предварительно хорошенько отдохнуть и погулять, а затем, набравши сил, приступить к работе.

О себе могу только сообщить, что я только вчерашнего дня совершенно покончил с портретом Государя и получил деньги, с чем прошу тебя меня поздравить. Теперь я так отдохнул за эти 12 дней, что я здесь, что могу немедленно приступить за работу. Живу на даче в прелестной гористой местности среди соснового леса. Жду от тебя подробного письма и, во всяком случае, когда выедете в Гапсаль, прошу мне сообщить адрес. Федоровичу я ещё не написал, жду обещанного материала. Нет ли у тебя от него писем и известий о Скалоне?

Я тороплюсь на почту, а потому извини, пожалуйста, за краткость. Прошу тебя передать мои сердечные поклоны твоим родителям, сестре и братьям и принять поздравление и пожелание всего хорошего от моих родителей и Данишевского, котор. теперь в Вильне.

Твой вечно преданный тебе

Леон Антокольский

Жду от тебя писем. Адрес мой тот же.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/573, 1 л.

*****

11 июня 1895 г.

Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

Извара 11/VI 95.

Дорогой друг! Спасибо за письмо. От души и сердца поздравляю Тебя с окончанием такого скучного портрета. Живу я помаленьку в Изваре и чувствую себя ещё немного усталым. Да ведь не шутка – 800 нечитанных, коркуновского трудного слога страниц усвоить в 5 дней.

Когда получил Твоё письмо, со мною был один гостящий у меня приятель – мы были верхом и он, вообрази, упал вместе с лошадьёю. Ужасно неприятная картина.

Много слепней и комаров на улице, этюдов нельзя писать, придётся их отложить до половины июля, когда насекомые пропадут.

Мой заветный Иван Царевич в голове совсем уложился, теперь остаётся приступить к делу, что я на днях и устрою.

От Скалона получил письмо, пишет, что живётся ему хорошо.

От Федоровича писем теперь не получал и жду со дня на день ответа на одно своё.

Поклонись, друже, от меня Данишевскому. Кажется, симпатичный он очень человек. За это время написал я 2 этюда, сочинил 1 эскиз и написал рас-

сказ – надо его обработать. В Дневник ничего не внёс, хотя было кое-что интересное. Много интересного я надумал об искусстве за это время, но это все вещи длинные, об них писать нельзя, это всё на словах надо. Вообще я замечаю, что, благодаренье Богу, мои взгляды на искусство прояснились и выработалось совсем нечто оригинальное. Уж не знаю, хорошее или худое, но всё же своё.

Вот я с 1891 года занимаюсь рисованием, а только теперь установилось своё и явилось своё воззрение. А то всё было подражательное. 4 года потребовалось для выработки своего. Впрочем, говорят, что многим не 4 года, а 6 и 10 нужно, чтобы освободиться от влияния, заговорить своими словами; хоть худыми, да своими.

Боюсь начинать Ивана Царевича. А ну, как на деле это выйдет гораздо хуже, чем теперь в моём представлении. Только это почти всегда так бывает. Познакомился я тут с народными представлениями о Иване Царевиче и о сказках. Ведь это не что иное, как весенний луч, проникающий в царство смерти и зимы, чтобы освободить красавицу – лето. Чудная это вещь – эпическая поэзия. Совсем она меня в полон забрала.

Пиши часто, голубчик, пиши. С наслаждением читаю Твои письма.

Твой *Николай*

Мой заочный поклон твоим родителям.

*****

[Июнь 1895 г.]

Письмо А.Скалона к Н.К. Рериху [фрагмент письма]

Много старинных вещей, как русского, так и иноземного производства. Между прочим, старинный кувшин, пожалуй, ещё допетровского времени или времён Петра, не позже. В картине Маковского «Боярин» (прилож. Невы 2-й альбом) есть такой кувшин. Есть один экземпляр в Грановитой Палате в Москве, а другой здесь. Может быть, больше и нет во всей России. Натурально написал, и вышло очень удачно. Какой-то зелёный змий (кувшин для мёда) Изображ. ручки, какие рожи, диво, очень, очень интересно.

Ну да, словом, увидишь всё; поработал хорошо. Есть что показать профессионалам. Серьёзная же вещь только одна, но она лучше всего, что я когда-либо написал - Дон Кихот. Да я был Дон Кихотом и не бедный помешанный, которого искренне жаль и который служит идее – продукту умственного расстройства; нет, я был Дон Кихот высокомерно презиравший всех и вся, кроме себя, был рыцарем, девизом которого служил: эгоизм и полное незамечание брёвен в собственном глазу. Дон Кихот это благожелательная мысль; хотя я и не писал его, но я его продумал, промучил. Хочу думать, что Ты не пренебрегаешь таким анализом по отношению к себе и уже теперь меньше презираешь и ненавидишь. Побольше любви!

Помни, что как художники, мы должны быть апостолами правды и добра, чтобы наши произведения имели какое-нибудь доброе значение. Пока больше не скажу ничего, но вижу, что предметов для разговоров у нас с Тобой много накопилось. Словом, я простил вполне бедного <Лейба> и вижу, что не имел никакого права ни презирать, ни оскорблять его. Я об этом много думал за всё

это время одиночества. Опять перечитывал Гоголя и опять изумлялся глубине его взгляда на окружающее. -----

День моего совершеннолетия 3-е Июля; Адрес мой: Островки (пристань на Неве) Шлиссельб. уезда. Дача Олекчинова.

Видеть Тебя мне очень хочется. Отсюда я выезжаю 29-го Июня со скорым поездом прямого сообщения в Петербург, а оттуда в Островки. Я больше ничего не прибавлю: Sapient sat! кажется, теперь могу положительно сказать: Твой навсегда друг.

Наш девиз на общем щите

[рисунок с подписью]

Ars!

Прости за этот маленький водевиль.

Отдел рукописей Р ГТГ, ф. 44/1302, 2 л.

*****

Из студенческого дневника Н. Рериха.

13 июня 1895 г.

13. VI. 95. Извара. Гостил Глебушка. Скалон прислал письмо – видимо, раскаивается в поступке со мною. Послал вчера в Наду: рисунок Плач Ярославны и новый рассказ Помещица. Ужасно жалко посылать за границу вещи, не печатанные на родном языке; да ещё оставаться другой раз совсем без хорошего списка – так уж навсегда вещь и гибнет.

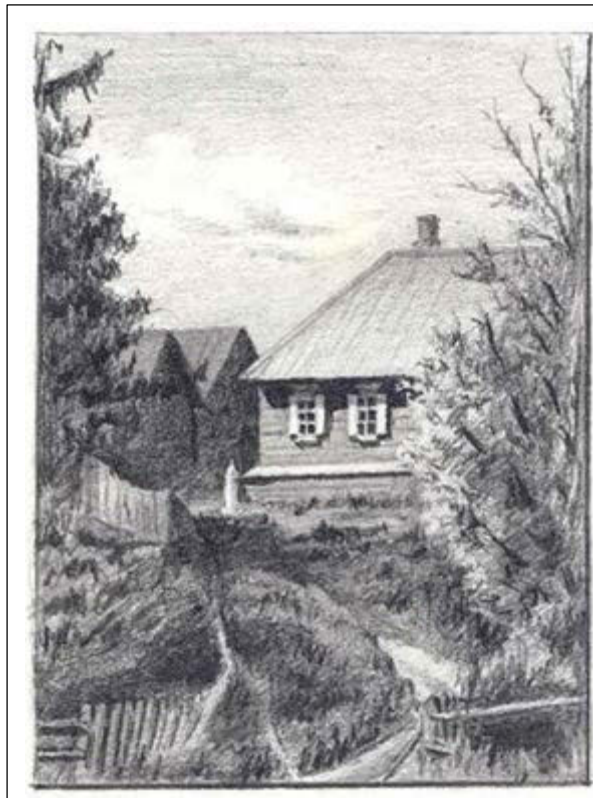
Сегодня начинаю Иван-Царевича. Господи благослови. Эх, кабы удался он. Кившенко А.Д. моя мысль об этом эскизе очень понравилась, он даже советовал не выйдет ли и картина. Посмотрим, сказал слепой.

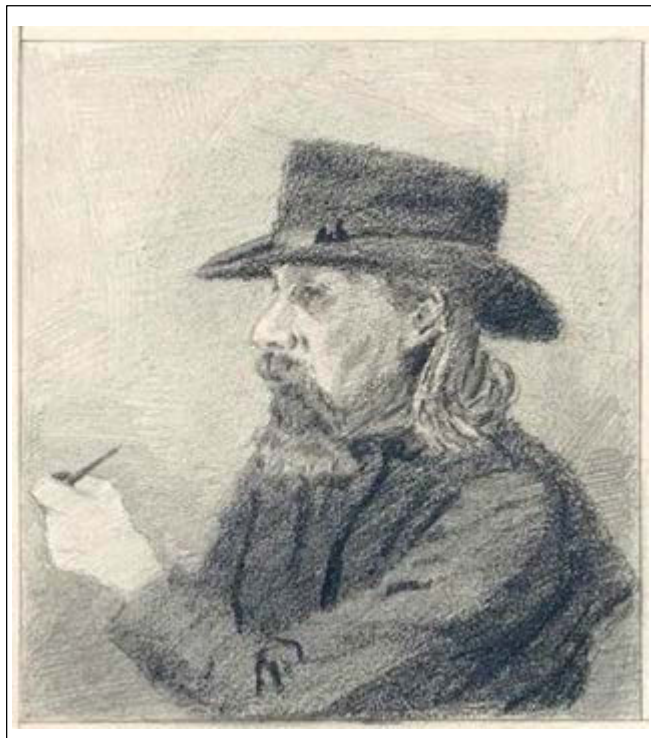
Головы лошадей. 1890-е.

Эскиз к картине «Наезжает Иван-Царевич на избушку убогую».

Н.К. Рерих. Въезд в сельцо Грызово. 7 июня в 3 часа дня.

Н.К. Рерих. Грызовский священник. 11 июня 1895.

ТУЗЕМЕЦ АРХЕОЛОГ

Степи, степи! Да знаете ли вы, что такое степи? Понимаете ли, как эти степи образовались? - продолжал туземец священник. Если вы может быть полагаете, что продолжает рассказ какой-нибудь по крайней мере [кастадальский] или самоедский миссионер, так скоро разочаруетесь - рассказ продолжал обыкновенный сельский священник средней полосы нашей родины.

Вы вот глядите на меня с недоверием и думаете, чёрт его знает для чего это он туземца приплёл. Обыкновенно при слове туземец представляются разные нецивилизованные народы, но в настоящем случае за моим рассказом этого недостатка не усматривалось, а прозвал я его туземцем только за его внешность. Уж недолго оставалась в памяти фигурка отца Петра: маленького роста тщедушная, немного кривоватая, с лицом землистого цвета (и притом не всегда чистым) обрамлённым в слипшиеся в косицы жидкими волосами - эта фигурка вечно торопилась, размахивая руками и окружалась клубами табачного дыма (отец Пётр никогда кроме службы не расставался с трубкой); рясы он тоже точно подбирал к цвету лица, так что весь его портрет можно было рисовать одним изжёлто-сероватым цветом. Глядя на него невольно забываешь, что находишься в центре России, а скорее где-нибудь на дальнем севере. Вот за эту внешность я и прозвал его туземцем.

Вы, может быть, спросите, почему я не привожу начала разговора - по весьма простой причине: потому что в начале разговор вёлся о частных вопросах: отец Пётр жаловался, что мужики дорого с него за подёнщину берут, хватился удачной ловлей <харгусов>, проектировал постройку какой [то] необычной переносной лодки и т. п. разговоры интересные только в том случае, если бы можно было бы передать его жестикуюляцию: он махал руками, хватался за волосы и особенно был хорош когда с ужасом вопил: но, увы, <харгус> оборвался! и уже потом с этих частных вопросов неизвестно каким путём перешёл на историю и археологию, каким путём ей Богу не помню, да и разве упомнить как перескакивает разговор иной раз с Александра Македонского на маринованные грибы и обратно.

"Степи произошли не вследствие географии, а истории", -дохнул мне в лицо дымом отец Пётр. - "Вот, например, возьмите вы метлу и проведите раз, два, три, четыре, да так раз с сотню по густой траве - что останется, пусто? Так и степи: разъезжали по ним наездники скифы, Гуннские народы прошли, а зам ними <Анаутцы> Вандалы, <Визиготы>, а потом-то грянули Печенеги, Татары, половцы. Не мудрено, что после всей этой ватаги пусто осталось: а ведь в степях, если покопаться, так наверно на каждом шагу можно редкие находки находить. Я, видите, говорю на том основании, что вот у нас, уже к северу ближе; прежде должно совсем необитаемая страна была, а и то на каждом шагу важнейшие памятники находятся. Вот тут лет 10 тому назад учёный, как это его, Варницкий, не Варницкий, Варковский, не Варковский. Котька, как учёного звали, что курганы копал? - "Лариневский", - и где тут всех запомнить, я и своих-то детей иной раз Володьку Котькой зовёшь, а Котьку Володькой крестишь. Вы не поверите, сколько он мне рассказал, вот Чёрная, Сосницы, <С..глицы>, Сосново, Калитино, Заполье, Ямки даже наше Грызово, все места замечательные. Впрочем, он мне только подтвердил, вот поговорите с любым мужиком, этак со стариком, он вам все местные придания расскажет.

Вот хоть бы взять Сосницы, есть там два места такие - одно Куделевой горой называется, а другое Городищем - просто огораживали место, этак кольями ну и жили, и в этом вот городе княжил князь, тут ведь финское племя жило, языческое, а у князя у этого была дочь 16 лет...

Может быть, у вас является мысль: не может ему священник так долго рассказывать, врёт должно быть. На это я скажу - нет, это, сущая правда, и вот почему. Во-первых, потому, что он поговорить любит, а во-вторых, потому что он должен был сидеть на одном месте, так как я рисовал с него портрет.

Куделева гора Городище. Черная сосны. Озертицы. Грызово (грызулист) Кресты по <...> (Имя, разная форма) Извильник . Церковище (Густав Ваза). Серебряный ключ. Плитная горка. Заполье (повязка предводителя).

3 Июня 95 г. Извара

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/87, л. 19.

Н.К. Рерих. Грызовский священник. 1895.

24 июня 1895 г.

Письмо Н. К. Рериха к Антокольскому Л.М.

Извара 24/VI 95.

Дорогой друже, хороший! Спасибо за письмо. Ты, видно, хорошего мнения обо мне – постараюсь, чтобы никогда это мнение не изменилось. Я начал Ивана Царевича. Грубо подмалевал – причём сбил рисунок. Сегодня всё высохло, и начал писать самую фигуру. Тут работы до самого октября хватит. Этюдов теперь не писал. Я понимаю, или этюды *blank et noir*¹ для рисунка, и красками, тогда нужно особенное освещение и трудные световые эффекты, а писать этюд красками для рисунка или мотива мне не нравится. Вообще этюды мои

---

¹ В белом и чёрном (*франц.*)

малы по размерам и интересны лишь для меня самого да для самых близких, знающих меня людей.

Зачем, голубчик, хочешь в Твоём эскизе фигуру христианки заменить епископом? По мне, христианка симпатичнее. Впрочем, всё ясно будет, когда пришлешь общую композицию.

Теперь я нахожусь под впечатлением странной случайности. Дело вот в чём. Один крестьянин начал красть наш лес и вообще пакостить нам. Когда отец говорил ему это – он отпирался и взваливал на других. Тогда отец сказал ему: смотри, брат, коли лжёшь – пусть Бог тебя накажет. На другой же день над той деревней была гроза, и молния ударила в дом этого крестьянина, так что он сгорел. Другие дома не пострадали. Такой странный случай!

С удовольствием читал, что Ты не соблазняешься заказами – поставил же себе задачу более высокую, чем выполнение маленьких заказов – на это есть своего рода чернорабочие. Этой судьбы и мы не минем, если, чего Боже упаси, из нас толку не будет. А пока только есть силы, будем вперёд идти, будем стараться сказать своё слово в искусстве. У нас задача не только покорить природу, но стать её вечным властелином. Оживотворить природу – заставить её говорить нашими словами. Творить.

Какая глубина в этой народной старине! Например: Иван-Царевич – ведь это весенний луч, пробивающийся сквозь царство смерти, зимы, чтобы освободить красавицу Лето. Не узкая, а общая, всесветная идея.

Не слишком останавливайся на этюдах – лучше побольше сил положи на эскиз, это глубже. Во всяком случае, человек, поставивший себе большую задачу, хотя бы и не выполнивший её вполне, всё же лучше маленького человека, ограничившегося маленькой задачей, даже и доведённой до конца. Кто не сочиняет, тот протоколист, а не художник истинный.

Вот мой план² Ивана Царевича.

Ничего, брат, не поймёшь тут. Ну, да осенью увидишь.

Если потом будут затяжки в письмах, то не приписывай это нежеланию писать - значит, или на станцию не ездил, или дела много.

Надеюсь, ты отплатишь добром за зло и пришлешь мне Твою композицию в более приятном виде, а мне прости, голубчик, сегодня некогда понятнее изобразить, на станцию тороплюсь.

Чем длиннее и полнее твои письма, тем больше благословений сыплется от меня на Твою голову.

Пиши, много пиши.

Поклонись Твоим родителям, а также Данишевскому и передай ему мои сердечные пожелания всего лучшего.

Жду Твоих писем.

На этой неделе в Петербурге и в Академии видел образа работы Нестерова. Прелесть, хорошо! Стилист какой!

Твой   *Николай*

*****

---

² В письме рисунок зачёркнут.

ИЮЛЬ

7 июля 1895 г.

Письмо Владимира [Федоровича] к Н.К. Рериху

Получил я твой эскиз в письме и очень благодарен за него, хотя, по правде сказать, мало что-то разобрал в нём, а всё-таки избу приметил. Был у нас в Кишиневе Щусев (архитет.) говорил, что на последн. экзамене изгнали 60 человек, <вот> утешил! Нечего сказать! Пишу я теперь эскизы; думал одно, а вышло другое, так что назовём мы его, ну хоть: «Соловей запел». Вот нужна только натура женск., а её – хоть шаром покати. Авось, без натуры попробуем, а в Питере можно будет подписать малость.

Если тебя разбирает охота писать эскиз, то и пиши, а когда надоест – пиши этюды. Ещё ведь времени много. Успеешь.

Теперь относительно Леона: видишь ли, мне кажется, что трудно будет тебе с ним, у него есть большой недостаток, его крайняя бесхарактерность, вот теперь, положим, он кается и кажется, что на пути к исправл[ению], ан смотришь, какой-ниб. <Ицик> прожуж. ему уши, и Лейба понёс ерунду. Впрочем, попытка - не пытка, а цели, <...> во всяком случае, очень и очень симпатичны. Приеду – попытаем вместе. Теперь я сию в Кишин. и этюдов не пишу. 16-го еду в Одессу и Херсон. Так что значит, с 16-го пиши мне так:

Херсон. Инспектору Народных училищ
Платону Ивановичу Голубеву
для передачи мне.

Пробуду здесь по 1-е Августа. А в конце августа думаю двинуть на север и остановиться по октябрь в Новой Александрии. Места, говорят, роскошные. Два слова об эскизе: с левой стороны, на перв. плане, нечто вроде часовенки <мавзолея>, из которой течёт вода, на перв. пл. пруд, всё при луне, фигуры русалки... ну, да не умею описывать.

Прощай дорогой, целую крепко

Владимир

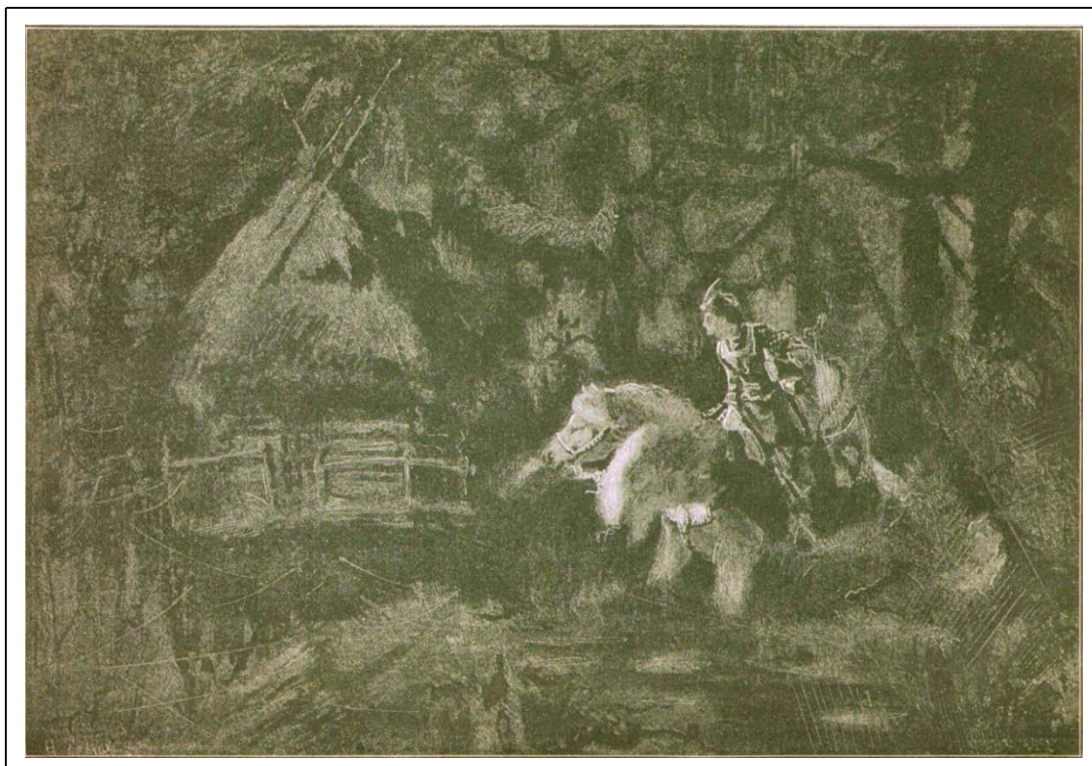
VII/ 7. 95.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/664, 2 л.

*****

Н.К. Рерих на балконе в имении Извара позирует для своего эскиза: «...**Наезжает царевич на избушку убогую**». (Надпись на оборотной стороне фото - см. ОР ГТГ, ф. 44/1699, 1 л.)

Н.К. Рерих. «Наезжает Иван-Царевич на избушку убогую...». 1895.
[Однотонное воспроизведение в Литературном сборнике студентов СПб университета. 1896 г.]

Из студенческого дневника Н. Рериха:

8 июля 1895 г.

8.Юл. 95. Странное дело – казалось бы, летом должно было бы быть больше времени, а тут выходит наоборот, как-то всё время разрывается. Хотя бы теперь - то на охоту - то Иван Цар[евича] пишешь, глядь, а день-то неведомо куда и ушёл. Верно, мне всю жизнь торопиться суждено. Найдётся ли время помереть. Думал завтра устроить археологическую экскурсию – но поеду к Фролову.

Мой Иванушко то огорчает меня окончательно, то как будто обнадеживает – что из него выйдет, единому Богу известно. Переписка заедает массу времени. Славный малый Федорович – я с ним ещё много сделаю для нашего направления в живописи.

Из Боснии что-то денег не шлют, просил выслать хоть часть причитающихся мне грошей, а они ни слова. Скалон прислал письмо с такими азбучными истинами, что только удивляться приходится – неужели он только теперь до этого додумался? Этюдов совсем не успеваю писать. Вернусь от Володи, пропишу Иван Цар[евича], надеюсь тогда выяснится, можно ли ожидать от него чего-либо.

Сейчас еду по арендаторам – относительно Июльской аренды. Извар подаёт блестящие надежды, всего 4 месяца, а уже понял стойку и славно ищет.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/10, 4 л.

*****

Н.К. Рерих. Царевич и девушка. Б/д.

Вверху надпись: «Царевич припал к ней на колени и...

Уже змей летит, а ... разбудить её не может».

[Конец июля- начало августа 1895 г.]

Письмо Глеба Фёдоровича Воропанова ³ к Рериху Н.К

Дорогой Коля, прости, что так долго не отвечал; твоё письмо несколько дней ждало моего возвращения в Павлово. Дело в том, что кустарная артель в этом году в первый раз выступает на ярмарке, почему она и попросила моего содействия, которое выразилось в украшении лавки. Эта поездка в Нижний и заботы отняла от меня порядочного времени, а счётом дней я заниматься не мог, так как работы было на неопределённое время. Теперь прикончил всё, что от меня зависело, и с облегчением вернулся в Павлово.

Ярмарка Нижегородская на меня произвела крайне удручающее впечатление, какого я совсем не ожидал. Это какой-то ад, где копошатся тысячи алчущих наживы. Греки, армяне, русские пауки, всё это элементы способные нагнать тяжёлую тоску; особенно противны греки с их мошенническими физиономиями, армян ещё несколько искупает их беспредельная глупость, так ярко выступающая на их блинообразных лицах.

Твоя переделка Ивана царевича мне не совсем ясна. Насколько я понял тебя, ты хочешь своей картиной передать аллегория, но я бы этого не делал. Я не говорю, что аллегория в искусстве излишня, но мне кажется, что национальность представляет собой уже и без того нечто такое цельное, что никакие другие элементы не могут украсить её. Мне кажется, что на национальный эпос нужно смотреть так же наивно, как смотрел на него сам народ; он забывал и окончательно утерял даже давно уже, к чему метафорой служит Иван Царевич или конь его, или баба Яга. В его глазах это не было метафорой, а совершенно самостоятельной формой ~~почти неразрывно~~ почти перешедшей в культ, сделавшейся предметом его глубокой веры. Это мы, только стоя на исторической почве и анализируя эти сохранившиеся формы, можем догадываться, что эти все элементы сказки русской есть не более не менее, как метафора тех явлений природы, которые человек когда-то в седой древности непосредственно боготворил, которых он не мог забыть, и которые он, незаметно для себя воплотил в этих формах. Теперь же, освоившись и давно уже ~~примирившись~~ привыкнув к этим формам, он совершенно позабыл, откуда они у него возникли. Мне кажется что, трактуя народный эпос, нужно так же точно позабыть, как и народ всё то, что (весьма давнее) воплотилось в этих формах, и передавать их вполне наивно.

Национальный эпический сюжет непременно, мне кажется, требует духа национальности только, а не изобличения и анализа его. Изображая эти сюжеты, нужно смотреть на них с точки зрения самого народа ~~почти~~. Если ты здесь не гонишься за национальным духом, то аллегория тоже может дать много красивого, но только и форма ведь должна быть лишена какой бы то ни было национальности.

Об этом мы как-нибудь потолкуем лучше при свидании, в письме я совершенно не умею сосредоточиться. Передай моё сердечное приветствие всем твоим милым домашним. Набросал с себя красками голову казака (разбойника) получилась такая зверская физиономия, что все пугаются и даже самому

---

³ Воропанов Глеб Федорович (р. 1867) — русский художник, учился в Академии Художеств в мастерской А.И. Куинджи вместе с Н. К. Рерихом

неприятно чувствуется под собственным взглядом, и этого зверя я из себя выкроил; хорош!!

Твой Глеб.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/702, 2л.

31 июля 1895 г.

Письмо Вл. Федоровича к Рериху Н.К.

Дорогой друже!

Большое спасибо за пожелания, дай Боже, чтобы хоть 1/10 часть их сбылась, и тогда бы можно было наломать делов.

Я теперь ничего не делаю приехавши из Одессы, какая-то лень, истома, ну да и жара у нас доходит до 47° град. на солнце и 30° в тени. Благо, что вода есть холодная; почти целый день сижу в ванне, даже с книгой. Авось жара спадёт, и в Августе можно будет опять поработать.

В Питер поеду в начале Октября. Как твой эскиз? Меня он очень интересует. Знаешь что, вот было бы хорошо, если бы у вас во дворе нашлась комната, небольшая, но светлая, мы бы тогда нѐ могли часто видаться. Имею в виду два портрета, один мужск. во весь рост, на фоне библиотеки; другой женский, в бальн. костюме.

А пока все-таки ничего не делаю, сижу в граде Кишинёве и жду от тебя что-ниб. новенького.

Твой Владимир.

Киш. 31 июля 95 г.

Больше не могу писать, прямо нет слов. От Скалона давно уже ничего не получал.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/668, 2 л

*****

ГРАМОТЫ

«Архивные документы выучили и старорусскому письму. Язык летописей тоже скоро запоминается. Иногда письма складывались под стиль грамот. Стасов ими очень забавлялся...»

(«Листы дневника», 1939 г.)

* * *

Июля тридцать первого
Поехал я на станцию
За письмами с сумой.
Я письма добыл счастливо,
В обитель возвращаюся
Помахиваю прутиком,

Лошадка трюх да трюх.
Тут камни подвернулись,
Упал мой конь и я за ним
В растяжку мы лежим.
Ну, встал я, пообчистился,
На лошадь влез, и Господу
Запел скорей хвалу.
Привёз я вашу грамоту
Во двор нашей обители
И старицам отдал.
Собралась живо братия.
Святыя спор натеяли
Кому письмо читать.
Такая брань поднялася
Что шавки все залаяли
Заржали даже лошади
И боже упаси!

(У нас вот так случается
Почти всегда как новое
Увидят что-нибудь)
Мастридия толкается
Керкидия ругается
А Голиндúха матушка
Щипнула Сосинатрию
Самой чтоб ближе стать.
Монахини тягаются,
Все лезут разом к грамотке,
Того гляди порвут.
Благословите, грешному,
Вам грамоту прочесть.
Игуменья схватилася:
Читай, да с расстановкою,
Понять чтоб, да сложить.
А Голиндúха старица
Чтоб слышать даже вынула
И вату из ушей.
Вдруг, стой!...
Мастридия вся вспыхнула, -
Как? Как прочёл ты?
Гнусное? Моё писанье гнусное?
Ах он... Словцо такое молвила
Сказать бы? Не могу...
Конечно и в монашестве
Иной раз попадаются
Слова довольно крепкия.
Старушки всполошились,
Одна как будто всхлипнула,
А Петка мать Игуменья

Икнула про себя.
Кой как прочли мы грамоту,
Мастридия мешала все, -
Как ей почтенной старице
И вдруг возницей быть.

Окончив вновь поспорили
Сказали хором старицы
Ну, поезжай Мастридия,
Ты написала так.
Да что ж одной,
Пусть едет тоже,
Письмо кто сочинил.
Мать Петка страсть окрысилась,
Ишь, сладкая! Игуменье
На козлах чтоб сидеть?

Я вижу, долог спор у них,
Стоять меж них соскучился,
Всё потихоньку пятился,
Пошёл в избу поесть.
Итак, мы ждём вас, батюшка,
На станцию мы выедем
С Мастридией вдвоём.

Останусь со смирением,
К вам полный уважения,
Почтарь Форелькарасинской
Обители святой.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1336, 2 л. [1895 – 1896 г.]

Н.К. Рерих. Закат над монастырём. 1890-е.

*****

АВГУСТ

[Начало августа 1895 г.]

Письмо Воропанова Глеба Ф. к Рериху Н.К. (б.д.)

Дорогой Коля,
устранив всякие препятствия, собираюсь к тебе в воскресенье 4-го, если не получу от тебя до того времени никаких указаний. По твоему давнишнему предписанию еду с тем поездом, который отходит в 6 ч. 15 минут от Питера. Грустно будет, если на моё несчастье будет такой же дождь, как вчера, когда я относил прошлое письмо на Балтийский вокзал. По дороге так смок, как будто выкупался где-нибудь. Начал ли ты свою симпатичную картину? Потолкуем, я попозирую, если надо для фигуры, а то так, и для избушки на курьих ножках. Отчего ты пейзажа не пишешь? Ведь это тоже интересная статья. Вообще, я думал, мы на этот счёт пройдемся помалости.

Написал своему приятелю, что 5-го с ним не поеду, и если завтра от него письма не получу, то без церемоний отправлюсь к тебе. Итак, до скорого свидания. Сестра ещё немножечко полёживает, голова у неё помалости побаливает, но это ей нисколько не мешает пожелать тебе от души здоровья покрепче, чем у неё и послать свой поклон с этим письмом.

Искренно любящий тебя

Глеб.

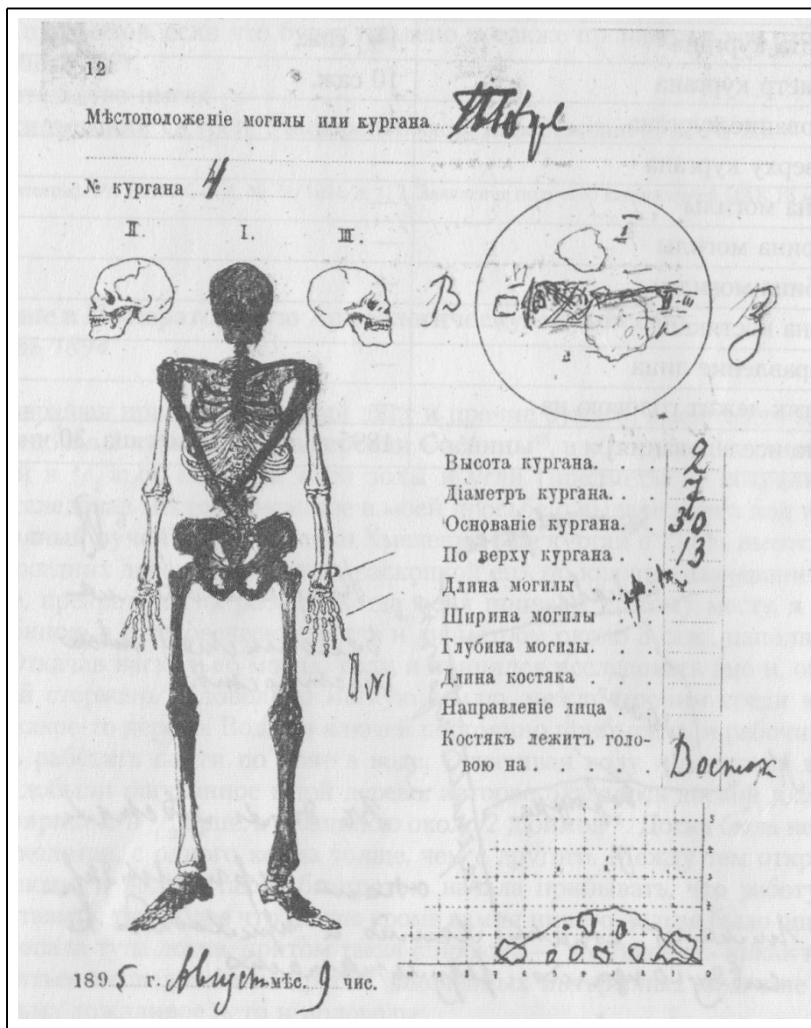
Отдел рукописей ГТГ ф.44/703 2л.

Из «Дневника раскопок...» 9 августа 1895 г.

Кругом холма болотистая местность.

В двух местах около вершины я принимался копать холм и приходил к следующим результатам.

Сперва на глубине 3/4 арш. шла наносная земля, потом на 1 арш. песок с плитой и окаменелостями, а затем начинался уже слой плотной плиты (как во всей нашей местности), прекращавший работу. так как общая высота холма 1 3/4 саж., а на глубине около 2 арш. уже начинается естественный слой плиты, то и приходится признать этот холм природным, несмотря на странное положение среди болотистой местности [...]

Н.К. Рерих. Запись о кургане № 4 из Калитинского могильника.
Лист из «Дневника раскопок...» 9 августа 1895. Оригинал в РА ИИМК.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. Ч. II – III. Самара. 1999. с. 44.

Из студенческого дневника Н. Рериха:

10 августа 1895 г.

10.УШ. 95. Словно бы скупой сижу и перебираю браслеты, кольца, серьги, ножи, глаза горят, руки дрожат. Вчера, наконец, удалась моя археолог. поездка. Спасибо барону Толу, позволил в его парке сделать раскопку.

*****

Опись предметов, найденных при раскопках (1895)

ИМПЕРАТОР.

АРХЕОЛОГ. КОММ. №

Дело 189 г. №

Перечневая опись предметам древности, доставленным на обозрение в Имп. Археолог. Коммис. из раскопок 1895 г., произведенных в С. Петербургской губернии, Царскоосельском уезде, Сосницкой волости, имени Калитино.

№.....	ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДМЕТОВ	ПРИМЕЧАНИЯ
III, 1.....	Ножны.....	бр.
“, 2.....	Ручка ножа	
IV, 1.....	Нож.	
VII, 1.....	Наконечник копья.....	жел..
“, 2.....	Остаток горшка.	
VI, 1.....	Кольцо	
“, 1.....	Нож.	
VIII, 1.....	Браслет	
2.....	Браслет	
3.....	Пряжка	

Отдел рукописей Р ГТГ, ф.44/1170, 1л.

*****

Из студенческого дневника Н. Рериха от 27 августа 1895 г.:

27. УШ. Послезавтра в город. Давно ли я с ужасом ожидал этого дня – в гимназию идти; а теперь не то, скоро ли? Не дождусь. Иван Царевич совсем плох; и фигура мелка и всё темно и грязно, худо! Этюдов 42 намазал, 10 приличных наберётся. Вчера пару журавлей убил и барсука.

Воздух теперь настоящий осенний – ядрёный.

Ну, с Богом за городскую работу. Думаю, не успею ли ещё до ноября и служилого варяга написать. Теперь укладываюсь.

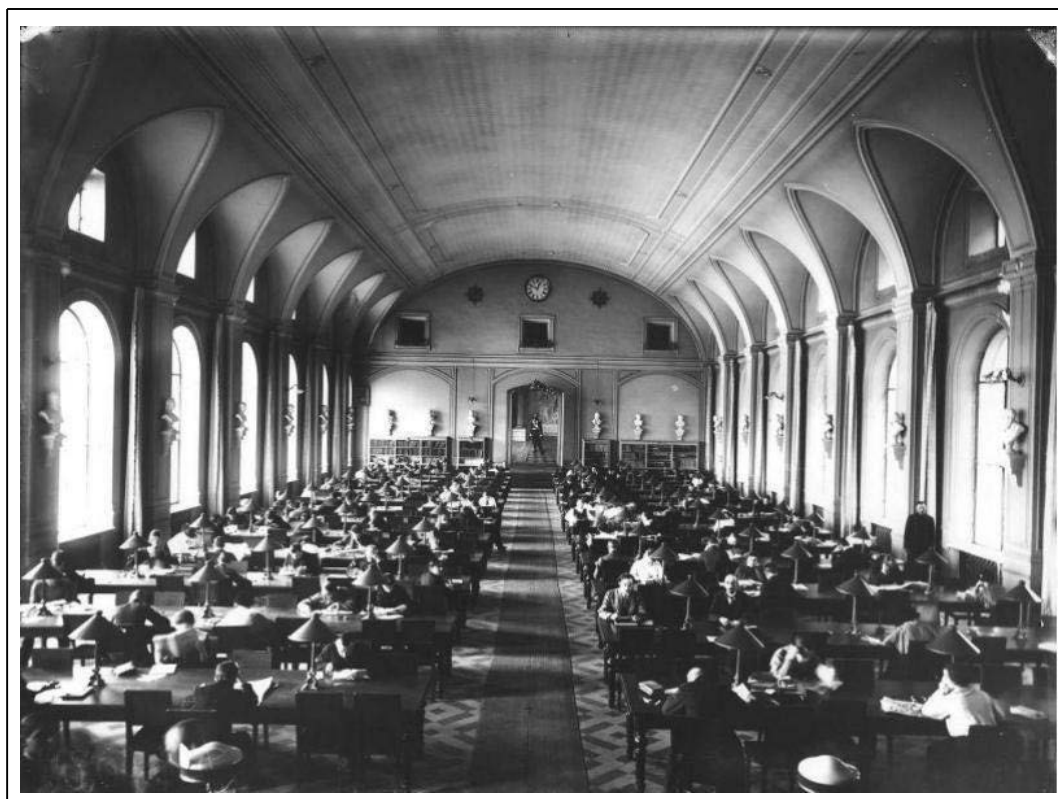
Боюсь, не с моего ли «богатыря» Леон <тащит> свой эскиз. Что-то по письму сдаётся. Увидим.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/10.

СЕНТЯБРЬ

Николай Рерих и В.В. Стасов в Публичной библиотеке. 1895-1896 г.

Большой читальный зал Публичной библиотеки. СПб. Начало XX века.

Из студенческого дневника Н. Рериха:

4 сентября 1895 г.

4. IX. 95. Я был, в сущности, гораздо более худшего мнения о своей работе, нежели все выдавшие её. Говорят Ив[ан] Цар[евич] совсем не плох; только мнения о нём разнятся одни говорят (Шарварок), что видно влияние Микешина, другие (Зреляков, Гейне и др.), что никакого постороннего влияния и духа нет. По-моему тоже не может быть влияния, так как я теперь слишком критически отношусь к Микешину.

Наши профессора всё ссорятся. Кившенко с Куинджи совсем разругался и даже из Академии на частную квартиру переехал.

Любопытный рассказ Л. А. Г. о приёме у Куинджи, когда ходил к нему посоветоваться о том, что ему делать, - из Академии гонят.

Узнаёт его адрес, находит дом и везде получает предостережения, что ему до барина не дойти. Подымается в указанный номер и видит: карточка на двери оторвана, звонок вырван, ключа нет, дверь заперта. Отправляется в дворницкую, там ему какая-то старушонка говорит: "У нас барин чудной! Коли к нему приходят, то сперва через трубку говорят". Трубка оказалась телефоном. Происходит разговор через телефон. Куинджи назначает день, когда придти, этюды показать. Приносит этюды. Дворник ведёт его наверх, вынимает ключ, отпирает дверь. Входят. В комнате: широчайшая кровать с одной подушкой, два, три стула, рояль в чехле, и масса цветов – больше ничего.

Словно сова сидит Архип Иванович. Очень милый разговор; причём Куинджи обещает взять Г. в мастерскую к себе. Между прочим, замечается недовольство Репиным: "Он уж многих погубил! Да, да он всегда этак говорит, со своим искусством для искусства. Ну, зачем я буду копировать данную вещь, всё равно лучше натуры не сделаю. А смысл где же?... и всякое такое".

Выпирают всех известного возраста и подольше в Академии.

Скалон, бедный, болен. Странно, он сам всё толкует, что с ума сходит. Последний раз он благодарил меня за всё для него сделанное. Этюды его носят отпечаток болезненности.

Был у Стасова. Удивительно странный субъект. Сперва уверил меня, что из моего сочинения ничего не выйдет, а потом: потолкуем, непременно приходите.

Гейне едет за границу. Поможет ли ему она?

10 сентября 1895 г.

10.IX.95. Сегодня был Федорович – привёз массу хороших вещей. Перед *этим* его южным солнцем совсем побледнеют мои серые мотивы. Иван Царевич меня совсем разочаровал, даже боюсь его показывать; впрочем, завтра придут Федорович, Гейне, Тепляков и ещё 1 мол[одой] худ[ожник]. Любопытно, что-то скажут.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/11.

ОКТАБРЬ

2 октября 1895 г. Археология. Отчёт Н.К. Рериха.

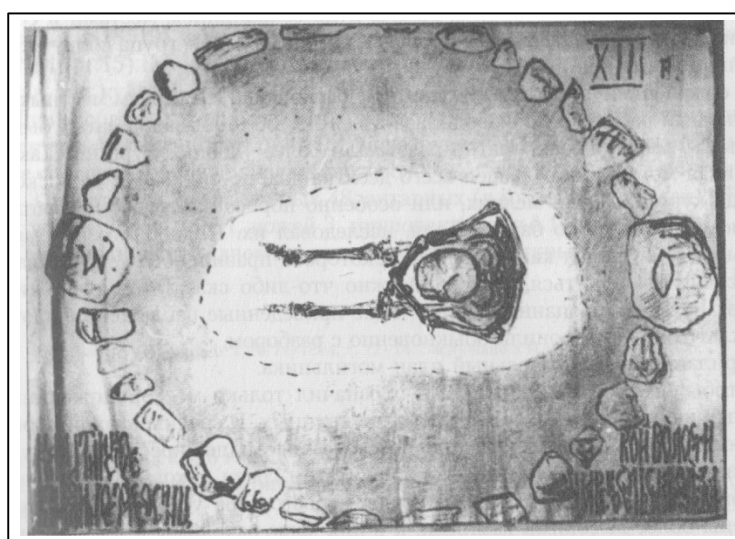
Местоположение могилы или кургана	[В парке имения Калитино]
№ кургана.....	4
Высота кургана.....	2
Диаметр кургана.....	7
Основание кургана.....	30
По верху кургана.....	13
Длина могилы.....	—
Ширина могилы.....	—
Глубина могилы.....	—
Длина костяка.....	—
Направление лица.....	—
Костяк лежит головою на.....	Восток
	1895 года, августа месяца, 9 числа

В этом кургане 3 слоя золы.

I – на 1/2 арш. с поверхности кургана (кучка)

II – 1 1/2 арш. (пластом)

III – у костей на 2 арш. (кучка).

Н.К. Рерих. План кургана с надписью «Калитинское курганное поле Сосницкой волости Царскосельского уезда XIII век».

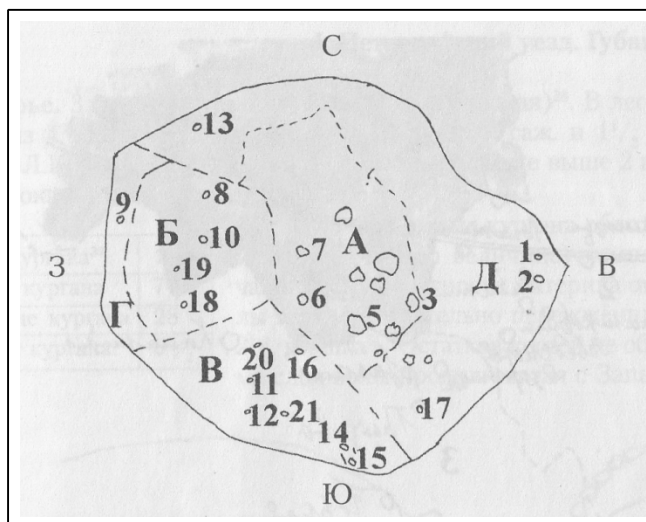
**Калитинский могильник. Санкт-петербургская губерния, Царскосельский уезд,
Сосницкая волость, в парке имения Калитино.**

СПб. 2 октября 1895

Калитинский могильник, без сомнения, самый значительный по числу и размерам курганов из могильников Царскосельского уезда. Он раскинулся (по определению владельца имения барона Толя) на пространстве 20 десятин, высота курганов самая разнообразная, от почти незаметной доходит до 2 саж. Число курганов более 300. грунт – песок или суглинок. Основание курганов обложено большими валунами, причём иногда замечаются в головах или менее крупным лесом. Кости, в общем, весьма худо сохранились, местами и совсем исчезли. В курганах встречается несколько слоёв золы. (У трупа сбоку и затем на различной глубине).

К сожалению, почти все курганы уже раскопаны. По словам местных крестьян, первая раскопка производилась здесь лет 30-40 назад, а затем бывшие владельцы имения неоднократно разрывали более удобные курганы. Так что, осматривая могильник, я нашёл всего десятка два, по-видимому, не раскопанных ещё курганов (или мелких, или особенно поросших лесом) и, благодаря любезному позволению барона Толя, исследовал их. Подробно ознакомившись с могильником, я нашёл как бы следы некоторого правильного устройства его. Хотя, спешу оговориться, вряд ли можно что-либо сказать о могильнике в 300 курганов по раскопанным 23, но ниже приведённые наблюдения дают повод заключить, что хоронили обыкновенно с разбором.

Прилагаю приблизительный план могильника.

План Калитинского могильника. По чертежу Н.К. Рериха. 1895. Оригинал в РА ИИМК.

Чтобы не пестрить чертежа, я обозначил только местоположение раскопанных курганов и несколько наиболее крупных. В середине сгруппированы наиболее высокие курганы (давшие, по словам очевидцев крестьян, массу разнообразных вещей и особенно оружия*⁴); затем среди боковых курганов, по-видимому, существует два типа, курганы первого типа устроены тщательнее, обложены более высокими камнями, и в них чаще находимы вещи; второй же тип курганов, расположенных в ложине **В**, менее аккуратно устроен: курганы меньших размеров, и вещей почти совсем не попадает. Пространство **Б** представляют холм, на котором (может быть

*⁴ Топоры каменные и металлические, копьё, мечи и монеты. – Примеч. Н.К. Рериха.

случайно) находились женские курганы (№ 8, 10, 18, 19). Местами несколько курганов сливаются в одно возвышение (№ 14 и 15). Может быть, даже было несколько, так сказать, слоёв курганов, как при кургане № 18.

Таким образом, раскопано мною 23 кургана, из которых 9 заключали остовы мужчин, 4 – женщин, [другие], за разрушением костей и отсутствием вещей, не определены; причём извлечено: бронзовых браслетов - 5, серёг - 4, пряжек - 3, колец - 3, перстень - 1, бус каменных - 48, янтарных (в мужских курганах) - 2, женское грудное украшение - 1, ножей - 3, горшочек - 1, копье - 1.

При сём прилагаю дневник раскопок, опись и открытый лист.

Николай Рерих. СПб. 2/X 1895.

РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 12. Заслушано в ИАК 23 декабря 1895.

Из дневника Н.К. Рериха.

2 октября 1895 г.

2.X.95. Сегодня начало занятий в Академии. Беспокоился меньше прошлогоднего. Места хорошие, начало, по-видимому, недурное. Подходил Савинский и отнёсся весьма серьёзно, как к хорошему рисовальщику. Все относятся ничего себе, не дурно. Скалон сторонится немного. Есть нововведения, в одном натур. классе амфитеатр уничтожен и поставлены столы, но весьма низкие, а скамейки высокие – рисунок в сокращении.

Репин говорит – “принять в мастерскую не могу, а если желаете, запишу кандидатом, а то места нет. Без лести могу вам сказать, что мне весьма лестно принять вас в свою мастерскую”. Вообще очень хвалит.

Заметно он стал серьёзнее за лето, меньше прошлогодней приторности, больше не слышно “и чудесно!; завидую вашей кисти” и т. п.

Кившенко умер – положение его учеников – между 2-х стульев.

Императорская Академия Художеств. Конец XIX – начало XX века.

25 октября 1895 г. С.-Петербург

Свидетельство

О явке к исполнению воинской повинности

Сын СПбургского нотариуса Николай Константинов Рерих являлся к исполнению воинской повинности при призыве 1895 года и зачислен в ратники ополчения второго разряда.

Выдано С.-Петербургским городским по воинской повинности Присутствием «25» Октября 1895 года, за № 16.

За Председателя Присутствия (подпись)
Делопроизводитель (подпись)

*Извлечение из Устава о воин. повин. в редакции Высочайше утвержденной
14 июля 1888 года.*

Ст. 154. По окончании приема людей на службу в постоянные войска, урядное, окружное или городское присутствие подвергается освидетельствованию всех остальных призываемых, в порядке указанном в ст. 146-й, за исключением пользующихся льготой первого разряда по семейному положению. Признанных по освидетельствованию вполне годными к военной службе присутствие зачисляет в первый разряд ополчения, а лица пользующихся льготой первого разряда и остальных, за исключением оказавшихся, по наружному виду, совсемъ неспособными носить оружие,—во второй разряд ополчения.

Примечание. Лица, имѣющія по семейному положению право на льготу первого разряда, в случае такого измѣненія в семейномъ ихъ положеніи, которое лишаетъ ихъ сего права, перечисляются в надлежащій возрастъ ратниковъ ополченія первого разряда, если по освидетельствованіи окажутся годными к военной службѣ.

Ст. 303. Составляющія ополченіе лица именуется ратниками и дѣлятся на два разряда. В первомъ разрядѣ, который предназначается какъ в составъ ополченныхъ частей, такъ и для усиленія и пополненія постоянныхъ войскъ, в случаѣ истощенія или недостатка запаса, числятся до сорока трехъ лѣтняго возраста лица, зачисленные при призывѣ в этотъ разрядъ ополченія (ст. 154), а равно лица, зачисленные в ополченіе для увеличенія изъ запаса арміи и флота. Ко второму разряду, назначаемому только в составъ ополченныхъ частей, принадлежатъ лица, зачисленные в этотъ разрядъ при призывѣ. Младшіе четыре возраста ополченія первого разряда, т. е. лица зачисленные в этотъ разрядъ при послѣднихъ четырехъ призывахъ, подчиняются правиламъ учета, установленнымъ по взаимному соглашенію министровъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ и съ Высочайшаго соизволенія, могутъ быть призываемы в учебные сборы, но не болѣе двухъ разъ в теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ по зачисленіи в этотъ разрядъ и каждый разъ не долѣе какъ на шесть недѣль.

Ст. 364. За неявку своевременно в учебный сборъ, безъ законныхъ на то причинъ, виновные в томъ нижніе чины запаса и ратники первого разряда ополченія подвергаются наказаніямъ, определеннымъ за неявку на службу, в ст. 150 воинскаго устава о наказаніяхъ (Свод. воен. пост., кн. XXII).

*Извлечение из циркуляровъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ
11 Января и 20 Ноября 1884 года, за №№ 2 и 23.*

„Если ратникъ, по призывѣ его на дѣятельную службу в постоянныя войска, принесетъ съ собою собственные: полушубокъ, сапоги и бѣлье, годные къ употребленію, — то по прибытіи его в войска, вещи эти могутъ быть зачтены в казну, а ему уплачено будетъ: за полушубокъ 4 руб., за пару сапоговъ съ голенищами не короче 9 вершковъ 5 руб., за рубашку 50 коп., а за исподнія брюки 35 коп. При чемъ, вещей сихъ можетъ быть зачтено не болѣе: одной пары сапоговъ, двухъ рубашекъ и двухъ исподнихъ брюкъ“.

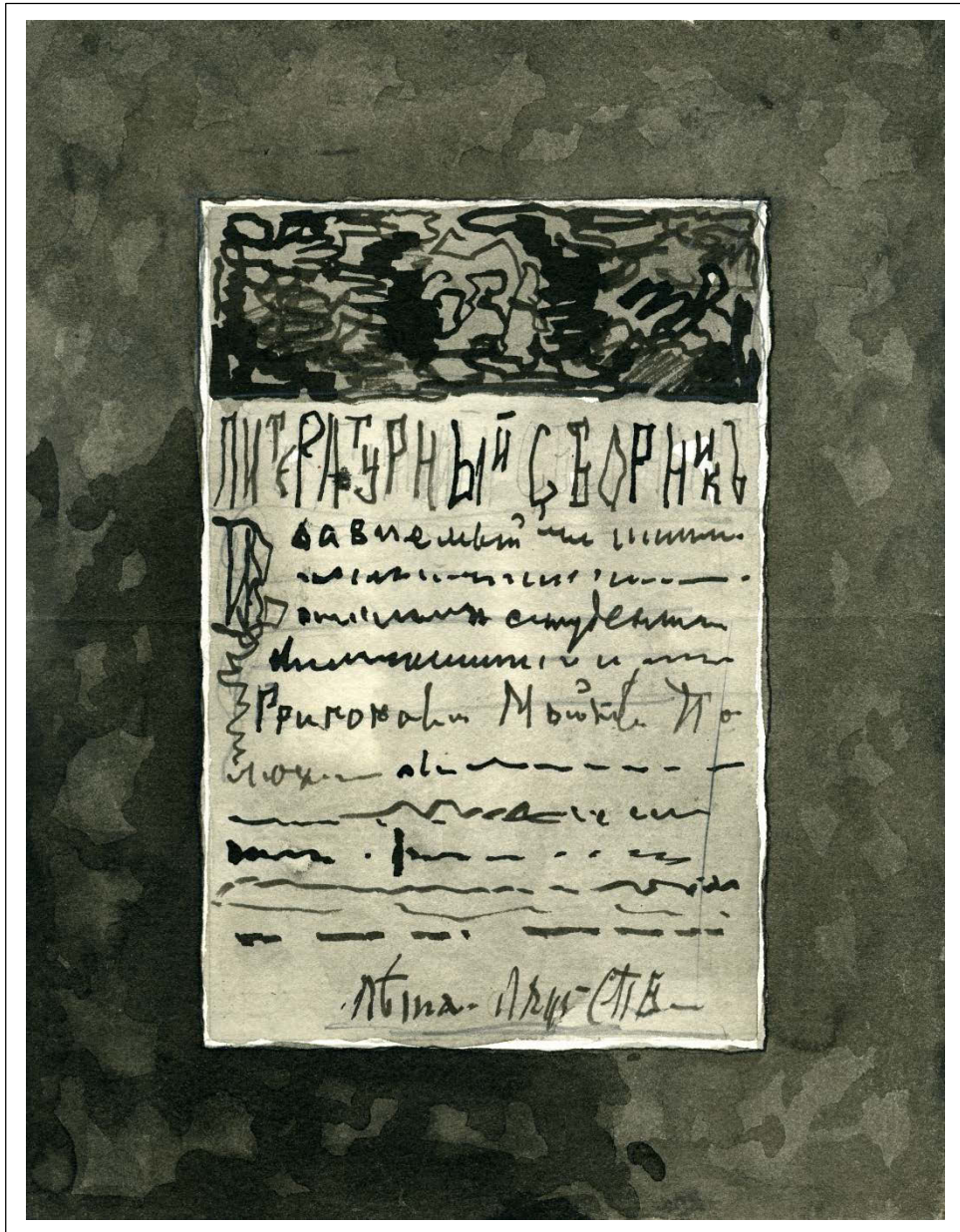
Л. 1 об.

Архив Государственного музея Востока

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК СТУДЕНТОВ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

«По поводу иллюстраций к Университетскому сборнику Сыромятников говорит сегодня: Вы большой художник! Жаль я вас раньше не знал. Мне Бакст хуже иллюстрировал. Отчего вас никто не знает? Чудно, очень хорошо!»

(Из дневника Н. Рериха от 30 октября 1895 г.)

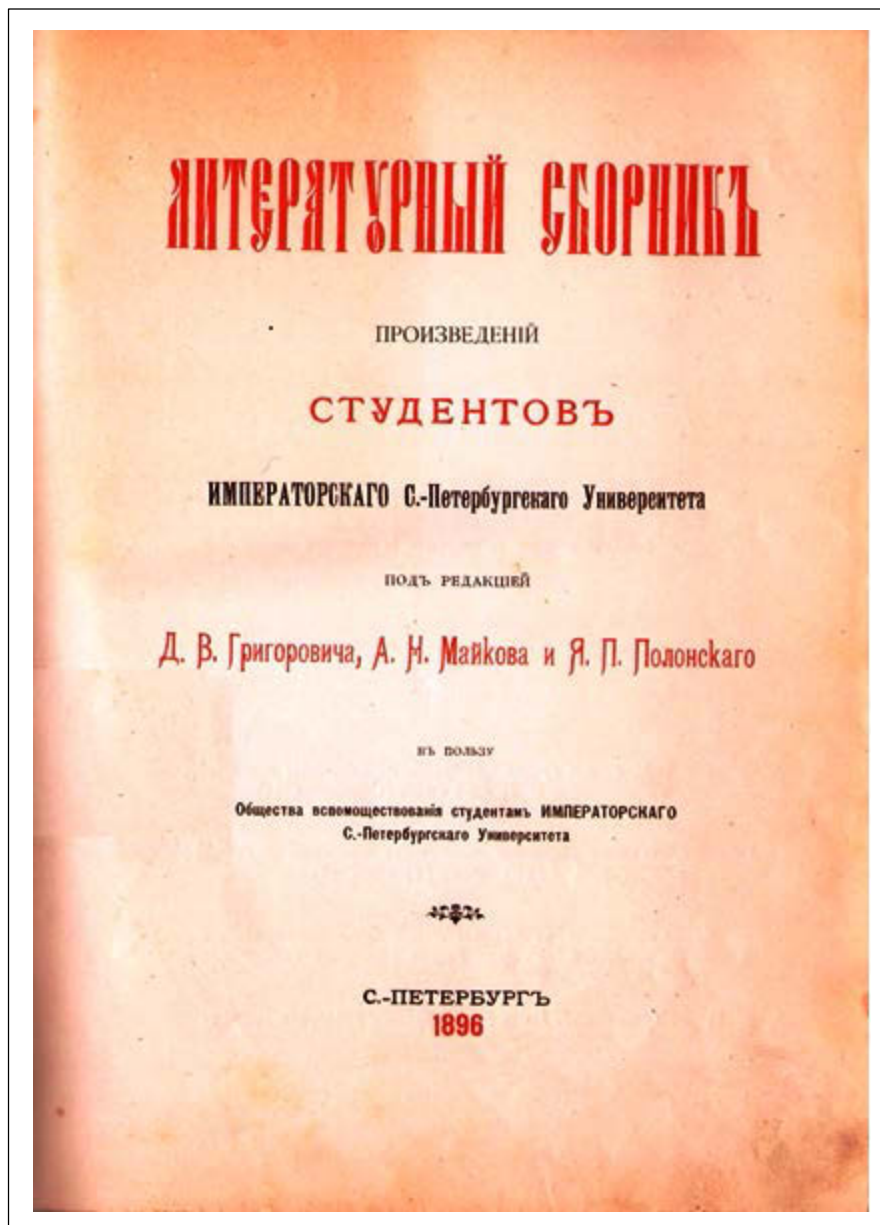

Н.К. Рерих. Набросок композиции обложки Литературного сборника. 1895.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/922. 1 л.

Обложка «Литературного Сборника» составлена студентом Н.К. Рерихом, стр. 1.

Титульный лист «Литературного Сборника».

Рисунки и виньетки студентов

...

Н. Р е р и х а

«Въ Грекахъ». Стр. 80.

«Царевичъ». Стр. 304.

«Воевода». Стр. 346.

Виньетки на стр. 1, 61, 66, 67, 85, 102, 119, 136, 152, 163, 178, 179, 182,
191, 192, 205, 217, 239, 276, 355, 391, 410.

Заключительная виньетка на стр. 422.

Виньетка для оглавленія на стр. 427.

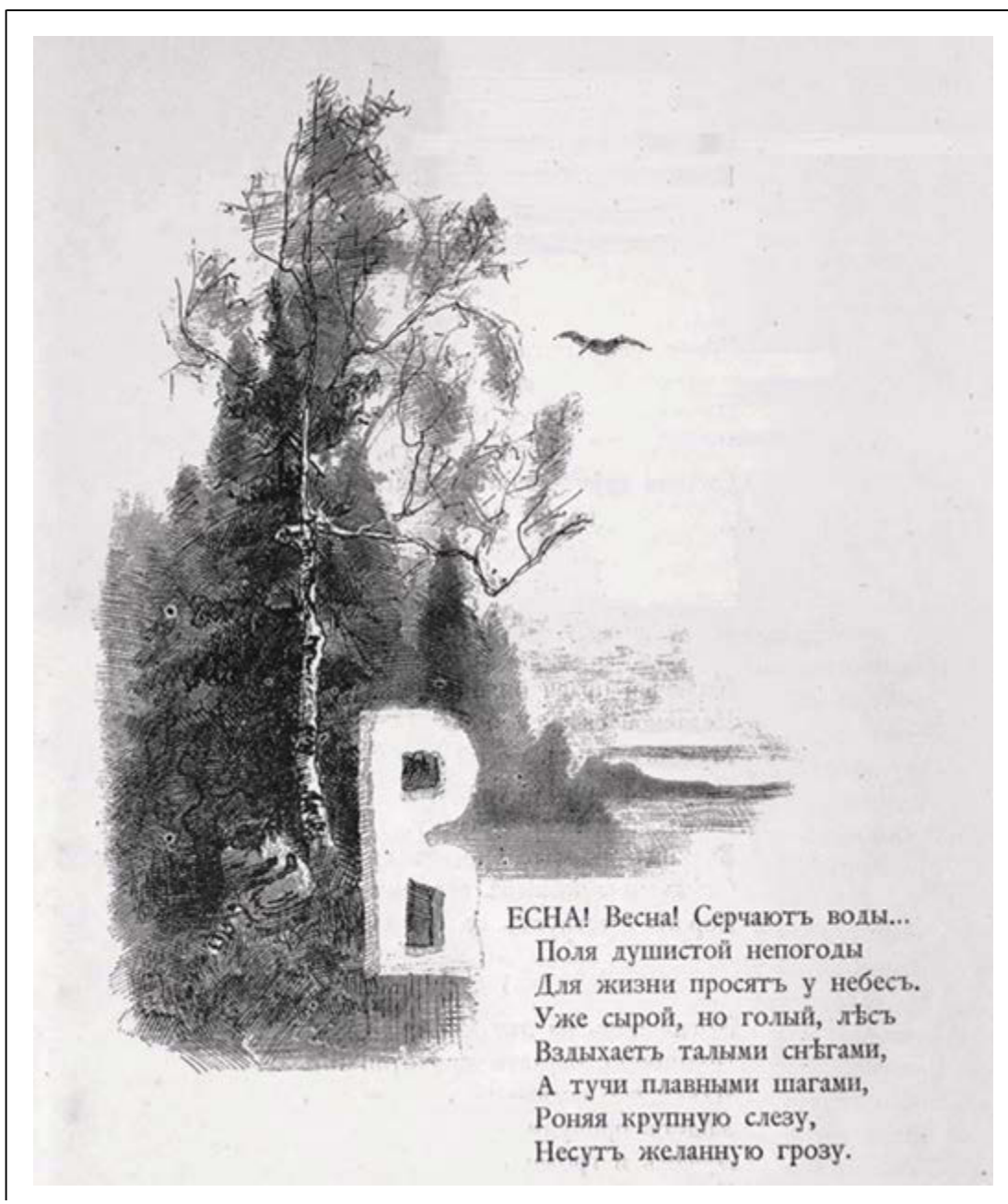

ЯРКИМЪ пламенемъ солнца востокъ
золотится,

Гаснутъ звѣзды одна за другой,

А мой конь чрезъ поля и долины ужъ мчится
Въ бѣлый домикъ подъ дальней горой.

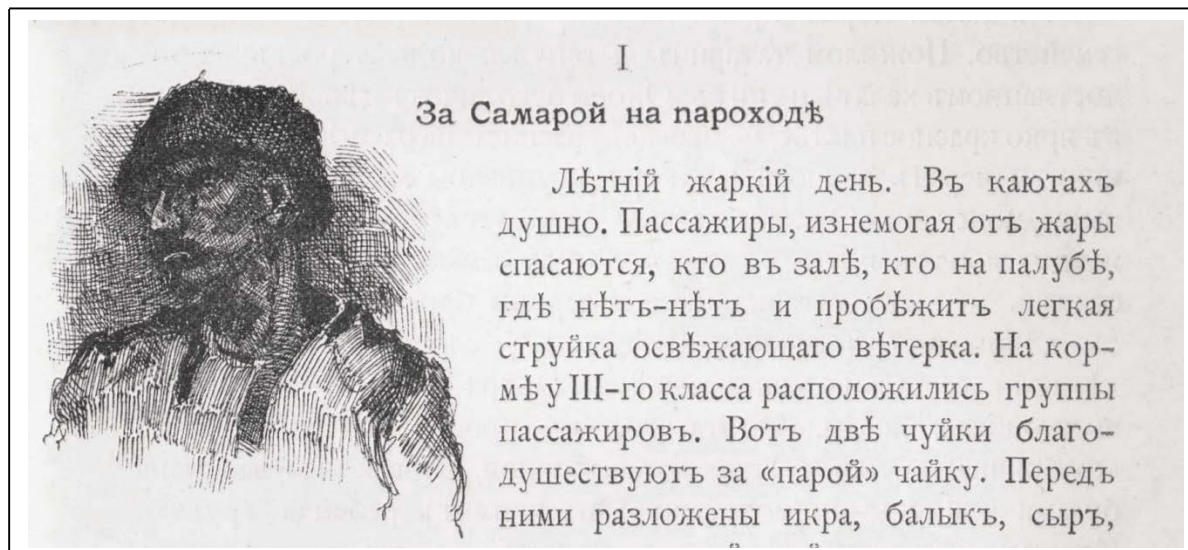
Стр. 61. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению С. Степанова «Ярким пламенем».

Стр. 1. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению Вл. Жуковского «Весна»

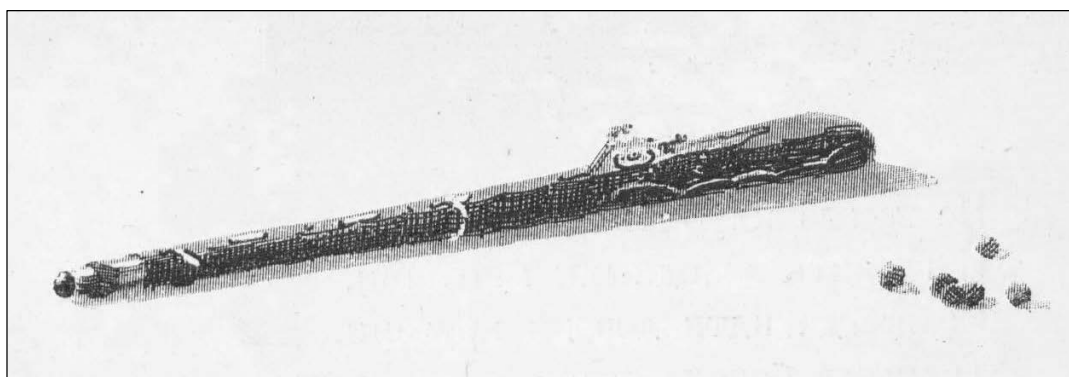
Стр. 66. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению С. Степанова «Nocturne».

Стр. 67. Н.К. Рерих. Виньетка к очеркам Н.Ф. Николина «На Волге».

Стр. 80. Н.К. Рерих. В Греках.

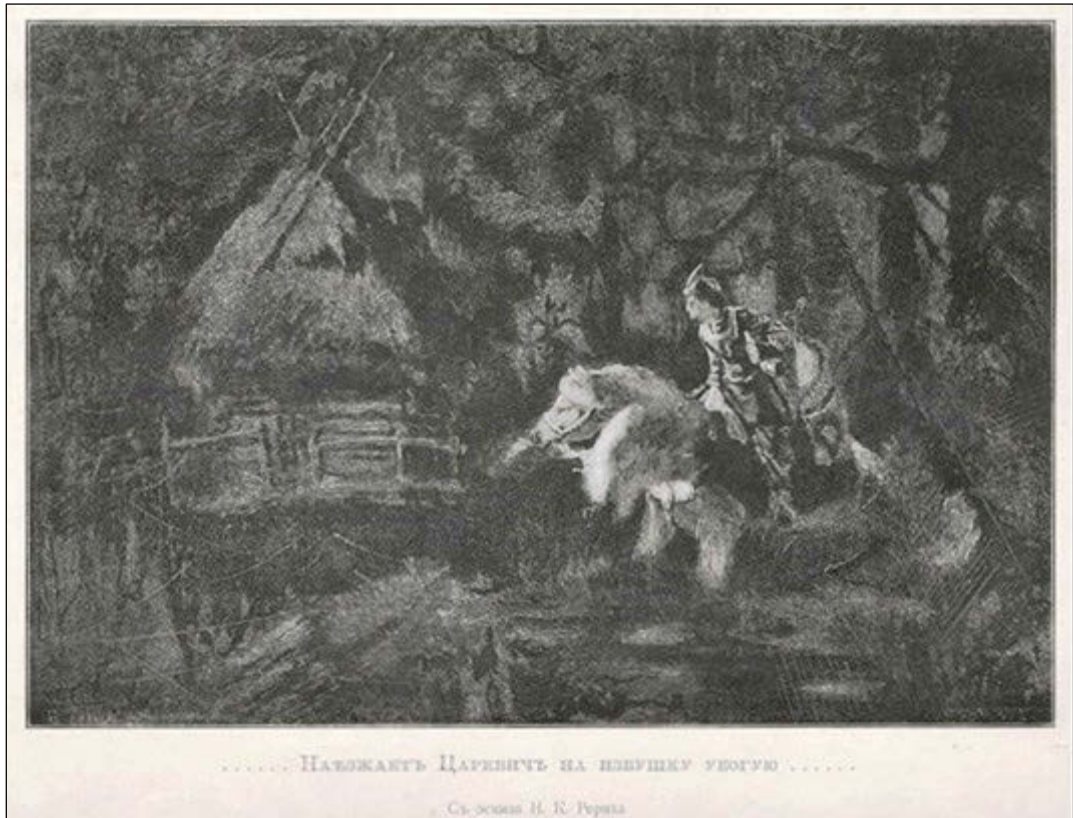
Стр. 239. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению В. Яшневицкого «Ангел».

Стр. 85. Н.К. Рерих. Виньетка к очерку Н. Николина «На Волге».

Стр. 163. Н.К. Рерих. Виньетка. к стихотворению Ос. Баотерманца «Небо сине».

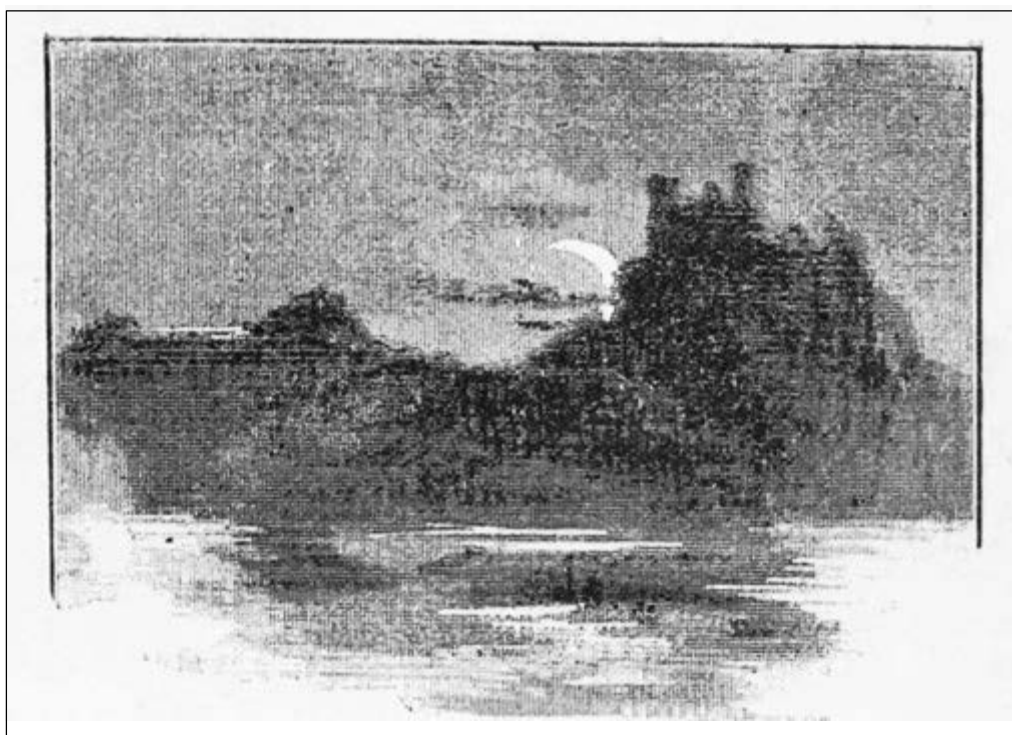
Стр. 304, Н.К. Рерих. Царевич.

Стр. 346. Н.К. Рерих. Воевода.

Стр. 102. Н.К. Рерих. Виньетка к рассказу В. Шишкарёва «Родная баня».
(авт. пер. с финского яз.)

Стр. 119. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению Н. Голикова «В час ночи».

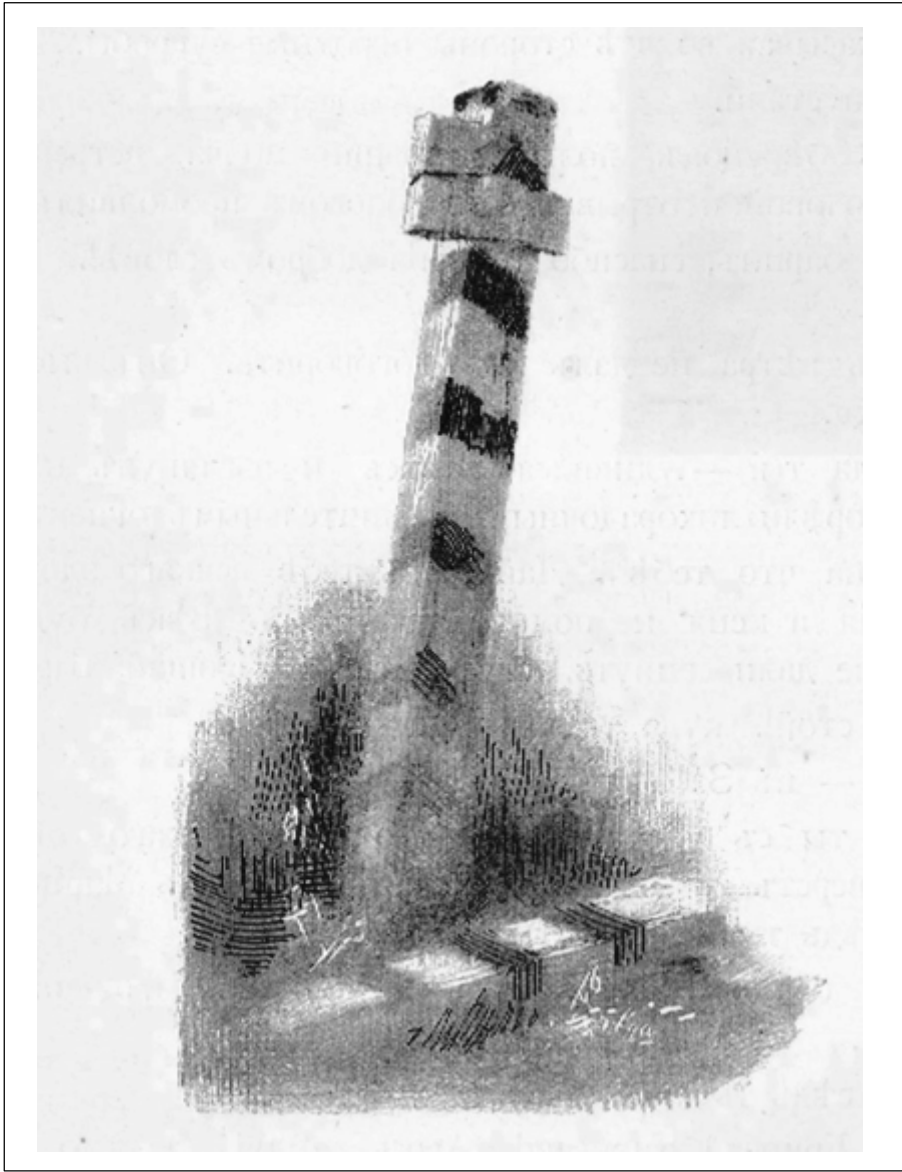

Стр. 136. Н.К. Рерих. Виньетка к очерку Гонбожапа Цыбикова «Добродетельный и порочный».

Стр. 152. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению Вл. Жуковского «Не зови обладанья любовью».

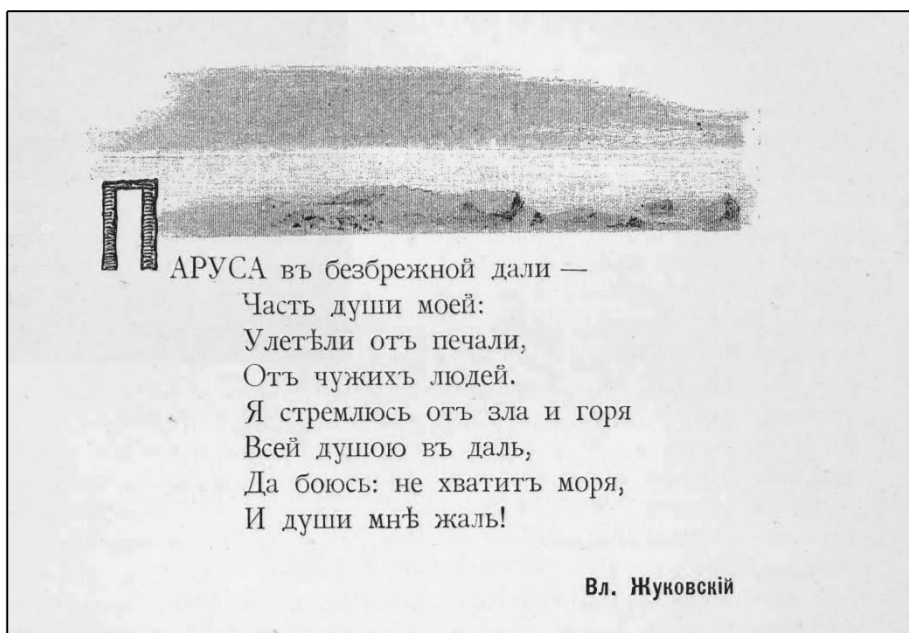

Стр. 178. Н.К. Рерих. Виньетка к рассказу Евгения Беспятова «Жиган».

Стр. 179. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению Графа Ф. де-Ла-Барта «Песнь трубадура».

Стр. 205. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению Вл. Жуковского «Паруса».

ЗВѢЗДА И ОКЕАНЪ

Вл. Жуковскаго

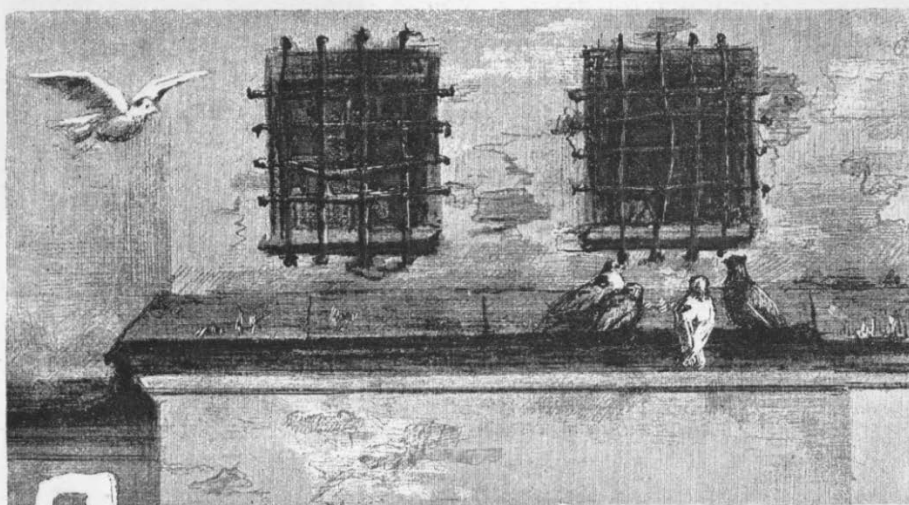
вершая въ пространствѣ назначенный путь,
Звѣзда говорила съ рѣкою:
«Послушай, мнѣ скучно, глубокой тоскою
Полна моя чуткая грудь.
Я слышу отсюда, съ холодныхъ высотъ,
Безбрежную зыбь океана,—
И землю ревную, и ласки тумана
И жду, когда небо падеть.
Скажи океану, подруга волна,
Мое наболѣвшее слово,
Скажи, что звѣзда утонуть въ немъ готова,
Шепни, что звѣзда влюблена».

Стр. 182. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению В. Жуковскаго «Звезда и Океан».

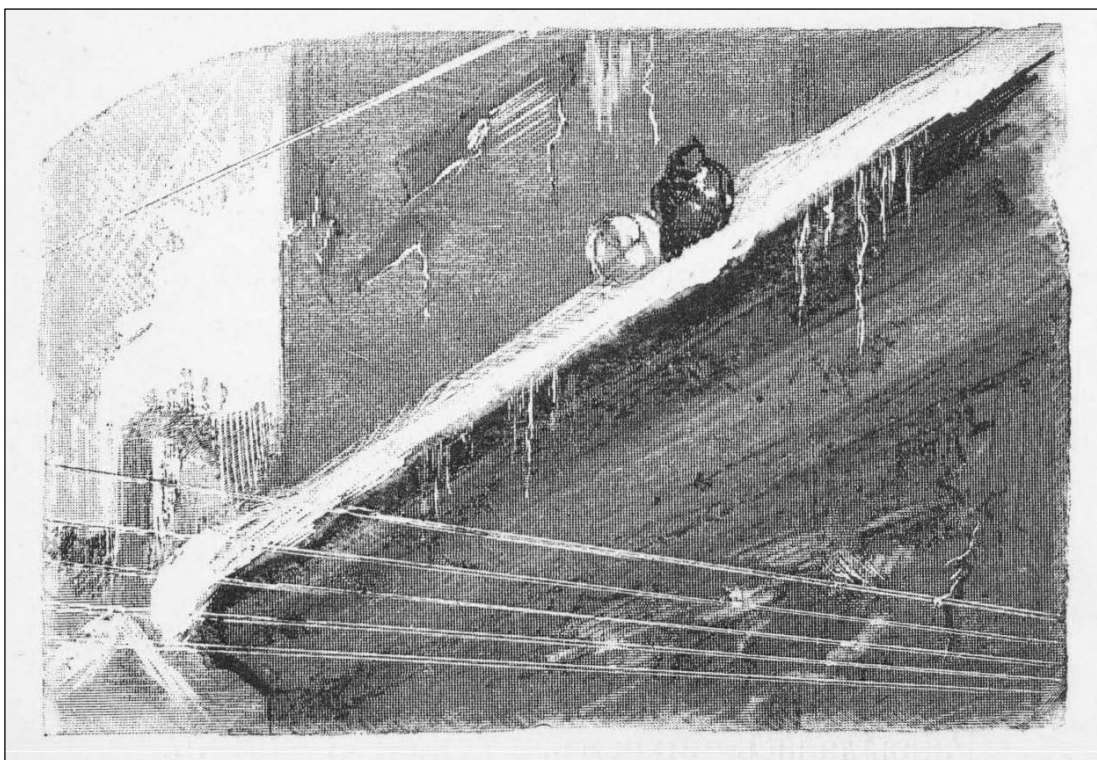
Стр. 217. Н.К. Рерих. Виньетка к рассказу Вл. Беренштайна «Слу-у-шай!..»

ГОЛУБИ

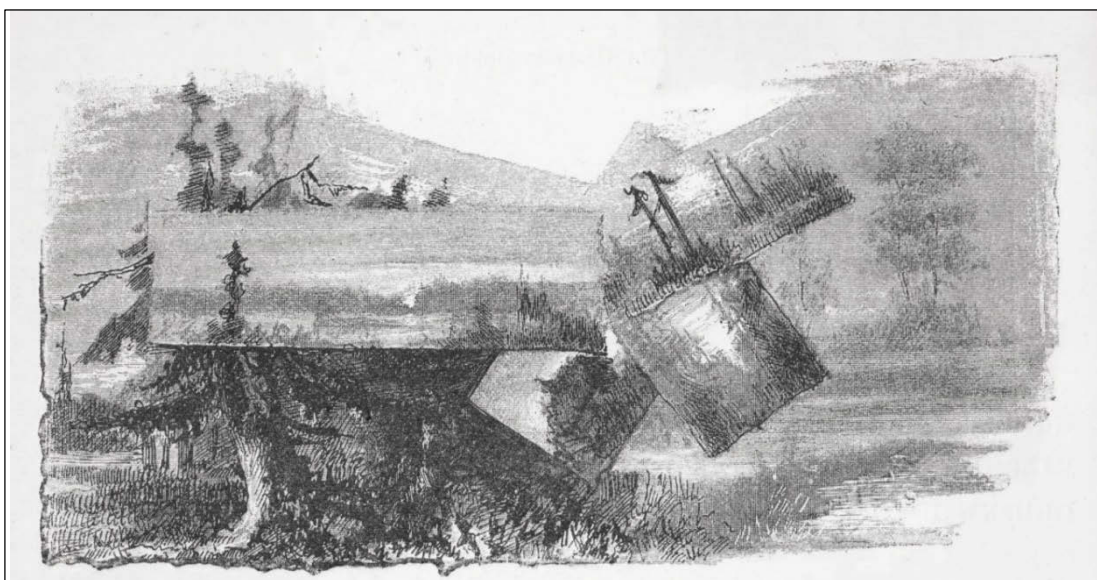

томлюсь въ острогѣ, окнами на дворъ:
Неба голубого не находить взоръ.
Ночью молчаливой, утромъ золотымъ,
Ходятъ часовые подъ окномъ моимъ.
Помнится: когда то, рядомъ, изъ окна
Голубей кормила узница одна,
И бывало утромъ, только лучъ блеснетъ,
Я привычнымъ слухомъ чуялъ ихъ полетъ.

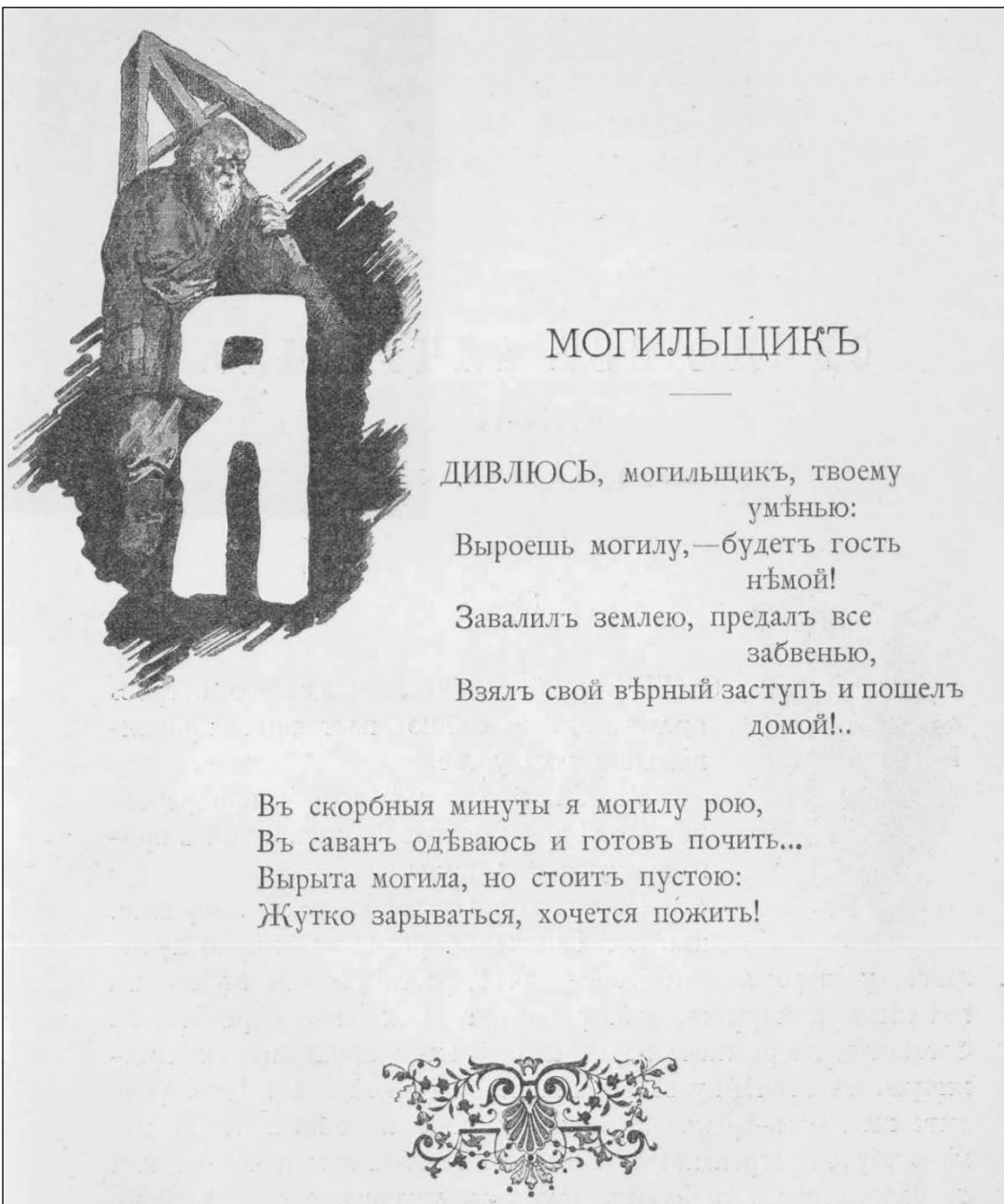
Стр. 191. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению. Вл. Жуковского «Голуби».

Стр. 192. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению В. Жуковского «Звезда и Океан».

Стр. 276. Н.К. Рерих. Виньетка к рассказу В. Шишмарёва «Хвала уединению».
(авторизованный перевод с финского яз.)

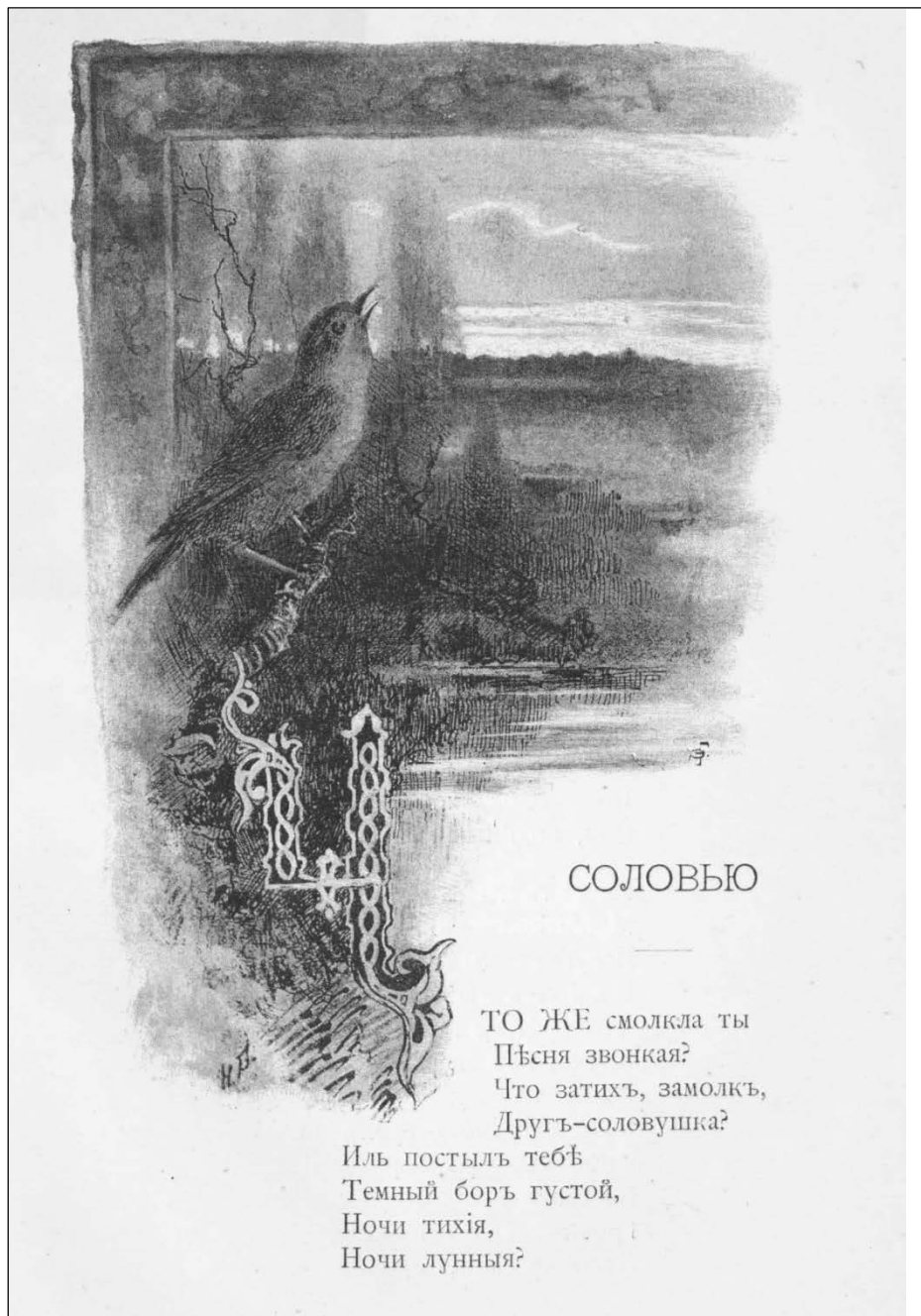

МОГИЛЬЩИКЪ

ДИВЛЮСЬ, могильщикъ, твоему
умѣнью:
Вырешь могилу, — будетъ гость
нѣмой!
Завалилъ землею, предалъ все
забвенью,
Взялъ свой вѣрный заступъ и пошелъ
домой!..

Въ скорбныя минуты я могилу рою,
Въ саванъ одѣваюсь и готовъ почить...
Вырыта могила, но стоитъ пустою:
Жутко зарываться, хочется пожить!

Стр. 391 Н.К. Рерих. Виньткак стихотворению Н. Спиранского «Соловей».

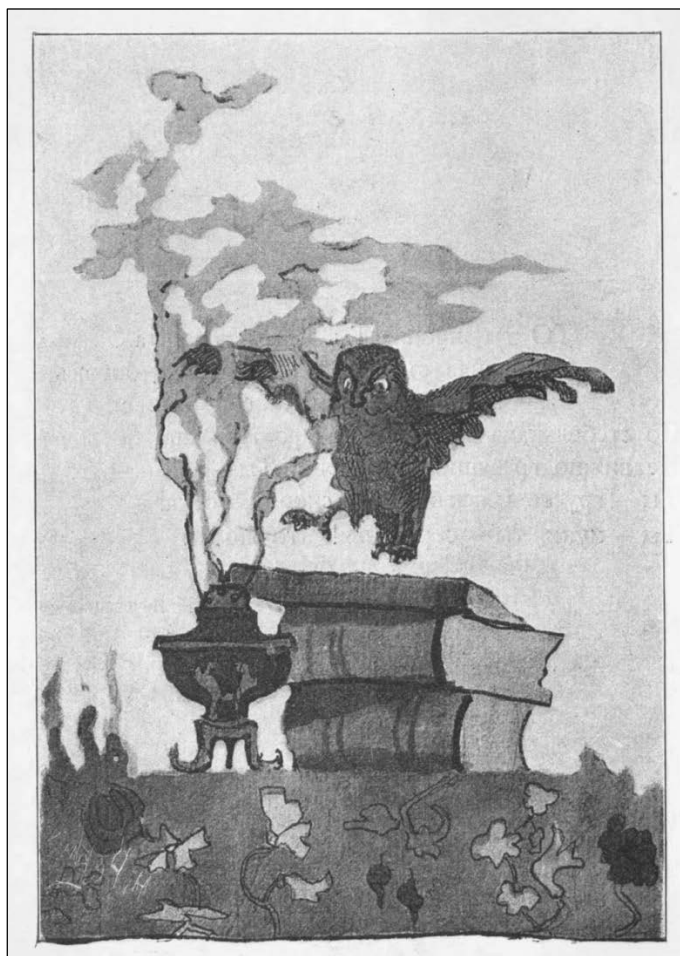
* * *
Посвящено Н. Д. Д.

РОПЫЛИЛО стадо
Къ своему селеню,
Падаетъ прохлада,
Медленною тѣнью.

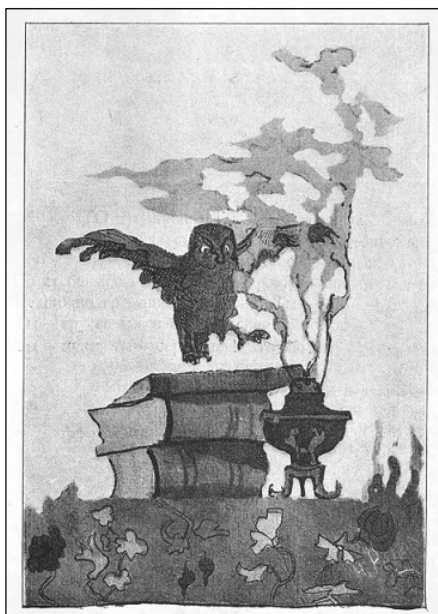
По долинѣ горной,
Свѣжей и глубокой,
Бродитъ призракъ черный
Ночи недалекой.

Надъ вершиной снѣжной
Кто-то звѣзды множитъ
И вздыхаетъ нѣжно,
И покой тревожитъ.

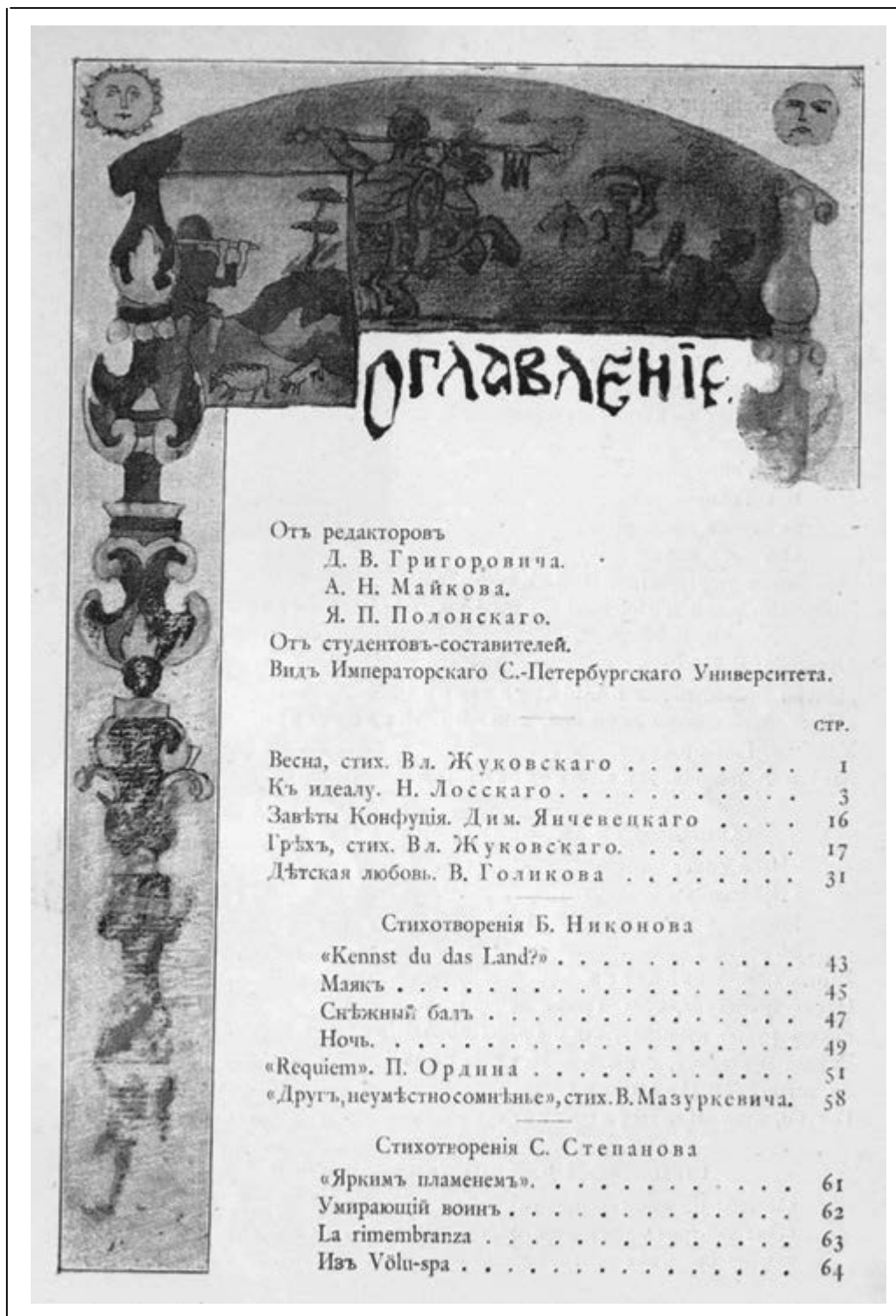

Стр. 422. Н.К. Рерих. Заключительная виньетка
(В издательстве при неправильном репродуцировании оттиска было получено
зеркальное изображение).

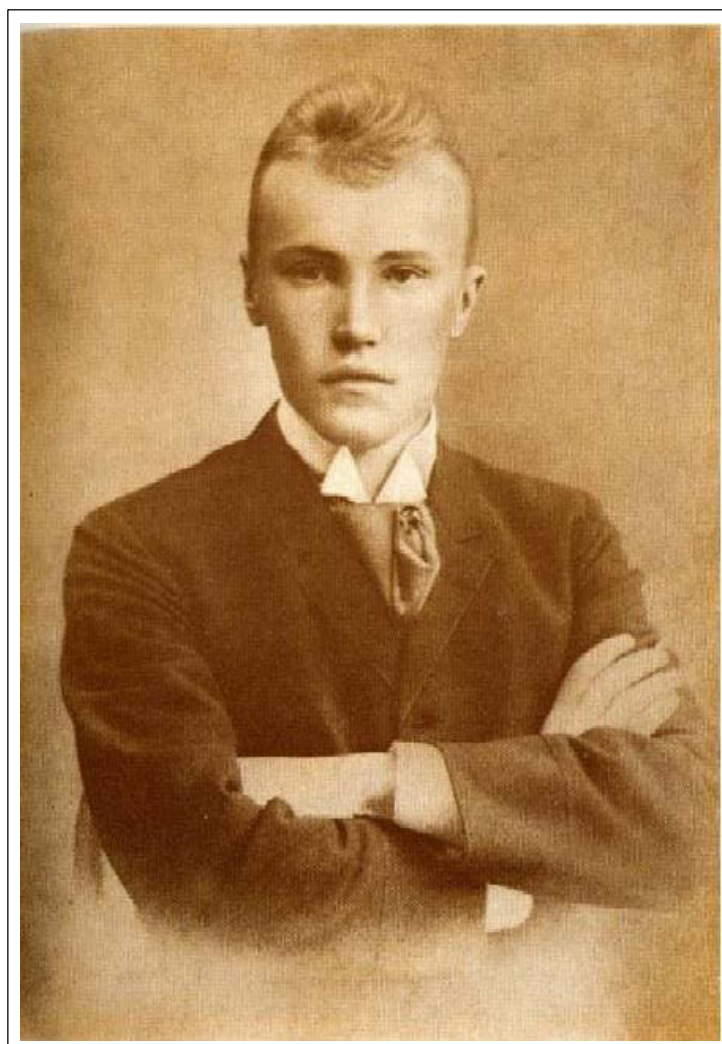
Н.К. Рерих. Сова. 1896. Рисунок.

Виньетка Н.К. Рериха, стр. 427.

Н.К. Рерих. Буквица «Я». 1895.

Н.К. Рерих. 1895 г.

Часть II.

МАСТЕРСКАЯ КУИНДЖИ

«Старая академия кончилась. Пришли новые профессора. Встала задача: к кому попасть – к Репину или к Куинджи?»

Репин расхвалил этюды, но он вообще не скупился на похвалы. Воропанов предложил: «Пойдём лучше к Куинджи». Пошли. Посмотрел сурово: «Принесите работы». Жили мы близко – против Николаевского моста, - сейчас и притащили всё, что было. Смотрел, молчал... Что-то будет? Потом обернулся к служителю Некрасову, показал на меня и отрезал коротко: «Это вот они в мастерскую ходят будут». Только и всего. Один из самых важных шагов совершился прощепрого».

Из воспоминаний Н.К. Рериха. 1937 г.

*****

Из студенческого дневника Н.К. Рериха.

30 октября 1895 г.

30.X. 95. Большие события! Я в мастерской Куинджи. За рис. I разряд. Мои эскизы висят среди работ учен[иков] мастерских. По поводу иллюстраций к Университетскому сборнику Сыромятников говорит сегодня: Вы большой художник! Жаль я вас раньше не знал. Мне Бакст хуже иллюстрировал. Отчего вас никто не знает? Чудно, очень хорошо!

К Архипу Ивановичу я попал через Г. Воропанова. Потაცил меня Глеб к нему. Эскизы понравились и я в мастерской.

В мастерской А.И. Куинджи. 1895 г.

«Куинджи научил меня искать достижений в непосредственности, в повелительном трепете сердца, зовущего к созиданию».

Н.К. Рерих, «Твердыня Пламенная».

Из воспоминаний (1908 г.)...

МАСТЕРСКАЯ КУИНДЖИ

На днях начнётся пересмотр устава Академии.

Из времён школьных вспоминаю об уставе и о людях, его державших.

Не будем только обвинять устав. Правда, вредны дипломы, вредны катедры, вредны квартиры, вредно всё, что не относится до искусства. Но в живых руках оживала и мёртвая буква. Всё пребывание в Академии объединяется во мне в воспоминании о А. И. Куинджи, о его мастерской. В этом яркий пример того, что живое дело может быть двигаемо лишь живым человеком. Куинджи был слишком живым для академической среды, и Академия не могла дорасти до его широких взглядов на искусство. Широких — несмотря на всю его требовательность. Эта требовательность, конечно, — не что иное, как следствие горячей любви.

На пространстве 12 лет деятельность Куинджи была единственно яркою точкою из всей жизни Академии. Он начал светлое дело, он верил в него, он зажигал верою своею его окружавших, и ему не пришлось довести его начинания до конца. Ему не довелось высказаться. Никогда так широко, так светло не обсуждал Архип Иванович художественные явления, как во время своего руководства в Академии. Видно было, что он именно верил в дело и временно поверил в людей.

Из двух десятков учеников мастерской А. И. Куинджи теперь многие разбрелись по далёким углам; многих жизнь оторвала от товарищей, но при всякой встрече в радостном возгласе чувствуется воспоминание о жизни в мастерской А. И.

Профессор, оплаченный государством, исчезал во время занятий в мастерской Куинджи.

Оживал мастер-художник далёкой старины, и ученики были для него не случайными последствиями деятельности наставника, а близкими ему существами, которым он всем сердцем желал лучших достижений. Кто же ещё из профессоров подумал съездить с учениками на этюды? Кто, из желания расширить знания учеников, организовал обширную поездку за границу? Куинджи знал, что нужно для художников и, забывая работу свою, стремился дать ученикам своим всякое оружие для будущей жизни.

Действительно, как в старинной мастерской, где вне рассуждений о кокарде учили действительно жизненному искусству, ученики в мастерской Куинджи знали только своего учителя; знали, что ради искусства он отстоит их на всех путях; знали, что учитель их ближайший друг и сами хотели быть его друзьями. Канцелярская сторона не существовала для мастерской. Что было

нужно, то и делалось. Кому нужно было работать, тому находилось и место. Нужны были средства - являлись и средства. Нужна была вера в себя - являлась и эта вера, и чувствовали, что приготавливались к очень важному будущему делу.

Всякий, бывавший в мастерской Куинджи, помнит, из каких разнородных по существу людей, естественно, мастерская была составлена. И Куинджи сумел рассказать им всем о радости искусства, и только в этом секрет единогласия, царившего в мастерской. Не деспотизмом, но великою силою убеждения мог связывать в одно целое Куинджи учеников. Повторяю, если после многих жизненных волн будут встречаться бывшие ученики Куинджи, и если при встрече будут чувствовать, что в душе подымается что-то хорошее и радостное, то это именно следствие работы А. И.

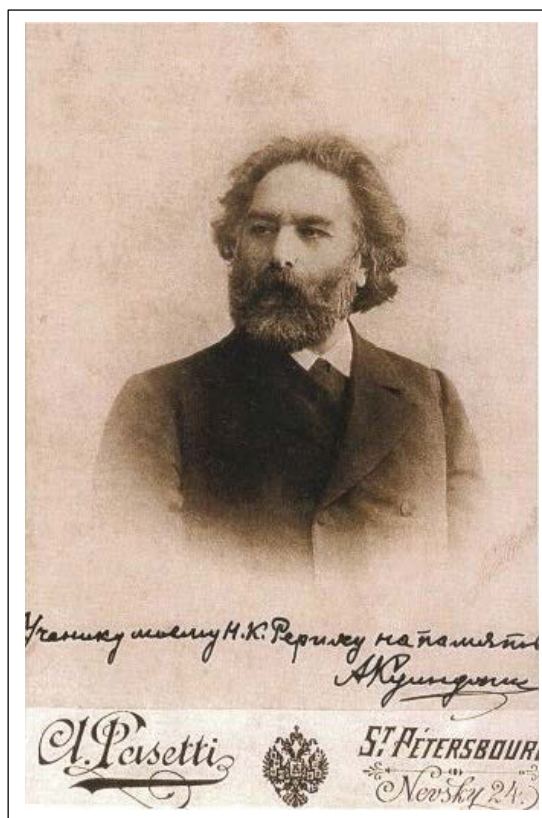
Куинджи учил искусству, но и учил жизни. Он не мог представить, чтобы около искусства могли стоять люди непорядочные. Искусство и жизнь связываются в убеждении его как нужное, глубокое, хорошее, красивое.

Одно качество трудов Архипа Ивановича, по-моему, до сих пор не оценено. Это - замечательное бескорыстие его работы. Художник, имевший успех особенный; художник - работающий и с обеспеченным успехом в будущем, Куинджи всё время отдаёт другим. Он хочет помочь во всякой нужде и творческой, и материальной; он болеет, он сердится, он негодует, если видит, что где-то что-нибудь выходит не так хорошо, как должно бы быть. Он хочет, чтобы искусство и всё до него относящееся было бодрым и сильным. Он мучается, если жизнь отодвигает искусство на далёкие места. В этом желании успехов искусства, в стремлении помочь делу, вне всяких личных отношений — замечательное свидетельство бескорыстия.

В этом большом художнике и большом человеке — всё моё представление о «новой» Академии. После его ухода, после 1897 года я мало знаю об этом учреждении. Знаю, что в нём горят огни; знаю, что ученики всё чем-то недовольны; знаю, что избирается очень много комиссий; знаю, что профессорствующие ссорятся, но какое именно место отведено в Академии художеств искусству — неизвестно.

Очень терпеливый И. И. Толстой - не выдержал и временно отошёл от Академии; Репин наконец-то не выдержал; Серов, Нестеров, Суриков, Поленов, Малявин отказались вступать в Академию. Испугались ли они только книжечки устава или людей? Если устав омертвил людей, надо убрать устав. Если люди омертвили устав, то надо людей убрать. Справедливый должен прийти и помочь бедному «свободному» искусству. Справедливый должен понять, что без любви, без ярких дел, без смелых выступлений - вера мертва. Академия стремительно ведёт дело, чтобы уничтожить значение и веру искусства. Если посмотрите на сумятицу наших выставок, то поверите, что Академия в этом отношении не дремлет. Мертвить или оживлять призваны люди в Академию?

Слово. 1908. 9/22 апреля. № 427. С. 5.

ГУРУ - УЧИТЕЛЬ

Однажды в Финляндии я сидел на берегу Ладожского озера с крестьянским мальчиком. Человек среднего роста прошёл мимо нас, и мой маленький компаньон встал и с великой почтительностью снял свою шапку. Я спросил его после: "Кто был этот мужчина?" И с особой серьёзностью мальчик ответил: "Это учитель из соседней школы". "Ты знаешь его лично?" - настаивал я. - "Нет, - ответил он с удивлением... "Тогда почему ты приветствовал его так почтительно?" Ещё более серьёзно мой маленький компаньон ответил: "Потому, что он Учитель".

Почти аналогичный случай произошёл со мной на берегу Рейна около Кёльна. Снова с радостным изумлением я увидел, как один молодой человек приветствовал школьного учителя. Я вспоминаю в самых возвышенных словах о моём учителе, профессоре Куинджи, знаменитом русском художнике. История его жизни могла бы заполнить самые вдохновенные страницы биографии для молодого поколения. Он был простым пастушком в Крыму. Только последовательным, страстным стремлением к искусству он был способен победить все препятствия и, наконец, стать не только уважаемым художником и человеком великих возможностей, но также настоящим Гуру для своих учеников в его высоком индусском понятии.

Три раза он пытался поступить в Императорскую Академию Художеств, и три раза ему отказывали. В третий раз 29 студентов были приняты, и ни один из них не оставил своего имени в истории искусства. И только одному, Куинджи, было отказано - Совет Академии не состоял из Гуру и, конечно, был недалёковидным. Но юноша был настойчив, и вместо бесполезных попыток он написал пейзаж и подарил его Академии на выставку и получил две награды без сдачи экзаменов. Он работал с раннего утра. Но после обеда взбирался на ступенчатую крышу своего дома в Петрограде, где каждый полдень тысячи птиц слетались к нему. И он кормил их,

разговаривая с ними, как любящий отец, изучал их. Иногда, очень редко, он приглашал нас, своих учеников, на эту знаменитую крышу, и мы слушали замечательные истории о личностях птиц, об их индивидуальных привычках и о том, как к ним приблизиться. В эти мгновения этот невысокий, крепко сложенный человек с львиной головой становился таким же мягким, как святой Франциск. Однажды я видел его очень удручённым в течение целого дня. Одна из его любимых бабочек поломала своё крыло, и он придумал искусный способ поправить его, но его изобретение было слишком тяжёлым, и благородную попытку постигла неудача.

Но с учениками и художниками он знал, как быть твёрдым. Очень часто он повторял: "Если вы художник, даже в тюрьме вы должны остаться художником". Однажды в его студию пришёл человек с очень красивыми эскизами и набросками. Куинджи похвалил их. Но человек сказал: "Но я несчастлив, потому что не могу продолжать писать картины" "Почему?" - участливо спросил Куинджи. И человек сказал, что ему надо кормить семью, и он работает с десяти до шести. Тогда Куинджи спросил его резко: "А с четырёх до десяти что вы делаете?" "Когда?" - спросил человек. Куинджи объяснил: "Конечно, утром". "Утром я сплю", - ответил человек. Куинджи возвысил голос и сказал: "Ну тогда вы проспите всю свою жизнь. Разве вы не знаете, что с четырёх до девяти самое лучшее творческое время и не обязательно работать над вашим искусством более пяти часов в день". Потом Куинджи добавил: "Когда я работал ретушёром в фотостудии, у меня тоже была работа с десяти до шести. Но с четырёх до девяти у меня было достаточно времени, чтобы стать художником".

Иногда, когда ученик мечтал о каких-то особых условиях для работы, Куинджи смеялся: "Ну, если вы так нежны, что вас надо поставить в стеклянный футляр, то лучше умереть как можно скорее, потому что наша жизнь не нуждается в таких экзотических растениях". Когда же он видел, что ученик преодолел обстоятельства и прошёл победно через океан земных бурь, то глаза его сверкали, и он громко заявлял: "Ни солнце, ни мороз не смогут уничтожить вас. Именно это и есть путь. Если у вас есть, что сказать, вы сможете выполнить своё предназначение, не смотря ни на какие препятствия в мире".

Я вспоминаю, как он пришёл в мою студию на шестом этаже, которая в это время была без лифта, и сурово раскритиковал мою картину. Таким образом, он практически не оставил ничего от моей первоначальной идеи и в большом волнении ушёл. Не менее чем через полчаса я снова услышал его тяжёлые шаги, и он постучал в дверь. Он снова поднялся по длинной лестнице в своей тяжёлой шубе и, задыхаясь, сказал: "Ну, я надеюсь, что вы не примете всё, что я сказал, всерьёз. Каждый может иметь свою точку зрения. Я почувствовал себя скверно, когда понял, что вы, вероятно, приняли слишком серьёзно весь наш разговор. Цель достигается разными путями, и действительно истина - бесконечна".

А иногда в величайшем секрете он доверял одному из своих учеников анонимно передать от него деньги каким-нибудь бедным студентам. И доверял только тогда, когда был полностью уверен, что секрет не будет раскрыт.

Однажды случилось так, что в Академии поднялся бунт против вице-президента Совета Толстого, и поскольку никто не мог успокоить гнев студентов, положение стало серьёзным. Наконец, на общее собрание пришёл Куинджи, и все затихли. Тогда он сказал: "Ладно, я не судья. Я не знаю справедливо ли ваше дело или нет, но я лично прошу вас начать работу, потому что вы пришли сюда стать художниками". Митинг закончился немедленно, и все вернулись в классы, потому что об этом просил сам Куинджи.

Вот таким был авторитет Гуру. ...

Н.К. Перух. 1930 г.

Н.К. Рерих. «В Греках» (Варяг). 1895.
(Фотография с картины Н.К. Рериха. ОР ГТГ, ф. 44/1726.)

ХРОНИКА

Выставка ученических работ в залах Императорской Академии Художеств

... Несмотря на то, что г. Куинджи прославился как пейзажист, к нему охотно идут жанристы; из таковых особенно заметен г. Рерих.

Его этюд «В Греках» очень характерен; перед вами, гордо опираясь на секиру, с изуродованным шрамом лицом, в кольчуге и шишаке, стоит один из наших отдалённых предков, не раз в своих утлых челнах навещавших Византию и наводивших страх на властителей Константинополя. Его эскиз - «Иван царевич у избушки» - слабее.

Судя по этой выставке, дело Высшего училища идёт на лад, и академическая реформа в этом отношении уже сказывается...

Новое время. 1895. 10/22 Ноября. № 7077.

Из студенческого дневника Н. Рериха:

16 ноября 1895 г.

16. XI. 95. Работаю в мастерской и недурно. Теперь многие встречаются и относятся благосклоннее после нововременского отзыва о «В Греках». С натурным классом отношения порваны – заходил туда, а там, словно волки глядят. Мы скоро так поставим нашу мастерскую, что из других будут приходить смотреть, теперь с Глебом орудуем. Архип Иванович простудился, кормил птиц и просквозило. Любопытно! он приучил воробьёв, голубей, галок летать к нему – и кормит. Так его уже они знают, как видят сквозь окно, и летят сейчас.

В Университете мало бываю. Сочинение двигается плохо. Заходит в нашу мастерскую Кузнецов преемник Кившенко, держится просто, симпатично.

---

21 ноября 1895 г.

21. XI. Кривенко купил «В Греках». Чёрт возьми! Совсем особое чувство, когда подходят и спрашивают, продаётся ли вещь. Говорят, я сильно продешевил его, но не в том дело.

---

22 ноября 1895 г.

22. XI. А и жесток же этот человек Скалон! Сегодня встречаю его в классе, здороваюсь, а он только руку подаёт, и ни слова, и то нехотя. Потом мне объяснили, что ему хочется в мастерскую перейти, а на последнем экзамене III-и разряды. И он завидует! Обидно, ей Богу завидно. А я ещё считал его так долго порядочным человеком. И в классах толкует, что я перешёл не по праву, не-симпатично.

Экий чудак! Да если работы хороши, то снеси их профессору и его примет. Один Глебушко у меня остался. Он всё понимает. Пусть будет *una fides*¹.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/11, 4 л.

---

¹ *Unus Dominus, una fides* (лат.) - «Единое тело. один дух» (Библия) – ред.

ДЕКАБРЬ

Из архива Н.К. Рериха:

В НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО

(Уж давно былъем пор[осло])

Никакого нет дела машине, что завтра праздник, знай себе, отдувается; неустанно дребезжат пепельницы и фонари по углам вагона, наводя скуку и ещё яснее представляя контраст со всеобщей радостью. Что же закинуло меня в эту скучную для такой ночи обстановку? Дела, государи мои, дела... Это они вырвали меня из уютной комнаты, погнали на вокзал, втиснули в угол пыльного дивана, лишили возможности видеть вокруг милые, дорогие лица.

Какое это широкое слово “дела”! Впрочем, это уже философия; лучше буду пресекать её в начале, а то человек в одиночестве чересчур уж склонен к ней.

Я сказал в “одиночестве”, а между тем, в этом отделении вагона были ещё подобные мне странники. За проходом поместились два пассажира неизвестной наружности, а против меня расположился толстяк лесничий, сразу, почему-то, наведший меня на мысль о лешем. Сопутники неизвестной наружности (таких людей художники любят изображать силуэтами) сейчас же замолкли, только бархатными носовыми звуками изредка напоминая о своём присутствии; леший же, видимо, желал вступить со мной в разговор и уже несколько времени терзался выбором подходящего предложения для знакомства.

Наконец, он нашёл, по его мнению, достаточно приличный повод и, крикнув, осведомился “не немец ли я?” Получив отрицательный ответ, он начал излагать мне подробно, которая именно часть моего тела навела его на эту мысль; виновными оказались нос, губы и борода, и отчасти лоб.

Но вскоре я принуждён был лишиться себя приятного разговора; - лесничий имел дурную привычку при разговоре приближать свою физиономию к моей на неизмеримо близкое расстояние, причём испускал какой-то такой скверный запах, что мне оставалось только уткнуть нос в воротник и изобразить спящего. (Не знаю, этот запах, был ли его индивидуальной способностью, или присущ всем лешим). Таким образом, ему, после рассказа о своей поездке в город и о том, как он отдал начальнику ногу, оставалось только неодобрительно гыкнуть и отомстить мне необыкновенно шумным храпением.

Мне не спалось; - безобразно пёстрою лентою тянулись по голове думы, и не раз я сетовал про себя на одно маленькое создание, тоже ехавшее в этом поезде. Дело в том, что, когда я вошёл в вагон, мне бросилась в глаза фигура моего сослуживца, энергично чего-то хлопотавшего. Мы оба, что называется, ухватились друг за друга и руками и зубами; я - думая найти в нём приятного спутника, а он за меня по совсем другой причине. Ухватив меня за пуговицу, он торопливо начал шептать мне: “видишь, голубчик, я провожаю мою супругу, Евгению Константиновну, к родным в имение на праздники (у меня при этом мелькнула мысль о милой моей спутнице), так вот, я хотел просить тебя не оставить её, ну, помочь ей, коли понадобится, (мысль, мелькнувшая, окрепла), потому, видишь, с ней ребёнок, (мысль моя исчезла), 3-х месячный, (я уже проклинал встречу, представляя нечистоплотность малютки, пелёнки,

слюнявники и всякое такое). Я их тут устроил в отдельном купе, (у меня отлегло от сердца), чтобы им спокойно спать было. Пойди поздоровайся”.

Я пошёл, и был свидетелем долгой сцены прощанья нежных супругов, любовался, как мой приятель сдвигал скамейки, устилал их пледом, доставал подушки и, наконец, предложил душеньке сейчас лечь поживать, на что она и согласилась. Вот мы уложили мать и дитю спать, покрыли лисьей ротондой и, при пожелании всех благ, удалились.

Ещё, уходя, мой приятель предварил, что, если душечке жене понадобится какая-нибудь услуга, то она пусть отодвинет дверку, (дверь была отдвижная), и спросит у Павла Петровича (т.е. у меня), что ей нужно.

Вот на существование этого 3-х месячного дитяти я и сетовал. Мало-помалу на меня опять нашло минорное настроение; с помощью рта и полышубы довёл я стекло до состояния прозрачности и, припав к нему, старался разглядеть окружающее. Тёмной серой полосой тянулась снежная равнина, местами подле полотна чернел куст или перелесок, где-то вдали светилась хатка и больше ничего нельзя было разобрать.

Я откинулся вглубь дивана и задумался. Настоящие обстоятельства навели меня на мысли, почему вот мои знакомые могут провести эту ночь в своём семействе, а я должен сидеть в вагоне, чем они лучше меня, почему перед их глазами пылает теперь ёлка, а передо мной насмешливо мигает заплывшая свеча и много разных других дум наполнили мою голову; были тут и такие, от которых щемило горло, были и такие, что заставляли невольно улыбнуться. Понемногу более серьёзные, глубокие думы сменились обыденными; вспомнились мне разные ёлки; вот блесит елка в гимназии, давно это было, а теперь вон я маленьким карапузиком бегаю в зале у Дедушки; вижу его седую бороду; он смеётся, одевает меня в бумажный костюм охотника... Я бегаю вокруг елки, срываю игрушки... Наконец, на меня валится свечка, вспыхивает охотничья шапочка, слышится запах горелых волос... смрад... кто-то хватается меня... кричит...

Я начинаю уже явственно разбирать голос, взывающий ко мне, кто-то трясёт меня за руку и говорит: “нуте-ка, нюхните! ну те-ка, нюхните!” и с этим обдаёт меня каким-то зловонием. Как нарочно, лежать ловко – и не встал бы. Но усилиями лесничего подымаюсь и тяну в себя воздух – повсюду разносится тот самый запах горелых волос, который я слышал во сне. Сон мигом, как рукой сняло – я чувствовал опасность и не знал, где она.

Живо с лесничим осмотрели мы все отделения и ничего не нашли. Между тем, смрад вс усиливался. Откуда? Где же горит? - спрашивали мы друг друга. В вагоне всё было исследовано, оставалось только купе, где спала жена моего сослуживца, но так как оттуда не требовали моей помощи, то, очевидно, всё было в порядке. Спутники мои приступили ко мне с требованием осмотреть купе, так что, после сильных нареканий, я согласился на это. Подойдя к купе я заметил, что запах усиливается, и едва я успел отодвинуть дверь, как острый смрад горелого меха и шерсти ударил мне в голову и положительно отбросил в коридор.

Я перестал размышлять, инстинктивно, прямо сквозь дым и огонь, через что-то мягкое, бросился я и со всей силы хватил локтем по окну. С лязгом и звоном разлетелись двойные стёкла и, поверх синеватого смрадного дыма, в вагон ворвался клуб морозного воздуха. Что было дальше, я не помню...

Я что-то хватаю, горло и грудь наполняются едким дымом... внутри жжёт и кусает... голова кружится... рукам горячо...

Что я делал и зачем я не знаю. Почему я выпихнул горящую ротонду за окно? Кто меня надоумил? Кто руководил мною? – я не знаю. Лишь когда свежий воздух пересилил смрад, я начал приходить в себя.

Поперёк дивана лежала в беспамятстве моя знакомая, ребёнок без признаков жизни, со страдальческим лицом уткнулся в углу. Кое-где ещё тлело платье, ещё дым синеватыми струйками подымался, но, очевидно, опасность миновала. До сих пор, не знаю почему, я поступил именно таким образом, а не иначе; также не знаю, сколько времени происходило всё это.

В разбитое окно замелькали фонари – мы подходили к станции. Конечно, сейчас же появилось всё начальство: начальник станции, обер, жандарм, кондуктора; откуда-то вынырнул доктор. Началось следствие... Даму кое-как привели в чувство... писали протокол, что такого-то числа в отдельном купе вагона 1-го класса поезда, под номером таким-то, от вывалившейся из фонаря свечи на жене надворного советника такого-то, Евгении Константиновне Тарантиной, вспыхнула ротонда, лисья с бархатным верхом, стоимостью... ну и т.д., словом, всё пошло чин чином.

Со всех сторон высовывались самые странные физиономии, кто-то мне жал руку и искренно поздравлял с чем-то. Но с меня было довольно; я даже не принимал участия в уходе за пострадавшими, предоставив это доктору – благо, он тоже ехал в этом поезде. Мне лишь хотелось покоя, хотелось усесться попокойнее и отдохнуть.

Тарантину перевели в другое купе; доктор поместился с нею. Опять застучал поезд – в вагонах водворилось прежнее спокойствие. Через минуту голова моя бессильно опустилась на спинку дивана и я заснул. За эти 3, 4 часа глубокого сна силы мои вполне восстановились. Открыв глаза, я увидел доктора, который поздравил меня с праздником и сообщил, что его пациенты уснули.

Уже светало; после долгих усилий над стеклом, мне удалось рассмотреть окрестность. Поезд шёл мимо потонувшей под снегом деревушки. Синий туман окутывал причудливые зубцы дальнего леса. Наконец, огненная, кровавая полоса прорвала эту завесу, разрослась, вспыхнула, бросила на снег багровый оттенок – возвестила восход нарядного, праздничного солнца, что, будто раскалённый шар, выплыло из-за леса. Всё раскраснелось: и снег, и стволы берёзок, и даже – черные избёнки, словно алой вуалью приубрались. Равнина заискрилась, заиграла – всё веселится, всё ликует.

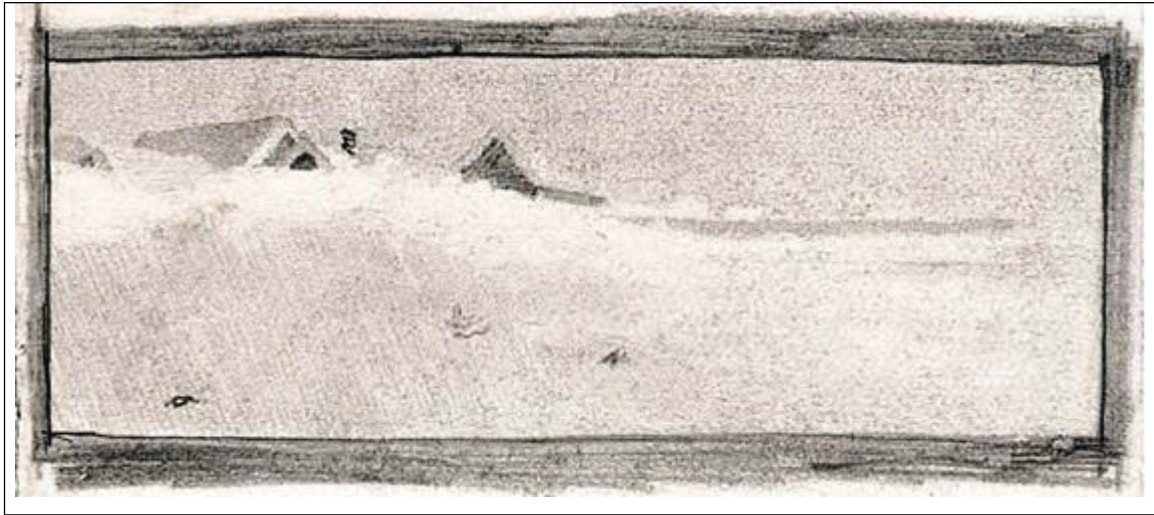
Глядя на очаровательную картину, мне представилось, что если бы я был дома, то, наверно, теперь спал бы, и не видал всего этого. Да, спал, и не мог бы спасти человека из опасности. Не знаю, что было бы мне приятнее – просидеть дома перед ёлкой, или иметь случай оказать услугу знакомому человеку. (Тарантина скоро поправилась, а ребёнок не перенёс этой передряги).

Все мрачные думы ночные, как рукой сняло. На узорах замёрзшего окна, весело <отливалось...> солнце. Пепельницы и фонари своими крышками и дверцами выбивали какие-то веселые мотивы. Кругом пассажиры поздравляли друг друга с праздником.

Н.К. Перих

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/62, лл. 1-4.

*«Поезд шёл мимо потонувшей под снегом деревушки.
Синий туман окутывал причудливые зубцы дальнего леса...»*

Н.К. Рерих. Зимний пейзаж. 1896. Рисунок.

Н.К. Рерих. Зимний пейзаж. 1896. Иллюстрация к Литературному сборнику.

1896 год

Из студенческого дневника:

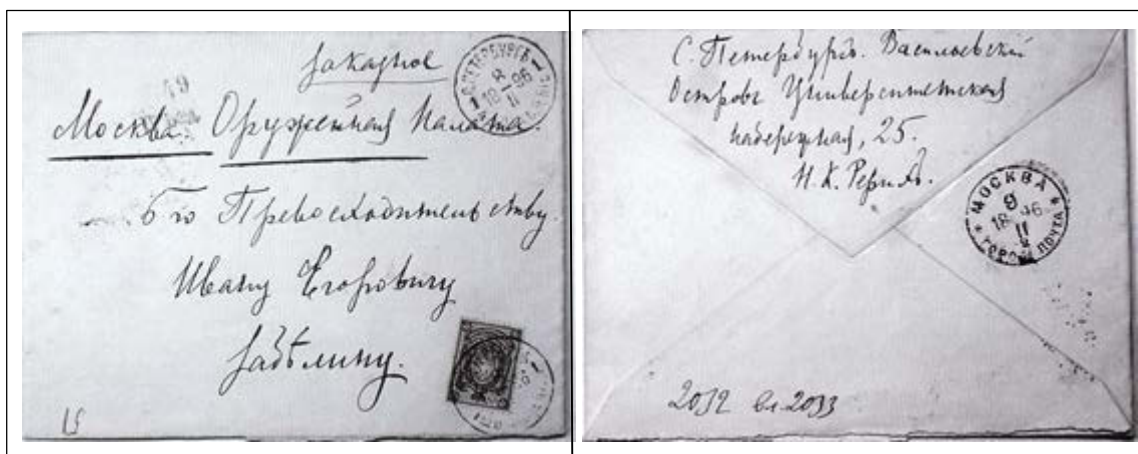
2 февраля 1896 г.

1896. 2.И. Написал пейзаж: дома не понимают, говорят, разве снег бывает синий – он белый; ожесточился и унёс в мастерскую – там находят, что много настроения и сильно взято. Ох, эти домашние взгляды.

Отдел рукописей ГТГ, 44/11, 4 л.

7 февраля 1896 г. С.-Петербург.

Письмо Н.К. Рериха к Забелину И.Е.

Почтовый конверт письма

Заказное

Москва. Оружейная Палата. Его Превосходительству
Ивану Егоровичу Забелину.

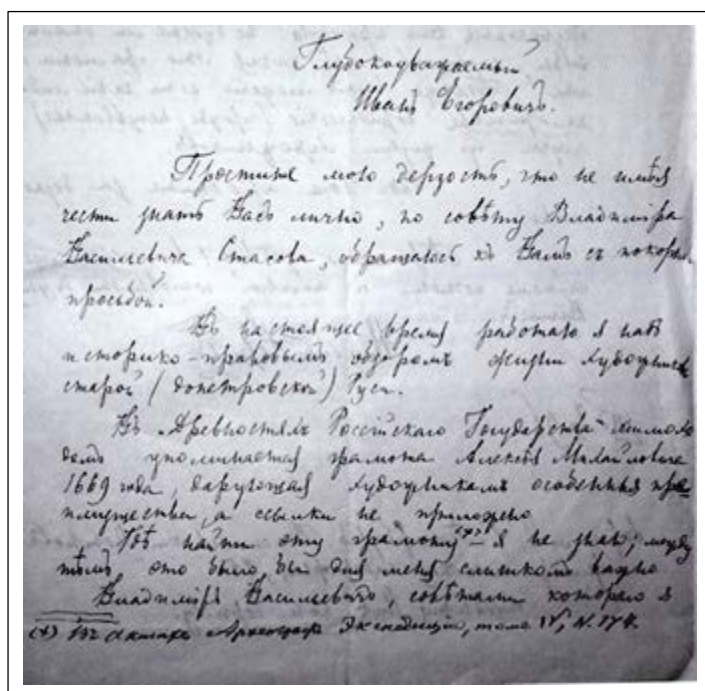
На штемпеле дата: С.-Петербург. 8/II 1896.

На обороте:

С.Петербург. Васильевский
Остров. Университетская
Набережная, 25.

На штемпеле дата: Москва. 9/II 1896.

Фрагмент письма Н.К. Рериха

Глубокоуважаемый Иван Егорович.

Простите мою дерзость, что, не имея чести знать Вас лично, по совету Владимира Васильевича Стасова, обращаюсь к Вам с покорной просьбой.

В настоящее время работаю я над историко-правовым обзором жизни художников старой допетровской Руси.

В «Древностях Российского Государства» мимоходом упоминается грамота Алексея Михайловича 1669 года, дарующая художникам особенные преимущества, а ссылки не приложено. Где найти эту грамоту ^(x)¹ – я не знаю; между тем это было бы для меня слишком важно.

Владимир Васильевич, советами которого я для этой работы пользовался, научил меня, беспокоить Вас просьбой: не будете ли столь добры, сообщить мне какая это грамота 1669 года? Также, быть может, есть какие-либо колоритные юридические (прежде неизвестные) случаи из жизни художников.

Ради Бога простите за беспокойство. Примите уверения в моём глубочайшем почтении и полной готовности к услугам Вашим

Николай Рерих
СПб 7/II 96.

Адрес мой: С. Петербург. Васильевский Остров.
Университетская набережная, 25.
Студенту Ник. Кон. Рериху.

ОПИ ГИМ, ф. 440/78, лл. 51, 51 об.: 49, 49 об.

Публикуется по изданию: Эпистолярное наследие Николая Константиновича Рериха. Одесса. «Астропринт». 2007.

¹ (x) В Актах Археограф. Экспедиции, том IV, № 174.

10 февраля 1896 г.

Письмо Ив. Забелина к Рериху Н.К.

М[илостивый Государь, Ник[олай] Кон[стантинович].

Грамота, о которой Вы спрашиваете, напечатана давным-давно в Актах Археогр. Экспед. том IV, № 174.

Для <отвлечения> юридических случаев из жизни старых художников необходимо пересмотреть все изданные подобные Акты, каковых немало <найденных> и в Описаниях Монастырей. Вот всё, что могу Вам сообщить.

Ив. Забелин

10 февр. 96.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/789, 1 л.

*****

12 февраля 1896 г. С.-Петербург.

Письмо Н.К. Рериха к Забелину И.Е.

Позвольте принести Вам мою искреннюю благодарность за Ваше любезное сообщение. С глубочайшим уважением останусь, всегда готовый к услугам Вашим.

Николай Рерих.

СПб. 12/II 96.

ОПИ ГИМ, ф. 440/78, л. 52.

Публикуется по изданию: Эпистолярное наследие Николая Константиновича Рериха. Одесса. 2007.

*****

23 февраля 1896 г.

К ЗАКРЫТИЮ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ 12 февраля 1896 г.

Из письма М.В. Нестерова к Нестеровой А.В. от 23 февраля 1896 г.:

“...Не помню, писал ли я в прошлом письме, что Академия художеств закрыта с 12 числа. Там был бунт учеников, вышло из Академии 400 человек, и Куинджи предложено выйти вон, и говорят, что, более того – его Толстой назвал “подлецом”. Куинджи в погоне за популярностью во время беспорядков сказал в курилке академистам речь и будто бы выдал тайну бывшего накануне совета Академии. Вообще, скандал большой, огромный. Завтра должна Академия или закрыться до осени, или, если придут с покаянием, то открыться вновь.

Вот какие дела здесь!”...

Отдел рукописей ГТГ, ф. 100/121, л. 2.

МАРТ
СТОГЛАВ

Стоглав (титульный лист). 1551 г.²

20 марта 1896 года

Из отдела рукописей Н.К. Рериха (ф. 44/58, 67 л.):

Интересные постановления Стоглавого Собора, касающиеся художников, как известно, совпадают с важным художественным периодом Руси, когда средоточие искусства из пошатнувшегося самосудного Новгорода было привлечено в Москву её Великокняжеским и Святительским престолом.

ХУДОЖНИКИ ВРЕМЕНИ СТОГЛАВА И ГОСУДАРЕВА ИКОННОГО ТЕРЕМА

Очерк Н. К. Рериха

Говоря о художниках времени Стоглавого собора, нельзя не упомянуть опять Платона Карпинина, встретившего в 1246 году при дворе татарского хана русского художника, мастера Козьму. Это свидетельствует о том, что «наше русское» не окончательно было «убито татарами, что, по словам И. Забелина неправильно многие полагают... что Русь всегда пребывала для всякого иноземного нашествия, пришествия, принесения пустым местом, степью голою».

² Стоглав — сборник решений Стоглавого собора 1551 года; состоит из 100 глав. — Ред.

Вплоть до Иоанна III в Москве не происходит ничего выдающегося в деле искусства и его носителей. Калита даёт начало художественной деятельности на Москве строит первую каменную церковь Успения, в 1329 году церковь Иоанна Лествичника (Иван Великий). (К сожалению, ни в одном из многочисленных известий о Прибалтийских славянах, при подробных описаниях идолов, не упоминается кем именно они были изваяны.)

С водворением Христианства скульптурное искусство у нас сильно пало, как продукт язычества. Оно осталось лишь как средство украшать зодчество в виде барельефов.

Все наши сведения о первых шагах нашего Христианского искусства ограничиваются летописными отрывками, скудными и довольно бесцветными.

«Повелѣ Володимеръ рубити церкви и постави церковь Св. Василия на холмѣ идѣже стояше кумиръ Перунъ... и начаша ставити церкви по градамъ». Церковь Св. Василия была срублена и поставлена – следовательно, она была деревянная. Потом следуют краткие упоминания о призвании зодчих из Царьграда, для сооружения большого каменного храма, во имя Богоматери, на месте и первых и единственных мучеников в Росиии. «Помысли създати церковь Пресвятая Богородицы, пославъ приведе мастера отъ Грекъ...» украси ю иконами, ... и вда ту все еже бѣ взялъ въ Корсуни». (Лавр. стр. 52.)

Так что первую церковь, деревянную ставили русские люди, иначе бы летописец упомянул бы о мастерах от Грек.

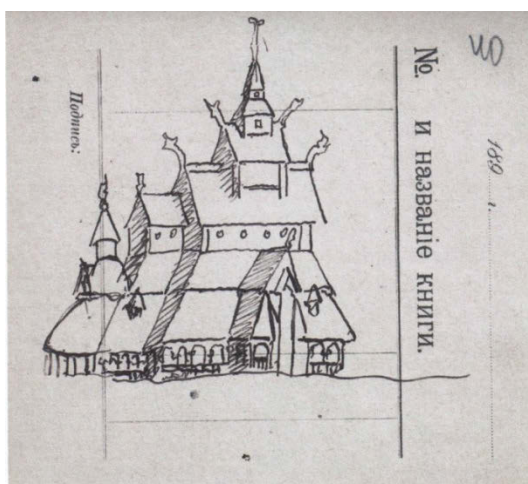

Рис. Н.К. Рериха из книги А.С. Уварова
«Об архитектуре первых деревянных церквей на Руси»³

Древнейший дошедший до нас памятник русского зодчества это Киево-Софийский собор. (1037)

Иконы в первых церквах были исключительно греческие. Об иконе в Росии есть упоминание, что в 986 году греческий философ, желая обратить Великого князя в Христианскую веру, показал ему икону «на ней же бѣ написано судище Господне».

В XI веке встречаем имя первого Русского иконописца преподобного Алимпия Печерского, который отдан был родителями в науку Греческим иконописцам, прибывшим в Киев для украшения Печерской Лавры. Печерский

³ ОР ГТГ, ф. 44/39, л. 40, 40 об.

Патерик замечает, что Алимпий по окончании монастырских работ не переставал писать иконы до самой смерти.

В Новгороде первая церковь, деревянная, небольших размеров, во имя Иоакима и Анны была выстроена под руководством Епископа Иоакима, которого предание называет Корсунянином. Вторая была выстроена во имя Софии, тоже деревянная, в 1051 году на её месте был возведён каменный Софийский собор. На этом соборе видно сроднение Южно-Христианского зодчества с Северо-народным Русским, тогда как Киево-Софийский собор есть, в сущности, создание Греческое.

Всматриваясь в архитектуру Новгородского собора, можно сказать, что он не только воздвигнут Русскими руками, но и сочинён Русским умом; недаром летописи, говоря о вызове иностранцев для постройки других церквей, не упоминают о подобном призвании при постройке этого собора. Если только это предположение может стать достоверным, то насколько раньше развилось настоящее Русское искусство на Севере, сравнительно с Киевом.

В 1158 году Немецкий Император по просьбе Великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского прислал ему художников и мастеров для постройки во Владимире каменного собора во имя Успения Пресвятой Богородицы, на месте, где был деревянный храм. "... и украси (т.е. Андрей) ю дивно многоразличными иконами и драгимъ каменьемъ безъ числа, и сосуды церковными, и верхи ея подлати. По вѣрь же его и по тцанію его ко Святой Богородицѣ приведе ему Богъ изъ всѣхъ земель мастеры и украси ю паче всѣхъ церквей".

Не известно, что побудило князя вопреки традициям поручить постройку нелюбимым за разноречье с Русскими Немцам, а не Греческим художникам; должно быть в это время в Константинополе искусства значительно пали, а предки наши настолько уже образовались, что сознали это падение.

В Суздале в 1194 году обновлена была церковь Богородицы Епископом Иоанном. По замечанию Карамзина, «летописец сказывает за редкость, что она была отделана одними Русскими художниками; "иже не ища (Епископъ) мастеровъ отъ Нѣмецъ, но нальзе мастера отъ клеветъ Святое Богородицы и от своихъ".

Летописец, кажется, хочет упрекнуть великих князей за то, что, имея уже своих мастеров, они обращались всё ещё к иноземцам, но так или иначе, а слишком сто лет должно было пройти, со времени принятия Христианства, прежде чем нашёлся человек, решившийся на обновление храма стольного города своими руками, и то только на обновление, т.е. на шаблонную работу.

Но уже то отрадно, что у нас есть свои художники, признанные епископом. Кто же они были? Что мы знаем о них? Мы знаем только, что искусство находилось в руках духовенства и рабов.

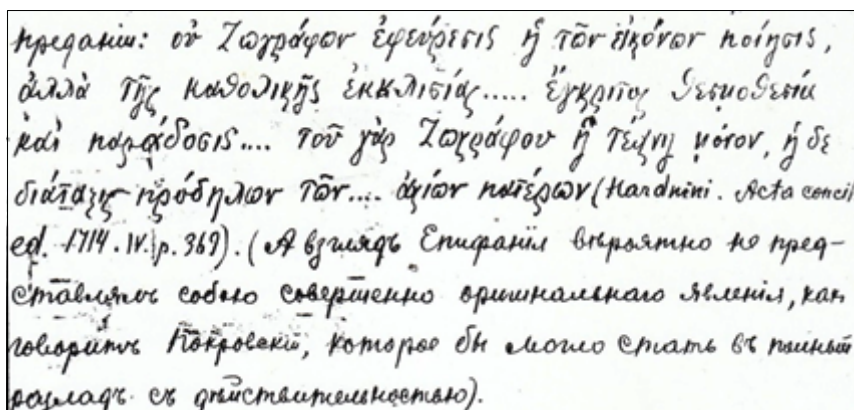
На последних тусклый свет проливает статья некоторых списков Русской правды "За ремесвенника и за ремесвенницу 12 гривень, имѣющая въ виду несвободныхъ".

Под ремесвенником необходимо понимать художника, т.е. например, раба, занимавшегося иконописью и т.п. Так что можно сказать, что раб, знавший какое-нибудь ремесло, естественно ценился вдвое дороже простого раба – работника. Почему же Русская Правда знает только несвободных ремесленников? Потому что свободных ремесленников, а в том числе и художников, тогда вовсе и не было. Действительно, перебирая свободные сословия того времени, ни с одним нельзя совместить занятие искусством.

Немного странным может показаться: как это производилось подновление церкви, если наши художники были рабы. Но не надо забывать, что рабы иной раз пользовались весьма почтенным положением и занимали, так сказать, довольно видные посты, кроме того заведовать обновлением храма, могли также духовные чины, во главе работ мог стоять и сам Епископ.

Иноземные художники по духу летописей, находились в исключительных условиях, вероятно, стояли весьма близко к князю и были в личной от него зависимости. В XI веке наши несвободные художники должны были быть довольно опытными в своём деле, мы имели уже великое множество церквей: в Киеве, Новгороде, Чернигове, Владимире, Ростове, Переславле, Рязани, Галиче и др. Не строились же все церкви и не писались же для них все иконы иноземными мастерами? Ведь кроме того иконы нужны были для всякого дома. «Ясно, говорит Погодин, разбирая сочинение Ровинского, что у нас издревле были свои иконники в значительном количестве», (тоже следует сказать и о строителях) относясь к художникам с уважением, всё же не даёт им возвыситься. Оно, не соединяя с ремеслом понятия унизительного, далеко от понятия о творчестве. Нет различия свободного художества от служебного ремесла. При таком взгляде, ремесленники – художники не могли называться художниками в теперешнем смысле.

Но и в то время существовало понятие более низкое нашему понятию о художнике; художник иногда назывался хитрецом, а художественность – хитростью. (Конечно, хитрость состояла не столько в изобретении, сколько в исполнении. Так на VII вселенском соборе диакон Епифаний говорил, что ведению художника должна подлежать только техническая сторона <...>, сочинение же икон предоставлял он святым отцам и основывал его на древнем предании:

Фрагмент рукописи.

(А взгляд Епифанія вероятно не представлял собою совершенно оригинального явления, как говорит Покровский, которое бы могло стать в полный разлад с действительностью.)

Волынский летописец, рассказывая о великолепии церкви св. Иоанна, построенной Даниилом Галицким, замечает, что в храме были изваяны головы «хитрецом неким».

Тогдашнему художнику уже позволяет проявлять свою «произмечтательность и замышление, но, к сожалению, эти понятия обыкновенно прилагались почти только к иноземцам, долгое время только иноземцы могли быть хитрецами, проявлять произмечтательность, а наши Ивашки с други подпи-

сывали себе церкви, не смея раздвинуть рамки, начертанные для них хитрецами. И много воды утекло, прежде чем Стоглавый собор вспомнил о них.

Русская же Правда даёт понятие и о строителях. Она определяет городнику строителю городских укреплений «закладаючи городню, куну взятии, а кончавше ногата, а за кормь и за вологу и за рыбу 7 кунь въ недѣлю, 7 уборокъ пшена, 7 луконь овса на четыре кони, имати же доколь городъ срубать, а солоду едину дадать 10 луконь». Так оценился труд строителей. В древнее время они носили названия: плотники, древодельцы, кораблетворящие, мостники, деревянные здатели, городники и т. д. Из них под интересующее нас понятие, зодчего, более подходят два последние вида.

Под 1276 г. летописец упоминает о муже Алексе, который строил крепости. «И посла Володимеръ (Галицкій) мужа хитра именемъ Алексу, иже бяше при отцѣ его, многи города рубя и посла и Володимеръ съ иноземцы въ чолнохъ во верхъ рѣки. Лосны, абы гдѣ изнайти таково мѣсто городъ поставити».

С самого первого своего появления наши ремесленники, как в Греции, Италии, Германии и Англии, разбиваются на товарищества; появляются работы с други, с братиею, с товарищи, со ученики. Нередко художество с его тайнами передаётся от отца к сыновьям и внучатам, образуя некоторое подобие Немецким Künstlerfamilien.

Ремёсла предполагают, при своём распространении, лиц опытных – мастеров, учителей и лица молодые, новые: подмастерьев, учеников. При этом возникают продолжительные отношения между старшими и младшими, начальниками и их подчинёнными. Предположение о существовании цехов в древней Руси доказывается указаниями источников, напр. в Псковской Судной грамоте говорится о мастерах плотниках, которые имели у себя учеников.

В XIV веке Новгородский Епископ Василий повелел расписывать церковь Греку Исаю с други, в другом месте делается различие между старейшинами, начальниками иконописцев и их дружиною. В 1343 г. «Митрополитъ Феогность подписалъ своего Митрополита двора соборную церковь Пречистыя Богородицы, Греческими мастера, а князь Великій Семень Иоановичъ подписывалъ церковь Архангела Михаила Русскими иконники, въ нихъ же бѣ старейшины: Захаріе, Денисей, Јосиф, Николае и протчіи дружина ихъ и не дописаша ея того лѣта, величества ради и мелкаго писма». В 1344 году подписывали «въ монастыри церковь Святаго Спаса... а мастера, старѣйшины и начальницы быша Рустіи родомъ, Гречестіи уче-ницы Гойтанъ и Семень и Иванъ и протчіе ихъ ученицы и дружина».

У митроплита были Греки, а у в. князя Русские писцы – это характерно. Хорошо сказывается отношение летописца, а в его лице и общенародное, к родным и чужеземным художникам; сказав печальную истину, что Греческие иконописцы кончили своё дело ранее Русских, он старается оговориться, да не подумают, что Русские по неопытности не справились с задачей, но «ради величества и мелкаго писма».

Вторая ссылка, кроме отношения к артельному началу наших художников, важна тем, что начальники были Русские, а Греки ученики – первое подобное известие.

Эта ссылка даёт нам неразрешимый вопрос: почему летописец говорит «мастера, старейшины и начальницы»? Надо надеяться, что это синонимы, употребляемые летописателем для вещаго вразумления о превосходстве Русских над иноземцами.

Доказательством ремесленных общин служит также различие, делаемое в грамотах к Строгановым (Доп. к Ист. Акт I №№ 117, 118, 119) между «записными и надписными мастерами». О дружине же говорит и Стоглавый собор.

Уже при первых шагах нашего искусства, мы имеем 5 видов художников. Во-первых профессиональные художники: 1. иноземцы. 2. художественно-ремесленные артели. 3. монахи. (Конечно, все 3 вида нередко перемешивались). Во-вторых художники-дилетанты: 1. высшие духовные чины. (Св. Петр Митрополит по выражению летописи «извыче иконному художеству». Затем Ровинский указывает 4 митрополитов московских, занимавшихся иконописанием: Симон, Варлаам, Макарий («иконному бо писанию Митрополитъ и Андрей научены сей хитрости»), и Афанасий). 2 лица княжеского и барского рода, женского пола. Известны примеры княгинь и княжён, с превеликим усердием писавших иконы и книги. Писание книг часто тоже было дело художественное; так, по словам Татищева продолжатель Нестеровой летописи XII века был искусен в живописи, что едва не всех в его время бывших князей лица и возраст описал». Такие иллюстрации находим мы в Житии Бориса и Глеба, Свято-славовом Сборнике, Временнике Георгия Амартола и др.

Не прожило наше Христианское искусство и четверти тысячелетия, как его поразило испытание, затормозившее правильное его развитие – татарское нашествие.

Руси не до искусства – лишь редко проскальзывает указание о постройке той или другой церкви. Иностранные художники не едут.

Наши строители и живописцы обязаны были, как говорит Н. Аристов (Пром. древ. Руси. стр. 88), работать на татар, но мастера, принадлежавшие духовенству, освобождались от этих работ; в ярлыке хана Узбека (ок. 1313 г.) сказано: «а что будутъ церковныя люди, ремесленницы ... или писцы, или каменные здатели, или деревянные или ... мастера каковы ... а въ тѣхъ никто не вступается и на наше дѣло да не емлютъ»

Плано-Карпини пишет, что Татары где владеют «как будто у себя берут всех лучших ремесленников и заставляют их работать на себя, а другие платят им подать от своей работы».

Но, следует добавить: не на одних Татар обязаны были работать ремесленники: князья и духовенство имели право давать работы мастерам по особым условиям с народом и могли освободить их в виде льготы. В грамоте Владимира Галицкого (1288) читаем: «аже будетъ князю городъ рубити, и ни къ городу ...», т.е. не обязаны выходить на работу.

В XIII и XIV стол. только богатый Новгород, пользуясь миром, мог приютить искусства, широко развивавшееся под свободным государственным строем его.

Новгородские иконописцы, вероятно, стояли на высоком уровне, если сами Немцы нанимали их расписывать свою ропату. Ведь не из-за неимения же других мастеров пришлось им обратиться к Русским – Новгород имел слишком обширные сношения с Западом, чтобы оттуда нельзя было достать иноземных живописцев.

К сожалению до нас не дошло юридических памятников Новгорода того времени, где бы говорилось о художниках, по всему вероятно в нём они были более заметны, и более выделялись из контингента других ремесленников, чем на Юге.

Но сравнительно недолго самосудный Новгород, являлся единственным центром и средоточием искусства – Великокняжеский и Святительский престолы начинают привлекать художников в Москву.

II.

Москва. Период до Иоанна III. Иоанн III. Иноземцы.
Свидетельство Кантарини и Герберштейна.
Иоанн IV. «Стоглавый Собор». Почитание иконописцев, «паче простых человек». Юридические случаи. Иконописцы – надзиратели. Светский и духовный суд. Границы творчества. Гравёры.
Фёдор Иоаннович и Московская разруха.

Переходя к Московскому периоду надо упомянуть опять Платона Карпини, встретившего в 1246 году при дворе татарского хана русского художника, золотых дел мастера Козьму. Это свидетельствует о том, что “наше русское” не окончательно было убито татарами, что, по словам И. Забелина не правильно многие полагают, “что Русь всегда пребывала для всякого иноземного нашествия, пришествия, принесения пустым местом, степью голою”.

Вплоть до Иоанна III в Москве не происходит ничего выдающегося в деле искусства и его носителей. Калита даёт начало художественной деятельности на Москве – строит первую каменную церковь Успения – в 1329 году церковь Иоанна Лествичника (Иван Великий). Недолгое княжение Симеона служит продолжением начинаний Калиты и оставляет память началом в юной Москве иконописи и литейного искусства.

Вышеприведённые ссылки (на стран. 35) относятся к этому княжению. При Василии Дмитриевиче построена и подписана церковь Рождества Богородицы (1393 – 1395), подписаны соборы Архангельский (1399) и Благовещенский (1405). Мастерами при подписывании этих двух церквей были Феофан Гречин, Семён Чёрный с их учениками, в числе которых должно быть был знаменитый Андрей Рублёв (Радонежский), на которого ссылается Стоглав, как на образец. (В 1405 году он подписывал Благовещенский собор вместе со старцем Прохором с Городца и в 1408 году великую церковь Владимирскую вместе с иконником Даниилом.)

Выдающимся если и не слишком благотворным событием для нашего искусства был брак Иоанна III с Софией Палеолог.

Возрождение, широким потоком разливавшееся по Италии и распространявшееся по соседним странам, оказало теперь влияние и на Россию, (хотя вовсе не такое существенное, как повествует Западная литература – главным образом, это влияние ограничивалось передачей технических приёмов). В 1473 году с царевною Софьей прибыло много иноземцев.

К этому времени относятся первые русские посольства в Европу; главную, а подчас и единственную целью которых был наём и доставление в Москву рабочих, артистов, художников, докторов и т. д.

Особенно замечательно путешествие Толбузина в Рим 1475 года; это посольство дало нам итальянца бессмертной славы. Рудольф Фиоравенти дельи Альберти, - говорит Пирлинг (*La Russe Al'Orienti* p. 139), - известный под именем Аристотеля, был знаменитостью своей родины. Слава его была настолько велика, что губернатор Болоньи говорил про него «никто не знает в архитектуре того, что неизвестно Фиоравенти». Призываемый одновременно султаном Баязетом и Великим князем Иоанном III, он предпочёл Кремль Босфору и отправился в Москву со своим сыном Андреем. Известный художник предпочитает покровителю искусств Баязету, сочувствовавшему искусству, Иоанна III; покидает родину, прославлявшую его – очевидно, ему было известно хорошее положение художников на Москве.

В 1490 году брат царевны Софьи привёз Фряжского мастера Алевиза, Петра и др. Вообще в это время продолжается постоянный наплыв иностранных художников (Немецких и Итальянских) в Россию, оказывающих, между прочим, влияние и на живопись, тем более, что Греция не могла уже давать образцов для русских иконописцев; хотя среди этого наплыва художников вряд ли много было живописцев, так как по свидетельству Краковского Каноника Сокрытия 1500 г. Русские «только чествовали образа поставленные в их церквах или писанное их мастерами».

Говоря о наплыве иностранцев в Россию следует не забыть одно любопытное свидетельство Венецианца XV века, рисующее взгляд иноземцев на Русских. Известный Венецианский патриций Амброджио Кантарини, посланный в Персию с важными поручениями к Узун-Гассану говорит, что резиденция Великого князя (Иоанна III) сводилась к сборищу плохих домов, выстроенных за дешёвую цену без всяких художественных претензий, а относительно населения России замечает, что мужчины и женщины красивы, но этот народ находится в животном состоянии (*gente bestial*).

Относительно княжения Василия III барон Герберштейн говорит, что Василий первый начал обводить крепость стеною, что крепостные сооружения (*eius castris propugnacula basilicae*) и дворец князя выстроены из кирпича на итальянский манер, теми итальянцами, которых князь вызвал обещанием больших наград. В бытность Герберштейна в России строились многие храмы из камня.

Но это одни исторические факты: как же теперь работали наши родные художники? Какое положение занимали они в обществе? Как смотреть на них! Куда их отнести? Совершенно такие же вопросы должны были подыматься и во время Василия III и начало царствования Иоанна Грозного. Художников увидали, но как смотреть на них, не знали. Иконописцы, выдвинувшиеся за пределы других ремёсел, оставались сословием никуда не приуроченным, хотя на деле они находились всё это время под началом церкви.

Ко времени Иоанна IV этот вопрос настолько назрел, что Стоглавый Собор нашёл нужным посвятить им целую главу (43), рисующую довольно ясную картину положения Русских Художников с начала Московского периода: именно с начала, потому что постановления собора не могли явиться извне, а были без сомнения следствием многолетней практики.

Давая художнику прочное положение, заставляя общество относиться к нему с уважением, собор предъявлял к нему строгие требования. Вот каким хочет видеть художника собор: «подобает быть живописцу смиренну, кротку, благовоину, не празднословцу, не смѣхотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьяницы не гра-

бежнику, не убийцы, но ипаче жь хранити чистоту, душевную и тѣлесную со всяцемъ опасеніемъ: не могущимъ же до конца тако пребыти по закону женитесь и бракомъ сочетатися, и приходити ко отцемъ духовнымъ на чаене, и во всемъ извѣщатися, и по ихъ наказанію и ученію жити въ постѣ и въ молитвахъ, и воздержаніи со смиренномудріемъ, кромѣ всякаго зазора и безчинства и съ превеликимъ тщаніемъ писати образъ Господа нашего Іисуса Христа... (смотря на образ древних живописцев).

Поставивши художников в такие строгие рамки, собор успокаивает их возвышением их положения: “и аще которыя нынѣшніе мастера живописцы тако обѣщавшеся учнутъ жити и всякія заповѣди творити и тщаніе о дѣлѣ Божьи имѣти, и царю такихъ живописцевъ жаловати, и светителямъ ихъ бречи и почитати паче простыхъ человекъ”.

Собор отдаёт художников всецело в ведение высшего духовенства, т.е. смотрит на них почти как на служителей церкви: “митрополиту и архіепископомъ и епископомъ бречи о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ, паче жь ... и о живописцѣхъ и о прочихъ чинѣхъ церковныхъ”.

Каждый новый ученик живописца должен сперва получить санкцию епископа: “и аще кому открьтъ Богъ такое рукодѣліе; и приводитъ тога мастеръ ко святителю”, участь ученика зависит от произвола епископа: “аще будетъ написанное отъ ученика по образу и по подобію, и <у ...ѣсть> извѣстно о житіи его в чистотѣ и всякомъ благочестіи ... а <біе> благословивъ, наказуетъ его и во предѣ благочестно жити... И приѣмлетъ отъ него ученика той честь, яко же и учитель его, паче простыхъ человекъ”.

Архиепископам и Епископам поручается везде испытывать мастеров иконных и “избавше кождо ихъ во всѣмъ пределѣ живописцовъ нарочитыхъ мастеровъ да имъ приказывати надо всѣми иконописцы смотрити, чтобы въ нихъ худыхъ и безчинныхъ не было: А сами епископы смотрятъ надъ тѣми живописцы, которымъ приказано и брегуть такового дѣла накрѣпко .... А вельможамъ и простымъ человекомъ тѣхъ живописцовъ во всемъ почитати и честно имѣти”.

Неужели же собор улучшает положение лишь получившим привилегию от епископа, живописцев начальников: только они почитаются «*паче простыхъ человекъ*».

Очевидно, здесь собор подразумевает не одних начальников живописцев, которым приказано смотреть за другими: без сомнения не только начальники живописцы, а все пишущие «не самоволкою» пользуются этим упроченным положением. Здесь собор, желая установить некоторую иерархию в живописном деле, выразился не точно: иначе же не было бы различия между пишущими “худо и не учась” и живописцами “добрыми”, но не начальниками. Тут мы имеем дело уже не с более выдающимися членами, с представителями артели, а, в некотором роде, с художниками надзирателями, инспекторами, и притом даже ответственными: “а иже отъ гораздыхъ мастеровъ иныхъ не научить и не укажетъ, да будетъ отъ Христа осужденъ, скрывшимъ талантъ, на муку вѣчную”.

Интересны некоторые чисто юридические подробности упоминаемые собором. Вероятно, практиковалось, что мастера, представляя святителю учеников, показывали чужие, не ими писанные работы (по всей вероятности это делалось, желая выдвинуть родственника, потому, что иные корыстные побуждения, вряд ли уместны. Собор и говорит: “аще кому не дастъ Богъ такового рукодѣлія, учнетъ писати худо или не по правильному завѣщанію жити: а онъ (мастеръ) укажетъ его горазда и во всемъ достойно сущее и показуетъ написаніе инаго, а не того, и святитель, обыскавъ, полагаетъ такового мастера подъ запрещеніемъ правильнымъ, яко да и протчіи страхъ примутъ и не дерзаютъ таковая творити. А ученику оному иконнаго дѣла отнюдь не касаться”.

Как же это святитель делает розыск? Это даёт повод предположить в случае правильного ведения дел, существования ещё особых должностей, ведь подобные проверки были часто необходимы. Запрещение было для художника наказание весьма тяжёлое, так как лишало его заработка, единственного средства к существованию.

Также предусматривается и случай зависти: "аще которому ученику откроеть Богъ учіе иконнаго письма и житии начнет по правильному завѣщанію, а мастеръ начнет похуляти его по зависти, дабы не пріяль чести, яко же онъ пріяль", и за это налагалось на мастера запрещение: за скрытие таланта, полагается "осуждение от Бога на муку вечную". Затем характерен следующий случай: "которые по се время писали иконы, не учась самовольствомъ и самоволкою и не по образу и тѣ иконы промѣняли дешево преостѣмъ людемъ <поселянамъ> невѣждамъ: <ино> тѣмъ запрещение положити, чтобы учились у добрыхъ мастеровъ... и аще которыя не престануть от такаваго дѣла, таковыи царскою грозою накажутся и да судятца".

Это весьма *важно*. Здесь единственный раз упоминается не духовный суд, да и то не за самый проступок, а за слушание. Очевидно, художники только за дисциплинарные и вообще уголовные проступки отвечают перед светским судом, в делах же профессиональных судятся лишь епископом. Что уважение к художникам было не в одних словах закона, а на деле, - говорит Лешков (Ист. общ. прав. стр. 433) - это можно видеть из "<пожилой> записи" 1615 г. (1 ч. 25 кн. пр.), где Архимандрит Хутынского монастыря принимает на себя содержание и уплату жалования иконнику, только бы тот жил у него и работал на него.

Так, конечно, действовали епископы, власти и монастыри для удержания других художников. В pendant к тесным рамкам, в которые заключает собор художников, можно привести указ конца XIV или начала XVII века "како назнаменити святаго и въ коико мѣрь" (приводимый Ровинским в истор. рук. иконоп. стр. 14).

Размер святому всякому, мера: полдевяти главы до пят, а весь в 9 глав; до пупа три главы, а локоть по пуп смечай; а от пупа до колена три главы, а от колена беру полтретьи главы, а весь святой 3 меры, а в плечах две главы, а в брюхе - полторы главы. Даже само предание, с любовью рассказываемое иностранцами (Олеарий, Таннер), что строитель Василья Блаженного был ослеплён по приказанию Иоанна Грозного, чтобы не мог более выстроить лучшего храма, говорит за то, как близко стояли художники, [по крайней мере иноземные, к Царю, если Царь приказал ослепить после личного разговора с художником, так же как бывало и с ближайшими сановниками Царя.

При Грозном Москва делается единственным центром искусства: всё более или менее выдающееся стремится и вызывается в стольный город. (Это вызывает в художественных общинах появление особых договоров).

До нас дошло несколько актов условий, которыми общины и частные лица стараются обеспечить себя на случай произвольного ухода ремесленников, посредством пеней и других подобных следствий неустойки в слове и обязательстве (Акт. юридич. № 195 Акт. I, II).

Только Москва и могла доставлять материал для развития художеств, <выходивших> из уровня первоначальных потребностей, на областных же художников остаётся работа для удовлетворения незатейливых потребностей простого народа.

Во второй половине XVI века вместе с книгопечатанием появляется новый вид художников – гравёры. В противоположность многочисленным гравёрам запада, художникам творцам, история нашей гравюры, говорит В.В. Стасов, разбирая сочинение Ровинского, включает в себе только весьма большое число гравёров, копистов и мастеров. Художников, в полном смысле, между ними нет. Первая гравюра на дереве, изображавшая евангелиста Луку, появилась в виде приложения к первой напечатанной по царскому повелению в Москве книге (Апостол 1564 г.). Специальных гравёров наша история не знает, по большей части гравёрами были знаменщики Государя, впоследствии состоявшие при отделении Оружейной Палаты.

Время Феодора Иоанновича, Бориса Годунова и Московской разрухи не прибавило ничего выдающегося в жизни художничества. (Как особенно грандиозное сооружение этого времени следует отметить постройку Борисом Годуновым колокольни Ивана Великого, предпринятой во время голода 1600 года, чтобы дать заработок народу).

III

Оружейный приказ и Палата. Иконописцы, жалованные и кормовые. 3 статьи. Жалованье. Вызов иконников на Москву. Патриаршие иконописцы. Приём иконников в Оружейную Палату. Испытание. Сословие городских иконописцев.

Мнение Ровинского. Казуистика вызова в Москву. Иностранные живописцы. Отношение духовенства к иноземцам. Жалованье. Ученики. Записи. Неустойка. Иконописцы вне стольного города. Холуйское дело. Выборные. Движение в живописи. Живописный Фряжский манер. Зодчие. Миниатюра. Иллюстрация. Лубки и немецкие печатные листы. Их продажа. Патриарший указ, вызванный ими. 3 периода в жизни художников до XVIII века.

Просьба Антиохийского Патриарха. Сравнение требований Стоглава и Оружейной грамоты 1669 года. Отношение Алексея Михайловича к художникам. Влияние на них утилитаризма преобразователя.

Теперь предстоит обратиться к, так сказать, золотому веку нашего старого искусства или, точнее, наших художников, времени Михаила Фёдоровича, и особенно Алексея Михайловича.

Здесь мы встречаемся с особым вполне определённым учреждением, Ружейнымъ приказом, который, по характеристике Катошихина, и ведает “тоть же околничій, что и Новую Четверть, а съ нимъ дьякъ. А вѣдомо въ томъ приказѣ дворы, гдѣ дѣлають ружья и казенная оружицья палата и отъ вольнаго и отъ ложнаго и замочнаго и инаго дѣла мастера... и дають имъ за работу поденный кормъ изъ царскіе казны... и на всякій расходъ и на жалованье мастеровымъ людямъ, деньги емлють изъ новые четверти”. (Кот. о рос. ст. 86)

Оружейная палата, между прочим, имела в своём ведении и иконный терем, где работали иконописцы. Иконный терем является какой-то своеобразной Академией Художеств того времени, к тому же, довольно целесообразной. Всё что ни есть лучшего и способного собирается в терем в силу царских указов.

Царские постоянные живописцы имеют строго выработанный строй, они разделяются на жалованных и кормовых, как те, так и другие выбирались из добрых городских живописцев. X (Ровинский. Ист. <...> иконоп. стр. 34.)

Кормовые живописцы отличались от жалованных тем, что они не получали годового жалованья хлебом и деньгами. Им выдавался один поденный, денежный и <дворцовый > корм во время работы. Одни состояли постоянно при Оружейной Палате, другие, по окончании работ, отпускались по домам. По своему искусству и живописи они разделялись на большую, среднюю и меньшую статью.

К первой статье во время работ причислялись и жалованные мастера. Каждая статья имела особое жалованье: например, в 1660 году выдавалось "большой статьё по гривнѣ человекѣ: 2-ой статьё по 2 алтына по 5 денегъ; 3-ой статьё по 2 алтына по 2 деньги: съ <сытнаго> дворца Московскимъ иконописцамъ: по 6-ти чарокъ вина дворянскаго: по 4 кружки меду цѣждонаго; по ведру браги человекѣ, съ кормоваго дворца по двѣ ѣствы на день, съ хлѣбнаго дворца по <...мужъ> да пироги, а городовымъ иконникомъ противъ того <в полы>. Да московскимъ жѣ. по праздникамъ, въ недѣлю по вся субботы приказъ съ романею. (Заб. Мат. ист. иконоп. см. 36.)

Иконописцы находились в заведывании Оружейного приказа, делами которого управляли оружейничий и дьяк.

Но, несмотря на такую прочную, по-видимому, поставку дела, очевидно, не всегда аккуратно получали царские художники своё жалование. В материалах, изданных Забелиным, неоднократно встречаются подобные случаи, для иллюстрации приведём один: где в числе челобитчиков является знаменитый Симон Ушаков:

"Царю Государю и В.К. Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу бьютъ челомъ холопы твои иконописцы Симка Ушаковъ, Степка Рязанецъ, Ѳедка Зубовъ, Никитка Павловецъ, Ѳедка Козловъ, Ивашка Леонтьевъ, Ивашко Филатовъ, Сергушко Рожковъ, Егорко Зиновьевъ, Андрюшка Ильинъ, Ѳедка Матвѣевъ. По твоему Государеву указу на нынѣшній. Государь на 178 годъ твоею В. Государя жалованья кормовыхъ денегъ, намъ холопамъ твоимъ не выдано: Милосердный Государь Царь и В.К. Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, пожалуй насъ холопей своихъ, вели Государь и намъ свое В. Государя жалованье, кормовые деньги на нынѣшній 178 годъ выдать. Царь Государь: смилуйся пожалуй (178. Декабря в 2 день по сей челобитной, Оружейные Палаты иконописцомъ Симону Ушакову съ товарищы Государева жалованья, поденнаго денежнаго корму Сентября съ 1 числа, Марта по 1 число нынѣшняго 178 года, а кому имяны мастеровыми людемъ поденнаго денежнаго корму дать и почему и то писано ниже сего"...)

Причём Симон Ушаков в 1668 году получал 30 рублей в год, ржи и овса по 26 четвертей, поденного корму по 3 алтына 2 деньги на день. Кроме годовых и подѣнных окладов, как жалованные, так и кормовые, иконописцы получали и жалованье имянинное и праздничное. "Въ 1666 году день свѣтлаго Христаго Воскресенія имъ выдано изъ приказу большаго дворца по ведру вина, по 2 ведра пива, по <полти> ветчины, по три части солонины, по пяти языковъ говяжихъ, по пяти полотковъ гусиныхъ, по осминѣ муки пшеничной человекѣ".

Часто по окончании значительных работ, иконники получали особое жалование: Степан Рязанец за иконное художничество получил: однорядку сукно <лундыш> с пуговицы серебряными, фerezи камчатые куфтерные с завязки шелковыми с золотом, кафтан камчатный куфтерный, под фerezи штаны сукорнныя, шапку бархатную с соболем, сапоги сафьянные Зуф на охобень добрую, - для того писал он Степан в <тафейнную> церковь иконное воображения.

(Одѣжа, как видно, знатная, дворянская. Подобные же выдачи производились и при торжественных событиях, так, по случаю рождения Царевича в 1666 году выдано всем царским иконописцам по сукну на человека.

Как уже указано в Оружейную палату иконописцы выбирались из добрых городских иконописцев. В 1669 году по Государеву Указу боярин <о> оружейный Богдан Матвеевич приказал взять в Оружейную палату, в жалованные иконописцы для приказных всяких верховых дел и для починки образов вновь, Огородные <слободки> тяглицы Василья Иванова сына Колмогорца. В <1668> году определены в жалованные иконописцы ученик Симона Ушакова Георгий Терентьев Зиновьев (крестьянский сын Гаврилы Островского, купленный у него за 100 рублей (Заб. 100) и Нижегородец Никита Иванов Павлов (крестьянин) Князя Якова Куденетовича Черкасского). Вот откуда брались жалованные иконописцы.

В одно время при Оружейной палате находилось до 10 жалованных иконописцев, иногда и более. Часто количество иконописцев, состоявших при Оружейной палате для Государевых и приказных дел оказывалось весьма недостаточным, и тогда, как при подписании Архангельского Собора в 1660 г., в Москву собирались иконники других городов ~~северной~~ России.

Патриархи, как и раньше, имели своих иконописцев, которых, однако, в случае надобности вызывали в Оружейный Приказ и посылали на работы наравне с городскими иконниками.

При вступлении в число жалованных иконописцев давалась поручная записка. Подобные записи принимали пристава Оружейного приказа; в ней несколько прежних жалованных иконописцев ручалось за новопоступившего в том, что тот за их порукою *“у Государева дела в иконописцах всегда со своею братьею безпрестанно и не пить, и не бражничать и не ослушаться и всегда быть готову, а будет он со своею братьею безпрестанно быть не станет и на нас порутчиках пеня Великого Государя; а пени, что Великий Государь укажет и наши порутчиковы головы в его Андрею место”*. (Заб. 102).

Под конец проводились и свидетели. Из другого подобного акта мы узнаём, что человек, призванный и принятый в число царских живописцев, как бы закрепощался у Оружейной Палаты, Антон Анфимов ручается, что и ему, *“къ Государеву дѣлу къ иконному письму всегда быть готову и съ Москвы не съехать”*. Это выражение чрезвычайно напоминает записи, дававшиеся боярами князю при приезде на службу.

При приёме так же производилось некоторое испытание: Никита Иванов написал (Заб. 102.) *“По указу Великаго Государя вновь иконнаго своего художества воображеніе, на одной цкѣ образъ Всемиловитаго Спаса, Пречистыя Богородицы, Иоанна Предтечи. И по свидѣтельству Московскихъ иконописцовъ Симона Ушакова съ товарищи, иконописецъ Никита Ивановъ мастеръ добрый”*.

От того или другого заключения производивших испытание зависел самый приём нововыписанного; так, Клиим Еремеев (Заб. 65) отсылается обратно в Галич, потому что он по заключению Московских иконописцев *“иконнаго вооб-*

раженія писать не навичень; и по нашему В. Государя указу тотъ Климко съ Москвы отпу- щень, и впредь его къ иконнымъ дѣламъ высылать не велѣно, а жить ему въ Галичѣ по прежнему"... и больший или меньший размер жалованья. Жалованье назнача- лось сравнительно с тем или иным, или, как говорилось, против того или дру- гого из старых иконников, смотря по искусству новопоступившего. Городовые иконописцы в XVII веке, - говорит Ровинский (Ист. шк. ру. ик. 39), - не состав- ляли особаго сословия. В числе их встречаются садовники, огородники, ям- ские бобыли, крестьяне, пушкари, много лиц духовнаго звания. Так что < ...> особое сословие живописцев составляли лишь иконописцы жалованные и кормовые; иначе говоря, в Москве это сословие численностью доходило лишь до 30 человек (10 жал. 20 кормовые). С этим трудно согласиться, вернее, пред- положить, что если и встречаемся с указаниями на то, что тот или иной икон- ник был огородник или крестьянин, то этим лишь указывается его происхож- дение, его первоначальное занятіе, хотя, может быть, и не оставленное при вступлении в число живописцев. Отчасти указанием на то, что и городовые живописцы причислялись к особому сословию, служат, между прочим, слова его же, Ровинскаго, что всем городovým иконописцам, как видно из дел Оружей- ного Приказа, велись списки, и в вызове их соблюдалась очередь.

Для стѣннаго письма в Успенском Соборе 1642 года приказывается "во Псковѣ иконописцовъ по росписи и сверхъ росписи сыскать всѣхъ... что ихъ есть нашихъ посадскихъ людей и боярскихъ и княжескихъ и монастырскихъ и у торговыхъ и всякихъ лю- дей у кого ни буди, чтобъ... стѣнному церковному письму проруки не было". (Акт Археогр. Эк. III)

Этим-то внесением в роспись и обусловливалось вступленіе и особое со- словие художников. Воеводы руководствовались этими списками при высыл- ке иконников по царским указам на Москву. Иконники снабжались поручными грамотами такого содержанія "Се язь Емельянъ Дмитріевъ сынъ Пушкаревъ да язь Сергій Васильевъ сынъ Рожковъ, да язь Кононъ Григорьевъ сынъ Поповъ, да язь Стахей Митрофановъ - всѣ мы Костромичи посадскіе люди, тяглые иконники поручилися если ру- жейнаго приказу приставу Димитрею Алексѣеву, другъ по другъ въ томъ: быти намъ у Госу- даревыхъ иконописныхъ дѣлъ съ московскими иконописцы вмѣстѣ неотступно: а будетъ мы у Государевыхъ дѣлъ не учнемъ быть или сбѣжимъ и на насъ на иконникахъ пеня Государя Ц. и В.К. Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, а пени что Государь укажетъ. А кто насъ иконниковъ будетъ въ лицахъ и порутчикахъ на томъ пеня и порука вся сполна"(Заб.: 22) и т. д.

Иной раз присылка иконников вызывала переписку такого рода: воеводе Переяславля Залесскаго Феодору Дмитриевичу Солнцеву было отписано «с осудом большим», что "нынѣшняго 167 году Юля въ 15 день писалъ ты къ намъ В. Госу- дарю съ Переяславскимъ разсылщикомъ съ Левкою Дмитріевымъ и прислалъ Переяслав- скихъ иконописцовъ Степку Ляпунова съ товарищи трехъ чловѣкъ, и по нихъ поручныя за- писи; а въ поручныхъ записяхъ порутчиковъ никого не написано, а писали порознь поручныя записи они иконописцы межъ собою сами, и то какъ дѣлають плуты, не разсмотря о томъ къ намъ В. Государю пишутъ: а про монастырскихъ иконописцовъ прислалъ ты къ намъ В. Госу- дарю тѣхъ монастырскихъ властей сказки за ихъ руками: а въ сказкахъ ихъ написано: Го- рицкаго монастыря казначей Сергѣй сказаль: монастырскій иконописецъ Дмитрейко Григо- рьевъ нынѣ въ Москвѣ, а Ѳедоровскаго Монастыря игумень Порфилей сказаль, что въ Ѳедоровскомъ монастырѣ иконописцевъ нѣтъ: а предтеченскій попъ Микита сказаль, что сынъ его Ѳедка отданъ иконному письму доучитца Костромскимъ иконописцамъ. А переяс- лавскіе иконописцы Степка Ляпуновъ съ товарищи на Москвѣ у нашихъ дѣлъ сказали: Гориц- каго монастыря иконописецъ Дмитрейко Григорьевъ въ монастырѣ, а въ Ѳедоровскомъ мо-

настырѣ иконописецъ Купрятка Андреевичъ, а Поповичъ Ѳедка въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, а не въ отѣздѣ а къ нашему иконописному дѣлу не высланы; и то знатно, что ты Переяславскихъ монастырей властемъ въ тѣхъ иконописцахъ для своей бездѣльной корысти дружить и тѣхъ иконописцовъ къ намъ В. Государю не выслать” (Заб. 22).

Затем Солнцеву строго приказывается немедленно выслать иконников из вышеупомянутых монастырей. Эта отписка чрезвычайно характерна. Оказывается, даже такие почтенные люди, как Игумены монастырей, не останавливались ни перед чем, шли на подкуп, решались официально давать Государю ложные сведения, лишь бы сохранить у себя иконописцев, не отпустить ихъ в ненасытную Москву.

Аналогичный случай видим из отписи Ярославскому воеводе Василию Яковлевичу Унковскому...” въ прошлыхъ годѣхъ до мороваво поветрея былъ у нашихъ иконописныхъ дѣлъ иконописцевъ съ Устюга - Великаго Ѳедоръ Евстифьевичъ, а нынѣ онъ Ѳедоръ отъ нашихъ иконописныхъ дѣлъ бѣгаетъ – живетъ по городамъ въ хоромахъ. И нынѣ вѣдомо намъ Великому Государю про него Ѳедора учинилось что онъ Ѳедоръ живетъ въ Ярославлѣ у гостя нашего у Анікея Скрыпина... приказывается Ѳедора Евстифьевича немедленно выслать въ Москву. Тогда Скрыпинъ подаетъ челобитье изъ котораго явствуетъ, что онъ нанялъ Ѳедора для подписанья Ярославской церкви Покрова Пресвятыя Богородицы причемъ далъ ему Ѳедору, напередъ деньги немалыя чемъ ему отъ <соли> подняться и долги свои уплатить; и привезъ онъ того иконописца съ женою и съ детьми отъ соли Вычегдской въ Ярославль на всѣхъ подводахъ и проситъ позволить Ѳедору докончить подписаніе этой церкви, что ему и было позволено”.

Странна, к слову сказать, вышеупоминаемая задолженность иконописцев; если их так ценили и удерживали, то казалось бы, не должны были скупиться вознаграждением, а примеры уплаты старых долгов при найме живописца вещь часто повторяемая: по Государеву указу при принятии Ивана Леонтьева в число живописных иконописцев Государевой казны были заплачены его кабальные и бескабальные долги (Заб. 14). Но вряд ли эта задолженность может служить доказательством плохого материального положения добрых иконописцев, - это единичные случаи.

Для большей верности за иконниками посылался «самопальный», с которыми строго-настроено приказывалось тотчас же высылать их к делу, вероятно, в случаях неоднократного укрывательства.

В некоторых случаях иконописцы, вместо вызова в Москву, получали заказ для написания известных икон дома. Ростовский митрополит Иона пишет: “И мне б, Государь, богомольцу твоему по росписи те образцы велеть Ярославским и Костромским иконописцам написать у себя самым добрым мастерством и прислать к тебе Великому Государю на срок... за всё время подобной работы иконник получает денежный корм, освобождался от тягла, и на дом его не ставилось стояльцев”.

Как указывалось выше при вылове на Москву иконников из других городов велись списки и соблюдалась некоторая очередь, но точность этих списков и очередь была слишком относительная, если мы имеем жалобы такого рода: “... а на Вологдѣ иконописцовъ человѣкъ съ сорокъ и больше: а изъ иныхъ де городовъ иконописцовъ къ Москвѣ и не ѣмлютъ изъ Даниловской Слободы, изъ Ярославля, изъ Ищи, съ Кинешмы, изъ Гороховца, съ Тулы: и въ дальнихъ де волокитахъ чинятся имъ многіе убытки – и отъ того разорились въ конецъ, а жены ихъ и дѣти на Устюгъ ходятъ въ міру и питаются Христовымъ именемъ. И.В. Государь пожаловалъ бы ихъ велѣлъ ихъ имѣть къ

Москвѣ для иконнаго письма по очередно, чтобъ имъ съ домишками своими не разоритца и въ конецъ не погибнуть". (Заб. 106).

Кроме разделения на жалованных и кормовых и на три статьи, иконописцы иконного терема разделялись по роду занятий на: знаменщиков (рисовальщиков), лицевщиков (писавших лица) (писавших ризы и палаты), травщиков (пейзаж), златописцев, лекальщиков, терщиков.

В круг занятий иконописцев оружейной Палаты (Ровинс. Ист. Рус. икон. 36), кроме иконописи входило составление планов, городов, рисунков для гравирования, работа для денежного двора, "а на кормовом дворе доски прянишные писали и кадки яичные травами писали и столы травами писались, решетки и шесты", а также прорезные доски, (для Царевича), болванцы, трубы печи и т.д. Составление смет (сколько надо было материалу, и сколько человек, и во сколько времени могли окончить работу, приём красок, надсмотр за работами (хотя главный надзор поручался иногда стольнику и дьяку, и уже упомянутые разбор новых иконников на статьи и производство им приёмного испытания. Насколько ценились отзывы царских изографов можно видеть из того, что при росписании Грановитой Палаты Симон Ушаков с товарищи сказали, что Грановитые Палаты «вновь писать самымъ добрымъ стѣннымъ письмомъ прежняго лутче или противъ прежняго въ толикое малое время некогда, къ Октябрю мѣсяцу ниекоими мѣрами не поспѣтъ для того: приходитъ время студенное и стѣнное письмо будетъ не крѣпко и не вѣчно". И работы начались на следующий год. Кроме иконного терема иконописная работа производилась и в пещерах от красного крыльца».

Жили московские иконописцы около одного места, так как некоторые улицы Китай и земляного города слыли иконными. ^{х)}

^{х)} Такое название могла сообщить также продажа икон на этих улицах.

В заключение о государевых и патриарших иконописцах надо привести грамоту Патриарха Никона (с выговором властям за пристрастный им розыск по делу об обиде иконника Артемия монастырскими крестьянами, из которой можно видеть, что патриарх, ровно, как и Государь, находились на страже интересов своих художников.

"Писали вы<мы> къ вамъ великому Господину, между прочемъ, - читаемъ мы в Грамоте Никона, что -...присланъ къ вамъ нашъ иконникъ Артемій для снимку иконъ и Октября де въ 28 день онъ Артемій поколотилъ мужика Панку: отъ воровъ кто не боронится? Хотя бы и больше перерѣзаль отъ себя боронясь, малая то вина. И вы пишете про своихъ <лишь> и кто его билъ просто никакого <лику> нѣтъ, а сами свидѣтельствуете, что бить и горазда бить, а кто билъ, того нѣтъ, кромѣ его распросныхъ рѣчей, а знатно то: мужики виноваты, зазвавъ въ гости, да сильно потчивать и не сталъ пить, и они почали его бить, и вы его <же> сковали безъ ума...(Акт. ист. VI, 179). Но, несмотря на сравнительно близкое положение иконописцев к Государю, по окончании службы за старостью они не получали пособия; так, Ивашко Соловей подаёт челобитню Алексею Михайловичу, в том, что "его бѣднаго за скорбь и за старость отъ... Государевой Оружейной Палаты отставили и нынѣ, онъ, бѣдной и безпріютный скитаются самъ четверомъ съ женишкою и съ робятишки между дворъ, гдѣ день, гдѣ ночь, помирают голодною смертию и наги и босы. (Заб. 14). Затем Соловей просит позволения постричься в Феодоровский монастырь, что ему и разрешается, а семейство его остаётся без всякой помощи.

Из иностранных живописцев западные наладили приём только у Царя, так как патриархи их весьма не жаловали и старались набирать себе иконописцев

лишь из Греков и своих Русских. Хорошей иллюстрацией отношения духовенства к западным выходцам служит рассказ Олеария, он говорит, “что в прежнее время Немцы, Голландцы и Французы, и другие иностранцы, служившие у Великого Князя, или по торговым делам своим пребывавшие и жившие в Москве должны были носить платье, всю одежду сшитые на русский образец, чтобы тем оградить их от ругательства и оскорблений черного народа. Но назад тому (1638) год нынешний Патриарх изменил это и именно по следующему случаю: однажды, когда в городе был большой торжественный ход, в котором принимал участие сам патриарх, благословляющий обыкновенно по улицам народ, толпящийся вокруг. Несколько немцев стоявшие также в толпе между русскими, отвечали на благословение Патриарха не такими низкими поклонами, как русские. Патриарх с неудовольствием посмотрел на них, и узнав, что то были немцы, сказал: *“не подобает недостойным чужестранцам по неведению моему их получать мое благословение”*. И потому, чтобы впредь он мог узнавать их и различать от русских в толпе, он издал строгий Приказ всем иностранцам, чтобы они немедленно перестали носить Русские одежды и ходили бы в своих, их стране свойственных платьях.

Насколько можно судить, по сохранившимся источникам, положение иностранцев при дворе было довольно прочное, но всё-таки решиться ехать на Русскую службу требовало значительного риска: они едут в Россию “ради пресветлой неизречённой милости Царя и многомилостивого и похвального жалованья”. Жалованье и подарки им выдавались бóльшие, нежели русским иконописцам, относились к ним с бóльшим уважением, что вполне и понятно.

Так, Данило Вухтерс получает денег 20 рублёв, 20 четей ржи, 10 пшеницы, четверть круп грешневых, две чети гороху, 10 четей солоду, 10 четей овса. 10 полоть мяса, 10 вёдер вина, 5 белужек, 5 осетров”, а иным живописцам выдача в корму не в образец, для того, что тот мастер живописец свидетельстваванной и пишет живописное письмо самым мудрым мастерством (*Заб. 72*). Но рядом с этим встречаются такие факты, что Станиславу Лапуцкому, польскому выходцу, было нечем «лекарем за лекарство платить во время болезни. (*Заб. 108*), а затем, по его смерти, жене его пришлось опять беспокоить царя, так как она помирает голодною смертью и похоронить ей его нечем: на что и было выдано 20 руб. Конечно, выражения “помираю голодною смертью” нельзя понимать в прямом смысле, подобные выражения употреблялись для вещего умилоствления. Знаменитый живописец Богдан Салтанов, выходец из Шаховой области, записанный в 1675 году за своё искусство и за службу, а также за то, что принял православную веру в дворяне по Московскому списку, ----- первый художник дворянин! – жалуется на то, что ему “на 179 годъ мѣсячнаго корму ничего не дано, и проѣлся безъ остатку, и занялъ на пропитаніе у своего человѣка шестдесятъ рублевъ съ лишкомъ и тѣ деньги изхорчилъ и впредь прокормиться стало нечѣмъ” (*Заб. 120*).

Ещё можно бы допустить некоторую беспечность в отношении второстепенных художников, но такое обхождение с именитыми живописцами слишком странно. Иноземные художники, поступая на Государеву службу, получали учеников, которых должны были выучить всему, что сами знают. Иной раз иноземцы не совсем выполняли эту задачу, так ученики Станислава Лапуцкого Ивашка и Доронка говорят, *“что мастер их живописному письму не учил; только их выучил по дереву и по полотнам золотить”*. Тогда от Лапуцкого отнимают учеников и отдают Даниле Вухтеру, который говорит, что он «Стани-

слава Лапуцкого всякие живописные дела делает лучше, не токмо, что его, Станислава, но прежнего живописца Ивана Детерева всякие живописные дела делает лутче».

Из-за учеников, как у иноземных, так и у русских мастеров выходят споры, восходящие до Государя. При отдаче сына в ученье на урочные годы, заключалось обязательство, запись, в силу которой ученику *“дожив своих урочных лет не збежать и не покрасть; в случае же нарушения этих условий ставилась неустойка, например: «а будетъ сынъ его, Ларионовъ, не доживъ урочныхъ лѣтъ, отъ меня пократчи збѣжить: взяти мнѣ въ томъ Ларионѣ по записи заряду десять рублевъ».*

Для взыскания этой неустойки обращаются к Государю с челобитной, прося дать Царский Суд и управу. (Заб. 5).

Какова же общая картина положения художников, кроме мастеров Оружейной Палаты, вне стольного города.

Если бы не принимать в расчёт утрированных выражений челобитен, то по материалу Заб[елину] получается картина весьма мрачная. Мы уже раньше видели положение устюжских мастеров: можно ещё привести отписку Вологодских иконников 1660 года... *“... въ прошломъ въ 160 году по Государевѣ грамотѣ высланы были съ Вологды къ Москвѣ для ихъ иконнаго письма Терентій Оокинъ, Архипъ Акинфѣевъ (и т.д. всего 8 человекъ), а нынѣ тѣ иконописцы... по твоей Государевой грамотѣ у иконнаго письма на Вологдѣ въ Знаменскомъ монастырѣ: Матвѣй Гурьевъ живеть на Тотмѣ, Агей Автомаковъ да Дмитрій Клоковъ устарѣли? Сергѣй Акимовъ отемнѣлъ, а которые иконники свѣрхъ того есть, и тѣ у Государева иконнаго и у стѣннаго ни у какого письма нигдѣ не бывали, потому, что стары и увѣчны, и писать никаково письма не видять и до нынѣшнихъ Великаго государя грамоты съ Вологды разорелись въ миръ для ради не дороды хлѣбныя, кормитися Христовымъ именемъ, потому что люди старые и увѣчныя, и скудныя и должныя; то наша и сказка”.* (Грустная сказка). (Заб. 34).

Столичные иконописцы, имея всегда перед собою образцы и учителей, могли не выходить из рамок, начертанных для живописца ещё стоголовом, и свято поддерживавшихся и впоследствии, но в захолустье весьма понятно, что художники не могли так строго соблюдать традиции и подобные отступления доходили до сведения царя, вызывая его указы.

В 1668 году стало ведомо В. Государю царю и В.К. Алексею Михайловичу ... что на Москвѣ и во градѣхъ и въ слободѣхъ и въ селѣхъ и въ деревняхъ объявились многіе (не искусныя) живописцы и отъ не искусства воображенія святыхъ иконъ пишутъ не противъ древнихъ переводовъ, и тому ихъ искусному учению многіе послѣдуютъ и у нихъ учатца, не разсуждая о воображеніи святыхъ иконъ (<За...> о томъ какъ пишеть въ божественномъ писаніи). А которыя иконописцы начертанію и иконнаго воображенія искусны и прежнихъ (заг. мастеровъ) художниковъ иконнаго воображенія переводы у себя имѣютъ и отъ тѣхъ ученья не приѣмлютъ, и ходять по своимъ ихъ волямъ, якожь обычай безумнымъ и въ разумъ не искуснымъ, къ тому же еще въ нѣкоторой веси Суздальскаго уѣзда, иже именуется село холуй, и того села холую поселяне, не разумѣющіе прочитанія книгъ божественнаго писанія, дерзаютъ и пишутъ святыя иконы безо всякаго разсужденія и страха, ихъ же честь святыхъ иконъ по божественному писанію не первообразное восходить. А тѣ поселяне отъ своего неразумія то воображеніе Святыхъ иконъ пишутъ съ небреженіемъ. И Великій Государь (т) ревнуя поревновахъ о чести святыхъ иконъ, указаль отписать въ патриаршіи разрядъ, что бы Великій Господинъ Святѣйшій Иоасафъ Патріархъ Московскій и вся Руси благословиль и указаль на Москвѣ и во градѣхъ воображеніе святыхъ иконъ писати самымъ искуснымъ иконописцамъ, которые имѣютъ у себя древній переводы, и то со свидѣтельствомъ выборныхъ иконописцовъ, чтобъ никто не искусень иконнаго воображенія не писалъ, а для свидѣльства на Москвѣ и во градѣхъ выбрать искусныхъ иконописцовъ, которымъ то дѣло го-

раздо въ обычай и имѣють у себя древніе преводы для иконнаго воображенія, а которыя не искусны иконнаго художества и тѣмъ воображенія святыхъ иконъ не писать. Такъ же на Москвѣ и во градѣхъ учинить наказъ крѣпкой, которыя всякихъ чиновъ люди сидятъ въ лавкахъ и тѣ – бѣ люди у иконописцовъ святыя иконы принимали добраго мастерства со свидѣтельствомъ, а безъ свидѣтельства отнюдь пріимать. А которыя иконописцы живутъ въ Суздальскомъ уѣздѣ въ селѣ Халую, и темъ иконописцомъ впредь воображенія святыхъ иконъ не писать же: и о темъ и всемъ послать грамоты изъ патриарша разряду. И по Государеву указу патриаршу боярину и дьяку доложу Великаго Господина светѣйшаго Иоасафа Патриарха Московскаго и всея Руси. О томъ учинить по Указу Великаго Государя.

Не раз уже зародившееся зло, трудно было искоренить, так как *“по заглушнымъ деревнямъ плохые мастера неистово писали иконы и продавали их прасолам и щепетильникамъ, которые развозили по сѣламъ и городамъ”*.

Не так же стройно было тогдашнее управление, чтобы наблюдать в заглушенных деревняхъ.

Иконописцы были весьма многочисленны, если имелись не только в городах, где могли иметь хороший заработок, но проникали и в глухие деревни, впрочем, это были не сословные живописцы города, а занимавшиеся, так себе, ввиду вероятной доходности ремесла.

В этой грамоте встречаются любопытные выражения *“выборные иконописцы”*. Эти выборные иконописцы совершенно аналогичны выбранным иконописцамъ Стоглавого Собора, или, как я назвал, художникамъ – надзирателямъ, инспекторамъ, и выбор ихъ предлагается тоже духовнымъ чинамъ.

Такъ что, напрасно П. Покровский говорит, будто постановление Стоглавого Собора не имело практическихъ последствий (*<...> въ пам. икон. V*), и в вышеприведенномъ случае, а главное, в нижеприведенной грамоте 1669 года очевидно влияние соборнаго постановления.

Гораздо было бы проще, во избежание лишнего письменнаго производства, царю самому издать народно вышеприведенную грамоту, но онъ обращаетъ её къ патриарху, ожидая отъ него циркулярнаго постановления. Оно и понятно: какъ я уже раньше указывал, все дела, касающіеся художества, подведомственны духовному начальству, и царь только обращаетъ внимание Патриарха не вмешиваясь не в свою сферу, а вотъ если после Патриаршаго указа... *“какія люди учнутъ чинить о томъ <прещеніи> и тѣмъ людемъ по указу Великаго Государя велѣно учинить указъ подначальной, смотря по дѣлу”*.

(Всё это живо напоминаетъ постановления Стоглава).

Такъ что не только столичными, но и за иногородними иконниками всегда существуетъ надзор. Интересно сопоставить предписанія о письме икон Стоглавого Собора и собора 1667 года, изъ этого сравненія видно, насколько развилась жизнь и расширились задачи искусства. В постановленияхъ Стоглава читаемъ:

“... и съ превеликимъ тцаніемъ писати Образъ Господа Нашего Иисуса Христа и Пречистыя Его Богоматери и Святыхъ Пророковъ... по образу и по подобію, по существу, смотря на образъ древнихъ живописцевъ. И знаменовати съ добрыхъ образцовъ”. (Заб. Ист. Мат. 2)

Соборъ Алексѣя Михайловича требуетъ *“... до оныя (иконы) лѣпо, честно, съ достойнымъ украшеніемъ, искуснымъ разсмотромъ художества пишемы будутъ, во еже бы всякаго возраста вѣрнымъ, благоговѣйна очеса си на тя возводящимъ, къ сокрушенію сердца, ко слезамъ покоянія, къ любви Божіи и святыхъ его угодниковъ, къ подражанію житію*

ихъ богоугодному возбуждаться и предстояще имъ мнѣти- бы на небеси строяти себе предъ лица самыхъ первообразныхъ...”(Акт Арх. Оп. IV, № 174).

В половине XVII столетия совершается некоторое движение в иконописи: появляется писанье икон “по живописному, на манер Фряжский”. Пример в подобном писанье подавали прибылые иноземцы, хотя были сторонники и старого письма, которые, *что застарело, того держатся*, как пишет изограф Иосаф Симону Ушакову “а еже что отъ давна потрачено и обетшало, отъ сего наипаче ныну приѣмлють старину и смиренности похваляти”. (Рав. Ист. ук. 42).

Из этого выходило, что многие живописцы писали для одних заказчиков по иконному, для других - на фряжский манер.

Зодчие наши того времени и, вместе с тем начальники плотничьих артелей, назывались плотничьими старостами, а плотники рубленниками. Иностраный инженер и полковник Рустав Декентин, въехавший в 1658 году, называется, вымышленником. А живописец Петр Энглес называется мастер перспективного дела. Говоря о живописцах, всё время подразумевались иконописцы: между тем в XVII веке появляется и другой род художества, а именно, лубочные картинки. О существовании миниатюр – иллюстраций мы знаем уже гораздо раньше. Как на первый пример картинок гражданского содержания можно указать на вирши на погреб Гетмана Сагайдичнаго 1622 года. Лубки имели чрезвычайно широкое распространение: от крестьянских изб до царских хором.

“Немецкие печатные потешные листы” продавались с книгами и рукописями в овощном ряду, потом на Спасском мосту. Стоимость и доступность печатных листов в царские палаты видим мы из прихода расх[одных] книг Оруж[ейной] Пал[аты], как 1637 года Июня 16 : “дано торговымъ людямъ Овощнаго ряду за нѣмецкіе за печатныя листы 20 алтынъ (нѣмецкими они назывались по своему произхожденію), а взяли тѣ листы изъ Государевы мастерскія палаты въ хоромы Государю Царевичу Князю Алексѣю Михайловичу, да Государынямъ Царевнамъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, да Околничій Василій Ивановичъ Стрѣшневъ”.

Потом в 1637 году Марта 8: “дано овощнаго ряду торговому человѣку Ондрушкѣ Петрову за 9 листовъ потѣшныхъ 8 алтынъ 2 деньги, а тѣ листы принимала <Крайчая> Соломонида Медецкая”.

В комнатах Царевича Алексея Алексеевича умершего в 1670 году, висело “*пятьдесятъ рамцовъ съ листами Фряжскими*”.

Сочинители, а тем более, издатели этих картинок весьма мало известны. Вероятно некоторые из знаменщиков, т.е. рисовальщиков, были и сочинителями их, есть надпись на одной из гравюр “*знаменил Симон Ушаков, резал Василий Андреев*”. Мы не знаем ни одного художника всецело посвятившего себя этому роду искусства.

Древнейшие лубочные картинки были преимущественно духовно-религиозного содержания, какое им присуще в большой мере и поныне. Иностранцы, - говорит <И. Спетрев> (Луб. кар.), - пользовались этим средством для распространения своих религиозных мнений и верований в Русском мире и составляли листы, изображавшие Спасителя, Богородицу, Небесные силы и святых угодников Божиих, такие изображения по свидетельству Московского Патриарха Иоакима “никакого подобія первообразныхъ лицъ не являли своимъ неискусствомъ, но представлялись неистово и неправо, наподобіе лицъ своестранныхъ и въ своестранныхъ одеждахъ нѣмецкихъ” (Акт Археогр. эксп. IV, № 200).

Этот Патриарх в 1674 году запретил покупать такие листы *“кои печатали нѣмцы еретики, лютеры и кальвины, по своему проклятому мнению”*.

Но всё же иностранные образчики не исчезли и не остались без подражания, это видно из синодального указа 1721 года Марта 20: *“появились тогда в Москве изображения святых, несогласные с преданием церкви и с подлинниками или персональниками иконописцев, предосудительные уже по одному тому, что достойно поклоняемые и чествуемые лики святых установлено писать на досках, а не печатать на бумажных листах. Печатные же допускались духовным начальством, как для пригожества, а не для печатания”*; или, - замечает Патриарх Иоаким, - *украшались храмины, избы, клети и сени”*.

Указ 1721 г. запрещает выставлять *“на продажу на Спасск мосту и в других местах Москвы сочинённые разных чинов людьми службы и каноны ровно и ястомпы (листы) печатные самовольно, кроме типографий”*. Для рассмотрения подобных изданий была учреждена Изуграфская Палата. Хотя для приведения этих текстов и пришлось заскочить за начертанную по времени границу, но они уж очень хорошо объясняют положение этих листов в обществе и отношении к ним духовенства. Таким образом, жизнь наших художников всегда наладилась в зависимости от духовенства.

Всматриваясь в историческую жизнь наших художников, мы не можем не заметить трёх рельефных правовых пунктов её, соответствующих главным периодам истории нашего государства. В первом художники – рабы – ремесленники и смерды, во втором - они, хотя принадлежат ещё к нижейшему, но их почитают *“паче простыхъ человекъ”*; в третьем мы видим художника дворянина (Салтанов) - удивительно последовательное развитие.

Поистине золотая пора для художников время Алексея Михайловича, всякое более или менее выдающееся дарование находит дорогу.

Наконец, художники наши не только выдвигаются у себя на родине, но получают санкцию восточного Патриарха. Мы уже учим своих первоначальных учителей Греков, учителя обращаются к ученикам, признавая их первенство: Антиохийский Патриарх Макарий в 1668 году бѣёт челом Алескею Михайловичу в том, что *“въ Епархіи, Государь моей, во градѣ Антиохіи и въ Дамасцѣ суть четыре церкви: въ Антиохіи соборная церковь Петра и Павла да церковь Иоанна Златоустаго, а въ Дамасцѣ соборная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, да церковь священномученика Кипріяна и Устиніи. И въ этихъ, Государь, церквахъ отъ многихъ лѣтъ иконы местныя обѣтчали, а иконниковъ Государь добрыхъ мастеровъ у насъ нѣтъ, написать и поновить некому. Милосердный Государь, (т) пожалуй меня, богомольца своего, вели Государево свое царское богомолье въ тѣ соборныя церкви дать мѣстныхъ иконъ, Спасовъ образъ по полямъ было двѣнадцать праздниковъ со страстными, да образъ Пресвятыя Богородицы, да образъ Петра и Павла, да образъ Николая Чудотворца въ житіи и въ чудесѣяхъ, да образъ Иоанна Златоустаго, да образъ Кипріана и Устиніи, добрымъ письмомъ, чтобы и въ тѣхъ церквахъ твоему царскому Величеству была въ нашихъ странахъ вѣчная похвала и слава. Царь Государь смилуйся”*.

Вон куда расходится русское искусство! Художники уже не рабы – ремесленники, они довольно близко подходят под наше понятие «художника», как <апофеозу> художников времени Алексея Михайловича следует привести место торжественной окружной грамоты 1669 года (Акт. Археогр. Эксп. IV стр. 225)...: ... «и яко при благостивѣйшимъ равноапостольномъ царѣ Константиномъ и по немъ большихъ царехъ правовѣрныхъ церковницы, изряднѣе же клиросъ, велию честію почи-

таеми бяху, со сигклитомъ царьскимъ и прочіими благородными равенство почитанія повсюду приимаху, тако въ нашей царьстей православнѣй державѣ иконъ святыхъ писателіе, тщаливи и честниі, яко истинныя церковници, церковнаго благолѣпія художницы да почтутся, всѣмъ прочіимъ предсѣданіе художникомъ да воспріимуть и кисть различноцвѣтно употребленна, тростію или перомъ писателемъ, да предравенствуютъ; достойно бо есть отъ всѣхъ почитаемя хитрости художникомъ почитаеымъ быти. Почтежеса образотворенія дѣло отъ самаго Бога, егда во Вѣтхомъ завѣтѣ повелѣ ангельская лица въ храмѣ си и подъ кіотомъ завѣта вообразити. Пріять честь въ новой благодати отъ самаго Христа Господа, егда изволили лице свое на обрусѣ Авгарю царю безъ писанія начертати. Почтеса отъ святыхъ Апостоловъ, ибо святой Евангелистъ Лука святыя иконы писати. Почтеса отъ всея православныя каѳолическія церкви, егда на седмомъ вселенскомъ соборѣ иконамъ святымъ должное утвердися поклоненіе. Почтеса и отъ Ангель святыхъ, ибо многажды само святыя иконы Божіимъ написаху повѣленіемъ, яко во святой великой лаврѣ Кіево-Печерской, вмѣсто иконописца Алимпія святаго и иногда многащи. Непреобидимо и пренебрегаемо сіе православное рукодѣліе и отъ начальствующихъ въ мірѣ во вся предѣтекшіе вѣки бяхе: не точію бо благородныхъ чада, гонзающе праздножителство и бездѣльнаго щапства, многшарною любезно труждахуса кистію: но и самѣмъ златыи скипетръ держателемъ изряднѣйшая бываше утѣха, кистію и тары различноцветными, художество хитродѣліемъ, Богу и естеству подражати. Кто бѣ въ древнемъ Римѣ преславный онъ Павелъ Емилиі, его же похвалами вся книги историческія исполнишася; сей взыска въ Афинѣхъ Митродора иконописца, купно и философа, во еже бы научити юныя си кромѣшнему преславныхъ побѣдъ своихъ начертанію. Коль славный родъ Фавіевъ Римскихъ: сихъ праотець Фавіи меньшую стяжа похвалу иконною кистію, яко прочіи мечемъ и копіемъ острымъ. А Гречестивъ премудрію законополагателіе толь честно сіе судиша быти художество, яко же завѣтъ имъ положить, да ни кто отъ рабъ и плѣнникъ иконнаго писанія вданъ будетъ изученію, но точію благородныхъ чада и совѣтничіи сынове тому преславному навикнуть художеству. Толико убо отъ Бога, отъ церкви и отъ всѣхъ чиновъ и вѣковъ міра почненнаго дѣла художницы дѣла въ рѣсноту почитаеми да будутъ: первое же чести имъ пристойныя мѣсто да имать знаменатель искуснейшій, то же иконописателіе искуснѣйшіе, потомъ прочію по своему чину. Симъ тако быти хотящимъ въ нашей православнаго царствія державѣ неизмѣнно выну узаконяемъ и повелѣваемъ подражанеще узаконенію благовѣрнаго Государя Царя и К. Иоанна Васильевича, всея Россіи Самодержца, въ Стоглавѣ воспоминаемому въ главѣ 43, да о честныхъ и святыхъ иконѣхъ и о иконописателѣхъ вся вышереченная въ сей грамотѣ нашей царстѣй неприступно хранима и блюдома будутъ выну...

Нечего пересказывать эту грамоту, она сама по себе даёт, можно сказать, редкую по колориту картину положения художников и симпатичного отношения к ним тишайшего Царя.

А что потом ожидало художников? Потом забывается слово «художник», - они опять мастера, без которых только «обойтись невозможно», грозная туча нависла на них с запада, надолго окончательно погубившая национальное искусство. Потом Пётр пишет Сенату (Пол. собр. Зак. VII № 4443): «Без живописца гравировальнаго мастера обойтись невозможно будет, понеже издания, которые в науках чиниться будут, (ежели оныя сохранить и печатать), имеют рисованы гравированы быть...

20 марта 1896 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/58, 67 л.

*****

[1896 г.]

[ПРОШЕНИЕ]

Его Преподобию отцу Владимиру священнику
Киево-Печерской Покровской церкви.

Вследствие просьбы Гр. Тр. Не спешу засвидетельствовать пред Вами, что мною действительно изъявлено согласие быть хотя бы заочно восприемником от купели при Св. Крещении новорожд[ённого] сына его Николая. Смею надеяться – что, будучи православного вероисповедания ~~[22 лет отроду]~~, окончив курс в гимназии и сдав окончательно экзамен Богословия при СПб. Университете, Вы ни на минуту не усомнитесь в познаниях закона Божьего, как и в знании мною всех тех священных обязанностей, которые мною принимаются и на меня по закону возлагаются по званию крестного отца.

Студент Императорского Университета Юридического Факультета 4 курса.
Ученик Высшего Художественного Училища при Имп. Акад. Худож.

[Николай Рерих]

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/44, л. 19 об. (Черновик)

*****

Н.К. Рерих. Ландшафт. [1895- 1897].

АПРЕЛЬ

24 апреля 1896 г.

*****

Разрешение Императорской Археологической комиссии на право произведения Н.К. Рерихом раскопок.

МИНИСТЕРСТВО
[герб]
ИМПЕРАТОРСКОГО
ДВОРА

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССИЯ
-----

24 Апреля 1896 г.

№ 833

С.-Петербург

Здание ИМПЕРАТОРСКОГО Зимнего Дворца.

Господину Студенту Императорского
С.-Петербургского Университета
Н. Рериху.

Императорская Археологическая Комиссия, препровождая Вам открытый лист на право производства в текущем году археологических раскопок в Петергофском и Царскосельском уездах С. Петербургской губернии, просит Вас, по окончании работ, доставить ей отчёт о произведённых Вами работах и могущие быть найденными при этом древности. Вместе с сим, Комиссия, на основании устава о гербовом сборе, ожидает от Вас высылки ей гербовых марок, не приложенных Вами к прошению о разрешении Вам производства раскопок.

Старший член *Н. Веселовский* [подпись]
Делопроизводитель *Ил. <Суслов...>* [подпись]

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/577, 1 л

*****

МАЙ

3 мая 1896 г. Извара.

Письмо Н.К. Рериха к Спицину А.А.

Многоуважаемый
Александр Андреевич.

Весьма был бы благодарен за сообщение, был ли Ивановский в Горицах Врудской волости? Там, писали мне, есть одно интересное место.

Очень жду ответа, в виду того, что для 6 курганов Петергофских не стоит и дневника мараить – ничего нового не сказать, старого не выяснить.

Центр работ была бы Врудская волость, если бы мне дали добавочный лист или заменили Царскосельским, Ямбургским. Простите за беспокойство.

Глубоко Вас уважаю и предан душевно

Николай Рерих

Извара 3/V 96.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1. № 56/1896, л. 5, 5 об.

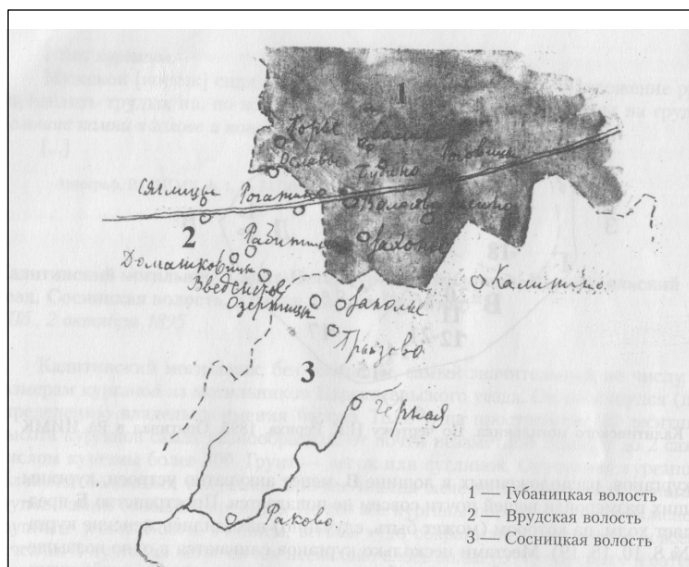
Н.К. Рерих. Врожба. 1895-1896. Этюд.

ИЮНЬ

ОТЧЁТ О РАСКОПКАХ 1896 ГОДА В ЯМБУРГСКОМ И ПЕТЕРГОФСКОМ УЕЗДАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ, ПРОИЗВЕДЁННЫХ Н.К. РЕРИХОМ.

Извара, 1 июня 1896

Наведя предварительные разведки, 16 Мая сего года я приступил к работе, ограничив её следующим районом.

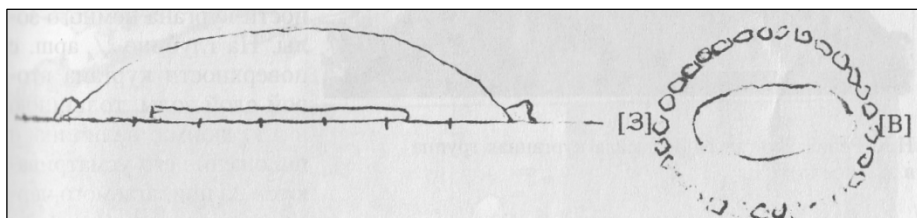

Н.К. Рерих. Район раскопок в 1896 году – смежные волости Петергофского, Ямбургского и Царскосельского уездов СПб. губернии.

I. Петергофский уезд. Губаницкая волость

1. Горье. 3 группы курганов (2 полевые, 1 лесная). В лесной группе, состоящей из 4 курганов большого типа (вышина 1 саж. и 1 1/2 саж.), уже раскопанных Л.К. Ивановским, и 3 курганов низких, не выше 2 арш., последние 3 кургана оказались некопаными.

№1. Основание кургана обложено небольшими, ровными (по величине) камнями. Грунт песчаный. На поверхности материка оказался слой золы и углей, тщательно пережжённых, толщиной в 2 1/3 вершка. Остатков костей не обнаружено. Форма слоя золы продолговатая с Запада на Восток.

Н.К. Рерих. Курган № 1 (лесная курганная группа в д. Горье)

Высота кургана – 1 1/2 .
Диаметр кургана – 7
Основание кургана – 28
По верху кургана 8 1/2

№ 2. Устройство аналогичное № 1. Форма слоя золы немного круглее. Почти по поверхности кургана найдена кость (коровья), по-видимому, случай

Полевые группы оказались раскопанными уже ранее.

Высота кургана - 1

Диаметр кургана - 6 1/2

Основание кургана - 25

По верху кургана - 7

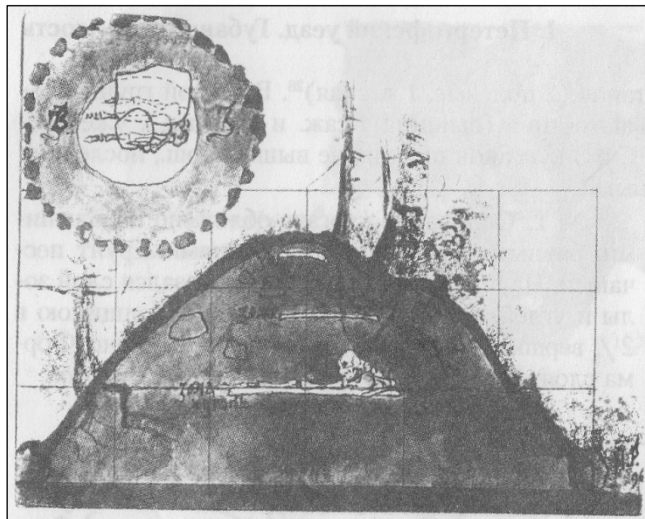
2. Сомино. Большое курганное поле на земле частного владения господина Колокольцева. Почти всё раскопано Л.К. Ивановским и прежним владельцем господином Герингом. По словам владельца, на многих курганах прежде стояли каменные кресты и камни с надписями, но ни крестов, ни камней не оказалось - все они расхищены. Находимые вещи при прежних раскопках - медные, обыкновенного типа.

3. Будино. В самой деревне несколько курганов. Все уже раскопаны ранее.

4. Роговицы. На крестьянской земле до 10 курганов (полевая группа) - уже раньше раскопаны.

5. Волосово. В самой деревне до 15-20 курганов. Вышина до 1 сажени. Раскопаны Л.К. Ивановским.

6. Лисино. На земле частного владения господина Рейхенбаха лесная группа до 40 курганов, частью уже раскопанных. В группе два типа курганов: в северной части - большие до 2 1/2 арш. выш.; к Югу малые до 3/4 арш. выш.

Н.К. Рерих. Курган № 3 (лесная курганная группа в д. Лисино).

Высота кургана - 2 1/2

Диаметр кургана - 6

Основание кургана - 28

По верху кургана - 13

№ 3. Большого типа. Обкладка - из небольших камней. На поверхности кургана довольно много камня, хотя нельзя признать, что курган по поверхности обложен камнем. На 2 1/4 арш. с поверхности кургана немного золы. На глубине 3/4 арш. с по-

верхности кургана второй слой золы, толщиной в 1 ½ дюйма; величина и положение его усматриваются из прилагаемого чертежа.

На глубине 1 ½ арш. костяк (мужской) в сидячем положении. С левой стороны тазовой кости нож (по описи за № 14). Положение рук ввиду осадка костей определить трудно, хотя, по-видимому, они лежали вдоль тела. Под костями слой золы и углей почти круглой формы диаметром до 1 ¾ арш., толщиной до 2 вершков. Среди золы ничего не усматривается. Остальная часть кургана до 1 арш. глубины представляется слоем песка, по-видимому, тщательно умятого, утрамбованного. На поверхности материка ничего не оказалось. Положение костяка видно из чертежа – с Запада на Восток.

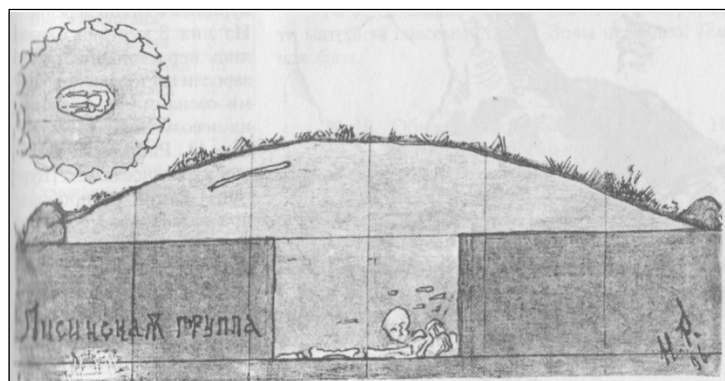
Н.К. Рерих. Курган № 4 (лесная курганная группа в д. Лисино)

Высота кургана – 2 ¼
Диаметр кургана – 7
Основание кургана – 31
По верху кургана - 12

№ 4. По общему устройству аналогичный № 3. Камни на основании кургана приблизительно одинаковой величины. На ¼ арш. с поверхности кургана немного золы в центре кургана. На ½ - череп. Остальные кости истлели. На 1 ¼ - слой золы диам. 1 арш., толщиной 2 вершка. Остальная часть кургана плотно убита.

№ 5. Камни в основании ровные. На ½ арш. с поверхности кургана немного золы в центре. На 1 ¼ арш. костяк (мужской). На груди пряжка (по описи за 15). Костяк в сидячем положении, с Запада на Восток. Под костями небольшой (диам. ½ арш.) слой золы, толщиной 1 дюйм.

Высота кургана – 2 ½
Диаметр кургана – 5
Основание кургана – 28
По верху кургана - 11

Н.К. Рерих. Курган № 6 (лесная курганная группа в д. Лисино)

Высота кургана – $\frac{3}{4}$
Диаметр кургана – 6
Основание кургана – 20
По верху кургана - 9
Длина могилы – $1\frac{1}{2}$
Ширина могилы – $\frac{3}{4}$
Глубина могилы – 1

№ 6. Малого типа. Обложен курган камнем по основанию весьма неряшливо, золы не заметно, только на $\frac{1}{4}$ арш. с поверхности кургана кучка золы, показанная на разрезе. Косяк (мужской) в сидячем положении с Запада на Восток. Около головы косяка в обилии перегнившие куски дерева, один из них приложен за № 13. Кости плохо сохранились.

7. Захонье. 1 курган недалеко от деревни. Без каменной обкладки. Оказался уже раскопанным ранее.

II. Ямбургский уезд. Врудская волость.

8. Сяглицы. При мызе и деревне того же имени небольшая группа курганов средней величины (1-2 арш.). Раскопаны Л.К. Ивановским.

9. Ославье. На земле частного владения господина Моллера две группы курганов, из них одна (лесная) группа ещё не копана и найдена только в прошлом году. Я обратился с письмом к господину Моллеру за разрешением, но такового до сих пор не последовало.

10. Рогатино. Группа курганов в самой деревне. Из них 3 кургана оказались нераскопанными, но заросли настолько большими соснами, что раскопка невозможна.

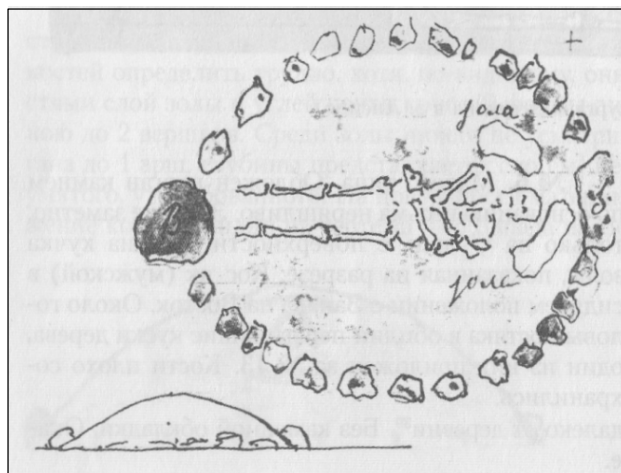

Н.К. Рерих. Тип Рогатинского кургана.

11. Работицы. Большое курганное поле. [Курганы] самой разнообразной величины. По словам старожил, на многих стояли каменные кресты (теперь развезённые по кладбищам) и камни с высеченными надписями, теперь уже не существующие. Интересно местное название кургана, кажется, ещё не встречавшееся в литера-

туре – «каломище». Работицкие курганы, как и предыдущие, с круглым основанием. Расположены в беспорядке.

№ 7. Основание обложено камнем, на Восток и Запад лежат особенно большие камни. Кости на поверхности материка. Костяк (мужской) лежит с Запада на Восток. Положение рук видно из чертежа. Около головы две кучи золы (высыпано). На указательном пальце левой руки кольцо (по описи) за № 2. Грунт кургана песчаный.

Н.К. Рерих. Курган № 7 (Работицы-1)

Высота кургана – 2
Диаметр кургана – 6
Основание кургана – 27
По верху кургана – 9

№ 8. В основании камни, на Восток и Запад два особенно больших. Костяк мужской – сидя на поверхности материка. Золы не заметно. Лицо обращено на Восток. Основание кургана было, вероятно, плотно убито.

Высота кургана – $1\frac{1}{4}$
Диаметр кургана – 4
Основание кургана – 21
По верху кургана – 7

№ 9. Обкладка плохая. Кости на поверхности материка совсем истлели. Золы не видно. *Тёмная буса.*

Высота кургана – $\frac{3}{4}$
Диаметр кургана – 3
Основание кургана – 15
По верху кургана – $4\frac{1}{2}$

№ 10. Обкладка по основанию ровная. На глубине $\frac{1}{2}$ арш. с поверхности кургана в его центре зола (кучкой). Костяк (мужской) сидя, направление лица – на Восток.

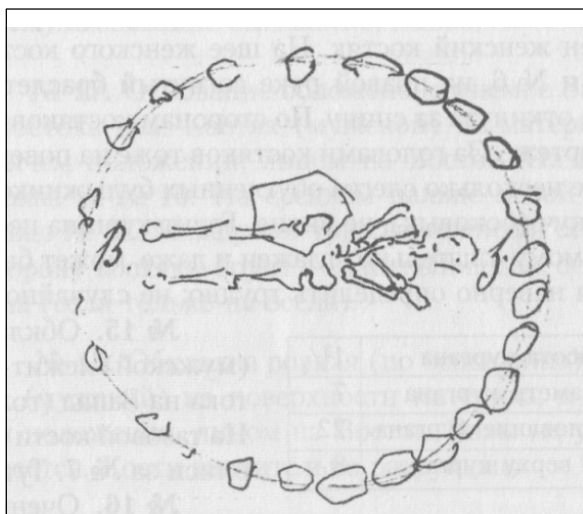
Высота кургана – 1
Диаметр кургана – 5
Основание кургана – 17
По верху кургана – 6

№ 11. Каменная обкладка по основанию. Костяк (мужской) лежит на поверхности материка с Юга на Север. положение рук, как в № 7. немного выше костей (над грудью) небольшая кучка золы. основание тщательно выровнено.

Высота кургана – 2 ½
Диаметр кургана – 6 ½
Основание кургана – 32
По верху кургана - 9

№ 12. Обкладка плохая. Костяк (мужской) лежит с Запада на Восток. руки скрещены на груди. Над костями (как показано на чертеже) кучка золы. Основание утрамбовано.

Н.К. Рерих. Курган № 12 (Рабитицы-1)

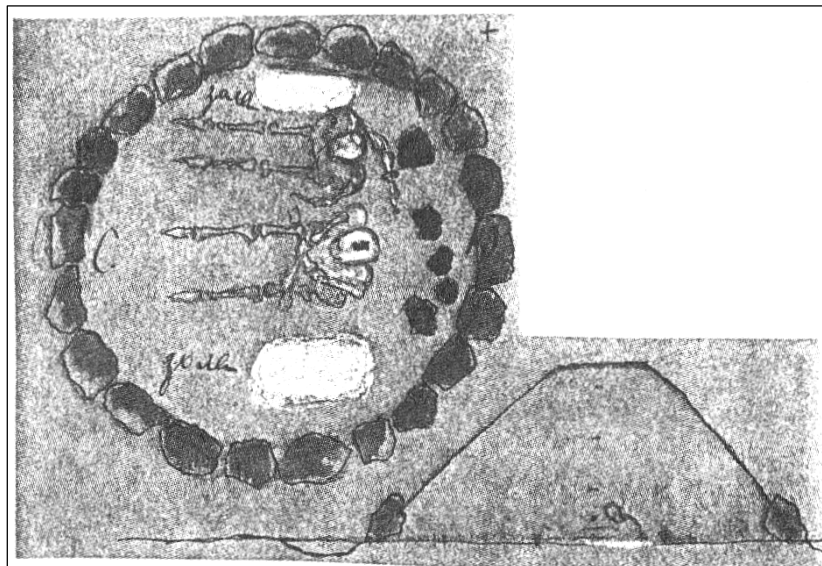
Высота кургана – 1 ½
Диаметр кургана – 5
Основание кургана – 10
По верху кургана - 7

№ 13. Каменная обкладка плохая. Костяк (мужской) в сидячем положении, лицом на Восток. Золы не заметно. На шее пряжка (по описи) за № 3. *При костяке ещё нож в медных ножнах.*

Высота кургана – 2 ¾
Диаметр кургана – 10
Основание кургана – 36
По верху кургана - 15

№ 14. Обложен по основанию аккуратно большими камнями. Крайний курган с северной стороны курганного поля. Как видно из чертежа, вершина кургана как бы скошена, впрочем, это могло получиться при оседании земли. Вокруг кургана замечается канавка в 3 дюйма (может быть, случайная). На поверхности материка обнаружено два костяка, в сидячем положении, лицом обращённые на Север (с Юга на Север). В середине кургана был мужской костяк со скрещёнными руками (в точности определить их положение невозможно, вследствие осадка костей). Череп этого костяка (при сём представляемый) оказался просечённым. По правую руку рядом с мужским костяком обнаружен женский костяк. На шее женского костяка найдены бу-

сы и бляшка за № 4 и № 6, на правой руке согнутый браслет за № 5. Эта рука (см. чертёж) была откинута за спину. По сторонам костяков найдены кучи золы, отмеченные на чертеже. За головами костяков тоже на поверхности материка лежат в беспорядке несколько слегка обугленных булыжников, но золы, кроме вышеозначенных куч (боковых) не видно. Грунт кургана песчаный. Материк основания, по-видимому, тщательно сглажен и даже, может быть, покрыт тонким слоем глины (хотя наверно определить трудно, не случайно ли?).

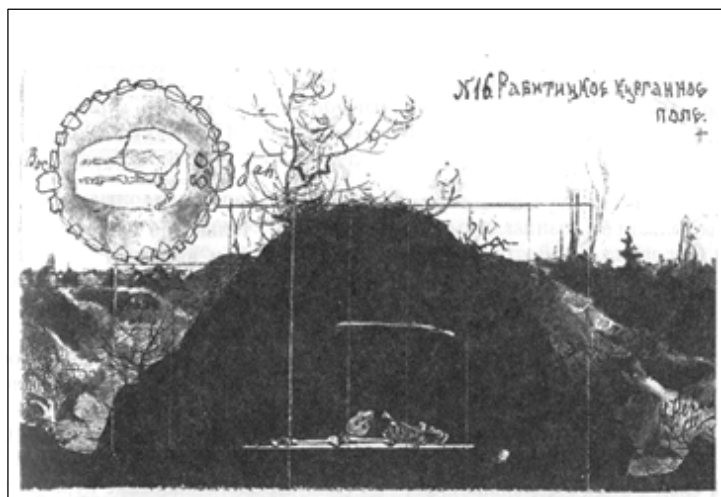
Н.К. Рерих. Курган № 14 (Рабитицы - 1)

Высота кургана - $3 \frac{1}{4}$
 Диаметр кургана - 8
 Основание кургана - 35
 По верху кургана - 17

№ 15. Обкладка основания плохая. Костяк (мужской) лежит на поверхности материка с Востока на Запад (голова на Восток). Золы не видно. На тазовой кости (с левой стороны) лежит нож по описи за № 7. Тут же № 8.

Высота кургана - $1 \frac{3}{4}$
 Диаметр кургана - 7
 Основание кургана - 22
 По верху кургана - 8

№ 16. Очень правильной формы. Расположен в центре курганного поля. От других курганов отделён свободным пространством до $1 \frac{1}{2}$ саж. окружён небольшим рвом (см. № 14). Основание тщательно обложено камнями. Вершина, может быть, усечена (см. чертёж). Грунт кургана - плотный песок. На глубине 2 арш. обнаружен слой золы. Костяк (мужской) найден на поверхности материка в сидячем положении, лицом на Восток. Позади костяка (в западной стороне) два-три слегка обугленных булыжника. Под костяком тонкий слой золы (см. чертёж). основание выглажено, глины, как в кургане № 14, не усматриваются.

Н.К. Рерих. Курган № 16 (Рабетицы-1)

Высота кургана – 4
 Диаметр кургана – 7
 Основание кургана – 31
 По верху кургана – 22

№ 17. Основание обложено камнем, с Запада и Востока два. Костяк (мужской) на материке в сидячем положении, лицом на Восток. На груди пряжка за № 10. На среднем пальце левой руки кольцо № 11. Между ног три сварившихся остатка за № 8. Кучка золы по левую сторону костяка. Грунт – плотный песок, основание выглажено. Вершина срезана (если только не осела).

Высота кургана – 2 ¼
 Диаметр кургана – 6
 Основание кургана – 26
 По верху кургана – 11

№ 18. Обкладка ровная (по основанию). Костяк (мужской) на поверхности материка, в сидячем положении, лицом на Восток. Золы не усматривается. Кости значительно разрушены.

Высота кургана – 2 ½
 Диаметр кургана – 7
 Основание кургана – 21
 По верху кургана – 15

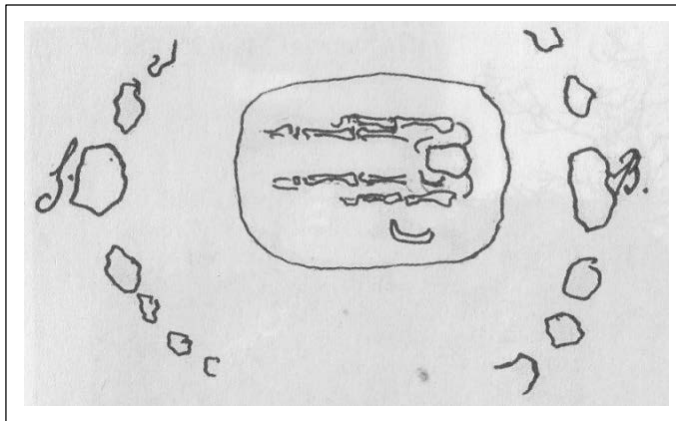
№ 19. Обкладка по основанию плохая. По-видимому, уже ранее раскопан.

Высота кургана – 1
 Диаметр кургана – 4

№ 20. Обкладка по основанию ровная. На поверхности материка костяк (мужской) в сидячем положении; лицо обращено на Восток. По левую сторону костей небольшая кучка золы.

Высота кургана – 1 ¼
 Диаметр кургана – 5
 Основание кургана – 20
 По верху кургана – 8

№ 21. Довольно тщательно по основанию обложен камнями. На глубине $\frac{3}{4}$ арш. с вершины кургана обнаружена кучка золы (в центре кургана). Костяк (женский) на поверхности материка, в сидячем положении, лицом на Запад. Около левой руки (см. чертёж) серп по описи за № 24. Под костями довольно толстый слой золы (2-3 вершка), форма – см. чертёж. Основание кургана тщательно выглажено. Вершина не усечена. № 23 найден почти на поверхности кургана.

Н.К. Рерих. Курган № 21 (Работицы-1)

Высота кургана – $2\frac{1}{4}$
 Диаметр кургана – 8
 Основание кургана – 27
 По верху кургана – 13

№ 22. Плохо обложен камнем. Уже раньше раскопан.

Высота кургана – $\frac{3}{4}$
 Диаметр кургана – 5

12. Домашковицы. Небольшое курганное поле. Курганы расположены в беспорядке, большею частью расплывчатой формы. Основание обложено камнями часто небрежно. Грунт глинистый. Место довольно низкое – кости весьма плохо сохранились. Всего до 50 штук.

№ 23. Обложен небрежно. Ширины и длины могилы не определить ввиду общего глинистого грунта. Золы не видно. Слабые признаки костей на глубине $\frac{3}{4}$ арш. с поверхности материка. Приблизительно у правого бедра нож по описи за № 21. Погребён, вероятно, в сидячем положении. Нож найден на куске дерева.

Высота кургана – $\frac{3}{4}$
 Диаметр кургана – 5
 Основание кургана – 17
 По верху кургана – 10

№ 24. Обкладка по основанию ровная. На глубине $\frac{3}{4}$ арш. с поверхности материка признак кости (всё истлело). Золы не усматривается.

Высота кургана – $\frac{1}{2}$
 Диаметр кургана – 5
 Основание кургана – 15
 По верху кургана – $8\frac{1}{2}$

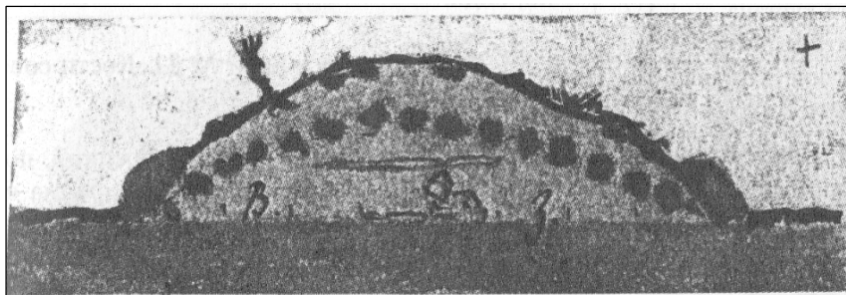
№ 25. Обкладка плохая (по основанию). Костяк на поверхности материка. В сидячем положении, лицом обращён к Востоку. Кость худо сохранилась. Золы не видно.

Высота кургана – 1
Диаметр кургана – 7
Основание кургана – 18
По верху кургана – 10 ½

№ 26. Обложен плохо (по основанию). Слабый признак костей на глубине 2 арш. с поверхности материка. Вероятно, в сидячем положении. Золы нет.

Высота кургана – 1 ¼
Диаметр кургана – 6 ½
Основание кургана – 19
По верху кургана – 10

II. Домашковицкая полевая группа. Расположена рядом с предыдущей. Состоит из 9 курганов немного более тщательно отделанных. Её можно бы считать при первой группе, но некоторое различие в устройстве заставляет меня обособить её. Основания курганов обложены камнем, в головах и в ногах (Запад и Восток) два большей величины.

Н.К. Рерих. Курган № 27 (II Домашковицкая полевая группа)

№ 27. Обложен камнем по основанию, на Западе и Востоке два больших. Грунт – глина и песок. На поверхности кургана довольно много камня (булыжники). На глубине ¾ арш. с поверхности кургана слой камня (булыжника), на ½ арш. глубже слой золы довольно тонкий, диам. 2 арш. Костяк (мужской) на поверхности материка, сидя, лицом на Восток. Основание кургана плотно убито.

Высота кургана – 2
Диаметр кургана – 8
Основание кургана – 27
По верху кургана – 12

№ 28. Обложен по основанию камнем, на Западе и Востоке два больших. На поверхности кургана много камня. На глубине ¾ арш. с поверхности кургана немного золы (в центре). Кости на поверхности материка. Весьма истлели. Грунт глинистый.

Высота кургана – 1 ¼
Диаметр кургана – 5
Основание кургана – 21
По верху кургана – 8 ½

№ 29. По основанию камни, на Западе и Востоке два больших. Камня на поверхности немного. В центре кургана на $\frac{3}{4}$ арш. глубины с поверхности кургана небольшая кучка золы. Костяк (мужской) на поверхности материка, в сидячем положении, лицом на Восток. Колечко за № 22 около головы. Грунт глинистый.

Высота кургана – $1 \frac{3}{4}$
Диаметр кургана – 6
Основание кургана – $19 \frac{1}{2}$
По верху кургана – $9 \frac{1}{2}$

№ 30. В основании камни, на Западе и Востоке два больших. На глубине 1 арш. с поверхности кургана слой булыжника, как в № 27. Кости на поверхности материка. Сильно истлели. Вероятно, сидя. Золы не видно.

Высота кургана – $2 \frac{1}{4}$
Диаметр кургана – 7
Основание кургана – 34
По верху кургана – $14 \frac{1}{2}$

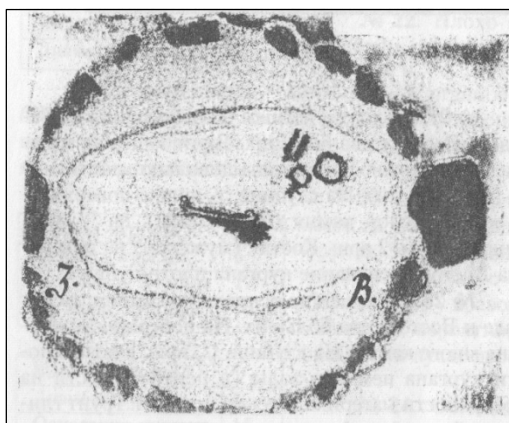
№ 31. В основании камни, на Западе и Востоке два больших. Камня мало. Кости на поверхности материка: сильно разрушены. Небольшая кучка золы у правого бока костяка. Вероятно, сидя.

Высота кургана – 1
Диаметр кургана – 6
Основание кургана – 19
По верху кургана – 10

№ 31. Аналогичный № 31. Кости совершенно разрушены.

Высота кургана – $1 \frac{1}{4}$
Диаметр кургана – 5
Основание кургана – 20
По верху кургана – $7 \frac{1}{2}$

13. Введенское. Полевая группа. Грунт чрезвычайно крепкий, почти не поддающийся лопате; приходилось работать ломом. Внешняя форма конусовидная; меньшие курганы сверху попорчены. Всего 15 курганов. Часть уже раскопана.

Н.К. Рерих. Курган № 33 (Введенская группа)

№ 33. Основание обложено камнями, на Западе и Востоке два больших. На глубине 2 арш. с поверхности кургана слой золы вершка в 4 толщиной. Среди золы найдена кость (берцовая), черепки горшка и пережжённое железо, по описи за № 17, 18, 19. Остальная часть кургана (до поверхности материка) плотно убита и выглажена. Грунт крепкий.

Высота кургана – 2 ½
Диаметр кургана – 9
Основание кургана – 28
По верху кургана – 13

№ 34. Основание обложено камнем, на Западе и Востоке два больших. На глубине 1 ¼ арш. слой золы в 2 вершка толщиной. Среди неё остаток кости и нож за № 16. Остальная часть кургана плотно убита.

Высота кургана – 2
Диаметр кургана – 7
Основание кургана – 22
По верху кургана – 10

№ 35. Рядом с № 34, но другого типа. Обкладка ровная. На поверхности материка костяк (мужской), в сидячем положении, лицом на Восток. На груди пряжка за № 20. Намёки золы с правого бока костей. Основание выглажено.

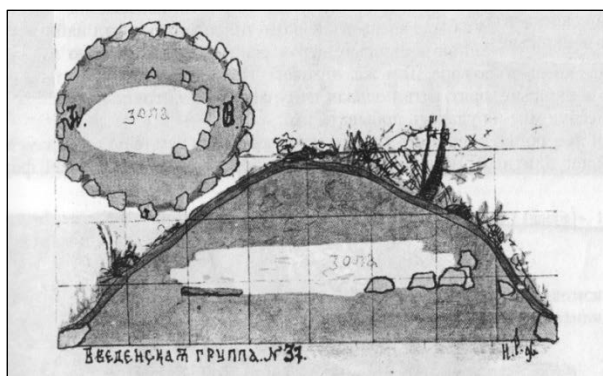
Высота кургана – 1
Диаметр кургана – 6
Основание кургана – 21
По верху кургана – 9

№ 36. Основание обложено камнями, на Западе и Востоке два больших. На глубине 1 ¼ арш. с поверхности кургана слой золы в 2 вершка толщиной. Имеет удлинённую форму с Запада на Восток.

Высота кургана – 1 ½
Диаметр кургана – 8
Основание кургана – 26
По верху кургана – 10 ½

№ 37. Стоит отдельно, сажень в 35 от остальной группы. Тщательно обложен по основанию камнем, особо больших не видно.

Грунт кургана, по-видимому, из дёрна и поражает своей твёрдостью, так что поддается лишь лому. Рабочие положительно отказывались продолжать его раскопку. На глубине 1 ¼ арш. с поверхности кургана обнаружена зола, которая идёт на глубину ¾ арш. Между золой – угли, перегар. В основании золы в западной части уголь, в котором можно признать остаток конца, вероятно, довольно толстого бревна. У *восточного* края золы несколько обожжённых булыжников, расположенных – см. чертёж. Остальная часть кургана плотно убита. Ни костей, ни предметов не сохранилось.

Н.К. Рерих. Курган № 37 (Введенская группа)

Высота кургана – $2 \frac{3}{4}$
 Диаметр кургана – 8
 Основание кургана – 36
 По верху кургана – 15

III. Царскосельский уезд. Сосницкая волость.

Относительно **Царскосельского уезда Сосницкой волости** могу сообщить, что при деревне **Чёрной** осталось 4-5 курганов (нераскопанных), но они заросли настолько большими да к тому же святочтимыми в деревне соснами, что раскопка их неудобна (ст. **Рогатино**).

Н.К. Рерих. Курган при д. Чёрной. 1896.

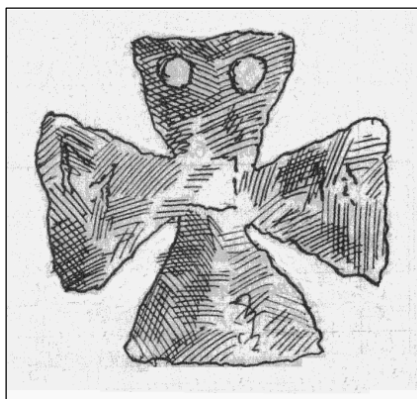
Проверяя слух относительно сопки или якобы сторожевого кургана (по местным рассказам) на земле имения **Калитино** барона Толя. Но, по моему мнению, это самородный холм, похожий на исследованный мною в 1894 году (см. дневник за 1894 год) на казённой земле Царскосельского лесничества, Изварской дачи.

Недалеко от деревни **Раково** есть какое-то место, называемое «церковище», по преданию, тут была когда-то церковь и неподалёку был найден колокол с какою-то старинною надписью, перенесённый в Грызовскую церковь и сплавившийся при пожаре. Там же, недалеко от имения **Тарасино** господина Парамонова, как говорят, есть

полевая полураспаханная группа курганов, но в этом месяце мне не удалось побывать там.

При постройке каменного Грызовского храма в земле под фундаментом был найден плитный, плоский крест до $\frac{3}{4}$ арш. длины следующей формы (см. чертёж). По состоянию плиты и по совершенно стёршимся надписям, очень древний. На верхней части две круглые дырки, как бы для подвешиванья. (Крест этот был обратно заложен в фундамент).

Крест в фундаменте Грызовского храма.

При деревне **Озертицы** большое курганное поле – всё уже раскопанное. При деревне **Заполье** до 10 курганов на поле. По внешности, а также по рассказам людей, рывших их, эта группа аналогична **Введенской** группе.

Если удастся, этим летом (в Июле) я постараюсь побывать в Тарасине и Ракове.

Таким образом, за эту раскопку было исследовано 37 погребений, причём извлечено костяков мужских 18, женских 2. В 12 курганах кости оказались истлевшими. В 6 курганах всё было сожжено. При этом вещей найдено: бус 16, колец 2, пряжек 4, браслет 1, колечко шейное 1, бляшка шейная 1, ножей 5, гвоздей 2, серп 1, горшок (разбитый) 1, 9 неизвестных (сварившихся) остатков.

Вещи и опись к ним при сём представляю.

Студент Императорского Санкт-Петербургского Университета, ученик Высшего Художественного Училища

Николай Рерих.

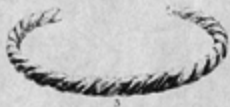

Извара. 1 Июня 1896 г.

РА ИИМК, ф. 1. № 56/1896. лл. 14-25, 28,29,26,27. 30.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II – III. Самара. 1999.

IV. Перечневая опись предметам древности, доставленным студентом Императорского Санкт-Петербургского Университета Н.К. Рерихом из раскопок 1896 года, произведённых в пределах Ямбургского уезда (Врудской волости) и Петергофского уезда (Губаницкой волости) Санкт-Петербургской губернии.

№	ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДМЕТОВ	№ кургана	ПРИМЕЧАНИЕ
1°	Буса	9	
2	Кольцо	7	<i>Не доставлено</i>
3°	 Серебряная пряжка	13	Типа XIV, 7, но с <i>гранчатыми головками</i> ⁶²
4°	 Оловянная бляшка	14	Брактеат
5°	 Медный браслет	14	Витой без наконечников, <i>типа IV, 3</i>
6°	Бусы (15)	14	Тёмно-лиловые
7°	 Нож в ножнах	15	Типа XIX, 26
8	3 органических остатка	15	При ноже. <i>Уничтожены</i>
9	4 неопределённых железных обломка	17	<i>Уничтожены</i>
10°	 Серебряная пряжка	17	Типа VIII, 1, но иного <i>орнамента</i>

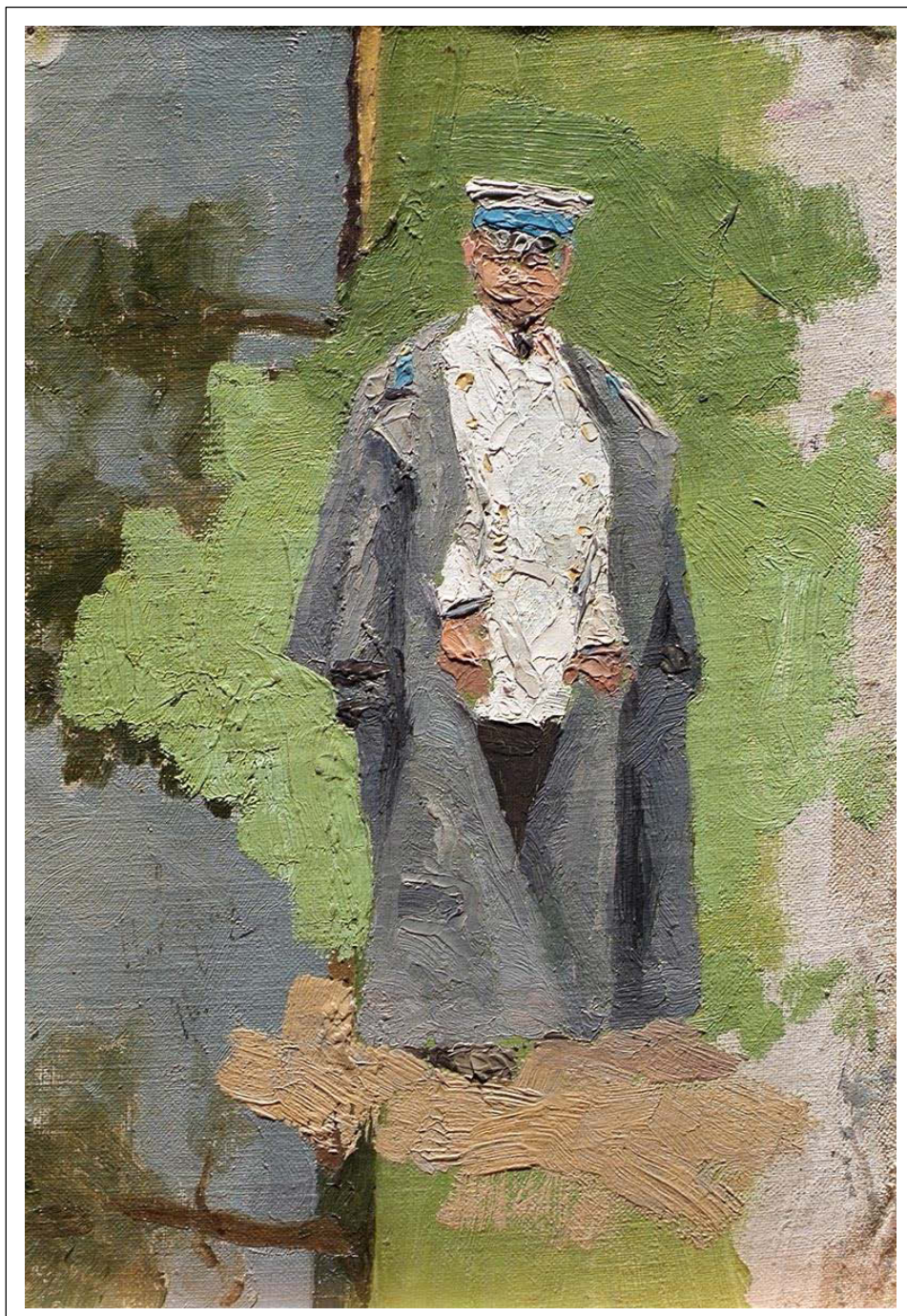
11°	 Сломанное ручное кольцо	17	Типа V, 19, но с другим орнаментом
12°	Нож в ножнах	13	Типа XIX, 26 ⁶³
13	Кусок дерева	6	Уничтожен
14	Нож	3	Типа XIX, 26 ⁶⁴ . Уничтожен
15°	 Медная пряжка	5	Типа XIV, 22, с меньшими головками
16	Нож	34	Уничтожен
17°	 Железные шило и нож ⁶⁵	33	
18	Неизвестные куски железа	33	Уничтожены
19	 Черепки горшка	33	Уничтожены
20°	Медная пряжка	35	Типа VIII, 1 ⁶⁶
21°	Нож на куске дерева в ножнах	23	Типа XIX, 26 ⁶⁷
22°	 Медное височное колечко	29	Типа II, 13
23°	 Обломок височного кольца	21	Типа I, 16
24	 Серп	21	Типа XIX, 24 Уничтожен

Извара. 1 Июня 1896 г. Николай Рерих.

РА ИИМК, ф. 1. № 56/1896. лл. 14-25, 28, 29, 26, 27. 30.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II – III. Самара. 1999.

СЕНТЯБРЬ

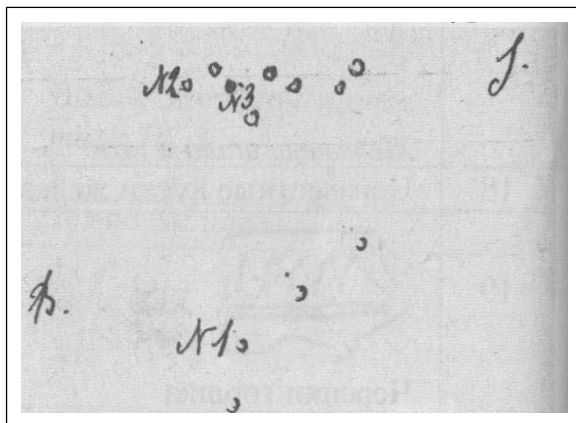

Н.К. Рерих. Этюд студента. 1896.

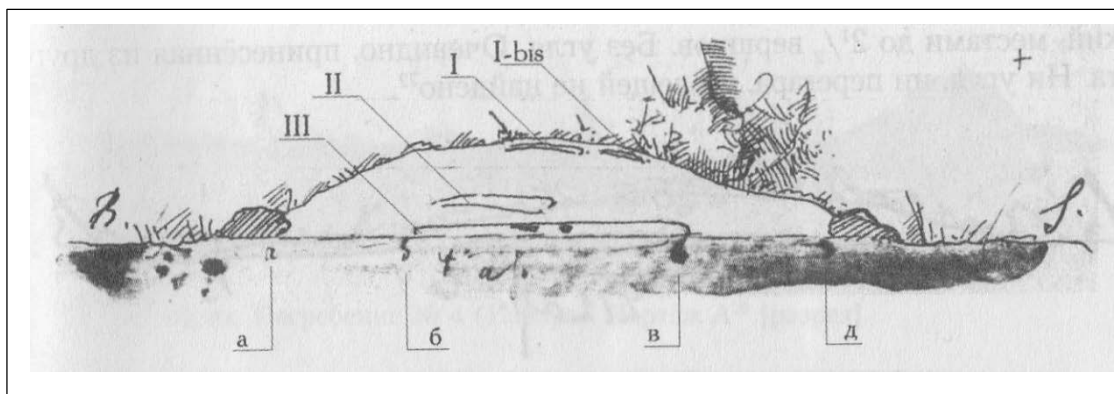
1 сентября 1896 г. Извара.

Прибавление к отчёту о раскопках 1896 года,
произведённых Н.К. Рерихом.

Полевая группа при деревне Лисино, Губаницкой волости Петергофского уезда, почти вся раскопана Л.К. Ивановским. Расположение курганов следующее:

Оказались нераскопанными погребения за № 1-3. Два ясно отличающихся типа. Курганы около № 1 большего типа. в основании кольцо из камня. На Востоке и Западе 2 больших камня. Поверхность плохо сохранилась. Около № 2 и № 3 - малого типа, кое-где заметны камни, на Востоке и Западе 2 больших.

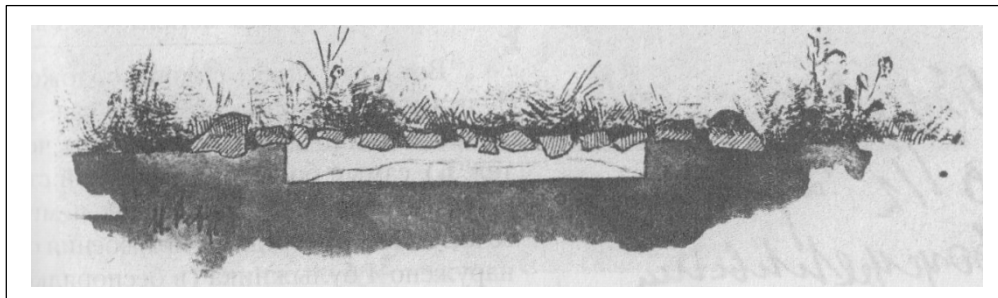

Н.К. Рерих. Курган № 1 (полевая курганная группа в д. Лисино)

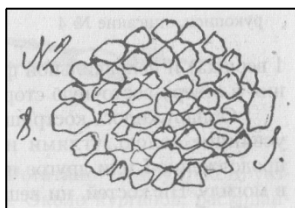
Высота кургана..... 1/2
Диаметр кургана..... 7
Основание кургана..... 23

№ 1. При раскопке обнаружено три слоя золы. I - на 2 вершка с поверхности кургана (причём эти 2 вершка, очевидно, по составу земли насыпаны позднее). II - 5 вершков с поверхности кургана (неправильной формы). III - сейчас под вторым толщиной в 2 вершка. Среди золы попадают угли (от толстого дерева), диам. этого слоя золы 4 арш. Форма слоя золы удлинённая с Востока на Запад. Поверхность материка а - б и в - д усеяна мелким перегаром, плотно убита. Среди последнего слоя золы

найлены сломанный бубенчик за № 25 и остатки ножа за № 26 (слой I – bis).

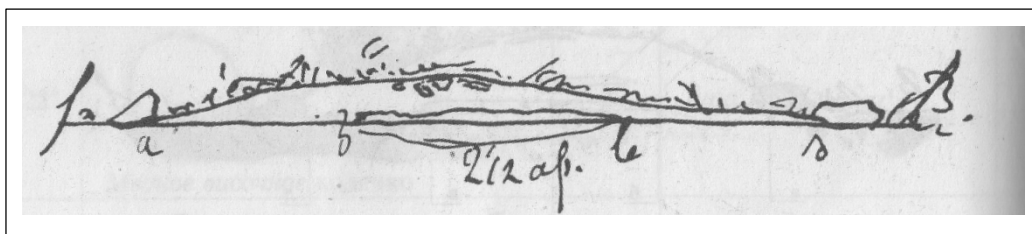
Н.К. Рерих. Курган « 2. План (Лисино)

Н.К. Рерих. Курган № 2. (Лисино). Разрез.

Высота кургана..... -
 Диаметр кургана..... 4
 Основание кургана.....16
 По верху кургана..... -
 Длина могилы 3
 Ширина могилы.....3/4
 Глубина могилы..... 1/2

№ 2. Всё основание кургана выложено сплошь камнем (булыжником). На Востоке и Западе два больших. Усмотрел его случайно – совсем зарос. Внешнее каменное кольцо еле заметно. Могила 1/2 арш. глубиной. На дне её оказался слой золы: местами тонкий, местами до 2 1/2 вершков. Без угля. Очевидно, принесённая из другого места. Ни угля, ни перегара, ни вещей не найдено.

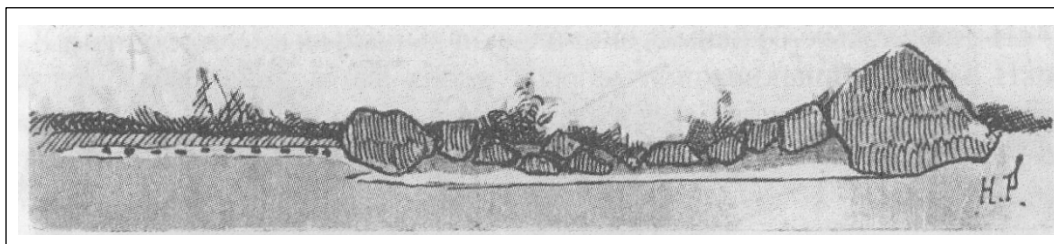

Н.К. Рерих. Курган № 3. (Лисино).

Высота кургана..... ¼
 Диаметр кургана..... 5
 Основание кургана.....17
 По верху кургана..... 6

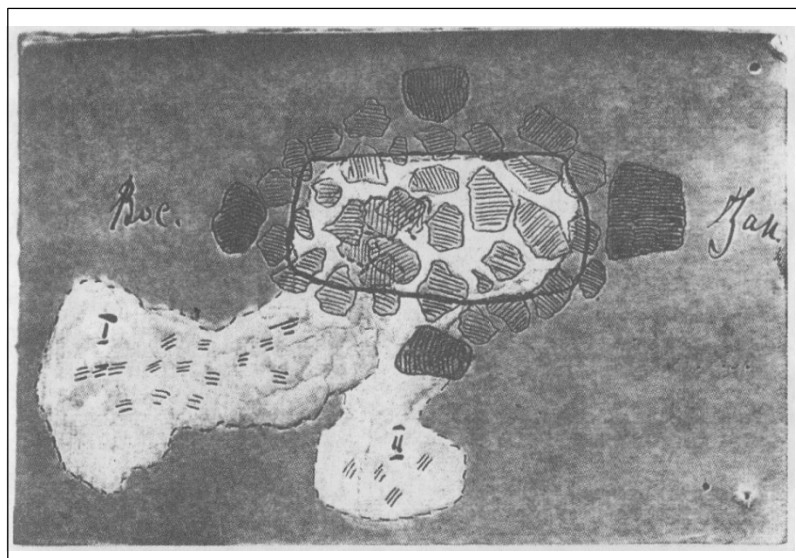
№ 3. Каменное кольцо в основании, на западе и Востоке два больших. На 1 вершок с поверхности кургана при малом количестве золы и угля несколько мелко рассечённых костей большого животного (лопатка, определить нельзя). На поверхности материка слой золы, разной толщины (до 2 вершков). продолговатой (с Запада на Восток) формы. Остальное основание *a - б* и *в - д* выглажено. (Грунт песчаный).

[№ 4.] Одиночное погребение в Таракановском лесу мызы Извара М.В. Рерих, царскосельского уезда Сосницкой волости.

Н.К. Рерих. Погребение № 4 (Извара). Чертёж А [разрез]

Высота могилы..... 3
 Ширина могилы..... 2
 Глубина могилы.....5 в.

Н.К. Рерих. Погребение № 4 (Извара). Чертёж Б [план]

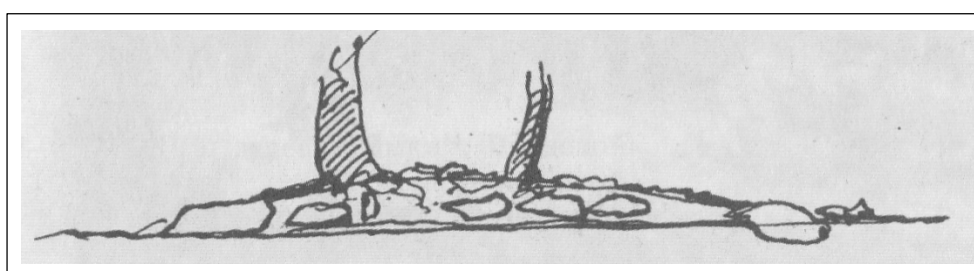
Вся поверхность сплошь обложена булыжником. Форма ромбическая. По углам особенно большие камни (см. чертёж Б), самый большой с западной стороны. Под верхним слоем камня, немного к Востоку от середины погребения обнаружено 4 булыжника (в беспорядке), два из них разбиты и все сильно обожжены. Непосредственно у этих булыжников начинается слой золы, рассыпанный по дну могилы, разной толщины (до 1 вершка) и неправильной формы. Слой золы продолжился за черту погребения в северо-восточную сторону.

Обнаружилось кострище I (см. чертёж Б), диаметром до 1 1/2 аршин, всё усеянное золою, углями и мелкими обожжёнными булыжниками. II – проложение I или другое небольшое кострище, зола с кострища

перенесена в могилу. Ни костей, ни вещей нигде не видно. [Кострище заросло настолько...]. Форма могилы довольно неправильная, но приближается к четырёхугольной. Дно могилы не носит следов особой обработки.

Н.К. Рерих. Рисунок с надписью: «На Таракановских покосах 8 июня 4 часа». 1895.

Н.К. Рерих. Курган № 5. (Рогатино).

Высота кургана..... 1/2
Диаметр кургана..... 3
Основание кургана.....12
По верху кургана..... 4

[№ 5.] Деревня Рогатино, Ямбургского уезда, Врудской волости. Около курганов, раскопанных Л.К. Ивановским, усмотрел небольшой курган, поросший деревьями.

Каменное кольцо из равных по величине камней (булыжников). На 1/2 арш. с поверхности кургана зола, слоем 1 дюйм, неправильной формы, над золой кургана тщательно выравнено. Грунт кургана – песок. Ни костей, ни вещей не найдено.

[№ 6.] На Ославском кладбище найдены кресты, привезённые (по словам священника и старожилов) с курганов. 3 рисунка их при сём прилагаю. Из приложенных рисунков I и II кресты гранитные, III – плита.

Крест I (Ославье - 3)

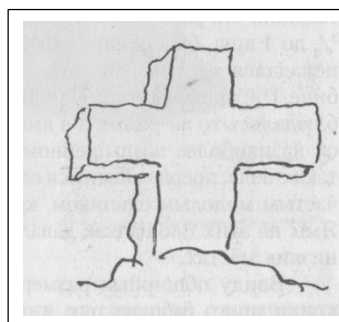

Крест II (Ославье - 3)

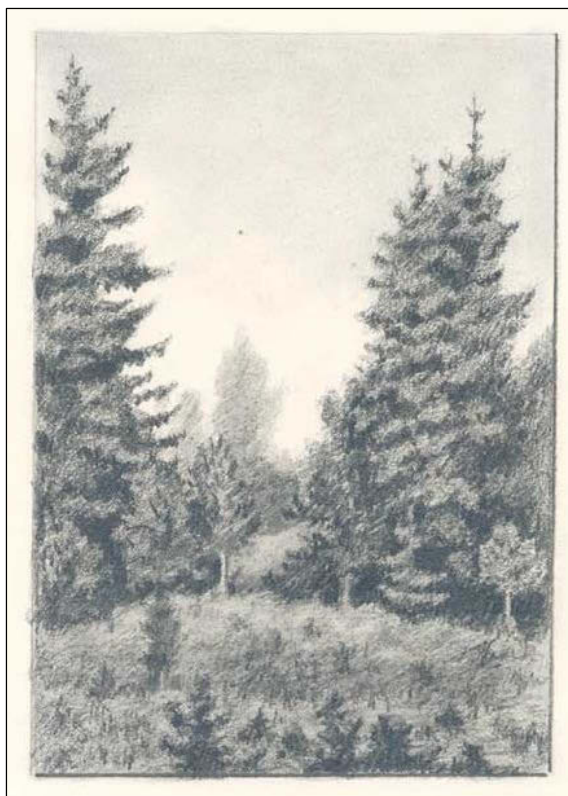
Крест III (Рабитицы -1 и Ославье - 3)

[№ 7.] При деревне Ямки, Врудской волости, я помню крест [IV], теперь разбитый молнией, следующей формы: арш. 1 1/2 высотой, грубо тёсанный из гранита.

Крест IV (Ямки-2)

[№ 8.] Куделова гора, находящаяся на расстоянии 1 версты к Югу от деревни Сосницы, Царскосельского уезда, представляет из себя каменистый холм (см. чертёж) высотой до 4 1/2 саж., диаметром до 40 саж., неправильной формы, имеющий склон на Юге, т.е. к реке, а к Северу значительно крутой.

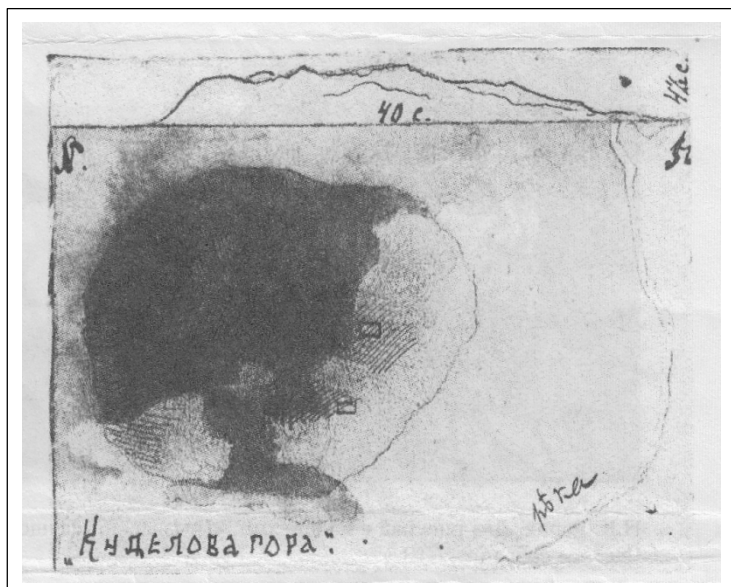

Н.К. Рерих. Рисунок с надписью «Подъём на Куделову гору около дороги в Селище (место жертвоприношений). 12 Июня». 1895.

Известна также под названием Куделова урочища и Кудельской горки.

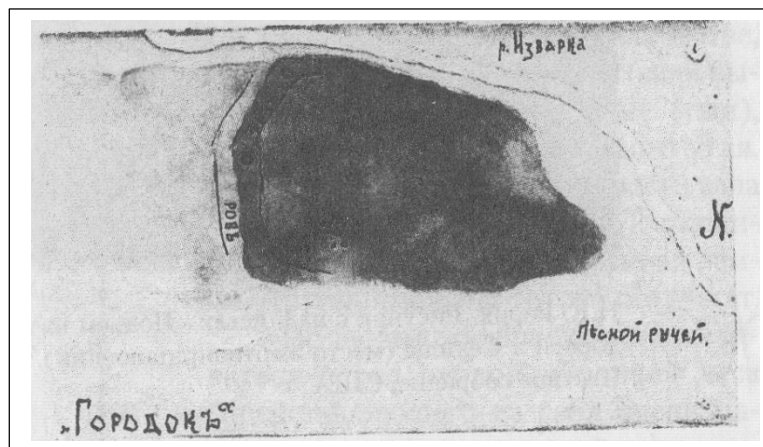
Существует неясное предание, что тут “что-то” было, собирались туда молиться. В конце августа я осмотрел это место. Весь холм усеян плитой, лежащей то еле видимыми, вросшими кучами, местами обугленными, то одиночно. В различных местах горки, как показано на чертеже, были сделаны пробные колодцы, причём среди чрезвычайно твёрдого грунта и плиты (настолько твёрдой, что рабочие единогласно утверждали, что это материк), на глубине 3/4 до 1 арш. был обнаружен уголь и обожжённые камни в беспорядке. 1 1/4 арш. мы наткнулись на естественный слой плиты. В других ямах наблюдалось то же самое, а в яме, особенно зачерченной на чертеже и находящейся на наиболее возвышенном месте холма, встречено много угля и также зола, прерывающимся слоем на глубине 10 вершков.

Весь холм зарос очень частым молодым ельником. кроме некоторых слишком каменистых площадок. Ямы на этих площадках давали большее количество угля, нежели ямы в более низких местах.

Н.К. Рерих. Куделова гора. Разрез и план.

Ввиду обширных размеров холма, требующих для систематической раскопки много рабочих рук, я прекращаю работу, уверив рабочих, что тут ничего найти нельзя, чтобы крестьяне не испортили этого места, в надежде найти клад. По словам местного священника отца Александра Румянцева, покойный Лев Константинович был весьма заинтересован этим местом и думал непременно его исследовать, равно как и возвышенность между Сосницами и Чёрной, носящую название "Городок".

Н.К. Рерих. Городок.

[№ 9.] Городок – одно из красивейших мест этой волости. При слиянии речки Изварки с лесным ручьём возвышается холм высотой от 4-5 сажен, поросший лесом.

С холма открывается чудный вид на Изварку, лентой прорезывающую покосы. Подъём со стороны реки и ручья чрезвычайно крутой. В 60 саженях от северной оконечности холма (см. чертёж) находятся следы бывшего вала и рва, укреплявших городок с южной, естественно не защищённой части. Ширина городка в южной части до 35 сажен. Высота внешней части вала 1 $\frac{1}{4}$ арш. Сама площадь городка, к сожалению, густо заросла березняком (до 2 вершков), мешающим разглядеть что бы то ни было.

Из-под корней берёз местами торчат булыжники. В юго-восточной части на открытом месте были найдены две кучи камня (булыжника), почти совсем заросшие. При раскопке обнаружилось, что это остатки очагов и печей. Верхний беспорядочный слой камня (пережжённого до того, что некоторые легко рассыпались) представлял обвалившиеся стенки очага, затем следовал толстый слой (до 5 вершков) очень плотно сбившейся золы и угля и потом слой камня, представлявший дно очага, этот слой был на 1/4 арш. ниже поверхности материка. Обе кучи диаметром до 2 арш., но о форме и устройстве трудно что-либо сказать, так как всё слишком разрушено. Также были взяты две пробные ямы на валу (см. чертёж); причём обнаружилось: сразу после дёрна началась нарывная земля, и оказался уголь в большом количестве, по всей вероятности, на валу было высокое деревянное укрепление (тын), давшее при сгорании так много угля. На глубине 1/2 арш. с поверхности вала оказался слой золы вершка в 2 толщиною, а потом началась нарывная земля. Другая яма дала тот же результат.

По-видимому, если не останавливаться перед рубкой и порчей леса (представляющего из себя очень малую ценность, можно при систематической раскопке, снимая верхний слой земли, обнаружить остатки построек, а также и предметы древности; пока же я должен был ограничиться этими пробными колодцами. (Как Городок, так и Куделова гора находятся на казённой земле Изварской дачи Царскосельского лесничества).

Извара. 1 Сентября 1896 года.

Николай Рерих.

РА ИИМК, ф. № 56/1896, лл. 31-34 об., 35-38, 40-43.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский вестник. II – III. Самара. 1999.

Н.К. Рерих. Заставка. 1895.

ХУДОЖНИКИ СТАРОЙ РУСИ

“Моё университетское сочинение было «Правовое положение художников Древней Руси». Для этой темы мне пришлось пользоваться, прежде всего, первоисточниками”.

(Н.К. Рерих к Вернадскому Г.В. 2.07.1938.)

*****

Конспект из архива Н.К. Рериха [1896 г.]

ОПЫТЫ КАРТИНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ СТАРОЙ РУСИ (ДО XVIII В.)

I

Начало искусства в России. Природа. Строительное искусство. Специалисты строители. Ваяние. Идолы. (Ибн-Фадлан, летописи, Балтийские славяне). Производители идолов. Жрецы. Их положение. Дальнейшая судьба ваяния. – Христианство. Киев. Иконопись и церкви. Русская правда. Художники ремесленники – рабы. Городники. «Хитрость», ее значение. Художественно-ремесленные артели. Княжеские и митрополичьи иконописцы. 5 видов художников. – Татарское нашествие. Отношение татар к ремесленникам. Центр искусства - Новгород. Развитие искусства.

II

Москва. Период до Иоанна III. Иоанн III. Иноземцы. Свидетельство Кантарини и Герберштейна. Иоанн IV. Стоглавый собор. (Почитать иконописцев «паче простых человек»). Юридические случаи. Иконописцы – надзиратели. Светский и духовный суд. Границы творчества. Гравёры. Фёдор Иоанович и Московская разруха.

III

Оружейный приказ и палата. Иконописцы жалованные и кормовые. 3 статьи. Жалованье. Вызов иконников в Москву. Патриаршие иконописцы. Приём иконников в Оружейную палату. Испытание. Сословие городских иконописцев. Мнение Ровинского. Казуистика вызова в Москву. – Иностранные живописцы. Отношение духовенства к иноземцам. (Омарий). Жалованье. Ученики. Записи. Неустойка – Иконописцы вне стольного города. Холуйское дело. Выборные. Движение в живописи. Живописный фряжский манер. Зодчие. Миниатюра – иллюстрация. Лубки и немецкие печатные листы. Их продажа. Патриаршие указы, вызванные ими 3 периода в жизни художников до XVIII века. Просьба Антиохийского патриарха. Сравнение требований Стоглава и окружной грамоты 1669 года. Отношение Алексея Михайловича к художникам. Влияние на них утилитаризма Петра Великого.

Отдел рукописей РГТГ, ф. 44/44 л. 19.

*****

**КРАТКИЙ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР XVIII ВЕКА НИКОЛАЯ РЕРИХА.
ЛЕТА 7404¹.**

Эскиз обложки зачётной работы «Художники старой Руси.
Краткий историко-правовой обзор XVIII века Николая Рериха. Лета 7404».
[1896 г.]

¹ Рукопись Н.К. Рериха ОР ГТГ, ф. 44/79, 75 л.

ХУДОЖНИКИ СТАРОЙ РУСИ

Очерк Н.К. Рериха.

Долго ещё, не многим выше собраний материалов, сводок, разбросанных известий, будут попытки очерков о жизни художников древнего времени. Кто знает, когда приведётся в известность: где и что сохранилось о них!

Не удерживаюсь от дословного сказывания некоторых подлинников. Никакой пересказ не даст такой колоритной картины, как слог самого памятника. Чем-то старым, забытым веет от этих строк; неизвестно, что значат многие слова для меня, они значат одно, для другого другое, быть может, вернейшее.

Литература.

1. История русского общественного права до XVIII века. В. Лешков 1858.
2. Промышленность древней Руси. Н. Аристов. СПб. 1866 г.
3. Домашний быт русских царей. И. Забелин. Москва 1872 г.
4. История русских школ иконописания до конца XVIII века. Д. А. Ровинского. Записки Императорского Археологического общества. Т. VIII. СПб. 1856 г.
5. Материалы для истории русской иконописи. Собр. И. Забелиным. Времен. Импер. Моск. общ. истории и древностей Российских. Книга 7-я М. 1850 г.
6. Отчёт о первом присуждении наград г. Уварова 25 Сент. 1857. Разбор сочинения г. Ровинского. Истор. рус. школ иконоп., состав. академиком. М. П. Погодиным.
7. О Художествах в России. В. Плаксина. Журнал Мин. Народ. Просвещения 1844.
8. Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. СПб. 1881 г.
9. Русские юридические древности. В. И. Сергеевич. Т.1. СПб. 1890.
10. Исследования, замечания и лекции о русской истории М. Погодина. М. 1846.
11. Псковская судная грамота, изданная Мурзакевичем. Одесса. 1846.
12. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands. Ernst Bonnel. 1882.
13. Акты юридические. 1838.
14. В. В. Стасов. Разбор сочинения Д. Ровинского. Обзорение русского гравирования на металле и на дереве до 1725 г.
15. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. И. Забелин. Русский художественный архив. 1894 г.
16. Лекции и исследования В. И. Сергеевича.
17. Текст Русской Правды на основании четырёх списков разных редакций. Издал Н. Колачев. М. 1847 г.
18. Акты, собранные в библиот[еках] и архив[ах] Росс[ийской] Имп[ерии] Археографическою экспедицею Импер. Акад. Наук. СПб. 1836.
19. Исследование о русском иконописании Сахарова 1849.
20. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 г., составленное секретарём посольства Адамом Олеарием, пер. П. Барсов. 1870.
21. Древности Российского государства, изд. по Высочайшему повелению.

22. La Russie et l'Orient Le P. Pierling. Paris. 1891.
23. Сборник летописей.
24. Лубочные картинки русского народа в Московском мире И. Снегирева. М. 1861.
25. Русские граверы и их произведения. Д. Ровинский. М. 1870.
26. Записки о москвии "Regum moskovitarum commentarii" барона Герберштейна.
27. Опыты изучения русских древностей и истории. И. Забелин.
28. Europäsierung Russlands. Brickner, Gotha.
29. Труды I-го Археологического съезда в Москве.
30. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. Н. Покровский. СПб. 1892 .
31. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. 1842.
32. Дополнения к актам историческим. 1846.
33. Послание Епифания к пр. Кириллу 1413 г. Православный Собеседник 1863.
34. Об архитектуре первых деревянных церквей на Руси. Гр. А. С. Уваров. Труды II-го Археологического съезда в СПб. 1876.
35. Срезневский. Святилища и обряды языческого богослужения древних Славян. Харьков. 1846.
36. О России в царствование Алексея Михайловича современное сочинение Григория Кошихина СПб. 1840.
37. Заметки о «Русах» Ибн-Фидлани и других арабских писателей. В. В. Стасов.
38. Georgi. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs.
39. Weingold. Altnordischer Leben.
40. Frähn. Ibn Fogzlan.
41. Сказания мусульманских писателей о славянах и Русских. А. Я. Гаркави. СПб. 1870.
42. Гильфердинг. История Балтийских славян. Т. 1. Москва. 1855.
43. Султанович. Художественный отдел VI-го Археологического съезда в Одессе. СПб. 1885.
44. Русский исторический сборник, изд. общ. истор. и древн. российских Т.1. 1837. И. Снегирев. Об иконном портрете Великого князя Василия Ивановича IV-го.
45. Описание Киева. Ник. Закревского. М. 1868.

I.

Начало искусства на Руси. Природа. Строительное искусство. Специалисты строители. Ваяние. Идолы (Ибн-Фадлан, Славяне и летописи). Производство кумиров. Жрецы. Их положение. Дальнейшая судьба ваяния. Христианство. Киев. Иконопись и церкви. Русская Правда. Художники ремесленники – рабы. Городники. “Хитрость”, её значение. Художественно-ремесленные артели. Княжеские и митрополичьи иконописцы. 5 видов художников. Татарское нашествие. Отношение татар к ремесленникам. Центр искусств Новгород. Развитие искусства.

«...Единственным началом искусства на Руси и средоточием была христианская вера»... - читаем мы в древностях Российского Государства. Так ли это? Единственным ли началом искусства древней Руси была христианская вера? Конечно, не христианская вера, а религия; но и это узко. Сама природа была единственным началом искусства. В доисторическое время из природы рождались искусства, из жизни; они тогда не имели настоящего значения, были следствием потребностей естественных и нравственных. Так что не между Греками, прибывшими с Владимиром на Русь, следует искать первых наших носителей искусства, а там далеко, в паутине седой древности.

Климатические условия России, прежде всего, повлияли на развитие строительного искусства, постепенно приближающегося к понятию зодчества. Как у народа языческого, у нас ваяние естественно предшествовало живописи.

Следовательно, первые наши художники должны быть строители и ваятели. На это и указывают первые источники. Монах Иаков в своей похвале Св. Владимиру пишет: «храмы идольские и требища всюду раскопа и посече и идолы сокруши». Неизвестно, что это были за храмы, языческие, но если они имели, (что слишком вероятно), сходство с храмами прибалтийских и других славян, то требовали при постройке искусства (*ср. И. Срезневский. Свят. и обряды я. б. д. С §1У, стр. 42*).

В договоре Игоря с Византийским Императором упоминается церковь Св. Ильи, неизвестно кем и когда построенная; по всей вероятности, она поставлена во времена Оскольда, который, по словам предания, крестился после похода в Царьград.

Воскресенский список летописи рассказывает, что некто Ольм при дворе своём выстроил церковь во имя Св. Николая Чудотворца, которую Святослав приказал сломать в 971 году.

В житии Великой княгини Ольги (в Св. крещении Елены) говорится, что она, приняв христианскую веру, посещала северную Русь и на своей родине, в Пскове, водрузила крест, на месте которого была воздвигнута церковь.

Есть упоминания о каменных нецерковных строениях языческого времени; летописец указывает на Ольгин терем «бе бо ту терем камен».

Важны летописные указания на крепостные сооружения - башни, вежи. На первых страницах летописи говорится о вежах, или башнях в Древлян-

ском городе Искоростеле. Известна Белая Вежа – хазарский город, взятый Святославом. Некоторые городки на Руси называются тоже белыми Вежами, по всему вероятно от побелённых башен. (См. И. Забелин. *Черты самобыт. в древнерусском зодчестве стр. 305.*)

Вот описание вежи, построенной в 1259 году Данилом Галицким при постройке города Холма. «Она возвышалась на каменном основании в 15 локтей, а сама была срублена из тёсаного брусья и выбелена, как сыр: светилась на все стороны». Князь Волынский Владимир Васильевич, построив город Каменец, создал в нём столб каменный высотой 17 сажень подобен удивлению всем зрящим на него». Карамзин полагает, что подобные вежи «служили не только для защиты, но и для украшения городов»; следовательно, возможно, что они носили на себе некоторый отпечаток художественности.

Упомянутые церкви, без сомнения, были делом рук Греческих, но для языческих храмов и всяких городских укреплений у нас были свои мастера, недаром Русская правда, (как мы увидим), уже знает строителей укреплений – городников.

Так или иначе, все эти постройки и сооружения говорят за существование людей опытных в этом деле; хотя есть мнение, что каменные строения давно известны Славянам, но летописец видел в каменном строении нечто выдающееся, иначе бы не стал подчёркивать «терем камен», и если постройки были деревянные, то для возведения каменного терема, конечно, требовался специалист – строитель.

Первыми памятниками ваяния были идолы. Не знаю, кто были «Руссы» Ибн-Фадлана; может быть, это финны, может быть, скандинавы – это до настоящего очерка не касается, но привожу это свидетельство, как о племени, жившем в пределах Руси и несомненно оказавшем влияние на соседей. Ахмет Ибн-Фадлан, писавший в 20-х годах X века (*Гаркави. Сказания мусульманских писателей о слав. и русс. стр. 95*) говорит: «(Рус)... подходит к высокому вставленному столбу, имеющему лице, похожее на человеческое, кругом его малые изображения, позади этих изображений вставлены в землю высокие столбы». Если принять аналогию, проводимую В. В. Стасовым, (Заметки о «Руссах» Ибн-Фадлана стр. 297) между идолами Русов и изображениями, которые ставят Финны на могилах своих родичей, почти до сего времени, то надо будет прийти к заключению, что для производства таких кумиров специального искусства отнюдь не требовалось.

Собственно, Русские Славяне в древности не знали более развитой религии, чем простое жертвоприношение силам природы. Если бы они поклонялись кумирам, то Нестор едва ли бы прошёл их молчанием, когда рассказывал о «бесовских игрищах» этих племён. Служение лично представляемым мифологическим существам является в его повествовании только постепенно при господстве Варяжских князей.

«Варяги, - по словам Гильфердинга (*Ист. балт. слав., т. 1 стр. 206*), - забыли на Руси о скандинавских божествах, но они, наверное, принесли с собою потребность в определённой, человекообразной мифологии, какая была у них в Скандинавии, в истуканах, какими славилась Упсала. Этим они, без сомнения, способствовали развитию народной мифологии подчинившихся им славян».

(Опять-таки не утверждаю, кто были варяги, но ввиду множества совершенно различных мнений по этому вопросу, не мешает иметь в виду, что, если

бы даже Варяги пришли из-за Немана, то и в таком случае, по свидетельству Титмара, Гельмгольда были деревянные идолы, которые стояли в храмах в виде цельных человеческих фигур, и все они описываются, как произведения искусства).

Таким образом, выясняется время появления идолов, т.е. ваяния на Руси; речь же о специалистах ваятелях вряд ли может быть до возобновления Владимиром кумиров, когда летописец говорит: «И нача княжити Володимир в Киеве один и постави кумира на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а голову его сребряну, а ус злат, Хорса, Даж-бога и Стрибога и Симарьгла и Мокошь». Тут уже нет сомнения в существовании ваятельного искусства.

Слова «вне двора теремнаго» показывают, что может быть и на теремном дворе, или в другом месте, стояли идолы, тут летописец как бы извещает нас не о новости происшествия, а о новости места. Но, вероятно, прежние кумиры были безобразны, грубы, так что новые идолы, более изящные и богатые произвели сильное впечатление на народ и «жряху им, нарицающе я боги, привожаху сыны своя и дщери и жряху бесом, оскверняху землю требами своими... и пришед Добрыня к Новугороду и постави кумира над рекою Волховом и жряху ему все люди Новугородския, аки богу».

Ясно, что идолы были не слишком безобразны, что они постепенно улучшались, что они могут быть названы художественными произведениями, а люди, создавшие их художниками.

Кто же делал идолов? Если бы идолы вышли из-под руки иноземца, имели бы иноземное происхождение, то летописец в оправдание русских, не преминул бы это отметить. Значит, идолы производились людьми Русскими, что вполне и понятно. Кто же эти ваятели? Не всякому можно было поручить такое важное дело как ваяние божества. Всякое божество должно было быть известного вида, иметь те или другие вполне определённые атрибуты... Все эти традиции могли быть известны одним ближайшим служителям богу – жрецам.

Наиболее вероятно будет предположить, что они и были художниками этого дела, т.е., имея для более специальных работ, как-то: литьё, чеканка, тесанье, специальных мастеров, они заведовали художественной стороной дела. Таким образом, при этом предположении надо заключить, что первые наши ваятели пользовались привилегированным положением, хотя его давало им, само собой, не искусство. (К сожалению, ни в одном из многочисленных известий о Прибалтийских Славянах, при подобных описаниях идолов не упоминается, кем именно они были изваяны).

С водворением христианства скульптурное искусство у нас сильно пало, как продукт язычества. Оно осталось лишь как средство украшать зодчество в виде барельефов.

Все наши сведения о первых шагах нашего христианского искусства ограничиваются летописными отрывками, скудными и довольно бесцветными. «Повелел Володимир рубити церкви и остави церковь Св. Василия на холме, идеже стояше кумир Перун... и начаша ставити церкви по градам». Церковь Св. Василия была срублена и поставлена – следовательно, она была деревянная. Потом следуют краткие упоминания о призвании зодчих из Царьграда для сооружения большого каменного храма во имя Богоматери на месте страдания первых и единственных мучеников в России. «Помысли создати церковь Пресвятыя Богородицы, послав, приведе мастера от Грек... украси ю иконами... и

вда ту все, еже де взял в Корсуни». (*Лавр. стр.52*). Так что первую церковь деревянную ставили русские люди, иначе бы летописец упомянул о мастерах от Грек.

Под 1018 г. есть уже упоминание Эингарда, что «в этом большом городе Китаве, селище сего государства, находится более трёхсот церквей». Древнейший дошедший до нас памятник русского зодчества – это Киево-Софийский собор (1037 г.).

Иконы в первых церквях были исключительно греческие. Об иконе в России есть упоминание, что в 986 году греческий философ, желая обратить Великого Князя в христианскую веру, показал ему икону, «на ней же бе написано судище Господне». В XI веке встречаем первого Русского иконописца, преп. Алимпия Печерского, который отдан был родителями в науку Греческим иконописцам, прибывшим в Киев для украшения Печерской Лавры. Печерский патерик замечает, что Алимпий, по окончании монастырских работ, не переставал писать иконы до самой смерти.

В Новгороде первая церковь, деревянная, небольших размеров, во имя Иоакима и Анны, была выстроена под руководством Епископа Иоакима, которого предание называет Корсунянином. Вторая была выстроена во имя Софии, тоже деревянная, в 1051 году на её месте был возведён каменный Софийский собор. На этом соборе видно сроднение Южно-Христианского зодчества с Северо-народным Русским, тогда как Киево-Софийский собор есть, в сущности, создание Греческое.

х) См. гр. А.С. Уваров. Об архит. и дерев. церкв.

Всматриваясь в архитектуру Новгородского собора, можно сказать, что он не только воздвигнут русскими руками, но и сочинён русским умом; недаром летописи, говоря о вызове иностранцев для постройки других церквей, не упоминают о подобном призвании при постройке этого собора. Если только это предположение может стать достоверным, то насколько раньше развилось настоящее русское искусство на Севере, сравнительно с Киевом.

В 1158 г. Немецкий Император по просьбе Великого Князя Андрея Юрьевича Боголюбского прислал ему художников и мастеров для постройки во Владимире Каменного Собора во имя Успения Пресвятой Богородицы на месте, где был деревянный Храм, «...и украси (т.е. Андрей) ю дивно многообразными иконами и драгим каменьем без числа и сосуды церковными, и верхи ея позлати по вере же его и по тщанию ко святей Богородице приведе ему Бог из всех земель мастера и украси го паче всех церквей”.

Неизвестно, что побудило князя, вопреки традициям, поручить постройку собора нелюбимым за разное верье с Русскими Немцам, а не Греческим художникам; должно быть, в это время в Константинополе искусства значительно пали, а предки наши настолько уже образовались, что сознали это падение.

В Суздале в 1194 г. обновлена была церковь Богородицы Епископом Иоанном. По замечанию Карамзина, «летописец сказывает за редкость, что она была отделана одними Русскими художниками: “Иже не ища (Епископ) мастеров от Немцев, но налезе мастера от клевет святое Богородицы и от своих”».

Летописец, кажется, хочет упрекнуть великих князей за то, что, имея уже своих мастеров, они обращались всё ещё к иноземцам, но так или иначе, а с

лишком сто лет должно было пройти со времени принятия христианства, прежде чем нашёлся человек, решившийся на обновление храма стольного города своими руками, и то только на обновление, т. е. на шаблонную работу.

Но уже то отрадно, что у нас есть свои художники, признанные епископом. Кто же они были? Что мы знаем о них! Мы знаем только, что искусство находилось в руках духовенства, смердов и рабов.

На последних тусклый свет проливает статья некоторых списков Русской Правды: «За ремесленника и за ремесленницу 12 гривен», имеющая в виду несвободных. Под этим ремесленником надо понимать несвободного человека, знавшего то или другое ремесло – под этот вид ремесленников, таким образом, подходит и раб-художник, искусный в иконописи, резьбе и строительном деле.

Такой раб, что вполне понятно, ценился вдвое дороже простого раба, не располагавшего таким рукоделием. Русская Правда знает только несвободных ремесленников не потому, чтобы свободных вовсе не было, а так как несвободные более всего нуждались в правительственной защите. Рассматривая свободные сословия того времени, надо придти к заключению, что если понимать смердов, как низший класс населения, то им занятие ремеслом, а в том числе иконописью и т.п. вполне приличествовало.

Кроме того, в высших сословиях были художники-дилетанты, (т.е. вернее сказать художницы), занимавшиеся иконописью, как делом богоугодным. Без сомнения, вследствие различных причин бывали художники специалисты и из высших сословий.

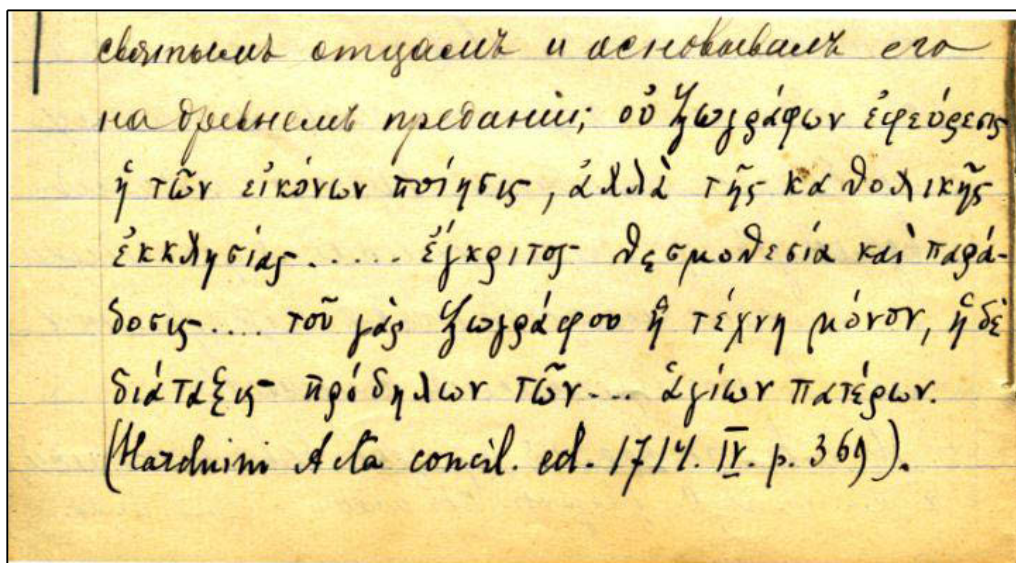
Немного странным может показаться, как это производилось подновление церкви, если наши художники, главным образом рабы. Но не надо забывать, что рабы иной раз пользовались весьма почтенным положением и занимали, так сказать, довольно видные посты, кроме того заведовать обновлением храма, могли духовные чины и сам Епископ.

Иноземные художники, по духу летописи, вероятно, находились в исключительных условиях, стояли весьма близко к князю, и были в личной от него зависимости.

В XI в. наши художники должны были быть в своём деле довольно опытными; мы имели уже великое множество церквей: в Киеве, Новгороде, Чернигове, Владимире, Ростове, Переславле, Рязани, Галиче и др. Не строились же все церкви и не писались же для них все иконы иностранными мастерами? Ведь, кроме того, иконы нужны были для всякого дома. Ясно, говорит Погдин, разбирая сочинение Ровинского, что у нас издревле были свои иконники в значительном количестве (тоже следует сказать и о строителях). В виду большого спроса на иконы, число художников должно было, естественно, увеличиваться и заявлять о себе, но общественное мнение, относясь с уважением к художникам, всё же не даёт им возвыситься. Оно, не соединяя с ремеслом понятия униженного, далеко от понятия о творчестве. Нет различия свободного художества от служебного ремесла. При таком взгляде ремесленники – художники не могли называться художниками в теперешнем смысле.

Но и в то время существовало понятие более близкое к нашему понятию о художнике: художник иногда назывался “хитрецом”, а художественность “хитростью” (конечно, хитрость состояла не столько в изобретении, сколько в исполнении. Так на VII Вселенском Соборе диакон Епифаний говорил, что ведению художника должна подлежать только техническая сторона, сочинение

же икон представлял он святым отцам и основывал его на древнем предании: <Οὐ Ζωγράφων ἐγεύρεῖς τό...>² (Nardnini. Acta concil ed. 1714. IV. p. 369).

Фрагмент рукописи.

(А взгляд Епифания, вероятно, не представлял собою совершенно оригинального явления, как говорит Покровский, которое бы могло стать в полный разлад с действительностью).

Волынский леописец, рассказывая о великолепии церкви Св. Иоанна, построенной Даниилом Галицким, замечает, что на храме были изваяны головы «хитрецам неким».

Тогдашнему художнику уже позволяется проявлять свою «произмечтательность и замышление»; к сожалению, эти понятия обыкновенно прилагались почти только к иноземцам; долгое время только иноземцы могли быть «хитрецами», проявлять «произмечтательность», а наши Ивашки с други подписывали себе церкви, не смея раздвинуть рамки, начертанные для них «хитрецами». И много воды утекло, прежде чем Стоглавый собор вспомнил о них.

Русская же Правда даёт понятие и о строителях. Она определяет городнеку (строителю городских укреплений) «заклодиючи городню куну взяти, а кончавше начата, а за корм и за вологу и за рыбу 7 кун в неделю, 7 убороков пшена, 7 лукон овса на четыре кони, плати же доколе город срубят, а солоду едину додят 10 лукон». Так оценивался труд строителей. В древнее время они носили звания: плотники, древодельцы, кораблетворящие, мостники, деревянные здатели, городники и т.д. Из них под интересующее нас понятие зодчего более подходят два последние вида.

Под 1276 г. летописец упоминает о муже Алексее, который строил крепости. «И посла Владимир (Галицкий) мужа хитра, именем Алексу, иже бяше при отце его, многи города рубя и посла и Володимер с тоземцы в челнах во верх реки Лосны, абы где изнайти таково место город поставити».

Этот Алекса, стоящий во главе такой важной экспедиции, соединяет в себе администратора и строителя. Вероятно, его «хитрость» и создала это почетное положение.

С самого первого своего появления наши ремесленники, как в Греции, Италии, Германии и Англии, разбиваются на товарищества; появляются рабо-

ты с други, с братиею, с товарищи, со ученики. Нередко художество с его тайнами передаётся от отца к сыновьям и внучатам, образуя некоторое подобие немецких *Künstlerfamilien*. Ремесла предполагают при своем распространении лиц опытных мастеров, учителей и лица молодые, новые, подмастерьев, учеников. При этом возникают продолжительные отношения между старшими и младшими, начальниками и их подчинёнными. Предположение о существовании успехов в древней Руси доказывается указаниями источников, напр.: в Псковской Судной грамоте говорится о мастерах-плотниках, которые имели у себя учеников. (См. Лешков. *Общ. пр.*) В XIV в. Новгородский Епископ Василий повелел расписывать церковь Греку Исаю с други: в другом месте делается различие между старейшинами, начальниками иконописцев и их дружиною... В 1343 г. «Митрополит Феогност подписал своего Митрополича-двора церковь соборную Пречистыя Богородицы греческими мастерами, а князь Великий Семеон Иоанович подписывал церковь Архангела Михаила Русскими иконниками, в них же бе старейшины: Захарие, Денисей, Иосиф, Николае и протчии дружина их и не дописаша ее того лета, величества ради и мелкаго письма».

В 1344 году подписывали: «в монастыри церковь Святаго Спаса, ...а мастера, старейшины и начальницы быша Рустии родом, а Гречестии ученицы Гойтанов и Семеон и Иван и протчии их ученицы и дружина». У Митрополита были Греки, а у в. князя Русские писцы – это характерно. Хорошо сказывается отношение летописца, а в его лице и общенародное к родным и чужеземцам художникам. Сказав печальную истину, что Греческие иконописцы кончили своё дело ранее Русских, он старается оговориться, да не подумают, что Русские по неопытности не справились с задачей, “но ради величества и мелкаго письма”.

Вторая ссылка даёт нам неразрешимый вопрос: почему летописец говорит: “мастера, старейшины и начальницы?”

Надо надеяться, что это синонимы, употребляемые летописателем для вящего вразумления. Вряд ли между этими понятиями возможно было существенное различие.

Доказательством ремесленных общин служит также различие, делаемое в грамотах к Строгановым (*Доп. Кн. Ист. Акт. I №№, 117, 118, 119*) между «записными и незаписными мастерами». О дружине же говорит и Стоглавый собор.

Уже при первых началах нашего искусства мы имеем 5 видов художников. Во-первых, профессиональные художники: 1, иноземцы; 2, художественно-ремесленные артели; 3, монахи. (Конечно, все три вида нередко перемешивались). Во-вторых, художники дилетанты: 1, высшие духовные чины (Св. Петр, Митрополит по выражению летописи “извыче иконному художеству”). Затем Ровинский указывает 4 митрополитов Московских занимавшихся иконописанием: Симон, Варлаам, Макарий («иконному бо писанию митрополит Андрей научен сей хитрости») и Афанасий; 2 лица княжеского и боярского преимущественно женского пола. Известны примеры княгинь и княжён, с превеликим усердием писавших иконы и книги. Писание книг обыкновенно было делом художественное, так, по словам Татищева продолжатель Нестеровой летописи XII века «был искусен в живописи, что едва не всех в его время бывших князей лица и возраст описал». Такие иллюстрации находим мы в житии Бориса и Глеба, Святославовом Сборнике, Временник Георгия Амартола и др.

Не прожило наше христианское искусство и четверти тысячелетия, как его поразило испытание, затормозившее правильное его развитие – татарское

нашествие. Руси было не до искусства – лишь редко проскальзывает указание о постройке той или другой церкви. Иностранные художники не едут.

Наши строители и живописцы обязаны были, как говорит Н, Аристов (*Пром. древ. Руси, стр. 88*), работать на татар, но мастера, принадлежавшие духовенству, освобождались от этих работ; в ярлыке хана Узбека (ок. 1313) сказано: “а что будут церковные люди, ремесленники... или писцы, или каменные здатели, или деревянные, или... мастера каковы... а в тех никто не вступается и на наше дело да не емлют”.

Плано-Картини пишет, что татары где владеют “, как будто у себя берут всех лучших ремесленников и заставляют их работать на себя, а другие платят им подать от своей работы”

Но следует добавить, не на одних татар обязаны были работать ремесленники: князья и духовенство имели право давать работы мастерам по особым условиям с народом и могли освободить их в виде льгот. В грамоте Владимира Галицкого (1288) читаем: “аже будет князю город рубити, и ни к городу... не обязаны выходить на работу”.

В XIII и XIV стол. только богатый Новгород, пользуясь миром, мог приютить искусство, широко развившееся под свободным государственным строем его.

Новгородские иконописцы, вероятно, стояли на высоком уровне, если сами Немцы нанимали их расписывать свою ропату. Ведь не из-за неимения же других мастеров пришлось им обратиться к Русским. Новгород имел слишком обширные сношения с западом, чтобы оттуда нельзя было достать иноземных живописцев. К сожалению, до нас не дошло юридических памятников Новгорода того времени, где бы говорилось о художниках, по всему вероятно, в нём они были более заметны и более выделялись из контингента других ремесленников, чем на юге.

Но сравнительно недолго самосудный Новгород являлся единственным центром и средоточием искусства. Великокняжеский и Святительский престолы начинают привлекать художников в Москву.

II

Москва. Период до Иоанна III. Иоанн III. Иноземцы. Свидетельство Конторини и Герберштейна. Иоанн IV. Стоглавый собор. Почитание иноземцев «паче простыя человек». Юридические случаи. Иконописцы – надзиратели. Светский и духовный суд. Границы творчества. Гравёры. Осударь Иоанович и Московская разруха.

Переходя к Московскому периоду, надо упомянуть опять Плано-Кортини, встретившего в 1246 г. при дворе татарского хана русского художника, мастера Козьму. Это свидетельствует о том, что «наше русское» не окончательно было «убито татарами», что, по словам И. Забелина, не правильно многие полагают, «что Русь всегда пребывала для всякого иноземного нашествия, пришествия, принесения пустым местом, степью голою».

Вплоть до Иоанна III в Москве не происходило ничего выдающегося в деле искусства и его носителей. Калита даёт начало художественной деятельности: строит в Москве первую каменную церковь Успения, - 1329 г. церковь Иоанна Лествичника (Иван Великий).

Недолгое княжение Симеона служит продолжением начинаний Калиты и оставляет память началом в юной Москве иконописи и литейного искусства. Выше приведённые ссылки (на стран. 35) относятся к этому княжению.

При Василии Димитр. построена и подписана церковь Рождества Богородицы (1395-1395), подписаны соборы Архангельский (1399) и Благовещенский в (1405). Мастерами при подписывании этих двух церквей были Феофан Гречин, Семён Чёрный с их учениками, в числе которых должно быть был знаменитый Андрей Рублёв (Радонежский), на которого ссылается Стоглав, как на образец.

(В 1405 г. он подписывал Благовещенский Собор вместе со старцем Прохором с Городца и в 1408 великую церковь Владимирскую вместе с иконником Данилом).

Выдающимся, если и не слишком благотворным событием для нашего искусства, был брак Иоанна III с Софией Палеолог.

Возрождение, широким потоком разливавшееся по Италии и распространившееся по соседним странам, оказало теперь влияние и на Россию, (хотя вовсе не такое существенное, как повествует западная литература – главным образом это влияние ограничилось передачей технических приёмов). В 1473 с царицею Софьею прибыло много иноземцев.

К этому времени относятся первые русские посольства в Европу, главною, а подчас и единственною целью которых был наём и доставление в Москву рабочих, артистов, художников, докторов и т.д.

Особенно замечательно путешествие Толбузина в Рим 1475 года; это посольство дало нам итальянца “бессмертной славы.” Рудольф Фиоравенти, дельи Альберти говорит Пирлинг, известный под именем Аристотеля, был знаменитостью своей родины. Слава его была настолько велика, что губернатор Болоньи говорил про него «никто не знает в архитектуре того, что известно Фиоравенти”. Призываемый одновременно Султаном Баязетом и великим князем Иоанном III, он предпочёл Кремль Босфору и отправился в Москву со своим сыном Андреем. Известный художник предпочитает Баязету, сочувствовавшему искусству, Иоанна III; покидает родину, прославлявшую его, - очевидно ему было известно хорошее положение художников на Москве.

В 1490 г. брат царевны Софьи привёз фряжского мастера Алевиза, Петра и др. Вообще, в это время продолжается постоянный наплыв иностранных художников (немецких и Итальянских) в Россию, оказывающих, между прочим, влияние и на живопись тем более, что Греция не могла уже давать образцов для русских иконописцев; хотя среди этого наплыва художников вряд ли много было живописцев, так как, по свидетельству Краковского каноника Сакрария 1500 г. Русские “только чествовали образа, поставленные в их церквях, или писанные их мастерами”.

Говоря о наплыве иностранцев в Россию, следует не забыть одно любопытное свидетельство Венецианца XV в., рисующее взгляд иноземцев на Русских. Известный Венецианский патриций Амброджио Кантарини, посланный в Персию с важными поручениями к Узун-Гассану, говорит, что резиденция Великого князя (Иоанна III) сводилась к сбору плохих домов, выстроенных за дешёвую цену без всяких художественных претензий, а относительно населения России замечает, что мужчины и женщины красивы, но этот народ находится в животном состоянии (*qente bestiale*).

Относительно княжения Василия III барон Герберштейн говорит, что Василий первый начал обводить крепость стеною, что крепостные сооружения (eins castus propugnacula Basilicae) и дворец князя выстроены из кирпича на итальянский манер теми итальянцами, которых князь вызвал обещанием больших наград. В бытность Герберштейна в России строились многие храмы из камня.

Но это одни исторические факты: как же теперь работали наши родные художники? Какое положение занимали они в обществе? Как смотреть на них? Куда их отнести? Совершенно такие же вопросы должны были подыматься и во время Василия III и начала царствования Иоанна Грозного. Художников увидели, но как смотреть на них, не знали. Иконописцы, выдвинувшиеся за пределы древних ремёсел, оставались сословием, никуда не приуроченным, хотя на деле они находились всё это время под началом церкви.

Ко времени Иоанна IV этот вопрос настолько назрел, что Стоглавый собор нашёл нужным посвятить ему целую главу (43), рисуящую довольно ясную картину положения Русских художников с начала московского периода, именно, с начала, потому что постановления собора не могли явиться извне, а были без сомнения следствием многолетней практики.

Давая художнику прочное положение, заставляя общество относиться к нему с уважением, собор предъявлял к нему строгие требования. Вот какими хочет видеть художника собор: «Подобает быть живописцу смиренну, кротку, благовейну, не празднословцу, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьяницу, не грабежнику, не убийцу, но иначеж хранити чистоту душевную и телесную со всяким опасением; не могущим же до конца тако пребыти по закону женитесь и браком сочетатися и приходити ко отцем духовным и во всем извещатися и по их наказанию и учению жити в посте и молитвах и воздержании со смиренномудрием, кроме всякаго зазора и бесчинства и с превеликим тщанием писати образ Господа нашего Иисуса Христа,... смотря на образ древних живописцев».

Поставивши художников в такие строгие рамки, собор успокаивает их возвышением их положения: «и аще которые нынешние мастера живописцы тако обещавшися учнут жити и всякия заповеди творити и тщание о деле Божии имети и царю таких живописцев жаловати, а святителям их бречи и почитати паче простых человек». Собор отдаёт художников всецело на съедение высшего духовенства, т.е. смотрит на них почти как на служителей церкви: «Митрополиту, архиепископом и епископом бречи о многоразличных церковных чинах, пачеж... и о живописцах и о прочих чинах церковных». Каждый новый ученик живописца должен сперва получить санкцию епископа: «и аще кому открывает Бог такое рукоделие, и приводит того мастер ко святителю». Участь ученика зависит от произвола епископа: «аще будет написанное от ученика по образу и подобию, и увестъ известно о житии его в чистоте и всяком благочестии... абе благословив наказует его и во пред благостно жити... И приемлет от него ученик той честь яко же и учитель его, *паче простых человек*». Архиепископам и епископам поручается везде испытывати мастеров иконным и «избравше коиждо их во всем пределе живописцев нарочитых мастеров да им приказывати надо всеми иконописцы смотрити, чтобы в них худых и безчинных не было: А сами епископы смотрят над теми живописцы, которым приказано и брегут такового дела накрепко... А вельможам и простым

человекам тех живописцев во всем почитать и честно имети». (стиль академический)

Неужели же собор улучшает положение лишь получивших привилегию от епископа, живописцев начальников: только они почитаются «паче простых человек»? (Очевидно, здесь собор подразумевает не одних только начальников живописцев, которым приказано смотреть за другими; без сомнения, не только начальники живописцы, а все пишущие «не символовкой» пользуются этим упроченным положением. Здесь собор, желая установить некоторую иерархию в живописном деле, выразился неточно: иначе же не было бы различия между пишущими «худо и не учась», и живописцами «добрыми», но не начальниками. Тут мы имеем дело уже не с более выдающимися членами, представителями артели, а в некотором роде художниками надзирателями, инспекторами и притом даже ответственными: «а иже от гораздых мастеров иных не научит и не укажет да будет он Христа осуждён, скрывшим талант на муку вечную».

Интересны некоторые чисто юридические подробности, упоминаемые собором. Вероятно, практиковалось, что мастера, представляя святителю учеников, показывали чужие, не ими писанные работы. (По всей вероятности, это делалось, желая выдвинуть родственника, потому что иные корыстные побуждения вряд ли уместны). Собор говорит: «аще кому не даст Бог такового рукоделия, учнет писати худо или не по правильному завещанию жити: а ин (мастер) укажет его горазда и во всем достойна суще и показывает написание инаго, а не того, и святитель обыскав полагает такового мастера под запрещением правильным, яко да и протчии страх примут и не дерзают такового творити. А ученику оному иконнаго дела отнюдь не касаться». Как же это святитель делает розыск? Это даёт повод предположить в случае правильного видения дел, существование ещё особых должностей, ведь подобные проверки были часто необходимы. Запрещение было для художника наказанием весьма тяжёлое, так как лишало его заработка, и лишало средства к существованию.

Также предусматривается и случай зависти: «аще которому ученику открыет Бог учение иконнаго письма и жити начнет по правильному завещанию, а мастер начнет нахуляти его по зависти, дабы не приял чести, якоже он приял», и за это полагалось на мастера запрещение: за скрытие таланта полагается «осуждение от Бога на муку вечную». Затем характерен следующий случай: «которые по се время писали иконы, не учась, самовольством и самоволькою и не по образу и те иконы променяли дешево простым людям поселянам невеждам: оно тем запрещением положити чтобы учились у добрых мастеров... и аще которые не престанут от такового дела, таковии царскою гразою наказуются и да судятся».

Это весьма важно. Здесь единственный раз упоминается не духовный суд, да и то не за самый проступок, а за ослушание. Очевидно, художники только за дисциплинарные и вообще уголовные проступки отвечают пред Светским судом, в делах же профессиональных судятся лишь епископом.

Что уважение к художникам было не в одних словах закона, а и на деле, говорит Лешков (*Ист. общ. права. 433*), это можно видеть из «пожилой записи» 1615 г. (1 ч. 25 кн. посл.), где Архимандрит Хутынского монастыря принимает на себя содержание и уплату жалованья иконнику, только бы тот жил у него и работал на него. Так, конечно, действовали епископы, власти и монастыри для удержания других художников. В pendant к тесным рамкам, в которые заклю-

чает собор художников, можно привести указ XVI или начала XVII в.: « како назнаменити святого и в колко мер (*приводимый Ровинским в Историч. рус. иконоп. стр. 74*). Размер святому всякому мера: полдевяти главы до пят и весь в 9 глав; до пупа три главы, а локоть по пуп смечай; и от пупа до колена три главы, а от колена беру полтретьи главы, а весь святой 3 меры, а в плечах две главы, а в брюхе полторы главы. А в лицах размер в три же меры: брада до губы да нос – первая мера, а вторая мера – нос так же до брови, а глазам мера три глаза; а прямое лице знаменить и лоб третья мера всей главы; а уши ставить у прямых главы, как пригоже против брови, а уши до половины ноздри, а глаз ставить посреди уха».

(Даже само предание, с любовью рассказываемое иностранцами (Олеарий Таннер), что строитель Василья Блаженного был ослеплён по приказанию Иоанна Грозного, чтобы не мог более выстроить лучшего храма, говорит за то, как близко стояли художники, по крайней мере, иноземные к Царю.)

С XV в. только Москва и могла доставлять материал для развития художеств, вышедших из уровня первоначальных потребностей; она делается единственным центром искусства; всё более или менее выдающееся стремится и вызывается в стольный город (и этим, к слову сказать, тормозится областное искусство, примером могут служить результаты исследования Суловым древних северных церквей, где оказывается, что развитие зодчества того края остановилось на XV в.). Это стремление к центру обуславливает появление актов условий, которыми общины и частные лица стараются обеспечить себя на случай произвольного ухода ремесленников, посредством пеней и других подобных следствий неустойки в слове и обязательстве (*Акт. юрид. № 195. Акт. 1. II*).

Во второй половине XVI в. вместе с книгопечатанием появляется особый вид художников – гравёры. «В противоположность многочисленным гравёрам запада, художникам творцам, история нашей гравюры, говорит В.В. Стасов, разбирая сочинение Ровинского, заключает в себе только весьма большое число гравёров копистов и мастеров художников, в собственном смысле, между ними нет». Первая гравюра на дереве, изображавшая Евангелиста Луку, появилась в виде приложения к первой напечатанной по царскому повелению в Москве книге (Апостол 1564 г.). Специальных гравёров наша история не знает; по большей части гравёрами были знаменщики Государя, впоследствии состоявшие при отделении Оружейной палаты.

Время Феодора Иоановича, Бориса Годунова и московской разрухи не прибавило ничего выдающегося в жизни художества. (Как особенно грандиозное сооружение этому времени следует отметить постройку Борисом Годуновым колокольни Ивана Великого, предпринятой во время голода 1600 года, чтобы дать за работок народу).

Оружейный приказ и палата. Иконописцы жалованные и кормовые. 3 статьи. Жалованье. Вызов иконников в Москву. Патриаршие иконописцы. Приём иконников в Оружейную Палату. Испытание. Сословие городских иконописцев. Мнение Ровинского. Казуистика вызова в Москву. Иностранцы живописцы. Отношение духовенства к иноземцам. Жалованье. Ученики.

Записи. Неустойка. Иконописцы вне стольного города. Холуйское дело. Выборные. Движение в живописи. Живописный дворянский манер. Зодчие. Миниатюра-иллюстрация. Лубки и немецкие печатные листы. Их продажа. Патриаршие указы, вызванные ими. 3 периода в жизни художников до XVIII в.

Просьба Антиохийского Патриарха. Сравнение требований Стоглава и Окружной грамоты 1669. Отношение Алексея Михайловича к художникам. Влияние на них утилитаризма преобразователя.

Посвящаю эту главу глубокоуважаемому Ивану Егоровичу Забелину, так как она основана на материалах, собранных, за малыми исключениями, им одним.

Во время Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, в этом золотом веке нашего старого искусства или, точнее, наших художников, мы встречаемся с особым, вполне определённым учреждением, Оружейным приказом, который, по характеристике Катошихина, «ведает тот же окольниковый, что и Новую четверть, а с ним дьяк. А ведомо в том приказе дворы, где делают ружьё и казённые оружейничья палаты и ствольного и ложного и замочного и иного дела мастера... и дают им за работу подённый корм из царские казны... и на всякий расход и на жалованье мастеровым людям деньги емлют из Новья четверти» (*Кат. О Рос. стр. 86*).

Оружейная палата, между прочим, имела в своём ведении и Иконный Терем, где работали иконописцы. Иконный Терем является какой-то своеобразной Академией Художеств того времени, к тому же довольно целесообразной: - всё что ни есть лучшего и способного собирается в терем в силу царских указов.

Царские постоянные живописцы имеют строго выработанный строй; они разделяются на жалованных и кормовых; как те, так и другие выбирались из добрых городских живописцев. (Ровинский. *Ист. рус. иконоп. стр. 34.*)

Кормовые живописцы отличались от жалованных тем, что они не получали годового жалованья хлебом и деньгами. Им выдавался один подённый денежный и дворцовый корм во время работы. Одни состояли постоянно при Оружейной Палате, другие по окончании работы распускались по домам.

По своему искусству и живописи они разделялись на большую, среднюю и меньшую статью. К первой статье во время работ причислялись и жалованные мастера. Каждая статья имела особое жалованье: напр. в 1660 г. выдавалось «большой статье по гривне человеку»; 2-ой статье по 2 алтына по 5 денег; 3-ей статье по 2 алтына и 2 деньги. С сытного дворца московским иконописцам: по 6 чарок вина дворянского; по 4 кружки меду цежонаго; по ведру браги челове-

ку; с кормового дворца по две ествы на день; с хлебнаго дворца <потомуж.> да пироги, а городовым иконникам против того в полы. Да московским же по праздникам в неделю и по вся субботы приказ с романсею ” (*Заб. Мат. ист. иконоп. стр. 36*).

Несмотря на такую прочную, по-видимому, постановку дела, очевидно, не всегда аккуратно получали царские художники своё жалованье. В материалах, изданных Забелиным, неоднократно встречаются подобные случаи; для иллюстрации приведём один, где в числе челобитчиков является знаменитый Симон Ушаков.

“Царю Государю и В.К. Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцу бьют челом холопи твои иконописцы Симка Ушаков, Степка Рязанец, Федка Зубов, Никита Павловец, Федка Козлов, Ивашко Леонтьев, Ивашко Филатов, Сергушко Рожков, Егорко Зиновьев, Андрюшка Ильин, Федка Матфеев. По Твоему Государеву указу на нынешний Государь на 178 год Твоего В. Государя жалованья кормовых денег нам холопьям твоим не выдано: милосердный Государь Царь и В.К. Алексей Михайлович Всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец, пожалуй нас холопей своих, вели Государь и нам свое В. Государя жалованье кормовые деньги на нынешний 178 год выдать. Царь Государь, смилуйся пожалуй 178 г. Декабря в 2 день по сей челобитной Оружейные палаты иконописцам Симону Ушакову с товарищи Государева жалованья поденнаго денежнаго корму Сентября с 1-го числа Марта по 1-е число нынешняго 178 года, а кому имяни мастеровым людем поденнаго денежнаго корму дать и почему и то писано ниже сего...» Причём Симон Ушаков в 1668 году получал 30 рублей в год, ржи и овса по 26 чертвертей, поденного корму по 3 алтына 2 деньги на день.

Кроме годовых и подённых окладов, как жалованные, так и кормовые иконописцы получали и жалованье имьянинное и праздничное. В 1666 году день Светлого Христова Воскресенья им выдано из приказа Большого дворца по ведру вина, по 2 ведра пива, по ломтю ветчины, по три части солонины, по пяти языков говяжьих, по пяти положков гусиных, по осьмине муки пшеничной человеку». Часто, по окончании значительных работ, иконники получали особенное жалованье. Степан Рязанец за иконное художество получил: «однорядку сукно лундыш с пуговицы серебряными, фerezи камчатые куфтерные с завязки шелковыми с золотом, кафтан камчатый куфтерный, под фerezи штаны суконные, шапку бархатную с сободем, сапоги сафьянные. Зуфь на охобень добрую, для того писал он, Степан в церковь иконное воображение. (Одежда, как видно, знатная, дворянская).

Подобные же выдачи проводились и при торжественных событиях; так, по случаю рождения царевича, в 1666 г. выдано всем царским иконописцам по сукну на человека.

Как уже указано, в Оружейную палату иконописцы выбирались из добрых городских иконописцев. В 1669 г. по Государеву указу боярин и оружейничий Богдан Матвеевич «приказом взят в Оружейную палату, в жалованные иконописцы для приказных всяких верховых дел и для починки образов вновь, огородные слободы тяглицы Василия Иванова, сына Колмогорца. В 1668 г. определены в жалованные иконописцы ученик Симона Ушакова Георгий Терентьевич Зиновьев (крестьянский сын Гаврилы Островского, купленный у него за 100 р. (*Заб.100*) и Нижегородец Никита Иванов Павловец (крестьянин князя

Якова Куденетовича Черкасского). Вот откуда брались жалованные иконописцы.

В одно время при Оружейной палате находилось до 10 жалованных иконописцев, иногда и больше. Часто количество иконописцев, состоявших при Оружейной палате для Государевых и Приказных дел, оказывалось весьма недостаточным, и тогда, как при подписании Архангельского Собора в 1660 г., в Москву собирались иконники других городов России.

Патриархи, как и раньше, имели своих иконописцев, которых, однако, в случае надобности, вызывали в Оружейный приказ и посылали на работы наравне с городскими иконниками.

При вступлении в число жалованных иконописцев давалась поручная записка. Подобные записки принимали пристава Оружейного приказа; в ней несколько прежних жалованных живописцев ручалось за новопоступавшего в том, что он за их порукою будет “у Государева дела, в иконописцах, всегда с своею братиею беспрестанно и не пить, и не бражничать, и не ослушаться, и всегда быть готову, а будет он с своею братиею беспрестанно быть не станет и на нас порутчиков пеня Великого Государя; а пени, что Великий Государь укажет и наши порутчиковы головы в его Андреево место” (*Заб. 102*). Под конец приводились свидетели.

Из другого подобного акта мы узнаем, что человек, призванный и принятый в число царских живописцев, как бы закрепощался у Оружейной Палаты. Антон Анфимович ручается, что и ему, “к Государеву делу к иконному письму всегда быти готову и с Москвы не съезжать”. Это выражение чрезвычайно напоминает записки, дававшиеся боярами князю при приезде на службу и свидетельствует, как дорожили художниками, предусматривая случай переманивания.

При приёме производилось некоторое испытание, Никита Иванов написал (*Заб. 102*): “по указу Великаго Государя вновь иконнаго своего художества воображение, на одной уке образ Всемиловитваго Спаса, Пречистыя Богородицы, Иоанна Предтечи. И, по свидетельству Московских иконописцев Симона Ушакова с товарищи, иконописец Никита Иванов мастер добрый”. От того или другого заключения производивших испытание зависел самый приём нововыписанного. Так Клиим Еремеев (*Заб. 65*) отсылается обратно в Галич, потому что он, по заключению московских иконописцев, “иконного воображения писать не навывчен; и по нашему В. Государя Указу тот Клиимко с Москвы отпущен, и впредь его к иконным делам высылать не велено, а жить ему в Галиче по-прежнему...” “больший или меньший размер жалованья.

Жалованье назначалось сравнительно с тем или иным, или как говорилось, против того или другого из старых иконников, смотря по искусству новопоступившего.

Городовые иконописцы в XVII веков, говорит Ровинский (*Ист. шк.рус. ик. 39*) не составляли особого сословия. В числе их встречаются садовники, огородники, ямские бобыли, крестьяне, пушкари, много лиц духовного звания, так что выходит, что особое сословие живописцев составляли лишь иконописцы жалованные и кормовые; иначе говоря, в Москве это сословие численностью доходило лишь до 30 человек. (10 жал. 20 кормовые). С этим трудно согласиться. Вернее предположить, что, если и встречаемся с указаниями на то, что тот или иной иконник был огородник или крестьянин, то этим лишь указывается его происхождение, его первоначальное занятие, хотя может быть и не

оставленное при вступлении в число живописцев. Отчасти указанием на то, что и городские живописцы причислялись к особому сословию служат между прочим, слова его же, Ровинского, что всем городским иконописцам, как видно из дел Оружейного приказа, велись списки, и в вызове их соблюдалась очередь. Для стенового письма в Успенском соборе 1642 г. приказывается “во Пскове иконописцов по росписи и сверх росписи сыскать всех... что их есть наших посадских людей, и боярских, и княженицких, и монастырских, и торговых, и всяких людей, у кого ни буди, чтоб... стеновому церковному письму прокухи не было” (*Акт. Археогр. экс. Ш*). Этим-то внесением в роспись и обусловливалось вступление в особое сословие художников. Воеводы руководствовались этими списками при высылках иконников по Царским указам на Москву. Иконники снабжались поручными грамотами такого содержания.

“Се яз Емельян Дмитриев сын Пушкарев, да яз Сергей Васильевич сын Рожков, да яз Конон Григорьев сын Попов, да яз Стахий Митрофанов, все мы Костромичи посадские люди. Тяглые иконники поручимся есмы ружейнаго приказа приставу Дмитрею Алексееву, друг по друге в том: быти нам у Государевых иконописных вместе неотступно; а буде мы у Государевых иконописных дел не учнем быть или сбежим, и на нас на иконниках пеня Государя Царя и В. К. Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, а пени что Государь укажет. А кто нас иконников будет в лицах, и порутчика на том пеня и порука вся сполна”. (*Заб. 22*).

Иной раз присылка иконников вызывала переписку такого рода: воеводе Переяславля Залесского Федору Дмитриевичу Солнцеву было отписано “с осудом большим”, что “нынешняго 167 году Июля в 15-й день писал ты к нам В. Государю с Переяславским рассыльщиком с Левкою Дмитриевым и прислал переяславских иконописцев Степку Ляпунова с товарищи трёх человек и по них поручныя записи; а в поручных записях порутчиков никого не написано, а писали порознь поручныя записи они иконописцы меж собою сами, и то так делают плуты, не рассмотря о том к нам В. Государю пишут; а про монастырских иконописцев прислал ты к нам В. Государю тех монастырских властей сказки за их руками; а в сказках их написано: Горицкаго монастыря козначей Сергей сказал: монастырский Дмитрейко Григорьев ныне в Москве, а Федоровскаго монастыря Игумен Перфилей сказал, что в Федоровском монастыре иконописцев нет; а предтеченский поп Микита сказал, что сын его Федка отдан иконному письму доучиться Костромким иконнописцам. А переяславские иконописцы Степка Ляпунов с товарищи на Москве у наших дел сказали: Городецкаго Монастыря иконописец Дмитрейко Григорьев в монастыре и Федоровском монастыре иконописец Купрятка Андреев, а Попович Федка в Переяславле Залесском, а не в отъезде а к нашему иконописному делу не выслан; и то знатно, что ты Переяславских монастырей влаstem в тех иконописцах для своей бездельной корысти дружить и тех иконописцев к нам Государю не выслал” (*Заб. 22*).

Затем Солнцеву строго приказывается немедленно выслать иконников из вышеупомянутых монастырей. Эта отписка чрезвычайно характерна. Оказывается, даже такие почтенные люди, как Игумены монастырей, не останавливались ни перед чем, шли на подкуп, решались официально давать Государю ложные сведения, лишь бы сохранить у себя иконописцев, не отпустить их в ненасытную Москву.

Аналогичный случай видим из отписи Ярославскому воеводе Василью Яковлевичу Унковскому... “в прошлых годах до морового поветрия был у наших иконописных дел иконописец с Устюга Великаго Федор Евстафьев, а ныне, он Федор, от наших иконописных дел бегаёт, живет по городам в хоромах. И ныне ведомо нам Великому Государю про него Федора учинилось, что он, Федор, живёт в Ярославле у гостя нашего у Аникея Скрыпина... приказывается Федора Евстафьева немедленно выслать в Москву”. Тогда Скрыпин подаёт челобитье, из которого явствует, что он нанял Федора для подписания Ярославской церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, причём дал ему, Федору, наперёд денег на малыя, чем ему от Соли подняться и долги свои уплатить; и привёз он “того иконописца с женою и детьми от соли Вычегодской в Ярославль на своих поводах и просит позволить Федору докончить подписание этой церкви”, что ему и было позволено.

Странно, к слову сказать, вышеупоминаемая задолженность иконописцев. Если их так ценили и удерживали, то, казалось бы, не должны были скупиться вознаграждением, а примеры уплаты старых долгов при найме живописца вещь часто повторяющаяся. По Государеву указу при принятии Ивана Леонтьева в число живописных живописцев Государевой казны были заплачены его кабальные и бескабальные долги (*Заб. 14*). Но вряд ли эта задолженность может служить доказательством плохого материального положения добрых иконописцев, – это единичные случаи. Для большой верности за иконниками посылался “самопальный”, с которым строго на строго приказывалось тотчас же выслать их к делу, вероятно в случаях неоднократного укрывательства.

В некоторых случаях иконописцы вместо вызова в Москву получали заказ для написания известных икон дома. Ростовский Митрополит Иона пишет: ...“И мне б Государь, богомольцу твоему по росписи образцы велеть Ярославским и Костромским иконописцем написать у себя самым добрым мастерством и прислать к Тебе Великому Государю на срок”. За всё время подобной работы иконник получает денежный корм, освобождается от тягла: и на дом его не ставилось стояльцев.

Как указывалось выше, при вызове на Москву иконников из других городов велись списки и соблюдалась некоторая очередь, но точность этих списков и очередь была слишком относительная, если мы имеем жалобы такого рода: “...а на Вологде иконописцов человек сорок и больше, а из иных, де, городов иконописцов к Москве и не емлют из Даниловской слободы, из Ярославля, из <Ищи>, с Кинешмы, из Гороховца, с Тулы: и в дальних, де, волокитах чинятся им многие убытки, и от того разорились в конец, а жены их и дети на Устюг ходят в миру и питаются христовым именем. И В. Государь пожаловал бы их велем их имать к Москве для иконнаго письма поочередно, чтобы им с домишками своими не разоритца и конец не погибнуть”. (*Заб. 106*)

Кроме разделения на жалованных и кормовых, и на три статьи, иконописцы иконнаго терема разделялись по роду занятий на знаменщиков (рисовальщиков), лицевщиков (писавших лица), долицевщиков (писавших ризы и палаты), травщиков (пейзаж), златописцев, левкащиков, терщиков.

В круг занятий иконописцев Оружейной палаты (*Ровин. Истор. рус. икон. 36*) “Кроме иконописи входило составление планов городов, рисунков для гравирования, работа для денежного двора”, «а на кормовом дворе доски прянишные писали, и кадки яичные травами писали, и столы травами писались, решетки и шесты, а также прорезные доски (для царевича), болванцы, трубы пе-

чи и т. д.; составление смет, сколько надо было материалу, и сколько человек, и во сколько времени могли окончить работу, приём красок, надсмотр за работами (хотя главный надзор поручался иногда стольнику и дьяку)” и уже упомянутое разбор новых иконников на статьи и производство им приёмного испытания. Насколько ценились отзывы царских изографов, можно видеть из того, что при расписании Грановитой Палаты Симон Ушаков с товарищи сказали, что Грановитые палаты “вновь писать самым добрым стенным письмом прежняго лутче или против прежняго в толикое малое время некогда; к Октябрю месяцу никоими мерами не поспеть для того: приходит время студеное и стенное письмо будет не крепко и не вечно”. И работы начались на следующий год. Кроме иконного терема, иконописная работа производилась и “в пещерах от Краснаго Крыльца”.

Жили московские иконописцы около одного места, так как некоторые улицы Китай и земляного города слыли иконными. Такое название могла сообщить также продажа икон на этих улицах.

В заключение о Государевых и патриарших иконописцах надо привести грамоту патр. Никона (с выговором властям за пристрастный их розыск по делу об обиде иконника Артемия монастырскими крестьянами), из которой можно видеть, что патриарх, равно как и Государь, находились на страже интересов своих художников...

“Писали мы к вам великому господину, между прочем, - читаем мы в грамоте Никона, - что... прислан к вам наш иконник Артемий для снимку икон и Октября де в 28 день он, Артемий, поколотил мужика Панку, от воров кто не оборонится? хотя бы и больше перерезал он себя боронясь, малая то вина. И вы пишете про своих лишь, а кто его бил про то никакого <...> нет, а сами свидетельствуете, что бить и гораздо бить, а кто бил того нет, кроме его расписных речей, а знатно то: мужик виноват, зазвал в гости, да сильно потчивать и не стал пить и они почали его бить и вы его же сковали без ума”. (*Акты ист. VI 179*). Но, несмотря на сравнительно близкое положение иконописцев к Государю, по окончании службы за старостью они не получали пособие. Так, Ивашко Соловей подаёт челобитную Алексею Михайловичу в том, что “его беднаго за скорбь за старость от... Государевой Оружейной Палаты отставили, и ныне он бедной и бесприютный скитается сам четверть с женишкою и с робятишки между двор, где день, где ночь, помираю голодною смертью и наги, и босы (*Заб. 74*). Затем Соловей просит позволения постричься в Федоровский монастырь, что ему и разрешается, а семейство его остаётся без всякой помощи.

Из иностранных живописцев западные находили приём только у царя, так как патриархи их весьма не жаловали и старались набирать себе иконописцев лишь из Греков и своих Русских. Хорошей иллюстрацией отношения духовенства к западным выходцам служит рассказ Олеария, он говорит, “что в прежнее время Немцы, Голландцы и Французы и другие иностранцы, служившие у Великого Князя или по торговым делам своим, прибывшие и жившие в Москве должны были носить платье и всю одежду, сшитые на русский образец, чтобы тем оградить их от ругательств и оскорблений чёрного народа. Но назад тому (1638) год нынешний патриарх изменил это, и именно по следующему случаю: однажды, когда в городе был большой торжественный ход, в котором принимал участие сам патриарх, благословляющий обыкновенно по улицам народ, толпящийся вокруг. Несколько немцев, стоявшие также в толпе

между русскими, отвечали на благословление патриарха не такими низкими поклонами, как русские. Патриарх с неудовольствием посмотрел на них и узнав, что то́ были немцы, сказал: “не подобает недостойным иностранцам по неведению моему их получать мое благословение”. И потому, чтобы впредь он мог узнавать их и различать от русских в толпе, он издал строгий приказ всем иностранцам, чтобы они немедленно перестали носить русские одежды и ходили в своих, их стране свойственных платьях”. Насколько можно судить по сохранившимся источникам положение иностранцев при дворе было довольно прочное, но всё-таки, решиться ехать на русскую службу требовало значительного риска, они едут в Россию “ради пресветлой неизречённой милости Царя и многомилостиваго и похвальнаго жалованья”. Жалованье и подарки им выдавались большие, нежели русским иконописцам, относились к ним с большим уважением, что вполне и понятно. Так, Данило Вухтерс получает “денег 20 рублей, 20 четв. ржи, 10 пшеницы, четверть круп грешневых, две чети гороху, 10 четей солоду, 10 четей овса, 10 полоть мяса, 10-ть ведр вина, 5 белужек, 5 осетров; а иным живописцам выдача в корму не в образец, для того, что тот мастер живописец свидетельствованный и пишет живописное письмо самым мудрым мастерством (*Заб. 82*).

Но рядом с этим встречаются такие факты, что Станиславу Лопуцкому, польскому выходцу было нечем «лекарем за лекарство платить во время болезни (*Заб. 108*); а затем после его смерти жене его пришлось опять беспокоить Царя, так она помирает голодною смертью и похоронить его ей нечем. На что ей и было выдано 20 рублей. Конечно, выражение: помираю голодною смертью нельзя понимать в прямом смысле, подобные выражения употреблялись для вящего умиловивления. Знаменитый живописец Богдан Салтанов выходец из Шаховской области, записанный в 1675 году за своё искусство и за службу, а также за то, что принял православную веру в дворяне по московскому списку/ – Первый художник дворянин: – жалуется на то, что ему «на 179 год месячного корму ничего не дано и проелся без остатку, и занял на пропитание у своего человека шестьдесят рублей с лишком и те деньги исхарчил же и впредь прокормиться стало нечем» (*Заб. 120*). Ещё можно бы допустить некоторую беспечность в отношении второстепенных художников, но такое обхождение со именитыми живописцами весьма странно.

Иноземные художники, поступая на Государеву службу, получали учеников, которых должны были выучить всему, что сами знают. Иной раз иноземцы не совсем выполняли эту задачу, так ученики Станислава Лопуцкого Ивашка и Доронка говорят, что “мастер их живописному письму не учил; только их выучил по дереву и по полотнам золотить”. Тогда от Лопуцкого отнимают учеников и отдают Даниле Вухтерсу, который говорит, что он, “Станислава Лопуцкого всякие живописные дела делает лучше, не только что его, Станислава, но и прежняго живописца Ивана Детерса всякие живописные дела делает лутче”.

Из-за учеников, как у иноземных, так и у русских мастеров выходят споры, доходящие до Государя. При отдаче сына в ученье на урочные годы заключалось обстоятельство, запись, в силу которой, ученику “дожив своих речёных лет не сбежать и не покрасть;” в случае же нарушения этих условий, ставилась неустойка, например: “а будет сын его Ларионов, не дожив урочных лет от меня пократчи збежит, взяти мне в том Ларионов по записи за ряду десять руб-

лев". Для взыскания этой неустойки обращаются к Государю с челобитной, прося дать Царский суд и Управу (Заб. 5).

Какова же общая картина положения художников, кроме мастеров Оружейной Палаты, вне стольного города.

Если бы не принимать в расчёт утрированных выражений челобитен, то по материалам Заб. получается картина весьма мрачная. Мы уже раньше видели положение Устюжских мастеров. Можно ещё привести отписку Вологодских иконников от 1660 г. ....

"В прошлом году 160 по Государевой грамоте высланы были с Вологды к Москве для их иконного письма Терентий Фокин, Архип Акинфеев (и т.д. всего 8 человек), а ныне те иконописцы.... по твоей Государевой грамоте у иконного письма на Вологде в Знаменском монастыре: Матвей Гурьев живет на Тотме, Агей Автомаков да Дмитрий Клоков устарели, Сергей Анисимов стемнел, а которые иконники сверх того, есть и те у Государева иконного и у стенного ни у какого письма нигде не бывали, потому что стары и увечны, и писать никакого письма не видят, и до нынешних Великого Государя грамоты с Вологды разорились в мире для ради недороды хлебныя, кормится Христовым именем, потому что люди старые и увечные и скудные и должные, то наша и сказка". (Грустная сказка) (Заб. 34).

Столичные иконописцы, имея всегда пред собою образцы и учителей, могли не выходить из рамок, начертанных для живописца ещё Стоглавом и свято поддерживавшихся и впоследствии, но в захолустье весьма понятно, что художники не могли так строго соблюдать традиции, и подобные отступления доходили до сведения Царя, вызывая его Указы.

«В 1668 г. стало ведомо В. Государю Царю и В.К. Алексею Михайловичу... что на Москве и его градах и в слободах и в селех и в деревнях объявились многие (не искусные) живописцы и от неискusstва воображение святых икон пишут не против древних переводов и тому их неискusstному учению многие последуют и у них учатца, не рассуждая о воображении святых икон. (Зачем о том, как пишет в божественном писании.) А которые иконописцы начертанию и иконного воображения искусны и прежних (заг. Мастеров) художников иконного воображения переводы у себя имеют и от тех ученья не приемлют и ходят по своим их волям, якож обычай безумным и во разум неискusstным, к тому же еще в некоторой веси Суздальского уезда, иже именуется село Холуй и того села Холую поселяне неразумные прочитания книг божественного писания дерзают и пишут святые иконы безо всякаго рассуждения и страха, их же честь святых икон по божественному писанию не первообразное восходит. А те поселяне от своего неразумия то же воображение Святых икон пишут с небрежением. И Великий Государь (т) ревнуя поревновах о чести святых икон, указал отписать в патриарший разряд, чтобы Великий Господин Святтейший Иосаф Патриарх Московский и всея Руси благословил и указал на Москве и во градах воображение святых икон писати самым искусным иконописцам, которые имеют у себя древние переводы и то со свидетельством выборных иконописцев, чтоб никто неискusstен иконного воображения не писал, а для свидетельства на Москве и во градах выбрать искусных иконописцев, которым то дело гораздо в обычай и имеют у себя древние переводы для иконного воображения, и которые неискusstны иконного художества, и тем воображение святых икон не писать. Также на Москве и во градах учинить наказ крепкой, которые всяких чинов люди у иконописцев святые иконы принимали

добраго мастерства со свидетельством, а без свидетельства отнюдь не принимать, а которые иконописцы живут в Суздальском уезде в селе Холую и тем иконописцам впредь воображение святых икон не писать же, и о том о всем послать грамоты из Патриарша разряду. И по Государеву Указу патриаршу боярину и дьяку доложу Великаго Господина Святейшаго Иосафа Патриарха Московскаго и всея Руси. О том учинить по Указу Великаго Государя».

Но раз уже зародившееся зло трудно было искоренить, так как «по заглушным деревням плохие мастера неистово писали иконы и продавали их прасолам и щепетильникам, которые развозили по сёлам и городам».

Не так же стройно было тогдашнее управление, чтобы наблюдать в заглушных деревнях. Иконописцы были весьма многочисленны, если имелись не только в городах, где могли иметь хороший заработок, но проникали и в глухие деревни, впрочем, это были не сословные живописцы города, а занимавшиеся так себе, в виду, вероятно, доходности ремесла.

В этой грамоте встречается любопытное выражение (выборные) иконописцы, эти выборные иконописцы совершенно аналогичны выборным иконописцам Стоглавого Собора, или, как я назвал, художникам–надзирателям, инспекторам, и выбор их предлагается тоже духовным чинам. Гораздо было бы проще во избежание лишнего письменного производства Царю самому издать народно вышеприведенную грамоту, но он обращает её к Патриарху, ожидая от него циркулярного постановления. Оно и понятно, как я уже раньше указывал все дела, касающиеся художества, подведомственны духовному начальству и Царь только обращает внимание патриарха, не вмешиваясь не в свою среду, а вот если после патриаршего указа... какие люди учнут чинить о том прещение и тем людям по указу Великаго Государя велено учинить указ подначальной, смотря по делу». (Всё это живо напоминает постановления Стоглава). Так что не только за столичными, но и за иногородними иконниками всегда существует надзор.

Интересно сопоставить предписание о письме икон Стоглавого Собора и Собора 1667 г.: из этого сравнения видно насколько развилась жизнь и расширились задачи искусства.

В постановлениях Стоглава читаем: ... “и с превеликим тщанием писати образ Господа Нашего Иисуса Христа и Пречистыя Его Богоматери и Святых Пророков... по образу и по подобию и по существу, смотря на образ древних иконописцев. И знаменовати с добрых образцов”. (Заб. Ист. Мат. 2.)

Собор Алексея Михайловича требует... “да оныя (иконы) лепо, честно, с достойным украшением, искусным рассмотром художества пишемы будут, во еже бы всякаго возраста верным, благоговейная очеса си на тя возводящим к сокрушению сердца, ко слезам покаяния, к любви Божией и святых Его угодииков, к подражанию житию их благородному возбуждатися и предстояще им мнети бы на небеси стояти себе пред лица самых первообразных».. (Акт. Архивы Оп. IV, № 174.)

В половине XVII столетия совершается некоторое движение в иконописи: появляется писание икон, по живописному, на манер фряжский. Пример в подобном писании подавали прибывшие иноземцы, хотя были сторонники старого письма, которые что застарело, того и держатся, как пишет изограф Иосиф Симону Ушакову: «а еже что от давна потрачено и обештано, от сего наипаче ныну приемлют старину и похваляют». (Ров. Ист. Икон. 42).

Из этого выходило, что многие живописцы писали для одних заказчиков по иконному, для других на фряжский манер.

Зодчие наши того времени и вместе с тем начальники плотничьих артелей назывались плотничными старостами, а плотники рублениками. Иностраный инженер и полковник Густах Декентин, выехавший в 1658 г., называется вымышленником, а живописец Петр Энглес называется мастер преоспективного дела.

Говоря о живописцах, всё время подразумевались иконописцы; между тем, в XVII веке появляется и другой род художества, а именно, лубочные картинки.

О существовании миниатюр-иллюстраций мы знаем уже гораздо раньше. Как на первый пример картинок гражданского содержания, можно указать навирши в погребе Гетмана Сагайдачного 1622 года.

Лубки имели чрезвычайно широкое распространение: от крестьянских изб до царских хором. «Немецкие печатные потешные листы» продавались с книгами и рукописями в овощном ряду, потом на Спасском мосту. Стоимость и доступность печатных листов в царские палаты видим мы из приходо-расходных книг Оруж. Пал. как 1637 года Июня 16-го: «дано торговым людям овощного ряда за немецкие за печатные листы 20 алтын (немецкими они назывались по своему происхождению), а взяли те листы из Государевы мастерския палаты в хоромы Государю Царевичу Князю Алексею Михайловичу, да Государыням Царевнам боярин Борис Иванович Морозов, да окольный Василий Иванович Стрешнев. Потом в 1637 г. Марта 8-го «дано овощного ряду торговому человеку Ондрюшке Петрову за 9 листов потешных 8 алтын 2 деньги, а те листы принимала Крайчая Соломонида Медецкая». В комнатах Царевича Алексея Михайловича, умершего в 1670 г. висело «пятьдесят рамцов с листами фряжскими».

Сочинители, а тем более издатели этих картинок, весьма мало известны. Вероятно некоторые из знаменщиков, т. е. рисовальщиков, были и сочинителями их; есть надпись на одной гравюре: «знаменил Симон Ушаков, резал Василий Андреев». Мы не знаем ни одного художника, всецело посвятившего себя этого рода искусству.

Древнейшие лубочные картинки были преимущественно духовно-религиозного содержания, какое им присуще в большой мере и поныне. Иностранцы, говорит И. Снегирев (луб. кар.), пользовались этим средством для распространения своих религиозных мнений и верований в русском мире и доставляли листы, изображавшие Спасителя, Богородицу, Небесные Силы и святых угодников Божьих. Такие изображения, по свидетельству Московского Патриарха Иоакима «никакого подобия первообразных лиц не являли своим неискусством, но представлялись не истово и не право, наподобие лиц своестранных и в своестранных одеждах немецких». (*Акт. Археог. эксп. IV. № 200*). Этот патриарх в 1674 году запретил покупать такие листы кои печатали немцы фетики, лютеране, кальвины по своему проклятому мнению.

Но всё же иностранные образчики не исчезли и не остались без подражания, это видно из Синодального указа 1721 г. Марта 20: «появились тогда в Москве изображения святых, несогласныя с преданием церкви и с подлинниками, или перед начальниками иконописцев, предосудительныя уже по одному тому, что достойно покланяемые и чествуемые лики святых установлено писать на досках, а не печатать на бумажных листах». Печатные листы же до-

пускались духовным начальством как для пригожества, а не для почитания. “ими, - замечает Патриарх Иоаким, - “украшались храмины, избы, клетки и сени”. Указ 1721 г. запрещает выставлять “на продажу на Спасском мосту и в других местах Москвы сочиненные разных чинов людьми службы и каноны равно и эстампы (листы) печатанные своевольно, кроме типографий”. Для рассмотрения подобных изданий была учреждена изуграфская палата. Хотя для приведения этих текстов и пришлось заскочить за начертанную по времени границу, но они уж очень хорошо объясняют положение этих листов в обществе и отношение к ним духовенства.

Таким образом, жизнь наших художников всегда находилась в зависимости от духовенства.

Всматриваясь в историческую жизнь наших художников, мы не можем не заметить трёх рельефных правовых пунктов её, соответствующих главным периодам истории нашего государства. В первом художники-рабы, ремесленники и смерды, во втором - они хотя принадлежат ещё к низшему классу, но их почитают “паче простыя человек”; в третьем мы видим художника дворянина (Салтанов); - удивительно последовательное развитие.

Поистине золотая пора для художников – время Алексея Михайловича; всякое более или менее выдающееся дарование находит дорогу.

Наконец, художники наши не только выдвигаются у себя на родине, но получают санкцию восточного патриарха. Мы уже учим своих первоначальных учителей Греков; учителя обращаются к ученикам, признавая их первенство. Антихийский Патриарх Макарий в 1668 г. бил челом Алексею Михайловичу в том, что “в Епархии Государь, моей, во граде Антиохии и в Дамасце суть четыре церкви: во Антиохии соборная церковь Петра и Павла, да церковь Иоанна Златоустаго, а в Дамасце соборная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, да церковь священномученика Киприяна и Устинии. И в тех, Государь, Церквах от многих лет иконы местныя обетчали, а иконников, Государь, добрых мастеров у нас нет, написать и поновить некому. Милосердный Государь, (т) пожалуй меня, богомольца своего, вели, Государь. в свое Царское богомолье в те соборные церкви дать местных икон, Спасов образ по полям было двенадцать праздников со страстными, да образ Пресвятыя Богородицы, да образ Петра и Павла, да образ Николая Чудотворца в житии и чудесех, да образ Иоанна Златоустаго, да образ Киприяна и Устинии, добрым письмом, чтоб и в тех церквах твоему Царскому Величеству была в наших странах вечная похвала и слава. Царь Государь, смилуйся”.

Вон куда расходится русское искусство!

Художники уже не рабы-ремесленники, они довольно близко подходят под наше понятие “художника”. Как апофеоз художников времени Алексея Михайловича следует привести место торжественной окружной грамоты 1669 г. (*Акт. Археогр. эксп. IV, стр. 225*). ...«Яко при благочестивейшем равноапостольном Царе Константине и по нем бывших царех правоверных церковницы, изряднее же клирос велиею честью почитаеми бяху, со сигклитом царским и прочиими благородными равенство почитания повсюду приемаху тако в нашей царстей православней державе икон святых писателие тщаливии и честнии, яко истинные церковнаго благолепия художницы да почтутся, всем прочиим председаение художникам да восприимут и кисть различноцветно употреблена тростию или пером писателем, да предравенствуют; достойно бо

есть от всех почитаемых хитрости художником почитаемым быти. Почтежесь образотворения дело от самого Бога, егда во Ветхом завете повеле ангельская лица в храме си и под киотом завета вообразити.

Прият честь в новой благодати от самага Христа Господа, егда изволих лице свое на обресе Авгарю царю без писания начертати. Почтеся от Святых Апостолов, ибо святой Евангелист Лука святые иконы писаша. Почтеся от всея православных кафелических церкве, егда на седьмом вселенском соборе иконам святым должно утвердися поклонение. Почтеся и от Ангел Святых, ибо многажды сами святые иконы Божьим написаху повелением, яко во святой великой лавре Киево-Печерской, вместо иконописца Алимпия Святого и иногда многаши. Непреобидимо и пренебрегаемо сие православное рукоделие и от начальствующих в мире во вся предтекишии веки бяше: не точию бо благородных чада, гонзюще празднотельство и безделнаго щапства, многшарною любезно труждахуся кистью: но и самем златый скипетр держателем изряднейшая бываше утеха, кистию и шары разноцветными, художеств хитроделием Богу естеству подражати. Кто же в древнем Риме преславный он Павел Емилиий, его же похвалами вся книги исторческия исполнишася: сей взыска в Афинах Митродора иконописца, купно и философа, во еже бы научити юныя си крамешнему преславных побед своих начертанию. Коль славный род Фабиев Римских: сих праотец Фабий немешую стяжа похвалу иконною кистию, яко прочие мечем и копием острым. А гречестие премудрие законнополагателие толь честно сие судиша быти художество, яко же завет им положить, да никто от раб и пленник иконнаго писанья вдан будет изучению, но точию благородных чада и советничьи сынове тому преславному навыкнут художеству. Толико убо от Бога от церкве и от всех чинов и веков мира почтеннаго дела художницы в респоту почитаеми да будут; Первое же чести им пристойныя место да имат знаменитель искуснейший та же иконописателие искуснейшие, потом прочию по своему чину. Сим тако быти хотящим в нашей православнаго царствия державе неизменно выну узаконяемым и повелеваемым подражающе узаконению благовернаго Государя Царя и В. К. Иоанна Васильевича, всея Руси Самодержца, в Стоглаве воспоминаемому в главе 43, да о честных и святых иконех и о иконописателех вся вышереченная в сей грамоте нашей царстей непреступно хранима и блюдома будут выну...

Нечего пересказывать эту грамоту: она сама по себе даёт, можно сказать, редкую по колориту картину положения художников и симпатичного отношения к ним тишайшего царя. А что потом ожидало художников? Потом Петр пишет Сенату (*пол. соб. Зак. VII. № 4443*): ...« без живописца и гравировальнаго мастера обойтись невозможно будет, понеже издания, которые науках чиниться будут, (ежели оныя сохранять и печатать), имеют рисованы и гравированы быде»....

Слово «художник» забывается; художники опять мастера, без которых только «обойтись невозможно». Развитие их жизни делает шаг назад почти на столетие. Национальное искусство останавливается. Грозная туча надвигается с запада.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/79, 75 л.

ОКТАБРЬ 1896г.

31 октября 1996 г.

ХРОНИКА

В Археологическом обществе, во вторник, 29-го октября, состоялось заседание русского отделения Императорского Русского археологического общества под предводительством С.Ф. Платонова. Сделали сообщения С.В. Рождественский («О служних землях»), С.Ф. Платонов («Как сложилась территория опричнины») и **Н.К. Рерих** («Раскопки последних лет в курганах Водской пятины»). <...> Н.К. Рерих познакомил собрание с результатами им произведённых раскопок, являющихся продолжением археологических разысканий покойного Л.К. Ивановского.

Новое время. 1896 г. 31 октября/ 12 ноября. № 7428.

Н.К. Рерих. Землекопы. [1890-е].

1897 год.

ЯНВАРЬ

14 /26 января 1897 г. «Мировые отголоски», № 13.

Р. Изгой

ОЧЕРК РУССКОГО ХУДОЖЕСТВА В 1896 ГОДУ

Развитие и увеличение числа художественных выставок обыкновенно прямо пропорционально развитию общего интереса к искусству и, чуть-чуть было не сказал, вкуса. Не знаю, повышается ли и развивается ли у нас художественное чутьё, любовь к искусству, а может быть по каким-нибудь другим, более прозаичным мотивам, но художественные выставки с каждым годом растут и множатся. Это дело хорошее и давно желанное, остаётся только сказать: дай им, Боже, неустанно расти большими да умными, и тем приятнее, даже обязательнее в конце года подводить итоги, следить за отношением качества к количеству, за образом мысли художников, какими элементами пополняется их дружина, нет ли новых стремлений?

Ответы на эти вопросы дадут вещественные знаки деятельности художников: картины, эскизы и этюды, которых петербуржцам за год пришлось пересмотреть от трёх до четырёх тысяч. Много это или мало?

- Само собой, мало! - восклицаете вы, представляя себе Россию и Петербург, как центр её, и сопоставляя в этом отношении хотя бы с нашими друзьями, французами.

- Много, ой, ой, много! - вероятно, сокрушается кто-нибудь, вспоминая о потраченном времени и, пожалуй, расходах на это непроизводительное удовольствие; ведь шутка ли сказать, 12 выставок - извольте-ка их осмотреть! Чтобы облегчить эту жертву, и в то же время искусство поощрить, приходится делать выбор между выставками, так что едва ли будет крупная ошибка, если на Петербург положить примерно 5000 обывателей, посетивших все выставки. Я говорю о Петербурге и петербуржцах не потому, что на нём русское искусство всецело клином сошлось, а ввиду существующего в художественном кругу мнения, что для триумфа русскому художнику надо симпатии и любовь только Петербурга; допустим, что это так.

В таком случае попробуем в крупнейших чертах восстановить в памяти выставки прошлого года и на случай отыщем каталоги. В них, наверно, найдутся подчёркнутые имена, забытые крестики, минусы, заметки: «сочно», «худо», «много настроения».., а поймай вас тогда на этом слове: «Что такое настроение?»

- Это, это вообще... только чувствовать можно, - так и не скажете, что оно такое, тем не менее, некоторые думают, что с настроением называются картины, где вообще нечто тёмное; другие догадываются, что для настроения необходим вечер, - только он один сообщает настроение; третьи, в сердцах, почему-то не замечают его, утверждают за достоверное: настроения, мол, никакого нет, его выдумали декаденты в оправдание своей мазни.

Относясь к акварельной выставке в Академии художеств, первым делом надо помянуть прекрасные акварели покойных профессоров А.Д. Кившенко и Гоголинского. Альб. Бенуа щегольнул прекрасной техникой; Хренов и гр. Муравьев дали обыкновенные свои охотничьи сцены; г-жа Бём идёт по известной дороге, и при её таланте не мешало бы попробовать свернуть немножко в сторону - ведь не заблудилась бы. В. Маковский выставил несколько хороших акварелей. Каразин, Бобров, Лагорио, Александровский - всё чересчур известно. У Гефтлера очень талантливые этюды, широко и вкусно. Попытался было Соломко дать акварельную картину (Caius Caesar Caligula), но вышло как-то «худо», а в своих иллюстрациях к «Руслану и Людмиле» он до того не проникся духом сказки, что без каталога нельзя было допустить какого-либо отношения этих банальных композиций к «Руслану». Из небольшой серии хороших иностранных акварелей вспоминается «Уборка сена» Жюльена Дюпре. Во всяком случае, на акварельной выставке глазу было на чём отдохнуть.

На сменившей акварельную обычной академической выставке самой большой по размерам и сюжету была картина Симова «Св. Филипп», как слышно, удостоенная на берлинской выставке этим летом второй медали. Странный казус произошёл с г. Симовым; отнюдь не допускаю предположения, чтобы тут было замешано что-либо кроме простой случайности, но его «Св. Филипп» слишком напоминает суриковскую боярыню Морозову. И потом, у центра картины, св. Филиппа, лицо было какое хотите, но не «светлое», как объясняет автор, цитируя Карамзина: «Филипп с лицом светлым, с любовью благословлял народ». Другой московский художник, г. Рерберг, дал солидную размерами картину «Илья Муромец и нахвалыщик»; какой именно психологический момент имел художник в виду, осталось совсем неясным, стало очевидным только, что художнику чужд дух и стиль наших былин и что не всякий старик, одетый в кольчугу, шишак и посаженный на битюга, может олицетворять наиболее ясно очерченный былинами тип Ильи Муромца. Работая в этом направлении, можно искать или психологического момента, или же общего настроения - ни того, ни другого не было в картине г. Рерберга. Московские художники по неизвестной причине не хотели смешиваться с остальными и развесили об этом соответствующие надписи (московские художники); но, не обусловленное каким-либо определённым основанием, это обособление вряд ли могло доказать что-либо.

Вернувшийся из-за границы пенсионер старой Академии г. Порфиоров выставил огромную картину «Сердце сокрушено», размеры которой совсем не соответствовали содержанию, заграничное декадентство наложило печать на его живопись: жёлтое небо, красочные, неуравновешенные облака и однообразное письмо мастихином, подходящее далеко не ко всякому месту. Портрет государя императора работы Репина понравился мне более по plein air'у, пейзажной задаче. Антокольский почему-то повторил давно знакомых «Нестора летописца» и «Иисуса Христа». Стыдно должно быть г. Бакаловичу - ещё несколько подобных упражнений, и художник навсегда в нём погибнет. Надо вспомнить о хороших пейзажах Крыжицкого и Орлова, о выразительной скульптуре Залемана и об успехах офортов В. Матэ. Можно было также ознакомиться с большой посмертной выставкой симпатичного А.Д. Кившенко, со случайно собранными работами Матейко и с интересными произведениями почти незнакомого нам финляндского художника Эдельфельта, обыкновенно экспонирующего в салонах.

Положение академической выставки ещё не выяснено, с введением нового устава (1894), с водворением в Академии передвижников, на первый взгляд, казалось бы странным существование академической выставки наряду с реакционной к ней передвижной; они должны были бы слиться, но до сих пор они обе существуют по-прежнему, причём характер академической ещё не определился, что-то бродит, и, судя по разным хорошим начинаниям, надо надеяться, скоро оформится, но когда и как?

Ввиду грядущего 25-го юбилея передвижная выставка имеет особый интерес. Уже в продолжение нескольких последних лет замечалось как-то колебание в этих выставках. Словно связующие основы пошатнулись, прежняя определённая физиономия начала утрачиваться, не обещая ничего нового, хорошего. Люди, любящие принципы передвижных выставок, с трепетом ожидали кризиса, и вот прошлогодняя выставка доказала, что стяг передвижников по-прежнему незыблем, что пульс бьётся, крови достаточно; чувствовалось что-то задорное, радостное. Как жизненны и проникнуты чувством портреты Серова и пейзажи Левитана. Правда, говорили, что у Серова волосы как войлок, а у Левитана - мазня. Да что ж с выписанных волос, если не будет души? Что из приличных пейзажей, стоя перед коими не чувствуешь того радостного чувства весны, порыва к природе, который даёт «Последний снег» Левитана.

Прелестна по задушевности небольшая картина Архипова «Обратный». Касаткин даёт чёрно написанную, но прочувствованную картину «Углекопы. Смена». Талантливы картины Светославского и Коровина. Жизненная картина Пастернака «Перед экзаменами» - студенты. Прекрасны, немного объективны этюды Дубовского. Нестеров взял оригинальный мотив и своеобразно разработал его: два монаха, «Под благовест», направляются в церковь.

При передаче света отличалась работа г-на Шильдера «Храм огнепоклонников», написанная по заказу Нобеля для Нижнего, где она почему-то значительно проигрывала. Хочется не забыть об этюдах Сурикова к «Покорению Сибири Ермаком», «Кавказ» - Васнецова. Киселёва, Шишкина и много других имён приходят на память, и умолчать о них кажется несправедливым, это свидетельствует об общем высоком уровне выставки, вполне заменившем отсутствие отдельных, особо выдающихся произведений, - значит, товарищество не коснеет и по-прежнему бодро идёт, как говаривал покойный И.Н. Крамской «вперёд, вперёд без оглядки».

Не могу решить, такова ли уж атмосфера в Академии, или по чему другому, но как-то не хватало воздуха, душно было ходить по IV выставке Общества санкт-петербургских художников. Какое-то щемящее чувство, как при виде спокойно ждущего смерти человека, охватывало на этой выставке: всё апатично, вяло. Можете себе представить моё положение: напрягаю память, чтобы вспомнить наиболее выдающиеся произведения, и тщетно, кроме г. Берко-са и Штембера. Между тем, возьмёшь каталог и видишь массу знакомых имён, при усилении же вспоминаешь много хороших, вполне приличных вещей: Кондратенко, Галкин, Писемский, Сергеев, Мещерский, Лагорио, Вельц, Маймон, Казанцев... ого, как много! Нет, Бог с ним, с этим обществом, сердце у него как-то плохо работает, а нервы уж очень крепки.

Упоминание о выставке первого дамского художественного кружка, несмотря на многие её достоинства и участие известных художников, всё же, пожалуй, странно будет наряду с передвижной и академической выставками.

Почти в то же время открылась выставка, по каталогу значащаяся как «III выставка картин. 1896. Невский пр., № 27-18», а в обиходе известная под названием сперва выставки «отверженных», потом «независимых». Начало этой выставки было положено два года тому назад группой художников, обиженных академическим жюри, так что объединяющим основанием являлась чисто внешняя сторона: общая обида на Академию и желание всё-таки, во что бы то ни стало познакомить публику со своими произведениями. Понятно, что при таком положении дел не может быть и речи об общем направлении выставки. Единственно крупной величиной здесь является г. Ционглинский; что про него ни говорят, а с ним приходится считаться, - его из ряда не выкинешь.

Я не решаюсь судить о выставке картин и этюдов В.В. Верещагина; я слишком уважаю этого одного из крупнейших художников; вероятно, задача в данном случае была не по нём, и среди много хорошего немало было недостойного его.

Новый устав Академии художеств, которому Совет её, к его чести, старается сообщить жизнь, удерживаясь по возможности от буквы, переродил и ученические выставки, открывающиеся на годичном акте 4-го Ноября. После ученических выставок старой Академии, с их заученными композициями (не эскизами, не сочинениями, а именно композициями, сопропо - складываю, составляю), Андреями и Алексеями натурщиками, выставка работ учеников мастерских в 1895 году поразила своей новизной, а в прошлом, 1896 году вполне подтвердила, что не новая метла чисто метёт, а что в Академии начинается хорошая жизнь, при известном объединении могущая определить русскую школу; потому-то и можно смело говорить об этой выставке рядом с выставками «больших» художников. Меньшая братия в некоторых отношениях превзошла старшую, большую - не часто приходится видеть столь жизнерадостные, свежие воспроизведения природы, 6 живописцев получили звание, двое, кроме того, посылаются Академией за границу. Основанием выставки служат две мастерские Репина и Куинджи. Самой обширной по количеству учеников должна считаться мастерская профессора И.Е. Репина - из его учеников посылаются за границу г-н Щербиновский, человек талантливый, со вкусом; от него можно ждать приятных для глаз произведений. Другой ученик этого профессора, г. Браз, получил звание за превосходные портреты. Остальные работы учеников этой мастерской состоят почти исключительно из этюдов и подчас такой антихудожественной природы, что вряд ли целесообразно её выставлять. - (Мало ли что для себя сработает художник?)

Другой большой по числу работ, и к тому же более осмысленной, является пейзажная мастерская профессора А.И. Куинджи; впрочем, её нельзя назвать специально пейзажной, так как наряду с многочисленными пейзажами встречаются задачи современного и исторического жанра. Так, ученик этой мастерской г. Кондауров получил звание и послан за границу за огромную историческую картину «После тризны, у могилы скифского вождя», исполненную чувства и настроения. Г-жа Педашенко получила звание за поэтичную картину «Первый жаворонок», кроме того, за пейзажи выдано ещё два звания. Г. Борисов привёз большую коллекцию этюдов Крайнего Севера, сделавшую бы честь любому крупному художнику. Очень хорошо поставлена скульптурная мастерская профессором Беклемишевым. При беглом обзоре нельзя остановиться на мастерских Кузнецова и Маковского, по их незначительности. В общем же обилие работ и высокое совершенство технической стороны отте-

няло слабое выражение стороны внутренней. Очень интересно знать: о чём думают молодые художники, наши будущие носители искусства? Не могут же люди, живущие третий десяток лет на свете, иметь в виду одну форму.

Может быть, я не понимаю задач архитектуры, но, рассматривая бесконечный ряд работ, кроме превосходной, детальной техники, иной раз до некоторой степени выдержанного стиля, ничто не останавливало; не заметно было чего-нибудь смелого, увлекательного. Должно ли быть различие между Институтом Гражданских Инженеров и архитектурным отделом Академии художеств?

«Он выставлял в салонах... Он бывал в салонах»... При таком отзыве невольно проникаешься уважением к такому человеку; салоны для русаков, не умудрённых Господом побывать там, являются чем-то мифическим, так как по каталогам, несмотря на хорошее издание, нельзя судить об оригиналах. Велика была моя радость при известии, что салоны воочию можно будет видеть у нас дома; но на этот раз ликование было преждевременно: состав французской выставки оказался случайным и дал возможность судить лишь об одной стороне, а именно - о французской школе, и в этом отношении нам надо брать пример с наших друзей. Скульптура французов безупречна. Дерзкая, неосуществимая мысль приходит иногда в голову: что, если бы нашему правительству познакомить нас с французскими салонами во всём их составе, не выбирая картин; какое бы огромное значение мог иметь этот сюрприз для русского искусства!

Не обошлась выставка и без декадентских и импрессионистических произведений, равно как и голландская, на которой можно было убедиться, насколько свято поддерживаются голландскими художниками старинные традиции. Хороши офорты у голландцев - свободные и сочные.

Японская выставка, имеющая специальное значение, смотрелась с интересом, причём нельзя не признать большого вкуса японцев, этих природных символистов, сказывающегося в самих работах и в фотографиях.

Малое число попыток исторической живописи на выставках за последнее время дало повод к основанию Московского Общества Художников исторической живописи, по почину г. Карелина. Помнится, между людьми, из-за деревьев леса не видящими, были разговоры, что под председательством г. Карелина вряд ли образуется что-либо полезное для искусства, но мысль поддержать падающую у нас историческую живопись симпатична и заслуживает полного одобрения. Жаль, что до сих пор эти выставки, по уставу передвижные, не могут добраться до Петербурга. Устав этого общества сам по себе не оставляет желать лучшего; но устав ведь только мех, способный вместить какое угодно вино; кажется, приложение к его делу нашими историческими художниками не соответствует его целям. Господа Карелин, Матвеев, Зейденберг, Яковлев, Тюменев, Перминов и другие не прибавят ничего к русской исторической живописи; задачи её им совсем чужды. Первое место на выставке принадлежало г-ну Семирадскому, его «Греческой семейной сцене». Уже знакома петербуржцам картина Ционглинского «Мария Потоцкая». «Клеопатра» г. Порфирова - прекрасный этюд женского тела, только почему это Клеопатра? «Московская улица до Петра Великого в праздничный день» и «Сидение царя Михаила Фёдоровича в его государевой комнате» Рябушкина, бывшая на предшествовавшей выставке, - вещи сильные, производящие впечатление,

между тем «Тип купеческой семьи XVII века» почти переходит известную границу художественного чутья, дальше идти уже некуда.

Там же была посмертная выставка, к сожалению, пережившего себя, богато одарённого таланта М.О. Микешина, но *de mortuis...*¹ и интересные мозаики первой частной русской мозаичной мастерской архитектора А.А. Фролова. Все мозаики исполнены так называемым венецианским способом «наизнанку», в отличие от, может быть, более художественного, но дорогого римского способа «прямого набора», практикующего в мозаичном отделении Академии художеств. Задача исторической выставки, повторяю, симпатична, равно как и предполагавшиеся исторические выставки для народа, разговоры о которых замолкли, надо надеяться, лишь на время.

Из областных выставок надо иметь в виду московские: периодическую и ученическую, хотя специальное обозрение будет излишне, так как большая часть имён и работ известны по выставкам Петербурга. Нестеров, Левитан, Сергеевич, Досекин, Выезжев - по передвижным выставкам, Щербиновский - по академической 1895-го года, Штемберг - по выставке Общ. Петерб. худ., Мавлявин - по академической ученической 1895-го года. По основным элементам характер периодических выставок близко напоминает передвижную.

На Московской ученической немало хороших работ. Также были или будут известны столицам лучшие вещи одесской (Общество южнорусских художников) и киевской (Общество киевских худ., и Общество люб.худ.) выставок. Талантливы и широки по размаху и фантазии, как говорят, были на выставке Киевского общества эскизы Катарбинского, известного по работе в Киевском соборе.

Этим собором было сказано уже не всероссийское, а всемирное слово искусству; имена художников, не пожалевших, несмотря на не всегда благоприятные обстоятельства, труда и энергии для колоссального дела, не забудутся, даже если бы не были вырезаны на доске в соборе. Хотя собор, отнюдь, не проиграл бы, если бы Сведомский имел в виду общую задачу стиля.

Уже давно знакомый по фотографиям и эскизам, что в Третьяковской Галерее, вошёл я в собор с твёрдым намерением спокойно, по-английски, осмотреть все уголки, но едва успел переступить порог, как должен был забыть о своём решении: грандиозный образ Богоматери, шествие в рай, Пророки, иконостас, Страшный суд, Крещение Руси, стильные фрески, сплошь покрывающие стены, убили всякую систему в образе. Честь и слава Васнецову Виктору Михайловичу, Нестерову, Сведомскому и Катарбинскому!

Много ожесточённых споров возбудил в прошлом году художник Врубель своими панно для Нижегородской выставки «Микула Селянинович» и «Принцесса Грёза». Действительно, они были не разработаны, слишком дерзки по исполнению, с трудом понятны, но, во всяком случае, говорили о большом таланте г. Врубеля. Одно ему надо помнить, что на таком способе исполнения останавливаться нельзя, что субъективность, хотя неперемное качество художника-творца, но доведённая до непонятности (для большинства), должна быть поставлена ему только в упрёк.

В сущности, 1896-й год должен бы быть памятным для русского искусства - Нижегородская Промышленная и Художественная (заметьте: и художественная, - значит, искусство занимало большое место, составляло как бы по-

---

¹ *De mortuis aut bene, aut nihil* (лат.) - О мёртвых или хорошо, или ничего (посл.). - Ред.

ловину её) выставка должна была обозреть русское искусство, уяснить задачи его, дать тон дальнейшему росту его. На деле же вместо обзора вышла какая-то неожиданная ревизия русскому искусству, все петербургские выставки, пополненные немногими известными произведениями, ничтоже сумняшеся, перекочевали в Нижний. Передвижники, при высоком уровне прошлогодней выставки, имели на это основание. Не могут оправдаться этим же Общество Петербургских Художников, Академия и акварелисты. Если вещь остаётся у художника, то это ещё не повод помещать её на Всероссийской выставке, имеющей всемирное значение. Единственной новостью является отдел финляндских художников. Ярким примером скверных последствий увлечения символизмом могут служить картины г-на Акселя Галлена «Conceptio artis» и «Probleme» (ничего кроме смеха не возбуждающая), а между тем г. Галлен человек талантливый, как это можно видеть по выставленным тут же сильным «Айно» и «Сампо» (из «Калевалы»). Вещи Эдельфельта были и на академической выставке.

Аксель Галлен. Сампо (Из «Калевалы»). 1896.

В картинах финляндцев чувствуется что-то напоминающее французов - впрочем, это понятно, так как многие финляндские художники получают художественное образование в Париже. В отдельном павильоне была выставлена большая картина профессора К. Маковского «Минин».

Просмотрев, таким образом, ряды художественных произведений прошлого года, можно бы предположить, что течение русского искусства довольно спокойно и в некоторых струях невозмутимо, если бы не одно начинание, на которое надо крепко надеяться, ждать от него живого слова - я имею в виду открывающуюся в помещении Общества поощрения художеств выставку попыток свободного творчества по инициативе И.Е. Репина. Мысль смелая и новая; подобная выставка может (не знаю, как выйдет на деле) дополнить наше понятие «картины», послужить возражением на упрёки в недостатке содержания, упадке творчества, сочинения, за последние годы тяготеющие над русским искусством и возрастающие вместе с развитием творчества этюдного, также свидетельствующего о таланте художника, имеющем огромное значение, хотя всё же несравнимого с творчеством сочинения. Надо только радоваться быстрому совершенству технической стороны, без которой всякая кар-

тина представляет одни благие начинания и немислима сама художественная работа, но нормальный рост одной половины организма как бы подчёркивает болезненно-ослабленную деятельность другой.

Это ещё полгоря, дело в том, что и серьёзные технические задачи, где бы художник действительно добивался чего-нибудь, горел, желая сказать своё, сравнительно редки. На 4000 художественных произведений петербургских выставок не слишком ли велик процент посредственных, приличных, имеющих в виду одну только продажу, которым, не шутя, начинаешь предпочитать какой угодно бред символистов и декадентов.

Относительно очень значительного числа художников напрашиваются два предположения: или они имеют в виду одно ремесло, или боятся дать свои мысли на общий суд, словно в ожидании пинка сверху, не смеют заглянуть через соседние головы, поискать новой дороги; точно опасаются, не растаяли бы их крылья от взглядов, совершенно забывая, что *qui ne risqué, ne gagne rien*², что как бы их взгляды и мысли ни были новы и оригинальны, раз они не будут противоречивы логике и этике, то всегда найдутся люди, способные понять их речь; иначе же своею боязливостью они создают искусству несовместимые с ним рамки.

Не хотят художники подумать, что общество - высший суд, что не сегодня, так завтра хотя часть его, может быть, в начале даже бессознательно, отзовётся и воздаст должное твёрдому, искреннему слову, будет благодарна художнику, попросит его стать между ней и природой, быть её толкователем, научить смотреть на неё его глазами.

«Чего же это ещё от нас хотят? Что же нам прикажете писать?» - спросят художники.

«Я уже знаю, - каждому своё».

*«...Слух же душевный сильнее напрягай и душевное зренье.
И как над пламенем грамоты тайной бесцветные строки
Вдруг выступают, так выступают вдруг пред тобою картины.*

- обращается к художнику граф Алексей Толстой.

*...Много в пространстве невидимых форм и неслышимых звуков,
Много чудесных в нём есть сочетаний и слова и света».*

- У, какое старое и всем неизвестное начал говорить!

- Старое-то, государи мои, старое, но...

Мировые отголоски. 1897. 14/26 января. № 13.

---

² Кто не рискует, ничего не выигрывает (фр.) – ред.

ФЕВРАЛЬ

24 февраля 1897 г.

ПО ПОВОДУ V ВЫСТАВКИ КАРТИН С. ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЩЕСТВА ХУДОЖНИКОВ *(открывшейся 24-го февраля [1897 г.] в залах Академии наук)*

«Блещут огнями палаты просторные.
Музыки грохот не молкнет в ушах.
Нового года ждут взгляды притворные,
Новое счастье у всех на устах.
Душу мне давит тоска нестерпимая,
Хочется дальше от этих людей...»

Вспомнились мне почему-то строки Апухтина, когда я спускался по нарядной, красиво декорированной растениями лестнице, с выставки С.-Петербургского Общества Художников; может быть, потому, что настоящая выставка действительно вызывает похожее щемящее чувство. Если на прошлогодней Академической выставке слышались немаловажные упрёки по адресу И.Е. Репина за портрет Государя Императора, то, что же после этого можно сказать про портрет работы г. Галкина, с предыдущим, Репинским, совершенно несравнимый.

На выставке экспонаты многочисленны, между тем выделить из них лучшие, право, не решаешься; приходилось указывать на г. Беркоса, впадающего теперь в красочность, г. Степанов, хотя и большой мастер, но всё же, пожалуй, придёт к печальным результатам, г. Штемберг в портретах как бы остановился на известном пределе. В остальных же двух с половиной сотнях произведений или постыдное искание, или тупое, самодовольное успокоение на том или другом шаблоне, не видно самого дорогого в искусстве, не чувствуется оригинального, субъективного художника, такое «нет» глубокого, свежего порыва, стремления к какой-либо художественной цели, что и суда на эти картины быть не должно (один же из экспонентов хотел схорониться за известными именами, в пышных фразах известивши, что писал картину, пользуясь: Погодиным, Срезневским, Ходаковским, Самоквасовым, Котляревским, Калайдовичем и «летописными и другими документами», на картине, к горю, не отразившимися).

Можно бороться с грубостью, с неясностью, с ошибкою, хорошо, когда есть, чему помогать, а в данном случае всё спокойно, прекрасно, тихо да гладко – ни сучка, ни задоринки, - остаётся только печалиться, сознавая всю бесполезность советов. Много на выставке анемичного, косного, ещё раз доказывающего, насколько шатким и незначимым основанием для общества художников является лишь принцип совместного торга, да пребывание или тяготение к тому или иному центру.

Помнится, года 3 тому назад я расспрашивал: во имя чего выдвигается новый стяг? Какое слово в искусстве думает сказать эта дружина? И никто не мог мне ясно охарактеризовать художественного основания Петербургского общества. Чудесно, когда собирается группа художников и других к себе приглашает: милости просим с нами искусству служить; у нас, мол, «несть ни Эллин, ни Иудей, ... ни раб, ни свобод, но всяческая» ... для данного случая тут должна быть точка, потому что, как известно, далее следует «и во всех един Бог», а именно этого основного единого Бога не имеют в себе общества, подобные Общ. Петерб. Художников, и отсутствие единой, объединяющей живой силы – горячей любви к прогрессу искусства, мертвит, сушит и нагоняет тоску на их выставках.

Впрочем, да не подумают из моих слов, что на эту выставку совсем идти не стоит. Нет, пожалуйста, идите, и вот почему. Во-первых, *la critique est aisée, mais l'art est*

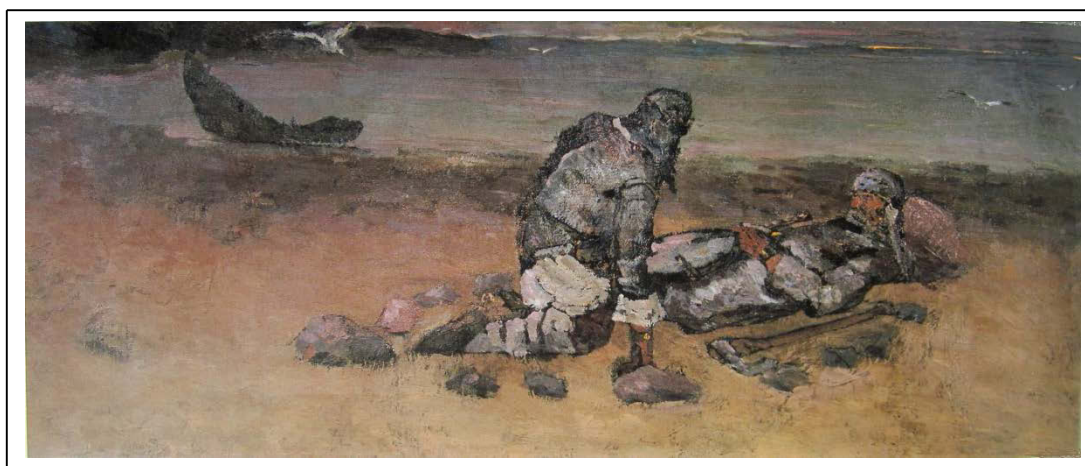
difficile³ (и мне, может быть, укажут на некоего пастора, который говорил, что за проповеди он получает столько-то талеров, а за применение своих слов к делу не возьмёт и вчетверо); во-вторых, мне не понравилась ни одна картина, вам же могут понравиться несколько, и вы окажетесь, к моей зависти, в несравненно счастливых условиях; в-третьих, чтобы заслуженно оценить хорошее, выдающееся, надо знать худое и посредственное. В-четвёртых, если вспомнить, при каких условиях писались многие картины, какие надежды возлагал художник на своё Богом обиженное, убогое детище, сколько труда и хлопот ему стоило добиться хотя бы только этих укоров, то, право, как-то неловко становится... Нет, господа, ходите по всем выставкам; ведь вы читаете только личные взгляды таких же людей; ими нельзя руководствоваться, на слово им верить не следует. С ними, как в беседе, только можно сверять своё собственное мнение, сверять, не соглашаться, спорить, возражать; вот это-то для искусства и дорого!

Это его фильтрует и вперёд двигает!

Боримир Н.⁴

И.К. Рерих. На чужом берегу. 1897. Эскиз к одноимённой картине.

И.К. Рерих. На чужом берегу. 1897.

³ Критиковать легко, творить трудно. (фр.) – Ред.

⁴ Один из псевдонимов И.К. Рериха. – Ред

ГРАМОТЫ

Архивные документы выучили и старорусскому письму. Язык летописей тоже скоро запоминается. Иногда письма складывались под стиль грамот. Стасов ими очень забавлялся. После того, как в[еликий] князь Владимир и гр[аф] И.И.Толстой выжили Куинджи из Академии, была написана длинная былина. Она широко разошлась в списках. К картине «Сходятся старцы» была написана целая былинная присказка. Она была напечатана в каталоге академической выставки. Многим она понравилась, но академические архонты и версальские рапсоды её не одобрили. Впрочем, всегда и во всем мы обходились без архонтов и рапсофов.

Один эпизод с «грамотою» едва не имел печальные последствия. Во время университетского зачётного сочинения, шутки ради, была написана «грамота» об иконописании. Случайно она оказалась при мне в Археологической Комиссии, и я прочёл её Спицыну. При этом был и Веселовский. К моему изумлению, а затем и к ужасу, «грамоту» начали читать всерьёз и даже научно обсуждать её. По некоторым выражениям нашли, что «грамота» может быть киевского происхождения. Спросили, где именно она найдена. Напечатана ли? С превеликим трудом удалось чем-то прервать опасный разговор и уйти, не обидев доброжелателей. Вспомнились Мериме и Пушкин с песнями западных славян. Вспомнился Ганка с Краледворской рукописью. Там всё было всерьёз, а в нашем случае — шутка, чуть не обратившаяся в драму. Профессора никогда не простили бы своё невольное заблуждение. Ведь в то время были особенные курганные находки: копейка вольного Новгорода XV века в руке костяка в кургане, считавшемся XI века. Были неолитические человекообразные фигурки. Были необычные балтийские янтари в неолитических тверских курганах. Была эмалевая пряжка в городище около Торжка. Всё это было ново, а тут затесалась бы несчастная «грамота», и всё испортилось бы.

И где сейчас все эти «грамоты» и записи? Диплом мой на академика был найден на Мойке. Кто знает, как он попал туда? Ведь были большие склады всяких писем, заметок, эскизов... Среди переездов не уследить за всем скарбом. Всюду что-нибудь оставалось — и в Туркестане, и в Тибете, и в Китае, и в Америке, и в Париже, и в Финляндии... Спрашивают, где многие эскизы? А кто их знает?

[1939 г.]

Рерих Н.К. Листы дневника, т. 2.М.: МЦР, 1995. Т.2

Из воспоминаний Н.К. Рериха....

«Боюсь, что письма Стасова, Горького, Григоровича, Репина не сохранились...»

«Ведь он [Стасов], так сказать, впервые ввёл меня в хранилища Публичной библиотеки, он допустил меня к сокровищам этого хранилища и поддерживал в моих первых зовах о России.

Помню нашу переписку с ним. Всегда я ему писал в виде старинных русских грамот, и он всегда радовался, если слог и образность были исконными. Иногда он отвечал мне тем же истинным слогом. А иногда добродушно подсмеивался, говоря: «Хотя Ваша пожелтевшая грамота и припахивала свежим кофеом, но дух-то её оставался русским, настоящим русским».

Помню его фельетон о моей картине «Поход», в котором он понял желанное мне, основное устремление. У Курбатова была фотография наша, снятая у знаменитого, отягчённого книгами стола в Публичной библиотеке...»

Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В.

26 Февраля 1897 г.

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич!

Простуженный и расстроенный, сижу дома и не могу сам побывать у Вас. Неприятно, что сердце как-то ноет – доктор говорит, что оно в порядке, только слишком сильно работает, но ощущение неприятное. Прилагаю записку о выставке Петербургских Художников, при покорнейшей просьбе, буде милость будет, прочтёте и, если найдёте не слишком смешной, а паче того – глупой, то направьте, пожалуйста, в «Новости», чтобы там поскорее тиснули. Имени моего им так и не говорите, пусть Боримир Надежа, что ли. Посылаю также нехитрую мою былинку про суть академического дела, когда поправлюсь, возьму её от Вас. Не было ли слухов из «Недели»? Интересно.

Сюжет «Славяне и варяги» развивается у меня в целую, так сказать, славянскую симфонию. Может быть грандиозно (12 картин), целая эпоха.

Мои родные непременно хотят, чтобы я теперь же держал бы экзамены во что бы то ни стало. В Москву ехать не придётся. Академию окончательно решил бросить.

В ссоре Ивана Ивановича⁵с Архипом Ивановичем нужно chercher la femme – супруга Ив. Ив. постоянно, говорят, травила его за послушание и подчинённость Архипу. Я взял новый билет из Академии, чтобы через несколько времени уйти по собственному желанию, а не считаться выбывшим по постановлению Совета.

Если найдёте моё послание глупым, сейчас разорвите. Если хотите сделать приятное: напишите мне письмецо, как поступили с писанием, и вообще – рад бы был получить от Вас весточку. Всё как-то скучно. (Только письмо закрытое).

Название славянских картин:

1. Восста род на род. (Подают сигнал – гигантским костром при остроге, суетня – реку прудят – собираются).
2. Гонец. (На челне в тростнике).
3. Сходка. (Ночью, спешно, говорит дед, его держат).

---

⁵ Граф Иван Иванович Толстой – вице-президент Академии Художеств.

4. Гаданье. (Перед рассветом, на обрыве, над рекою, жрец, воины)
5. Стычка в бору.
6. После битвы. (Поле, вечер).
7. Победители. (Победители возвращаются в деревню. Костры. Встречают. Радость).
8. Погребение предводителя.
9. Побеждённые. (В Царьграде на рынке. Солнце. Скованные. Шкуры. Волосы.)
10. На волоке. (Варяги перетаскивают ладьи между рек).
11. Полунощные гости. (Варяги подъехали к деревне. Четыре на берегу. Собрался народ, всё больше старики да бабы. На первом плане мальчонка; услышал, что все побежали куда-то, и он захватил топор чуть не больше себя, приволочил и палец в рот. Весна. Лёд идёт. Солнце. Гуси тянут).
12. Апофеоза. (Ряд курганов. Спокойно, тихо. Они вызовут чувство старины).

Простите за грязное маранье. Разболтался – не <с> кем говорить.

Был бы рад от Вас получить <письмо>
Глубоко Вас уважаю и предан крепко.

Николай Рерих

Пб. 26.II.97. В.О. Университетская набереж., № 25.

Если захотите что-либо вычеркнуть в заметке, то ради Бога, не стесняйтесь.

Приписка карандашом:

1. Охота. 2. Восста род на род. 3. Гонец. 4. Сходка. 5. Гаданье. 6. Ушли.
7. После битвы. 8. Победители. 9. Побеждённые. 10. Варяги на море.
11. Полунощные гости. 12. Апофеоза.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПИСЬМУ 1.

**ПО ПОВОДУ V ВЫСТАВКИ КАРТИН
С.ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЩЕСТВА ХУДОЖНИКОВ
(открывшейся 24-го февраля в залах Академии наук)**

«Блещут огнями палаты просторные.
Музыки грохот не молкнет в ушах.
Нового года ждут взгляды притворные,
Новое счастье у всех на устах.
Душу мне давит тоска нестерпимая,
Хочется дальше от этих людей...»

Вспомнились мне почему-то строки Апухтина, когда я спускался по нарядной, красиво декорированной растениями лестнице, с выставки

С.-Петербургского Общества Художников; может быть, потому, что настоящая выставка действительно вызывает похожее щемящее чувство. Если на прошлогодней Академической выставке слышались немаловажные упреки

по адресу И.Е. Репина за портрет Государя Императора, то что же после этого можно сказать про портрет работы г. Галкина, с предыдущим, Репинским, совершенно не сравнимый.

На выставке экспонаты многочисленны, между тем выделить из них лучшие, право, не решаешься; приходилось указывать на г. Беркоса, впадающего теперь в красочность, г. Степанов, хотя и большой мастер, но всё же, пожалуй, придёт к печальным результатам, г. Штемберг в портретах как бы остановился на известном пределе. В остальных же двух с половиной сотнях произведений или постыдное искание, или тупое, самодовольное успокоение на том или другом шаблоне, не видно самого дорогого в искусстве, не чувствуется оригинального, субъективного художника, такое «нет» глубокого, свежего порыва, стремления к какой-либо художественной цели, что и суда на эти картины быть не должно (один же из экспонентов хотел схорониться за известными именами, в пышных фразах известивши, что писал картину, пользуясь: Погодиным, Срезневским, Ходаковским, Самоквасовым, Котляревским, Калайдовичем и «летописными и другими документами», на картине, к горю, не отразившимися).

Можно бороться с грубостью, с неясностью, с ошибкою, хорошо, когда есть, чему помогать, а в данном случае всё спокойно, прекрасно, тихо да гладко – ни сучка, ни задоринки, - остаётся только печалиться, сознавая всю бесполезность советов. Много на выставке анемичного, косного, ещё раз доказывающего, насколько шатким и незначащим основание для общества художников является лишь принцип совместного торга, да пребывание или тяготение к тому или иному центру.

Помнится, года 3 тому назад я расспрашивал: во имя чего выдвигается новый стяг? Какое слово в искусстве думает сказать эта дружина? И никто не мог мне ясно охарактеризовать художественного основания Петербургского общества. Чудесно, когда собирается группа художников и других к себе приглашает: милости просим с нами искусству служить; у нас, мол, «несть ни Эллин, ни Иудей, ... ни раб, ни свобод., но всяческая» ... для данного случая тут должна быть точка, потому что, как известно, далее следует «и во всех един Бог», а именно этого основного единого Бога не имеют в себе общества, подобные Общ. Петерб. Художников, и отсутствие единой, объединяющей живой силы – горячей любви к прогрессу искусства, мертвит, сушит и нагоняет тоску на их выставках.

Впрочем, да не подумают из моих слов, что на эту выставку совсем идти не стоит. Нет, пожалуйста, идите, и вот почему. Во-первых, *la critique est aisée, mais l'art est difficile*⁶ (и мне, может быть, укажут на некоего пастора, который говорил, что за проповеди он получает столько-то талеров, а за применение своих слов к делу не возьмёт и вчетверо); во-вторых, мне не понравилась ни одна картина, вам же могут понравиться несколько, и вы окажетесь, к моей зависти, в несравненно счастливых условиях; в-третьих, чтобы заслуженно оценить хорошее, выдающееся, надо знать худое и посредственное. В-четвёртых, если вспомнить, при каких условиях писались многие картины, какие надежды возлагал художник на своё Богом обиженное, убогое детище, сколько труда и хлопот ему стоило добиться хотя бы только этих укоров, то, право, как-то неловко становится... Нет, господа, ходите по всем выставкам;

---

⁶ Критиковать легко, творить трудно. (фр.) – Ред.

ведь вы читаете только личные взгляды таких же людей; ими нельзя руководствоваться, на слово им верить не следует. С ними, как в беседе, только можно сверять своё собственное мнение, сверять, не соглашаться, спорить, возражать; вот это-то для искусства и дорого!

Это его фильтрует и вперёд двигает!

Боримир Н

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

к письму от 26 февраля 1897 года.

НЕХИТРЫЙ СКАЗ ПРО БОГАТЫРЯ ИВАНИЩА И ПРО ТУГАРИНА ЗМЕЕВИЧА

Бласловѝ-ка, хозяин, бласлови, государь,
Нам бывальщину рассказать недавнюю,
Хорошо сказать, лучше слушати
Про матѣрого Ива̀нища- бога̀тыря,
Про Змеевича лукавого Тугарина,
Что ни вихрь крутит по долинушке
На седой туман к земле клонится,
Как во славном стольном городе
Спohватились богомазы добры молодцы:
Что с повадкой не учестливой говорил старшо́й
Да с братьей ме́ньшею.
Спohватились богомазы, хорово́дилсь,
Друг с другом ломалися, водѝлися,
С вечера водились до полуночи,
С полуночи до белá светá.
Натрудили горла звонкие,
Понатѣрли ноги резвые,
По колена в землю приобмялися,
Словно пьяные, шатаются,
Разнести не могут го́рюшка.
(Долгий сказ про то безвременен).
Многоцветны лики не дописаны,
Не дописаны да позамазаны,
Золот'ы фона́ позагажены,
Дорога́ коба́льт задарма течет,
Киноварь, гляди, позасохла вся.
И пришел тут к ним стар, матѣр Архип,
Говорил он зычным голосом:
«Ой вы гой еси богомазы, добры ма́стеры,
Коль слова мои вам в совет придут :
А примайте вы кисти шарные,
Расходитесь вы по го́рницам,
С превеликим тщанием писание

Киноварью лепно изукрасивте». Горлотаны облые не хотят идти, Бьются – ратятся, а разумные На заўтрие порешидли малевать – писать, А Архип-богатырь, старчище Иванище, В грїдню шел – думу думати С братьей старшею – думу думати С братьей старшею, со богатыри. И с самим Тугариным Змеевичем. Собиралось ли одиннадцать богатырей: Во-первых был тут Тугарин Змеевич, Во-других – Ильюшенько лукавенький, Во-третьих – старчище Иванище, Во-четвертых – Володимер Долгопóлистый, В-пятых – семь братьев Сбродовичей, Да еще ли мужики залётане, Чтó Змеевич скажет, то и сделают. И какое слово было сказано! И какое дело было сделано! Богомазы на заутрие подошли к иконну тέρему, А засовы позадвинуты, пудовы замки на дверях
веса́т,

У ворот ко́пья харалужные
Смертным боем того бить хотят,
Кто во терем на работу путь держал.
И поблизости птица вещая, да черный вран,
Жалобёхонько прока́ркала.
А тем временем Тугарин Змеевич
Скоро сел на ремёнчат стул,
Ярлыки писал да скоропищаты,
Ярлыки да запечатывал.
Приезжал на шйрок княже́нецкий двор.
Становил добра коня сере́дь двора́,
Проходил пряме́хонько во гридни светлые,
Не молился Спасу – образу,
Князю – Солнышку челоим бил, выговаривал:
«Ой ты гой еси пресветлый стольный князь,
Ты бери-ка ярлыки да во белы руки.
Каждое словечко да высматривай».
Как вставал тут Солнышко – Владимир-князь,
С <большого> места княже́нецкого.
Брал те ярлыки да скоропищаты,
Распечатывал их скоро да развёртывал,
Каждое словечко да высматривал.
Ой ты мать сыра земля, порасступйся!
Небеса вы, синие, раздайтеся!
Темны тучи во едино не скопляйтеся!
Богатырской силушке тошнёхонько,
Горе лютое со старым приключилося –

Поразгневался на старого Владимир-князь,
Поразгневался, да не своим умом:
Попущеньем Божьим, оговорами
Уж того ль Тугарина лукавого.
Закричал Владимир громким голосом:
«Гой вы слуги, слуги верные!
А убрать мне старчища Ив́анища.
Чтобы и дух его мне не слышался».
Отломилась веточка от деревца,
Откатилось яблочко от яблони,
От иконного терема далеко ушёл стар Иванчище
Матерой Архип, говорит себе:
«А вы дайте-ка мне, старому, управиться,
После сами мне будете кланяться!»
Не здорово, братцы, учинилось,
Помешался славный богатырский круг.
Худо, ой, придется и Тугарину,
А Плейко за него хоронится –
Быть, лукавому, побитому.
Так-то в ту пору у князя у Владимира
Не останется во тереме богатырей,
Не останется даже на семена.
Высота ли – высота поднебесная!
Глубота – глубота океан-море!
Широко раздолье – да по всей земле!

Публикуется по изданию: Переписка Н.К. Рериха со Стасовым В.В. М. Директ-Медиа. 2001 г. 67 с.

Н.К. Рерих. Нежданные гости. 1897.

МАРТ

Из архива Н.К. Рериха...

24 Марта 97. 4 часа утра
(Черновые варианты)

[СВЕЧИ ГОРЕЛИ...]

* * *

Обычный свет
Привычный рукою зажженная лампа горела,
Сверкала яркой своей позолотой
щущим

Ярким безтрепетным светом все освещалось, казалось
Яркое пламя трепещущий свет разливала казалось
Потухни они, темнота словно занавес полог

Плотно закроет глаза

Бесконечный странный завесой затянет все безнадежно
Взоры упрется-скользнут в пустоте утопая

Полно! свечи-Источник ли света единый, могучий
Не Дрожащие, черные тени бросает вокруг?
Робко, медленно, робко-сине-лиловый рассвет
Тихонько в окошко струится.

гордым

√ Огненным блеском свечей затуманен ...
Невидный Никому не приметный, невидный-ненужный
туманный

Серый √ отсвет через шторы бросает
В холоде

Свечи горят √ но в отблеска утра новый
Тон заиграл – тепловатый, манящий
Ласковый просит штору поднять
Хочется штору поднять да и сам дорогу
Скоро пробьется через ткань. Ласковым
Светом разольется, серый туман подберет
И тверже все ярче И мало помалу все тверже все ярче
темный угол словно туманом

Ярче Осветит; и стол и бумагу, книг <...>
затянет

·
Все светлей и светлей... Спокойный, могучий, единый
Светоч встает, все сияет...а свечи?

СВЕЧИ ГОРЕЛИ...

Свечи горели. Яркое пламя трепетным
Светом все обливало. Казалось: потухни оно -
Темнота словно пологом, плотно закроет глаза,
~~[Бесконечной, страшной завесой затянет. Безнадёжно.]~~
Напрасно взоры скользнут, в пустоту ~~[утоная]~~.
Полно! Один ли света источник
Дрожащие, мрачные тени бросает вокруг?
Робко, украдкой сине-лиловый рассвет
Тихонько в окошко струится,
Гордым блеском свечей затуманен.
Никому неприметный, ненужный
Бросает серый отсвет.
Свечи горели. В холоде отблеска утра
Новый тон заиграл, тепловатый, манящий...
Хочется штору поднять, да и сам он дорогу
~~[Скоро пробьёт через ткани. Ласковый
Свет разольется - черный угол туманом
Затянет. Светлей и светлей... Вечный
Могучий светоч встает; все сияет... А свечи?..]~~

24 Марта 97. 4 часа утра

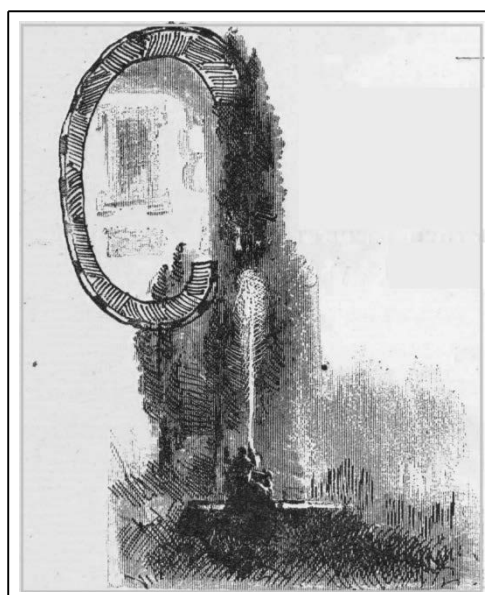
Скоро пробьёт. Ласковый Свет разли-
вается.
Чёрный угол туманом затянут.
Ярче светлый... Вечный, могучий
Светоч встаёт... А свечи?..

Сквозь тени ночные сквозит,
дорогу себе
Пробивает

Страшный полог закрывает глаза
Тёмный полог ужасный на очи
опустится

Спорит, борется с блеском
~~[блеском огненным]~~ Огня

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/19, л. 16

Н.К. Рерих. Буквица «С».. 1895.

25 марта 1897 г.

СВЕЧИ ГОРЕЛИ...

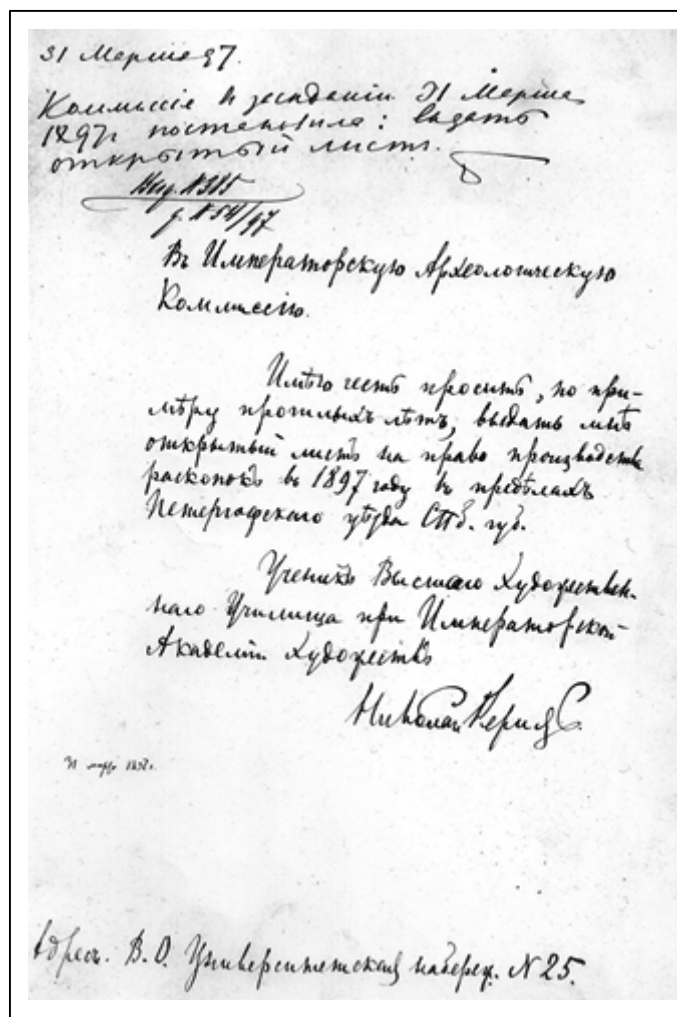
Свечи горели. Яркое пламя трепетным
Светом всё обливало. Казалось: потухни оно -
Взоры скользнут в пустоту.
Тёмный полог на очи опустится.
Полно, один ли света источник?
Дрожащие тени бросает вокруг?
Робко, украдкой, сине лиловый рассвет
Тихонько в окошко струится,
Гордым блеском свечи затуманен,
Никому не приметный, слабый
Бросает серый отсвет.

Свечи горели. В холоде отблеска утра
Новый тон заиграл, тепловатый [сияющий].
Сквозь тени ночные сквозную дорогу себе
Пробивает. Спорит и борется с блеском
Ласковый свет разливается
Чёрный угол туманом затянут. ...
Ярче, светлей.... Могучий, вечный
Светоч встаёт... Всё сияет!... А свечи?

.....
25 марта 97 4 ч. Утра

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/85, лл. 7, 7 об.

31 марта 1897 г.

31 марта 1897 г.

Комиссия в заседании 31 марта 1897 г. постановила: выдать открытый лист.
Вход. № 385
Д. № 54/97.

В Императорскую Археологическую Комиссию.

Имею честь просить, по примеру прошлых лет, выдать мне открытый лист на право про-
изводства раскопок в 1897 г. в пределах Петергофского уезда Спб. губ.

Ученик Высшего художественного Училища
при Императорской Академии Художеств.
Николай Рерих

31 марта 1897 г.

Адрес. В.О. Университетская набереж. №25.

Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН в СПб.

МАЙ

10 мая 1897 г. СПб.

Письмо В.В. Стасова к Рериху Н.К.

С.П.Б.10 мая 1897.

Николай Константинович, всё собирался писать Вам, с самого получения Вашего письма, да так и не собрался, пока вдруг не вспомнил, что 9-го мая - ведь св. Николай, и, пожалуй, как бы Вашего патрона. Ну, уж тут я сейчас, цоп, за перо и бумагу, и пишу Вам небрежно!

Стыдно, что так долго заставляю ждать любезного именинника, да ещё <хилого> блондина, с голубым воротником на шее. Если Вы и взаправду были вчера именинник, прошу Вас убедительно, отвесить от меня почтительный поклон Вашему патрону и командиру, и засвидетельствовать ему глубочайшее почтение от некоего бумагомарателя в Петербурге.

Ну-с, хорошо-с, а позвольте спросить, как Вы провели свой торжественный день бенефиса, и что Вы во время его прохождения делали? Если ничего больше, как только на охоту ходили, да бедных птиц били, ни в чём не повинных, ни душой, ни телом, ни хвостом ни лапками, что Вам скучно или нечего делать, и ничего получше не придумали, как лишать кого-то жизни от нечего делать - то я Вас не хвалю ничуть, и желаю Вам, чтоб тот или другой Никола поскорей от Вас отступился и повернулся к Вам задом, - что это - дескать за <страшный> протеже у меня, только и умеет, что простреливать насквозь чужие головы и зады! Нет, нет, ради самого Господа Бога (которого, впрочем, я мало знаю и мало утруждаю собою, - и всех его святых, прошу Вас это негодное дело бросить, и ни до каких курков и зарядов больше никогда не дотрагиваться! Не лучше ли всё это позабыть, и начать что-нибудь другое, - получше? Наприм., вместо железной большой палки, называемой «ружьё», взять в правую руку палку деревянную, гораздо покороче и полегче, называемую «кисть», а то ещё деревянную палочку, ещё покороче и полегче, называемую «карандаш», и ими рисовать, и писать, и сочинять, и придумывать, и поправлять, и доканчивать что ни есть хорошее, и добропорядочное, и <интересное>. А то - бедные птицы и птички, которые должны, стремглав, головой вниз, лететь перед Вами мёртвые. Какая гадкость, какая мерзость!!!!

То ли дело, чтоб вы никогда - никогда больше до них всех не дотрагивались - что за дурацкая и скверная, бессердечная «забава»!! То ли дело, чтоб Вы занимались с утра до вечера настоящим делом, делом художества, - если только Вы в самом деле к нему способны, чего я, конечно, никакими судьбами, куда, отгадать не могу. Писали бы выношенные хорошенько, у Вас внутри, сюжеты, и давали им новую пластику и жизнь - вот это было бы чудесно. А то - стрельба какая-то паршивая и <гов...> - <чорту> ли в ней, на что она Вам! - Да, но вот это для меня большой вопрос и забота: есть у Вас настоящий талант и способность? Или вы только побалуετε-побалуετε, да потом бросите преспокойно, для какого-то совершенно другого дела?

Ведь первая молодость, а потом – возмужалые годы, ведь это же совсем разные статьи! И я столько сотен раз принужден был разочаровываться, терпеть немилосердное жёсткое крушение насчёт других!

Вот-то беда страшная.

В.В.С.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1318, 2 л.

14 мая 1897 г. СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Стасову ВВ.

(Фрагмент письма с иллюстрацией Н.К. Рериха)

Вверху справа стрелка и надпись:

→ «Моя комната, там работаю...»

Извара 14 мая 1897.

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич.

Спасибо за письмо, с благодарностью принимаю ваши пожелания, хотя именинник я 6-го декабря. Знаете, за чем Ваше письмо меня застало? – за

обдумыванием картины – из моих славянских сюжетлов, хотел набросать Вам эскизец, но потом решил умолчать; мало ли ещё какие изменения будут. Даю понять своим, что, если не позволят работать, я серьёзно из себя выйду и Университета, пожалуй, не кончу. Теперь самое время за краски взяться – насколько выкидыш ничего не стоит – настолько и переносенное никуда не годится. Вот okazия! Совсем было думал сказку писать, а вдруг славянская картина полезла – не удержать. Когда же Вы, Влад. Вас., моё божество распинать будете и «тощий грибной суп» расхлёбывать? как бы у меня была ложка – я бы помог. Совсем я тут мало о божественном думаю. Какою Вам представляется крыша славянской избы? Островерхую, соломенную?

Посылаю при письме вам снимок с картины неизвестного автора, изображающей «Труды Изографа Летописателя Николая Изварского». Пытаюсь объяснить в лучшую сторону (как при письме Репина) замысел художника, всё же не могу согласиться с изображением преподобного в светском платье. Чрезвычайно странно и неосновательно и, при всей оригинальности, подражания, согласитесь, отнюдь не заслуживает; хотя сами труды даже, пожалуй, понятнее, чем на картине Нестерова. – здесь преподобный на всех трёх трудится, да у него на одной просто посреди дороги стоит, к соблазну проезжающих.

Про охоту истинное слово вы сказали; я и сам не раз эту весну (к огорчению егеря) пропускал выстрелы, бог с ними, с птицами. Но зверовой охоты оставить не могу – слишком она исторична. Эх, кабы новую да соколиную завести.

Местный купец по моим рисункам изготавливает мне топоры, копья и мечи древнеславянские; и тем же примитивным с пособом, без напилка – молотом. Ручки у них были ли нарезные и раскрашенные? И из чего ножны у мечей делались, – кожаные? Как кожа выделялась? Или просто сушилась? Хочу колчан из барсучьей шкуры сделать.

Размеры картины 2 ½ x 1 ½ арш. На карандашном эскизе – уладилась сносно, а красок нема.

Куда думаете летом ехать? Или в Питере? Вот, думаю. жарко там было? Пекло. Лучше брошу писать, не то про картину напишу; а не хочется, если кто и посоветует – всё равно не послушаюсь. Скучно мне тут без добрых знакомых. Один приятель в Москву совсем уезжает на днях. Курбатов тоже картину напишет, да и тягу из Питера. Третий жениться собирается. Совсем один останусь.

Недели через полторы всё же надеюсь добиться своего и получить разрешение ехать за красками, тогда у Вас побываю непременно. Ещё раз за письмо благодарю и желаю всего хорошего.

Предан Вам крепко
Николай Рерих

Балт. ж.д. Станция Волосово. Мыза Извара.

Публикуется по изданию: Н. К. Письма к В. В. Стасову. СПб.: Музей-усадьба Н. К. Рериха в Изваре, ГТГ, Институт истории естествознания и техники РАН, 1993.

Из письма Н.К. Рериха от 14 мая 1897 г.:
«Размеры картины 2 ½ x 1 ½ арш. На карандашном эскизе – уладилась
сносно, а красок нема...»

Гонец. 1897. Набросок композиции к одноимённой картине.

ИЮНЬ

11 июня 1897 г.

Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В.

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич.

Недавно увидел я одну избу, которая, при сближении с юртой, кажется, подойдёт к славянской постройке. Для картины сочинил я следующие избы.

Крыша из жердей с двумя связями. Местами крыта тростником или соломой. Наверху жерди торчат. Дым идёт сверху.

Сам городок на холме, я думаю, может быть просмоленным (чтобы не гнил). Мне очень важно бы было знать Ваше мнение относительно избы. Так как по многим обстоятельствам мне в этом месяце в Питере быть не придётся, то не будете ли добры черкнуть мне об избе; может быть, также пришлёте статью⁸ бандеролькой?

Какое норвежское древнее погребение? В ладье, в кургане?

С нетерпением буду ждать Вашего ответа, если будете добры. Прошу простить моё невежество и причиняемое беспокойство; не сердитесь, пожалуйста.

Глубоко Вас уважаю и предан крепко Вам

Николай Рерих

Балтийская жел[езная] дор[ога]. Станция Волосово. Мыза Извара.

11.07.1897 г. Рук. отд. Института русской лит. РАН. СПб. ф.294. оп. 1. д.443, л. 12.

Фрагмент письма Н.К. Рериха к Стасову В.В.

12 Июня 1897 г. СПб.

Письмо В.В. Стасова к Н.К. Рериху

СПб. 12 Июня 1897 г.

Николай Фёдорович¹

Вы меня сильно порадовали рисунками древней русской избы. Хорошо! Очень хорошо! И знаете, со мною одобряет Вас, давеча, один мой приятель, который чего-нибудь да стоит: Ропет-архитектор. А у него великое чутьё ко всему национальному и народному, особенно ко всему древне-восточному, а значит, - древне-русскому, так как всё это поразительно! Вдобавок ко всему образному, (т.е. насчёт) верности ноты, взятой Вами в "избе" и "лодке-однодеревке", он ещё прибавил выражение своего удовольствия, как художника-рисовальщика, насчёт того, как, мол, свежо и свободно обе эти вещи нарисованы Вами. Что касается лично меня, то я был в большом восхищении, и начинаю думать, что Вы, пожалуй, и в самом деле сделати и надписать <имати> хорошее. Только, кажется, у Вас будут все хоровые массы, с большою этнографией, с историческим характером и подробностями, но вовсе не будет, или мало будет, отдельных личных выражений и всего психологического. Что ж! Это тоже не худо, если кто способен тут достичь чего-то ладного изрядного.

Подождём, посмотрим. Про всё варяжское и норманнское - мы поговорим позже, это предмет большой и сложный: я Вам покажу предметов и дам прочитать описаний - много.

Торопиться - вредно. Поверхностно будет. Больше на сегодня - некогда.

Ваш

В. С.

Тетрадки о Ге посылаю.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1319, 1 л.

¹ Так Стасов в письме называет Рериха. - Ред.

Н.К. Рерих. Извара, лето 1897.

«К осени же был готов и «Гонец» (писался он летом, в сенном сарае, в Изваре, всегда дарившей столькими здоровыми, хорошими переживаниями). Этой картиной, появившейся затем на отчётной академической выставке, художник обратил на себя всеобщее внимание («Гонец» тогда же был приобретён П.М. Третьяковым для своей галереи) и громко, и ясно заявил о своей уже сложившейся «художественной особи»...» (С.Эрнст «Н.К. Рерих»)

Былина Н.К. Рериха к серии "Начало Руси. Славяне".

Дремлет земля Святорусская
Закрывается туманом – пологом,
Вековую чащей оградилась,
Болотами да крепями опоясалась,
-Не пройти её, не объехать в три года,
Разметалась она из края в край,
Разбросалась от ночи до полудня, -
Дремлет земля Святорусская,

Чёрный ворон летит из поднебесья,
Сел вещун на высокий дуб, -
На высокий дуб, на раскидистый.
Каркает ворон не доброе,
Чует вещун свару горькую,
Свару, лихую усобицу:
Встанет род на род –
Будет ворону богатый пир.

Закипает лихая усобица,
Из лесов потянулись родичи,
Покрывают струги Ильмень-озеро,
Слышен клич боевой, зазвенел топор –
Кровь-руда полилася напрасная.

Радошны соседи недобрые!
Тесным кольцом опоясали
Русскую землю привольную
Финнская Емь, Водь. Ижора,
Чудь, Весь и Мера проклятая,
От восхода Мордва с Черемисою,
От полудня Хозары надвинулись,
Полунощные гости бродячие,
Удалые дружины варяжские,
В греки идут великим путём –
Водным путём, да волоком
Топчут земл'ю Святорусскую.
На богатство её на великое
Зарятся гости проезжие.
Устоит ли земля Святорусская? –
Словенские родичи врозь идут.

Ой, лежит над Русью глухая ночь,
Не видать на небе ни звёздочек,
Не видать ни месяца ясного,
Не плёскает рыба на озере,
Выпь не гудит над болотами,
Рысь молчит – притаилась; -
Топоры звенят по лесным долам,
Тетива поет и стрела свистит,
Зарево светит пожарное –
Лежит над Русью глухая ночь.

По рекам, озерам и заводам
Челноки наспех потянулись,
В городке на вышке повешены
Пуки соломы, горящие –
Окрест разнести вести важные.

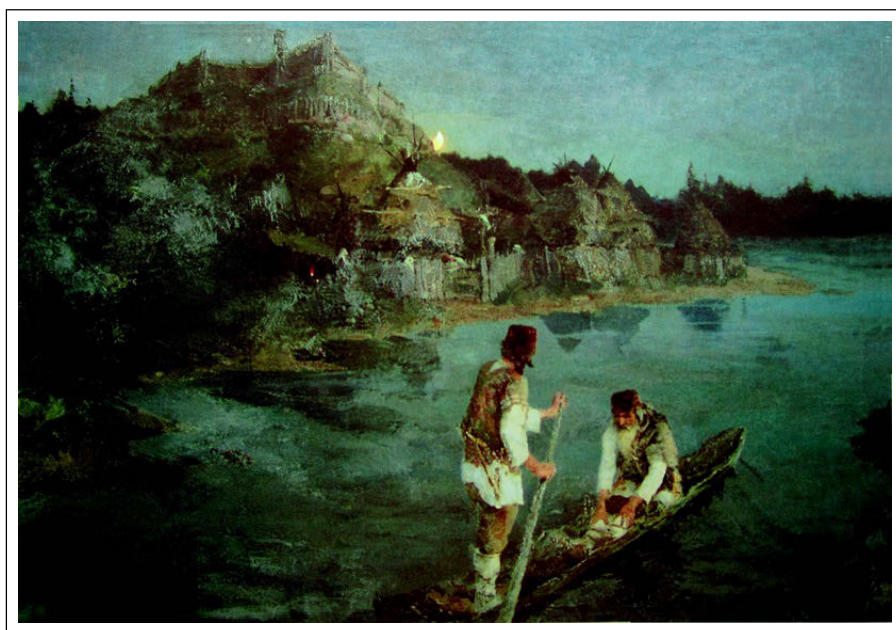
За далёким Перуновым озером
Среди леса стоячего древняго
Стоит над Яром высокий дуб –
Сварожич живёт под тем деревом.
Без Перуна без бога великаго
- Не вершится дело славянское.
Место под дубом утоптано.

Горит под дубом святой огонь.
К дубу собираются родичи:
«Стоять ли земле без хозяина?»
«Старцы» земли Новагорода
Соберутся под дубом раскидистым;
Ворон на дубе каркает –
на небе зоря разгорается,
Скоро Ярило покажется,
Засияет, блеснёт красно солнышко –
И проснётся земля Святорусская.

(См. Отдел рукописей ГТГ, ф. 1335, 2 л.) [1897 - 1898 г.]

Н.К. Рерих в своей мастерской. 1897 г.

Н.К. Рерих. Гонец. «Восста род на род». 1897. Холст, масло. 124,7 x 184,3 см.
Из серии "Начало Руси. Славяне".

ДРЕМЛЕТ ЗЕМЛЯ СВЯТОРУССКАЯ....

Черновой вариант былины Н.К. Рериха из архива ГТГ:

Дремлет

~~Снит~~ земля Святорусская ~~непробудным сном.~~
Закрывается туманом – пологом,

дилася

Вековой чащей ограждается,
Болотами да крепями опоясалась,
~~Поляницею могучею раскинулась.~~
Не пройти ее, не объехать в три года,
Разметалась она из края в край,
Разбросалась от ночи до полудня, -

Дремлет

~~Снит~~ земля Святорусская,
~~крепко снит.~~

Черный ворон летит из поднебесья,
Сел вещун на высокий дуб, -
На высокий дуб, на раскидистый.
Каркает ворон не доброе,
Чует вещун свару горькую,
Свару, лихую усобицу:

Встанет род на род –

Будет ворону богатый пир.

Закипает лихая усобица,
Из лесов потянулись родичи,
Покрывают струги Ильмень-озеро,
Слышен клич боевой, зазвенел топор –

Кровь-руда полилася напрасная.

Радошны соседи недобрые!
Тесным кольцом опоясали
Русскую землю привольную

Водь

Финнская Емь, √ да, Ижора,
Чудь, Весь и Мера проклятая,
От восхода Мордва с Черемисою,
От полудня Хозары надвинулись,
Полунощные гости бродячие,
Удалые дружины варяжские,
В греки идут великим путем –
Водным путем, да волоком
Топчут земл'ю Святорусскую.
На богатство ее на великое
Заряются гости проезжие.

Устоит ли земля Святорусская? –

Словенские родичи врозь идут.

Ой лежит над Русью глухая ночь,
Не видать на небе ни звездочек,
Не видать ни месяца ясного,
Не плéскает рыба на озере,
Выпь не гудит над болотами,
Русь молчит – притаилася; -
Топоры звенят по лесным долам,
Тетива поет и стрела свистит,
Зарево светит пожарное –
Лежит над Русью глухая ночь.

По рекам, озерам и за́водьям
Челноки наспех потянулись,
В городке на вышке повешены
Пуки соломы, горящие –
Окрест разнести вести важные.

За далеким Перуновым озером
стоячего
Среди леса стоячего древняго
Стоит над Яром ~~стоит~~ высокий дуб –
Сварожич живет под тем деревом.
Без Перуна без бога великаго
- Не вершится дело славянское.
Место под дубом утоптано.
Горит под дубом святой огонь.
К дубу собираются родичи:
«Стоять ли земле без хозяина»?
«Старцы» земли Новагорода
Соберутся под дубом раскидистым;
Ворон на дубе каркает –
на небе зоря разгорается,
Скоро Ярило покажется,
Засияет, блеснет красно солнышко –
И проснется земля Святорусская.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 1335, 2 л. [1897 - 1898 г.]

ИЮЛЬ

19 июля 1897 г.

Русский богатырский эпос. Как перевелись богатыри на Руси.
С эскиза Н. К. Рериха. Рисовал А. Курбатов. Автотипия Эд. Гоппе.

КАК ПЕРЕВЕЛИСЬ БОГАТЫРИ НА РУСИ

Эскиз Н. К. Рериха «Как перевелись богатыри на Руси» представляет собою знаменательный момент, заключающий древне-киевский богатырский эпос, целую богатырскую эпоху. Существует мнение, что былина эта — значительно позднейшего происхождения, чем прочие былины Владимиров цикла. Поводом к этому служит былина «Три поездочки Ильи Муромца», который, по некоторым пересказам, умер своею смертью, чем и оправдал известное предсказание калик-перехожих. Но мнение это едва ли основательно. Богатыри Владимиров периода дожили до первого нашествия Чингис-хана в 1223 году. До татар они имели дело с половцами и другими беспокойными, но сравнительно слабыми народами, и постоянные победы над этими врагами должны были вселить в них самоуверенность, дошедшую до самообольщения. И первые полчища новой и неведомой силы, накатившейся с Востока, наши богатыри не могли не встретить с тою же самонадеянностью, выразившеюся в словах вечного хвастуна Алёши Поповича:

«...Подавай нам силу хоть небесную:
Мы и с тою силой, братцы, справимся...»

За это-то самохвальство, по благочестивому воззрению народа, провидение и ниспосылает двух грозных воителей, которые, будучи разрублены пополам, только удваиваются числом и, наконец, наступают такой несметною ратью, что богатыри:

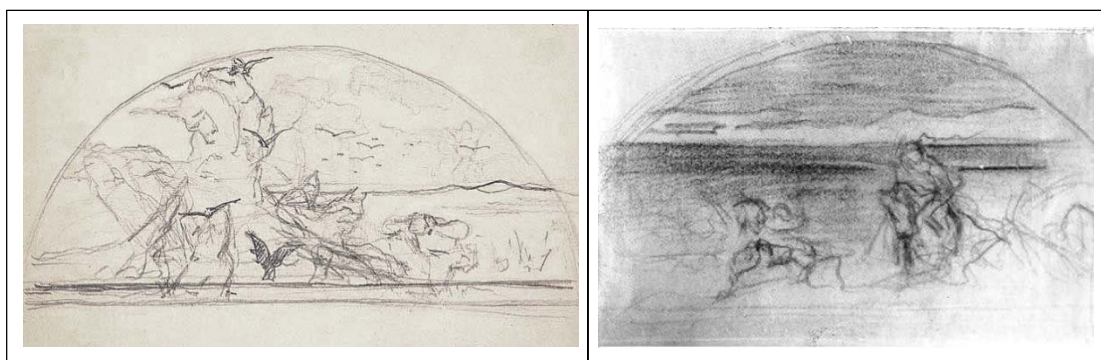
Билися три дня и три часа;
Намахалися их плечи молодецкие.
Уходилися их кони добрые,
Притупилися их мечи булатные.

А та сила всё растёт-растёт,
На богатырей боем идёт.
Испугалися могучие богатыри,
Побежали... и окаменели.

Главное внимание на эскизе сосредоточено на первопланной фигуре мёртвого богатыря, вскочившего на бугор и почувствовавшего, что силы его оставляют. Чувствуя смерть, клонится он к шее коня, не имея уже сил отогнать ворона, севшего к нему на шолом; другой ворон каркает сбоку. Конь и хотел бы назад, но ноги уже окаменели, и тщетно старается он оторвать их от земли. Перед конём лежит окончательно окаменевший богатырь, в виде истукана, схожего с каменной бабой. Вдали бежит один пеший, за ним ещё свалка идёт; в вечернем сумраке сверкает оружие; пыль, разметаемая вихрем, летит клубами, стаями несутся вороны. А на горизонте, как апофеоз, маячат вечно спокойные курганы, и надо всем царствует величавая багровая заря, придающая эскизу особый характер и настроение.

[Н.К. Рерих]

Всемирная иллюстрация. 1897. Том 58. 19 июля. № 4. С. 81, 84. Эскиз — с. 75.

Н.К. Рерих. Как перевелись богатыри на Руси.. 1895 г. Эскизы композиции для фрески.

Н.К. Рерих. Вечер богатырства киевского. 1896 г

31 июля 1897 г. СПб.

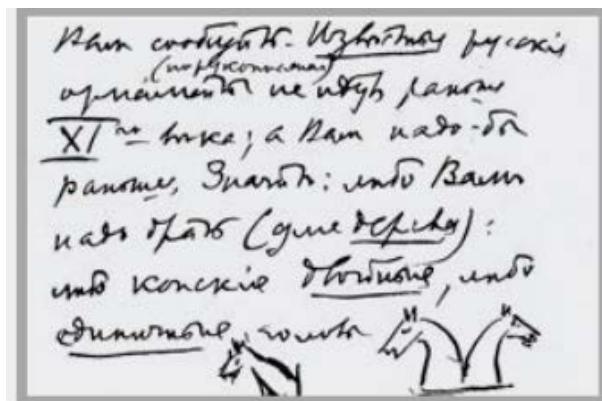
Письмо В.В. Стасова к Н.К. Рериху

С.П.Б. Публ. Б-ка

31 июля 97

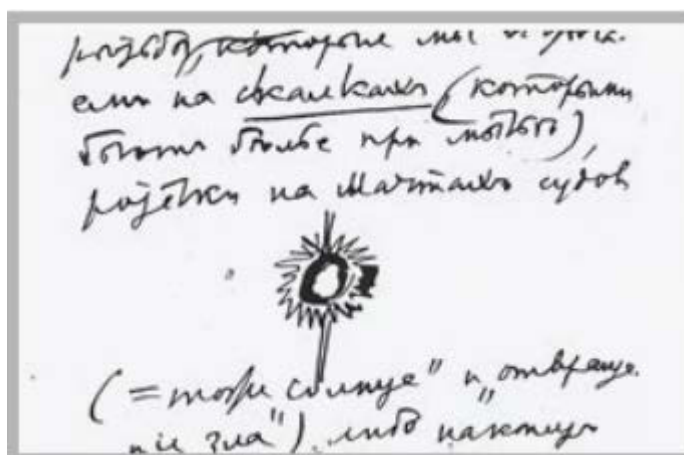
Многоуважаемый Николай Фёдорович²,

Вот как я поздно получил Ваше письмо о раме - а всё оттого, что долго оставался на даче. Я там писал и кончил свои статьи о Ге. Теперь жду корректуры VIII-й (последней) статьи. Но если бы я и раньше получил Ваше письмо, делу оттого не было бы лучше! Я всё равно ничего хорошего не мог бы Вам сообщить.

Фрагмент письма.

Известные русск. (по рукописям) орнаменты не идут раньше XI-го века; а Вам надо бы раньше. Значит: либо Вам надо брать (для *дерева*): либо конские двойные, либо *единичные* головы на коньках изб деревенских (это есть изображение *солнца, света* – пожалуй, вообще «божества», *доброжелательства, отращения зла*), либо это резьба на дереве, которые мы встречаем на скалах (которыми бьют бельё при мытье), розетки на мачтах судов

Фрагмент письма.

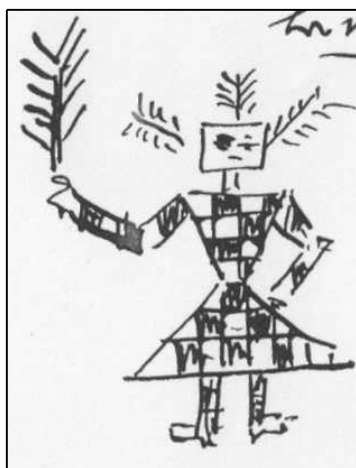
(тоже «солнце» и «отращение зла»), либо, наконец, «плетешки ременные», которыми наполнены рисунки всех древнейших наших рукописей (здесь тай-

² Так в письме Стасов называет Рериха. – Ред.

ный смысл = колдовство, заговоры). Наконец, – *вышивки красной ниткой на полотенцах.*

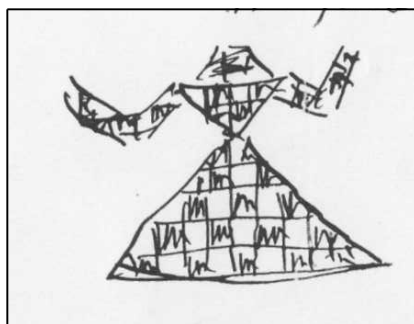
Лучше и достовернее Вы ничего не найдёте. Укажите, что Вы из всего этого пожелаете выбрать, я срисую или дам кому-нибудь срисовать, и тотчас пошлю Вам. Но, несколько лет тому назад, Ропёт нарисовал Репину, для «древне-славянской рамы» длинную полоску *«пожирающих друг друга драконов, чудовищ-зверей, и это было придумано очень хорошо и верно! Не сделаете ли и Вы то же самое? Будет верно! Или послать Вам образец такого рисунка, ещё чисто азиатского, из седой древности?*

Из рисунков полотенца прекрасно было бы сделать *жертвоприносящих - баб, в самой древней форме, с веточками в руках, напр.*

Фрагмент письма.

Платье – клетчатое, как у Малоазиатов ещё архаического времени, - или у наших малороссийских *<плахт>*. Впрочем, иногда юбки до полу.

Фрагмент письма.

Всего это – есть разнообразие *очень большое.* Ой, право, попользуйтесь полотенцами!! Хорошо будет! Ваш

В.С.

Много работаю.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1320, 2 л.

СЕНТЯБРЬ

19 сентября 1897 г.

Из протокола заседания Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества 19-го сентября 1897 г.

Под председательством С. Ф. Платонова присутствовали: С. А. Адрианов, Н. И. Барсов, А. П. Воронов, В. Г. Дружинин, бар. С. П. Корф, В. В. Майков, А. К. Марков, Н. Я. Марр, А. Е. Пресняков, Н. П. Павлов-Сильванский, кн. П. А. Путятин, Н. К. Рерих, С. В. Рождественский, бар. В. Р. Розен, С. М. Середонин, А. А. Спицын, Н. Д. Чечулин и А. Н. Щукарев.

I

Н. К. Рерих прочитал реферат о своих раскопках, произведённых летом 1897 года в Царскосельском уезде (мыза Извара). Обширные раскопки (7000 погребений) в С.-Петербургской губ. не дали пока возможности твёрдо установить тип и характер погребений древней воды и её древностей.

С этую целью необходимо исследовать северо-западную часть Петергофского уезда. Исследованные докладчиком каменные фигуры — могилы на мызе Извара, обнаружили следующий характер погребения: после полного сжигания зола собирается с кострища (на материке же) и отмечается двумя или четырьмя камнями (ромбическая фигура). Площадь фигуры забрасывается иногда мелким булыжником. Докладчик видит в этом некоторую аналогию с каменными клетками древних эстов, почему он и делает предположение о принадлежности этих фигурок древней воды.

А. А. Спицын возразил, что ввиду близкого сходства древностей близ Пюхтицы с древностями на остр[ове] Эзель, едва ли можно считать первые (пюхтицкие) за славянские, — они принадлежат воде. С. Ф. Платонов и кн. П. А. Путятин сделали несколько дополнений к реферату. <...>

III

Сделан был ряд мелких сообщений:

1) Н. К. Рерих дал описание некоторых холмов в С.-Петербургской губ., связанных с неясным преданием, что «тут собирались молиться». Отличительные признаки подобных холмов: близость воды и масса камня по поверхности. <...>

Протоколы заседаний Имп. Русского археологического общества за 1897 г. СПб. 1899.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Вып. I. СПб. 2004.

19 сентября 1897 г.

РЕФЕРАТ¹

Изварский могильник (предполагаемые погребения древней воды). О раскопках 1897 года в Царскосельском уезде

До сих пор в Санкт-Петербургской губернии в древней Водской пятине было вскрыто до 7000 различных древних погребений и притом приблизительно и одном районе, а именно на плоскогорье между Красным Селом и Ямбургом, захватывая песчаные лесистые верховья реки Оредежи и южные возвышенности с озёрами Вердугой, Сяберским, Черемнецким и другими. Казалось бы, такая солидная цифра могла бы обеспечить возможность более или менее точных и свободных определений и заключений, но, тем не менее, на некоторые небезинтересные вопросы результаты всех этих обширных раскопок ответа пока не дают. В центре Водской пятинны, которая, по замечанию исследователей, аналогично Обонежской пятине могла называться Водскою не потому, что была главным образом коренным местопребыванием воды, а может быть потому, что граничила с водью, в Царскосельском, Ямбургском и известной уже части Петергофского уезда по найденным древностям и по обряду погребения курганы были признаны славянскими. Из всех добытых древностей этого края может быть выделено в особую группу лишь небольшое количество предметов из раскопок в с. Мануйлово в северо-западной части Ямбургского уезда и д. Войносолово в западной части Петергофского уезда недалеко от с. Котлы, где водь, ватъялайзет, как известно, проживает и до сей поры. Большинство предметов сходны с находками из Эстляндии, Финляндии, Швеции, острова Готланда, некоторые, как, например, витые браслеты, подвески-уточка, височные кольца и несколько подвесок-бляшек, имеют русское происхождение.

Дневник раскопок не сохранился, так что устройство Мануйловских курганов остаётся неизвестным. В Пюхтице за Наровою в 1892 году профессором Висковатовым были найдены предметы, схожие с мануйловскими; сущность же конструкции курганов была такая же, как и в Царскосельском уезде, в признаваемых исследователем древнерусскими, т. е. курганы, высотой до 7 футов, так же оказывались иногда окружёнными валунами; костяки лежали головою на Запад и, кажется, на Восток на поверхности материка или в могиле. И по устройству и по древностям совсем такие же курганы раскопаны в Иннис близ Везенберга; по своему местонахождению они должны бы принадлежать эстам, но современные этим курганам эсты, как кажется, имели свой национальный обряд погребения — трупосожжение в каменных клетках. Кому же могли принадлежать Пюхтицкие и Мануйловские курганы? Конечно, может быть, и эсты наряду с трупосожжением в клетках практиковали славянский обычай курганного погребения. Вполне естественно, что и водь могла заходить за Нарову на эстонскую территорию.

---

¹ Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II – III. Самара. «Агни». 1999.

Издатель раскопок Л.К. Ивановского признаёт эти курганы нерусскими, но, кажется, при недостатке основательных доказательств, здесь может иметь место также такое предположение, что данные курганы оставлены всё же новгородскими славянами, особенно далеко углубившимися и, таким образом, вошедшими в ближайшие, родственные сношения с коренным местным населением. Нерушимо сохраняя дедовский обычай погребения в курганах, они, вследствие некоторой изолированности от остальных славян и сближения, родства с финнами, оставляют предметы, значительно отличающиеся от находок в несомненных славянских погребениях. Настоящему предположению не может мешать, что предметы, найденные при этом, относимы к XI веку; в Иннисе найден диргем X века; и не противоречит заключение господина Харузина, что пюхтицкие черепа вовсе не принадлежат финской расе, а должны быть приписаны какому-нибудь племени, жившему на грани меж двух культурных миров.

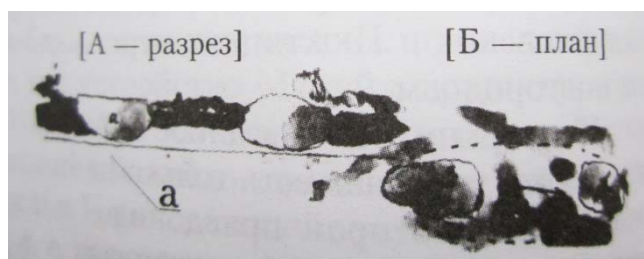
Профессор Петри о черепах из раскопок Ивановского и моих в курганах, признанных древнерусскими, заметил, подобно заключению господина Харузина, что тип их смешанный, так сказать, славяно-финский, и, во всяком случае, нет никаких признаков, по которым антрополог мог бы предпочтительно отнести их к славянам или финнам. К подобному же заключению должен был бы прийти антрополог, изучавший теперешнее население многих, по видимому, русских деревень этого края. Значит, со стороны антропологии, помощь которой, конечно, слишком относительна для археолога, нет препятствий к настоящему предположению о принадлежности Мануйловских и Пюхтицких курганов новгородцам.

Подчеркну, что сказанное сейчас об этих курганах есть только не лишённая некоторой правдоподобности, но всё же необоснованная догадка, как и всё предположенное о них до новых раскопок в этой местности, и, так или иначе, вопрос относительно погребений води остаётся пока совсем открытым, а между тем водь было племя, хотя небольшие и слабое, но всё же довольно определённое, и как бы рано оно ни подпало полному влиянию славян, всё же могли и должны остаться памятники, и которых проявляются оригинальные водские обряды и предметы водского быта. Пока же тип оригинальных водских погребений не установлен, происхождение многих курганов Санкт-Петербургской губернии будет находиться под сомнением, и о некоторых предметах трудно дать точное определение. Таким образом, ближайшим вопросом в местной археологии является: найти действительно водские погребения и этим разграничить заносный славянский элемент от коренного, местного. Находка водских погребений может отчасти осветить и другой немаловажный вопрос, а именно северо-западную границу поселений новгородских славян. Для этого надо с особою тщательностью и систематичностью начать обследовать места несомненных поселений води, т. е. северо-западную часть Петергофского уезда, вблизи Копорья и Котлов; местность очень мало, можно сказать, совсем неисследованную, за исключением 10 курганных групп, раскопанных Ивановским, дневники которых или слишком кратки, или вовсе не сохранились; обряд же погребения и предметы не дали особых отличий от основного типа окружных курганов, кроме поздних Предметов из Войносолова, выделенных в особую группу, и погребений в колодах близ деревень Кошкино и Слободка, причём неизвестно, основные ли то погребения или впускные позднейшие. Кроме того, уже ближе к Петергофу, были вскрыты гос-

пожю Раевскою поздние погребения, быть может, ижоры. Других зарегистрированных раскопок в этой местности неизвестно.

Этим летом я намерен был начать розыски водских погребений в Петергофском уезде, но по некоторым обстоятельствам не мог начать их, и кроме того, одна моя находка этого года в районе моих прежних раскопок, по-видимому, имеет некоторое отношение к настоящему вопросу и может пригодиться при следующих работах.

**Санкт-Петербургская губерния, Царскосельский уезд, Сосницкая волость
Имение Извара, владение Госпожи Марии Васильевны Рерих.**

Длина могилы.....2 ½
Ширина могилы..... ¾
Глубина могилы..... ½

№ 1. Слой золы — 3 вершка. Зола смешана с землёй. Слой золы и угля выступает за пределы могилы. Вершина камня *a* обтёсана. Под золой грунт — песок.

Длина могилы.....2 ½
Ширина могилы..... 2
Глубина могилы..... ½

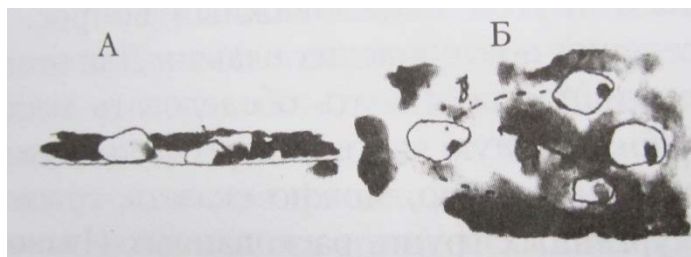
№ 2. Слой золы — 2 вершка. Зола без земли. По-видимому, могила не засыпалась — зола местами забросана булыжником. Чёрный пласт — наносный перегной. Зола выступает за пределы могилы.

Длина могилы..... 1
Ширина могилы..... ½
Глубина могилы..... ½

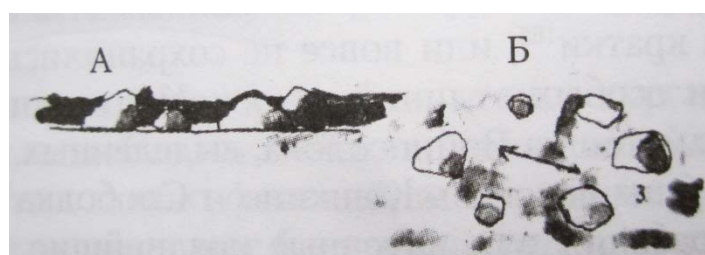

№ 3. Слой золы — 1 вершок. В данном случае ширину могилы установить трудно, так как она не ограничена камнями, а слой золы, как и во всех могилах, выступает за пределы её.

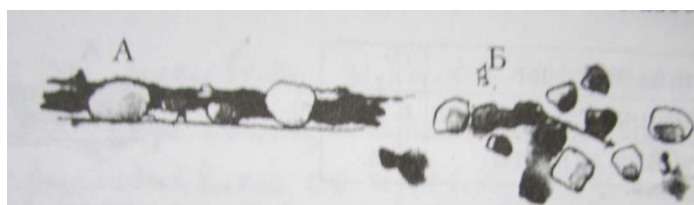
Длина могилы..... 1 $\frac{1}{4}$
 Ширина могилы..... $\frac{3}{4}$
 Глубина могилы..... $\frac{1}{2}$

№ 4. Слой золы — 1 вершок.

Длина могилы..... 1 $\frac{1}{4}$
 Ширина могилы..... $\frac{3}{4}$
 Глубина могилы..... $\frac{1}{2}$

№ 5. Слой золы — 1 вершок.

Длина могилы..... 1 $\frac{1}{2}$
 Ширина могилы..... $\frac{3}{4}$
 Глубина могилы..... 6 в.

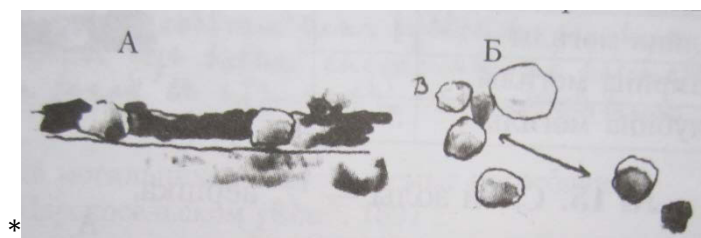
№ 6. Слой золы — $\frac{1}{2}$ вершка.

В золе обнаружены следы ржавчины и как бы остатки (мелкие) железа, при высыхании рассыпавшиеся.

Длина могилы..... 1
 Ширина могилы..... $\frac{3}{4}$
 Глубина могилы..... 6 в.

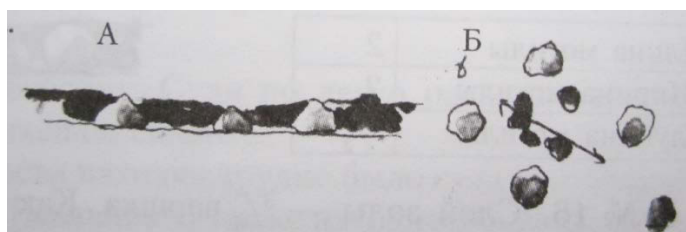
№ 7. Слой золы - 1 вершок. Камни, как и во многих других, поставлены острыми концами наверх. Ширину могилы можно установить только границей более толстого и чистого зольного слоя. Фигура этого слоя - неправильный овал.

*

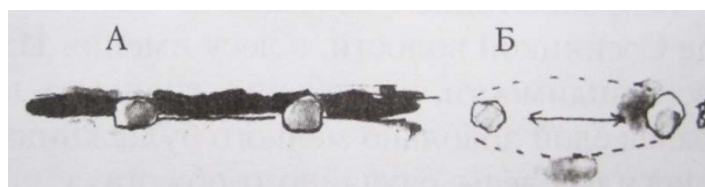
Длина могилы..... 1 $\frac{1}{4}$
 Ширина могилы..... 1
 Глубина могилы..... $\frac{1}{2}$

№ 8. Слой золы - $\frac{1}{2}$ вершка.

Длина могилы..... 1 $\frac{1}{4}$
 Ширина могилы..... 1 $\frac{1}{4}$
 Глубина могилы..... 7 в.

№ 9. Слой золы - $\frac{1}{2}$ вершка. Между золой и грунтовым песком замечены следы глины. Не было ли обмазано основание могилы?

Длина могилы..... 1 $\frac{1}{2}$
 Ширина могилы..... 1
 Глубина могилы..... $\frac{1}{2}$

№ 10. Слой золы - вершок. Камни основания углублены в грунт.

Длина могилы..... 1
 Ширина могилы..... $\frac{1}{2}$
 Глубина могилы..... 7 в.

№ 11. Слой золы – 1 ½ вершка.

Длина могилы..... 1 1/4
 Ширина могилы..... 3/4
 Глубина могилы..... 6 в.

№ 12. Слой золы – ½ вершка.

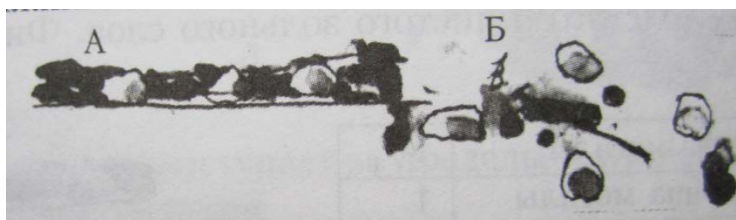
Длина могилы..... 1/2
 Ширина могилы..... 6 в.
 Глубина могилы..... 6 в.

№ 13. Слой золы – 1 вершок. В западную сторону слой золы продолжается одинаковой толщины, постепенно давая большое количество угля и смешиваясь с землёю.

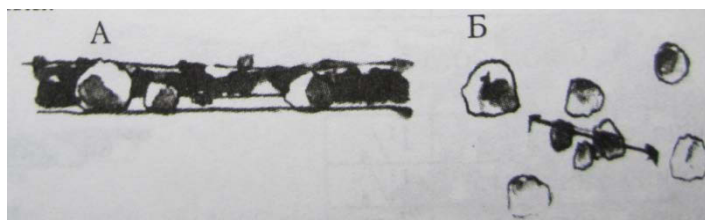
Длина могилы..... 3/4
 Ширина могилы..... 1 1/2
 Глубина могилы..... 6 в.

№ 14. Слой золы – 1 вершок. Камни основания неправильно обтёсаны, сложенные вместе дали один булыжник.

Длина могилы..... 1
 Ширина могилы..... 3/4
 Глубина могилы..... 5 в.

№ 15. Слой золы – $\frac{1}{2}$ вершка.

Длина могилы..... 2
Ширина могилы..... 2
Глубина могилы..... $\frac{1}{2}$

№ 15. Слой золы – $\frac{3}{4}$ вершка. Как в № 2 и 6 ближе к центру лежит камень бóльших размеров, как и угловые.

В прошлогоднем сообщении я упоминал о находке в Царскосельском уезде Сосницкой волости, в лесу имения Извара, одиночной каменной фигуры, по всей видимости, погребения, сущность которого была в том, что подо мхом оказался слой довольно мелкого булыжника, из которого некоторые [булыжники] носили следы случайного обжога, т. е., я хочу сказать, они, значит, были набросаны на золу после огня и даже на золу, может быть, уже почти остывшую. Непосредственно под булыжником обнаружилась зола, неправильным слоем толщиной до 2 вершков. Под золою оказался песок материк, не носивший на себе признаков огня. Очертания формы зольного слоя неправильные, но приближаются к четырёхугольнику. Глубина, т. е. расстояние от верхнего мха до песка материка, не превышала 6 вершков. Размеры каменной настилки были: длина 2 арш., ширина $1\frac{1}{2}$ арш. Форма настилки была ромбическая; четыре угольных камня торчали надо мхом — по ним могила и была найдена. На Восток и на Запад лежали два валуна особо большой величины. Древностей никаких не оказалось. Слой золы продолжился за черту могилы в северо-восточную сторону, и на 1 арш. от неё обнаружилось кострище, с которого зола могла быть перенесена в могилу. Кострище дало мелкие угольки и бесформенные остатки перегорелых косточек, по-видимому, человеческих. Судя по легко раскалявавшимся камешкам и по почве, огонь был довольно силён.

Ввиду случайности и одиночности находки трудно было сказать о ней что-либо. Предположению о жальнике [жальники] также находятся в этой местности) мешало полное сожжение. Единственно, в факте сожжения, перенесения золы с кострища и ограждения камнями, хотя на иной манер, некоторое сходство можно было найти с трупосожжением в каменных клетках древних эстов.

Этим летом я, проходя по лесу недалеко от указанной прошлогодней находки, обратил внимание на еле заметные вросшие в землю валуны, расположение которых мне показалось симметричным. При раскопке была открыта целая группа каменных фигур, аналогичных только что описанной.

Эстонский погребальный обряд состоял в том, что производилось сожжение трупа в наряде, оставшаяся зола с вещами сносилась в определённое место, где и обставлялась камнями, образуя с камнями соседних погребений какую-нибудь геометрическую фигуру, четырёхугольник, треугольник или что-нибудь подобное в этом роде. Зола собиралась на поверхности материка и

большую часть забрасывалась грудой мелкого камня. При новом погребении зола и каменная обкладка присоединялись к предыдущим, и таким образом из подобных каре различной величины вырастала очень сложная фигура, разобраться в которой подчас очень трудно. Ввиду некоторой толщины зольных слоев неизвестно, каждая фигурка служила ли местом одного погребения или нескольких. Так что эстонские могильники всегда представляют связную фигуру.

Внешний вид найденного мной могильника, если только это могильник, был следующий: в значительном лесу, представившем немалые затруднения при раскопке, на пространстве $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ десятины кое-где торчали едва заметные сверху булыжники, где по четыре, образуя ромбическую фигуру, где только по два. Площадь могильника отчасти поросла малиной, любящей, как известно, зольную землю. Каменные фигуры разбросаны без всякой системы на расстоянии 5-15 шагов. На Восток и на Запад с некоторым неизбежным отклонением лежат валуны особенной величины. Камни поставлены предпочтительно острыми концами кверху. В одном случае два краевых камня, сложенные [вместе], дали один валун; в другом — у западного камня вершина оказалась стёсанною, осколки её оказались под самым камнем среди золы. Всех могил я насчитал до 24; место это в общем довольно каменистое, так что при внешнем осмотре легко принять за могилу два камня, лежащие в случайной симметрии, тем более что величина каменных фигур очень разнообразная. Всего исследовано было 16 каменных фигур, наиболее хорошо сохранившихся и тщательно устроенных. Длина фигур колеблется между $2\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{2}$ арш., ширина между 2 арш. и 6 вершками. Глубина, т. е. расстояние от линии горизонта до материка песка, - от $\frac{1}{2}$ арш. до 5 вершков. Подо мхом и верхним наносным перегноем показывались мелкие булыжники, набросанные на площади могилы, или же в случаях, если булыжников этих не было, то прямо зола, лежавшая неправильным, но плотным слоем различной толщины от 3 вершков до $\frac{1}{4}$ дюйма. Под этим слоем золы сейчас же показывался грунт — жёлтый песок, иногда носивший следы обжога, слишком незначительного для влияния костра. В одном случае поверх песка были следы тонкого слоя глины, площадь могилы могла быть обмазана ею; на глине следов обжога не видно — значит, зола насыпана уже значительно остывшая. Камни, составляющие обкладку фигуры, носят местами следы обжога, но неправильного с внутренней стороны, как это бывает в очаге. Некоторые из настелочных булыжников тоже обожжены и легко раскалываются, но далеко не все — значит, среди этих камней сожжения не было, а они поставлены после огня, обожжены же могут быть случайно на соседних кострищах. Слой золы почти никогда не ограничивается площадью, обложенною камнями, а выступает далеко в стороны, обнаруживая кострища, на которых остался мелкий уголь, тогда как в каменных фигурах везде почти чистая, плотная зола. Камушки, попадающиеся на кострищах, очень пережжены и носят следы сильного огня, равно как и материк песок. Среди угля кострищ были замечены жёлто-серые мелкие остатки костей, по-видимому, человеческих. В самих же фигурах ни костей, ни древностей не найдено. В одной лишь могиле были замечены бесформенные кусочки сварившегося железа, при высыхании развалившиеся. Во многих местах между фигур были взяты ямки, и очень часто под верхним перегноем оказывалось большее или меньшее количество золы и угля, так что как бы почти вся площадь была покрыта когда-то сожжениями. Песчаный грунт, оказывавшийся

непосредственно под золою, заставляет думать, что нарочно была выбрана подходящая песчаная площадка, так как подобные песчаные плешины, чуть прикрытые тощим дёрном, встречаются и теперь. Лес мешал прорезать всё место правильными траншеями или пройти на перевал. Я хотел было исследовать золу из этих каменных фигур, но вследствие находки остатков костей на соседних кострищах можно заранее утверждать о нахождении и составе её извести и фосфорных соединений.

Таким образом, насколько можно судить по этим немногим погребениям, общая картина должна получиться такая: на песчаной площадке совершается полное сожжение, наиболее чистая зола собирается в кучку и отмечается двумя валунами на восход и закат, в другом случае зола, дабы не развеивалась ветром, забрасывается ещё несколькими меньшими булыжниками. Так что собственно могилы в буквальном смысле не было. В двух погребениях среди золы заметна земля; принимая во внимание сравнительную толщину зольного слоя и медленное нарастание золы, даже после очень больших костров, можно предположить, что одна каменная фигура могла служить по несколько раз.

По всей местности мне известен только один подобный могильник, хотя их могло быть и много, но сохраниться они могут лишь по лесам, так как по малой глубине погребений при распашке полей всё должно было уничтожаться; кроме того, камни могли разбираться на хозяйственные нужды, а зола, конечно, не могла обратить внимание крестьян.

Кто мог оставить такой могильник? Никакой параллели нельзя подобрать, кроме общего факта сожжения, подобного эстам, но подробности совершенно несходны. К славянам его отнести тоже никак нельзя.

Может быть, этот могильник, т. е. опять-таки, если это могильник, оставлен каким-либо неизвестным нам, рано вымершим племенем, но невольно является предположение, не могут ли эти каменные фигуры быть оригинальными погребениями древних вожан, особенно же наталкивает на это некоторое сходство с погребальным обычаем соседей эстов. Немного странно отсутствие предметов и костей в самих фигурах. Но плотная, чистая зола доказывает, что сожжения производились начисто, а отсутствием предметов известны целые огромные курганные группы, это могло быть не просто случайностью, а общим обычаем. Конечно, без предметов нельзя сказать что бы то ни было определённое, но во всяком случае, как кажется, настоящая находка является новинкой в археологической литературе, и при дальнейших работах в Петергофском уезде [её] надо иметь в виду, подвергая особенному осмотру леса, как единственные места, где подобные памятники могли сохраниться неразрушенными.

В курганных группах, относимых к XIII и XIV векам, довольно часто приходится встречать среди курганов погребения в могилах без насыпей - переход к жальнику. Настоящие жальники, где насыпи совсем не встречаются, в данной местности (Царскосельский уезд) почти не замечены, поэтому следует отметить остатки жальника близ деревни Реполка, Сосницкой волости.

Жальник весь разрушен крестьянами, воспользовавшимися массой находившегося на нём камня и песку для починки дороги. Услышав, что там в прежние годы выкапывали древности, я поехал туда и на месте жальника нашёл огромную песочную яму шагов более сотни диаметром. По краям торчали булыжники, под ними зольная земля. Около одного края была замечена

правильная кладка — оказалось, что это край разрушенной могилы. Под тройным чрезвычайно плотно выложенным булыжным сводом замечены остатки полусгоревшего дерева и зола. Глубина могилы была до 1 $\frac{1}{4}$ арш. Затем шёл красный песок. Сверху камней тоже была зола — может быть, новейшего происхождения. По словам крестьян, копавших на этом месте песок, все могилы или, как они их называют, *могилы* тщательно выложены камнем. Внешняя форма, насколько можно выяснить из расспросов, была овальная или круглая, арш. в 2 $\frac{1}{2}$. На глубине от 1 до 2 арш. были находимы черепа и прочие кости, довольно хорошо сохранившиеся. Другие находки, как говорят, состояли из браслетов (витым пряжек, бляшек и картечин, т. е., вероятно, бус или бубенчиков, - крестьяне думают, что здесь «проходила война»; самое же место называется Немецким кладбищем.

Затем позволю себе обратить внимание на следующие фантастические курганы. Один такой курган я наблюдал в 1894 году. Несколько лет назад на берегу лесной речки **Хмеленки** Царскосельского уезда крестьяне нашли сопку, вышиною около сажени, которую и решили раскопать, в надежде отыскать клад. Судя по их рассказам, внутреннее, к тому же тщательное, устройство кургана было приблизительно следующее: он состоял из последовательных пластов перегноя, свода камня булыжника, песка речного [хвещу (как они называют крупный речной песок)]. На глубине 1 $\frac{1}{2}$ арш. с поверхности земли, а с вершины кургана, значит, около 4 $\frac{1}{2}$, арш., наткнулись на куски сгнившего дерева, по их уверениям, с какими-то заметками, там же попадались довольно крупные камни. Под остатками дерева оказался ключ, быстро заливший яму и прекративший дальнейшую работу. Побывав у этого ключа, известного теперь под именем **Серебряного**, я нашёл на месте кургана яму, глубин[ой] аршина 2, диаметром более сажени, наполовину наполненную водою. Откачав насколько можно воду, заглушая ключи, открывшиеся то там, то тут, попробовали взять ещё глубже. Вытащив со дна несколько булыжников, выкидав довольно много земли, ощупали, наконец, какое-то дерево, оказавшееся полусгнившей толстой тесиной длиной аршина 1 $\frac{1}{2}$. Вытаскивая доску, потревожили ключ, начавший бить с такой силой, что работу нельзя было продолжать. Я предположил, что, вероятно, курган был с трупосожжением, давшим немного золы, потому и не замеченной кладоискателями. Одно оставалось необъяснимым — это находка тесины, которую я пытался считать позднейшего происхождения, как принесённую копальщиками для укрепления сползавших глинистых берегов ямы, хотя по внешнему виду дерево должно было пролежать в воде очень немалое время. В настоящем году крестьяне, словам которых можно дать веру, рассказывали, что лет 10 назад в 8-9 верстах от Серебряного ручья был также раскопан курган, внутреннее устройство которого тоже состояло из последовательных слоёв булыжника, выложенного сводом, песку, глины, а в конце концов находятся полусгнившие плахи, которыми, как оказывается, заглушён ключ - быстрый подъём воды прекращает работу. Какие же это такие курганы, [сооружённые, и притом с некоторою тщательностью, над ключами]?

Александр Андреевич Спицын хотел объяснить их, приводя в параллель многие святочитимые места, например, ямы, которым всякий прохожий считает долгом оказать внимание - бросить в них что-либо - камень, ветку, палку; некоторые ямы, между прочим, сливуют бездонными, так как бросаемые предметы оседают, сгнивают и яма всё не заполняется. Может быть, такого же происхождения была яма, верстах в 15 от рассматриваемых курганов, про ко-

торую писал в "Известиях" за 1880 год Ивановский, что «тут же (т. е. в **Кали-
тине**. – Н.Р.) показывают глубокую яму, на дне которой, говорят, есть сруб из
чрезмерно толстого леса, внутри которого находили копья, топоры, мечи и др.
Теперь там яма, вследствие различных суеверий завалена множеством валу-
нов».

Ввиду правильного устройства курганов и значительной высоты до 1 саж.,
вряд ли можно представить, чтобы они образовались через случайное набра-
сывание различных предметов, но что эти ключи были местом священным,
почитаемым, это весьма вероятно; при набеге соседей или вследствие каког-
либо обычая могла явиться необходимость скрыть их. В народе же существует
рассказ, что в ключи опущен клад и над ним сооружён курган.

*Афтограф. РА ИИМК, ф. 1, № 54/1897, л. 8, 17, 16, 17 об., 18, 7 об., 19, 14, 9, 14 об., 10, 11, 12 об., 11
об., 13 (л. перепутаны при подшивании в д.).*

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II – III. Самара. Изд. «Агни». 1999.

Н.К. Рерих. Могила при деревне Подлипье. 1899. Рисунок.

ОКТЯБРЬ

Протокол заседания Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества 23-го октября 1897 года.

Под председательством С.Ф. Платонова присутствовали: А.Ф. Бычков, В.Г. Глазов, А.В. Комаров, Н.П. Павлов-Сильванский, Н.К. Рерих, С.В. Рождественский, С.М. Середонин, А.А. Спицын; гости: г. Гусев и Н.О. Шпаковский. <...>

II

А.А. Спицын описал произведённую им летом 1897 года раскопку скифского кургана близ д. Башмачки Екатеринославского уезда, недалеко от Днепровских порогов, указал на отсутствие систематической группировки так называемых скифских курганов по типам. Со своей стороны, г. Спицын предложил для этих курганов следующую схему: 4-3 в. – Куль-Оба и Александропольский курган, 3 в. – Чертомлык и другие Екатеринославские курганы, 2 в. – Ржановка, 1 в. до Р.Х. – Роленские курганы, 2 в. Гнилицы. Схема эта имеет главной целью определить хронологическую последовательность скифских курганов, а точное определение времени каждой группы находится в зависимости от решения вопроса, к какому времени должны быть отнесены древности кургана Куль-Оба.

Н.К. Рерих поднял вопрос, кем расхищен курган у д. Башмачки, - современниками-строителями кургана или это сделано в позднейшее время? По мнению А.А. Спицына – современниками....

Протоколы заседаний Имп. Русского археологического общества за 1897 г. СПб., 1899.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике 1891 – 1918. Выпуск I. СПб. 2004.

НОЯБРЬ ХРОНИКА

(Вчера, 4-го ноября)

Праздник художников

Ежегодно, в течение вот уже 140 лет, день четвёртого ноября ознаменовывается выпуском группы художников: живописцев и архитекторов с дипломами в кармане и розовыми надеждами на будущее. <...>

Настал, наконец, и самый интересный момент: объявление фамилий, удостоенных звания художника. Их оказалось немного.

Из мастерской А. И. Куинджи: К. Богаевский, А. Борисов, К. Вроблевский, Г. Калмыков, А. Курбатов, В. Пурвит, Н. Рерих, Ф. Руциц, А. Рылов, Е. Столица, Н. Химона и А. Чумаков.

Это всё пейзажисты, по жанру идут следующие <...>

По окончании собрания присутствующим предложено было осмотреть выставку ученических работ, размещённых в Рафаэлевской и Тициановской залах и по циркулевской галерее.

Петербургский листок. 1897. 5/17 ноября. № 304. С. 3.

5 ноября 1897.

Н. Кравченко

Выставка конкурсных работ Высшего художественного училища

Пейзажный отдел много сильнее и богаче, чем жанровый. Здесь несравненно больше разнообразия, самостоятельности и оригинальности. Такие произведения, как «При последних лучах» Пурвита, «Весна» Рущица, «Гонец» Рериха и «В саду» Столицы — вещи вполне мастерские и ничего общего не имеющие с теми пейзажными программами, которые писались раньше, при старых порядках Академии. Кажется, что в этом году ни в одном отделе право работать на конкурс на свою тему не выразилось так хорошо, как среди пейзажистов. Сколько новых мотивов, новых задач! Здесь действительно каждый из художников писал то, что хотел, что поразило и остановило его внимание. Один передаёт своё настроение, другой — красивый по краскам и освещению мотив, третий хочет перенести зрителя в далёкие времена начала Руси, времена постоянных войн славян с варягами, четвёртый, наконец, как то сделал г. Вроблевский, тащит зрителя на вершины Карпат и, подобно какому-нибудь волшебнику, открывает панораму горных вершин, покрытых снегом и озарённых розовыми лучами восходящего солнца. Каждая из этих картин имеет свою прелесть, почти каждая из них говорит о том, что автор владеет рисунком и ещё лучше колоритом, и что если есть между выставленными пейзажами вещи слабые, то это так же понятно, как и появление слабого произведения даже и у хорошего мастера. Хорошие картины пишутся нелегко, и трудно всем конкурентам написать всё только удачные вещи — это, конечно, одинаково относится как к пейзажистам, так и к жанристам. Пейзажный класс в этом году, вследствие ухода А. И. Куинджи, бывшего его профессором, остался без руководителя, но подготовка, полученная пейзажистами при этом профессоре, всё-таки была настолько серьёзна, что все они, как говорится, не ударили лицом в грязь.

Первое место, по мнению даже товарищей-конкурентов, отводится картине В. Пурвита «При последних лучах». <...>

Картина Н. Рериха «Славяне и варяги» уносит нас во времена давно минувшие, в эпоху начала Руси. В тихий, поздний вечер, когда ещё сумеречное освещение борется с лучами восходящей луны, по тяжёлой, почти заснувшей воде реки, в лодке, сделанной из одного куска дерева, плывут два человека; один, старик, сидит на дне её, другой, помоложе, стоя гребёт. Они плывут мимо ряда конусообразного вида изб, за которыми на пригорке возвышается род деревянного укрепления — городище. Настроения много, написана картина в красивом серебристом тоне.

Н. Рерих — художник, которого влечёт наша старина, наши былины, одним словом, то, в чём так сильно характеризуется старая Русь. На выставке есть ещё его же два небольших панно: «Гроб Святогора» и «Как перевелись богатыри на Руси»; первая вещь слабая, а вторая уже была выставлена в прошлом году...

Новое время. 1897. 5/17 ноября. № 7792.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике 1891 – 1918. Выпуск I. СПб. 2004.

6 ноября 1897.

Г. П. Анненков

**Выставка конкурсных работ учеников
Высшего художественного училища.**

В отделе жанровой и исторической живописи обращает на себя внимание не особенно большая по размерам, но прекрасно исполненная картина г. Рериха. Этот молодой, подававший и прежде большие надежды и одарённый несомненно крупным талантом художник остался верен избранному и излюбленному им направлению и в этот раз обогатил нашу историческую живопись крайне интересной по замыслу и мастерски исполненной картиной на тему «Славяне и варяги. Новгородские картины времён начала Руси». Картина г. Рериха представляет городище на берегу реки. Из-за строений таинственно и величаво выплывает полумесяц. Всё тихо. Природа уснула. Погрузились в безмятежный сон и жители городища. В одном только жильё ещё не спят: мерцает огонёк. По тихой, как бы застывшей реке плывёт ладья; в ней двое мужчин. Один из них гонец, несущий важную весть, что восстал соседний род и идёт войною на жителей городища... Смотря на эту картину, от которой веет такой тишиной и спокойствием, невольно ждёшь, что пройдёт ещё один момент, ладья причалит к берегу и, как только гонец сообщит свою весть, мигом восстанет всё селенье, запылают костры, и вся местность вокруг, озарённая непривычным ярким светом, проснётся от тихого, мирного сна... Раздастся призывный, воинственный клик, народ высыпет на берег и, севши в ладьи, взбороздит тихие воды реки...

От картины г. Рериха, как я уже сказал, веет покоем, тишиной. Всё в ней так жизненно правдиво; всё, что изобразил молодой художник, ни в чём не разнится с теми представлениями о старинных славянских городищах, какие у нас сложились. Изображённое им жильё — это прототип современных нам крестьянских изб, а частокол с кой-где развешанными конскими черепами напоминает о древнем обычае многих русских деревнях не только украшают кровли домов, но и внутренности изб около печи и по обеим сторонам красного угла, куда вешаются иконы.

Картина г. Рериха, безусловно, прекрасное произведение, доказывающее, что он вполне законченный художник и вдобавок принадлежит к числу тех немногих, которые не перестанут развивать свой талант и в будущем. Он быстро, заметно совершенствуется, что видно при сравнении этой картины с его прошлогодними, тут же выставленными эскизами, написанными им на темы русского былинного эпоса...

Мировые отголоски. 1897. 6/18 ноября. № 307.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике 1891 – 1918. Выпуск I. СПб. 2004.

16 ноября 1897.

Конкурсная выставка работ учеников Высшего художественного училища

Бросив взгляд на историю человечества, начиная с самой ранней доисторической эпохи, мы замечаем стремление человека создать искусство. Уже человек каменного века на кости или на роге вырезывает изображение мамон-

тов, оленей, полевых цветов — предметов, всего более его прельщавших или поражавших. Причину подобного стремления нужно искать во врождённой потребности людей наглядным образом выражать духовные и эстетические впечатления. В истории почти нет народа, который был бы чуждым этому стремлению и не пытался бы создать в формах, себе понятных и доступных, нечто вроде самостоятельного национального искусства. Чем выше интеллектуальная жизнь народа, чем выше его духовное и эстетическое развитие, тем более и более совершенными становятся и формы выражения этих идей.<...>

Переходя от этого краткого вступления к настоящему обзору, т. е. к теперешнему конкурсу учеников Высшего художественного училища, к молодому нарождающемуся поколению художников, нельзя не сказать предварительно несколько слов о влиянии школы, художественного образования. Все дороги, говорят, ведут в Рим. Может быть, это и верно, но жизнь коротка, а дорога — дальняя и трудная. Нужно искать пути кратчайшего.

Для отыскания этого кратчайшего пути нужны нам опытность и знания предшественников, нужны их указания, их помощь. Словом, нужны руководители, нужно художественное образование, нужная школа. В исканиях лучшего и яснейшего способа выражения идей более одарённые и чуткие люди находили для своего времени лучшую форму выражения, вследствие чего их влияние находило отклик и уделялось людям менее самостоятельным, менее опытными и даровитым. Вокруг «мастера» собиралась толпа его подражателей и последователей, которыми он руководил и над которыми главенствовал. Так нарождались школы. <...>

В нынешнем конкурсе участвуют ученики мастерских четырёх художников-руководителей — г[оспо]д профессоров: Репина, Маковского, Куинджи и Кузнецова. Прежде всего, обращают на себя внимание работы учеников профессора пейзажной живописи А. И. Куинджи. Поражает замечательно высокий уровень всей мастерской. Стольких так хорошо написанных пейзажей не было до сих пор ни на одном из предшествовавших конкурсах; и что замечательно — почти все ученики показали себя оконченными мастерами с большим пониманием технической стороны живописи, а ведь большинство писало картины впервые. Объяснения подобного явления нужно искать в профессоре-руководителе, который своими хорошими советами сократил, часто очень горькую, личную опытность молодых художников. Во всех работах чувствуется любовная отеческая помощь опытного талантливого художника, замечается чуткость, с которой профессор относился к каждому ученику, предоставляя ему быть самим собою. В сюжетах картин — бесконечное разнообразие. Вы видите море, горы, леса, холод зимних пейзажей, мрачность северных полярных морей, и солнце юга, и поэзию лунных ночей, и вид первобытного славянского городка; словом, не чувствуется внушённого стремления к известным излюбленным мотивам и сюжетам. Все остались индивидуальными, и все развились в смысле понимания задач и требований в живописи и окрепли опытностью хорошего наставника. Отрадное явление! Так понимаемая школа всегда даёт только хорошие результаты. Бесконечно нужно сожалеть, что заявивший себя в такое короткое время с самой лучшей стороны профессор-руководитель уходит из мастерской.

Живописное обозрение. 1897. 16 ноября. № 46. Воскресенье. С.130-131.

19 ноября 1897 г.

Об академической выставке

Академическая выставка ученических работ возбуждает очень много разговоров pro и contra. Впрочем, пожалуй, больше pro, чем contra. В залах Академии ежедневно собирается много публики, с видимым удовольствием осматривающей результаты ученических работ кистью и резцом...

Публика довольна... Повсюду слышатся одобрительные замечания, раздаются отрывки разговоров на темы, самые лестные для молодых художников, видны довольные лица людей, очевидно, ощущающих искренне наслаждение в прогулке по академическим залам.

Оно, несомненно, так и будет, а в особенности, когда молодые художники узнают, что довольна не только публика, но довольны и профессора, предъявляющие к их работам, очевидно, гораздо более строгие требования, чем масса посетителей выставки.

Мы имеем возможность сообщить юным талантам этот приятный для них факт после разговора с И.Е. Репиным и В.А. Беклемишевым.

У И.Е. Репина:

- Вы спрашиваете моё мнение о выставке? Я вам отвечу, но предупреждаю вас, я сам сознаю, что превращаюсь в этот момент в кулика, толкующего о собственном болоте... Каждый, кто внимательно осматривал выставку, согласится со мной, что она, безусловно, удачна, что некоторые ученики выставили работы, которые сделали бы честь даже совершенно законченным художникам... Возьмите Рериха или Борисова... Их картины говорят о безусловном таланте и о том, что этот талант получил правильное развитие хорошей школой...

0-0-

Петербургская газета. 1897. 19 ноября. № 318.

[Ноябрь 1897 г.]

Письмо И.Е. Репина к А.А. Куренному.

Дорогой Александр Аввакумович,

Спешу известить Вас о выставке учеников – много хорошего. Особенно отличились: Борисов +, Дудин +, Пурвит +, Мясоедов +, Богатырев + (Иван живою), Крайнев +, Вальтер +, Глущенко +, **Рерих** +, Рылов +, Врублевский, Рушиц +, Андреев, Пынеев. Подчёркнутые мною поедут за границу на каз. счёт, прочие получили звания; звёздочки поставлены мною тем, у кого вещи особенно интересны. Борисов едет на Север – получил субсидию от Министерства Финансов.

Очень радуюсь, что Вы работаете над световыми эффектами.

Юра делает успехи и недурно пишет портреты; у него много заказов оттого, что он пишет их даром.

Портрет княгини у меня, я его и не трогал – темно теперь здесь; да и другое было на очереди.

Жаль, что вы не видели здесь скандинавской выставки. Теперь выставлены афиши.

Юра Вам очень кланяется и благодарит за поклон.

О летней поездке я ещё не загадываю, а думаю, нельзя ли на рождественских праздниках, проехать комп. в Новгород – зимой, думаю, очень интересно. Желаю Вам всего лучшего.

Ваш И. Репин

Отдел рукописей ГТГ, ф. 30/22, 1 л.

20 ноября 1897 г.

ХРОНИКА

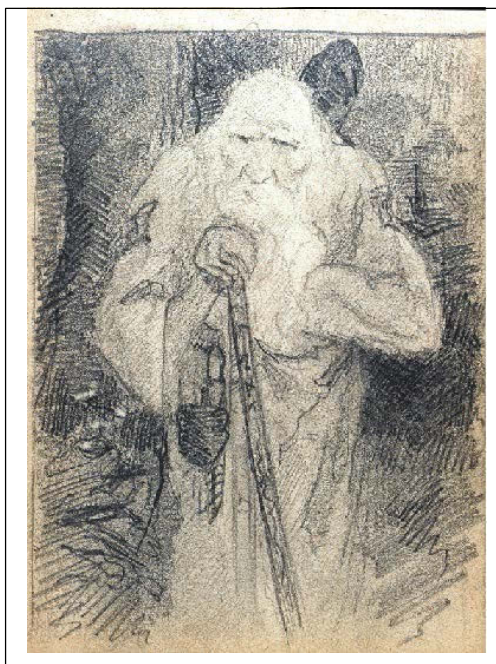
П.М. Третьяковым на выставке конкурсных работ в императорской Академии художеств приобретены следующие картины: акварель – В.Е. Пурвита (уч. проф. А.И. Куинджи); «Славяне и варяги» (новгородские мотивы времени начала Руси, «Городище. Гонец, восстал род на род») – Н.К. Рериха (уч. проф. А.И. Куинджи) и «Весна» Ф.Э. Рущица (уч. проф. А.И. Куинджи).

Московский вестник. Раздел Петербург. 1897. 20 ноября. № 319.

Из воспоминаний...

На конкурсную выставку приехал Третьяков. Наметил для Москвы Рущица, Пурвита и моего «Гонца». Было большое ожидание. Наконец, Третьяков подходит: «отдадите «Гонца» за 800 рублей» А он стоил тысячу, о чём говорить! Пришёл Третьяков ко мне наверх в мастерскую. Расспрашивал о дальнейших планах. Узнал, что «Гонец. Восста род на род» - первая из серии «Славяне». Просил извещать, когда остальные будут готовы. Жаль, скоро умер и серия*) распалась.

Н.К. Рерих «Начало» (1937.)

Н.К. Рерих. Ведун. 1897. Эскиз.

22 ноября 1897 г.

ВЕДУН

Этюд Н. К. Рериха²

Сколько бы ни тянулись бесконечные споры, сколько бы копий ни было преломлено, сколько бы нареканий и обвинений ни обрушивалось на художников в тенденциозности, безыдейности, чрезмерном "искусстве для искусства", во всех этих разногласиях единственной, не могущей возбуждать спора, так сказать, бесспорной отраслью искусства вообще, а в данном случае изобразительного искусства живописи - будет живопись ис-

---

² Очерк написан Н.К. Рерихом. См. *ОР ГТГ, Ф. 44/88, Л. 1.* – *Ред.*

торическая в самом широком смысле, т.е. включая в неё живопись религиозную, собственно историческую (имеющую в виду какое-либо определённое событие, достоверность которого основана на известном историческом источнике), историко-культурный или так называемый исторический жанр, сказочную и мифологическую. Эти виды живописи сами по себе должны стоять вне каких бы то ни было разговоров о тенденциозности или чём-либо подобном, так как со стороны сущности они никак не могут быть лишены идеи и в большинстве случаев идеи чистейшей, с другой же стороны, они настолько чудесны и полны привлекательности, что вряд ли сколько-нибудь настоящий художник (не протоколист и не копиист от искусства) подумает и решится навязать подобной теме тенденцию - монотонным, наставительным говором рассудка растоптать, погубить всю поэзию, обаяние исторического сюжета. В характерном историческом этюде художника-археолога Н. К. Рериха представлен тип старика ведуна - знахаря, кудесника. Волхвы, кудесники - играли немалую роль в древней Руси; летописец неоднократно упоминает о кудесниках и их чарах; Нестор призывает на помощь против них Священное Писание, прибегает ко всеобщей истории, дабы дойти до настоящей истины, но все его доводы оказываются тщетными перед жизнью, перед влиянием кудесников на народную массу. Вспомним хотя [бы] следующие места Нестерова писания: «В си времена приде Волхв, прельщен бесом; пришед бо Киеву глаголати сице, поведая людем, яко на пятое лето Днепру потещи вспять и землям проступати на ина места, яко стати Гречьской земли на Руской, А Русьской на Гречьской, и прочим землям изменится, его же неведгласи послушаху, вернии же насмежаются, глаголюще ему: "бес тобою играет на пагубу тебе"». Затем в Ростове был произведён мятеж волхвами, уверившими народ, что женщины во время голода держат в себе жито, мёд, рыбу. Как известно, и многие женщины были перебиты. Самое же классическое место о влиянии волхвов на юное русское общество XI века находится на стр. 77. Дело было в Новгороде. Явился волхв и стал уверять, что он пройдёт при всех по реке Волхву. «И бысть мятеж в граде, вси яша ему веру, и хотиху погубити епископа; епископ же взял крест и облекся в ризы, ста рек: "Ище хошет веру яти волхву, то да идет за ны; аще не верует кто, то ко кресту да идет". И разделишася надвое: князь бо Глеб и дружина его идоша и стаха у епископа; а людье вси идоша за волхва; и бысть мятеж велик межи ими. Глеб же взял топор, приде к волхву и рече ему: "То веси ли, что утро хошет быти и что ли до вечера?" Он же рече: "Все ведаю". И рече Глеб: "То веси ли, что хошет быти днем?" "Чудеса велика сотворю", - рече. Глеб же вынем топор, ростя и паде мертв и люди разидошася, он же (волхв) погыбе и телом и душею, предався дьяволу» (Лавр. Лет. стр. 77-78). При чтении подобных мест у летописца становится ясным огромное значение волхва, кудесника в тогдашнем быту. Изображение подобной сильной природы, способной запугать, увлечь за собою массу, даёт нам молодой, талантливый художник в настоящем, свободно написанном рисунке со своего этюда.

[Н. Рерих]

Всемирная иллюстрация. 1897. Т. 58. 22 Ноября, № 22. С. 22. Этюд - с. 509.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике 1891 - 1918. Выпуск I. СПб. 2004.

29 ноября 1897 г.

УТРО БОГАТЫРСТВА КИЕВСКОГО

К эскизу фрески Н. К. Рериха

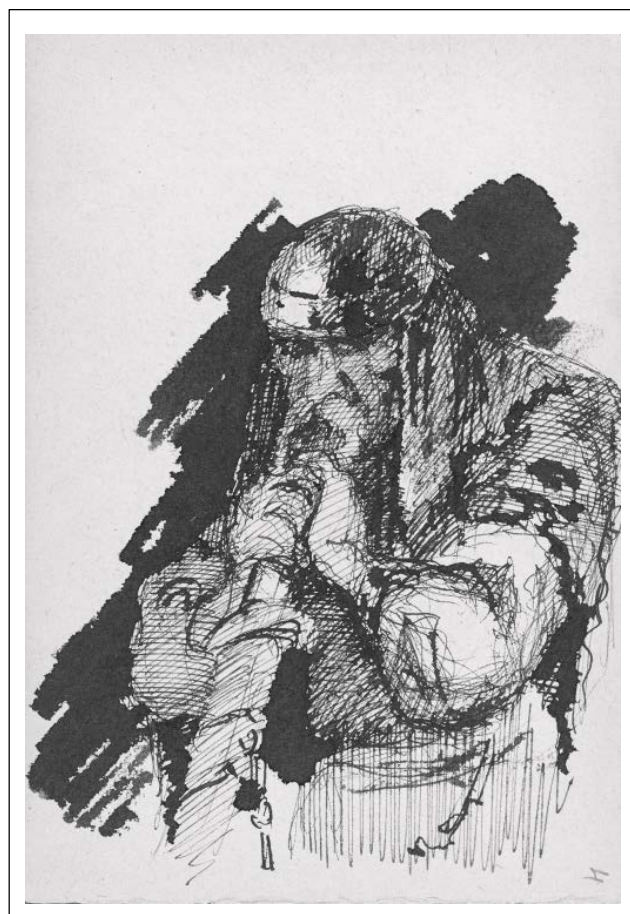
Н.К. Рерих. Утро богатырства Киевского. 1897.

Русский народный эпос. Илья Муромец едет от гроба Святогора. Эскиз фрески Н. К. Рериха. Автотипия Эд. Гоппе. С.-Петербург. Выставка конкурентов Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств 1897 года.

В одном из номеров «Всемирной иллюстрации» за прошлый год был помещён рисунок с эскиза молодого художника-археолога Н. К. Рериха «Как перевелись богатыри на Руси», представлявший собою знаменательный момент, заключающий древне-киевский богатырский эпос, когда богатыри, в порыве самонадеянности, вступили в бой с силой небесной, испугались её, побежали и окаменели. На выставке работ учеников мастерских в залах Императорской Академии художеств Н. К. Рерихом (ученик мастерской профессора А. И. Куинджи, ныне покинувшего Академию) выставлен был в прошлом году эскиз, рисующий не менее знаменательный момент из эпохи богатырства киевского. Если «Как перевелись богатыри на Руси» — вечер богатырства киевского, - говорит сам художник, — то теперешний эскиз будет «Утром богатырства киевского», переходным моментом от богатырства старшего, представителем которого являлись Святогор, Сухман, Полкан, Микула и др. Святогор — это богатырь-стихия, титаническая мировая сила. В лице его изображён самый первоначальный период русской земли, не сложившейся, не окрепшей. Святогор — представитель стихийных начал, брожений, кочевья, титанических подвигов; а при наступлении новой эпохи устоявшейся земли, сложившегося мира народа, при появлении оседлости — Святогор обрекается на неподвижность, умирает: ибо сложившаяся уже земля крепче, твёрже стихии. «Наехали (Илья Муромец и Святогор в Святых горах) на чудо чудное, чудо чудное, да диво дивное: осередь пути великий гроб стоит, красным золотом повыложен, а на крышке надпись да подписана: на кого состроен сей великий гроб, на того он и поладится». Святогор ложится в гроб и закрывается крышкою, а та крышечка изволом Божиим сораслась со гробом во одно место. Пробовал Илья оторвать крышку, говорит Святогору: «Ты послушай-ка, мой больший брат, не могу открыть я никакой доски». «Брался старый за тот славный святогоров меч, со сырой земли не мог меча поднять». Святогор дунул на Илью богатырским духом, «и почуял старый, как в нём силушки втрое прежнего при-

бавилось». «Стал рубить по крышке по гробовой: от ударов от великих искры сыплются, а куда ударит богатырский меч - там железный обруч ставится». Ничего не поделать, и Святогор говорит Илье: «Видно, тут мне Бог и смерть судил...» Тут простился старый со богатырём, Святогорова добра коня привязал ко гробу богатырскому, опоясал славный Святогоров меч и поехал во раздольище чиста поля. На декоративно широко написанном эскизе-фреске Н. К. Рериха взят поэтический момент, выраженный последними строками былины. Туманное утро. Горный дол. Вдали стоит гроб Святогора, перекрещенный обручами; около гроба часть доспехов старшего богатыря; за гробом видна голова Святогорова коня. Грустный, задумчивый спускается с горы Илья. Налево ворон летит — повестить о начале самостоятельной новой эпохи. Старый дубовый пенёк и тонкий кустик вокруг него трогательно подчёркивают параллель между Святогором и Ильёй. Единственный упрёк настоящему эскизу можно сделать, так сказать, в его «васнецовщине» в смысле техники; в смысле же выбора момента и трактовки его композиции автор проявил полную оригинальность и индивидуальность. Теперь Н. К. Рерих занят разработкой целой серии мотивов из культурной жизни новгородских славян конца XI века, пролог к которым, названный «Славянский городок. Гонец: восстал род на род», находится на выставке в залах Императорской Академии художеств.

Всемирная иллюстрация. 1897. Т. 58. 29 ноября. № 23. С. 547. Эскиз — с. 540.

Н.К. Рерих. Воин, опершийся на меч. 1897.

ДЕКАБРЬ

8 декабря 1897 г.

Группа студентов мастерской Куинджи. 1897 г.

ХРОНИКА

Вчера группа конкурентов, окончивших в этом году высшее художественное училище по пейзажному отделу, скромно праздновала получение звания художника и чествовала своего бывшего профессора-руководителя А.И. Куинджи. Во время обеда один из конкурентов, г. Рерих, прочёл пародию-былину, вызвавшую общее одобрение.

Новое время. 1897. 9/21 декабря. № 7827.

Бласловите осудари –
Про дела иконна терема,
Про Ильюшеньку Лукаваго,
Про Тугарина Змеевича,
Про Иванища богатыря
Держать нехитрый сказ.

Из-под кустышка, да из-под ракитова,
С-под берёзыньки, да с-под кудрявия,
Из-под камешка, да из-под сёраго,
Из-под той ли самой славной Ладоги
Выходила, выбегала мать Невы река;
Пала устьем в море, море Финское.
У того ли моря Финского,
По той матушке по Невы реке,
Что не месяц светит из-за облаков,
Не рассыпались звёзды ясные,
Что не белые облачки задергали, -
Паруса ль белёют в бусах-галерах,
Золотят ли в лодочках-набойницах –
Светом светит славный стольный град.
Светом светят переливчатым
Храмов Божиих ясны маковки,
И с дворцами, княженецкими палатами,
Пристанями и заставами охранными.
Много звёзд горят по поднебесью,
А хором не меньше в стольном городе.
Теремами в'ышки изукрашены,
Аksamитны ст'яги понавешаны.
На Васильевском славном острове
Что горят, блещут на солнышке
Перелфтью, лалом, фатисом,
Бирюзью, изумрудами отсвечивает?

2

А на терем ли иконный то красуется,
Живописных Государя красных дел?
Стоит терем на семи верстах,
Вокруг терема булатный тын.
Верхи на тычечках точеныя,
Каждая с маковкой жемчужинкой.
Подворотня – дорог рыбий зуб.
Над воротами икон до семидесяти.
Терема все златоверховатыя;
Первые ворота – валь'ящетыя,
Средняя ворота все стекольчатая,
Блеста у ворот золочёная.
Хорошо в теремах изукрашено,

В теремàх ли Госудàревых иконных:
Пол – середà одногò серебрà,
Печки-то все муравлєныя,
Пòдики у пèчек все серебряныя;
Нà стены сýкна навìваны,
Канителью и трунцàлы понабìваны, -
Потолкì же – дорогò стеклò.
Вся лунà небèsная пов'ыведена:
Солнце на нèбе, солнце и в тèреме,
Мèsяц на нèбе, мèsяц и в тèреме,
Пò небу звèздочка покàтится,
В тèреме звèздочки пос'ыплются;
Всè по небèsному в тèреме,
А и вс'якая красà несказàнная.
В теремàх сид'ят все богàтыри,
Слàвные худòги именìтые,
Дела живописного затèйники.
Впередì сидìт Володìмер сàм, -
Князь Солнышко свèтел – рàдошен:
Собìрались у него дружìна храбрàя,

По указанному чину крепкому,
Всè во тереме очерèд идёт.
Тем Приказом Оружейным
Терем держится.
А Приказ тот ведает окольничий
Тот же, что и Четверть Новую,
И с ним дьяк сидит.
В приказе ведомы: Оружейничья Палата,
Дело ствольное, замочное, иконное.
Вся дружина живописная
Разделяется по трём статьям.
Получают темники богàтыри
По гривне в день,
Чарку ли вина дворянского,
По четыре кружки меду пьяного,
И стоялой браги по ведру на дèн,
И стоялой браги по ведру на дèн,
С кормового ли дворца по две ествы,
По тому ж и с хлебного дворца;
А по праздникам, по Светлым дням
Им идёт приказ с романеєю.

В дни церковные все богàтыри
С князем Солнышком во собор идут;
Разгребают им дороженьку лопатники,
Усыпают ли песочком жёлтым метельники.
Кто в шелку идёт, кто в золоте,
Кто в каменьях самоцветных, -
Как от солнца, светла мèsяца
Окрест терема лучи пекут,
Часты, мелки звèзды рассыпаются:

Диво дивное, чудо чудное,
Благолепие устами не речённое.

[Слава Солнышку.]

3

А во тёмниках все богатыри,
Сильные богатыри, могучие,
А Змеёвич стоит т'ысяцким.
На богатырях аз'ямы байберёковы;
Куякù, юшманы, бахтерцы
Веденёцкого дела крепкого,
Через р'яд ведены зóлотом,
С наконёшники, запр'яжники булатныя.
На шелóмах ли ялòвчики повёивают,
Длинны кúдри под шелóмами поигрывают.
Шкарпетки у тёмников шидёныя,
Червецòм ли лапотки унизаны,
Серебрòм узòрным подков'ыряны,
А штан'ы шкурлат фараúзные.
В татаúрах амагùли невелúкия,
С травы на них рёзаны Казанския;
Дорога алúфа в амагùлях налита.
В саадáки тулы кисти понатыканы,
Кúсти шарныя – сёверги булатныя.
На пупкè ли пúзе крашенúнные перёдники –
Дорогú одёжу краской не запáчкают.
А на т'ысяцком дорогúй кафтан об'ярённый,
Зóлотом, камёньями накúщенный.
Словно сòлнце красное, небесное,
Свётит стòльный Володúмер-князь,
Во нар'яде да Большúй Казн'ы.
Есть кому́ за тèрем перевèдаться,
Есть кому славный стяг держать,
Править тщáтливо, да очèстливо
Госудáрево дело крепкое.

Слава Солнышку Князю свётлому!
Слава тèрему и богатырям,
Живопúсных дел держáтелям! Слава!

4

А и шлò бы все по хорòшему,
По хорòшему, по укáзанному,
А не всё идет по хорòшему,
А не всё идет по укáзанному –
Тучи чèрныя понадвúнулись,
Небо сúnее позадèрнули.

Что ни вихрь мятёт по долúнушке,
Не сыпúч песок к нёбу крутится,
Не седúй ковыль к земле клонится,
В теремáх ли Госудáревых икòнных
Спohватúлася дружúна мёншая,

Ошарàшились икòдны дòбры мàстеры:
Что повàдкой не учèстливой
Говорил старшòй с братьей мèньшею.
[Воевода темник тèрщика
Обозвал в глаза охàльщиком. - *Вставка*]
Спohватìлася дружìнушка хорòбрая,
Обу'ял задòр буйны гòловы,
Друг с другòм ломалися, водìлися,
С вечерà водились до полúночи,
С полунòчи до белà светà.
Натрудìли горла звòнкя,
Понатèрли ноги резвяя,
[Басурманским зельем проклятым
Надымили кúрну горницу. - *Вставка*]
Словно пь'яные шатàются,
Пораздúмать свою дúмушку,
Развестì не могут гòрюшка.
Многоцвèтны лики не допìсаны,
Не допìсаны да помàзаны,
[Золот'ы фонà позагàжены, - *вставка*]
Дорогà алúфа задармà течет,
Киноварь, гляди, позасòхла вся.
Залетàли б'ыстры, ясны сòколы,
Чеглокì, пустèльги, кречеты,
А вокруг черкàют кòршуны,

5

На верху ширяют ястребы,
По поднебесью сам орёл плывёт,
Мечет долу взоры грозныя.
Услыхали темники богàтыри,
Уж бежит Змеевич тысяцкий,
Собирает терема тайницкие
Всех богатырей во большой совет, -
Стали думу думать крепкую.
Расходилася дружина меньшая,
Посылают выборных посыльщиков
В думу старшую: бить земно челом,
Просят дело их горе выслушать.
Закричал Змеевич зычным голосом:
- «Гой вы темники, хорунжие!»
«Глуздырей из терема повыгоним!»
«Распустить дружину меньшую!»
«Разметать заносливых крамольников!»
«Распустить!» – сказали и богàтыри.
Ярлыки писали скоропищаты,
Прикладали руки за печатями,
А Илья Лукавенький подписывал,
Тож Владимирко «Себе на уме»,
А другой Владимир Долгополистый,
Тот Моргун ли Сашка Хроменькой,
Древодельцы, все горòдники,

Древянные, каменные здатели;
А еще ли семь братѡв Сбродовичей,
Да и те ли мужики Залешане –
Что Змеевич скажет, то и сделают.
Не хотел рукоприкладствовать
Матерой, могуч богатырь стар Иванище.
Как выходит он середь горницы,
Поклоняется на все четыре стороны,

6

Густу бороду сам поглаживает,
Говорит слово мудрое:
- «Осудари вы товарищи! Да какие же мы темники.
«Коли нас дружина меньшая не слушает?
«Рано гнать её из терема;
«Лучше прежде попытать помочь,
«Да утишить уговором, словом ласковым».
Не послушали его богатыри.
[1 строка зачёркнута]
Ввечеру́ идет во гридню Змеевич,
Думу думает, думу тяжкую,
Ниже плеч могучих тысяцкий
Опускает буйну голову.
- «А над чем я буду тысяцким,
«Коль распустим мы дружинушку?
«Ты не тысяцкий, - баба старая,
«Баба старая – портомойница, –
«Не умел дружинушкой управити.
«Скажет мне заутро Володимер-князь».
Ярлыки скорее думные
Брал Тугарин во белы руки,
Раздирал скорее в клочья рваные,
Жёг в огне – золу развеивал.
На заутрие шёл, дружине кланялся.
А дружина озадорилаась,
Не послушала Тугарина Змеевича.
Вопиял он к ним гласом истовым:
«Ой вы гой есте иконны добры мастера,
«Все знаменщики, лицевщики, левкàщики,
«Златописцы, травщики да терщики,
«Коль слова мои вам в совет придут:
«А примайте вы кисти шарныя,
«Расходитесь вы по горницам,

7

«С превеликим тщанием писание
«Крином сельным; лепо, изукрасивше.
«По Стоглаву живописцу подобает быть:
«Кротку, не сварливу, не завистливу.
«И тишайший царь окружной грамотой,
«Лета тысяча шестьсот шестидесятаго,
«Подарил своих иконников –
«Он, де, тщатливых всех пожалует.

Проходил прямёхонько во гридни светлыя,
Помолился Спасу образу,
Князю Солнышку челом бил, выговаривал:
«Ой ты гой еси пресветлый стольный князь,
«Ты бери-ка ярлыки, да во белы руки,
«Каждое словечко да высматривай,
«Не добро в теремах приключилося,
«В теремах ли Государевых иконных».
Во-потай Тугарин думает,
На Иванища на богатыря
Отведу княжой гнев праведный.

9

Как вставал тут Солнышко Владимир князь
С большого места княженецкаго,
Брал те ярлыки да скоропищаты,
Распечатывал их скоро да развёртывал,
Каждое словечко да высматривал.
Ой ты мать сыра земля порасступися,
Небеса вы синия раздайтеся,
Темны тучи во едино не скопляйтеся!
Богатырской силушке тошнехонько –
Поразгневался на старого Владимир князь,
Попущеньем Божьим, оговорами
Уж того ль Тугарина Змеевича,
Да изветами Ильюшеньки Лукаваго.
Восставал он на резвы ноги,
Потемнел сам, что осенняя ночь,
Осерчал, вскричал, что дикий зверь:
«Коль Иванище поссорил с тысяцким
«Всю дружину меньшую хоробрую, -
«Не хочу я знать крамольника,
«Бунтоваго затейника!
«Гой вы слуги чашники, приспешники!
«Вы бояре стольники, окольнічы!
«А убрать мне старица Иванища
«И чтоб дух его мне не слышался.
«Тот Моргун ли Сашка Хроменький
«Станет его делом правити,
«Златописным делом травчатым».
На заре было на утренней,
На восходе красна солнышка,
Подошли к иконну терему
На работу мастера иконники,
Вся дружина меньшая, хоробрая;
А засовы позадвинуты,

10

Пудовы замки на дверях висят.
У ворот вои с копья харалужныя
Смертным боем того бить хотят,
Кто во терем на работу путь держал.
Над воротами ярлыки привешаны,

Грозныя писания без милости, -
Чтоб с повинной шли во Приказ избу –
Там крамольников, де, помилуют.
Попросили мастера богатырей –
Не пускают их к богатырям,
На запоре сидят темники
В теремах ли Государевых иконных.
И пошла в Приказ дружина меньшая.

Светит светел месяц не по прежнему,
Не по прежнему, да не по старому,
Не во всю землю Святорусскую –
Не здорово, осудари, учинилося,
Помешался славный богатырский круг.
Не пришлось бы худо и Тугарину?
А Илейко за него хоронится –
Быть лукавому побитому,
Мужичонке за изветы быть потрепану.
Так-то в та поры у князя у Владимира
Не останется во тереме богатырей,
Не останется на семена! (Господь борони!).
Отломилася веточка
От кудряваго от деревца,
Окатилось яблочко
От садовой от яблоньки –
От иконнаго от терема
Далеко ушёл стар Иванище,
Матерой богатырь далеко ушёл –
В степь поездку дал,

11

В степь поездку дал
В степь привольную по старинному
Полевать ушел матер Иванище, -
Басурманов ли сещи-рубить,
А за веру биться-ратиться.

Высота ли – высота поднебесная,
Глубота ли – глубота океан-море,
Широко раздолье – по всей земле,
Сказ – всему народу православному.

1897 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/21, 10 л.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

И. Е. Репин. Портрет Л.Н. Толстого

«Вчера Николай Константинович рассказывал, как они ходили к Л.Н. Толстому, о его взглядах на искусство. Подарили ему скульптурный бюст. Он сказал: «Да такой штукой можно человека убить». Встретил в рубахе, с тапком в руке».

(Фрэнсис Грант. Дарджилинский дневник. 1928.)

* * *

Неприменно вы должны побывать у Толстого», — гремел маститый В.В. Стасов за своим огромным заваленным столом.

Разговор происходил в Публичной Библиотеке, когда я пришёл к Стасову после окончания Академии Художеств в 1897 году: «Что мне все ваши академические дипломы и отличия! Вот пусть сам великий писатель земли русской произведёт вас в художники. Вот это будет признание. Да и "Гонца" вашего никто не оценит, как Толстой. Он-то сразу поймёт, с какою такою вестью спешит ваш "Гонец". Нечего откладывать, через два дня мы с Римским-Корсаковым едем в Москву. Айда с нами! Ещё и Илья (скульптор Гинзбург) едет. Непременно, непременно едем».

И вот мы в купе вагона. Стасов, а ему уже семьдесят лет, улёгся на верхней полке и уверяет, что иначе он спать не может. Длинная белая борода свешивается вниз. Идёт длиннейший спор с Римским-Корсаковым о его новой опере. Реалисту Стасову не вся поэтическая этика «Китеж-Града» по сердцу.

«Вот погодите, сведу я вас с Толстым поспорить. Он уверяет, что музыку не понимает, а сам плачет от неё», — грозит Стасов Корсакову.

Именно в это время много говорилось о Толстовских «Что есть Искусство» и о «Моя вера». Рассказывались, как и полагается около великого человека, всевозможные небылицы об изречениях Толстого и о самой его жизни. Любителям осуждения и сплетен представлялось широкое поле для вымыслов. Не могли понять, каким образом граф Толстой может пахать или шить сапоги. Шептались неправдоподобные анекдоты о Толстом. При этом совершенно упускалось из виду, что он может рассказать прекрасную притчу о трёх старцах.

Жалею, что не имею под рукой текста этого сказания. Но каждый желающий помыслить о великом Толстом должен знать хотя бы краткое его содержание. На острове жили три старца. И так они были просты, что единственная молитва, которою молились они, была: «Трое нас — Трое Вас. Помилуй нас». Большие чудеса совершались в таком простом молении. Прослышал местный архиерей о таких простецах-старцах и недопустимой молитве и решил сам поехать к ним, вразумить их молитвам достойным. Приехал архиерей на остров, сказал старцам, что их молитва недопустима, и научил их многим приличествующим молениям. Отплыл архиерей на корабле. Только видит, что движется по морю свет великий, и рассмотрел он, что три старца, взявшись за руки, бегут по воде, поспевают за кораблем. Добежали. Просят архиерея: «Не упомянули мы молитвы, тобою данные, вот и поспешили опять допросить».

Увидав такое чудо, архиерей сказал старцам: «Лучше оставайтесь при вашей молитве».

Мог ли невер дать такой замечательный облик старцев, достигших Света в их простейшем молении? Конечно, Толстому, этому великому искателю и познавателю, было близко всё истинное, doskonaльное. Все же последующие усложнения Истины, конечно, дух его не воспринимал.

Все помнят и «Плоды просвещения» Толстого, повесть, полную сарказма, о невежественных спиритических сеансах. Некоторые люди хотели увидеть в этом отрицание Толстым вообще всей метафизической области. Но великий мыслитель лишь бичевал невежество. В его эпическом «Войне и Мире», «Анне Карениной» и во многих рассказах и притчах явлены искры широчайшего понимания психологии в её высочайшем значении. В пылу спора Толстой действительно мог утверждать, что простой деревенский танец для него равен высочайшей симфонии. Но когда вы могли наблюдать, насколько писатель был глубоко потрясён именно лучшею музыкою, то вы отлично понимали, что в его парадоксах заключено нечто гораздо более тонкое и обширное, нежели слушатели его хотели из них сделать в своём разумении. Великий Учитель, уходящий перед концом жизни в Оптину пустынь, разве не дал хотя бы одним этим уходом высочайший аспект своего земного бытия?

Утром в Москве, ненадолго остановившись в гостинице, мы все отправились в Хамовнический переулок, в дом Толстого. Каждый вёз какие-то подарки. Римский-Корсаков — свои новые ноты, Гинзбург — бронзовую фигуру Толстого, Стасов — какие-то новые книги и я — фотографию с «Гонца».

Тот, кто знал тихие переулки старой Москвы, старинные дома, отделённые от улицы двором, всю эту атмосферу просвещённого быта, — тот знает и аромат этих старых усадеб. Пахло не то яблоками, не то старой краской, не то особым запахом библиотеки. Всё было такое простое и вместе с тем утончённое. Встретила нас графиня Софья Андреевна. Разговором, конечно, завладел Стасов, а сам Толстой вышел позже. Тоже такой белый, в светлой блузе, потом

прозванной «толстовкой». Характерный жест рук, засунутых за пояс, — так хорошо уловленный на портрете Репина.

Только в больших людях может сочетаться такая простота и в то же время несказуемая значительность. Я бы сказал — величие, но такое слово не полюбили бы самому Толстому, и он, вероятно, оборвал бы его каким-либо суровым замечанием. И против простоты он не воспротивился бы. Только огромный мыслительский и писательский талант и необычайно расширенное сознание могут создать ту убедительность, которая выражалась во всей фигуре, в жестах и словах Толстого. Говорили, что лицо у него было простое. Это неправда, у него было именно значительное русское лицо. Такие лица мне приходилось встречать у старых мудрых крестьян, у староверов, живших далеко от городов. Черты Толстого могли казаться суровыми. Но в них не было напряжения, и само воодушевление его при некоторых темах разговоров не было возбуждением, но, наоборот, выявлением мощной спокойной мысли. Индией ведомы такие лица.

Осмотрел Толстой скульптуру Гинзбурга, сделав несколько кратких и метких замечаний. Затем пришла и моя очередь, и Стасов оказался совершенно прав, полагая, что «Гонец» не только будет одобрен, но вызовет необычные замечания. На картине моей гонец в ладье спешил к древнему славянскому поселению с важною вестью о том, что «восстал род на род». Толстой говорил: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесёт. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь всё равно снесёт. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывёт». Затем Толстой заговорил о народном искусстве, о некоторых картинах из крестьянского быта, как бы желая устремить моё внимание в сторону народа.

«Умейте поболеть с ним» — такие были напутствия Толстого. Затем началась беседа о музыке. Опять появились парадоксы, но за ними звучала такая любовь к искусству, такое искание правды и забота о народном просвещении, что все эти разнообразные беседы сливались в прекрасную симфонию служения человечеству. Получился целый толстовский день. На другое утро, собираясь обратно в дорогу, Стасов говорил мне: «Ну вот, теперь вы получили настоящее звание художника».

Н.К. Рерих «Толстой и Тагор». 1937 г.

Л.Н. Толстой за работой. Скульптура И.Я. Гинзбурга.

Академия Художеств в конце XIX века.

*****

ДИПЛОМ

Определением ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Художеств 4 *Ноября* 1897 г. состоявшимся, бывший ученик высшего Художественного Училища при Академии *Николай Рерих* за отличные познания в живописи и научных предметах, доказанные им во время пребывания в отделении живописи и скульптуры училища, удостоен звания художника, с присвоенным этому званию, на основании § 52 Высочайше утверждённого 15 Октября 1893 года временного устава ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Художеств, правом на чин X класса при поступлении на государственную службу и с правом преподавания рисования в учебных заведениях. В уверение чего дан *Рериху* сей диплом, за надлежащим подписанием и с приложением Академической печати.

С.-Петербург, *Марта 20 дня* 1898 г.

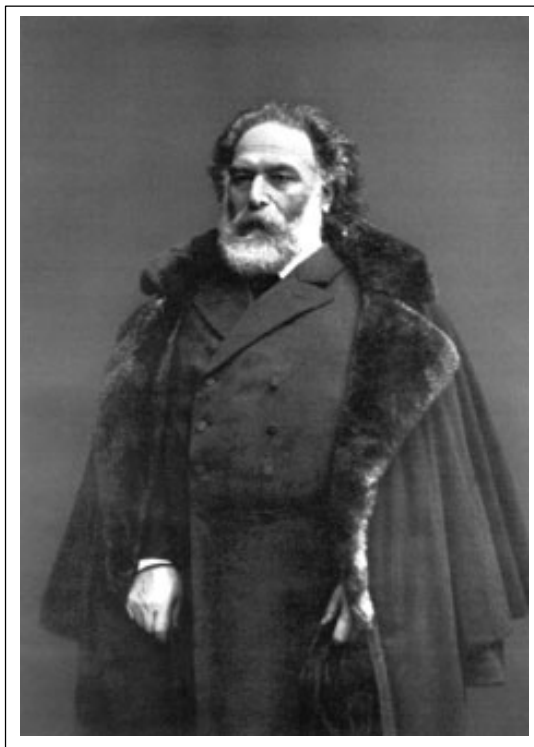
*****

20 марта 1898 г.

ДИПЛОМ

Архип Иванович Куинджи.

Из воспоминаний Зинаиды Фосдик:

«Е.И. недавно сказала, что Куинджи как-то собравшимся вокруг него ученикам, которые от него всегда чего-то добивались, сказал: "Вы все у меня в результате будете только деньги просить, а Рерих вот пойдёт своей дорогой"».

З. Г. Фосдик «Мои Учителя».

Н.К. Рерих. 1896-97 гг.

И.К. Репин. Раненый шляхтич. 1890-е.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Семейный архив Н.К. Рериха, хранящийся в Государственной Третьяковской галерее. Отдел рукописей ГТГ. Фонд 44.
2. Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.
3. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, ф. 698.
4. Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН, СПб. ф. 1.
5. Н.К. Рерих. Собрание сочинений. Книга первая. Из-во И.Д. Сытина. Москва. 1914.
6. Рерих Н.К. «Из литературного наследия», М., 1974.
7. Николай Рерих. Зажигайте сердца. М. Изд. "Молодая гвардия". 1975 г.
8. Н.К. Рерих «Письма к Л.М. Антокольскому и Л.М. Антокольского к Н.К. Рериху». СПб. 1993.
9. Н. К. Письма к В. В. Стасову. СПб.: Музей-усадьба Н. К. Рериха в Изваре, ГТГ, Институт истории естествознания и техники РАН, 1993.
10. Н.К. Рерих «Листы дневника», тт. 1, 2, 3. Москва. 1995 - 1996. (Петербургский Рериховский сборник, II-III. Самара. 1999.)
11. Николай Рерих в русской периодике. Вып. 1. СПб. ООО «Фирма Коста». 2004.
12. Сб. «Держава Рериха». М. Изобразительное искусство». М.1994.
13. А.А. Ростиславов «РЕРИХ». Петроград. Изд. Н.И. Бутковской, 1918 г.
14. Александр Гидони. «В защиту искусства». 1916 г.
15. Сергей Эрнст «Н.К. Рерих». 1916 г.
16. Степан Яремич. «У истоков творчества». 1916.
17. Л.В. Шапошникова «Великое путешествие», Кн. 1. М. 1998 г.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Н.К. Рерих. Голова Юноны. С. 21.
2. Н.К. Рерих. Отречение Петра. 1893 г. С. 22.
3. Н.К. Рерих. Академический рисунок с гипса. 1893. С. 23.
4. Н.К. Рерих. «Экорше». Анатомический рисунок. 1893. С. 24.
5. Т.Г. Шевченко. Автопортрет 1860. С. 25.
6. Н.К. Рерих. В вагоне. 1894. Этюд. С. 26.
7. Н.К. Рерих. Этюд черепа. 1894. С. 30.
8. Н.К. Рерих. Путники. 1894-1897. С. 33.
9. Н.К. Рерих. Старинное русское оружие. С. 31.
10. Н.К. Рерих. Растение. 1894. С. 33.
11. Н.К. Рерих. Телега. С. 37.
12. Н.К. Рерих. Прибылая лисица. 1894. С. 38.
13. Н.К. Рерих. Грызовская церковь. 1893-94. С. 45.
14. Н.К. Рерих. Портрет мужчины. 1890-е. С. 46.
15. Н.К. Рерих. Иван лесник. 1894. С. 50.
16. Н.К. Рерих. Этюд лежащего мальчика. 1894. С. 50.
17. Н.К. Рерих. Пскович (эскиз)_[1894. С. 52.
18. М.О. Микешин. Типы и виды Кавказа и Малой Азии. С. 55.
19. Н. Рерих, А. Скалон. АЛЬБОМ «Эпизоды из жизни туземцев». С. 57 – 66.
20. Н.К. Рерих. Скоморох. 1894. С. 67.
21. Н.К. Рерих. Этюд мальчика. 1890-е. С. 69.
22. Н.К. Рерих. – 2 этюда. 1894. Стр. 72-73.
23. Н.К. Рерих. Ушкуйник «Гей сарыч на кичку». 1894. С. 74.
24. Фрагмент рукописи. *Рисунок пером с надписью: "Ура! Наша взяла! С. 79.*
25. Н.К. Рерих. Около Собачьей горы в Сосницах. 1894. С. 82.

- 26, 27. Н.К. Рерих. Натурщик. 1894. Этюд. // Этюд торса. 1894. Ст 86.
28. Н.К. Рерих. Воин (Натурщик в меховой шкуре). 1894. С. 87.
29. Н.К. Рерих. Выдача головой. 1894. С.90.
30. Н.К. Рерих. Парк осенью. 1890-е. С. 91.
31. Н.К. Рерих. Натурщица. 1894 г. С. 92.
32. Н.К. Рерих. Ночь, околица села. С. 96.
33. Н.К. Рерих. Чудо лесное. 1894. С. 98.
34. Н.К. Рерих. Этюд телеги. 1894. С. 106
35. Фотография с этюда Н.К. Рериха «Саломея с головой Иоанна». С. 125.
36. Н.К. Рерих. Воин. 1894. Этюд. С. 126
37. Н.К. Рерих. Натурщик. 12 Дек.1894. Рисунок. С. 128.
38. Н.К. Рерих. Сретенье. 1894. Рисунок. С. 129.
39. Н.К. Рерих. Пскович. 1894. Эскиз. С. 130.
40. Н.К. Рерих. Пскович. 1894. С. 131.
41. Н.К. Рерих. Натурщица сидящая. 1894. С. 132.
42. Н.К. Рерих. Святополк окаянный. 1894. С 133.
43. Н.К. Рерих. Пушкарь. Этюд. 1894. Стр. 134.
44. Н.К. Рерих. Древние русские пушкари на крепостной стене. 1894. Рис. С. 135.
45. Н.К. Рерих. Деревья в снегу. 1895. Рис. С. 136.
46. Н.К. Рерих. Лес в инее. 1890-е. С. 139.
47. Н.К. Рерих. Сидящий обнажённый натурщик. 1895. С. 140.
48. Н.К. Рерих. Схимник. Этюд. 1895. 1895. С. 141.
49. Н.К. Рерих. Малороссийский пейзаж. 1895. С. 144.
50. Н.К. Рерих. Пейзаж (Рассвет). 1890-е. С. 147.
51. Н.К. Рерих. 2 наброска к эскизу к сказке «Василиса Прекрасная». С. 153.
52. Н.К. Рерих. Эскиз к сказке «Василиса Прекрасная». 1890-е. С. 153.
53. Н.К. Рерих. Сова на стопке книг. 1895. С. 155.
54. Н.К. Рерих. Богатырь. 1895. Оригинальный рисунок. С. 164.
55. Н.К. Рерих. Старое кладбище в Сосново (около часовни). 1895. С. 167.
56. Н.К. Рерих. Головы лошадей. 1890-е. С. 175.
57. Н.К. Рерих. Въезд в сельцо Грызово. 7 июня в 3 часа дня. С. 176.
58. Н.К. Рерих. Грызовский священник. 11 июня 1895. С. 176.
59. Н.К. Рерих. Грызовский священник. 1895. Стр. 178.
60. Н.К. Рерих на балконе в имении Извара позирует для своего эскиза: «...Наезжает царе вич на избушку убогую». С. 181.
61. Н.К. Рерих. «Наезжает Иван-Царевич на избушку убогую...». 1895. С. 181.
64. Н.К. Рерих. Царевич и девушка. 1890-е. С. 182.
65. Н.К. Рерих. Закат над монастырём. 1890-е. С. 186.
66. Н.К. Рерих. Запись о кургане № 4 из Калитинского могильника. Стр. 187.
67. Н.К. Рерих. План кургана с надписью «Калитинское курганное поле Сосницкой волости Царскосельского уезда XIII век». С187.
68. План Калитинского могильника. По чертежу Н.К. Рериха. 1895. С. 190.
69. Н.К. Рерих. Набросок комп. обложки Литературного сборника. 1895. С. 194.
70. Обложка «Литературного Сборника» составлена студентом Н.К. Рерихом. Стр. 195.
71. Титульный лист «Литературного Сборника». Стр. 196.
72. Рисунки и виньетки Н. К. Рериха к «Литературному сборнику». С. 197 – 214.
73. Н.К. Рерих. Буквица «Я». 1895. Рисунок. С. 215.
74. Н.К. Рерих. «В Греках» (Варяг). 1895. Стр. 222.
75. Н.К. Рерих. Зимний пейзаж. 1896. Рисунок. Стр. 227.
76. Н.К. Рерих. Зимний пейзаж. 1895. Стр. 227.
77. Стоглав (титульный лист). 1551 г. Стр. 231.
78. Рис. Н.К. Рериха из книги А.С. Уварова «Об архитектуре первых деревянных церквей на Руси». Стр. 232.
79. Н.К. Рерих. Ландшафт. [1895-1897]. Стр. 251.
80. Н.К. Рерих. Ворожба. 1895-1896. Этюд. Стр. 255.

80. Иллюстрации к «Отчёту о раскопках 1896 года в Ямбургском и Петергофском уездах Санкт-Петербургской губернии, произведённых Н.К. Рерихом». С. 249 – 262.
81. Н.К. Рерих. Этюд студента. 1896. Стр. 271.
82. Иллюстрации к статье «Прибавление к отчёту о раскопках 1896 года, произведённых Н.К. Рерихом». С. 272-278.
83. Эскиз обложки книги «Художники старой Руси. Краткий историко-правовой обзор XVIII века Николая Рериха. Лета 7404». [1896.] Стр. 281.
84. Н.К. Рерих. Землекопы. [1890-е]. Стр. 308.
85. Аксель Галлен. Сампо (Из «Калевалы»). 1896. Стр. 315.
86. Н.К. Рерих. Рисунок к картине «На чужом берегу». 1897. С. 318.
87. Н.К. Рерих. На чужом берегу. 1897. С. 318.
88. Н.К. Рерих. Нежданные гости. 1897. С. 325.
89. Н.К. Рерих. Буквица «С» (виньетка). 1895. С. 328.
90. Фрагмент письма Н.К. Рериха к Стасову В.В. от 11.07.97. С. 330.
91. Фрагмент письма Н.К. Рериха к Стасову В.В. С. 333.
92. Н.К. Рерих. Гонец. 1897. набросок композиции к одноимённой картине. С. 334.
93. Н.К. Рерих. Ноги в постолах. 1897. С. 336.
94. Гонец. «Восста род на род». 1897. Стр. 338.
95. Н.К. Рерих. Как перевелись богатыри на Руси. 1897. Ч/б воспр. . С. 340.
96. Н.К. Рерих. Вечер богатырства Киевского. 1897. С. 341.
97. Иллюстрации к отчёту «Изварский могильник (предполагаемые погребения древней во ди). О раскопках 1897 года в Царскосельском уезде». Стр. 344 – 354.
98. Н.К. Рерих. Могила при деревне Подлипье. 1899. Рисунок. С. 355.
99. Н.К. Рерих. Ведун. 1897. (эскиз) С. 356.
100. Н.К. Рерих. Ведун. 1897. С. 357.
160. Н.К. Рерих. Утро богатырства Киевского. 1897. С. 364.
161. Н.К. Рерих. Воин, опершийся на меч. 1890-е. С. 365.
162. И. Е. Репин. Портрет Л.Н. Толстого. Стр. 375.
163. Л.Н. Толстой за работой. Скульптура И.Я. Гинзбурга. Стр. 377.
164. Диплом ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Художеств, выданный Н.К. Рериху 20.03.1898. Стр. 378.
165. Н.К. Рерих. Сцена из варяжской жизни. 1890-е. Стр. 374.

ФОТОГРАФИИ

1. Н.К. Рерих - студент Императорского СПб. Университета. (Стр. 10.)
2. Императорский С.-Петербургский университет конца XIX –начала XX в. (Стр. 12.)
3. Н.К. Рерих - студент Императорского СПб. Университета. (Стр. 13.)
4. Императорская Академия Художеств. (Стр. 14)
5. Тициановский зал Императорской Академии художеств. 1890-е гг. Стр. 15.
6. Библиотека Императорской Академии художеств. 1910. Стр. 16.
7. Н.К. Рерих в своей мастерской в Изваре. 1895 г. Стр. 165.
8. Николай Рерих и В.В. Стасов в Публичной библиотеке. 1895-1896 г. Стр. 186.
9. Большой читальный зал Публичной библиотеки. СПб. Начало XX века. Стр. 188.
10. Императорская Академия Художеств. Конец XIX – начало XX века. Стр. 192.
11. В мастерской А.И. Куинджи. 1895 г. (А.И. Куинджи со студентами). Стр. 200.
12. Фото А.И. Куинджи. Стр. 203.
13. Фото Н.К. Рериха. 1895 г. Стр. 216.
14. В мастерской А.И. Куинджи. 1895 г. Стр. 218.
15. Н.К. Рерих в своей мастерской. 1897 г. Стр. 338.
16. Группа студентов мастерской Куинджи. 1897 г. стр. 367.
15. Академия Художеств в конце XIX века. Стр. 378.
16. Фотография Архипа Ивановича Куинджи. Стр. 381.
17. Н.К. Рерих. 1890-е гг. Стр. 381.

**КАТАЛОГ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.К. РЕРИХА
1893 – 1897 гг.**

1894 г.

Автопортрет. 1894 США. (Сок.)

Академический набросок. 1893-1895 г.
Жёлтая бумага, гр. карандаш, белила, акварель 10,0 x 20,0 см.
С.-Петербургский государственный Музей-институт семьи Рерихов

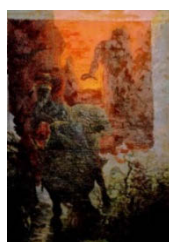
Академический рисунок с гипса [с гипсовой статуи]. 1894. Экзаменационная работа. *Бумага, итальянский карандаш, уголь. 66,5 x 44,5 см.* Справа подпись: **Н. Рерихъ.** Слева сверху оценка: **II к.** Внизу печать: **И.А.Х. / Худож. экзам. / 22 ян. 94**
Государственная Третьяковская галерея.
Инв. № Р-146
Дар в 1954 г. Б.К. Рериха через Ф.Г. Овчинникову.

Варяги. (Набросок). 1894. *Дерево, масло. 27,9 x 45,7 см.* США. (Сок.)

Вече. 1894. (Сок.)

Воин. 1894. *Холст, масло. 103 x 72 см.*
Частное собрание Е.М. Величко, Москва.

Воин. (Натурщик в меховой шкуре).
1894. Академический этюд.
Холст, масло. 82,5 x 65 см. Слева сверху
подпись и дата: **Н. Рерихъ. 1894.**
Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств,
Санкт-Петербург. Инв. № Ж 679.
Приобретён у Е.А. Цинтус в 1936 г.

Воины у костра ночью.
Бумага, карандаш, белила. 20 x 39 см.
Размер листа: 27 x 36,5 см.
Государственная Третьяковская галерея.
Инв №. Арх Гр-2382.

Всадник. Набросок к картине "Иван Царевич наезжает на убогую избушку" 1894. Бумага, карандаш графитный, тушь, перо, акварель. Л.: 13,8 x 9,1 см. Государственный Русский музей. Инв.№ Р-50546.

Выдача головой. 1894. Бумага, карандаш, белила. 12 x 16 см. (в свету). В правом нижнем углу под рисунком авт. надпись: **Выдача головой.** На обороте академический этюд головы мужской статуи и подпись: **Н.Р.** Гос. музей-институт семьи Рерихов, Спб.

[Сегодня сочиняю «Выдача головой». (Дневник, 5.10.1894 г.)]

Голова Геры. 1894. Академический рисунок. (Из дневника Н.К. Рериха от 27.09.1894.: «Следующая голова Геры (я сижу в плафоне).

Голова старика. 1894. Этюд. Холст, масло. 48 x 38 см. Из собрания Ю.Н. Рериха, Москва.

Головы лошадей. 1894. Эскиз к картине «Наезжает Иван-царевич на избушку убогую». Холст на картоне, масло. 18 x 36,3 см. Государственный музей Востока. Инв. № 9345 II.

Девушки на обрывистом берегу. Альбом с наклеенными рисунками разных лет. Бумага, карандаш. 14 x 7,9 см. Размер альбома 21,4 x 31,6 см. Справа внизу надпись: **Н. Рерихъ // Извара 1894. // НР** Государственная Третьяковская галерея. Арх. Гр- 2383, л. 3

Зимняя ночь в лесу. 1894. Бумага, карандаш. 9 x 12 см. Справа по центру дата: 3/II – 94. Государственная Третьяковская галерея. Арх. Гр.-2382, л. 8.

Иван Лесник. 1894.

Карандаш по отпечатку. 11,4 x 9,6;
размер листа: 12,2 x 10,5.

Справа внизу подпись и ниже дата: **Н.Рерихъ / 94**. Справа вверху надпись: **Иванъ льсникъ**
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

[Человек с поднятым мечом]. 1894.

Бумага тёмно-серая, уголь, мел,
гр. карандаш. 17,4 x 10,6 см.

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Наезжает Царевич на избушку убогую.

1894. Холст, масло. (Уничтожена).

Иллюстрация с эскиза Н. Рериха к Литературному сборнику студентов СПб.- Университета – 1896. Под иллюстрацией подпись: **...Наезжает Царевич на избушку убогую...**

И ниже: **С эскиза Н.К. Рериха**

Эскиз к сказке Василиса Прекрасная.

1890-е. [1894].

Витязь на коне. 1894.

Бумага, карандаш, мел. 25 x 31,2 см.

Альбом. Размер листа: 27 x 36,5 см.

Государственная Третьяковская галерея.

Инв. АрхГр-2382.

Витязь у ворот замка. 1894.

Альбом. Размер листа: 27 x 36,5 см.

Государственная Третьяковская галерея.

Инв. АрхГр-2382.

На границе дикий человек. 1894. (Сок.)

Натурщик. 1894.

Экзаменационная работа. *Бумага серая, карандаш угольный, мел. 70 x 42 см.*

Справа подпись: **Н. Рерихъ.**

Слева внизу оценка: **II к.**

Справа внизу печать:

И.А.Х. / Худож. экзам. / 1[2] дек. 94 .

Волгоградский музей изобразительных искусств. Россия. Инв. № РГ-15. КП-15

Натурщик. [1894].

Бумага на картоне, уголь. 42 x 30 см.

Из собрания Ю.Н. Рериха.

Натурщик. Без даты [1894].

Холст, масло. 32 x 39 см.

Из собрания Ю.Н. Рериха, Москва.

[Ч/б. изображение]

Натурщик. Не датирована. [1894] Этюд.

Холст, масло. 61 x 96 см.

Горловский художественный музей.

Украина. Инв.№ ж-287.

Натурщица. 1894.

Картон, уголь, пастель. 38 x 31 см.

Из собрания Ю.Н. Рериха, Москва.

Женская фигура. Этюд. [1894].

Серая бумага, акварель, белила, тушь.

размер листа: *12,5 x 17 см*

Государственная Третьяковская галерея.

Инв. № Арх. Гр.- 2381.

Поволжские орлы (Сигнал). 1894.

«Теперь всё обдумываю «Поволжские орлы (Сигнал)». Может выйти хорошо, но нужны натурщицы, для этого нужны деньги, а их-то нету». (Из дневника от 12. X. 1894)

Прибылая лисица. 1894. *Перо, чернила по отпечатку. 11,2 X 8,9;*
размер листа: *12,6 X 10,5.*

Справа внизу подпись и дата:

Н. Рерихъ 1894.

Внизу надпись: **Прибылая лисица.**

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Пскович (Воин, перевязывающий руку)
1894. Этюд к картине «Пскович».

Бумага, карандаш. 30 x 24 см.

Справа внизу дата: **10/V 94.**

Государственная Третьяковская галерея,
Арх. гр. альбом № 2383.

Пскович. 1894.

Картон, пастель, гуашь. 144 x 75 см.

Собр. И.Я. Зачиняевой, Москва (Сок.)

Путники. 1890-е.

Холст, масло. 71,2 x 71,9 см.

Частное собрание Е.М. Величко, Москва

Пушкарь. 1894.

Холст, масло. 104 x 69,3 см.

Частное собрание. Россия. Москва

Древние пушкари на крепостной стене.

1895. Ч/б. воспроизведение в журнале
«Звезда» 30. 07. 1895.)

На развалинах. 1894.

Бумага тон., кар., белила. 28 x 18,8 см.

Вверху надпись и дата:

На развалинах. 23. VI. 94 г.

Государственная Третьяковская галерея.

Арх. Гр - 2383.

Растение. 1894. *Бумага цветная, карандаш, белила. 18,8 x 27 см.*

Размер альбома 21,4 x 31,6 см.

Дата: **16.VI.94.**

Государственная Третьяковская галерея.

Арх. Гр - 2383.

Поле битвы (Святополк окаянный).1894.

Масло. («Сегодня Вал. Павл. очень хвалил Святополка – как-то он выйдет в репродукции»).

(Из дневника Н.К. Рериха от 30.12.1894)

Скоморох. 1894. *Бумага, тушь, перо.*

9,6 x 19 см.; размер листа: 21 x 31,6 см.

Справа внизу надпись:

Н. Рерихъ // 1 Января 1894.

Государственная Третьяковская галерея.

Арх. Гр - 2383.

Спящий в вагоне человек. 1894 г.

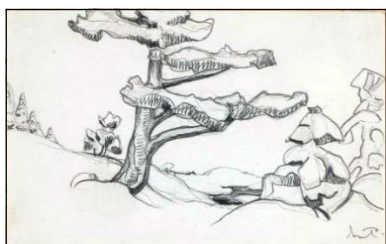
Размер альбома 21,4 x 31,6 см Лист: Бумага, карандаш. 18,5 x 28 см.

Справа внизу дата и надпись:

24.VI.94. / В Нарву / (из Петербурга)

Государственная Третьяковская галерея,

Арх. Гр – 2383, л. 30.

Деревья под снегом.

Б., тушь, перо, белила. 15 x 9,5 см.

Справа внизу надпись:

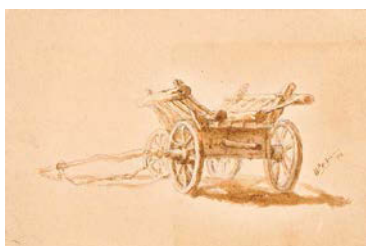
Н. Рерихъ // Извара 1894. // НР

Государственная Третьяковская галерея.

Арх. Гр - 2383.

Старинное русское оружие. Зарисовки.
Бумага, карандаш. 24,2 x 15,2. Под одним из рисунков надпись: **Змеевик из Переяславля.** Внизу дата: **16/5 94. Н.Рерих.** Вверху надпись и дата: **Секира 14/4 94.**
Бумага, смешанная техника.
Размер альбома 21,4 x 31,6 см.
Государственная Третьяковская галерея.
Инв. № Арх. Гр- 2383.

Телега. Этюд. 1894. Бумага. гр. карандаш, цветная тушь, перо. 9,7 x 14,6 см.
Слева подпись, ниже дата: **Н.Рерихъ / 94.**
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Телега. 1894. Бумага, графитный карандаш, тушь, перо. 16 x 7,8 см.
Размер листа: 21,4 x 31,6 см.
Государственная Третьяковская галерея.
Инв. № Арх. Гр- 2383.

Сретенье. 1894.
Воспроизведение в журнале "Звезда". 1895. 29 января. № 5. С. 100.

Ушкуйник. 1894.
Бумага, карандаш. 26 x 20 см.
Справа внизу: **Н. Рерихъ 1894.**
Под рисунком подпись: **Ушкуйник;** и ниже: **"Тей сарынь на кичке".**
Частное собрание, СПб

Царевич и девушка. [1894]
Бумага, карандаш, тушь, белила.
Вверху надпись: «Царевич припал к ней на колени и... Уже змей летит, а ... разбудить её не может».
Размер альбома 21,4 x 31,6 см.
Государственная Третьяковская галерея.
Арх. Гр – 2383, л. 10.

Угол террасы. (Извара). [1894 г.]
Бумага, акварель. 8,7 x 18 см.
Альбом в синем переплётё 48 листов с наклеенными рисунками разных лет *Размер альбома 21,4 x 31,6 см.*
Государственная Третьяковская галерея.
Инв. № Арх. Гр- 2383, л. 2.

Чудо лесное: Лесовик и Кикимора. 1894.
Картон, акварель, цветной карандаш, карандаш. 14,5 x 12,3 см.
Музей Н. Рериха, Нью-Йорк.

Этюд лежащего мальчика. 1894.
Холст, масло. 40 x 24 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Парк осенью. 1890-е.
Холст, масло. 36 x 57 см.
Государственный Русский музей.
Инв. № Ж-6440.
Поступила в 1956 г. от Л.С. Митусовой

Портрет мужчины. 1890-е.
Холст, масло. 16,5 x 13 см.
Слева вверху подпись: **Н. Рер...**
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Этюд мальчика. 1890-е.
Холст, масло. 21 X 14 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Этюд торса. 1890-е.
Холст, масло. 21 X 32 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк

1895 год

Богатырь. 1895. *Рисунок (опубликован «Звезда». 1895. 29 Января. № 5. С. 100)*

В Греках. Варяг. Этюд, 1895. *Масло.*
Первоначально в собр. В.С. Кривенко (Пг.)
(«Аполлон». 1915 г.)

Вечер богатырства киевского. 1895. (I вариант) *(масло)*
Первоначально в собрании Е.И. Рерих (Пг.) («Аполлон». 1915 г.)

Воевода. 1895.

Иллюстрация к Студенческому лит. сборнику. СПб. Университет. 1896.

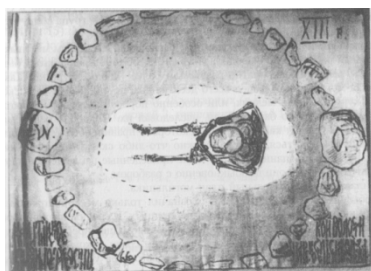
Воин. 1895. Масло. 27,9 x 19,1 см. США. (Сок.)

Закат над монастырём. 1890-е. Холст, масло. 30,5 x 86 см.

Частное собрание, Москва.

Калитинское курганное поле Сосницкой волости Царскосельского уезда. 1895.

Бумага, тушь. 48 x 38 см. Справа вверху авторская надпись: XIII в. Справа внизу авторская надпись: Калитинское курганное поле Сосницкой волости Царскосельского уезда

Из собрания Ю.Н. Рериха, Москва.

Ловля рыбы острогой. 1895. Бумага на картоне, тушь, перо. 32 x 21,4 см.

Справа внизу авт. монограмма и дата: **НР 95**. На оборотной стороне надписи:

С острогой. || Летние развлечения. || Ловля рыбы острогой перед закатом. || Рерих. Н.К. Ловля рыбы перед закатом.

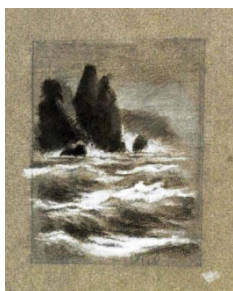
(Слева по центру вырезан фрагмент картона сложной формы).

Государственная Третьяковская галерея. Инв. Арх. гр., № 2401.

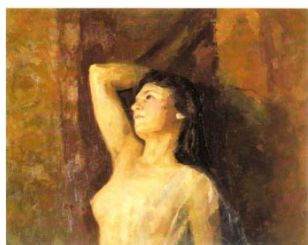

Малороссийский пейзаж. 1895.
Холст, масло. 62,5 x 77 см.
Государственный Русский музей.
Инв. № Ж-11243
[В каталоге ГРМ название: **Украинский пейзаж. (Пейзаж). 1890-е**]

Море ночью. [1895].
Тонированная бумага, пастель, белила.
Отдел графики Государственной Третьяковской галереи.

Натурщица Этюд. 1895.
Холст, масло. 59 x 76 см.
Горловский художественный музей.
Инв. № ж-286.

Портрет матери художника. 1895. 31,1 x 18,4 см. США (Сок.)

Сидящий обнажённый натурщик. 1895.
Академический рисунок.
Бумага, итальянский карандаш, уголь.
66,5 x 49,5 см. Справа внизу печать:
И.А.Х. / Худож. экзам. / 18 ф. 95.
Государственная Третьяковская галерея.
Инв. Р-149.
Дар в 1954 г. семье Б.К. Рериха через Ф.Г. Овчинникову.

Схимник. 1895. Холст, масло. 45,1 x 34,5 см.
Слева сверху надпись: **И Р**
Справа сверху подпись и дата: **Н.Рерихъ. 1895**
На обороте на подрамнике дата: **18/II. 1895**
Центр-музей им. Н.К. Рериха, Москва
Инв. № КП 1224.

Портрет Т.Г. Шевченко. 1895.

ОР ГТГ, ф. 44/10. Из дневника Н. Рериха 1.ІУ. 95.: "Для виньетки на программу Шевченковского вечера я предложил 3 редакции: 1. портрет Т.Г. 2. Малорос. пейзаж. 3. Запорожец пьёт тост за Славу и всех Христиан, что живут на Белом свете из Тараса Бульбы Гоголя..."

Раненый шляхтич. [1894-1895].

Бумага, карандаш, тушь, перо.

16,2 x 12,5 см. Лист: 27,5x17,7см.

Государственная Третьяковская галерея.

Инв. Арх.Гр-2383, л. 27.

Трое запорожцев у сломанного дерева. [1894-1895].

Бумага, акварель, тушь, перо, белила. 31 x 21,7 см.

Государственная Третьяковская галерея.

Инв. АрхГр-2383, л. 28.

Угол террасы (Извара). 1895.

Бумага, акварель. 18 x 8,7 см.

Размер альбома 21,4 x 31,6 см.

Государственная Третьяковская галерея,

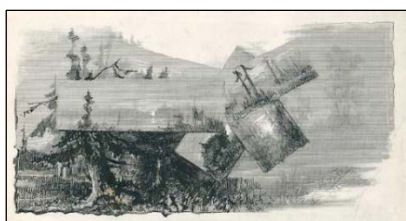
Инв. № Арх. Гр - 2383.

Христовы ратники. 1895.

(15.ІІІ. 95. "Вчера сочинил "Христовы ратники", послал в Звезду". 18. ІІІ. 95. "Христовых ратников приобрёл Петр Петрович". (ОР ГТГ, ф. 44/10)

По выводкам. 1895. Бумага, тушь, перо.

9,3 x 18,7 см.

Подпись и дата: Н. Рерихъ / 95.

Иллюстрация к Студенческому лит. сборнику. СПб. Университет. 1896.

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

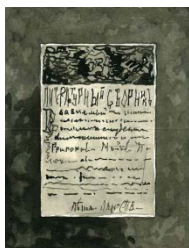
Буквица «Я». (Привязанный к столбу человек). [1894-96].

Бумага, карандаш. 10,5 x 15,1 см. Размер альбома 21,4 x 31,6 см.

Альбом в синем переплёте 48 листов с наклеенными рисунками разных лет.

Бумага, смешанная техника. ГТГ.

Инв. № Арх. Гр- 2383.

Набросок композиции обложки Литературного сборника. 1895.

(Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/922. 1 л.)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК СТУДЕНТОВ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СПб. 1896.

Иллюстрации, выполненные Н.К. Рерихом:

Обложка «Литературного Сборника» составлена студентом Н.К. Рерихом,

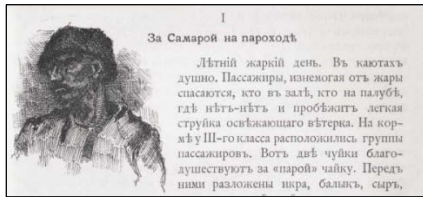
Стр. 1. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению Вл. Жуковского «Весна»

Стр. 61. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению С. Степанова «Ярким пламенем».

Стр. 66. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению С. Степанова «Nocturne».

Стр. 67. Н.К. Рерих. Виньетка к очеркам Н.Ф. Николина «На Волге».

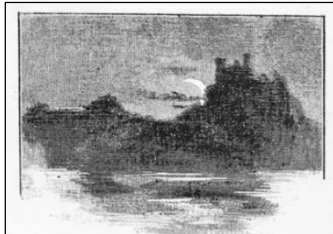
Стр. 80. Н.К. Рерих. В Греках.

Стр. 85. Н.К. Рерих. Виньетка к очерку Н. Николина «На Волге».

Стр. 102. Н.К. Рерих. Виньетка к рассказу В. Шишкарёва «Родная баня».
(авторизованный пер. с финского яз.)

Стр. 119. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению Н. Голикова «В час ночи».

Стр. 136. Н.К. Рерих. Виньетка к очерку Гонбожапа Цыбикова «Добродетельный и порочный».

Стр. 152. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению Вл. Жуковского «Не зови обладанья любовью».

Стр. 163. Виньетка к стихам
Ос. Бальтерманца «Небо сине»

Стр. 178. Н.К. Рерих. Виньетка к рассказу
Евгения Беспятова «Жиган».

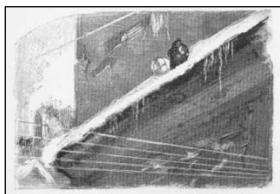
Стр. 179. Н.К. Рерих.
Виньетка к стихотворению
Графа де-ля-Барта «Песнь трубадура».

Стр. 182. Н.К. Рерих.
Виньетка к стихотворению
В. Жуковского «Звезда и Океан»

Стр. 191. Н.К. Рерих.
Виньетка к стихотворению
Вл. Жуковского «Голуби»

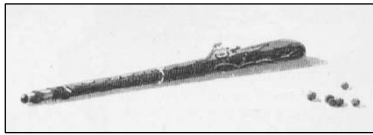
Стр. 192. Н.К. Рерих.
Виньетка к стихотворению
Вл. Жуковского «Звезда и Океан».

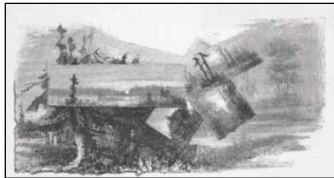
Стр. 205. Н.К. Рерих.
Виньетка к стихотворению
Вл. Жуковского «Паруса».

Стр. 217. Н.К. Рерих. Виньетка к рассказу
Вл. Беренштайна «Слу-у-у-шай!..»

Стр. 239. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению
В. Яшневицкого «Ангел»

Стр. 276. Н.К. Рерих. Виньетка к рассказу
В. Шишмарёва «Хвала уединению».
(авторизованный перевод с финского яз.)

Стр. 304. Н.К. Рерих. Царевич.
Рисунок с эскиза.

Стр. 355. Н.К. Рерих.
Виньетка к стихотворению
Вл. Жуковского «Могильщик».

Стр. 391 Н.К. Рерих.
Виньетка к стихотворению Н. Спиранского
«Соловей».

Стр. 410. Н.К. Рерих. Виньетка к стихотворению
Вл. Жуковского «Пропылило стадо»

Стр. 422. Н.К. Рерих.
Заключительная виньетка.

Стр. 427. Н.К. Рерих.
Виньетка для оглавления.

1896 год

Вечер Богатырства Киевского
(эскиз фрески). 1896.
Холст, масло. 78 X 137 см.
Музей-усадьба Н.К. Рериха в Изваре.
(«Русский богатырский эпос. Как перевелись богатыри на Руси»)

Набросок к картине «**Вечер Богатырства Киевского**». [1896.]
Бумага, карандаш. 11,1 x 24,3 см. Размер листа: 16,9 x 24,3 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк

Вечер богатырства киевского. 1895. (I вариант) (масло)
Первоначально в собрании Е.И. Рерих (Пг.) («Аполлон». 1915 г.)

Вечер богатырства киевского. 1896. (II вариант) (масло)
(«Аполлон». 1915 г.)

Русский богатырский эпос. Как перевелись богатыри на Руси. С эскиза Н.К. Рериха. Рисовал А. Курбатов. Автотипия Эд. Гоппе. (Всемирная иллюстрация. 1897. Т. 58. 1 июля. № 4. Эскиз – с. 75.)

Каменный крест новгородского типа. 1896. Справа внизу подпись и дата: **Н.Рерихъ / 96**. Рукописный архив института истории и материальной культуры в СПб.

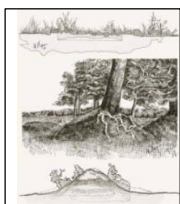
Два карандашных наброска. **Курганы Изжорского плато с.** 1896 *Бумага, граф. карандаш 11.6 x 18 см.* Вверху (перевернуто): **Крушение варяжского судна** (см. ниже). Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Крушение варяжского судна.
Набросок. 1896. Бумага, карандаш.
Лист; 11,6 x 18 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Курганы Ижорского плато. Извара. 1896.
Рисунок. Справа внизу подпись и дата:
Н. Рерихъ / Извара 96.
Археологические рисунки. ИИМК

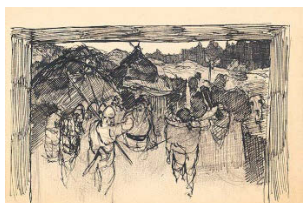
Курганы при деревне Чёрной. 1896.

Первые деревянные церкви на Руси.
1896. Рисунок пером.
Государственная Третьяковская галерея,
отдел рукописей, ф.44.39. л. 40.

Сцена из варяжской жизни.
Эскиз. 1894-96.
Бумага, карандаш, белила. 10,4 x 20,1 см.
Альбомный лист: 15 x 25,9 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Сцена из древней жизни. 1896.
Альбомный лист: 16,9 x 24,3 см
Бумага, карандаш, тушь, перо.
14,8 x 22,6 см,
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Утро богатырства Киевского. 1896.
Всемирная иллюстрация. 1897. Т. 58.
29 ноября. № 23. Эскиз – с. 540.

Эскиз обложки книги «Художники старой Руси. Краткий историко-правовой обзор XVIII века Николая Рериха. Лета 7404».
[1896 г.] Бумага, акварель, тушь, золото. 22 x 17,5 см. Размер альбома 21,4 x 31,6 см.
ГТГ., Арх. Гр - 2383. Альбом в синем переплёте 48 листов с наклеенными рисунками разных лет.

Этюд студента. 1896.
Холст на картоне, масло. 28 × 19 см.
Слева внизу подпись и дата. **Н.Рерихъ 96.**
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.
Из собрания С.Н. Рериха.

1897 год

Ведун. 1897. *Бумага, карандаш.*
Размер листа: 12,5 × 17 см
Государственная Третьяковская галерея.
Альбом рисунков в холщевом переплете.
Арх.Гр.- 2381, л.13 об.

Ведун. 1897.
Бумага, тушь, карандаш. 22,3 × 16 см.
Внизу справа подпись и ниже дата:
Н. Рерих. 97 г.
Государственная Третьяковская галерея.
Инв. № 765-1

Воин, опершийся на меч. 1897.
Бумага, перо, тушь.
на об. **Воин на холме.**
Государственная Третьяковская галерея.
Альбом Гр. 2381. л. 4.

Ворожба. 1897. *Бумага, акварель, золото.*
13,8 × 7,6 см. Лист 14,3 × 9,8 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Гонец. Эскиз. 1897. *Набросок композиции к одноимённой картине. Бумага, тушь, перо, карандаш графитный. Л.: 22,3 × 35,9 см.*
Государственный Русский музей.
Инв. № Р-50497.

Гонец. 1897. *Рисунок пером.*
[Мужчина с веслом. 1897.
Набросок к картине "Гонец".
Бумага, карандаш. 16,9 × 24,4 см.
Государственный Русский музей.
Инв. № Р-50498. (Сок.)]

Гонец. «Восста род на род». 1897.

Холст, масло. 124,7 x 184,3 см.

Из серии "Начало Руси. Славяне".

Государственная Третьяковская галерея.

Инв. № 1616. Приобретено П.М. Третьяковым в 1897 г. у автора.

Мотив Изварского дома . 1897.

Тушь, акварель. Справа внизу под рисунком

надпись: **Мотив изварского дома для**

тарелки. Государственный Музей-

институт семьи Рерихов, СПб.

На чужом берегу. 1897.

Набросок композиции к одноимённой картине. *Бумага,*

перо, тушь. Размер листа: 12,5 x 17 см

Государственная Третьяковская галерея.

Альбом рисунков в холщёвом переплёте.

Арх.Гр.- 2381, л. 6.

На чужом берегу. 1897. Холст, масло. 33,5

x 135 см. Слева внизу подпись: *Н.Р. 97.*

Внизу надпись: *Дорогому <...> Николаевичу*

Сыромятникову. Н.Ре (полустерто)

Саратовский государственный художе-

ственный музей им. А.Н. Радищева. Инв. №

1162.

На чужом берегу. 1897.

Набросок композиции к одноимённой картине. *Картон,*

карандаш. 23, x 31,2 см. На обороте в левом

нижнем углу авт. надпись чернилами: **«На**

чужом берегу». Государственный музей-

институт семьи Рерихов, СПб.

На чужом берегу. 1897.

Беглый набросок композиции

Бумага зеленоватая, карандаш графитный,

белила. Лист: *15 x 16,9 см.*

Государственный Русский музей. Инв. №

Р- 50496.

"Нежданные гости". Беглый набросок

композиции. *[1897.]*

Бумага, тушь, перо. Л.: 13 x 27,3 см.

Государственный Русский музей,

Инв. № Р- 50496.

Нежданные гости. Эскиз неосуществлённой картины. 1897.
Бумага зеленоватая, графический карандаш, белила. 15x16,9 см. (очерчено).
Государственный Русский музей. Инв. Инв. № № Р-50495

Нежданные гости. 1897. Набросок композиции. Бумага, тушь. 13,7 x 28,1 см.
Государственный Русский музей. Инв. № Р-50520.

Ноги в постолах. Наброски. 1897.
Бумага серая, уголь, графический карандаш.
32 x 30,2 см. Государственный Русский музей. Инв. № Р-50623.

Окраина села. Без даты.
Холст, масло. 33 x 45 см.
Из собрания Ю.Н. Рериха, Москва.

Рисунок в письме. 1897.
Рукописный отдел Института литературы РАН. СПб. Ф.294, Стасовы, оп.1, д.443, л.12.

Рисунок Н.К. Рериха в письме к Стасову В.В. 1897

*****

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ..... 7

Великая симфония жизни (Автобиография). Книга 2. АКАДЕМИЯ.

ЧАСТЬ 1. ВЫБОР ПУТИ ЖИЗНИ.

Credo	11
Университет	12
Академия	14
Извлечение из временных правил для поступления в Императорскую Академию Художеств.....	15

1894 год.

К 33-ей годовщине памяти о Тарасе Григорьевиче Шевченко.....	25
Письмо М.О. Микешина к Константину Фёдоровичу Рериху	25
Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М. (14.04.1894).....	26
Письмо Л. Антокольского к Рериху Н.К. (20.04.1894).....	27
Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М. (Апрель 1894).....	28
Стихи Н. Рериха « Нешто вы, барин, хотите кости покою лишать!»	29
Письмо Л. Антокольского к Рериху Н.К. (5.05.1894.)	31
Письмо Л. Антокольского к Рериху Н.К. (14.05.1894.)	34
Заявление в Императорскую Археологическую комиссию (16.05.1894.)	35
Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М. (21. 05.1894.)	37
Письмо А.В. Скалона к Рериху Н.К. (29. 05.1894.)	37
Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М. (29 мая [18]94 г. Мыза Извара).	38
Письмо А. В. Скалона к Рериху Н. К. (10.06.1894.)	40
Н.К. Рерих «СТАРАЯ ШЛЯПОЧКА»	43
Письмо А. Скалона к Н.К. Рериху (15.06.1894.)	44
Письмо - приглашение священника А. Румянцева для Рерих К.Ф. и М.В. на закладку нового Храма в Грызове. (21. 06.1894.)	46
Письмо А. Скалона к Н.К. Рериху. (24.06.1894.)	48
Письмо Л. Антокольского к Рериху Н.К. (27.06.1894.).....	49
Письмо А. Скалона к Н.К. Рериху. (29.06.1894.)	50
Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М. (1.07.1894.)	51
Письмо А. Скалона к Н.К. Рериху (3.07.1894.).....	53
Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М. (8.07.1894.).....	54
Письмо М.О. Микешина к Рериху Н.К. (12.07.1894.).....	55

Письмо Александра Скалона к Николаю Рериху (б/д.) [Июль 1894 г.]	56
Договор А. Скалона и Н. Рериха с крестьянами деревни «Заполье»(17.07.1894.)	57
АЛЬБОМ «Эпизоды из жизни туземцев». (Рисовали А. Скалон и Н. Рерих).	58
Договор А. Скалона и Н. Рериха с крестьянами деревни «Леможа»(20.07.1894.)	69
Письмо из редакции журнала «Природа и люди» Рериху Н.К. (27 июля 1894 г.)	71
Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М. (28. 07.1894.)	72
Письмо Г.М. Бобровского к Рериху Н.К. (17.08.1894 г. ....)	75
О Реформе в Академии Художеств 1894 г. (Из воспоминаний Грабаря И.Э.)	77
Устав кружка начинающих художников для взаимного самообразования. (8.09. 1894.)	79
Список членов кружка самообразования и самоусовершенствования	82
Заявление Н.К. Рериха в Императорскую Археологическую комиссию.	83
Из студенческого дневника Н. Рериха. (<i>сентябрь</i>).	84
Из студенческого дневника (<i>2-13 октября 1894 г.</i>).	87
Письмо М.О. Микешина к Рериху Н.К. (12 октября 1894 г.)	95
Проект правил кружка академистов Императорской Академии Художеств, посвящающих себя самоусовершенствованию.	101
Проект устава кружка самообразования и самоусовершенствования (сокращённый вариант).	103
Слово для первого собрания кружка (18. 10.1894.)	104
Из студенческого дневника Н. Рериха	107
Письмо Л. Саккетти к Рериху Н.К. (24. 10. 1894.)	108
Из студенческого дневника Н. Рериха	108
Программа лекций по основному богословию [<i>с пометками Н. Рериха</i>]	111
Из студенческого дневника Н. Рериха (<i>ноябрь 1894 г.</i>)	129
Из студенческого дневника Н. Рериха (<i>декабрь 1894 г.</i>)	130
1895 г.	
Из студенческого дневника Н. Рериха (<i>февраль 1894 г.</i>)	138
Письмо Микешина М.О. к Рериху Н.К. (8. 02. 1895.)	140
Наброски плана для вечера, посвящённого памяти Т.Г. Шевченко к 26 Февраля 1895 г.	145
Письмо Микешина М.О. к Рериху Н.К. (26. 02. 1895.)	146
Письмо Микешина М.О. к Рериху Н.К. (1. 03. 1895.)	148
Письмо Влад. Николаевича Федоровича к Рериху Н.К. (3. 03. 1895.)	149
Из студенческого дневника Н. Рериха	150
Краткий конспект по русским юр. древностям (сост. В. Сергеевым)	151
Письмо из редакции «Звезда» Н.К. Рериху (18. 03. 1895 г.)	156
Н.К. Рерих [Дух Платона] (рассказ)	156
Из студенческого дневника Н. Рериха	158
<i>Послание Соломирского Н.Рериху, писанное в Изваре в 1895 г.</i>	161
Из студенческого дневника Н. Рериха	163
Письмо Н.К. Рериха в Боснийское издание «Нада» (<i>7. 05. 1895.</i>)	164
Прошение Рериха Н.К. на имя Ректора Императорского С.Пб. Университета. (18 мая 1895 г.)	166
Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М. (<i>28. 05.1895.</i>)	164
Письмо А. Скалона к Рериху Н.К. (<i>2. 06. 1895.</i>)	167
Н.Рерих «ИЗ БЫЛОГО. ПОМЕЩИЦА» (рассказ)	169
Н. Рерих «Избавление» (этюды)	174
Письмо Л. Антокольского к Н.К. Рериху (<i>6. 06. 1895.</i>)	
Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.	175

Из студенческого дневника Н. Рериха	175
Н.К. Рерих «ТУЗЕМЕЦ АРХЕОЛОГ» (рассказ)	179
Письмо Н. К. Рериха к Антокольскому Л.М. (24. 06 1895.)	180
Письмо Владимира [Федоровича] к Н.К. Рериху (7. 07. 1895.)	182
Из студенческого дневника Н. Рериха	183
Грамоты. Н. Рерих «ИЮЛЯ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАГО..»	186
Письмо Воропанова Глеба Ф. к Рериху Н.К. [<i>Начало августа 1895 г.</i>]	189
«Калитинский могильник. Санкт-петербургская губерния, Царскосельский уезд, Сосницкая волость, в парке имения Калитино»	195
Из студенческого дневника Н. Рериха (4 сентября 1895 г.)	196
Из студенческого дневника Н.К. Рериха. (2 октября 1895 г.)	196
Свидетельство Н.К. Рериха «О явке к исполнению воинской повинности»	197
Литературный сборник студентов С.-Петербургского университета (с иллюстрациями Н. Рериха)	199-220

ЧАСТЬ II. МАСТЕРСКАЯ КУИНДЖИ

Из студенческого дневника Н.К. Рериха. (30 октября 1895 г.)	222
Из воспоминаний. Н.К. Рериха «МАСТЕРСКАЯ КУИНДЖИ» (1908 г.)	223
Н.К. Рерих «ГУРУ – УЧИТЕЛЬ» (1930 г.)	225
Из студенческого дневника Н. Рериха (16-22 ноября 1895 г.)	228
Н.К. Рерих «В НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО» (рассказ)	229

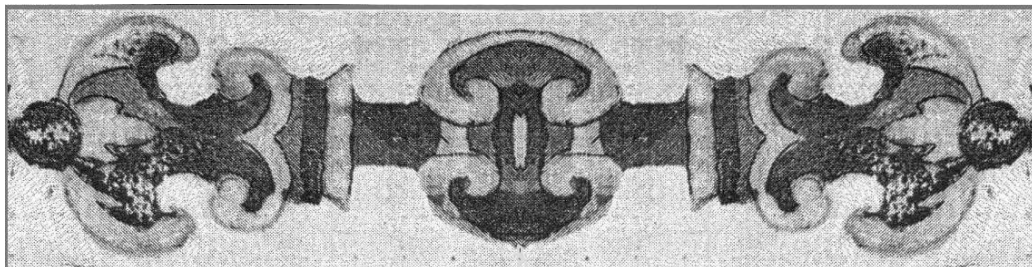
1896 г.

Письмо Н.К. Рериха к Забелину И.Е. (7. 02. 1896.)	233
Письмо Ив. Забелина к Рериху Н.К. (10. 02. 1896.)	235
К ЗАКРЫТИЮ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ 12 февраля 1896 г.	235
Н.К. Рерих «ХУДОЖНИКИ ВРЕМЕНИ СТОГЛАВА И ГОСУДАРЕВА ИКОННОГО ТЕРЕМА »	236-257
Его Преподобию отцу Владимиру священнику Киево-Печерской Покровской церкви. (Прошение Н.К. Рериха)	258
Разрешение Императорской Археологической комиссии на право произведения Н.К. Рерихом раскопок (24. 04. 1896.)	259
Письмо Н.К. Рериха к Спицину А.А. (3 мая 1896 г. Извара.)	260
Н.К. Рерих «Отчёт о раскопках 1896 года...» (1. 06. 1896.)	261
Прибавление к отчёту о раскопках 1896 года, произведённых Н.К. Рерихом. (1. 09. 1896.)	278- 285
Краткий историко-правовой обзор XVIII века Николая Рериха. Лета 7404». [1896 г.] (Зачётная работа Н.Рериха «Художники старой Руси»)	286 - 313

1896 г.

Р. Изгой «Очерк русского художества в 1896 году» (14. 01. 1897.)	315-322
Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В. (<i>Приложение</i>) Н.К. Рерих «По поводу V выставки картин С.-Петербургского общества художников» (24. 02. 1897.)	323
Грамоты (<i>Из воспоминаний Н.К. Рериха</i>)	325
Письмо В.В. Стасова к Рериху Н.К. (26. 02. 1897.)	326
Приложение. «НЕХИТРЫЙ СКАЗ ПРО БОГАТЫРЯ ИВАНИЩА И ПРО ТУГАРИНА ЗМЕЕВИЧА»	329
Н.К. Рерих «СВЕЧИ ГОРЕЛИ...» (стихи) (24. 03. 1897.)	332
Письмо В.В. Стасова к Рериху Н.К. (10. 05. 1897.)	336
Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В. (14. 05. 1897.)	337
Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В. (фрагмент) (11. 07. 1897.)	337
Письмо В.В. Стасова к Рериху Н.К. (12. 06. 1897.)	339

Былина Н.К. Рериха к серии "Начало Руси. Славяне"	
«ДРЕМЛЕТ ЗЕМЛЯ СВЯТОРУССКАЯ...»	341
Н.К. Рерих. «КАК ПЕРЕВЕЛИСЬ БОГАТЫРИ НА РУСИ». (12. 07.1897.)	346
Письмо В.В. Стасова к Н.К. Рериху (31. 07. 1897.)	348
Реферат Н.К. Рериха «Изварский могильник (предполагаемые погребения древней воды)». (19. 09. 1897.)	351-361
Хроника. Выставка конкурсных работ Высшего художественного училища (ноябрь 1897 г.)	362
Ведун. Этюд Н. К. Рериха.	368
Н.К. Рерих. Утро богатства Киевского. (29.11. 1897.)	370
Хроника. (О получении звания художника и чествовании бывшего профессора-руководителя А.И. Куинджи) (9. 12. 1897.)	371
Былина Н. Рериха, посвящённая А.И. Куинджи	
«БЛАСЛОВИТЕ ОСУДАРИ – ПРО ДЕЛА ИКОННА ТЁРЕМА...»	373
Из воспоминаний Н.К. Рериха о посещении Л.Н. Толстого.	381
Диплом об окончании Императорской Академии Художеств. (20.03.1898.)	384
Библиография Список иллюстраций.	385
Каталог художественных произведений Н.К. Рериха (1893 – 1897 гг.)	390-410
Оглавление	411

НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ ОТПЕЧАТАНО В 14 ЭКЗЕМПЛЯРАХ

№ 14

НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ ОТПЕЧАТАНО В 15 ЭКЗЕМПЛЯРАХ

№ 15

Экз. № 15